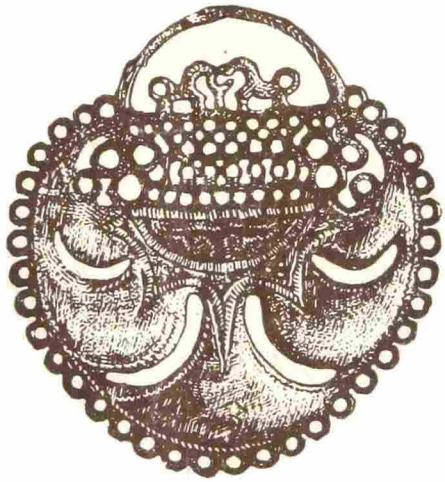
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1978

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
М. Г. Мошкова (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев,*
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Акишев К. А. (Алма-Ата). Археология Казахстана. Основные направления и итоги 5
Скакун Н. Н. (Ленинград). Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трасологического исследования) 15
Масленников А. А. (Москва). Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н.э. 24
Сапрыкин С. Ю. (Москва). О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма 38
Засецкая И. П. (Ленинград). О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (Постановка вопроса) 53
Абрамова М. П. (Москва). К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа 72
Марковин В. И., **Ошаев Х. Д.** (Москва). О местоположении ясского города Дедякова 83
Школьникова Н. А. (Москва). Стеклянные украшения конца I тысячелетия н.э. на территории Поднепровья 97
Хрушкова Л. Г. (Сухуми). Плиты алтарной преграды из Цебельды (Абхазия) 105
Кызласов И. Л. (Москва). Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) 122
Гульмурадов Д. (г. Теджен, Туркм. ССР). Возникновение и развитие обмена и торговли в Южном Туркменистане 142

Публикации

Журавлев А. П., Врублевская Э. Л. (Петрозаводск). Ранний этап металлообработки в Карелии 154
Иванов В. А. (Уфа). Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии 166
Кабанов С. К. (Самарканд). Раскопки сельского поселения III—V вв. н.э. близ Карши 178

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1978 г.

Косяненко В. М., Флёров В. С. (Ростов-на-Дону). Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) 192
Терский-Шеломенцев В. С. (Львов). Исследования детинца Звенигорода Галицкого 206
Фахрутдинов Р. Г. (Казань). Новые археологические памятники Волжской Булгарии 216

Заметки

Фролов А. С., Жилин М. Г. (Москва). Новый памятник мезолита на Верхней Оке 228
Никитин А. Л. (Москва). Стоянка Теремки на Плещеевом озере 233
Сериков Ю. Б. (Нижний Тагил). К вопросу о технике пиления в неолите и бронзе Лесного Зауралья 237
Зайберт В. Ф., Плешаков А. А. (Петропавловск КазССР). Результаты исследований памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинке 242
Бадер О. Н., Черников В. Ф. (Москва). Новый могильник сейминского типа на Оке 250
Сабиров К. С. (Ленинград). Раскопки крепостной стены кушанского городища Зар-тепе 254
Янин В. Л. (Москва). О продолжительности строительства Новгородского кремля конца XV в. 259

Критика и библиография

Крижевская Л. Я. (Ленинград). Письмо в редакцию 261
Кушнарева К. Х., Джапаридзе О. М. (Ленинград, Тбилиси). Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975 268
Паавер К. Л. (Тарту). Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974 279
Гришин Ю. С., Матюшин Г. Н. (Москва). Рец. на кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975 281
Краснов Ю. А. (Москва). Рец. на кн.: Работы по археологии в «Трудах Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики» (вып. 48 и 52). Саранск, 1975, 1976 286
Седов В. В. (Москва). Dostal B. Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožsky dvorec. Brno, 1975 292
Рыбина Е. А., Хорошев А. С. (Москва). Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975 294
Хлебникова Т. А. (Казань). Рец. на сб.: Исследование Великого города. М., 1976 299

Хроника

Козенкова В. И. (Москва). VI Крупновские чтения (Краснодар, 1976) 308
Головачева Н. В. (Ленинград). Всесоюзное совещание «Типология и социальная структура древнего и средневекового города» 312
Елена Александровна Халикова 316

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 1
1978

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

Akichev K. A. (Alma-Ata). L'archéologie du Kazakhstan. Principales directions et conclusions 5
Skakoun N. N. (Léningrad). Outils du Tripolié ancien trouvés dans le village d'Alexandrovka (d'après l'étude expérimentale et traçologique) 15
Maslennikov A. A. (Moscou). La composition ethnique de la population des villes bosporiennes aux VIe et Ve siècles av. n. è. 24
Saprykine S. You. (Moscou). Le culte d'Héraclès à Chersonèse et à Héraclée à l'époque de l'hellénisme 38
Zassetzkaïa I. P. (Léningrad). Chronologie et appartenance culturelle des monuments des steppes de la Russie méridionale et du Kazakhstan à l'époque des Huns 53
Abramova M. P. (Moscou). Le problème de la culture des Alains dans le Caucase septentrional 72
Markovine V. I., Ochaiev Kh. D. (Moscou). Où se trouvait la ville yass de Dédiakov? 83
Chkolnikova N. A. (Moscou). Des bijoux de verre de la fin du Ier millénaire de notre ère trouvés dans la région du Dniepr 97
Khrouchkova L. G. (Soukhoumi). Dalles d'une clôture de sanctuaire trouvées é Tsébelda (Abkhazie) 105
Kyzlassov I. L. (Moscou). Les kourganes médiévaux des Hakass, du XIIIe au XIVe siècles. La culture d'Askiz à l'époque mongole 122
Goulmouradov D. (Tedjen, RSS de Turkménie). Formation et développement des échanges et du commerce dans le Sud du Turkménistan 142

Publications

Jouravlev A. P., Vroublevskaïa E. L. (Pétrozavodsk). L'étape initiale du travail des métaux en Carélie 154
Ivanov V. A. (Oufa). Les constructions défensives des goroditchés du début de l'Age du Fer dans le Nord-Ouest de la Bachkirie 166
Kabanov S. K. (Samarkand). Les fouilles d'une agglomération rurale des IIIe-Ve siècles, près de Karchi 178
Kossianenko V. M., Fliorov V. S. (Rostov-sur-le-Don). Les chaudières coulées en bronze de la région du Don inférieur. Typologie et chronologie 192
Terski-Chelomentsev V. S. (Lvov). Le diétinietz de Zvénigorod en Galicie . . . 206
Fakhroutdinov R. G. (Kazan). De nouveaux monuments archéologiques en Bulgarie volgienne 216

Notices

Frolov A. S., Jiline M. G. (Moscou). Un nouveau monument du mésolithique dans la région de la haute Oka 228
Nikitine A. L. (Moscou). La station de Téremki sur le lac Pléchtchéiévo 233
Sérikov You. B. (Nijni Taghil). La technique du sciage au néolithique et à l'Age du Bronze dans les régions sylvestres à l'Est de l'Oural 237
Zaïbert V. F., Pléchakov A. A. (Pétropavlovsk, RSS de Kazakhie). Résultats de l'étude des monuments énéolithiques et du début de l'Age du Bronze sur les rives de la Tchaglinka 242
Bader O. N., Tchernikov V. F. (Moscou). Un nouveau champ funéraire du type Séima sur l'Oka 250
Sabirov K. S. (Léningrad). Fouilles de l'enceinte du goroditché kouchanien de Zar-tépé 254
Ianine V. L. (Moscou). A propos de la durée des travaux de construction du kremlin de Novgorod (fin du XVe s.) 259

Critique et bibliographie

Krijevskaïa L. Ia. (Léningrad). Lettre à la rédaction 261
Kouchnareva K. Kh., Djaparidzé O. M. (Léningrad, Tbilissi). Mountchaev R. M.: Le Caucase à l'aube de l'Age du Bronze. Moscou, 1975 . . . 268
Paaver K. L. (Tartu). Bökönyi S.: History of Domestic Mammals in Central and eastern Europe. Budapest, 1974 279
Grichine You. S., Matiouchine G. N. (Moscou). Analyse de l'ouvrage: La Yakoutie et ses voisins dans l'antiquité. Yakoutsk, 1975 281
Krasnov You. A. (Moscou). Analyse du livre: Ouvrages sur l'archéologie, dans les «Travaux de l'Institut mordve de recherche scientifique sur la langue, la littérature, l'histoire et l'économie». (fasc. 48 et 52). Saransk, 1975—1976 286
Siédov V. V. (Moscou.) Dostal B. Breclav-Pohansko. Velkomoravksy velmozisky dvorec. Brno, 1975 292
Rybina E. A., Khorochev A. S. (Moscou). Ianine V. L. «Je t'ai envoyé une missive sur écorce de bouleau». 2ème éd.; Moscou, 1975 294
Khlebnikova T. A. (Kazan). Analyse d recueil: Etude du Veliki gorod. Moscou, 1976 299

Chronique

Kozenkova V. I. (Moscou). VIe Conférence «Kroupnov». (Krasnodar, 1976) 308
Golovatchéva N. V. (Léningrad). La Conférence nationale sur la «Typologie et structure sociale de la ville antique et médiévale». Léningrad, 1976 . . . 312
E. A. Halikova 316

К. А. АКИШЕВ

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ

Археологическая наука Казахстана достигла больших успехов за годы Советской власти [1].

В последнее десятилетие (1968—1977 гг.) археология Казахстана вступила в новый этап развития, связанный с совершенствованием организации экспедиционных работ и материально-технической оснащенностью исследований, применением методов точных и естественных наук. При отделе археологии Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР созданы два сектора первобытной и средневековой археологии, проблемная лаборатория археологической технологии, Музей археологии. Отдел и его подразделения размещены в новом помещении, лаборатория оснащена современным оборудованием, позволяющим вести реставрационные, спектрографические и петрографические исследования.

В конце 1970 г. распоряжением президиума республиканской Академии наук была организована Южно-Казахстанская археологическая экспедиция для комплексного изучения Южного Казахстана. Генеральный план работ рассчитан на 20 лет. Он предусматривает историко-археологическое, историко-географическое и палеоантропологическое направление исследований. Экспедиция имеет хорошее материально-техническое обеспечение: землеройные механизмы, стационарную базу на месте раскопок.

Концентрация сил и средств для изучения древностей сравнительно локального региона или ведение многолетних раскопок крупного археологического объекта имеет серьезные преимущества перед работами разрозненных археологических групп. В качестве примера можно привести результаты многолетних раскопок Пенджикента (А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов, А. М. Беленицкий), Новгорода (А. В. Арциховский) или итоги работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) АН ТССР (М. Е. Массон) и Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (С. П. Толстов).

Основным объектом многолетних раскопок Южно-Казахстанской экспедиции были избраны руины средневекового города Отрара (рис. 1), имя которого известно по письменным арабо-, персо- и тюркоязычным источникам с IX в. н. э. С именем этого крупного города связан ряд известных исторических событий в экономической и политической жизни Средней Азии и Казахстана эпохи средневековья.

Изучение истории древнего Отрара, памятников его оазиса и периферии включает круг узловых проблем, решение которых прольет свет не только на генезис материальной и духовной культуры казахского народа, но и на некоторые вопросы политической и социальной истории Средней

[1] *Акишев К. А.* Археология Казахстана за советский период.— СА, 1967, № 3.

Рис. 1. Городище древнего Отрара (перспективный аэрофотоснимок)

Азии в целом. В этом плане комплексный характер работ включает участие в них не только различных специалистов-гуманитариев с постановкой ряда историко-археологических, историко-экономических, историко-лингвинистических и других тем, но и в первую очередь раскопки памятников разных эпох, расположенных как в самом оазисе, так и на территориях, прилегающих к нему, и охватывающих всю долину р. Арыси, низовья Сырдарьи, южные и северные склоны Каратау, низовья рек Чу и Сарысу, северное Приаралье. Эти работы ведутся одновременно с масштабными раскопками городища древнего Отрара.

В течение 1967—1970 гг. была начата и завершена подготовка городища древнего Отрара и других опорных памятников к многолетним раскопкам. Она включала: маршрутно-поисковые работы (сплошная наземная разведка), картирование, описание и датировку всех памятников, как ранее известных, так и обнаруженных впервые, обмеры и съемку планов всех памятников оазиса и его периферии. Был снят в масштабе 1 : 200 план городища Отрар и его пригорода, общая площадь которых равна 2000 *га*; выполнены крупномасштабные планы городищ, намеченных к раскопкам в ближайшие годы. Проведена плановая и перспективная аэрофотосъемка большинства памятников городской культуры Отрарского оазиса, долины р. Арыси и южных склонов Каратау. Выполнены крупномасштабные фотопланы Отрара, Саурана, Сыгнака, Ордакента, Карачука, Аркука, Шавгара. Авиаразведка и наземное дешифрование аэрофотоснимков дали большое количество новой информации о топографии и планировке городищ, о состоянии и характере ирригационных сооружений, о площадях земель древнего орошения. В окрестностях городища Сауран впервые обнаружены остатки кяризной системы, упоминаемой в сочинении Васифи [2]. В итоге разведочных работ составлена подробная археологическая карта датированных памятников земледельческой культуры, на которую кроме уже известных было нанесено около 80 новых городищ, поселений и усадеб.

---

[2] *Акишев К. А., Байпаков К. М.* Кяризы Саурана.— Вестн. АН КазССР, 1973, № 4, с. 76—78.

Рис. 2. Раскоп в северо-западной части Отрара

Рекогносцировочные раскопы и шурфы ставились на разновременных опорных памятниках, стратиграфическая колонка которых могла бы быть эталоном для датировки других городищ и поселений региона. Такими памятниками являлись поселение I—VIII вв. Кос-тобе (южное); поселение III — VII вв. Жарты-тобе; усадьба VII — VIII вв. Ботай-тобе и городище V—XVIII вв. Отрар-тобе. В итоге были уточнены или изменены существующие в археологической литературе датировки средневековых городищ Южного Казахстана. Открытие большого количества городищ позволило по-новому, на достаточно твердой основе локализовать и отождествить с упоминаемыми в письменных источниках средневековые города: Карачук, Карнак, Шагильджан, Субаникет, Яганкент, Карасеман, Аркук, Аккурган, Узгент, Ордакент. Представилось возможным на основе изучения многочисленных керамических коллекций и поисков синхронных аналогов к ним в датированных памятниках Семиречья, Шаша, Ферганы, Согда, Хорезма, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа выделить своеобразные комплексы керамики и предположительно связать их с конкретными этническими наименованиями, в частности с ассами (I—IV вв.), огузами и печенегами (VIII—X вв.) и кипчаками (XII—XIV вв.) [3].

Раскопки городища Отрар были начаты в 1971 г. и ведутся методом вскрытия больших горизонтальных площадей.

В течение шести полевых сезонов исследована территория города XVI—XVIII вв. площадью 7 *га*, что составляет третью часть всей площади Шахристана позднесредневекового Отрара. В 1971—1972 гг. исследовалась северо-западная часть городища (рис. 2) на площади 1,5 *га*, в 1973 г.— юго-западная на такой же площади. В 1974—1976 гг. вскрытие верхнего слоя проводилось в восточной части Отрара, примыкающей к крепостной стене, и в центре городища; площадь исследованных территорий составляет около 4 *га*. Изучались также позднесредневековая усадьба на территории древнего рабада и оборонительные сооружения Отрара.

[3] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972.

В результате проведенных работ планировочный и архитектурный облик Отрара XVI—XVIII вв. выявлен практически полностью. На площади в 7 *га* вскрыты свыше 1100 жилых и хозяйственных строений.

Жилые массивы позднесредневекового Отрара имели сплошную застройку. Дома поставлены вплотную друг к другу, частая уличная сеть связана с дорогой, которая соединяет северные и южные ворота города. Параллельно основной артерии города внутри жилых массивов проложены магистральные улицы, которые густой сетью коротких улочек и переулков соединяются с главной дорогой Отрара. В местах пересечения улиц зачастую расположены небольшие площади.

Основной застроечный компонент города — квартал, под которым понимается группа из 6—15 домовладений, ограниченных улицей или участком улиц. В плане кварталы подпрямоугольные или трапециевидные, их площадь достигает 2500 $м^2$ и внутренняя планировка восстанавливается достаточно полно. Большинство жилых кварталов имеет внутри небольшие площадки-дворики. Со стороны магистральных улиц стены домов, как правило, глухие. Такие же глухие стены тянутся вдоль узких связующих переулков между кварталами.

В настоящее время на Отраре раскопано полностью 20 кварталов.

В результате раскопок получено также полное представление о жилище позднесредневекового Отрара. Основная жилая ячейка в простейшем случае — отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными неоднократно повторяется, т. е. с возрастанием площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, архитектурно-планировочное решение во всех случаях следовало единому традиционному типу.

Дома были двух типов: 1 — вытянутые по оси, когда два, три или четыре помещения располагались в ряд по одной линии в виде анфилады; 2 — дома с комнатами, расположенными попарно друг против друга, причем обычно в таких домах всего четыре комнаты. Центральным жилым помещением в домах обоих типов была комната с универсальной печью. Все пространство такой комнаты занято суфой, и лишь перед очагом устраивалась углубленная до основания его устья площадка, вымощенная жженым кирпичом. Здесь же, под ней, имелось сливное устройство — ташнау. Рядом располагались тумбовидные подставки-жаровни, круглые столики для жерновов, различная утварь — горшки, кувшины, чаши. Другие помещения использовались как кладовые. В них устроены закрома с глиняными стенками, на полу стоят большие сосуды для хранения зерна и жидкостей, в углах имелись погреба для хранения мясных и молочных продуктов.

В суфу вмазывалась печь-тандыр с закраиной в виде широкого массивного обода, опущенного под уровень суфы. Устье топки выводилось на край суфы в уровень с полом. Напротив топочного отверстия или сбоку в тулове печки находилось отверстие дымохода, канал которого прокладывался в суфе до ближайшего угла или стены помещения, шел внутри ее в виде колодца и выходил наружу.

Как уже говорилось, печи в жилых помещениях имели универсальное назначение. В них можно было поставить казан для варки пищи, испечь лепешки (здесь есть характерные для тандыров нарезки на бортах). Печи обогревали помещения с помощью системы дымоходов типа канов. Сверху печка закрывалась массивной плоской крышкой с грибовидной ручкой.

В жилых помещениях имелись также дополнительные очаги на специальной глинобитной тумбе, которая пристраивалась вплотную в суфе наискось от печки-тандыра. Их назначение не совсем ясно, возможно, в них хранили раскаленные угли и они служили своего рода сандалами.

В юго-восточной части города раскопана, по-видимому, квартальная мечеть. Фасадом здание выходит на небольшую площадь, образованную

пересечением трех улиц. Комплекс состоит из зала площадью около 100 $м^2$ и примыкающей к нему с восточной стороны двухрядной анфилады подсобных помещений, среди которых находится кухня для приготовления ритуальной пищи, комната для омовений, комната служителей культа. Постройка выделяется монументальностью, широким применением доброкачественного сырцового и жженого кирпича, в отделке здания применялся фигурный резной кирпич.

В жилых и хозяйственных помещениях обнаружена большая коллекция всевозможной хозяйственно-бытовой утвари: полихромная глазурованная и неполивная глиняная посуда различного функционального назначения; многочисленные изделия из камня — жернова ручных зернотерок и мельниц, песты, терочники, отбойники; изделия из железа — ножи, скобы, гвозди. Разнообразны женские украшения — серебряные и бронзовые браслеты, серьги, бусы из цветного камня и специальной пасты. Находки характеризуют быт и культуру населения позднесредневекового Отрара, воссоздают реальную картину жизни города.

В результате работ на Отраре установлена ремесленная специализация населения отдельных кварталов Отрара XVI—XVIII вв. В северо-восточной части города проживали гончары, причем их мастерские находились в комплексе с жилыми домами. Одна из мастерских, например, состояла из четырех помещений и двора, в которых находились три печи. Две гончарные печи располагались во дворе и функционировали, видимо, летом, третья была в жилом помещении и работала зимой. Две комнаты этой мастерской предназначались для хранения глины и сушки изделий перед обжигом. Все печи овальные в плане, двухъярусные, наибольший диаметр их 1,2 *м*. Обжигательная камера сферической формы, в поду сделаны семь продухов, в боковой стенке — овальный лаз для загрузки печи. Высота отопительной камеры 0,8 *м*; воздух в нее поступал по длинному наклонному желобу, проложенному в суфе, а дым из нее выходил через канал в стене помещения.

В мастерской найдены жернова для растирания стеклообразной массы и песка, тигель для ее варки, шарики поташа, палитра для красок, наковаленки. Готовая продукция гончара хранилась в специальной яме. В одной из таких ям обнаружено около двух десятков водоносных кувшинов, подготовленных ремесленником на продажу. Всего на Отраре раскопано шесть печей XVI в., что говорит о развитом гончарном производстве, работавшем на рынок.

Квартал хлебопеков располагался у западной стены города. Для него характерны небольшие дома-мастерские с парными тандырами, в которых выпекали лепешки. Почти в каждом доме этого квартала имелись амбары с ларями для хранения муки. Частые находки медных монет в домах — свидетельство выпечки хлеба на рынок.

В одном из отрарских кварталов был выделен дом кузнеца. Его хозяин одновременно был и «металлургом», т. е. сам выплавлял кричное железо, из которого затем изготавливал сельскохозяйственный инвентарь — лемеха для пахотных орудий и кетмени. Эти изделия обнаружены в комнате, служившей складом. Для выплавки железа кузнец использовал древесный уголь. Яма-хранилище находилась в углу мастерской.

Большой интерес представляет дом, названный «домом ткача». Здесь на полу в завале стен и кровли обнаружены обломки ткацкого станка, куски шерстяной и хлопчатобумажной ткани, а в одном из закромов дома найдены семена хлопка. Таким образом, можно считать установленным факт возделывания этой технической культуры в Отрарском оазисе и переработку ее в пряжу и ткань жителями города.

Один из кварталов в юго-западной части Отрара состоял из ряда малых помещений, открытых в сторону внутриквартальной улицы. Эти помещения являлись составной частью многокомнатных домов, которые, по-видимому, образовывали торговую улицу с рядом лавок.

Таким образом, в XVI—XVII вв. Отрар был развитым городом, с кварталом гончаров, обеспечивавших товаром внутренний и, возможно, внешний рынок; кварталом хлебопеков, снабжавших хлебом заезжий люд: торговыми рядами и различными мастерскими, обслуживавшими население. Все эти данные довольно полно характеризуют жизнь позднесредневекового среднеазиатского города.

Сопоставительное изучение городской планировки, характера застроек и состава находок в домах позволяет поставить вопрос о социальной структуре квартальных общин Отрара. Домовладения в кварталах, тяготеющих к центральной части города, отличаются бóльшим размером домов, бóльшим числом помещений, улучшенной планировкой. Напротив, в кварталах, расположенных у западной стены города, преобладают небольшие одно- и двухкомнатные дома, с небрежно, как бы наспех сложенными стенами. В домах зажиточного населения при строительстве широко использовался жженый кирпич, в отделке интерьера применялись художественные керамические плитки, а в хозяйственных помещениях устраивалось много ларей, погребов и хумов для хранения продуктов. К тому же в одном из зажиточных домов был найден клад из 997 медных и серебряных монет.

По какому принципу складывались квартальные общины на Отраре — по семейно-родственному или территориально-хозяйственному, пока неясно. В ходе работ делалась попытка выяснить происхождение обитателей квартала по тамгам, встречаемым на керамике и жженых кирпичах. Однако установить закономерность в размещении этих знаков по кварталам удается не всегда. Больше того, иногда в домах находились предметы с тамгами, нанесенными поверх перечеркнутой старой тамги. И все же присутствие родовых тамг на изделиях из керамики и жженых кирпичах очень важно, ибо указывает на этническую принадлежность городского населения Отрара. Наиболее часто встречаются тамги кыпчаков, канглы, кереев, иногда дулатов [4].

Масштаб раскопок на Отраре позволил произвести экспериментальные демографические расчеты. Количество населения Отрара в XVI—XVII вв. определялось следующим образом: по числу домовладений в квартале устанавливалась численность жителей одного квартала, а затем по общему количеству кварталов в городе — количество всех жителей города. Такой метод для определения населения Варахши предложил в свое время В. А. Шишкин [5]. В основу подсчетов он положил соотношение площадей города и отдельной усадьбы. Определив общее количество домовладений в городе, он подсчитал численность его жителей.

Площадь одного жилого квартала в Отраре в среднем равна 1500 $м^2$. Площадь города в XVI в.— 20 *га*, или 200 000 $м^2$. Если учесть, что часть ее была занята зданиями общественного назначения (мечети, бани и т. д.), улицами, площадями и базарами, и считать, что все они занимали четвертую часть площади города, то территория, занятая кварталами, составляла не менее 15 *га*, или 150 000 $м^2$. Таким образом, вероятно, в позднесредневековом Отраре было не более 100 жилых кварталов. Количество жилых домов в каждом квартале колебалось от 6 до 15, в среднем на каждый квартал приходилось по 10 домов. Каждое из домовладений принадлежало отдельной семье, которая, судя по этнографическим аналогиям, состояла из пяти — семи человек. Значит, в квартале проживало 50 — 70 человек. Зная количество жителей в одном квартале и общее число жителей кварталов в городе, все население Отрара в XVI—XVII вв. можно определить в 5—7 тыс. человек [6].

[4] *Ахинжанов С. М.* К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара.— В сб.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 49—59.

[5] *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963, с. 106.

[6] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар XVI—XVIII вв. по итогам раскопок 1971—1973 гг.— В сб.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 32.

Значительные работы проведены по изучению торговли и денежного обращения в Отраре, развития орошаемого земледелия и систем бытового и хозяйственного водоснабжения города. Наземное обследование с привлечением материала аэрофотосъемки позволило обнаружить в Отрарском оазисе многочисленные остатки поливного земледелия. Ирригационная сеть наносилась на карту, остатки оросительных систем и гидротехнических устройств подробно изучались [7].

Были обследованы следы ранней оросительной сети (V—VII вв.): обвалованные старицы, русла арыков, позволяющие судить о зарождении искусственных гидросооружений в Отрарском оазисе.

Помимо этого, здесь изучаются следы четырех разновременных, более поздних оросительных систем. Это — Сабгал-арык (VII—IX вв.), Каракунчук-арык (XIII—XIV вв.) и Темир-арык (XIV—XVII вв.). Магистральные каналы названных систем выведены из Арыси. Головные сооружения до наших дней не сохранились. Ирригационные трассы имеют ветвистую конфигурацию, они различной степени сохранности, их средняя протяженность около 30 *км*. На основе аэрофотоснимков и маршрутных поисков ведутся работы по составлению карты земель древнего орошения Отрарского оазиса.

Изучена также оросительная система Ак-арык, расположенная на левом берегу Сырдарьи в районе городища Оксыз, отождествляемого со средневековым городом Весиджем. Здесь зафиксировано несколько разновременных головных каналов, отстоящих друг от друга вверх по Сырдарье на 200—500 *м*. Сам магистральный канал Ак-арык особым изменением не подвергался. Обследованием установлено, что гидротехнические сооружения Оксыза существовали с VII по XIV в.

Водохозяйственные нужды Отрара обеспечивало большое водохранилище. Строительство водохранилища велось в два этапа: в X—XII вв. функционировал резервуар малого объема, в середине XIII в. с его юго-восточной стороны соорудили дополнительный котлован. В таком виде оно просуществовало до XVII в. К началу XVIII в. сохранился уже небольшой водоем, который к началу XIX в. был окончательно заброшен. К этому же периоду относится прекращение жизни на Отраре [8].

На территории средневекового Отрара за годы раскопок найдено 3000 монет. Медные монеты можно разделить на две группы. Группу первую составляют монеты, время выпуска которых выясняется из надписей или по типовым признакам. Монеты этой группы чеканены и надчеканены в разных городах (Бухаре, Самарканде, Шахрухийе, Хисаре и др.) в XV — начале XVI в.[9] Надчеканы позволяют уточнить время их появления в Отраре: конец XV — начало XVI в. Но обращались здесь они значительно дольше.

Вторая половина XV — первая четверть XVI в. была временем максимального развития в Средней Азии товарно-денежных отношений, особенно в сфере мелкотоварного производства и различной торговли, которую и обслуживали медные монеты, подобные упомянутым выше [10]. Находки именно таких монет в Отраре дают все основания заключить, что город этот был вовлечен в общесреднеазиатский процесс и что в Отраре уровень товарно-денежных отношений на названном отрезке времени достиг максимального развития.

---

[7] *Грошев В. А.* Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса.— В сб.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.

[8] *Грошев В. А.* Водохранилище средневекового Отрара.— В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 36—45.

[9] *Бурнашева Р. З.* Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 гг.— В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 163сл.

[10] *Давидович Е. А.* О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии.— Народы Азии и Африки, № 6, 1965, с. 83сл.

Вторая группа медных монет, найденных в Отраре, не имеет дат, поэтому не может служить полноценным источником для характеристики товарно-денежных отношений. Но некоторые соображения могут быть высказаны. Выпущены эти монеты, безусловно, не ранее XVI в., это нижняя хронологическая граница. Верхняя хронологическая граница — конец XVIII в., когда четко обозначился упадок Отрара как торгово-экономического центра. Следовательно, недатированные эти монеты могли обращаться в XVI—XVIII вв. В XVI в. монетный двор работал в городе Яссы (Туркестан), и его продукция встречается в Отраре. В Отраре обнаружены и серебряные, преимущественно джанидские монеты XVII в. Два клада таких монет [11] были отложены в третьей четверти XVII в. Комплекс этих находок позволяет предположить, что в Отраре на протяжении некоторого времени и после периода максимального развития товарно-денежных отношений существенных изменений в состоянии товарного производства и торговли не произошло. Но пока без точного определения времени выпуска и продолжительности обращения мелких монеток, обслуживавших розничную торговлю, мы не можем обозначить ни общую продолжительность столь благополучного состояния товарно-денежных отношений, ни начало спада и сокращения городской торговли.

Новые археологические данные свидетельствуют о распространении городской культуры в XVI—XVII вв. на значительно более широкой территории, чем район среднего течения Сырдарьи. На северных склонах Каратау, на границе пустыни Бетпак—Далы, поисковыми работами обнаружены остатки таких позднесредневековых городищ, как Куль-тобе, Ран, Тас-тобе, Билял-тобе [12].

В 1972—1975 гг. производились раскопки городищ Куль—тобе и Ран. Установлено, что северокаратауские города существовали в период жизни Отрара и были чрезвычайно близки ему по облику материальной культуры. В Отраре и в каратауских городах, судя по тамгам на керамических изделиях, проживало родственное по этническому составу население. Однако, как и следовало ожидать, на экономику и культуру северокаратауских городов наложило отпечаток их соседство с кочевническим Дашти-Кыпчаком. Одна из особенностей их материальной культуры — повторение форм деревянной посуды казахов-кочевников в керамических сосудах городских гончаров.

По имеющимся данным экономика этих городов основывалась преимущественно на оседлом и полуоседлом скотоводстве, поливное земледелие было ограничено недостатком воды. В городах немалое количество домовладений принадлежало вероятно кочевым скотоводам.

В результате пятилетних раскопок Отрара, памятников одноименного оазиса и городищ Каратау получены новые археологические, нумизматические и палеозоологические материалы, проливающие свет на палеоэкономику, культуру и демографию позднесредневекового города Южного Казахстана. На основе их могут быть с достаточной полнотой решены следующие вопросы истории казахстанского города: архитектура и планировка города; планировка и интерьер жилища; материальная культура, бытовой уклад, численность и этнический состав населения; социальная и ремесленная стратификация города; товарно-денежное обращение и формы хозяйства; водоснабжение и ирригационная система.

---

[11] *Бурнашева Р. З.* Ук. соч., с. 158—163; *ее же.* Два клада джанидских тенег XVII века с территории Южного Казахстана.— В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 69—80.

[12] *Жолдасбаев С.* Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV—XIX вв.). В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 55—58.

Достижением казахстанской археологии последних лет являются раскопки кургана «Иссык», входившего в число царских курганов сакского могильника, расположенного на левом берегу р. Иссык в 50 км на восток от г. Алма-Аты. Работы производились в 1969—1970 гг.

В кургане было открыто богатое захоронение знатного сака, относящееся к концу VI—V в. до н. э. В большой деревянной камере вместе с останками человека находились свыше четырех тысяч золотых предметов, украшавших головной убор, одежду и обувь погребенного; железный кинжал и меч, искусно инкрустированные золотом; 31 серебряный, бронзовый, глиняный и деревянный сосуд; серебряная ложка и резной деревянный черпак [13].

Найдено свыше четырех тысяч золотых изделий, среди них 165 предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. В их число входят 16 различных зооморфных изображений: лев, тигр, снежный барс, волк, лиса, кабан, лошадь, лось, олень, джейран, архар, горный козел, заяц, цапля, голубь (?) и змея. В предметах прикладного искусства из кургана «Иссык» поражают высокий профессиональный уровень исполнения и реалистичность изображений.

Среди иссыкских находок особый интерес представляет серебряная чашка, на дне которой имеются две строки надписи, состоящей из 26 знаков. Специалисты-лингвисты (И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, С. Г. Кляшторный) считают, что надпись выполнена неизвестным в науке алфавитом и пока не поддается дешифровке. Но сам факт эпиграфической находки дает повод предполагать существование письменности у саков Средней Азии и Казахстана в VI—V вв. до н. э.

Иссыкские находки по сохранности захоронения, позволившей воспроизвести с возможной полнотой картину погребального обряда, реконструировать подробно и относительно точно форму парадного головного убора, одежды и обуви и систему расположения на них многочисленных украшений, по высокой технике изготовления предметов искусства и по количеству найденных золотых изделий являются уникальными. Научное историко-культурное значение этого комплекса трудно переоценить.

В результате раскопок кургана «Иссык» получена ценная информация по древней истории, истории материальной и духовной культуры, истории прикладного изобразительного искусства, истории письменности и языка древнего населения на территории Казахстана. Анализ и обобщение этой информации меняют некоторые традиционные взгляды и гипотезы и позволяют по-новому оценить уровень развития социально-экономических отношений, культуру и искусство в древнем обществе.

В казахстанской археологии существует свое традиционное направление исследований, заключающееся в параллельном изучении памятников как кочевой, так и оседлой части населения. Оно явилось научным итогом учета специфики исторического развития древнего Казахстана, где с глубокой древности тесно взаимодействовали оседлое и кочевое население; прогресс скотоводческого и земледельческого хозяйства стимулировался взаимным влиянием, взаимно обогащались две формы культуры — кочевническая и земледельческая. Ныне можно отметить, что такой подход к изучению казахстанских древностей оказался плодотворным.

---

[13] *Акишев К. А.* Курган «Иссык» (предварительные итоги раскопок).— В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 61—77.

K. A. Akichev

L'ARCHEOLOGIE DU KAZAKHSTAN PRINCIPALES DIRECTIONS ET CONCLUSIONS

Résumé

Au cours de la dernière décennie (1968-1977) la science archéologique au Kazakhstan est entrée dans une nouvelle phase de développement, liée à l'organisation de missions à multiples plans destinées à l'étude complexe d'un groupe de monuments. Une de ces missions est celle du Kazakhstan méridional; elle a fouillé la ville médiévale d'Otrar, les monuments de son oasis et de sa périphérie. Grâce aux travaux effectués, on a pu presque entièrement déterminer comment étaient le plan et l'architecture d'Otrar aux XVIe-XVIIIe siècles. Sur une étendue de 7 ha on a dégagé les restes de plus de 1100 bâtiments destinés à l'habitation et à divers usages. Les archéologues du Kazakhstan ont obtenu encore d'autres résultats aussi importants en fouillant le kourgane Issyk (situé à 50 km d'Alma-Ata); ils y ont découvert la sépulture d'un important «sak», datant du VIe ou du Ve s. av. n. è. Outre d'admirables objets en or, dans le style animalier scythe-sibérien une coupe d'argent présente un intérêt tout particulier: sur le fond elle porte une inscription faite en caractères inconnus de la science.

Н. Н. СКАКУН

ОРУДИЯ ТРУДА РАННЕТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВКА

(в свете экспериментально-трасологического исследования)

Поселение Александровка представляет значительный интерес в изучении ранней поры развития трипольской культуры. Открытый при строительстве дамбы в урочище Александровка у с. Кирилловка Кадымского р-на Одесской обл., памятник занимает площадь около 10 *га* на склоне балки. В 1949—1957 гг. здесь были проведены раскопки под руководством А. Л. Есипенко [1], в процессе которых удалось вскрыть остатки 13 жилищ, погибших в результате сильных пожаров. Жилища располагались в три ряда вдоль склона балки. Автор работ опубликовал итоги раскопок лишь четырех жилищ, а весь оригинальный комплекс так и остался неизученным должным образом. Это обстоятельство, видимо, и послужило причиной различных мнений о месте Александровки в хронологической колонке раннетрипольских памятников. Так, В. Н. Даниленко [2] относит поселение к начальной поре раннего Триполья, а С. И. Бибиков [3] — к заключительной стадии этого этапа. Недавно А. П. Погожевой было высказано предположение о двуслойности памятника на основании находок нескольких орнаментированных женских статуэток, хотя ранее она рассматривала эту группу как импорт [4]. Безусловный интерес исследователей к памятнику заставил возобновить полевые работы на поселении и обратиться к изучению коллекций находок, хранящихся в Одесском археологическом музее АН УССР.

Раскопки Александровки были продолжены в 1971—1974 гг. Буго-Днестровским отрядом Причерноморской экспедиции ОАГМ АН УССР под руководством К. В. Зиньковского [5]. В ходе работ на поселении были открыты и изучены на площади около 230 $м^2$ остатки глинобитной постройки. К. В. Зиньковский, специально занимающийся проблемами трипольского домостроительства, предполагает, что александровские дома имели два этажа, причем верхние этажи были жилыми, а нижние хозяйственными, где содержался скот. Автор раскопок считает, что комплексы находок из жилищ в целом не различаются между собой и позволяют относить все поселение ко времени раннего Триполья.

---

[1] *Есипенко А. Л.* Раннетрипольское поселение Александровка.— МАСП, № 1. Одесса, 1957.

[2] *Даниленко В. Н.* Археологические исследования в зонах строительства на Южном Буге.— КСИА АН УССР, № 12, 1962; *Даниленко В. Н., Макаревич М. М.* Дослідження на II Сабатинівському раньотрипільському поселенні в 1949.— АП, № VI, 1956.

[3] Археологія Української РСР. Київ, 1971.

[4] *Погожева А. П.* Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры.— Автореф. канд. дис. М., 1971.

[5] *Зиньковский К. В., Зиньковская Н. Б.* Раннетрипольское поселение Александровка в свете новых исследований.— В сб.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции в Одессе. Киев, 1975.

Уточнение места Александровки в хронологическом ряду раннетрипольских памятников, выяснение культурных связей, социально-экономической основы жизни обитателей поселения возможны только при глубоком и многоплановом его исследовании. Для изучения хозяйственного комплекса памятника большой интерес представляют результаты трасологического анализа производственного инвентаря [6].

Как известно, в эпоху раннего металла не только продолжается широкое употребление орудий, известных еще в неолите, но возникают и но-

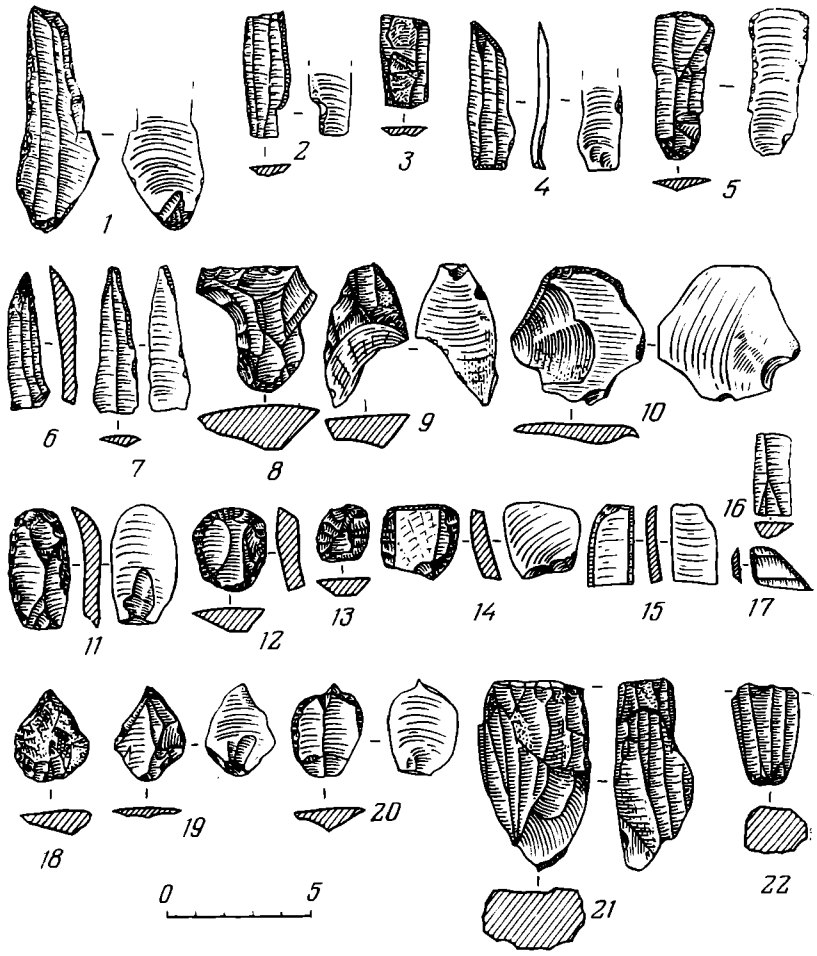


Рис. 1. Кремневые орудия труда поселения Александровка. *1—3* — вкладыши серпов: *4, 5* — ножи; *6, 7* — сверла; *10—14* — скребки; *15, 16* — боковые скребки; *17—20* — проколки: *21, 22* — нуклеусы

вые инструменты, связанные с обработкой металлических изделий. Сырьем для орудий труда в Александровке служил серый, желтовато-серый, черный непрозрачный и полупрозрачный кремень (рис. 1). Интересно отметить, что несколько предметов изготовлено из кремня, близкого по цвету добруджскому. Использовался и сланец серого и темно-серого, почти черного цвета, песчаник, а также рог и кость. Орудия труда изготовлялись на самом поселении в жилищах или вблизи них. Здесь найдены крупные конкреции кремня, нуклеусы, заготовки и готовые изделия, отходы производства. Трасологические исследования производственного инвентаря этого раннетрипольского памятника позволили вы-

[6] Искренне благодарю автора раскопок К. В. Зиньковского за возможность работать с неопубликованными материалами.

делить несколько функциональных групп орудий труда, использовавшихся в определенных отраслях первобытного хозяйства.

Одно из ведущих мест в экономике александровского поселения принадлежало производству орудий труда из кремня, камня, рога и кости. Так, обработка кремня, подготовка нуклеусов к расщеплению, получение пластин и отщепов происходили при помощи каменных отбойников и отжимников. Основная масса отбойников (17 экз.) представляет собой правильные кремневые шары диаметром 5—8 *см*, обработанные крупными сколами по всей поверхности. Рабочие части их сплошь покрыты мелкими звездчатыми выбоинками. Нередко отбойниками служили и сработанные нуклеусы. На их поверхности, чаще на ребре между ударной площадкой и плоскостью скалывания, заметны следы, характерные для этих инструментов. Скалывание заготовок для орудий производилось с нуклеусов (22 экз.), которые по форме можно разделить на три вида: конусовидные, цилиндрические, аморфные. Конусовидные нуклеусы (15 экз.) имеют одну ударную площадку, расположенную перпендикулярно или слегка наклонно к плоскости скалывания. Обычно она подправлена рядом поперечных коротких сколов. Огранение нуклеусов круговое. Фасетки имеют более или менее правильную форму и отличаются лишь размерами. Нижний конец нуклеусов не несет следов смятости или выкрошенности, что могло бы свидетельствовать о расщеплении в зажимах или тисках. Группа цилиндрических нуклеусов насчитывает 4 экз. Они имеют по две противолежащие ударные площадки, круговое огранение. Иногда на поверхности скалывания сохраняются участки желвачной корки. Эти две группы нуклеусов служили для получения пластин. Нуклеусы третьей группы (3 экз.) — аморфные, трудноопределимые по форме. Фасетки сколов располагаются по всему корпусу ядрища. С подобных нуклеусов скалывались преимущественно отщепы.

Орудия на пластинах составляют 35,6%, на отщепах — 64,4% от общего числа орудий труда из кремня. Среди пластин преобладают изделия правильных призматических очертаний, удлиненных пропорций, с прямыми профилями, равными боковыми краями, средних размеров (0,9—1,4 *см*). Некоторые заготовки имеют специально скошенный мелкой затупливающей ретушью нижний конец. Оригинальны два изделия геометрических форм — асимметричные трапеции, изготовленные на сечениях пластин средних размеров. Боковые грани их обработаны мелкой затупливающей ретушью со спинки. Отщепы также являются характерными заготовками в индустрии Александровки. Форма и размеры их разнообразны. Наибольшее употребление находили отщепы средней величины.

Рабочие лезвия кремневых орудий труда отделывались отжимниками-ретушерами (5 экз.). Для этих инструментов использовались осколки нуклеусов, массивные отщепы, реберчатые пластины. Все отжимники-ретушеры несут на себе следы сработанности, которые концентрируются на длинных выступающих ребрах. С помощью ретушеров оформлялись и подправлялись рабочие края орудий. Применялась мелкая и крупная, затупливающая и заостряющая ретушь, наносившаяся как со стороны спинки, так и с брюшка.

Наряду с многочисленными кремневыми изделиями на поселении Александровка использовались и каменные инструменты. Весь набор орудий из камня — зернотерки, песты, топоры и т. п., так же как и техника их изготовления, традиционны для памятников эпохи энеолита. Камень обрабатывался с помощью отбойников точечно-ударной техникой, широко применялась шлифовка орудий на абразивных инструментах (3 экз). Они представляют собой подпрямоугольные плиты (20×15×5 *см*), изготовленные из крупнозернистых кристаллических пород камня. Рабочая поверхность их сильно изношена, стерта, а в средней части заметна выемка, образовавшаяся вследствие работы. На этих плитах шлифовались каменные орудия — песты, топоры, тесла. Окончательная заточка лезвий

таких каменных инструментов, как топоры и тесла, производилась на оселках. Оселки (2 экз.) изготовлены из песчаниковых пород камня, отшлифованы и имеют форму небольших подпрямоугольных ограненных брусков (10×2×1,5 *см*).

Для раннего Триполья, и в частности для Александровки, характерно большое разнообразие орудий из рога и кости. Это мотыги, шилья, лощила и т. п. При обработке этих материалов применялось пиление, стесывание, раскалывание, шлифование, заточка.

Как уже отмечалось выше, среди материалов из Александровки найдены изделия, связанные с переработкой металлической руды и изготовлением изделий из металла. К орудиям, применявшимся при измельчении руды, относятся рудодробилки. По внешнему виду они ничем не отличаются от зернотерок, и только изучение поверхностей под бинокуляром позволило определить их действительное назначение. Обнаружено два целых экземпляра рудодробилок и один в обломках. Все они изготовлены из песчаниковых пород камня точечно-ударной техникой. Боковые поверхности частично зашлифованы. Рабочей частью служили одна или обе углубленные стороны. На них фиксируются глубокие длинные линейные следы, идущие параллельно друг другу вдоль большей оси орудия и придающие рабочей поверхности гофрированный вид. При измельчении руды на рудодробилках использовались и куранты шаровидной формы (3 экз.). Они имеют сильно сношенную, уплощенную в результате работы рабочую поверхность с глубокими следами в виде крупных борозд, направленных параллельно друг другу вдоль оси орудия. Для этих же целей использовался, по-видимому, и крупный песчаниковый топор-молот. Поверхность его полностью зашлифована. Обушок и рабочее лезвие сильно сбиты и смяты в результате работы.

Для заточки металлических изделий служили оселки — песчаниковые бруски (1 экз.). На рабочих поверхностях в порах видны под микроскопом мелкие кусочки металла. Можно предположить широкое распространение этих орудий в эпоху энеолита и бронзы. Малочисленность сведений о них объясняется тем, что выделяются они только при микроскопических исследованиях. Близкие аналоги таким орудиям обнаружены в памятниках эпохи бронзы Средней Азии, материалы которых просмотрены под микроскопом [7].

Одной из основных отраслей хозяйства во время раннего Триполья являлось земледелие. Земледельческие орудия представлены в коллекции из Александровки вкладышами кремневых серпов, зернотерками, роговыми мотыгами. Обитатели Александровки, как и в большинстве трипольских поселений этого времени, употребляли серп карановского типа. Вкладыши вставлялись в изогнутую деревянную или костяную рукоять под углом таким образом, что образовывалось зубчатое лезвие. Эксперименты, проведенные с подобными орудиями, показали их высокую производительность и эффективность в работе [8]. Вкладышами серпов служили преимущественно пластины средней величины правильных призматических очертаний с прямым профилем, ровными и острыми боковыми краями и их сечения. Обычно пластины использовались без дополнительной обработки рабочих краев, и лишь единичные экземпляры обработаны мелкой заостряющей ретушью со спинки. Но иногда в качестве вкладышей применялись и крупные реберчатые пластины с прямыми или слегка выпуклыми боковыми краями, изредка отделанными крупной неровной заостряющей ретушью со спинки. Серпы в основном однолезвийные. Характерными следами изношенности является косая зеркальная заполировка по обеим сторонам лезвия. Под микроскопом легко обнаруживаются

---

[7] *Семенов С. А.* Каменные орудия эпохи ранних металлов.— СА, 1969, № 2.

[8] *Коробкова Г. Ф.* Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры.— АО — 1973, М., 1974.

четкие линейные следы в виде кометообразных фигур, расположенных вдоль кромки рабочего края.

Для переработки зерна употреблялись зернотерки и куранты. Зернотерки изготовлены из песчаника. Поверхности их обработаны техникой пикитажа или частично зашлифованы. Формы — ладьевидные, овальные, подчетырехугольные. Нижняя часть чаще всего выпуклая, но у некоторых экземпляров она уплощена стесыванием. Размеры их варьируют от 20 до 60 *см* в длину и от 20 до 45 в ширину, толщина 5—12 *см*. Углубленные рабочие части орудий сильно изношены и кое-где заполированы в результате работы. На них видны мелкие выбоинки, риски, линии, направленные вдоль продольной оси орудия. Куранты изготовлены из твердых пород камня. По форме различаются эллипсовидные, шаровидные и подпрямоугольные куранты. Рабочие части их интенсивно изношены, стерты от употребления.

В земледелии использовались и роговые мотыги, с их помощью вскапывалась и рыхлилась почва. По форме рабочих концов мотыги различаются на тесловидные, конусовидные и с диагонально расположенным рабочим лезвием. Все мотыги имеют просверленное отверстие для крепления рукояти. Тесловидные или диагональные лезвия орудий подтесаны или обработаны шлифовкой. Острый конец мотыг сработан и залощен от употребления. Результаты опытов с мотыгами показали их высокую эффективность в работе. Так, производительность тесловидных и конусовидных орудий в 1,6—2 раза превосходит производительность примитивных палок-копалок [9]. Земледельческие орудия, подобные александровским, хорошо известны в материалах раннего Триполья. Наиболее близкие аналогии им находим в Луке-Врублевецкой [10] и Сабатиновке [11]. В этих памятниках жатвенные изделия также представлены серпами развитого карановского типа.

Наиболее многочисленную группу в Александровке составляют всевозможные орудия, употреблявшиеся при переработке продуктов скотоводства и охоты: выделке шкур и кож, разделке туш животных. Это в первую очередь многочисленные скребки, мясные ножи, проколки, костяные лощила, шилья.

Скребки (106 экз.) имеют самые разнообразные формы. Изготовлялись они как на отщепах, так и на пластинах. Концевые скребки на пластинах немногочисленны, тем не менее они представлены рядом вариантов форм. Так, известны изделия на правильных призматических пластинках с ровными боковыми краями. Рабочий край концевой, выпуклый, отделан мелкой затупливающей ретушью со спинки. Один экземпляр имеет три рабочих лезвия, концевой отретушированный и два боковых, обработанных лишь частично.

Некоторые орудия изготовлены на крупных массивных кремневых пластинках. Ретушь, образующая концевой рабочий край, крупная затупливающая, нанесена со спинки. Среди этого вида скребков также встречаются инструменты с тремя рабочими краями, концевым и двумя боковыми. Кроме того, обнаружено оригинальное изделие, имеющее два концевых выпуклых лезвия, обработанных крупной затупливающей ретушью со спинки, и два боковых.

Пластины использовались и как боковые скребки. Среди них чаще всего встречались орудия на средних правильных призматических пластинах без дополнительной обработки боковых краев, с одним или двумя рабочими краями. Обнаружены орудия на сечениях средних и крупных

---

[9] *Коробкова Г. Ф.* Трипольские мотыги и проблема трипольского земледелия.— В сб.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН СССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975.

[10] *Бибиков С. И.* Поселение Лука-Врублевецкая.— МИА, № 38, 1953.

[11] *Даниленко В. Н., Макаревич М. М.* Ук. соч.

пластин, также с одним или двумя боковыми выпуклыми лезвиями, отделанными крупной и мелкой затупливающей ретушью со спинки.

Скребки на отщепах — наиболее распространенные орудия в материалах Александровки. Заготовками служили обычно отщепы средней величины, мелкие и крупные экземпляры единичны. Все они отличаются друг от друга по форме отщепов, по характеру рабочего лезвия и делятся на следующие виды: 1. Скребки округлой или овальной формы с высокой спинкой и круговым рабочим лезвием. Известны и микроинструменты этой формы. 2. Скребки листовидной формы с двумя выпуклыми боковыми краями. 3. Скребки треугольной формы с концевым рабочим лезвием. 4. Скребки подчетырехугольной формы. Эта форма орудий наиболее многочисленна. Встречены орудия с выпуклым концевым рабочим лезвием; с выпуклым концевым и боковым рабочим лезвием; с одним боковым рабочим лезвием; со скошенным концевым рабочим лезвием. Рабочие края орудий отделаны крупной и мелкой затупливающей либо заостряющей ретушью, нанесенной со спинки или с брюшка. Некоторые орудия находились в работе длительное время. Кромка рабочего лезвия приобрела округлость, на ней четко прослеживаются линейные следы, характерные для скребков и направленные перпендикулярно лезвию.

Такое разнообразие скребков по формам и размерам свидетельствует о сложном и специализированном процессе обработки шкур и выделки кож, требующем определенного набора инструментов для последовательных операций. Как показали многочисленные эксперименты, проводившиеся нами под руководством Г. Ф. Коробковой [12], на разных стадиях обработки применялись и различные орудия. Так, при первичной обработке шкуры (удаление мездры) употреблялись орудия с острым, царапающим лезвием, быстро разрушающим мездряной покров. Скребками с более тонким рабочим краем пушилась бахрома и производились отделочные работы. Кроме скребков в кожевенном производстве широкое употребление находили проколки, костяные шилья, лощила.

Проколки (7 экз.) изготовлены на средних и мелких отщепах овальных, подтреугольных, подчетырехугольных очертаний. Симметричное или асимметричное жальце специально выделено и отделено по обоим краям мелкой заостряющей, иногда противолежащей ретушью со спинки. Проколками являются и асимметричные трапеции, рабочая часть орудия — острие, образованное основанием и боковой стороной трапеции. Проколки служили для проделывания отверстий небольших диаметров в шкурах и кожах при их сшивании. Они имеют сглаженные и заполированные у острия поверхности, на которых под бинокуляром хорошо видны следы, идущие вдоль длинной оси орудия и группирующиеся у кончика в виде пучка.

При шитье одежды и обуви применялись и костяные шилья (5 экз.). Они изготавливались из трубчатых костей животных и клыков кабана. Размеры их разнообразны, встречены и миниатюрные экземпляры. Шилья из трубчатых костей в качестве упора или обушка имеют эпифиз или часть его. У некоторых экземпляров на абразиве подправлено лишь острие, на других шлифовалась лишь поверхность. Одно из орудий на клыке кабана имеет специально выделенное асимметричное острие, а на противоположном конце — просверленное отверстие. Некоторые шилья, как показывает микроанализ, служили для расширения отверстий, т. е. использовались как развертки, большинство же орудий выполняло ту и другую функции.

В Александровке обнаружены и костяные лощила, представляющие собой пластины срезанных вдоль трубчатых костей и ребер животных (2 экз.). Поверхности их зашлифованы. Выпуклые рабочие края заполированы и заглажены от употребления. Под микроскопом видны тонкие

[12] *Коробкова Г. Ф.* Экспериментальное изучение...

нитеобразные линейные следы, характерные для лощил. С помощью этих орудий выглаживались неровные участки шкур и кож.

С переработкой продуктов охоты и скотоводства связаны и мясные ножи. Ими вспарывали туши, снимали шкуры, срезали мясо, очищали кости и т. п. Это разнообразие операций отразилось и в ассортименте орудий. Известны ножи (21 экз.) на отщепах, на крупных и мелких пластинах; ножи, употреблявшиеся в рукояти и без нее. Орудия на отщепах представлены крупными и средними размерами, близки по форме к овалу. Выпуклый рабочий край употреблялся без дополнительной обработки, а иногда частично ретушировался мелкой заостряющей ретушью. Обушковая часть нередко затупливалась крупной ретушью для предохранения рук от порезов. Ножи на крупных призматических пластинах с прямыми боковыми краями частично отделаны мелкой заостряющей ретушью. Они использовались обыкновенно без рукояти. Вкладышами составных орудий служили призматические пластины средних размеров и их сечения с прямым профилем и ровными острыми боковыми краями. Среди них известны однолезвийные и двулезвийные орудия. Интересна группа ножей, заготовками которым послужили пластины со скошенным ретушью концом. Боковое острое рабочее лезвие не несет следов обработки, а скошенный конец выполняет функцию обушка или упора для пальца при работе.

Рабочие части ножей сохраняют четкие следы изношенности. На кромке, на спинке и брюшке образуются мелкие выщербленки, прослеживается полоса заполированности с двух сторон лезвия, которая распространяется в углублениях фасеток и на выступающих частях орудий. Иногда на кромке видны и тонкие риски, царапины, идущие вдоль рабочего лезвия.

Все перечисленные нами костяные орудия представляют набор инструментов, применявшихся при обработке шкур, кож, шитье одежды, обуви и разделке туш животных. Отметим, что на поселении вообще много костей животных, среди которых М. Г. Пидопличко выделены кости диких и домашних животных — быка и свиньи [13].

Находки большого числа орудий, используемых в этой отрасли хозяйства, характерны для определенных групп раннетрипольских памятников. Так, близкие аналогии этим типам изделий имеются в материалах Луки-Врублевецкой. При этом для Луки-Врублевецкой характерен более высокий процент концевых скребков на средних пластинах.

Существенное значение в хозяйстве обитателей Александровки имела обработка дерева и изготовление деревянных изделий. Об этом свидетельствуют и находки значительного числа этих орудий на поселении. Из дерева изготовлялись разнообразные предметы и, в частности, оправы для вкладышей составных орудий, рукояти мотыг, топоров и т. д. Все деревообрабатывающие орудия можно разделить на две группы: 1 — ударные или рубящие; 2 — орудия, служившие для срезания и скобления дерева. К первой группе относятся топоры и тесла (34 экз.). Одни из них сохранились полностью, другие частично. Орудия изготовлены из сланцевых пород камня и различаются по форме на клиновидные и подпрямоугольные. Вся поверхность их тщательно зашлифована, а некоторые экземпляры дополнительно пришлифованы с двух сторон по лезвию.

Часть изделий находилась в длительном употреблении, их рабочие края закруглены, выкрошены. На обушках орудий также заметны следы крупных и мелких сколов. Многочисленные линейные следы на лезвиях видны даже невооруженным глазом. Топоры представляют собой орудия с двояковыпуклым продольным профилем. Следы изношенности располагаются на обеих поверхностях изделия под углом к кромке рабочего лезвия. Тесла имеют плоско-выпуклый продольный профиль. Линейные

[13] *Есипенко А. Л.* Ук. соч.

следы в виде желобков прослеживаются на обеих плоскостях орудия, но в отличие от топоров они направлены перпендикулярно рабочему лезвию и параллельно друг другу. Топоры и тесла не имеют отверстий. Они, по-видимому, привязывались к рукояти или крепились в муфту.

Вторая группа орудий представлена скобелями (11 экз.) и резчиками-скобелями (3 экз.). Заготовками для скобелей служили отщепы и в меньшей степени пластины. Использовались отщепы крупные и средние по размерам, подчетырехугольные или неопределенной формы. Рабочие лезвия вогнутые, обработаны крупной небрежной затупливающей или заостряющей ретушью со спинкой. Применялись для таких орудий и крупные неправильные, а также реберчатые пластины с вогнутыми боковыми сторонами. Рабочие части отделывались частично или полностью мелкой заостряющей ретушью, как со спинки, так и с брюшка. Одно из орудий изготовлено на сечении правильной призматической пластины. Вогнутое боковое лезвие обработано мелкой заостряющей ретушью с брюшка. Для скобелей характерна сильная выкрошенность рабочего края. На некоторых участках видны короткие острые линейные следы, расположенные на брюшке изделий у самой кромки перпендикулярно лезвию. В коллекции насчитывается три резчика-скобеля. Они представляют собой изделия на мелких, подчетырехугольной формы отщепах. Лезвие прямое, резко очерченное, с мелкой выкрошенностью по краю. При изготовлении изделий из дерева использовалось и несколько сверл (3 экз.). Они имеют вид кремневых стерженьков, обработанных по боковым краям и симметричному острию мелкой и крупной затупливающей ретушью со спинки. Острие у самого его кончика затуплено.

Известно было в Александровке и ювелирное дело. При производстве украшений — костяных пронизок, подвесок из клыков и раковин — применялись резцы, пилки и сверла. Резцы представлены орудиями срединного типа, на средних отщепах. Острие образовано с одной стороны резцовым сколом, а с другой — мелкой заостряющей ретушью. В коллекции есть две кремневые пилки, изготовленные на пластинах. Одна из них на короткой крупной пластинке с двумя слегка выпуклыми боковыми рабочими краями. Лезвия оформляет крупная и мелкая заостряющая ретушь со спинки. Изделие находилось в длительном употреблении. Самая кромка интенсивно заполирована. Отдельные участки имеют матовую поверхность. Линейные следы в виде тонких линий расположены во встречном направлении друг к другу по обеим сторонам орудия вдоль рабочего края.

Эти два типа орудий использовались при изготовлении орудий и украшений из кости. Для проделывания отверстий в украшениях применялись сверла (2 экз.), изготовлены они на средних правильных пластинах со слегка изогнутым профилем. Острия и боковые стороны отделаны крупной и мелкой затупливающей ретушью. Самый кончик острия одного из сверл образован противолежащей ретушью. Заготовкой для одного из орудий послужил отщеп подтреугольной формы средних размеров. Обработка острия аналогична описанным выше.

С процессом приготовления минеральной краски — охры — связаны краскотерки. Это овальные или подпрямоугольные каменные плитки (4 экз.). Они уплощены и заполированы на абразиве. На заглаженных рабочих поверхностях под микроскопом видны многочисленные линейные следы. В порах камня сохранились мелкие частицы охры. Кроме специальных краскотерок охра иногда растиралась и на зернотерках, крупные комочки краски разбивались пестами шаровидной и удлиненной подпрямоугольной формы (7 экз.). Поверхности подпрямоугольных пестов полностью зашлифованы, а на рабочей части орудий видны следы ударов по твердым частицам краски.

Дополняют коллекцию орудий труда из Александровки инструменты, применявшиеся в гончарном производстве. Так, при обработке поверх-

ностей керамических сосудов пользовались каменными лощилами (10 экз.). Это миниатюрные овальные галечки с плоско-выпуклым профилем. Использованные в работе поверхности заполированы, на них невооруженным глазом различаются линейные следы.

Для орнаментации керамики служили костяные штампы (2 экз.). Они изготовлены на пластинках из клыков кабана, на выпуклой стороне их глубокими насечками образован ряд асимметричных зубчиков.

Как показывают проведенные исследования, состав производственного инвентаря поселения Александровка включает многочисленные инструменты, использовавшиеся в разных отраслях хозяйства и домашних промыслах. В процентном соотношении распределение орудий по отраслям хозяйства показано в таблице.

Отрасли хозяйства	Количество орудий труда	% от общего числа орудий
Производство орудий труда	49	15,8
Переработка продуктов скотоводства и охоты	141	45,5
Земледелие	32	10,3
Деревообработка	48	15,5
Керамическое производство	12	3,8
Приготовление минеральной краски	11	3,5
Производство украшений	9	2,9
Обработка металлической руды и изготовление орудий из металла	8	2,7
Всего	310	100

Кроме того, обнаружены отщепы, пластины, осколки кремня без следов использования (157 экз.). Число орудий труда от общего количества находок составляет 66,4%.

Таким образом, результаты трасологического анализа материалов из Александровки позволяют говорить о наличии здесь развитого комплексного производящего хозяйства, основанного на скотоводстве и земледелии. Причем скотоводство, по-видимому, имело ведущее значение. Аналогичный тип хозяйства известен и в других трипольских комплексах, таких, как Лука-Врублевецкая, Сабатиновка, средний слой Поливанова Яра [14], Клищев [15].

N. N. Skakoun

OUTILS DU TRIPOLIE ANCIEN TROUVES DANS LE VILLAGE D'ALEXANDROVKA

(D'apres l'etude Expérimentale et Traçologique)

Résumé

Dans le village d'Alexandrovka on a dégagé les restes de 14 maisons, qui, selon l'opinion de K. V. Zinnkovski, avaient deux étages. Afin d'étudier l'ensemble économique du site, l'auteur de l'article a procédé à l'analyse traçologique du mobilier de production, comprenant en tout 310 outils. A côté d'instruments bien connus, utilisés pour fabriquer des outils ainsi que pour le traitement des produits de la chasse et de l'élevage, et pour travailler la terre et le bois, on a pu pour la première fois distinguer de nouveaux types d'outils. Ils étaient utilisés dans la production de céramiques, pour préparer des couleurs minérales, et pour faire des outils en métal. L'homogénéité des types prouve que les habitations de ce village datent de la même époque.

[14] *Коробкова Г. Ф.* Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих культур.— УСА, 1972, № 1.

[15] *Заец И. И.* Древние земледельцы среднего течения Южного Буга во 2-й половине IV тысячелетия до н.э.— Автореф. канд. дис. М., 1975.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРСКИХ ГОРОДОВ В VI—V ВВ. ДО Н. Э.

Вопрос об этническом составе населения отдельных боспорских городов в VI—V вв. до н. э. неоднократно ставился в отечественной литературе [1]. Однако плодотворные раскопки двух последних десятилетий позволяют полнее представить себе их этнический облик, а также выявить некоторые особенности ранней истории Боспора.

С возникновением на берегах Керченского и Таманского полуостровов во второй четверти — середине VI в. до н. э. греческих апойкий [2] контакты между эллинами и местным населением, случавшиеся и ранее [3], значительно расширились. Ведущая роль в освоении этих мест принадлежала выходцам из Ионии [4], в меньшей степени — эолянам [5].

Города Боспора в VI—V вв. до н. э. были невелики и имели облик рядовых греческих полисов. Но уже в это время проявляются специфические черты боспорской городской культуры: малое количество памятников эпиграфики и монументальной скульптуры. Это объяснялось скорее всего небольшим достатком горожан. Среди массовых находок в городских слоях лишь изредка попадаются предметы, более присущие быту варваров, нежели греков [6]. Решающее значение для определения степени варварского проникновения и влияния на различные слои городского населения имеют результаты раскопок их некрополей. Еще слабо эллинизованные представители местных племен, попадая в боспорские города, на первых порах сохраняли самобытные черты своей культуры, находившие отражение в их погребальном обряде.

Соседями греков в Восточном Крыму в VI—V вв. до н. э. были скифские племена и, вероятно, потомки киммерийцев, оставившие в прибрежных районах захоронения в грубых каменных ящиках с кольцевыми обкладками. На Таманском полуострове обитало разноязычное меотское

[1] *Цветаева Г. А.* Грунтовый некрополь Пантикапея его история, этнический и социальный состав.— МИА, 1951, № 19; *ее же.* Курганный некрополь Пантикапея.— МИА, 1957, № 56; *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи некоторых боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности.— МИА, 1959, № 69; *Блаватский В. Д.* Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э.— СА, 1958, XXVIII; *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959; *Десятчиков Ю. М.* Сарматы на Таманском полуострове.— СА, 1973, № 4.

[2] *Блаватский В. Д.* Архапческий Боспор.— МИА, 1954, № 33, с. 9.

[3] Там же.

[4] Strab., VII, 3, 5; Athen. Deipn., XII, 26. Пантикапей, Кепы, Феодосия, основаны милетянами (Strab., VII, 4, 4;— Ps.-Skymn., 899; Arr., Peripl., 19, 4), Гермонасса, по одним сведениям, основана понянами (Hecat., frg. Hist F., I, 209 Steph. Byz. Ἑρμώνασσα) по другим — эолянами (Arr., Peripl., 60). В 540 г. до н. э. теосцы основали Фанагорию (Eust., ad Dion., 549). Какую-то роль в освоении греками Таманского полуострова сыграли жители Клазомен (Strab., XI, 2, 4).

[5] Arr., Peripl., 60.

[6] Назовем здесь скифский бронзовый псалий V в. до н. э. с головой грифона, найденный в Фанагории. (см. *Кобылина М. М.* К изучению искусства древнегреческого города Фанагории.— ВДИ, 1938, № 2, с. 340).

население и синды. Плодородие прикубанских земель, рыбные богатства Азовского моря и Кубани, связи с районами древней металлургии на Кавказе и странами великих Ближневосточных цивилизаций — способствовали тому, что меоты, и в особенности, синды по своему социально-экономическому развитию стояли выше прочих варваров Северо-Восточного Причерноморья. Они оказались более подготовленными к контактам с греками и более восприимчивыми к эллинскому влиянию.

В некрополях боспорских городов в VI—V вв. до н. э. господствует греческий погребальный обряд, для которого в это время характерны кремация или вытянутые трупоположения в различных по конструкции могилах, с восточной ориентацией, палестрическим инвентарем мужских захоронений и детскими погребениями в амфорах [7]. Это свидетельствует, что основная масса горожан была потомками греков-переселенцев, в основном ионян [8], и эллинами, прибывшими на Боспор позднее. Вместе с тем некоторые погребения с чертами обряда, имеющими аналогии в синхронных могильниках соседних племен, указывают на присутствие в городах и негреческого этнического элемента. К числу этих черт можно отнести скорченную позу покойного, следы ритуальной окраски, остатки жертвенного мяса, конскую упряжь, шейные гривны, курильницы, в некоторых случаях отклонения от восточной ориентации и наличие в могилах оружия. Разнообразные типы могил сами по себе не могут служить критерием этнической принадлежности покойного и во многом объясняются природными условиями — наличием разного рода материалов и т. п. Это подтверждается и тем, что известные нам погребения с чертами варварского обряда не удается связать преимущественно с одним каким-либо типом гробниц.

Взаимовлияние эллинских и варварских традиций и известная близость представлений, связанных с погребальным обрядом у самих туземных племен, затрудняют уверенное определение этнической атрибуции ряда захоронений. В силу этого разделить все интересующие нас погребения на безусловно скифские, меотские или синдские крайне сложно. Правомернее выделение черт обряда, присущих в большей степени той или иной этнической группе негреческого населения. В свою очередь преобладание определенных признаков свидетельствует о присутствии в полисах Боспора представителей главным образом тех племен, для которых они наиболее характерны.

Остановимся вначале на скорченных и полускорченных (на спине с согнутыми ногами) захоронениях VI—V вв. до н. э. в грунтовых некрополях некоторых городов (см. таблицу). Такие погребения встречаются в некрополях Греции вплоть до VII—VI вв. до н. э. [9], впоследствии они исчезают [10]. Такое положение погребенных скифам Восточного Крыма [11] и населению, оставившему погребения в каменных ящиках на Керченском полуострове, тоже было несвойственно. Зато скорченные костяки довольно часто встречаются среди меотских захоронений VIII—V вв.

---

[7] О греческом погребальном обряде см. подробнее: *Kurts D. C. and Boardman J.* Greek burial customs. London, 1971, p. 96—245.

[8] В этой связи чрезвычайно показателен некрополь классического времени ионийской колонии Олинфа. *Robinson D. M.* Excavations at Olynthus. t. XI, Necrolynthia. London, 1942, p. 1—176.

[9] *Desborough V. R.* Late burials from Micenae.— BSA, 1973, No. 63, p. 87 (pl. 28) a. c.: Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce, en 1966. p. 845, fig. 25—26; *Hood M. F.* Archaeology in Grece 1956. Archaeological Report, 1956, p. 7, fig. 6; *Poulsen F.* Die Dipylongräber und die Dipylonvasen. Leipzig, 1905, p. 27.

[10] *Young R. S.* Sepulturae intra urbem.— Hesperia, t. XX, No. 2, 1951, p. 87—108; *Robinson D. M.* Op. cit., London, 1942, p. 139. В отдельных случаях скорченные и полускорченные позы покойных встречаются в некрополях (V—IV вв. до н. э.) греческих городов на периферии античного мира. См. *Yehasse J. et L.* La nécropole préromaine d'Aleria, Paris, 1973, p. 32.

[11] *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.— В сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 119.

	Общее количество погребений	Скорченные погребения	Полускорченные погребения	Погребение со следами ритуальной окраски, кусками мела и краски	Погребения с жертвенным мясом	в том числе								
						крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	лошадь	свинья	неопределенн.	вместе с ножом	кости в миске	с невосточной ориентацией покойного	вместе с оружием
Нимфей	21													
Тиритака	4													
Пантикапей	100	2		1	1			1						
Мирмекий	20													
Тирамба	24				3	1	2				2	2	1	2
Кепы	61	2	6	1	1					1			1	
Фанагория	6	1												
Гермонасса	26	2		1	1		1						1	1
Тузлинский некр.	60													
Кококанда'ма	30	1			3	1	2						3	2
Горгиппия	3													
Станица Ахтанизовская	4													
Европейский Боспор	145	2		1	1			1						
Азиатский Боспор	210	6	6	2	8	2	5			1	2	5	6	5
В целом по Боспору	355	8	6	3	9	2	5	1		1	2	5	6	5

до н. э.[12] и в синдских гробницах[13]. Трудно, однако, определить этническую принадлежность двух скорченных погребений без инвентаря с северной и восточной ориентацией из некрополя Пантикапея[14].

Скорее всего представителям синдо-меотского населения, родственного племенам Прикубанья, принадлежали пять скорченных[15] и шесть полускорченных[16] захоронений из некрополей ряда городов азиатского Боспора. Простые грунтовые могилы без перекрытий, глубиной 0,6—1,7 *м*; одиночный характер погребений; восточная, реже северная, западная и южная ориентация; крайне бедный инвентарь — все эти черты сближают их с подобными же погребениями в меотских грунтовых могильниках[17].

[12] *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья.— ПСА, М., 1971, с. 174; *его же.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23, с. 158, 159; *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, 1958, № 64, с. 293.

[13] *Крушкол Ю. С.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1959 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4264, погр. 2, 4; 1970 г., р-1, № 4310, погр. 23, 28; 1972 г., р-1, № 4859, погр. 66.

[14] *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в Керчи и в ее окрестностях.— ИАК, 1904, № 9, с. 83, № 50; *его же.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове.— ИАК, 1910, № 35, с. 25, № 66.

[15] *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове.— ИАК, 1914, № 56, с. 59, № 192/10; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов — МИА, 1959, № 69, с. 166—168, № 14, с. 178, № 15; *Сокольский Н. И.* Отчет об археологических работах Таманской экспедиции. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г., Архив ИА АН СССР, р-1, № 2291, с. 36, № 108/46; *Кобылина М. М.* Фанагория — МИА, № 57, 1956, с. 9.

[16] *Сокольский Н. И.* Ук. отчет за 1961 г., с. 43, 44, № 131/69; с. 50, № 142/80; 1962 г., р-1, № 2524, с. 135, № 154/1, с. 156—157, № 188/35, 189/36; 1965 г., р-1, № 3134, с. 78—79, № 340/20.

[17] *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 158, 159, 164, 169. *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 293—297.

грунтовых некрополей некоторых боспорских городов

	Погребения с невосточной ориентацией	в том числе					Погребения с оружием	Зольная подсыпка	Погребения с ножками и оселками	Общее число погребений с элементами варварского обряда	Число погребений с несколькими чертами варварского обряда. (Предположительно варварские)
		запад	юг	север	северо-запад	юго-запад					
Нимфей											
Тиритака											
Пантикапей	5		1	1		3	10		1	20	6
Мирмекий	1		1				1		1	2	1
Тирамба	6	4				2	12	1	6	15	12
Кепы	7	3		1	1	2	10		4	23	18
Фанагория							1			1	1
Гермонасса	5	1		1		3	8		3	12	8
Тузлинский некр.	3		1		1	1	19		3	21	17
Корокандама	3		1			2	8		1	12	7
Горгиппия							1		1	1	
Станица Ахтанизовская							3			3	
Европейский Боспор	6		2	1		3	11		2	22	7
Азиатский Боспор	24	8	2	2	2	10	62	1	18	88	63
В целом по Боспору	30	8	4	3	2	13	73	1	20	110	70

Там же есть аналогии [18] и скорченному, лежавшему на животе, лицом вниз захоронению из Кеп [19]. Скорченные погребения встречаются в ранних некрополях Ольвии [20] и Херсонеса [21], но и в количественном и в процентном отношении их число значительно меньше, чем на Боспоре.

Примечательно, что почти все эти погребения, как в некрополях греческих городов, так и в варварских могильниках, отличаются очень бедным инвентарем или полным его отсутствием. Среди основных погребений в богатых курганных захоронениях скорченные погребения не известны. Быть может, так хоронились только представители варварского населения с низким социальным положением и небольшим достатком.

Среди немногих погребений со следами ритуальной окраски выделяется захоронение тавра—Тихона [22], костяк которого, лежавший вытянуто, был пропитан красной охрой. Подобный обычай в целом не был характерен для соседних с Боспором племен. Частично покрытые охрой костяки имеются в могильнике VI—V вв. до н. э. Фронтовое I, вблизи Феодосии [23]. Гробница Тихона, возможно, проливает свет на этническую характеристику этого могильника, принадлежавшего, скорее всего, восточной группе таврских племен, обитавших в окрестностях Феодосии.

[18] *Анфимов Н. В.* Ук. соч. (1971), с. 174.

[19] *Сокольский Н. И.* Ук. отчет за 1961 г., с. 5, № 71/9.

[20] *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V—IV вв. до н. э. Киев, 1974, с. 20.

[21] *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.—ВДИ, 1948, № 1, с. 158.

[22] *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях.— ИАК, 1904, № 9, с. 50, № 35. Редкое для V в. до н. э. надгробие, стихотворная надпись с благожелательным отзывом о покойном говорят, что он занимал видное место среди столичных жителей.

[23] *Корпусова В. Н.* Про населення хори античної Феодосії. Археологія, 1972, № 6, с. 41—46.

Меловая подсыпка, отдельные куски мела и комки красной краски использовались савроматами в обрядах очищения трупа [24] и поклонения огню [25] и часто присутствуют в их погребениях. Изредка мел и реальгар встречаются в меотских могилах VI—IV вв. до н. э. [26], но отсутствуют в скифских курганах и каменных ящиках Керченского полуострова. Показательно, что все случаи находок мела и реальгара в гробницах городских некрополей зафиксированы лишь на азиатском Боспоре. Скорее всего варваром, близким по происхождению савроматам, был покойник, захороненный с оружием и большим куском бело-розового мела в некрополе Гермонассы [27]. Там же обнаружено погребение второй половины VI в. до н. э. с мечом и комком красного вещества возле его рукоятки [28]. Реальгар лежал и в могиле с полускорченным захоронением в некрополе Кеп [29].

Вероятно, влиянием савроматских или каких-то местных древних традиций можно объяснить зольную подсыпку в погребении с западной ориентацией из грунтового некрополя предполагаемой Тирамбы [30].

В семи захоронениях этого времени (Таманский п-ов) [31] найдены кости животных (см. таблицу), причем в четырех из них было оружие; в пяти — невосточная ориентация. В Греции обычай класть мясо жертвенной пищи в могилу продержался до VI в. до н. э. [32]. Позднее, насколько мы можем судить по имеющимся сведениям, таких погребений нет даже в некрополях греческих полисов, удаленных от основных центров эллинского мира [33]. Примечательно, что этот элемент погребального обряда отсутствует в раскопанных гробницах вблизи городов европейского Боспора.

Обычай заупокойной мясной пищи был распространен у многих племен Северо-Восточного Причерноморья. У меотов [34], савроматов [35] и скифов [36] для этого употреблялось мясо, главным образом, мелкого рогатого скота. Та же картина и в рассматриваемых могилах городских некрополей. В пяти случаях кости животных лежали в мисках. Эта черта обряда, нетипичная для скифов [37] и савроматов [38], характерна для меотских племен [39]. Все сказанное позволяет сделать вывод, что погребения, сопровождаемые мясной пищей в некрополях Тирамбы, Корокандамы и Гермонассы, скорее всего принадлежали местному негреческому населению, родственному меотам.

В погребениях VI—V вв. до н. э. грунтовых некрополей боспорских городов доминирует восточная ориентация. Однако такая ориентировка

---

[24] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 94, 202.
[25] Там же, с. 95.
[26] *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник..., с. 281, 293.
[27] *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи..., с. 173, № 8.
[28] Там же, с. 158, 159, № 5.
[29] *Сокольский Н. И.* Ук. отчет за 1962 г., р-1, № 2524, с. 135, № 154/1.
[30] *Коровина А. К.* Отчет о раскопках городища и некрополя древней Тирамбы в 1967 г., Архив ИА АН СССР, р-1, № 3569, с. 3, № 71/7.
[31] *Коровина А. К.* Отчет о раскопках городища и некрополя Тирамбы в 1963 г., Архив ИА АН СССР, р-1, № 2790, с. 12, № 34; 1968 г., р-1, № 3762, с. 11, № 136/42; 1970 г., р-1, № 4309, с. 3, 4, № 149/3; *Шкорпил В. В.* Ук. соч.— ИАК, № 56, 1914, с. 63, №203/21; с. 64, № 205/23; *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1966 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3262, с. 35, № 371/7; *Гайдукевич В. Ф.* Ук. соч., с. 159—162, № 13.
[32] *Young R. S.* Sepulturae intra urbem. Hesperia, t. XX, No. 2, 1951, p. 111.
[33] *Yeĥasse J. et L.* La nécropole préromaine d'Aleria. Paris, 1973, p. 26—32, 74.
[34] *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник..., с. 292, 293.
[35] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 100.
[36] *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.— В сб.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 136сл.
[37] Там же, с. 136—174.
[38] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 102.
[39] *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 162, 168, 189; *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник..., с. 296—299.

для греков не была строго обязательной; допускались отклонения в зависимости от времени года, местности, где расположено кладбище, и т. п.[40] Преобладание же восточной ориентации[41] объяснялось представлениями эллинов о том, что страна мертвых находится где-то на западе[42], следовательно, покойник должен лежать лицом на запад[43], т. е. головой на восток. Любопытно, что греческие некрополи, там где это позволяла местность, в основном находились к западу от городов[44].

В могильниках боспорских городов группа погребений с невосточной ориентацией довольно многочисленна (см. таблицу). В рассматриваемое время у скифов Восточного Крыма[45], савроматов[46] и населения, оставившего каменные ящики Керченского полуострова[47], господствовала западная ориентация. У синдов — северо-восточная[48], у меотов — южная, реже восточная, западная, северная[49].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в известных в настоящий момент ранних некрополях городов европейского Боспора, непосредственно соседствовавших со скифским миром, погребений с западной ориентацией нет. Зато она встречается в могильниках Тирамбы и Кеп. Не исключено, что это элемент погребального обряда какого-то местного населения, близкого по культуре и обычаям ираноязычным племенам — например, дандариев[50].

Следует также отметить, что невосточная ориентация в некрополях городов азиатского Боспора встречается значительно чаще, чем в европейских. В целом ряде захоронений она сопровождалась другими чертами обряда, нетипичными для эллинов. Это позволяет рассматривать невосточную ориентацию в комплексе с другими признаками как элемент негреческого погребального обряда. Во всяком случае, южную и юго-западную ориентировку вполне можно объяснить меотским влиянием.

Исследователями боспорских некрополей неоднократно отмечался относительно большой процент погребений с оружием в VI—V вв. до н. э. В некрополях Греции и Ионии этот обычай к VI в. до н. э. почти исчез[51].

Единого мнения о причинах сохранения подобной традиции на Боспоре, а главное, об этнической принадлежности этих погребений — нет.

---

[40] *Kurts D. C. and Boardman J.* Greek burial customs. London, 1971, p. 71.

[41] *Robinson D. M.* Necrolynthia. London, 1942, p. 140; *Brückner A., Pernice E.* Ein Attischer Friedhof. A. M., XVIII, 1893, p. 107; *Yehasse J. et L.* Op. cit., p. 32. В греческих некрополях V—IV вв. до н. э. и позднее встречаются случаи южной, северной, западной ориентации (см. *Robinson D. M.* Op. cit., p. 141). Но нет безусловной уверенности в греческой принадлежности этих захоронений, ибо в любом греческом полисе могли оказаться варвары.

[42] *Kurts D. C. and Boardman J.* Op. cit., p. 331. *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей, т. II, СПб., 1899, с. 68.

[43] Aelian. Var. Hist., V, 14; VII, 19.

[44] *Kurts D. C. and Boardman J.* Op. cit., p. 331.

[45] *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения..., с. 119.

[46] *Смирнов К. Ф.* Савроматы..., с. 91.

[47] *Корпусова В. Н., Орлов Р. С., Гершкович Я. П.* Работы у села Золотое.— АО — 1973, М., 1974, с. 296 (Это подтвердили и раскопки автора в 1975—1977 годах).

[48] *Крушкол Ю. С.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4264, с. 7—17; 1970 г., р-1, № 4310, с. 8—20; 1971 г., р-1, № 4667, с. 8—22; 1972 г., р-1, № 4859, с. 14—28.

[49] *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 158; *его же.* Раскопки на правобережье Кубани. АО — 1972, М., 1973, с. 109, 110; *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник..., с. 295, 297; *Городцов В. А.* Елизаветинское городище и сопровождающий его могильник.— СА, 1935, № 1, с. 184.

[50] *Масленников А. А.* К вопросу о погребениях дандариев. История и культура античного мира. М., 1977, с. 127—130.

[51] *Цибарт Э.* Культурная жизнь древнегреческих городов. М., 1916, с. 35; *Kurts D. C.* and *Boardman J.* Op. cit., с. 207; *Young R. S.* Sepulturae intra urbem. Hesperia. XX, № 2, 1951, p. 87—108; Chronique des fouilles et decouverts archeologiques en Gréce en 1966, p. 853; *Robinson D. M.* Op. cit., p. 176. Лишь изредка оружие встречается в гробницах VI—V вв. до н. э. (см. *Poulsen F.* Die Dipylogräber und die Dipylonvasen. Leipzig, 1905, p. 27; *Boehlau J.* Aus ionischen und italischen necropolen. Leipzig, 1898, pl. XV, *4*).

В них видят как захоронения греков [52], так и варваров [53]. Подавляющее большинство из 73 известных в настоящий момент погребений с оружием VI—V вв. до н. э. приходится на некрополи городов азиатского Боспора (см. табл.). В дальнейшем их количество в Пантикапее и Мирмекии будет возрастать, а в могильниках городов азиатской части государства несколько снизится, оставаясь все же значительным.

Это не подтверждает мнения Н. И. Сокольского об увеличении количества погребений с оружием в некрополях Таманских городов в IV—III вв. до н. э. вследствие перенесения в эти районы центра военных действий и перехода от гражданского ополчения к наемничеству [54]. Рассматриваемые захоронения вряд ли могли принадлежать наемникам, ибо таковых на Боспоре в VI—V вв. до н. э. скорее всего не было. Погребения с оружием, видимо, являлись гробницами как граждан городов — греков, так и живших в городах варваров. Как уже говорилось, в греческой метрополии оружие в могилы в это время не клалось. Но прежде, как отмечал Фукидид, предки эллинов мало чем отличались от варваров и также носили при себе оружие, да и в его время жители наиболее отсталых районов Эллады (Эпира, Акарнании) с оружием не расставались [55]. Оружие перестало быть частью внешнего облика и потому исчезло и из погребений греков (и то не везде и не всех), когда были выработаны и узаконены нормы взаимоотношений между полисами, войны стали объявляться и не было нужды постоянно носить оружие.

На Боспоре же греки оказались в иных, чем на родине, условиях, в окружении подчас враждебных варварских племен. Трудно представить себе, чтобы переселенцы, отправляясь в заморские края, не были вооружены, а освоение новых территорий всегда протекало мирно [56]. Древний обычай ношения оружия мог частично возродиться, что сказалось на инвентаре некоторых погребений в боспорских некрополях рассматриваемого времени.

Аналогичный процесс, видимо, имел место и в других греческих городах-колониях. В этой связи показателен некрополь города Алерии на острове Корсика, где в нескольких погребениях V—IV вв. до н. э. найдено оружие [57]. Тем более неотъемлемой частью внешнего вида и быта было оружие у мужчин-варваров. Тревожную обстановку жизни среди туземных племен великолепно передал словами одного из своих героев Лукиан: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападение, или вступаем в схватки из-за пастбища и добычи» [58]. Не удивительно, что оружие, столь необходимое при жизни, считалось обычным элементом погребального инвентаря у сопредельных с Боспором местных племен.

Таким образом, сам факт наличия в погребении оружия еще не говорит об этносе покойного. Известное значение при этом может иметь набор оружия и его место в могиле.

Анализ показывает, что самым распространенным видом оружия в некрополях городов Таманского полуострова были мечи. Они зафиксированы в 49 случаях; наконечники стрел в 33 и наконечники копий в 26. Хотя число рассматриваемых погребений в городских некрополях Керченского полуострова невелико, в них преобладают наконечники стрел.

---

[52] *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея...— МИА, 1951, № 19, с. 68; *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи некоторых боспорских городов в VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности — МИА, 1959, № 69, с. 270.

[53] *Гайдукевич В. Ф.* Ук. соч., с. 158—162; *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. Тр. ГИМ, 1957, с. 20, 21.

[54] *Сокольский Н. С.* Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33, с. 126.

[55] Thuc., 1, 5—6.

[56] Страбон свидетельствует, что утверждение эллинов на европейском Боспоре сопровождалось вытеснением местного скифского населения (Strab., XI, *2, 5*).

[57] *Yehasse J. et L.* Op. cit., 1973, p. 63, 68, 69, p. 1, 6.

[58] Luc. Sam. Toksaris, 36.

В синхронных могильниках негреческого населения, у меотов, основным видом оружия было копье [59], у синдов, возможно, меч [60]. Вероятно, синдским влиянием можно объяснить большое количество мечей в некрополях азиатских городов Боспора.

Скифы Восточного Крыма в военное время в основном выступали как легкая пехота и конница, вооруженная преимущественно стрелковым оружием. Влиянием военного дела скифов и необходимостью успешно противостоять им вызвано некоторое преобладание наконечников стрел над прочим оружием в пантикапейском, мирмекийском и нимфейском грунтовых некрополях. Теми же причинами, а также и непосредственным присутствием варваров в боспорских городах объясняется то, что все дошедшие до нас мечи из могил VI—V вв. до н. э. представлены исключительно акинаками. Таким образом, уже в ранний период боспорской истории, а следовательно и греко-варварских связей, четко определилась тенденция заимствования греками туземных форм, наступательного оружия, а теми в свою очередь — греческого доспеха. Примечательно, что этот процесс не был универсальным для всех районов соприкосновения эллинского и варварского миров и зависел от целого ряда конкретных обстоятельств. В качестве примера сошлемся на уже упоминавшийся нами некрополь Алерии, где наступательное оружие представлено в основном типично греческими формами [61]. Однотипность оружия и близость приемов его употребления обусловили отсутствие существенных различий и в способах его ношения греками и варварами. В силу этого нет большой разницы и в размещении оружия в гробницах как городских некрополей, так и варварских могильников [62].

В 12 погребениях VI—V вв. до н. э. с Таманского полуострова и в одном из некрополя Пантикапея имелся полный набор наступательного оружия: меч, наконечники стрел и копий. Для греческого всадника или гоплита такое вооружение совершенно не характерно. Соседство конных стрелков скифов могло, разумеется, повлиять на оснащение и тактику боспорских воинов. Однако это не объясняет того, почему интересующие нас погребения обнаружены, главным образом, не в некрополях соседних со скифами городов, а по другую сторону пролива. Следует также заметить, что подобный набор оружия встречается в курганных гробницах скифской и синдо-меотской знати.

Не могли ли рассматриваемые захоронения принадлежать жившим в городах (прежде всего азиатского Боспора) синдским (что более вероятно) воинам — «дружинникам»? В пользу этого говорит и дата погребений — VI—V вв. до н. э.— время больших социальных перемен в Синдике, сложения здесь первых форм раннеклассового общества. Ведущее положение в синдском обществе занимала родо-племенная знать и образовавшееся в эпоху военной демократии сословие профессиональных воинов. Особенность их военной тактики, возможно, заключалась в универсальности: умении владеть всеми видами оружия, успешно противостоять конному и пешему противнику. Показательно, что впоследствии, в связи с присоединением Синдики к Боспору, рассматриваемые погребения в некрополях греческих городов повсеместно исчезают. Это объясняется, видимо, тем, что синдская знать слилась с боспорской аристократией, а «дружинное» воинство в известной мере заменили наемники Спартокидов.

---

[59] *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник..., с. 304.

[60] *Крушкол Ю. С.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4310, с. 15, 18, 20; 1971 г., р-1, № 4667, с. 11, 12, 22; *ее же.* Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями МОПИ им. Н. К. Крупской.— Уч. зап. МОПИ, 1963, т. CXV, с. 68.

[61] *Yehasse J. et L.* Op. cit., p. 63, 68, 69, pl. 6; 157.

[62] Лишь у меотов оружие всегда клалось слева от покойного (см. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 159; *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник..., с. 304).

Среди погребений с оружием есть, судя по антропологическим признакам и инвентарю, женские [63] и детские [64] захоронения, в которых само его присутствие противоестественно с точки зрения эллинских обычаев. Установить этническую принадлежность этих захоронений трудно. Очевидно, эти были дети варваров, скорее всего синдо-меотского происхождения, живших в небольших городах азиатского Боспора. У соседних с Боспором племен были вполне допустимы погребения детей со всем инвентарем, полагавшимся воину-мужчине [65].

Два женских погребения с оружием в Тузлинском могильнике можно объяснить влиянием или даже присутствием на юго-западе Таманского полуострова местного населения, близкого по культуре и обычаям савроматам [66], возможно, какого-то еще малоизученного меотского племени [67]. Погребения, сопровождаемые оружием, изредка встречаются в некрополях V — начала IV в. до н. э. Ольвии [68] и Херсонеса [69], но их значительно меньше, чем на Боспоре, особенно его азиатской части. Среди них почти нет таких, где оружие сочеталось бы с другими несвойственными грекам элементами погребального обряда, а также где оно было бы представлено всеми его наступательными видами. В некоторых погребениях боспорских некрополей VI—V вв. до н. э. попадается лепная посуда, подобная туземным образцам. Не являясь показателем этноса, она вместе с другими чертами обряда, более или менее нетипичными для греков, может подчеркивать варварский облик такого захоронения.

Как уже говорилось выше, определить точную этническую принадлежность погребений с тем или иным элементом негреческого культа — трудно. Естественно, что чем больше этих черт представлено в захоронении и чем они выразительнее, тем больше оснований считать такое погребение варварским. Таких гробниц VI—V вв. до н. э. в грунтовых некрополях боспорских городов насчитывается 70, т. е. 19,7% от общего числа. Необходимо отметить, что в некрополях европейских городов этот процент много ниже — 4,9%, в то время как в азиатской части государства он очень высок — 30%. Следует оговориться, что далеко не всегда можно уверенно отличить мужское погребение от женского, а следовательно, даже приблизительно представить долю негреков среди мужского и женского населения боспорских городов.

Разумеется, приведенные выше цифры в известной мере относительны, но все же они убедительно свидетельствуют, что и отдельные черты варварского погребального обряда, и захоронения, с большой долей вероятности принадлежавшие им, в некрополях городов азиатского Боспора встречаются значительно чаще, чем европейского. Причем доминируют среди прочих элементы обряда, связанные с синдским и меотским этносом. Все это говорит о том, что в VI—V вв. до н. э. контакты греков с племенами Таманского полуострова были теснее и разнообразнее, чем с туземным, в основном еще кочевым населением Восточного Крыма. Судя по небогатому инвентарю большинства интересующих нас погребений, значительные группы рядового синдо-меотского населения жили в греческих полисах азиатской части Боспора.

---

[63] *Шкорпил В. В.* Ук. соч.— ИАК, 1914, № 56, с. 47, № 142/97; с. 48, № 147/102.

[64] *Сокольский Н. И.* Ук. отчет за 1961 г., с. 41, № 124/62; *Шкорпил В. В.* Ук. соч., 1914, с. 23, № 54/9; *Коровина А. К.* Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1968 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3762, с. 10, № 120/26.

[65] В качестве примера сошлемся на детское погребение с оружием в одном из скифских курганов Восточного Крыма. См. *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Ук. соч., с. 172.

[66] Представление об особом положении савроматских женщин общепринято среди исследователей и подтверждается большим числом женских погребений с оружием в савроматских могильниках. См. *Смирнов К. Ф.* Ук. соч. (1964), с. 200—203.

[67] В этой связи достойна внимания героиня легенды Полиена — воинственная меотянка Тиргатао.

[68] *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V—IV вв. до н. э., с. 123.

[69] *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса..., с. 159.

Судя по далеко недостаточным сведениям, курганы в некрополях боспорских городов появляются, начиная со второй четверти — середины V в. до н. э.[70] Возможно, их сооружали и раньше. Курганы этого времени невелики, содержат в основном скромные захоронения, да и известно их немного. Доминируют в них черты эллинского погребального обряда[71]. Плохая сохранность курганных захоронений затрудняет этническую характеристику зажиточных слоев боспорских горожан во времена Археанактидов и ранних Спартокидов. Но все же имеющийся материал позволяет предположить, что в них входили и представители синдо-меотской, а возможно, и скифской знати.

Среди курганных погребений рассматриваемого времени в некрополе Пантикапея пока не обнаружено ни одного с какими-либо чертами варварского обряда. Правда, в одном из них найдены обломки железного меча[72]. Но весь облик этого захоронения — трупосожжение и инвентарь: стригели, чернофигурная керамика[73] — свидетельствуют, что перед нами погребение грека, относящееся ко второй четверти V в. до н. э.[74]

Хорошо известны некоторые, выделяющиеся своим явно негреческим обликом погребения в курганах в окрестностях Нимфея[75]. Ряд исследователей писал о скифской этнической принадлежности этих погребений[76], однако другие[77] склонны считать их захоронениями синдской знати. В пользу скифской гипотезы свидетельствуют каменные склепы, схожие по конструкции с гробницами в курганах Восточного Крыма[78] и погребение коней не в специальных гробницах или вместе с умершим, а в насыпи курганов.

С другой стороны, восточная ориентация сохранившихся костяков[79], которая, как оказалось, характерна и для синдов, близость Синдики, ранняя эллинизация синдов, игравших уже в V в. до н. э. важную роль в боспорской истории — могут служить доводами в пользу второй точки зрения. Многочисленные же металлические изделия и главным образом предметы конской упряжи, выполненные в зверином стиле и имеющие поразительно близкие аналоги с находками в ранних Семибратных курганах[80], скорее всего, сделаны в боспорских мастерских и сами по себе не могут служить критерием этнической принадлежности покойных. Таким образом, при современном состоянии наших знаний, осторожнее воздержаться от категорических суждений о рассматриваемых погребениях нимфейских курганов. V в. до н. э. датируется и уздечный набор из пятого Ак-Буринского кургана[81]. Однако поскольку погребение было ограблено, нет оснований считать его безусловно скифским, как это делает Э. В. Яковенко. Тем более, что она же отмечает исключительную близость этого набора к подобным вещам из нимфейских и Семибратных курганов[82].

---

[70] *Цветаева Г. А.* Курганный некрополь Пантикапея.— МИА, 1957, № 56, с. 232.

[71] Там же, с. 231.

[72] ОАК за 1861, с. 26 и сл.

[73] Там же, с. 30.

[74] *Блаватский В. Д.* Чернофигурная ойнохоя Государственного исторического музея.— ВДИ, 1946, № 2, с. 168, 169.

[75] *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, 69, с. 104—107, №№ 113—118.

[76] Там же, 96, 97; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 278, 279; *Яковенко Э. В.* Скифы Восточного Крыма. Канд. дис. Архив ИА АН СССР, РП, р-1, № 2046, с. 109—114.

[77] *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 54, 78; *Троицкая Т. Н.* К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове.— ИКОГО, СССР, 1957, № 4, стр. 75; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 121, 122.

[78] *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения..., с. 115—119.

[79] *Силантьева Л. Ф.* Ук. соч., с. 104—107.

[80] *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратных курганов.— СА, 1957, № 2, с. 183.

[81] *Яковенко Э. В.* Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма.— КСИА, 1970, № 124, с. 54, 55.

[82] Там же.

В некрополях Фанагории, Кеп и Гермонассы курганов этого времени немного, и большинство их было неоднократно ограблено. В курганном некрополе Кеп еще в 1880 г. раскопана сырцовая с деревянным перекрытием гробница, в которой помимо амфоры, черпака и ситечка найдены бронзовые наконечники стрел. Рядом с ней, во второй такой же могиле, находились конские скелеты [83]. Весь погребальный обряд сильно напоминает захоронение в четвертом Семибратнем кургане [84] и свидетельствует об этнической близости части «верхов» населения Кеп и обитателей глубинных районов Синдики.

Единственным эпиграфическим памятником, прямо указывающим на присутствие варваров среди жителей Пантикапея, является известное надгробие тавра — Тихона, относящееся к V в. до н. э.[85] От VI—V вв. до н. э. до нас дошло весьма мало личных имен боспорских граждан, но среди них помимо эллинских встречаются и иранские [86]. К ираноязычным соседям Боспора относились не только скифы и савроматы, но и некоторые меотские племена: дандарии [87], иксоматы [88], фатеи [89], а также, видимо, часть уцелевшего киммерийского населения [90]. Разумеется, точно сказать, кому именно принадлежали упомянутые иранские имена, невозможно. Как бы то ни было, надгробия с ними, исполненные в греческом стиле, с греческим текстом — показатель известной эллинизации, определенного достатка и равноправного положения в греческих городах их владельцев.

Любопытно граффити φολχος на дне светильника VI—V вв. до н. э. из Пантикапея [91], возможно, указывающее на этнос владельца. Некоторые керамические находки в ранних слоях Пантикапея, по мнению И. Д. Марченко, могут говорить о существовании незначительных торговых контактов Боспора с Колхидой [92].

Местная топонимика свидетельствует об ирано, а возможно, и фракоязычном [93] населении Восточного Крыма и Таманского полуострова в догреческий период и во времена Археанактидов и Спартокидов. Еще к киммерийской эпохе восходит иранское наименование боспорской столицы — Пантикапея [94]. Иранскими или даже индоарийскими [95] являются также

---

[83] ОАК за 1880—81 г. СПб., 1883, с. XII.

[84] ОАК за 1885 г. СПб., 1886, с. VI.

[85] КБН, № 114, с. 112.

[86] Таково имя Асар на нимфейском надгробии V в. до н. э. (см. КБН, № 914, с. 509, а также *Миллер Вс.* К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях.— ИАК, 1913, № 47, с. 82; *Vasmar M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slawen. I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923, p. 34; *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, т. 1. М., 1949, с. 131; *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Stadte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 73, № 63). Имя Матат, вероятно, искаженное Метак на надгробии V в. до н. э. из Корокандамы (см. КБН, № 1104, с. 642; *Zgusta L.* Op. cit., S. 197, № 130; *Грантовский Э. В.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 233).

[87] *Абаев В. И.* Ук. соч., стр. 37; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 268; *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 39, 155.

[88] *Миллер Вс.* Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, с. 236—238; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 268.

[89] *Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье.— Сб. ПИСПАЭ. М., 1959, с. 10.

[90] *Harmatt J.* Le problem cimmèrien.— AE, № 7—9, 1946—1949, p. 131; *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы, с. 125—127; *Грантовский Э. В.* Ук. соч., с. 5.

[91] *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг.— Сообщ. ГМИИ, 1968, № 4, с. 41.

[92] Там же.

[93] *Rusu I. I.* Elemente traco-getice in Scitia si Bosporul Cimmerian.— SCIV, 1958, IX, No. 2, p. 314.

[94] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, с. 170, 175, 193; *его же.* παντικάπαιον Исследования в чест на академика Д. Дечева. София, 1958, с. 183—186; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 18, 19.

[95] *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке.— Вопросы языкознания, 1976, № 4, с. 59.

названия городов: Аборака[96], по всей видимости, Казека, Кидеака (Китей), Бата и некоторые другие с иранским суффиксом «ака»[97].

Не исключено, что еще фракоязычной частью киммерийских племен даны названия: Тирамба, Тиритака, Синдика. Во всяком случае близкие аналогии им в наименовании некоторых пунктов во Фракии и Нижней Мёзии чрезвычайно интересны и показательны[98]. Явно негреческое происхождение имеют и названия рек: Танаис (Дон), Гипанис (Кубань), а также небольших городков: Корокандама, Бата. С легендарными киммерийцами связано появление на Боспоре таких наименований, как: Киммерик, Киммерий, Киммерийские укрепления и переправы, да и самой страны — Боспора Киммерийского[99]. Город То́рик своим названием, видимо, обязан племени торетов. Вероятно, влияние кавказских языков[100] ощущается в словах: Псоя, псессы, керкеты. В античную эпоху, надо думать, бытовали и другие туземные названия рек, гор, урочищ, поселений и т. д. на Керченском и Таманском полуостровах.

Присутствие в боспорских городах в VI—V вв. до н. э. варварского населения подтверждается и находками в ранних городских слоях фрагментов лепной посуды, идентичной по формам и орнаменту керамике с поселений и могильников соседних племен. В большинстве городов они встречаются редко[101], несколько больше процент лепной посуды в Тирамбе[102] и особенно Киммерике[103]. Наиболее интересна чернолощеная керамика с нарезным геометрическим орнаментом, часто затертым белой пастой, обломки которой в небольшом числе найдены в ряде городов[104] и на некоторых поселениях Керченского полуострова[105]. В слоях позднее IV—III вв. до н. э. фрагменты посуды этого типа не попадаются. Высказывалось мнение о скифской[106] и таврской[107] этнической принадлежности населения, изготовлявшего эту керамику. Мы разделяем точку зрения Е. Г. Кастанаян, которая связывает рассматриваемую керамику с европейскими потомками киммерийцев[108]. В этой связи большой интерес представляет находка лепного чернолощеного сосуда с нарезным орнаментом в одном из каменных ящиков у села Золотое на Керченском полу-

---

[96] *Грантовский Э. В.* Ук. соч., с. 266.

[97] *Грантовский Э. В.* Ук. соч., с. 262—266.

[98] Впервые на эти аналогии обратил внимание В. Д. Блаватский. (см. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 22). К этому можно добавить совпадение названий: Синдика, синды, Тирамба на Боспоре и городов Синда, Тирамбы и племени синтов во Фракии. Примечательно, что корень — тир — присутствует и в имени Тиргатао.

[99] Herod., IV, 11—12.

[100] *Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития..., с. 9.

[101] *Кругликова И. Т.* О местной керамике Пантикапея — МИА, 1954, № 33, с. 80; *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Канд. дис., Архив ИА АН СССР, р — II, № 1979, с. 14; *Сокольский Н. И.* Кепы.— В сб.: Античный город, М, 1964, с. 101, 102; *Зеест И. Б.* Раскопки в Гермонассе.— КСИИМК, 1955, № 58, с. 116; *Кругликова И. Т.* Фанагорийская местная керамика из грубой глины.— МИА, 1951, 19, стр. 88.

[102] *Коровина А. К.* Тирамба (городище, некрополь).— Сообщ. ГМИИ, 1968, № 4, с. 57.

[103] *Кругликова И. Т.* Киммерик в свете археологических исследований в 1946—1952 гг.— МИА, 1958, № 89, с. 239.

[104] *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика Мирмекия и Тирптаки.— МИА, 1952, № 25, с. 250—251; *Скуднова В. М.* Скифские памятники Нимфея.— СА, 1954, № XXI, с. 306—311; *Кругликова И. Т.* О местной керамике Пантикапея, с. 73; *Марченко И. Д.* Ук. соч., с. 28, рис. 2; *Кругликова И. Т.* О местной керамике Пантикапея, с. 82 (сноска 2); *Кругликова И. Т.* К вопросу о негреческом населении Фанагории.— ВДИ, 1950, № 1, с. 194, рис. 1.

[105] *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 72, с. 2.

[106] *Скуднова В. М.* Ук. соч., стр. 314.

[107] *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров.— Сб. ПИСПАЭ. М., 1959, с. 246; *Лесков А. М.* Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.— СА, 1961, № 1, с. 260. Связь этой керамики с догреческим населением подчеркивает И. Т. Кругликова. См. *Кругликова И. Т.* О местной керамике Пантикапея, с. 82.

[108] *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов, с. 46.

острове [109], предположительно отождествляемых нами с гробницами остатков киммерийского населения [110].

В ранних слоях некоторых боспорских городов встречаются и фрагменты лепной посуды с орнаментом в виде вдавлин либо защепов по венчику, шейке, либо налепному валику [111]. Посуда этого типа — горшки [112] и миски [113] различной формы — близка скифской керамике из районов, пограничных с Боспором и более отдаленных [114]. Возможно, она свидетельствует о присутствии в незначительном количестве скифского элемента в городах европейского Боспора, а также каких-то этнических групп, вероятно, близких по культуре к скифам или савроматам, например дандариев, в Тирамбе и в меньшей степени — Фанагории.

Прочая лепная керамика городов Таманского полуострова состоит из сероглиняных горшков, сосудов баночной формы, отличных от скифских образцов [115]. Особенно многочисленны и характерны миски с загнутыми внутрь краями, аналогичные посуде, широко распространенной у меотов Прикубанья и синдов. По другую сторону пролива керамика прикубанского круга в настоящее время не известна.

В керамическом материале боспорских городов VI—V вв. до н. э. господствует разнообразная античная посуда. Как на импортной, так и на подражавшей ей боспорской расписной керамике доминируют главным образом эллинские сюжеты, хотя иногда встречаются сцены, изображающие варваров [116]. Видимо, вкусы подавляющего большинства горожан в это время были теми же, что и у греков метрополии [117]. Таким образом, основываясь на имеющемся в настоящий момент археологическом материале, можно сделать следующие выводы.

Основную массу населения боспорских городов в VI—V вв. до н. э. составляли греки. Это подтверждается значительным преобладанием черт эллинского погребального обряда в грунтовых и курганных некрополях, в основном греческим обликом самих городов, характером массового археологического материала и боспорской ономастикой.

Однако некоторое количество представителей местных племен обитало изначально или вселялось впоследствии в города Боспора Киммерийского.

Различное по социальному положению и материальному достатку негреческое население было представлено в городах неравномерно. Синдомеотские элементы присутствовали в городах азиатского Боспора в большем количестве, чем скифские или какие-либо иные в городах Керченского полуострова. Это говорит о более тесных затрагивавших различные слои туземного населения связях греков с племенами Таманского полуострова и Прикубанья, нежели Восточного Крыма.

Процесс формирования греко-варварского протоэллинистического государства, вероятно, начался на азиатской части Боспора несколько рань-

---

[109] *Корпусова В. Н., Орлов Ф. С., Гершкович Е. П.* Работы у села Золотое.— АО — 1973, М., 1974, с. 293.

[110] *Масленников А. А.* Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма.— КСИА АН СССР, 1976, № 145.

[111] *Кругликова И. Т.* Киммерик в свете археологических исследований в 1946—1952 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 240—241; *ее же.* О местной керамике Пантикапея, с. 81 (сноска № 8); *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки, с. 252—253, 265; *Марченко И. Д.* Новые данные о догреческом Пантикапее.— МИА, 1963, № 103, с. 92, 93; *Коровина А. К.* Тирамба.— Сообщ. ГМИИ, 1968, № 4, с. 57; *Кругликова И. Т.* Фанагорийская местная керамика..., с. 90, рис. 1—2.

[112] *Кастанаян Е. Г.* Ук. канд. дис., с. 66, 70—72; *Кругликова И. Т.* Ук. соч.— МИА, 1954, № 33, с. 81; *ее же.* Фанагорийская местная керамика..., с. 90, рис. 1—2.

[113] *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 81.

[114] *Кастанаян Е. Г.* Ук. канд. дис., с. 73.

[115] *Кругликова И. Т.* К вопросу о негреческом населении Фанагории.— ВДИ, 1950, № 1, с. 105; *ее же.* О местной керамике Пантикапея, с. 89—91.

[116] *Vos M. F.* Skythian archers in archaic attice vaspainting, 1963, p. 1, 2.

[117] *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953, с. 266.

ше. Это способствовало росту экономического и военного потенциала городов данного района, что в свою очередь определило их ведущую роль в консолидации всех греческих городов и создании, главным образом, на греко-синдо-меотской основе, Боспорского государства. В этой связи чрезвычайно интересно короткое замечание Диодора Сицилийского: «...κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιαναχτίδαι»[118], свидетельствующее, что власть Археанактидов скорее всего распространялась лишь на азиатскую часть Боспора. Возможно, столицей их была Гермонасса[119]. Указанные особенности ранней боспорской истории обусловили также и своеобразие политической структуры Боспора и его культуры.

A. A. Maslennikov

LA COMPOSITION ETHNIQUE DE LA POPULATION DES VILLES BOSPORIENNES AUX VIe ET Ve SIECLES AV. N. E.

Résumé

La nette prédominance durant les VIe et Ve s. av. n. è. du rite funéraire hellénique dans les nécropoles, formées de tombes pratiquées dans le sol et dans celles comprenant des kourganes, des villes du Bospore, leur aspect purement grec, le caractère dominant des pièces archéologiques, ainsi que les données fournies par l'onomastique, tout ceci atteste que les Grecs constituaient la masse fondamentale de la population urbaine. En même temps, l'étude des nécropoles et de la céramique modelée à la main, la toponymie, et parfois l'onomastique, montrent que dès cette époque des représentants des tribus locales barbares habitaient dans les villes bosporiennes. La population non-grecque, différente par son niveau de vie et par sa situation sociale, y était représentée de manière inègale. Les éléments sindo-méotiques se trouvaient dans les villes du Bospore d'Asie en plus grand nombre que les Scythes ou tout autre peuplade ne l'étaient dans les cités de la presqu'île de Kertch. Les relations des Grecs avec les tribus locales de Taman et de la région du Kouban étaient plus étroites et variées qu'avec la population de la Crimée orientale. Le processus de formation d'un état gréco-barbare protohellénistique avait sans doute commencé dès le Ve s. av. n. è., précisément dans le Bospore d'Asie. Ceci favorisa le renforcement économique, militaire et politique des cités grecques de cette région, ce qui, à son tour, détermina leur rôle dominant dans la consolidation de toutes les polis grecques, et surtout dans la formation de l'Etat bosporien sur une base gréco-sindo-méotique. Il est probable que sous les Archéanaktides cet Etat n'ambrassait que les polis et les khorè des villes de la presqu'île de Taman, et qu'il avait Hermonassa pour capitale.

---

[118] Diod., XII, 31, 1.

[119] *Blavatzky V. D.* Zur Herkunft der Bosporanichen Archaianaktiden. Klio., 52, 1970, S. 33—36. Эту точку зрения, впервые высказанную В. Д. Блаватским, в настоящий момент разделяют и другие исследователи (см. *Зеест И. Б.* Возникновение и первый расцвет Гермонассы.— СА, 1974, № 4, с. 85, 92; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 120).

С. Ю. САПРЫКИН

О КУЛЬТЕ ГЕРАКЛА В ХЕРСОНЕСЕ И ГЕРАКЛЕЕ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Мифологическая традиция связывает вопрос об основании Гераклеи с Гераклом, что предполагает, таким образом, широкое распространение там его культа. Однако данные, которыми мы располагаем о культе Геракла в Гераклее, очень противоречивы и незначительны, так как в археологическом отношении этот античный центр почти не исследован. Вместе с тем после проведенного недавно австрийскими и немецкими учеными изучения окрестностей Гераклеи появилась возможность проверить достоверность местной мифологической традиции о Геракле [1]. Привлечение же значительно более разнообразного материала о Геракле, происходящего из Херсонеса Таврического, основанного гераклеотами и во многих укладах жизни родственного метрополии, позволяет конкретнее говорить о некоторых сторонах культа Геракла и, в частности, проследить влияние хтонического культа Геракла в метрополии на почитание его в Херсонесе.

Изображения Геракла и его атрибутов (палицы, лука и колчана со стрелами) имеются на монетах как Гераклеи, так и Херсонеса [2]. Наиболее ценными для изучения культа Геракла в Гераклее являются сведения «Анабасиса» Ксенофонта и фрагменты сочинений гераклейских мифографов и историков — Геродора, Нимфиса, Проматида и Домития Каллистрата, сохранившиеся у поздних писателей. Очень незначительные данные можно почерпнуть и из эпиграфических памятников Гераклеи римского времени [3].

Проблема культа Геракла в Гераклее Понтийской совершенно не разрабатывалась в исторической науке. Вопросами религии в Гераклее много занимался К. Ганель [4], однако культ Геракла исследовался им мало. Разных сторон культа Геракла в Гераклее касались Л. Фарнелл [5] и М. Нильсон [6]. Вопросы религии в Херсонесе вообще затрагивались неоднократно. Что же касается культа Геракла, то эта проблема поднималась лишь в связи с обнаружением различных памятников [7]. Был сделан ряд

[1] Forschungen an der Nordkuste Kleinasiens. Erganzungsbande zu den Tituli Asiae Minoris N 5, Bd I—II, Wien, 1966—1972; *Dorner F. K.* Vorbericht über eine im Herbst 1961 ausgeführte Reise in Bithynien, Anzeiger der Akademie in Wien. Philol.— Histor. Klasse 99, 1962; *Dorner F. K., Hoepfner W.* Vorläufiger Bericht über eine Reise in Bithynien 1961, AA, 1962, Ht 3, S. 564—594.

[2] *Head B. V.* Historia Nummorum. Oxford, 1911, p. 514—516; *Franke P. R.* Zur Tyrannis des Klearchos und Satyros in Herakleia am Pontos. AA, 1966, Ht 2, S. 130—139.

[3] *Mendel I.* Inscriptions de Bithynie, BCH, 1901, p. 5—92; *Robert L.* Etudes Anatoliennes. Recherches sur les Inscriptions grecque de l'Asie Mineure. Paris, 1937, p. 245.

[4] *Hanell K.* Megarische Studien. Lund, 1934.

[5] *Farnell L. R.* Greek Hero Cults and ideas of Immortality. Oxford, 1921.

[6] *Nilsson M. P.* Griechische Feste. Leipzig, 1906, p. 448, 453.

[7] *Стржелецкий С. Ф.* Жертвенник Гераклу из так называемого Страбоновского Херсонеса.— ХСб., 1948, IV, с. 97—106; *Щеглов А. Н.* Светильник с изображением Ге-

попыток показать некоторые стороны культа Геракла и его значение для населения северо-западного Крыма и Херсонеса [8], но недостаточное привлечение материала Гераклеи Понтийской вело к преобладанию описательной стороны как в исследованиях, так и в публикациях.

Прежде чем говорить о культе Геракла в Гераклее и Херсонесе, следует остановиться на том, откуда он получил свое распространение на южном берегу Понта. Гераклея была основана в середине VI в. до н. э. выходцами из Мегар и Беотии [9]. Однако в Мегарах Геракл был непопулярен, так как здесь очень почитался местный герой Алкафой. Павсаний при описании Мегариды не упоминает о культе Геракла [10]. Правда, отдельные надписи свидетельствуют о наличии статуи Геракла в Пагах и синода гераклистов в Агосфенах [11], но эти города не являются собственно Мегарами, хотя и расположены поблизости. Следует согласиться с теми, кто полагает, что столь широкое почитание Геракла в Гераклее Понтийской не связано с влиянием Мегар. Исследователи, занимавшиеся вопросами религии в Мегарах (Э. Хайбергер) и мегарских колониях (К. Ганель), а также авторы новейших работ о Гераклее Понтийской Д. Ашери и С. Берстейн считают, что распространение его культа в Гераклее объясняется активным участием в колонизации города выходцев из Беотии, где культ Геракла был особенно популярен [12]. Во фрагментах не дошедших до нас полностью произведений гераклейских историков сохранились мифы, бытовавшие в среде гераклеотов. Согласно местной традиции, в Гераклее Понтийской локализуются два из двенадцати подвигов Геракла: извлечение героем из Аида пса Цербера и посещение Гераклом области мариандинов (где расположена Гераклея), когда он возвращался из Азии с поясом Ипполиты. В древности существовала легенда, передаваемая Нимфисом, что близ Гераклеи на Ахерузском мысу начинался спуск в царство Аида [13]. Известно, что там протекала бурная река Ахеронт, а на южном склоне находилась, как пишет схолиаст к Аполлонию, «пещера Ахеронт и зияющая бездна в земле» [14]. Ксенофонт, побывавший в Гераклее, и другие античные авторы сообщают о местном предании, согласно которому Геракл спускался в Аид через Ахерузскую пещеру и извлек Цербера. Из пены, изрыгаемой Цербером, выросло ядовитое растение аконит, которое, как пишет Плиний Старший, указывало на вход в подземный мир [15]. Эта легенда может выражать победу Геракла — олицетворение силы и храбрости — над смертью, над темными силами подземного царства и тем самым отражать идеи бессмертия, подобно тому

ракла.— СХМ, 1960, № 1, с. 21—24; *Кобылина М. М.* Глиняный торс Геракла из Херсонеса.— В сб. Культура античного мира. М., 1966, с. 92 сл.; *Белов Г. Д.* Терракотовая голова Геракла из Херсонеса.— СА, 1976, № 4, с. 203.

[8] *Пятышева Н. В.* О культе Геракла в Херсонесе.— ВДИ, 1948, № 2, с. 197—204; *Щеглов А. Н.* Геракл отдыхающий.— В сб.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974, с. 44, 45.

[9] Xen. Anab. VI, 2, 1; App. Perip. P. E., 18; Diod. XIV, 31, 3 — называют основателями города лишь одних мегарян. Efor, fr. 44 (FGrH II A56); Apol. Rhod. II, 846; ps. Scymn. 972; Paus. V, 26, 7; Eforion-Schol. Apol Rhod. II, 35 упоминают еще и беотийцев в качестве сооснователей Гераклеи.

[10] По числу храмов Мегары занимали пятое место в Греции, а потому отсутствие культовых сооружений Геракла особо отражает непопулярность там его культа (см. *Hussey G. R.* Distribution of Hellenic Temples. AJA, 1890, vol. VI, p. 63).

[11] IG VII, № 192.213.

[12] *Highberger E. L.* The History and Civilization of Ancient Megara, Baltimore, 1927; с. 65 (см. прим. 246); *Hanell K.* Op. cit., S. 203; *Acheri D.* Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike.— In: Forschungen an der Nordküste Kleinasiens, Bd I, Wien, 1972, S. 25; *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. University of California press, 1976, p. 15.

[13] Schol. Apol. Rhod. II, 729.

[14] Ibid., II, 734.

[15] Xen. Anab. VI, 2, 2; Apol. Rhod. II, 732—739; Ovid Met. 7; Dion. Perieg., 788; Plin. N. H. VI, 1; XXVII, 2. Об этом же говорят Геродор и Эфорион (Schol. Apol. Rhod. II, 354).

как миф о похищении и возвращении Коры символизирует умирание и возрождение природы, а после переработки его орфиками связывается с представлениями о бессмертии души. С легендой об Ахеронтской пещере уместно сопоставить передаваемый Плутархом рассказ о том, что спартанский царь Павсаний вызвал в гераклейском прорицалище мертвых душу убитой им Клеоники и беседовал с ней [16]. Эти легенды сложились, очевидно, под влиянием определенного культового комплекса, связанного с хтоническими богами и находившегося в Гераклее. Немаловажную роль играл здесь и культ Геракла. Чтобы выяснить связь его с подземными богами, обратимся к литературной традиции.

Аполлоний Родосский в «Аргонавтике» сообщает, что царь мариандинов Лик, приветствуя аргонавтов, рассказал о том, как Геракл посетил чертоги его отца Даскила. Это место, как принято считать, заимствовано Аполлонием у Нимфиса, гераклейского историка III в. до н. э., и представляет образец «гераклеизированного» варианта легенды, включенной историком-гераклеотом из политических и идеологических соображений в его сочинение [17]. Лик, восхваляя Геракла, сообщил аргонавтам, что тот подчинил Даскилу племена мизийцев, пафлагонцев, фригийцев и вифинов, распространив власть мариандинского царя до устьев реки Ребы и утесов Колоны [18]. Нимфис, Домитий Каллистрат и Аполлоний Родосский пишут, что Геракл выступил в союзе с мариандинами против бебриков, нападавших на владения мариандинов, и подчинил их власти мариандинского царя. Но в сражении с бебриками пал Приолай, брат Лика, сын Тития, предводительствовавший войском мариандинов. Тогда были учреждены надгробные состязания (ἐπιτάφιος ἀγών), в которых принял участие Геракл, в кулачном бою низложивший одного из мариандинов — Тития [19]. Несомненно, что этот миф является отражением экспансионистских устремлений Гераклеи, а в образе Геракла, эпонима и покровителя гераклеотов, совершенно определенно можно видеть саму Гераклею Понтийскую [20].

В указанной легенде есть ряд разночтений. Так, Приолай у Аполлония Родосского является братом царя Лика [21], но по другой версии Приолай — его сын [22]. Существует и еще версия, по которой Приолай, брат Лика, был сыном Тития, но не Даскила, как сам Лик [23]. Нимфис и Каллистрат сообщают, что сыном Тития был Бормон, а не Приолай. Андрон Теосский в «Перипле» говорит, что в этих местах царствовал некий Ахеронт, по-видимому, бог реки, текущей из царства теней, у которого была дочь Дарданида, вступившая в связь с Гераклом и имевшая от него сына Поймена [24]. Если сопоставить эту версию с передаваемой Нимфисом традицией, согласно которой Лик является сыном Даскила, сына Тантала и Антемоисиды, дочери реки Лика, то бросается в глаза некоторое сходство в деталях: и у Андрона Теосского, и у Нимфиса фигурирует речное божество. В первом случае Ахеронт — царь, а во втором — бог реки Лик, одноименный царю. В первой легенде Ахеронт имеет дочь Дарданиду, а во второй — Лик имеет дочь Антемоисиду; Дарданида родила от Геракла Поймена, а Антемоисида родила Даскила, имевшего сына Лика. Но по

---

[16] Plut. Kimon, 6.
[17] *Asheri D.* Op. cit., S. 21—23.
[18] Apol. Rhod. II, 786—790. Нимфис (Schol. Apol. Rhod. II, 786) указывает, что Геракл подчинил мариандинам фригийцев, Дейний в «Арголиках» и Асклепиад из Мирлеи в «Вифиниаках» свидетельствуют, что он подчинил пафлагонцев (Schol. Apol. Rhod. II, 789). Версия Аполлодора (II, 5, 9) называет мариандинским царем, которому Геракл подчинил племена, самого Лика.
[19] Apol. Rhod. II, 780—785; Schol. Apol. Rhod. II, 758; 780; 786.
[20] *Ascheri D.* Op. cit., S. 18.
[21] Apol. Rhod. II, 780.
[22] Schol. Apol. Rhod. II, 758.
[23] Schol. Apol. Rhod. II, 780.
[24] Schol. Apol. Rhod. II, 354.

другой версии Лик, как брат Приолая, был сыном Тития, являвшегося сыном Зевса и одним из Идейских Дактилей. Как известно, сам Геракл был порожден Зевсом и имел среди прочих эпиклесу Ἰδαῖος, т. е. Идейский Дактиль. Поэтому под местным героем Титием можно подразумевать Геракла. Древние греки на периферии античного мира отождествляли местных богов и героев с греческим Гераклом. В Скифии таким героем, например, был Тиргатай, в Передней Азии — Санерг и Сандон, у финикийцев — Мелькарт [25]. Тогда царь Лик мог быть сыном Геракла, рожденным Антемоисидой, дочерью реки Лика, подобно тому как Дарданида, дочь реки Ахеронта, родила от Геракла Поймена. Таким образом, мариандинские герои Лик, Поймен, Титий и Приолай в представлении древних греков могли оказаться связанными с Гераклом, покровителем Гераклеи.

Приведенные у Андрона и Нимфиса легенды имеют в основе Геракла, связанного с различными мариандинскими божествами. На протяжении какого-то времени лежащий в основе этих легенд миф мог видоизменяться, а действующие лица с одним именем могли начать фигурировать под другим (например, Дарданида стала Антемоисидой, Лик — Пойменом, Поймен — Даскилом и т. п.) и в таком виде попасть к различным античным авторам. Указанные легенды свидетельствуют, что мариандинские предания тесно переплелись с греческим официальным культом Геракла. По всей видимости, античные писатели передавали в различных вариантах официальную гераклейскую версию о том, что мариандинские герои и цари родственны Гераклу, покровителю гераклеотов. Греческие легенды о Геракле как предке мариандинских героев и их защитнике являлись демагогическим приемом, отражавшим социально-экономические отношения, которые сложились внутри полиса Гераклеи.

Включение Нимфисом в его сочинение мифологической истории города и легенды о помощи Геракла мариандинам имеет политическую причину. Нимфис, писавший свое сочинение в первой половине III в. до н. э., отразил в нем напряженный период, переживаемый Гераклеей. В это время Гераклея сплотила вокруг себя ряд греческих городов для противоборства агрессивным устремлениям Селевкидов, а также территориальным притязаниям галатов и вифинских царей. В данный момент вера в некогда чудесное избавление Гераклом мариандинов от бебриков требовала своего идеологического оформления в официальную версию, чтобы перед лицом внешней опасности создать видимость сплоченности греков и мариандинов — той категории населения, от которой зависело благосостояние полиса гераклеотов. Вера во всевозможные спасения, эпифании и т. п. была характерной особенностью жизни полисов в этот период [26], что и являлось одной из причин появления трудов местных историков, подобных Нимфису. Сириск — историк Херсонеса Таврического, примерно в то же время описал явления богини Девы, поскольку в сознании херсонеситов чудесное проявление богиней ее силы должно было защитить их от угрозы со стороны скифов [27]. По этой причине в Херсонесе был введен даже культ богини Сотэйры — спасительницы и заступницы, связанный с культом Девы, покровительницы города [28]. Несколько ранее в Мегарах было официально введено почитание Артемиды Сотэйры, после того как она якобы избавила город от нашествия персов Мардония [29]. Подобный спи-

---

[25] О Тиргатае-Геракле (Herod. IV, 7—10) подробнее см.: *Граков Б. Н.* Скифский Геракл.— КСИИМК, 1950, № XXXIV, с. 7—18; *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея.— СА, 1970, № 3, с. 91. О Геракле-Мелькарте см. *Циркин Ю. Б.* Финикийская культура в Испании. М., 1976, с. 66сл.

[26] *Ростовцев М. И.* Сириск — историк Херсонеса Таврического.— ЖМНП, 1915, апрель, с. 159.

[27] IOSPEI², № 344; *Ростовцев М. И.* Ук. соч., с. 159.

[28] *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, с. 81, 86.

[29] Paus. I, 40, 2.

сок богов-избавителей можно продолжить, однако хотелось бы остановиться на одном факте: в Магнесии на Меандре явления богини Артемиды Левкофриены дали повод учредить состязания [30]. И в Гераклее Геракл, участвовавший вместе с Приолаем в походе на бебриков, был одним из учредителей погребальных агонов после смерти последнего и даже принял в них участие. Поэтому мы можем заключить, что в Гераклее почитание Геракла имело политический характер, причем в него верили как в защитника и заступника, чьи эпифании избавляли жителей от опасностей. А это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о почитании там Геракла как Сотэра, что подтверждается и обнаружением граффити — посвящений Гераклу-Сотэру на сосудах из Херсонеса, куда его культ мог попасть из Гераклеи Понтийской [31]. К Нимфису восходит и сообщение Мемнона о том, что Птолемей III Эвергет, стремясь заручиться поддержкой греческих городов против Селевкидов, построил на акрополе Гераклеи храм Геракла из проконесского мрамора [32]. Этот акт имел большое политическое значение для гераклеотов, поскольку им было выгодно иметь в качестве союзника царя Египта. Другим важным свидетельством использования в Гераклее культа Геракла в политических целях является заметка Павсания, что гераклеоты после победы над мариандинами посвятили в храм Зевса в Олимпии изображения подвигов Геракла [33]. Сделали они это, очевидно, после того, как мариандины сведены были окончательно до положения «рабов, приносящих дары» [34]. Тесная связь местных легенд с мифами о Геракле также могла отображать взаимоотношения греков и мариандинов как властителей и порабощенных и, в свою очередь, являлась результатом того «соглашения», которое закрепило зависимость мариандинов от греков [35].

Однако почитание в Гераклее Геракла как бога-спасителя не ограничивалось политическими причинами. Прежде всего, его эпиклеса Сотэр связана была с представлениями о нем как о борце со смертью, на что указывает локализация мифа о Геракле и Цербере в Гераклее и учреждение им погребальных агонов в честь Приолая. В таком определении его функций Геракл сближался, например, с Асклепием Сотэром, значение которого как победителя смерти получило наглядное воплощение на посвятительных рельефах с изображением сцен загробной трапезы [36]. Почитание Геракла в такой ипостаси было широко распространено в Греции. Уже у Еврипида Геракл вступает на могиле Алкестиды в борьбу со смертью, принявшей вид страшного Танатоса, и побеждает ее. Подобное понимание Геракла восходит к древнейшим мифологическим представлениям и культовым обрядам и подразумевает поклонение Гераклу и как богу, и как герою [37].

Учитывая широкое распространение его культа в Гераклее, следует считать вероятным наличие там культового центра, связанного с почитанием Геракла как борца со смертью. Если обратиться к литературной традиции, то в мифе об аргонавтах можно заметить ряд интересных деталей. За рекой Каллихором находилась могила Сфенела, который выступил вместе с Гераклом в поход против амазонок и умер в Пафлаго-

---

[30] SIG², 256, 10; 257, 7; 258, 11; 259, 8.

[31] *Штерн Э.* Граффити на черноморской посуде.— ЗООИД, 1897, № XX, с. 177, № 31; *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса.— ВДИ, 1976, № 3, с. 126, прим. 19.

[32] Memn. XXV, 1.

[33] Paus. V, 26, 7.

[34] Plato. Leg. VI, 776; Athen. VI, 263; Strabo. XII, 3, 4.

[35] См. об этом подробнее у Д. Ашери (*Asheri D.* Op. cit., S. 17); об использовании религии и культов в политических целях см. *Nilsson M. P.* Cults Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951.

[36] *Svoronos J. N.* Das Athener National Museum, Athen, 1908, II, S. 539.

[37] Eurip. Alk., 741; у Гомера (Homer, Il., V, 395) Геракл вступает в борьбу с самим Аидом.

нии[38]. Аполлоний описывает, как в этом месте Персефона отпустила на землю его душу, «что умоляла хотя бы на миг дать ей сверстников видеть» (перевод Г. Церетели)[39]. Этот рассказ перекликается с легендой о царе Павсании, вызвавшем душу Клеоники в гераклейском прорицалище мертвых. Недалеко от кургана Сфенела была пещера, где «нисеец, сын Зевса», придя из Индии, устроил хоровод и оргии[40]. Пещера и курган находились на территории хоры Гераклеи. Сама Гераклея оказалась местом погребения двух героев-аргонавтов — Тифиса и Идмона[41].

В версию мифа об аргонавтах, передаваемую Аполлонием, рассказ о погребении Идмона и Тифиса в Гераклее, вероятно, попал через Геродора, гераклейского мифографа V в. до н. э., излагавшего легенды, которые были распространены в Гераклее в классическую эпоху и сложились под влиянием какого-то культового центра, связанного с почитанием душ умерших. Об этом же культовом сооружении, названном прорицалищем мертвых, говорится, очевидно, и в рассказе о Павсании. Таким образом, можно предположить, что оно существовало уже в V в. до н. э. Включение в сказание об аргонавтах легенд о погребении известных героев в окрестностях Гераклеи может восходить к древним мифам, сложившимся на основании представления о том, что в этих местах был спуск в царство Аида.

Большой интерес представляет предание об Идмоне. Аполлоний передает, что он погиб от нападения вепря и был похоронен близ мыса Ахерузий, а Аполлон повелел беотийцам и нисейцам почитать его как градодержца и заложить город возле растущей у его могилы дикой оливы[42]. Речь идет о Гераклее, которая, по предсказанию дельфийского оракула, была основана возле могилы Идмона[43]. Интересна сама фигура Идмона. Ферекид называет его племянником Фестора со стороны Аполлона, а Аполлоний указывает, что, хотя он считается сыном Абанта, на самом деле он сын Аполлона[44]. Д. Ашери справедливо усматривает в этом беотийское влияние[45]. Аполлоний далее говорит, что Идмона славят в Гераклее под именем местного героя Агаместора[46]. Имя это состоит из двух слов: ἀγός — «предводитель», «вождь», и μήστωρ — «советчик», «наставник», что вместе означает «предводитель», которого можно принять за руководителя группы людей, прибывших для основания города. Это не противоречит сведениям об Идмоне, почитаемом градодержцем. Однако официальным ктистом Гераклеи был Геракл, что следует из названия города, помещения его изображения на монету и сообщения Помпея Трога (Юстина) о том, что дельфийский оракул повелел беотийцам основать в Понте город и посвятить его Гераклу. Таким образом, у нас имеются две традиции об основании Гераклеи: одна, передаваемая Аполлонием, связана с Идмоном, а другая у Помпея Трога (Юстина) — с Гераклом.

---

[38] Apol. Rhod. II, 911—929; Schol. Apol. Rhod. II, 911. Миф о Сфенеле передает гераклейский историк Проматид (Schol. Apol. Rhod. II, 911).

[39] Apol. Rhod. II, 916—917.

[40] Аполлоний Родосский (Apol. Rhod. II, 905—910) и схолии к нему (Schol. Apol. Rhod. II, 904) сообщают, что речь идет о Дионисе и о святилище Диониса близ Гераклеи, ссылаясь на Каллимаха. В данном случае хорошо осведомленный в гераклейской мифологии схолиаст не дает ссылок на гераклейские источники, так как, вероятно, приводимые сведения в таковых отсутствовали, а посему могут быть списаны за счет поэтической фантазии Каллимаха. Гораздо уместнее видеть здесь намек на Ахерузскую пещеру и святилище Геракла.

[41] Apol. Rhod. II, 851—860; Schol. Apol. Rhod., II, 854, 857.

[42] Apol. Rhod. II, 815—858.

[43] Schol. Apol. Rhod. II, 845, 848. О роли Дельфийского оракула при основании Гераклеи — Iustin XVI. 3.

[44] FGrH III F 103; Apol. Rhod. I, 142.

[45] *Asheri D.* Op. cit., S. 26.

[46] Apol. Rhod. II, 850; Schol. Apol. Rhod. II, 849.

Следует заметить, что культ Идмона в Гераклее находит параллели с почитанием Геракла. Родство пророка Идмона с Аполлоном и предсказание Дельф указывает на связь его с Дельфийским оракулом [47]. Геракл также входил в число божеств дельфийского круга [48]. Возле могилы Идмона росла олива, Гераклу тоже посвящалось оливковое дерево. Как и Идмон, Геракл имел эпиклесу μάντις (предсказатель). По сообщению Геродора, могила Идмона находилась на агоре Гераклеи, а Проматид свидетельствует, что гераклеоты, не зная, кто такой Идмон, называют его местным героем, по-видимому, Агаместором Аполлония [49]. Мы видим, как тесно переплелись мифы о Геракле с мариандинскими легендами. Поэтому, учитывая сходство в некоторых деталях культов Идмона и Геракла, мы считаем возможным отождествить местного героя Идмона-Агаместора с Гераклом и объединить версии Аполлония и Помпея Трога об основании Гераклеи. Разночтение версий объясняется тем, что их авторы пользовались, очевидно, местными источниками, по-разному трактовавшими в связи с политическими условиями в Гераклее легенду об основании города, восходившую в своей основе к Гераклу как официальному герою-ктисту гераклеотов.

Как свидетельствует Аполлоний, могила Идмона-Агаместора находилась на Ахерузском мысу. Там же были пещеры — вход в царство умерших, где Геракл спускался в Аид. По одной из мариандинских «гераклеизированных» легенд, сын Геракла Поймен являлся внуком Ахеронта, бога реки, истекавшей возле этих пещер и мыса. На Ахерузском мысу рядом с курганом Идмона находилась могила Тифиса, а в окрестностях Гераклеи мифы помещают и могилу Сфенела, друга Геракла. По сообщению Ксенофонта, перед отправлением наемников из Гераклеи Ксенофонт принес жертву Гераклу, сделав это, очевидно, на Ахерузском мысу, где остановились по прибытии он и его воины [50]. Все эти данные предполагают существование в этом месте древнейшего святилища Геракла, связанного с почитанием подземных богов и душ умерших [51].

В 1963 г. экспедиция Австрийской академии наук исследовала Ахерузский мыс, где были обнаружены три большие пещеры, в одной из которых сохранилась мозаика римского времени [52]. Ученые пришли к заключению, что знаменитым specus Acherusia, упоминаемым античными авторами как место спуска Геракла к Аиду, была пещера № 2 Ахерузского комплекса. В. Хепфнер полагает, что возле пещер находились храмы и другие культовые постройки, связанные с почитанием Геракла, и датирует их как римской, так и эллинистической эпохой [53].

В связи с предположением В. Хепфнера хотелось бы указать на отрывок Аполлониевой «Аргонавтики», где говорится об обещании царя мариандинов Лика построить на мысе Ахерузий храм Тиндаридам в честь победы одного из божественных близнецов-Диоскуров — Полидевка над царем бебриков Амиком [54]. Поэтому на Ахерузском мысу кроме святилища Геракла мог существовать и храм Кабиров. Хтонический культ Ка-

---

[47] *Hanell K.* Op. cit., S. 170; *Parke H. W., Wormell D. E.* The Delphic Oracle, Oxford, 1956, v. I, p. 62.

[48] Об этом Демосфен (Demosph. Mid. XXI, 52), надписи из Селинунта (IG XIV, 268) и Теноса (IG XII, 5, 913). Подробнее у К. Ганеля (*Hanell K.* Op. cit., S. 172, 173).

[49] Геродор в Schol. Apol. Rhod. II, 848; Проматид в Schol. Apol. Rhod. II, 845.

[50] Xen. Anab. VI, 2, 1; 2, 15.

[51] В Гераклее существовал храм Геракла, построенный Птолемеем III Эвергетом на акрополе города (Memn. XXV, 1), но он был воздвигнут лишь в середине III в. до н. э.; предание же о Павсании и сообщения Геродора предполагают функционирование прорицалища мертвых уже в V в. до н. э. По сообщению Артемидора, в стране Левкосиров находился мыс Гераклий с выстроенным на нем святилищем Геракла (Schol. Apol. Rhod. II, 963).

[52] *Hoepfner W.* Topographische Forschungen.— In: Forschungen an der Nordküste Kleinasiens. Bd I. Wien, 1972, S. 37—46.

[53] Ibid., S. 4.

[54] Apol. Rhod. II, 806, 807.

биров был связан с культом Геракла, на что указывают, в частности, изображения Геракла на вазах из Фиванского Кабириона [55]. Святилище Геракла, построенное вблизи Кабириона, существовало, например, и на о. Делосе [56]. Связь Геракла с хтоническим культом Кабиров объясняется почитанием его как божественного героя — победителя смерти, а потому и возведение Кабириона на мысе Ахерузий является еще одним доказательством предположения о существовании там же святилища хтонического Геракла.

Рис. 1. Пирующий Геракл. Сакский рельеф

Приведенные мифы свидетельствуют о том, что культ Геракла был одним из основных у жителей древней Гераклеи, причем представления о нем как об эпониме и покровителе нередко использовались в политических и идеологических целях. По всей видимости, хтоническая сторона была одной из главных в его местном культе и находилась под непосредственным влиянием прорицалища мертвых и святилища Геракла на мысе Ахерузий.

Некоторые памятники Херсонеса позволяют проследить влияние хтонической стороны культа Геракла в метрополии на характер его культа в Херсонесе. В Херсонесе и хоре среди многочисленных изображений Геракла имеются рельефы, представляющие отдыхающего возлежащего героя [57]. Из Херсонеса происходит и фрагментированная терракотовая фигура возлежащего Геракла, подобная обнаруженной в Ольвии в засыпи колодца, открытого в 1969 г. [58] М. А. Наливкина дала подробную характеристику художественным и стилистическим особенностям трех рельефов эллинистического времени, найденных в районе Керкинитиды. Она считает их посвятительными и местными по происхождению [59]. Обнаруженный в районе Сакского озера рельеф (рис. 1) она датирует III в. до н. э., рельеф, найденный в 1897 г., относит к концу III — началу II в. до н. э., а майнакский (рис. 2) — к концу II в. до н. э. Рельефы из Межводного (рис. 3) и с городища «Чайка» (рис. 4) также эллинистические [60]. Близкий им рельеф из Херсонеса датируется I в. до н. э.— I в. н. э. М. А. Наливкина сравнивала рельефы с изображениями возлежащего Геракла из разных областей античного мира [61] и

---

[55] *Hemberg B.* Die Kabiren. Upsala, 1950, S. 243; *Wolters P., Bruns G.* Das Kabirionheiligtum bei Theben. Berlin, 1940.

[56] *Chapouthier F.* La Sanctuaire des deux de Samothrace.— In: Exploration archaeologique de Delos, XVI. Paris, 1935, p. 84.

[57] *Наливкина М. А.* О некоторых находках памятников античной эпохи северо-западного Крыма.— СА, 1940, № VI, с. 107—118; *Карасев А. Н.* Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории.— АО—1965. М., 1966, с. 115-117; *Высотская Т. Н.* Новая находка рельефа с изображением Геракла — АО—1967. М., 1968, с. 211, 212; *Стржелецкий С. Ф.* Рельефное изображение Геракла из Херсонеса.— КСИИМК, 1939, № 2, с. 36, 37; *Наливкина М. А.* Новая находка рельефа в Херсонесе.— СА, 1940, № VI, с. 307, 308.

[58] *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского.— В сб.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 42, рис. 16.

[59] *Наливкина М. А.* О некоторых находках..., с. 116.

[60] *Высотская Т. Н.* Ук. соч., с. 211, 212; *Карасев А. Н.* Ук. соч., с. 115—117.

[61] Изображения отдыхающего героя сгруппированы у *Stephani L.* Der Ausruhende Heracles, ein Relief Der Villa Albani, СПб., 1854, с. 161; *Reinach S.* Repertoire de la Statuaire grecque et romaine. Paris, 1912, II, p. 44—45 и др.

Рис. 2. Пирующий Геракл. Майнакский рельеф

пришла к выводу, что «в монументальной скульптуре и терракоте... не удалось найти ничего достаточно близкого нашим», так что «Геракл... нашел на почве Скифии свой особый художественный образ» [62].

Эти посвятительные рельефы являются памятниками культового характера, однако исследователи не делали анализа их религиозного значения и лишь в общих чертах говорили об изображенных на них атрибутах [63].

Большое значение для понимания сущности культа имеет поза Геракла на рельефах, где герой представлен в состоянии покоя и отдыха: лежа или полулежа. Возлежащего Геракла мы видим на рельефе из Херсонеса, на рельефе 1897 г. из Одесского музея, на рельефах из пос. Межводное (рис. 3) и городища «Чайка» (рис. 4). Что касается сакского и майнакского камней (рис. 1, 2), то здесь Геракл, по нашему мнению, изображен полулежащим, на что указывает вытянутое положение ног и слегка наклоненная форма тела с упором на левую руку. На всех рельефах Геракл представлен опирающимся левым локтем на скалу. Общим является и то, что герой с канфаром в руке запечатлен во время пира. Для выяснения характера культа Геракла нам кажется возможным сопоставить указанные памятники с рельефами IV в. до н. э. со сценой загробной трапезы [64].

---

[62] *Наливкина М. А.* О некоторых находках..., с. 113.

[63] *Пятышева Н. В.* О культе Геракла в Херсонесе, с. 198; *Щеглов А. Н.* Геракл отдыхающий, с. 55. Н. В. Пятышева считает, что тема отдыха-покоя Геракла вполне увязывается с заупокойным культом, но убедительных доказательств не приводит.

[64] Подобные рельефы и надгробия известны из многих центров античного мира. Особенно много обнаружено их в Аттике, Беотии и Малой Азии, но для нас важно то, что встречаются они в Гераклее Понтийской (*Kalinka E.* Aus Bithunien und Umgebung, JOAI, 1933, N 28, Beiblatt, S. 97 сл., N 73; *Dorner F., Hoepfner W.* Vorlaufiger Bericht..., S. 589) и в Херсонесе (*Иванова А. П.* Сцена загробної трапези на херсонеських надгробных рельефах, Археологія, 1970, № XXIII; *Борисова В. В.* Мраморный рельеф.— В сб.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974, с. 14—19).

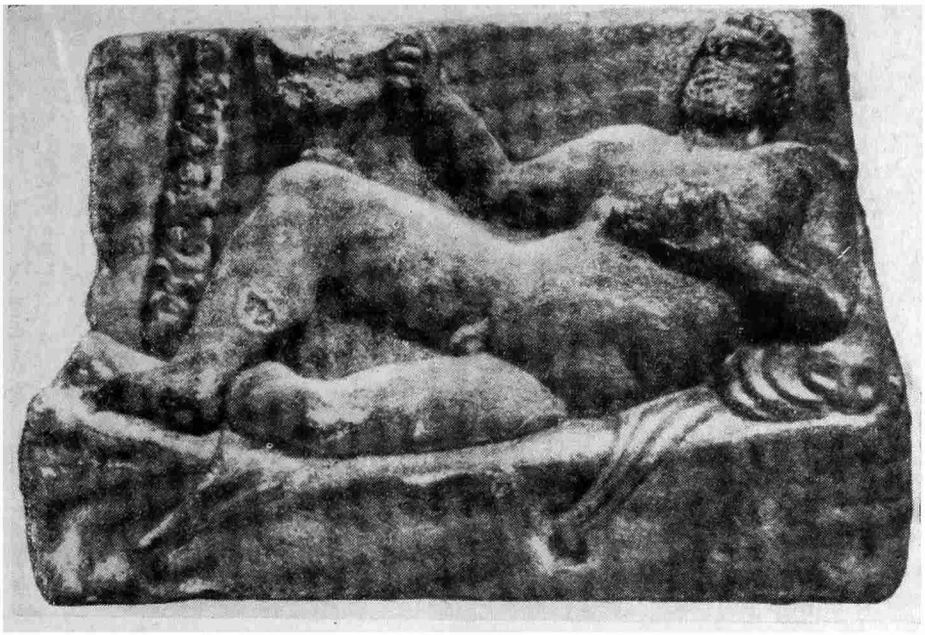


Рис. 3. Пирующий Геракл. Рельеф, найденный близ пос. Межводное

На сакском рельефе перед Гераклом изображен небольшой столик, на котором лежат пирамидальные и округлые хлебцы, а также фрукты: две кисти винограда, гранаты, яблоки. Подобные атрибуты можно увидеть на рельефах со сценой загробной трапезы из Беотии, Аттики, Херсонеса и других областей [65]. А. Фуртвенглер отмечает, что хлебцы и печения использовались при отправлении культов Деметры и Персефоны, а хлебцы пирамидальной формы встречаются в могилах, так как приносились в жертву умершим [66]. В Аттике во время празднеств плодородия Фесмофорий и Скирофорий в ямы бросали подобные хлебцы [67]. Эти обряды по своему характеру приближались к Элевсинским празднествам богинь плодородия. В основе большинства обрядов плодородия лежала идея о спасительном таинстве [68]. Таким образом, изображенные на рельефах со сценами загробной трапезы хлебцы являются атрибутами земледельческо-хтонического культа и указывают на бессмертие души умершего. Геракл вместе с Диоскурами был посвящен в Элевсинские таинства и тем самым оказался связанным с подземными богами и хтоническим культом [69]. Вследствие этого на сакском рельефе хлебцы отражают связь Геракла с основной идеей заупокойного культа — представлением о бессмертии — и подтверждают, что в основе почитания героя лежат древние земледельческие представления о природе.

Большой интерес вызывают виноградные грозди, лежащие перед Гераклом. На рельефах со сценой загробной трапезы изображений их не встречается. Однако виноградная гроздь является атрибутом хтонического культа и фигурирует на росписях боспорских склепов и саркофа-

[65] *Fürtwangler A.* La Collection Sabouroff. Berlin, 1883—1887, I, tab. XXX, XXXII, XXXIII; *Svoronos I. N.* Op. cit., pl. XCIV, N 1503; *Guarducci M.* Antichita nel Museo di Treviso, Ann. Scuola Archeol. Italiana d'Atene, XXX—XXXII, 1952, 1954, p. 191—193; *Борисова В. В.* Ук. соч., с. 16, рис. 1.

[66] *Fürtwangler A.* Op. cit., tab. I, XXXII.

[67] *Deubner L.* Attische Feste. Berlin, 1956, S. 20.

[68] *Богаевский Б. Л.* Земледельческая религия Афин. Пг., 1916; *Зелинский Ф. Ф.* Древнегреческая религия. Пг., 1918, с. 106; *Kern O.* Eleusinische Beitrage. Halle, 1909, S. 4; *Nilsson M. P.* A History of Greek Religion. Oxford, 1925, p. 91.

[69] *Fürtwangler A.* Heracles. In: *W. Roscher.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mithologie. Leipzig, 1884—1890, Bd I, S. 2185.

Рис. 4. Пирующий Геракл. Рельеф с городища у санатория «Чайка»

гов I—II вв. н. э.[70] Помещение ее на рельеф из Херсонесской хоры может отражать, на наш взгляд, влияние Гераклеи Понтийской, где хтоническая сторона была одной из основных в культе Геракла, которому специально посвящали там гроздь винограда [71].

Важной принадлежностью погребального пира является столик-трапеза, стоящий, как правило, перед возлежащим пирующим мужчиной. Подобный столик, на котором лежат посвящения, есть на сакском рельефе. На вотивных рельефах эпохи эллинизма со сценами загробной трапезы всегда изображается столик с посвятительными дарами. Таким образом, ряд атрибутов на рельефе из Сак с изображением Геракла находит аналогии в заупокойном культе.

В связи с этим нам представляется возможным сопоставить возлежащего Геракла на рельефах из Херсонеса и хоры с пирующим героизированным умершим сцены загробной трапезы. На посвятительных рельефах, погребальных росписях и надгробных стелах героизированный умерший представлен полулежащим с рогом, пиалой или, подобно Гераклу на рельефах, с канфаром в руке[72]. Сцена погребального пира в заупокойном культе символизировала представление о бессмертии души и безмятежной жизни ее в царстве Аида. Отождествление покойника с героем совершалось потому, что в его лице понимался победитель смерти. Умерший воспринимался и в образе бога (Аида, хтонического Диониса, Асклепия, Сераписа), о чем свидетельствуют изображения на рельефах змеи, рога и модиуса. Героизация и обожествление умершего восходили в своей основе к ассимилированию героев с хтоническими богами, а заупокойная трапеза служила напоминанием о реальной жизни [73].

Ряд атрибутов Геракла на сакском рельефе свидетельствует о связи его с хтоническими богами, в частности, элевсинского круга. Поэтому и

---

[70] *Шкорпил В. Э.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 9, с. 151, 152, табл. XI; *Ростовцев М. И.* АДЖ, СПб., 1913, с. 275: табл. XXI, *2*, XCIV.

[71] Aelian N. A., 6, 40.

[72] Ср. роспись саркофага I в. н. э., найденного в 1900 г., изображавшую возлежащего мужчину с канфаром в левой руке и гроздью винограда в правой (*Ростовцев М. И.*— АДЖ, табл. XCIV, *1*).

[73] *Hild J. A.* Heros, Deremberg-Saglio. Paris, 1894, III, *1*, p. 147.

изображение отдыхающего возлежащего Геракла, представляющее героя пирующим на Олимпе как бессмертного бога [74], очень подходило для выражения идеи бессмертия, перекликаясь, таким образом, с религиозным содержанием пира в заупокойной трапезе. Подобное понимание Геракла связано с почитанием его как победителя смерти. Еще П. Гарднер отмечал, что у дорийцев героизация покойника основывается на религиозном поклонении предкам [75]. Геракл же считался покровителем дорийских племен, сила его, проявившаяся при свершении подвигов, вполне соответствовала тому, чтобы религиозное сознание древних связало с ним представление о бессмертии. В культе мертвых трапеза означала восприятие человеком героя как бога, так как соединение с культом олимпийцев было основой для обожествления героев [76]. Поэтому мы полагаем, что рельефы из Херсонеса и хоры представляют Геракла обожествленным, а изображение его возлежащим и пирующим символизирует представление о бессмертии.

В подтверждение этого вывода сошлемся на обряд жертвоприношения, существовавший на о. Кос. В надписях с острова среди необходимых предметов для обрядов культа Геракла названо и ложе, которое могло использоваться для возлежаний во время жертвоприношения и трапезы. Таким образом, ложе являлось принадлежностью культа Геракла, почитаемого как божество.

Важной деталью сакского и частично майнакского рельефов является обрамление, создающее иллюзию пещеры. На рельефах и росписях со сценами загробной трапезы можно увидеть характерные пилястры по сторонам, которые, как заметил А. Фуртвенглер, создают видимость происходящего как бы внутри храма [77]. В основе украшения посвятительных и надгробных рельефов фронтоном или антаблементом, который поддерживают пилястры, обрамляющие изображение, лежит идея храма с антами, в котором обитал героизированный умерший. Обрамление сакского и майнакского рельефов, может быть, указывает на ахерузскую пещеру, откуда Геракл, по преданию, извлек Цербера. Миф о спуске Геракла в Аид локализуется в Гераклее как результат влияния предполагаемого святилища Геракла и прорицалища мертвых на мысе Ахерузий. Вследствие этого заманчиво видеть в наших рельефах влияние гераклейского святилища. Могучий Геракл как эпонимный покровитель гераклеотов-дорян очень подходил для выражения представлений о бессмертии — основы религиозного культа, отправляемого в святилище мертвых на Ахерузском мысу.

Отсутствие женской фигуры на херсонесских вотивных рельефах с изображением Геракла в отличие от рельефов со сценой загробной трапезы объясняется тем, что последняя есть символ реальной жизни покойника на земле, а воплощение ее на рельефе является отражением божественного существования умершего и его супруги в мышлении их семейства. Херсонесские же рельефы представляют обожествленного героя как символ бессмертия, хотя сцена пира содержит в себе тот же религиозный смысл, что и в заупокойном культе — представление о бессмертии души.

---

[74] О вознесении Геракла на Олимп и возведении его в сонм богов за совершенные деяния свидетельствует Аполлодор. Об определении изображения на рельефах как Геракла, пирующего среди богов, см. работу М. М. Кобылиной (*Кобылина М. М.* Ук. соч., с. 95).

[75] *Gardner P.* A Sepulchral Relief from Tarentum.— JHS, 1884, № V, p. 134.

[76] *Nilsson M. P.* Griechische Feste. Leipzig, 1906, S. 454; (Homer, II, 18, 11) не знает еще об обоготворении Геракла, однако уже Геродот (II, 44) говорит, что одни эллины почитают его как бога, другие же приносят ему жертвы как герою. По всей видимости, почитание Геракла как бессмертного близко по своему значению представлению о нем как о герое — победителе смерти.

[77] *Fürtwangler A.* La Collection..., № 33. На росписи саркофага 1900 г. обрамление сцены загробной трапезы дано в виде колонн храма (*Ростовцев М. И.*— АДЖ, табл. XCIV).

Тем не менее Геракл в Гераклее почитался в соединении с женским божеством. А. Эрихсен, исследовавшая найденный там рельеф богини подземного мира Гекаты, пришла к выводу, что в Гераклее Геката почиталась совместно с Гераклом, так как одной из ее функций было охранять подземный мир и Цербера [78]. По ее мнению, герой мог извлечь пса из Аида лишь с помощью этой богини.

Большой интерес представляет рельеф из пос. Межводное (рис. 3). Т. Н. Высотская при его публикации предположительно определила неясный предмет, который держит Геракл в левой руке, как голову вепря [79]. Изображение вепря не характерно для памятников, связанных с культом Геракла, но свинья как жертвенное животное нередко фигурирует вместе с Гераклом на посвятительных рельефах первых веков н. э. из Италии. Свинья и кабан считались символами плодородия и играли известную роль в Элевсинских мистериях. Геракл входил в круг элевсинских божеств, поэтому связь с ним этих животных могла символизировать хтоническую сторону культа. Предположение Т. Н. Высотской может быть подкреплено и следующим соображением: в Гераклее почитание Идмона-Агаместора, погибшего от нападения вепря и похороненного на мысу Ахерузий, могло быть связано с официальным культом Геракла, поэтому помещение на рельеф, выражающий представление о бессмертии, головы вепря было сделано, очевидно, под влиянием ахерузского святилища мертвых, где как будто бы находилась душа Идмона. В образе обожествленного бессмертного Геракла гераклеоты хотели видеть погибшего на Ахерузском мысу Идмона, которого им повелел чтить сам Аполлон. Поскольку между Гераклеей и Херсонесом существовали тесные контакты, такое понимание Геракла вместе с его культом могло попасть в Херсонес и быть запечатленным на одном из местных рельефов, подобных обнаруженному в пос. Межводное. В этом нам видится исключительность данного рельефа. Возможно и иное толкование изображения, а именно: оно представляет героя после победы над Эриманфским кабаном, но отсутствие аналогий не удерживает от искушения остановиться на первом из объяснений.

Таким образом, посвятительные рельефы из Херсонеса и его хоры могут быть связаны с почитанием Геракла херсонеситами как обожествленного героя и победителя смерти. В этом значении его культ близок гераклейскому. Ряд атрибутов на этих рельефах, вероятно, указывает на прямую зависимость от Гераклеи Понтийской.

О почитании хтонического Геракла в Херсонесе свидетельствуют и другие памятники. Интерес представляют фрагмент мраморной плиты III—I вв. до н. э., увенчанной треугольным фронтоном, и жертвенник II—III вв. н. э. из Камышевой бухты, на которых Геракл изображен совместно с Гермесом [80]. Жертвенники Геракла неоднократно находили в Херсонесе [81], но нигде более не встречалось изображение Геракла с Гермесом. А. Н. Щеглов вслед за К. Ганелем связывает совместное почитание Геракла и Гермеса в Херсонесе с покровительством агонам и палестрам [82]. Мы отмечали, что гераклейская мифография называет Ге-

---

[78] *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States, Oxford, 1896, v. II, p. 556; *Erichsen A.* Ein Hekate-Relief in Heraklea Pontike. In: Forschungen an der Nordküste Kleinasiens. Bd I, S. 48. Эта мысль подтверждается рельефом из другого дорийского полиса, Селимбрии на Пропонтиде, где Геракл изображен вместе с Гекатой (*Erichsen A.* Op. cit., S. 48, рис. 4 в тексте).

[79] *Высотская Т. Н.* Новая находка рельефа с изображением Геракла.— АО—1967, М., 1968, с. 211. Ближайшее рассмотрение камня убедило нас в том, что загадочный предмет по форме напомнает голову вепря.

[80] ХМ инв. 26/36558, инв. № 12/36579.

[81] *Стржелецкий С. Ф.* Жертвенник Гераклу.— ХС, 1948, IV, с. 98, рис. 1; *Белов Г. Д.* Античный дом в Херсонесе.— ВДИ, 1950, № 2, с. 120.

[82] *Hanell K.* Op. cit., p. 202; *Щеглов А. Н.* Геракл отдыхающий, с. 51—54, рис. 5, *6*. Ранее А. Н. Щеглов высказал предположение, что сочетание изображений Геракла и

ракла учредителем погребальных агонов в Гераклее. Это являлось следствием почитания его как Сотэра, одной из функций которого было побеждать смерть. Поэтому мы считаем возможным предположить, что как в Херсонесе, так и в особенности в Гераклее и других дорийских полисах Причерноморья соединение Геракла и Гермеса как агонистических божеств было связано с представлением о бессмертии души в подземном мире. Ведь в сознании древних Гермес мог быть проводником Геракла, спускавшегося в Аид, так как Гермес Психопомп сопровождал души умерших к Аиду [83].

С хтоническим культом связаны и терракоты IV в. до н. э. из Херсонеса, изображающие комических актеров в роли Геракла [84]. Комический образ Геракла восходит к древним мифологическим представлениям и обрядам культа как героя и божества [85]. Комический Геракл — любимейший персонаж древней комедии и сатирической драмы, в частности, у Эпихарма и Аристофана. Статуэтки, аналогичные херсонесским, встречаются во многих местах Греции, поскольку празднества в честь Геракла, сопровождаемые театрализованными представлениями и состязаниями, справлялись повсеместно. Нам кажется возможным связать херсонесские статуэтки с празднованием в городе гераклий в месяце Гераклии, во время которых устраивались агоны и представления в театре. Месяц Ἡράκλειος в календарь Херсонеса попал из Гераклеи Понтийской, где празднование гераклий засвидетельствовано [86]. Поэтому херсонесские гераклии, заимствованные из метрополии, где культ хтонического Геракла был особенно популярен, могли быть связаны с почитанием его как обожествленного героя — победителя смерти. А в театре актеры в общепринятой комедийной форме могли изображать сцены из мифов, раскрывающие эту сторону его культа [87], о чем, на наш взгляд, и свидетельствуют статуэтки.

Для подтверждения влияния Гераклеи на религиозную жизнь Херсонеса большое значение имеют обнаруженные в Херсонесе и в районе Калос Лимена изображения палицы Геракла. Мраморные палицы из Херсонеса датируются римской эпохой, а терракотовая палица из округи Калос Лимена — III—II вв. до н. э. Мраморные палицы, по определению Н. В. Пятышевой, являются атрибутами надгробий, олицетворяющими Геракла [88]. Палицы нередко фигурируют на монетах и керамических клеймах Гераклеи Понтийской, Херсонеса и других полисов. Их изображения известны в греческом мире повсюду. По свидетельству Мемнона, среди добычи, захваченной римлянами после разрушения Гераклеи в 70 г. до н. э., была огромная палица из чистого золота, на которую были одеты львиная шкура и золотой колчан и лук со стрелами. Палица стояла на агоре Гераклеи [89]. Очевидно, она олицетворяла самого Геракла и

Гермеса связано с почитанием божеств подземного мира (*Щеглов А. Н.* Подвиги Геракла по памятникам Херсонеса Таврического. Л., 1964, с. 26, 27).

[83] *Farnell L. R.* Op. cit., V, p. 15.

[84] *Белов Г. Д.* Терракоты из Херсонеса.— В сб.: Терракоты Северного Причерноморья.— САИ, Г1—11, М., 1970, с. 61, табл. 8, *3—5* (ч. 2); *Пятышева Н. В.* Ук. соч., с. 100, 101.

[85] Геракла на статуэтках из кургана Большая Близница А. А. Передольская связывает с хтонической стороной его культа (*Передольская А. А.* К вопросу о хтоническом культе Геракла на Боспоре.— Тр. ГЭ, 1958, вып. II, с. 55—61).

[86] Так называемый Адрианский Гераклейон (*Nilsson M. P.* Griechische Feste, S. 453). О месяце Гераклий в Херсонесе свидетельствуют надписи (IOSPE I² NN 359, 402); (*Hanell K.* Op. cit., S. 202, 203; *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, с. 18, 19).

[87] Например, в комедии Аристофана «Лягушки» использован сюжет мифа о похищении Гераклом Цербера.

[88] *Пятышева Н. В.* Ук. соч., с. 200; *Щеглов А. Н.* Подвиги Геракла, с. 8, рис. 2; *его же.* Терракота из эллинистической сельской усадьбы в округе Прекрасной Гавани (у бухты Ветреной).— САИ, Г1—11. М., 1970, с. 66, табл. 1, *4* (ч. 2).

[89] Memn. LII, 2.

была символом города. В таком случае не является ли терракотовая палица из округи Херсонеса, как и изображения на монетах и клеймах, «репродукцией» стоявшей на агоре Гераклеи палицы Геракла? Как известно, культовые терракоты нередко представляли в коропластике реальную статую божества [90], поэтому мы склонны считать, что терракотовая и мраморные палицы могут олицетворять Геракла как хтоническое божество, столь почитаемое в Гераклее Понтийской.

В заключение можно сказать, что культ Геракла, принесенный в Гераклею беотийскими переселенцами, тесно переплетается там с заупокойным культом и почитанием умерших. Хтоническая сторона была одной из основных в его культе и развилась, очевидно, под влиянием прорицалища мертвых и предполагаемого святилища Геракла на мысе Ахерузий. Подобный характер культа Геракла в Херсонесе, прослеживаемый на основании ряда памятников, попал туда, очевидно, из Гераклеи Понтийской. Почитание Геракла как эпонима и покровителя гераклеотов вполне увязывалось с хтоническим характером культа, поскольку его апотропеическая функция тесно переплеталась с представлением о нем как о спасителе и защитнике государства. В эпоху эллинизма подобные представления о Геракле могли возникнуть и в Херсонесе, по всей видимости, не без влияния метрополии. Поэтому мы не можем согласиться с Н. В. Пятышевой, которая считает, что хтоническая сторона культа Геракла в Херсонесе была связана с идеологией скифов.

S. You. Saprykine

Le CULTE D'HERACLES A CHERSONESE ET A HERACLEE A L'EPOQUE DE L'HELLENISME

Résumé

Le culte d'Héraclès chthonien à Héraclée Pontique était étroitement lié à l'évocation des morts sur le cap Achéruse, ce qui a trouvé son reflet en mythologie dans la descente d'Héraclès aux Enfers, conduit par le chien Cerbère. Plusieurs témoignages d'auteurs anciens prouvent que la principale fonction de ce sanctuaire était d'évoquer l'esprit des morts du monde infernal, ce qui était en relation avec la conception de l'immortalité de l'âme. Sur le territoire de l'Etat de Chersonèse on a découvert des reliefs représentant Héraclès allongé à un banquet. Les attributs figurant sur les reliefs, ainsi que la pose d'Héraclès, sont analogues à ceux que nous voyons dans les scènes des festins funèbres figurées sur les reliefs de Grèce et du littoral nord de la mer Noire, ainsi que dans les peintures des tombes et des sarcophages des Ier et IIe siècles de notre ère. Si la raison du festin funèbre était d'assurer au défunt l'immortalité et la félicité dans l'autre monde, la représentation d'Héraclès devait refléter cette idée et était liée par sa signification au sanctuaire des morts placé sur le promontoire Achéruse. Ainsi, le culte chthonien d'Héraclès à Chersonèse fut, à l'époque de l'hellénisme, emprunté à Héraclée Pontique, et sa relation avec le culte des morts a pu s'établir sous l'influence du sanctuaire des morts d'Achéruse. Cette influence était si importante que la statue cultuelle d'Héraclès au banquet, ayant servi de modèle pour les reliefs votifs, pouvait bien se trouver à Héraclée.

---

[90] Например, находка некоторых идентичных терракотовых фигурок Геракла на территории Боспора дала возможность В. И. Пругло (*Пругло В. И.* Геракл в коропластике Боспора.— В сб.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 242) предположить, что они могил копировать статую Геракла, стоявшую на акрополе Пантикапея.

И. П. ЗАСЕЦКАЯ

О ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ И КАЗАХСТАНА ГУННСКОЙ ЭПОХИ

(Постановка вопроса)

Начало исследования археологических памятников гуннского времени относится к концу XIX — первым десятилетиям XX в. Тогда же появляются первые обобщающие работы венгерских ученых, в которых поднимаются вопросы датировки и этнокультурной принадлежности памятников эпохи переселения народов.

И. Гампель, публикуя венгерские древности, объединил комплексы гуннского и аварского времени в единую хронологическую и культурную группу [1]. Однако в это же время Белла Пошта рассматривает находки гуннской эпохи как отдельную категорию германо-гуннского происхождения [2]. Позднее А. Альфёльди окончательно выделяет гуннские древности в самостоятельную группу [3].

В 20-е годы советские исследователи, изучая археологические материалы южнорусских степей, также выделяют комплексы гуннской эпохи. Большое значение в этом отношении имеют работы Т. М. Минаевой. Ей принадлежит первая небольшая сводка по погребениям с сожжением Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья, а также публикация курганов у станции Шипово в Южном Приуралье [4]. Определив дату этих погребений IV—VII вв. н. э., «точнее конец IV—V вв. н. э.», Т. М. Минаева ошибочно связывает их с сарматской культурой. Далее в 30-е годы И. В. Синицын, опубликовав ряд погребений Нижнего Поволжья, датирует их концом IV — началом V в. н. э. и так же, как Т. М. Минаева, относит эти захоронения к сарматской культуре [5]. В более поздних своих работах И. В. Синицын, а вслед за ним Е. К. Максимов на основании общих черт погребального обряда объединяют погребения гуннского периода с комплексами VI—VIII вв. н. э. в единую группу позднейших сармато-аланских памятников [6]. Хронологии нижневолжских находок эпохи переселения народов посвящена и наша специальная

---

[1] *Hampel J.* Die Altertümer des frühen Mitellalters im Ungarn. Braunschweig, 1905, II—III.

[2] *Béla Pósta.* Archeologische Studien auf Russischem Boden. Teil I, Budapest — Leipzig, 1905.

[3] *Alföldi A.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. AH, 1932, IX.

[4] *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением близ гор. Покровска — Уч. зап. СГУ,— VI, вып. 3, 1927, с. 123; *Minajeva T.* Zwei Kurgane bei der Station Shipovo.— ESA, 1929, т. IV, S. 208, 209.

[5] *Синицын И. В.* Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья.— ИСНВИК, 1936, VII, с. 71—85.

[6] *Синицын И. В.* Археологические памятники в низовьях реки Иловли.— Уч. зап. СГУ, 1954, XXXIX, с. 218—253; *Максимов Е. К.* Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья — ТСОМК, Археологический сборник, вып. 1. Саратов, 1956, с. 65—85.

статья, в которой захоронения конца IV — первой половины V в. н. э. отделены от более поздних комплексов и представлены как самостоятельная историко-культурная группа памятников времени нашествия и господства гуннов в Восточной Европе [7].

Находки из северопричерноморских степей, известные по отдельным публикациям, также большей частью относятся к сармато-аланской культуре и датируются IV—V вв. н. э.[8] Немецкий ученый И. Вернер в своей книге, посвященной археологии эпохи правления Аттилы, датирует памятники южнорусских степей первой половиной V в. н. э.[9]

Таким образом, в высказываниях исследователей по вопросам хронологии памятников собственно гуннского времени существенных разногласий нет, датировка их укладывается в пределах IV—V вв. н. э.

Совершенно по-иному освещается этот вопрос в статье А. К. Амброза, который делит комплексы, известные ранее как памятники одной эпохи, на три хронологические и культурные группы: I группа датируется им V в. н. э., II группа — VI—VII вв., III группа — VII в.[10]

Однако такая периодизация нам представляется спорной, требующей дополнительных доказательств. Решение данного вопроса находится в прямой зависимости от степени изученности археологического материала, который, несмотря на большое количество работ, посвященных памятникам гуннской эпохи, все еще недостаточно подвергнут научному анализу.

Важным этапом на пути исследования материалов гуннского времени является разработка типологии отдельных категорий вещей, которая до сих пор не имеет места в советской литературе. Лишь выделение типов вещей, определение времени бытования каждого из них, а также сравнительный анализ комплексов позволит вплотную подойти к решению вопроса хронологии. При этом следует учитывать не только находки в южнорусских степях и Казахстане, но и комплексы Юго-Восточной и Центральной Европы. Огромное значение для хронологии имеют и материалы позднеантичного некрополя на Госпитальной улице в Керчи, который, к сожалению, до сих пор не опубликован.

Не располагая полным анализом находок гуннской эпохи и тем самым не имея возможности решать проблему хронологии в целом, хотелось бы, однако, вынести на обсуждение следующие вопросы: насколько позволяют археологические материалы южнорусских степей и Казахстана (последние легли в основу периодизации А. К. Амброза) делить указанные памятники на какие-либо группы и можно ли их по-прежнему рассматривать как принадлежащие к единому историко-культурному кругу, независимо от конкретной даты.

В результате простейшей систематизации, а также типологического анализа вещей представленные на рис. 1 комплексы распались на две группы.

Однако в процессе изучения археологического материала мы столкнулись с необходимостью предварительного деления памятников на отдельные подгруппы, которые обозначены А, Б, В, Г и Д.

---

[7] *Засецкая И. П.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья.— СА, 1968, № 2, с. 60.

[8] *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908, с. 132—136; *Пешанов В. Ф.* Мелитопольская диадема.— КСИА АН УССР, 1961, № 11, с. 70—74; *Ковалева И. Ф.* Погребение IV в. у с. Старая Игрень.— СА, 1962, № 4, с. 233—238; *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребения IV—V вв. в Крыму.— СА, 1966, № 3, с. 187—195; *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, № 10, 1968, с. 35—53; *Тиханова М. А., Черняков И. Т.* Новая находка погребения с диадемой в северо-западном Причерноморье.— СА, 1970, № 3, с. 117—127; *Дашевская О. Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— МИА, 1969, № 196, с. 52—61.

[9] *Werner I.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

[10] *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2 и 3, с. 96—123, 106—134.

В подгруппу А включены захоронения, в погребальном инвентаре которых ведущей категорией является уздечный набор, состоящий из удил оригинальной конструкции и накладок от ремней, исполненных в полихромном стиле (рис. 1, *1—13*).

Удила состоят из двух железных стержней с загнутыми в петли концами, сквозь петли свободных концов продеты кольчатые серебряные или бронзовые псалии (рис. 1, *1—4, 6, 9, 13, а*) [11]. В некоторых случаях на концах стержней надеты серебряные или бронзовые граненые наконечники с круглым граненым кольцом, сквозь которое продевались псалии (рис. 1, *2, 3, 6, в*). Псалии были снабжены двумя зажимами прямоугольной формы, согнутыми из бронзовой или серебряной пластины. В месте сгиба вырезана петля. Верхняя часть пластины зажима обтянута золотым листом и украшена каменными вставками в гнездах из узкой золотой ленточки, напаянной ребром (рис. 1, *1, 3, 9, б*). Длина зажимов 7—5,3 *см*, ширина 1,5 *см*. Зажимы соединялись при помощи петли с кольцом псалия, а свободный конец прикреплялся к уздечным ремням повода и оголовья. Ремень помещался между верхней и нижней пластинами и закреплялся бронзовыми штифтами.

Уздечные рамки украшались накладками различных геометрических форм: крестовидными, прямоугольными, ромбовидными, в виде строенных кружков или ромбов, лунницами-подвесками, прямоугольными наконечниками с одним округлым концом (рис. 1, *1—11*). Все они изготовлены из бронзовой пластины, сверху обтянутой золотым или электровым листом, края которого загнуты внутрь и плотно прилегают к бронзовой основе. Накладки по краям украшены штампованным орнаментом, имитирующим рубчатую проволоку или витую веревочку. Орнамент оттискивался или с бронзовой основы, или с рельефных проволочек-валиков, напаянных на основу. Большинство накладок имеет вставки граната, альмандина или сердолика в гнездах из узкой золотой ленточки, напаянной ребром. Гнезда окружены штампованным рубчатым пояском, реже ободками из зерни (рис. 1, *8 в, л*). Концы гнезда заходят один за другой или просто смыкаются, или имеют надрезы и как бы входят один в другой. На всех бляшках сохранились отверстия от штифтов или сами штифты, посредством которых бляшки-накладки крепились к ремням.

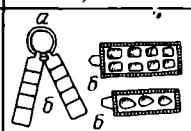
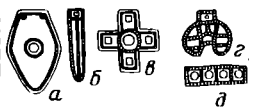
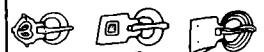
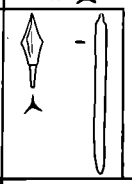
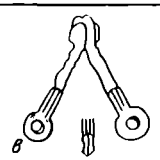
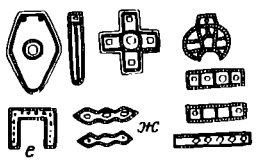
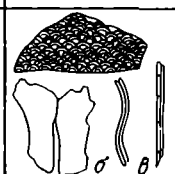
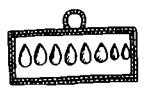
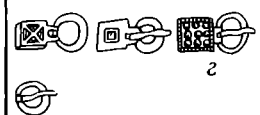
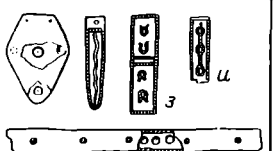
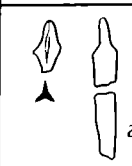
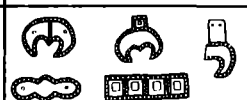
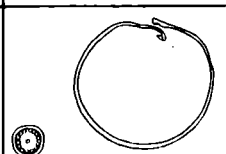
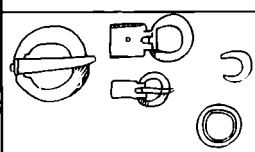
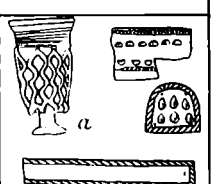
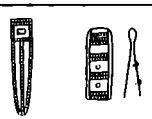
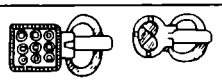
Некоторые накладки и лунницы-подвески украшены только геометрическими фигурами в виде отдельных кружков, кружков, соединенных прямыми линиями, полукружий с расходящимися концами-усиками, поперечными, продольными поясками и волнообразными линиями. Орнамент штампованный, имитирующий рубчатую проволоку. На кожаных ремнях уздечки бляшки-накладки располагались следующим образом: крестовидные помещались в местах перекрещивания продольных, нащечных ремней, с поперечными — налобными и наносными ремнями; ромбовидные — в центре налобного и наносного; узкие прямоугольные и фигурные накладки украшали продольные и частично поперечные ремни; лунницы-подвески прикреплялись по сторонам ромбовидных блях, наконечники завершали концы ремней.

Наиболее полно такие наборы сохранились в погребениях с сожжением у с. Новогригорьевки Запорожской обл. (рис. 1, *1, 2*). Во всех остальных захоронениях с разрушенными комплексами они представлены разрозненными экземплярами.

Таким образом, бляшки-накладки, несмотря на разнообразие форм, по своим стилистическим и технологическим особенностям идентичны. В том же стиле и в аналогичной технике исполнены зажимы от удил (рис. 1, *1, 3, б*) и накладки от ножен меча (рис. 1, *5, 10, д*).

---

[11] Буквами *а, б, в, ...*обозначены типы и варианты типов вещей, выделяемые нами внутри отдельных категорий вещей.

	Оружие	Конское снаряжение				Украшения	Пряжки	Наконечники поясных ремней	Разное
		Удила, псалии	Украшения узды	Украшения сбруи	Украшения седла				
1									
2									
3									
4									
5									

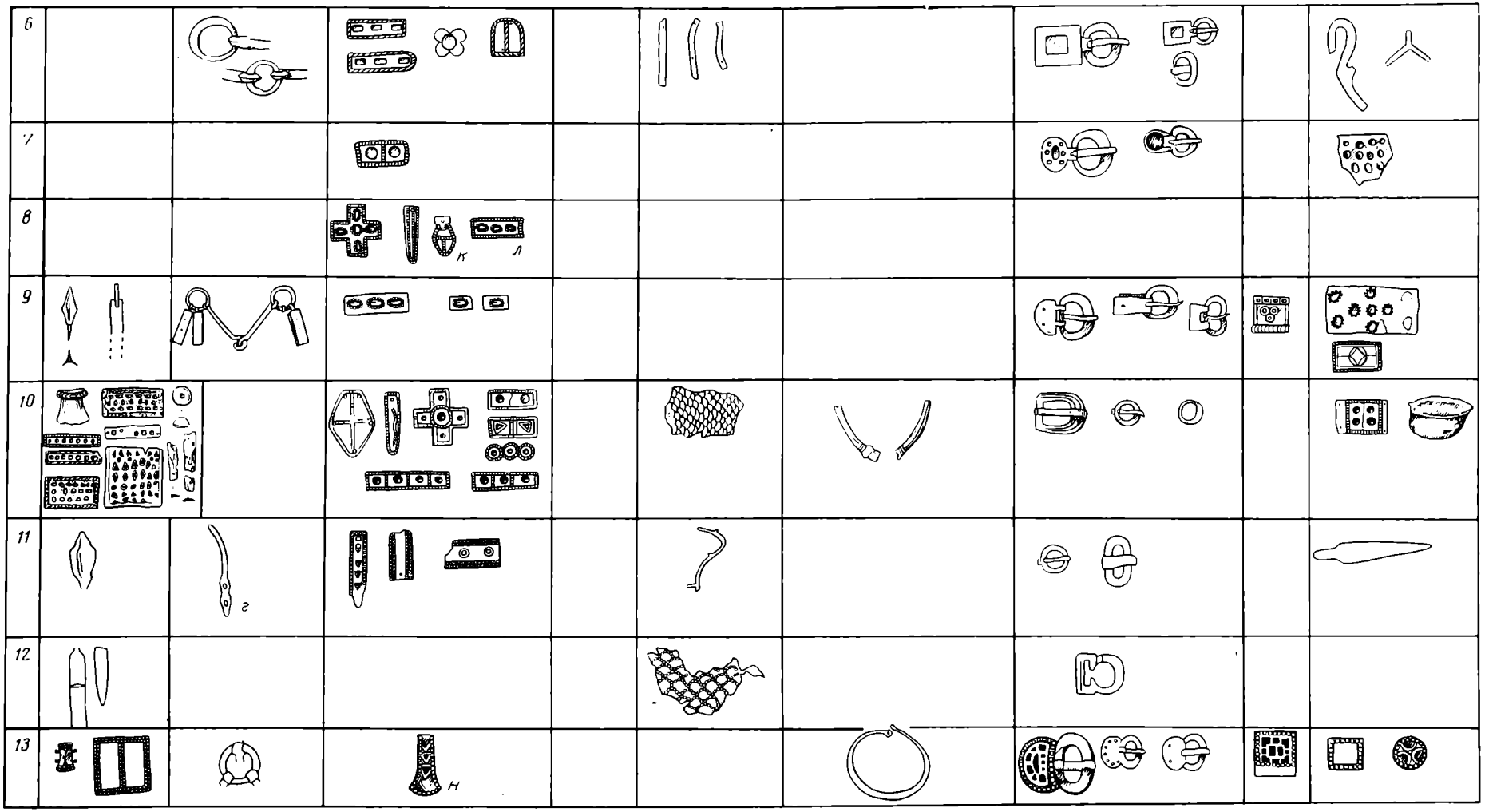


Рис. 1. Сводная таблица комплексов гуннской эпохи

14
15
16
17

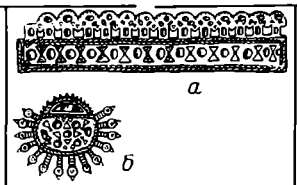
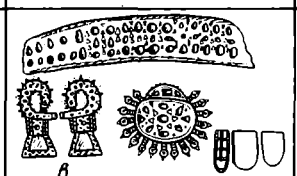
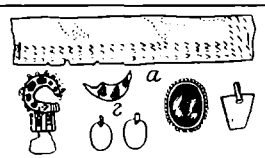
18									
19									
20									
21									
22									
23									

Рис. 1 (продолжение)

24
25
26
27
28
29
30

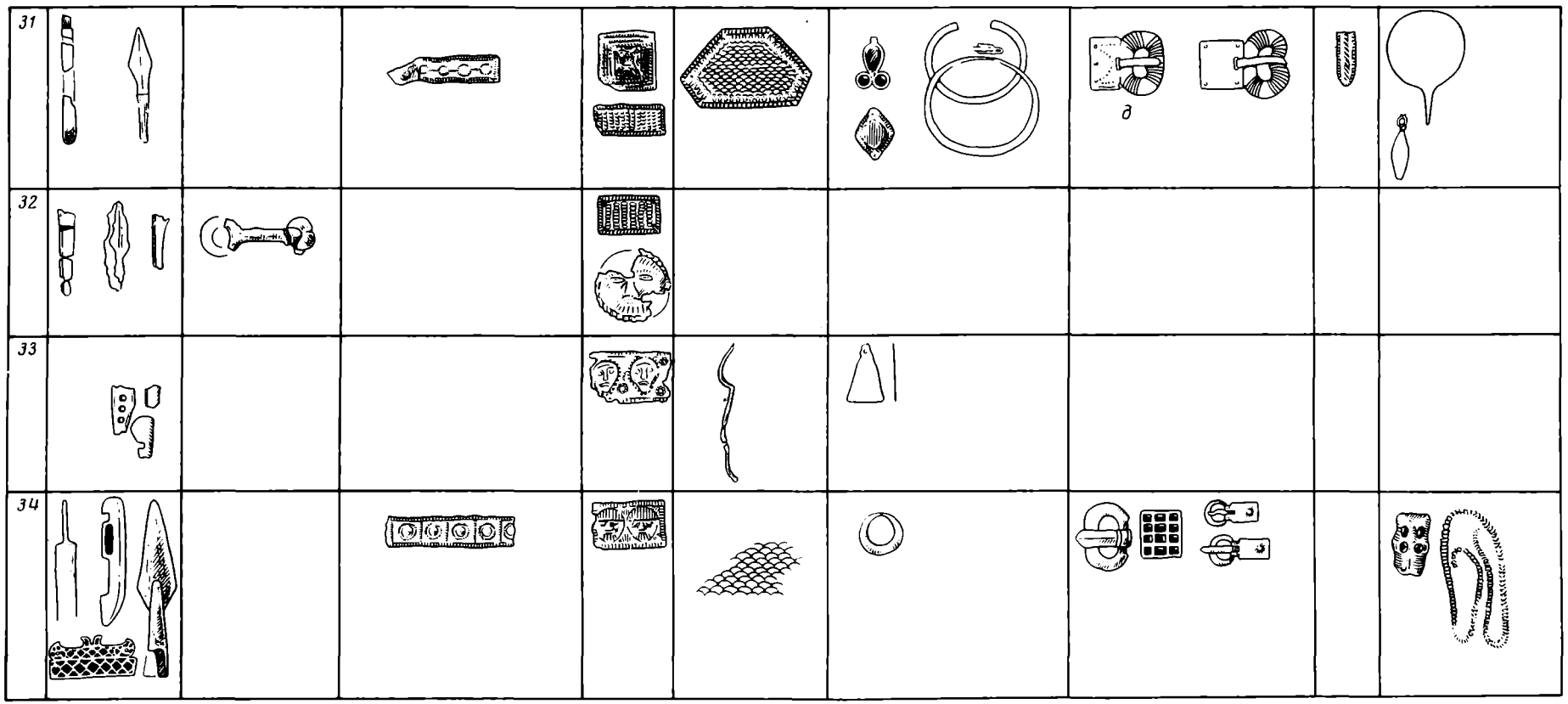


Рис. 1 (продолжение)

Общность комплексов подгруппы А подтверждают и другие предметы погребального инвентаря: пряжки, наконечники поясов, оружие, металлические детали седла.

Пряжки по конструктивным особенностям относятся к тому разделу пряжек, у которых обойма, кольцо и язычок изготовлялись отдельно и затем при помощи петель соединялись вместе. Обоймы состоят из согнутой вдвое пластины, нижняя часть пластины, как правило, меньше верхней, у́же и короче. В месте сгиба вырезались две петли, сквозь которые продевалось кольцо из дрота с круглым, овальным или граненым сечением. Передняя часть кольца утолщенная, тыльная сторона — более узкая и несколько выпрямленная, с боковыми уступчиками, препятствующими скольжению обоймы. Язычок хоботовидной формы с сужающимся, загнутым книзу свободным концом. С тыльной стороны язычка расположена пластинчатая петля, при помощи которой язычок прикреплялся к кольцу пряжи (рис. 1, *1*, *2*, *4—7*, *9—11*, *13*, *а*, *б*, *в*).

Пряжки изготовлялись из серебра, бронзы или золота. Некоторые из них украшались вставками в напаянных гнездах (рис. 1, *1*, *2*, *5—7*, *а*), или в гнездах-ячейках, образованных перегородками (рис. 1, *1*, *2*, *5*, *13*, *б*). Пряжки с напаянными гнездами с лицевой стороны обоймы обтягивались золотым листом, что сближает их по технике исполнения с уздечными накладками. В двух случаях по краям обоймы имеется рубчатый штампованный орнамент (рис. 1, *2*, *5*, *г*).

Наконечники поясных ремней, представляющие специфику погребального инвентаря подгруппы А, изготовлены из золотой или серебряной прямоугольной пластины, согнутой вдвое. В месте сгиба с лицевой стороны пластина выгибалась в виде валика. Наконечник, полый внутри, надевался на кожаный ремень, который при помощи двух штифтов соединялся с верхней и нижней сторонами. Боковые отверстия закрыты вырезанными пластинками. Лицевая сторона наконечников украшена вставками в напаянных гнездах или гнездах-ячейках и накладным орнаментом из золотой проволоки и зерни (рис. 1, *1*, *4*, *5*, *9*, *13*).

Из оружия для характеристики подгруппы А большое значение имеют наконечники стрел, представленные только одной формой. Это трехперые черешковые железные наконечники с угольчатыми лопастями и уступчиком при переходе пера в черешок, длина их 4,5 *см*.

Металлические детали седла представлены золотыми обкладками от луки седла подтреугольной формы со штампованным или пунсонным чешуйчатым орнаментом (рис. 1, *1*, *2*, *10*, *12*, *а*) и узкими каннелированными длинными пластинками, служившими обивкой деревянного края седла (рис. 1, *2*, *6*, *11*, *в*).

Даже такое краткое описание материала подгруппы А не вызывает сомнения в принадлежности данных комплексов к единому культурному кругу памятников, о чем свидетельствуют одинаковый состав погребального инвентаря, стандартизация форм и общность художественно-технологических признаков изделий.

Подгруппу В составляют комплексы с полихромными украшениями, декорированными цветными вставками в напаянных гнездах и накладным орнаментом из золотой проволоки и зерни (рис. 1, *18—25*). Украшения представлены диадемами (рис. 1, *18—20*, *22*, *24*, *25*, *а*), колтами (рис. 1, *18*, *19*, *21*, *б*), кулонами (рис. 1, *19*, *20*, *в*), перстнем (рис. 1, *20*, *г*), пектералью (рис. 1, *21*, *д*), серьгами (рис. 1, *23*, *24*, *е*), наконечниками гривны (рис. 1, *24*, *ж*). Все эти предметы объединяются общими стилистическими и технологическими признаками: 1 — сочетанием цветных вставок с накладным проволочным орнаментом и зернью; 2 — орнаментальными мотивами в виде «плетенки», «елочки», «рубчика», «веревочки», ободками зерни, треугольниками, ромбиками и пирамидками, выложенными зернью; 3 — техникой орнамента: «веревочка» свита из двух гладких проволочек, «плетенка» образована двумя парал-

лельно расположенными «веровочками», «елочка» — двумя «веровочками» и помещенной между ними гладкой проволокой, «рубчик» — проволокой с нарезками; 4 — техникой изготовления гнезд: узкая золотая ленточка, напаянная ребром с сомкнутыми, заходящими или врезанными друг в друга концами (рис. 2).

Плоские предметы — диадемы, пектораль (рис. 1, *18*, *19*, *21*, *22*, *25*, *а*, *д*) — имеют в основе бронзовую пластину, сверху покрытую золотым или электровым листом, края которого загнуты внутрь и плотно прилегают к оборотной стороне основы. Колты сделаны из толстой золотой пластины и орнаментированы с обеих сторон (рис. 1, *14*, *18*, *19*, *21*, *б*). Объемные вещи — серьги, кулоны, наконечники гривен (рис. 1, *19*, *20*, *23*, *24*, *в*, *е*, *ж*) — изготовлены из листового золота и спаяны из двух половин. Полое пространство заполнено мастикой, служившей для сохранения формы предмета. Вставки расположены в определенном порядке, большей частью горизонтальными рядами. Центр предмета почти всегда выделяется крупными вставками в комбинации с размещенными вокруг них более мелкими камнями. Форма гнезд достаточно разнообразна, однако превалируют округлые, овальные и прямоугольные. Наряду с ними имеются миндалевидные, сегментовидные и треугольные гнезда. Как правило, все виды гнезд в различных сочетаниях присутствуют на одном предмете.

Таким образом, стилистические и технические особенности описанных выше украшений свидетельствуют о едином характере этих изделий, а наличие их в разных комплексах позволяет рассматривать и погребения подгруппы В как памятники единой культуры.

К подгруппе Б нами отнесены комплексы со смешанным погребальным инвентарем (рис. 1, *14—17*). В них наряду с предметами конского снаряжения и оружия, представленных в подгруппе А, имеются полихромные украшения, типичные для погребений подгруппы В.

В подгруппе Г выделены четыре комплекса с полихромными диадемами, отличающимися от украшений подгруппы В по стилистическим и некоторым техническим признакам (рис. 1, *26—29*). Общим для диадем подгруппы Г является отсутствие накладного орнамента из проволоки и зерни. Все они украшены рядами вставок и поясками штампованного орнамента, имитирующими рубчатую проволоку и «веревочку» (рис. 2). На трех диадемах техника гнезд та же, что и на изделиях подгруппы В. Исключение составляет диадема из кург. 2 у ст. Шипово, где гнезда вырезаны в верхнем покрытии (рис. 1, *29*). В двух комплексах (рис. 1, *28*, *29*, *г*) обнаружены пряжки, у которых кольцо и обойма сделаны из одной пластины.

К подгруппе Д относятся пять погребений (рис. 1, *30—34*). Основанием для ее выделения послужило наличие в погребальном инвентаре оригинальных по орнаменту блях прямоугольной и круглой формы, украшенных геометрическими фигурами (рис. 1, *30—32*, *а*), или изображениями мужского лица (рис. 1, *30*, *32—34*, *б*). Бляхи служили украшением узды и сбруи коня. По технологии они идентичны уздечным накладкам подгруппы А. Как и последние, бляхи подгруппы Д состоят из бронзовой пластины с рельефным орнаментом из золотого или электрового покрытия, края которого загнуты внутрь и плотно прилегают к основе. Геометрический орнамент в виде ряда зерновидных или сдвоенных катушкообразных фигур, дуговидных и прямых поясков, имитирующих прямую или рубчатую проволоку, а также изображения лиц, оттиснуты на золотом покрытии с бронзовой основы. В отличие от геометрического орнамента изображения личин на бляхах по стилистическим особенностям носят ярко выраженный индивидуальный характер.

На прямоугольных бляшках из погребения у колхоза «Восход» близ г. Покровска изображена пара бородатых лиц с круглым овалом, с выпуклым прямым носом, сильно расширяющимся книзу, удлиненными

N	Наименование предметов	Накладной орнамент из проволоки, зерни и бусин	Штампованный орнамент	Форма гнезд	Техника гнезд	Материалы вставок
1	Диадемы одночастные					Гранаты, сердолик Янтарь, альмандины, стекло
2	Диадемы трехчастные					
3	Колты					Гранаты, янтарь, лиловое стекло
4	Кулоны					Сердолик
5	Нагрудная пластина					Сердолик Гранат
6	Наконечники гривны					
7	Серьги					Красное стекло плоское, сердолик, паста
8	Перстень					
9	Фигурные пластины					Сердолик, гранаты
10	Бляшки-пуговицы					
11	Наконечники					Гранат
12	Наконечники ремня					Красное, зеленое, синее стекло сердолик
13	Накладка					
14	Пластины					
15	Диадемы одночастные					Зеленое стекло, гранаты Альмандины, стекло, янтарь, сердолик
16	Диадемы трехчастные					
17	Пластины					Альмандины, сердолик
18	Накладки от узды					
19	Круглая бляха					Красный камень
20	Накладки от ножен					Альмандины, сердолик, гранат Янтарь, гранат сердолик
21	Пряжки					
22	Обкладки					Гранаты
23	Накладки от узды					Сердолик, Янтарь, стекло
24	Накладки от ножен					

выпуклыми глазами, узким щелевидным ртом. Волосы в виде широкой челки, закрывающей лоб, и борода переданы параллельными бороздками. По углам бляхи и в промежутках между лицами (наверху и внизу) веерообразно расположены бороздки. Края бляхи обрамлены широким рубчатым пояском. В погребении найдено 23 таких бляхи. Размеры их: 7,8×5,0 *см* (рис. 1, *34, б*).

Другая прямоугольная пластина с изображением двух и частично третьего лица происходит из кург. 18 близ г. Покровска. Здесь воспроизведены мужские лица с выступающими скулами и с заостренным подбородком, переданным округлой выпуклостью, с длинным прямым носом, слегка расширяющимся книзу, с круглыми выпуклыми глазами и узким щелевидным ртом. Над глазами — рельефная дуга, как бы подчеркивающая линию лба. Ни бороды ни волос нет. Личины окаймлены ободком из лжезерни, между лицами (наверху и внизу) оттиснуты кружочки из лжезерни. По краям длинных сторон пластины — широкий рубчатый поясок. Ширина пластины 3,2 *см*, длина не восстанавливается, так как концы пластины обломаны (рис. 1, *33, б*). В кург. 17 близ г. Покровска найдены круглые бляхи в виде мужского бородатого лица, с длинным выпуклым, слегка расширяющимся книзу носом, с эллипсовидной формы глазами и широким ртом, губы обозначены двумя выпуклыми прямыми полосками. Волосы и брови переданы рельефными косыми, а борода — прямыми бороздками. Края бляхи обрамлены ободком — «веревочкой», диаметр — 5 *см* (рис. 1, *32, б*). Еще две круглые бляхи в виде человеческого лица происходят из погребения с сожжением (могила VII) у с. Новогригорьевки Запорожской обл. На бляхе воспроизведено лицо мужчины с длинным выпуклым носом, слегка расширяющимся книзу, глаза и рот переданы углублениями эллипсовидной формы, обрамленными узкими рельефными ободками-валиками. Сросшиеся брови обозначены рельефными полосками рубчатой проволоки, такой же полоской обозначена линия волос и окаймлены края бляхи. Диаметр ее — 4,5 *см* (рис. 1, *30, б*).

Отличительным признаком погребального инвентаря подгруппы Д является отсутствие вещей полихромного стиля. Исключение составляет

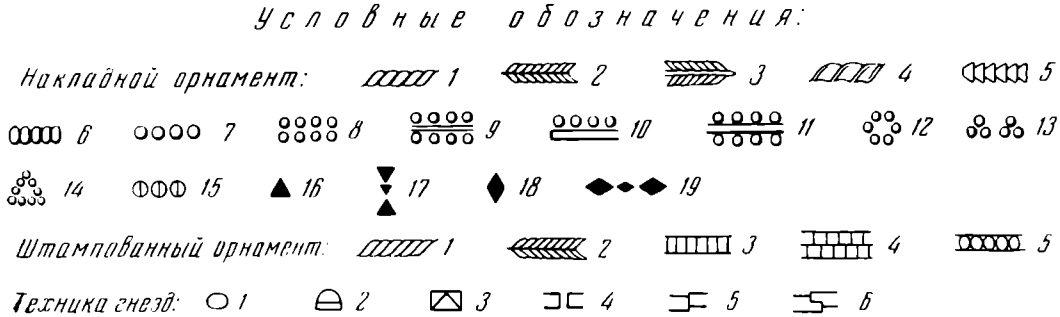


Рис. 2. Сводная таблица стилистических и технологических признаков группы полихромных изделий гуннской эпохи. Условные обозначения. Накладной орнамент: *1* — веревочка, *2* — косичка, *3* — елочка, *4* — витая пластинка — имитация веревочки, *5* — катушечная проволока, *6* — бусинная проволочка, *7* — зерпь, *8* — двойной ряд зерни, *9* — двойной ряд зерни, разделенный проволокой, *10* — гладкая пластина, обрамленная с одной стороны зернью, *11* — гладкая пластина, обрамленная с двух сторон зернью, *12* — ободок из зерни, *13* — простые пирамидки из зерни, *14* — сложные пирамидки из зерни, *15* — бусины, спаянные из двух полых полушарий, *16* — треугольники из зерни, *17* — комбинации из треугольников, выложенных зернью, *18* — ромб из зерни, *19* — комбинации из ромбов, выложенных зернью.
Штампованный орнамент: *1* — веревочка, *2* — косичка, *3* — рубчатая проволока, *4* — двойной ряд рубчатой проволоки, *5* — бусинная проволока — имитация зерни
Техника гнезд: *1* — вырезанное гнездо, *2* — напаянное гнездо, *3* — перегородчатая инкрустация, *4* — гнездо со смыкающимися концами, *5* — гнездо с заходящими концами, *6* — гнездо с врезанными концами

лишь разрушенное погребение у колхоза «Восход», в котором найдены пряжка и накладка, возможно, от перекрестия меча, исполненные в технике перегородчатой инкрустации, и уздечные узкие накладки со вставками в напаянных гнездах и штампованным рубчатым орнаментом (рис. 1, *34, д*).

Следует отметить также, что в одном из комплексов, в кург. 3 у станции Шипово, обнаружены пряжки, идентичные пряжке из женского погребения кург. 2 того же могильника (рис. 1, *29, г*).

Предварительное деление комплексов носит рабочий характер. К окончательному решению поставленного вопроса можно подойти лишь после сравнительного анализа выделенных подгрупп. Остановимся первоначально на сопоставлении комплексов подгрупп А, Б и В.

Подгруппы А и В резко отличаются по составу погребального инвентаря. Характерные предметы вооружения и конской упряжи подгруппы А полностью отсутствуют в комплексах подгруппы В, и наоборот, яркие, орнаментированные накладным проволочным орнаментом и зернью украшения одежды, типичные для подгруппы В, почти не встречаются в погребениях подгруппы А. Такое отличие, мы полагаем, можно объяснить тем, что погребальные комплексы подгруппы А принадлежат мужским захоронениям, а памятники подгруппы В — женским. Этот вывод подтверждается и некоторыми антропологическими данными. Например, в погребениях Казахстана у сел. Кара-Агач [12] и Канаттас [13] зафиксированы женские скелеты.

К сожалению, комплексы подгруппы А либо происходят из случайных находок, либо из погребений с сожжением.

Однако, несмотря на разницу в погребальном инвентаре, которая выражается не только в составе, но частично и в характере материала, мы полагаем, что эти две подгруппы едины по времени и культурной принадлежности. Доказательством этого являются комплексы подгруппы Б (рис. 1, *14—17*), в которых сочетаются типы вещей, характерные для подгрупп А и В. К ним относятся четыре погребения. Одно из них открыто в 1890 г. у с. Здвиженского бывш. Новогригорьевского уезда Ставропольской губ. [14] (рис. 1, *14*). Из архивного дела следует, что данная находка была произведена местным крестьянином Кищенко, который «усмотрел на берегу р. Маныча торчащую кость конской головы, а под нею небольшой курганчик, половина которого обрушилась в реку. Желая узнать содержимое в курганчике, он его раскопал и нашел разные металлические вещи ... Найденные вещи лежали под головой и костями лошади» [15]. Далее в архивных бумагах было отмечено, что, разрыв курган на глубину и в ширину 1, $^1/_2$ аршина (1×1 *м*), нашел в глинистом кургане котелок красной меди, который, по словам находчика, «от древности пришел в совершенную негодность» [16].

Все найденные вещи поступили в Археологическую комиссию и затем были переданы в Эрмитаж. Здесь обнаружены бляхи, накладки, наконечники и подвески от уздечного набора, бронзовые кольчатые псалии с зажимами, 10 серебряных и бронзовых пряжек, 66 серебряных гвоздей с выпуклой круглой шляпкой, бронзовая серьга в виде знака вопроса с костяной бусиной на прямом конце и два золотых колта (рис. 1, *14*).

Мы не можем наверняка утверждать, что перечисленные вещи происходят из одного погребения, однако такое предположение, судя по

---

[12] *Козырев А.* Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда.— ИАК, 1905, 16, с. 27—36.

[13] *Кадырбаев М. К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.— Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии, т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 162—202.

[14] ОАК за 1890 г. СПб., 1891, с. 121, 122, рис. 82—87.

[15] Архив ЛОИА, д. 219/1890.

[16] Там же.

обстоятельствам находки, наиболее вероятно. Косвенным доказательством этого может служить и тот факт, что погребение найдено не на могильнике, а является единичным, изолированным, что было свойственно для захоронений гуннской эпохи [17].

Второе погребение обнаружено рабочими в карьере в Кизиярской балке близ Мелитополя в 1948 г. (рис. 1, *15*). Место находки было доследовано К. Ф. Смирновым, В. Ф. Пешановым и Н. И. Волчковой [18]. На месте находки был заложен раскоп площадью 12 *м*². На глубине 40—50 *см* обнаружены кости лошади и козы, лежащие цепочкой на протяжении до 1,5 *м*. Возле них оказался опрокинутый бронзовый котелок и три узенькие золотые пластинки с инкрустацией, такие же пластинки еще раньше были найдены рабочими. Кроме того, из этого погребения происходят железные удила с кольчатыми бронзовыми псалиями, накладки от уздечных ремней, обкладки луки седла, золотые полуовальные бляшки, 17 камней сердолика и граната — вставки, выпавшие из гнезд, несколько золотых оправ-гнезд, бронзовое зеркальце, трехлопастной ромбовидный в плане наконечник стрелы с небольшим уступчиком при переходе к черенку. Наконечник стрелы был найден застрявшим в берцовой кости. И наконец, великолепная диадема, которая, по словам рабочих, найдена на костях черепа. К приезду археологов от черепа сохранилась лишь лобная кость, сильно окрашенная в зеленый цвет (следы окислов от бронзовой основы диадемы) и сжатая с боков, очевидно, вследствие искусственной деформации. Данное погребение относится к типу бескурганных изолированных захоронений.

Еще одно захоронение юноши было обнаружено О. Д. Дашевской на могильнике при античном городище Беляус в Крыму (рис. 1, *16*). Это оказалось впускное захоронение в склеп I в. н. э. Могила была вырыта в полу склепа и сверху закрыта плитами; над ногами покойника, на вымостке, лежали кости ног и череп лошади. С погребенным были обнаружены принадлежности конской упряжи, серебряные пряжки, золотая серьга с цветными вставками и орнаментом из зерни [19].

И наконец, четвертый комплекс представлен случайной находкой у оз. Борового в Казахстане (рис. 1, *17*) [20]. Здесь обнаружены различные украшения — пуговицы, накладки, наконечники поясов, части, вероятно диадемы, исполненные в полихромном стиле, характерном для украшений подгруппы В, вещи с перегородчатой инкрустацией и, кроме того, золотые обкладки от луки седла с чешуйчатым орнаментом. Условия находки неясны.

Обнаруженные в этих погребениях вещи четко разделяются на предметы, характерные для комплексов подгрупп А и В. К первым относятся удила с кольчатыми псалиями (рис. 1, *14*, *15*, *а—в*), уздечные накладки (рис. 1, *14*, *15*, *б*, *в*, *г*, *з*, *л*), золотые обкладки луки седла (рис. 1, *15*, *17*, *а*, *б*), серия серебряных и бронзовых пряжек (рис. 1, *14*, *16*, *в*), наконечники поясов (рис. 1, *17*); ко вторым — золотые колты (рис. 1, *14*, *б*), диадема (рис. 1, *15*, *а*), серьга (рис. 1, *16*, *е*,), накладки и обрывки диадем (рис. 1, *17*, *а*).

Кроме того, в комплексах подгрупп А и В встречаются и другие близкие по типам вещи — пряжки, стеклянные бокалы (рис. 1, *4*, *25*, *а*), наконечники ремней (рис. 1, *1—3*, *5*, *8*, *10*, *23*, *б*). Об этом же свидетельствует стилистический анализ полихромных изделий (рис. 2).

---

[17] *Мацулевич Л. А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.— Л., 1934; *Засецкая И. П.* Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья.— АСб. ГЭ, 1971, 13, с. 61—72.

[18] *Пешанов В. Ф.* Ук. соч., с. 70—74.

[19] *Дашевская О. Д.* Ук. соч., с. 52—61.

[20] *Бернштам А. Н.* Находки у озера Борового в Казахстане.— СМАЭ, 1949, № XIII, с. 216—229.

На рис. 2 мы попытались выделить стилистические и технологические признаки полихромных изделий. В результате выделились три стилистические группы, различающиеся только по технике орнамента: 1 — вещи с накладным орнаментом из золотой проволоки и зерни, 2 — предметы со штампованным орнаментом без зерни, 3 — изделия, в которых сочетаются оба вида орнаментации.

Отличаясь по технике декора, полихромные украшения идентичны по другим признакам. Это выразилось в геометрических формах изделий, в общности орнаментальных мотивов, в расположении гнезд правильными рядами, в цветовом решении — сочетание золотого фона с камнями красных оттенков (граната, альмандина, сердолика, реже с янтарем и красным стеклом), в форме и технике гнезд, в наличии бронзовой основы. Все эти черты позволяют говорить о едином характере художественного направления выделенных групп.

Интересно отметить, что стилистические особенности большей частью совпадают с функциональным различием вещей. В первую группу вошли все украшения одежды и головного убора (рис. 1, *18—25*), в том числе и наконечники поясов подгруппы А (рис. 1, *4, 5, 17*). Во вторую украшения конской упряжи и накладки ножен меча. Исключение составляют диадемы подгруппы Г.

Таким образом, археологический материал рассматриваемых подгрупп А, Б и В позволяет говорить о культурном и временном единстве комплексов, представляющих эти подгруппы. К ним, вероятно, следует отнести и два комплекса из подгруппы Г (рис. 1, *26, 27*).

Наиболее самостоятельной выглядит подгруппа Д. Как мы уже указывали, отличительными признаками ее являются бляхи конской упряжи, двухчастные пряжки и отсутствие вещей полихромного стиля.

Однако и эта подгруппа имеет общие черты с остальными памятниками. По составу погребального инвентаря она примыкает к мужским захоронениям подгруппы А. Есть в ней и ряд предметов, типологически сходных с вещами комплексов подгруппы А. Например, форма оружия — мечей и наконечников стрел, уздечные накладки с геометрическим штампованным орнаментом в виде кружков, соединенных прямой линией, имитирующих рубчатую проволоку (рис. 1, *31, и*), обкладки луки седла и узкие пластинки (рис. 1, *31, 33, 34*). Наиболее близко к комплексам подгруппы А разрушенное погребение у колхоза «Восход» Саратовской обл.

В погребальном инвентаре этого захоронения наряду с характерными для подгруппы Д бляшками с изображениями личин найдены предметы, типичные для подгруппы А — узкие накладки уздечных ремней со вставками и штампованными рубчатыми поясками, окаймляющими накладку по краям и делящие ее на квадраты, обрывки золотой обкладки с чешуйчатым орнаментом, серебряные пряжки. Таким образом, данное погребение оказывается связующим звеном между подгруппами А и Д.

На близость групп А и Д указывает также и погребальный обряд (погребения с сожжением). Интересно, что одно погребение с сожжением подгруппы Д происходит из могильника у с. Новогригорьевки, в котором были открыты и два погребения с сожжением из подгруппы А (рис. 1, *1, 2, 30*).

Все эти данные не позволяют отрывать комплексы подгруппы Д от остальных памятников, а скорее указывают на непосредственную близость тех и других. К подгруппе Д бесспорно примыкает женское погребение из кург. 2 у станции Шипово (подгруппы Г), которое фактически составляет единый погребальный комплекс с мужским погребением из соседнего кург. 3. Оба кургана находятся рядом, и насыпь одного из них наплывает на насыпь другого. Два комплекса из подгруппы Г (рис. 1, *26, 27*), в состав которых входят диадемы, вероятно, по стилистическим особенностям последних могут относиться к подгруппе А. Классификацион

ное место погребения у с. Верхне-Погромное из подгруппы Г пока для нас недостаточно ясно.

В результате проведенного нами предварительного анализа археологических находок из погребальных памятников, представленных на рис. 1, мы пришли к выводу, что они могут быть разделены на две группы. В первую группу нами выделены комплексы подгрупп А, Б, В и два комплекса подгруппы Г (рис. 1, *1—27*). Во вторую группу вошли комплексы подгруппы Д и один комплекс подгруппы Г (рис. 1, *30—34, 29*) [21]

Причина различия погребального инвентаря этих двух групп пока остается неясной. Связано ли это с вопросами хронологии или этнокультурной принадлежности, можно будет решить только после определения точной даты обеих групп. Однако для этой цели, как уже отмечалось выше, следует расширить исследуемый круг памятников, разработать и показать наглядно типологию вещей, проследить время существования каждого типа в отдельности и провести сравнительный анализ всех комплексов с учетом материала керченских склепов. Такую работу мы предполагаем проделать в дальнейшем.

На данном этапе работы мы можем сделать следующее заключение: каждая группа представлена синхронными памятниками, близкими в культурном отношении и тесно связанными между собой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список археологических памятников к рис. 1

1 — погребение с сожжением, могила IX у с. Новогригорьевки Никопольского р-на Запорожской обл. Раскопки Д. Я. Самоквасова, 1884 г. *Т. М. Минаева.* Погребения с сожжением близ гор. Покровска. Уч. зап. СГУ, VI, вып. 3., Саратов, 1927, стр. 94—100;
2 — то же, могила VIII;
3 — разрушенное погребение с сожжением у дер. Нижней Добринки Камышинского р-на Саратовской обл. Случайная находка 1914 г. *Т. М. Минаева.* Ук. соч., стр. 103, 104;
4 — с. Новая Маячка, котловина «Щербатая» Херсонской обл. Случайная находка 1905 г. ОАК за 1905 г. СПб., 1906, стр. 101, рис. 133;
5 — разрушенное погребение у с. Ново-Ивановка Новоникольского р-на Запорожской обл. Случайная находка 1961 г. Материал не опубликован;
6 — хут. Саги, близ г. Алешки Херсонской обл. Случайная находка 1899 г. ОАК за 1899 г. СПб., 1900, стр. 127, рис. 250;
7 — с. Раденск, близ г. Алешки Херсонской обл. Случайная находка 1897 г. ОАК за 1897 г. СПб., 1898, стр. 34, 35, рис. 106—108;
8 — Гора Клементовка, окрестности г. Феодосии, Восточный Крым. Случайная находка 1957 г. *Т. Н. Высотская, Е. Н. Черепанова.* Находки из погребения IV—V вв. в Крыму. СА, 1966, 3, стр. 195, 196, рис. 3, *10—12*;
9 — разрушенное погребение у с. Федоровка Бузулукского р-на Оренбургской обл. Случайная находка 1927 г. *В. В. Гольмстен.* Археологические памятники Самарской губ. ТСА РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 134, 135;
10 — разрушенное погребение у совхоза им. Калинина, г. Красногвардейск, Крым. Случайная находка 1959 г. *Т. Н. Высотская, Е. Н. Черепанова.* Ук. соч., стр. 187—195;
11 — погребение с сожжением, кург. 42, у с. Ровное Саратовской обл. Раскопки П. Д. Рау, 1926 г.; *P. Rau.* Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets um Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, S. 72—76, Abb. 67—70;
12 — с. Курнаевка, Иловаткинский р-н, Саратовская обл. Случайная находка 1911 г. Материал не опубликован;

---

[21] В периодизации А. К. Амброза памятники, представленные в нашей таблице, распределились следующим образом. В I группу (V в. н.э.) вошли комплексы подгруппы А (рис. 1, *1—2, 8, 10*), остальные комплексы подгруппы А в статье А. К. Амброза не упомянуты; один комплекс из подгруппы Г (рис. 1, *27*). II группа (VI—VII вв. н. э.), по периодизации А. К. Амброза, полностью совпадает с нашей второй группой (рис. 1, *29—34*). В III группу (VII в. н. э.) вошли все комплексы подгруппы Б и В (рис. 1, *14—25*).

13 — с. Муслюмово Оренбургской обл. Случайная находка 1895 г. ОАК за 1895 г. СПб., 1896, стр. 172, рис. 185;
14 — разрушенное погребение у с. Здвиженское Ставропольской обл. Случайная находка 1890 г. ОАК за 1890 г. СПб., 1891, стр. 121, 122, рис. 82—87;
15 — разрушенное погребение у г. Мелитополя, Кизиярская балка, Запорожской обл. *В. Ф. Пешанов.* Мелитопольская диадема. КСИА УССР, 11, 1961, стр. 70—74;
16 — погребение на могильнике у городища Беляус в Крыму. *О. Д. Дашевская.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма. МИА, 169, 1969, стр. 52—61;
17 — озеро Боровое в Казахстане. Случайная находка 1928 г. *А. Н. Бернштам.* Находки у озера Борового в Казахстане. СМАЭ, XIII, 1949, стр. 216—229;
18 — хут. Верхне-Яблочный Волгоградской обл. Случайная находка 1902 г. ОАК за 1902 г. СПб., 1903, стр. 126, 127, рис. 211—213;
19 — погребение у дер. Марфовки в Керчи. Случайная находка 1925 г. *И. П. Засецкая.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. АСб. ГЭ, 10, 1968, стр. 45—47;
20 — погребение 12, кург. 3, у г. Ленинска Волгоградской обл. Раскопки В. П. Шилова 1956 г. *И. П. Засецкая.* Ук. соч., стр. 36—38.
21 — разрушенное погребение у дер. Алешки Херсонской обл. Случайная находка 1902 г. ОАК за 1902 г. СПб., 1903, стр. 132, 133, рис. 228, 229.
22 — разрушенное погребение у с. Старая Игрень Никопольского р-на Днепропетровской обл. Случайная находка 1959 г. *И. Ф. Ковалева.* Погребение IV в. у с. Старая Игрень. СА, 1963, № 4, стр. 233—238, рис. 1, 2;
23 — погребение 2, кург. 36, у г. Покровска Саратовской обл. *И. В. Синицын.* Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. ИСНВИК, т. VII. Саратов, 1936, стр. 81, 82, рис. 9, 10;
24 — погребение у с. Кара-Агач в Казахстане. Раскопки 1904 г. *А. Козырев.* Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. ИАК, 16. СПб., 1905, стр. 27—36, рис. 1—5;
25 — погребение у с. Канаттас Карагандинской области в Казахстане. Раскопки М. К. Кадырбаева, 1957 г. *М. К. Кадырбаев.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ КазССР, т. 7, 1959, стр. 193;
26 — погребение у с. Антоновки Одесской обл. Случайная находка 1965 г. *М. А. Тиханова, И. Т. Черняков.* Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье. СА, 1970, 3, стр. 17;
27 — разрушенное погребение у дер. Березовка Саратовской обл. Случайная находка 1927 г. *T. Minajeva.* Zwei Kurgane bei der Station Shipovo. ESA, IV, 1929, S. 206—207. Abb. 32, 33;
28 — погребение 3, кург. 4, у с. Верхне-Погромное Волгоградской обл. Раскопки В. П. Шилова 1954 г. *И. П. Засецкая.* Ук. соч., стр. 54—59.
29 — погребение в кург. 2 у станции Шипово, Южное Приуралье. Раскопки П. С. Рыкова 1925 г. *T. Minajeva. Zwei Kurgane...,* S. 199—209;
30 — погребение с сожжением, могила VII, у с. Новогригорьевки Никопольского р-на Запорожской обл. Раскопки Д. Я. Самоквасова, 1884 г. *Т. М. Минаева.* Ук. соч., стр. 94—100;
31 — погребение в кург. 3 у станции Шипово, Южное Приуралье. Раскопки П. С. Рыкова. 1925 г. *T. Minajeva.* Zwei Kurgane..., S. 199—209;
32 — погребение с сожжением, кург. 17, близ г. Покровска Саратовской обл. Раскопки П. С. Рыкова 1925 г. *Т. М. Минаева.* Ук. соч. стр. 91—94;
33 — там же, кург. 18;
34 — разрушенное погребение у колхоза «Восход» близ г. Покровска Саратовской обл. Случайная находка 1929 г. *И. В. Синицын.* Ук. соч., стр. 73—80.

I. P. Zassetzkaïa

CHRONOLOGIE ET APPARTENANCE CULTURELLE DES MONUMENTS DES STEPPES DE LA RUSSIE MERIDIONALE ET DU KAZAKHSTAN A L'EPOQUE DES HUNS

Résumé

Jusqu'à une époque peu éloignée, il n'existait pas de grandes contradictions sur la chronologie des monuments appartenant au temps des Huns, c. à. d. la période de l'invasion et de la domination des Huns en Europe orientale. On les datait du IVe et du Ve siècle. A. K. Ambroz propose une autre périodisation chronologique des monuments de l'époque des Huns, selon laquelle ceux-ci se répartissent en trois groupes: Ve s., VIe et VIIe s., et VIIe s. Cependant, une telle conclusion nous paraît contestable. C'est pourquoi

les pièces fournies par les monuments des steppes du sud de la Russie et du Kazakhstan sont réexaminées avec le point de vue suivant: à quel degré le matériel archéologique permet de diviser les dits monuments en groupes indépendamment de leur appartenance chronologique. Dans ce but, les pièces des ensembles sont systématisées dans un tableau d'après la destination fonctionnelle. Les colonnes verticales, qui en résultent, renferment les objets d'une même catégorie. En tenant compte de la composition du mobilier funéraire dans son ensemble, et de la typologie des objets de catégories à part, ces ensembles ont été préalablement divisés en cinq sous-groupes: A, B, C, D, E. Cependant, l'analyse comparée des sous-groupes, basée sur la concordance des trouvailles, a montré que tous étaient directement ou indirectement liés entre eux, formant un cercle fermé d'analogies, et, par conséquent, se rapportant à la même époque historique. Il faut donc chercher l'explication de ces particularités du mobilier funéraire non dans une division chronologique des ensembles d'inhumations, mais dans les différences ethnique, sociale et du sexe des personnes inhumées.

М. П. АБРАМОВА

К ВОПРОСУ ОБ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аланская культура Северного Кавказа издавна привлекала внимание историков и археологов. Значение ее выходит далеко за рамки Северного Кавказа, и решение целого ряда вопросов, касающихся сложения аланской культуры, ее локальных особенностей и хронологических рамок, имеет первостепенную важность. Тем не менее некоторые вопросы, решение которых получило признание, содержат, на мой взгляд, ряд спорных положений. Это в первую очередь объясняется отсутствием четкого определения термина «аланская археологическая культура», что приводит к осложнениям при выделении ее локальных вариантов и уточнении хронологических рамок.

При выделении памятников аланской культуры необходимо прежде всего решить, связываем ли мы эту культуру с единым этносом (ираноязычным в данном случае). В. А. Кузнецов предложил дифференцировать археологические материалы Центрального Кавказа эпохи раннего средневековья, выделив чисто аланские памятники и установив, что аланская катакомбная культура связывается с ираноязычным этносом сарматского происхождения [1]. Надо сказать, что эта точка зрения не нова и ее придерживается большинство исследователей. Однако какие же признаки в данном случае мы можем рассматривать как определяющие для аланской археологической культуры?

Всем известно, что в эпоху раннего средневековья — с IV—V вв. н. э. на территории Северного Кавказа, преимущественно в центральных его районах, распространяется единая, довольно своеобразная материальная культура, характеризующаяся специфическим набором керамики, главным образом сероглиняной лощеной, особыми типами пряжек, туалетных принадлежностей, поясных наборов и т. д. Эту единую материальную культуру мы наблюдаем на многочисленных памятниках, представленных совершенно различными погребальными сооружениями: грунтовыми ямами, каменными ящиками, склепами, катакомбами. Общность материальной культуры вряд ли может быть объяснена только хронологическими причинами. Некоторое сходство наблюдается и в деталях погребального обряда независимо от форм могильных сооружений: известная близость в устройстве склепов и катакомб в разных районах, наличие погребенных с деформированными черепами как в катакомбах, так и в склепах и каменных ящиках и т. д.

Все это говорит о том, что в эпоху раннего средневековья на территории центральных районов Северного Кавказа существовала единая материальная культура и некоторая общность в погребальном обряде при значительном разнообразии форм могильных сооружений. Такая картина существенно затрудняет выделение этнических признаков. Что касается

[1] *Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв.— СА, 1973, № 2, с. 60сл.

археологической культуры в целом, то, связываем ли мы ее с определенным этносом или нет, она всегда должна характеризоваться совокупностью различных признаков. Стремление же связать аланскую культуру лишь с ираноязычным этносом приводит к тому, что в данном случае выделение археологической культуры базируется лишь на одном признаке — форме могильного сооружения (катакомба). Это в свою очередь затрудняет определение и хронологических рамок аланской культуры и выделение ее локальных вариантов. С хронологической точки зрения спорна нижняя граница аланской культуры. Если аланскую культуру связывать только с катакомбным обрядом погребения, то нижнюю ее границу нужно относить к последним векам до нашей эры, т. е. к тому времени, когда в Центральном Предкавказье появляются катакомбы. Если учитывать при этом и облик материальной культуры, то тогда, согласно общепринятой точке зрения, начало аланской культуры надо относить к IV—V вв. н. э., так как именно с этого времени на широкой территории Центрального Кавказа как в плоскостных, так и в горных районах начинает распространяться единая материальная культура. Учитывая тот факт, что многие элементы этой культуры находят свои прототипы в памятниках плоскостных районов более раннего времени (первых веков нашей эры), может быть, действительно следует говорить о распространении этой культуры в плоскостных районах уже на рубеже нашей эры. Однако для решения всех этих вопросов надо прежде всего выделить те признаки, которые будут считаться определяющими для аланской культуры Северного Кавказа.

Такие же трудности возникают и при выделении локальных вариантов аланской культуры. В. А. Кузнецов, связав аланскую культуру Северного Кавказа с ираноязычным этносом, выделил два ее локальных варианта: восточный, характеризующийся земляными катакомбами и «земляными» городищами (городищами с мощными земляными укреплениями), и западный, представленный скальными катакомбами и городищами с каменными оборонительными стенами. Памятники горных районов (каменные ящики, подземные и полуподземные склепы) выделяются В. А. Кузнецовым в особую археологическую культуру, которую он называет центрально- или горнокавказской и связывает с местными кавказскими племенами [2]. Предложенная В. А. Кузнецовым схема локального деления аланской культуры представляется мне не совсем удачной. Во-первых, при выделении восточной и западной групп нарушен хронологический принцип. Подавляющее большинство памятников восточной группы относится к I—VIII вв. н. э. Под этими памятниками в данном случае подразумеваются лишь могильные сооружения (земляные катакомбы), поскольку из-за очень слабой изученности аланских городищ материалы их не могут служить серьезным основанием при решении вопросов хронологии аланской культуры. Что касается погребальных памятников западной группы (скальных погребений), то распространение их на данной территории начинается где-то на рубеже VII—VIII вв., т. е. в основной своей массе они датируются VIII—XIII вв. Поэтому отмеченные В. А. Кузнецовым особенности в материальной культуре, в частности в керамике, этих двух групп могут в некоторой степени объясняться не локальными, а хронологическими причинами, хотя, несомненно, и локальные различия в керамике этих районов есть.

Фактически катакомбный обряд погребения (имеются в виду земляные катакомбы) был распространен на Северном Кавказе синхронно на территории как восточного, так и западного варианта — с рубежа нашей эры до X—XII вв. В раннем периоде (до VIII в.), на который приходится подавляющее большинство известных катакомбных могильников, на территории обоих вариантов были распространены земляные городи-

[2] *Кузнецов В. А.* Ук. соч., с. 60—73.

ща. Возникновение каменных оборонительных сооружений на земляных городищах западной группы относится, если исходить из материалов раскопок Хумаринского городища (верховья Кубани), к VIII в. н. э.[3] В это же время, как отмечалось выше, здесь получают распространение и скальные захоронения. Следовательно, различия между западным и восточным вариантами аланской культуры начинают проявляться лишь с VIII в., когда число катакомбных могильников вообще резко сокращается на территории обоих вариантов. Что касается этнической принадлежности скальных погребений, то, не отрицая возможности их генетической связи с катакомбами, трудно допустить, чтобы ираноязычные степные племена, заняв территорию Северного Кавказа и сумев сохранить свою этническую целостность после восьми-или десятивекового пребывания в окружении местных племен, вдруг начали совершать свои погребения в малодоступных скалах. Поэтому связь этого вида погребений с ираноязычным этносом мало вероятна. С другой стороны, недостаточно ясен еще вопрос, чем вызвано появление каменных оборонительных сооружений на городищах западной группы, а также этническая принадлежность этих «каменных» городищ. В частности, исследователи Хумаринского городища связывают его с болгарами[4]. Следовательно, не исключена возможность, что возникновение каменных оборонительных сооружений на городищах западного варианта связано с изменением этнического состава населения этого района. В таком случае эти городища с определенного хронологического этапа вообще должны быть исключены из числа памятников аланской культуры Северного Кавказа.

Я не останавливаюсь подробно на вопросе о городищах, так как почти все они, за малым исключением, не подвергались раскопкам. Поэтому, не отрицая ценности сделанных И. М. Чеченовым наблюдений относительно разного характера городищ западной и восточной групп[5], необходимо все же отметить, что мы недостаточно знаем о времени бытования этих городищ и главное — о времени их возникновения. Недостаточно нам известно и о характере относящихся к этим городищам могильников, о верхней дате принадлежащих некоторым из этих городищ катакомбных могильников— все это значительно затрудняет характеристику аланской культуры Северного Кавказа.

Что касается памятников горных районов, то следует сказать, что катакомбные погребения бытовали там наряду с другими типами погребальных сооружений: грунтовыми ямами, каменными ящиками, каменными склепами и т. д., сосуществуя в ряде случаев с ними в пределах одного могильника, что ставит под сомнение возможность этнического противопоставления носителей катакомбного обряда остальному населению горных районов.

Обратимся к склеповым сооружениям. Всем известна точка зрения Л. Г. Нечаевой о том, что склеповые сооружения Кавказа ведут свое происхождение от катакомб[6]. Эта гипотеза вряд ли может быть принята. И дело не в том, что, как полагают, появление ранних катакомб и подземных склепов на Северном Кавказе совпадает по времени. Например, ранние катакомбы Нижне-Джулатского могильника и ранние материалы Коба-Башинского склепа[7] могут быть датированы последними

---

[3] *Биджиев Х. Х., Гадло А. В.* Раскопки Хумаринского городища. Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976, с. 13.

[4] Там же, с. 13.

[5] *Чеченов И. М.* Средневековые городища Кабардино-Балкарии. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, с. 205, 206.

[6] *Нечаева Л. Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе.— Автореф. канд. дис. Л., 1956, с. 17, 18.

[7] *Алексеева Е. П.* Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии.— Тр. КЧНИИ, 1966, вып. V, с. 175.

веками до н. э. Дело в том, что, по-видимому, можно говорить о непрерывном существовании традиции возводить склеповые сооружения в горных районах Северного Кавказа с эпохи бронзы по средневековый период. Так, в 1889 г. В. И. Долбежев раскопал ряд подземных склепов у с. Кумбулта на могильнике Рутха и бугре Хор-Гон. Склепы были сложены из камня, иногда В. И. Долбежев называет их каменными ящиками, но при описании их отмечает наличие входного отверстия в передней стене этих ящиков [8], что позволяет с несомненностью отнести их к разряду склепов. Судя по коллекции предметов, хранящихся в Государственном Историческом музее, склепы, найденные В. И. Долбежевым на могильнике Рухта, можно отнести к раннекобанскому периоду — началу I тысячелетия до н. э.; склепы, раскопанные им на бугре Хор-Гон, относятся, судя по материалам, ко времени от середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры [9].

В 1886 г. В. Л. Тимофеев произвел раскопки у Джераховского поста близ аула Чми и ст. Балта, где он раскопал ряд катакомб и склепов [10], в 1887 г. он раскопал 10 склепов в 4 верстах от ст. Балта [11]. Материал раскопок В. Л. Тимофеева в 1887 г. около Балты, хранящийся также в ГИМе, содержит предметы начиная со скифского времени (пряжки, площики, привески в виде фигур животных, фибулы) вплоть до первых веков нашей эры (фибулы, наконечники стрел, привески, булавки, одно раннесредневековое зеркало с центральной петлей [12]).

В 1886 г. В. И. Долбежев раскопал ряд склепов, которые он называл каменными ящиками, у ст. Лезгур. «Ящики» имели отверстие в передней стене, «через которое вкладывались покойники». Склепы содержали иногда до 100 скелетов; в тех из них, которые находились на большей глубине, было не более 10—12, иногда три-четыре скелета. Один из погребенных имел деформированный череп [13]. Материал из этих склепов относится в основном к IV—VIII вв. н. э., однако имеется и целый ряд предметов более раннего времени — II—III вв. (восемь фибул, наконечники пояса) [14], что и позволяет считать II—III вв. нижней границей бытования данных склепов.

Таким образом, перечисленные выше немногочисленные памятники могут в определенной степени подтвердить возможность непрерывного существования в горных районах Северного Кавказа традиции сооружения или использования склепов с эпохи бронзы до средневековья. Все это не позволяет, конечно, согласиться с мнением Л. Г. Нечаевой, рассматривающей катакомбу как исходную форму при возникновении склепов. Однако представляется правильным и важным замечание Л. Г. Нечаевой о том, что в основе склепов и катакомб лежит единый принцип погребения, отличающий их от других погребальных сооружений, таких, как грунтовые ямы или каменные ящики, где захоронение совершалось через верх, тогда как в катакомбах и склепах для этой цели существовало специально оставленное окошко-лаз [15]. Этот факт в сочетании с близостью других особенностей конструкции катакомб и склепов, отмеченных Л. Г. Нечаевой [16], их синхронное существование не позволяет, на мой взгляд, противопоставлять оба эти типа сооружений друг другу. Учитывая к тому же, что особенности погребального обряда являются отражением идеоло-

---

[8] ОАК за 1889 г. СПб., 1892, с. 59—62, 64—67.
[9] ГИМ, инв. № 25278.
[10] Древности. ТМАО, 1888, т. XII, с. 63, протокол № 259.
[11] Там же, с. 159, протокол № 280.
[12] ГИМ, инв. № 86860.
[13] ОАК за 1886 г. СПб., 1891, с. CXIX.
[14] ГИМ, № 25187—25191.
[15] *Нечаева Л. Г.* О генетической связи аланской и осетинской культуры позднего средневековья.— МАДИСО, 1975, т. III, с. 38.
[16] Там же, с. 38—39.

гических воззрений населения, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что в катакомбах мы находим захоронения ираноязычных сарматов, а в склепах — местных кавказских племен, тем более что катакомбы и склепы сосуществуют иногда на одной территории и нередко встречаются на одном могильнике, абсолютно не различаясь между собою по инвентарю. В целом катакомбы и склепы можно, по-видимому, рассматривать как две разновидности одного погребального сооружения, из которых первая (земляные катакомбы) наиболее характерна для плоскостных районов, а вторая (каменные склепы) для горных. С этой точки зрения, скальные погребения можно с неменьшим основанием считать вариантом склепов, а не катакомб, поскольку они наиболее характерны для горных районов.

Все вышесказанное не означает, однако, что я предлагаю катакомбы и склепы связать с какой-то одной этнической группой населения, противопоставив их тем самым другим типам могильных сооружений: грунтовым ямам, каменным ящикам и т. д. Различные типы погребальных сооружений свидетельствуют, конечно, о пестрой этнической основе населения, однако они могут объясняться и рядом других причин, в частности социальных, половозрастных и т. д.[17] В сарматской культуре нет, пожалуй, такого могильника, где бы могилы, относящиеся к одному периоду, были представлены единым типом погребального сооружения: ямы с заплечиками, квадратные ямы, подбои и реже катакомбы в разных количественных сочетаниях встречаются на разных могильниках, и это обстоятельство не нашло еще своего объяснения. Поэтому вряд ли мы сможем выделить какие-либо этнические группировки на Кавказе в чистом виде, тем более если будем опираться при этом только на форму могильного сооружения. Если взять такой материал, как керамика, являющийся среди памятников материальной культуры ведущим этническим показателем, то она имеет лишь локальные особенности в разных районах, в разных же типах погребений на одной территории она аналогична. Такая деталь обряда погребений, как деформация черепов, которая, скорее всего, была занесена на Северный Кавказ сармато-аланами во время гуннского нашествия и могла бы считаться характерным признаком для аланских погребений, встречается, однако, не только у погребенных в катакомбах, но и в других конструкциях — подземных склепах и каменных ящиках[18], что также укрепляет наши сомнения в возможности ираноязычных племен сохранить в условиях Северного Кавказа свою этническую целостность.

При решении всех этих вопросов большое внимание должно быть уделено периоду первого появления и распространения катакомбных погребений на Северном Кавказе. До недавнего времени существовало, казалось бы, поразительно точное соответствие данных письменных и археологических источников о появлении алан на Северном Кавказе: авторы I в. н. э. (Иосиф Флавий, Лукан) впервые сообщили нам о присутствии на территории Кавказа, не называя, правда, районов Центрального Предкавказья, аланских племен, и с этого же времени, как было засвидетельствовано археологическими раскопками, начал распространяться на Кавказе катакомбный обряд погребений. Это и привело к логическому выводу о том, что катакомбный обряд погребений занесен на Северный Кавказ пришлыми сармато-аланскими племенами. Правда, раскопки Н. В. Анфимова в Прикубанье показали, что камерные погребения были известны на этой территории по крайней мере с III—II вв. до н. э.[19], од-

[17] *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с. 72.

[18] *Минаева Т. М.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.— МИА, 1951, 23, с. 297.

[19] *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.— МИА, 1951, 23, с. 169; *его же.* Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья.— КСИИМК, 1947, XVI, с. 148—157.

нако эти погребения, найденные в грунтовых могильниках, справедливо связывались всеми исследователями с меотскими племенами. Аланам приписывались подкурганные катакомбы «Золотого кладбища» Н. И. Веселовского [20], хотя Н. В. Анфимов, отмечая близость культуры курганных и грунтовых могильников, не счел возможным согласиться с аланской принадлежностью катакомб «Золотого кладбища» [21]. Раскопки последних лет показали, что катакомбный обряд погребений начал распространяться в центральных районах Предкавказья по крайней мере уже во II в до н. э., т. е. почти одновременно с распространением его в Прикубанье. Но несмотря на то, что это вносит некоторые расхождения с данными письменных источников, не это главное. Помимо того что ранние северокавказские катакомбы имеют существенные отличия от сарматских степных катакомб, последние вообще были мало характерны для погребального обряда сарматских племен.

Где-то начиная с середины I тысячелетия до н. э. катакомбный обряд погребений распространяется на широкой территории у разных народов. Мы находим обширные катакомбные могильники у скифов и на Боспоре, где они получили наименование земляных склепов; к этому же времени относятся ранние катакомбы Средней Азии, где этот обряд погребения начиная с рубежа нашей эры получает широкое распространение. На Северном Кавказе помимо недавно открытых ранних катакомбных могильников в Центральном Предкавказье (Нижне-Джулатский, Подкумский, могильник у с. Чегем II [22]) известны такие могильники, как отмечалось выше, в Прикубанье.

Причины распространения этого обряда погребений не ясны. Некоторые специалисты по античной археологии связывают распространение земляных склепов на Боспоре с влиянием традиции Восточного Средиземноморья [23]. Скифологи, сарматологи, археологи Средней Азии не находят ясной причины распространения этого обряда начиная с середины I тысячелетия до н. э. К. Ф. Смирнов писал: «Причина появления и распространения катакомб в скифо-сарматское время на обширной территории Евразии, вероятно, кроется не столько во взаимных связях, сколько в близких идеологических, религиозных представлениях этих народов, в особом их представлении о загробном мире» [24]. Б. А. Литвинский при рассмотрении подбойно-катакомбных захоронений Ферганы также говорит об идеологических «запросах», которые могли привести к появлению катакомбных могил в Средней Азии [25]. Поэтому распространение катакомбных могильников на Кавказе вряд ли мы можем связывать с влиянием, вернее, проникновением сюда сарматских племен, которые, кстати сказать, не имели ни одного катакомбного могильника и у которых среди перечисленных выше племен этот обряд был менее всего распространен.

Однако отмеченное выше сходство катакомбных и склеповых сооружений не свидетельствует еще о местном кобанском происхождении катакомб Центрального Предкавказья. Если склеповые сооружения действительно имеют в некоторой степени непрерывное развитие в горных районах с эпохи бронзы, то мы, конечно же, не можем сказать этого о катакомбах. Пока нельзя ответить на вопрос, что послужило причиной рас-

---

[20] *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития меото-сарматских культур Среднего Прикубанья.— КСИИМК, 1952, XLVI, с. 16.

[21] *Анфимов Н. В.* Племена Прикубанья в сарматское время.— СА, 1958, XXVIII, с. 67.

[22] *Керефов Б. М., Нагоев А. Х.* Новый памятник сарматского времени из Кабардино-Балкарии. Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976, с. 24, 25.

[23] *Паровић-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 37.

[24] *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.— СА, 1972, № 1, с. 75, 76.

[25] *Литвинский Б. А.* Ук. соч., с. 70.

пространения катакомбного обряда в Центральном Предкавказье — влияние горных районов с их традицией сооружения склепов или влияние с запада (с территории Боспора и окружающих районов), где во второй половине I тысячелетия до н. э. сформировался мощный массив катакомбных погребений, называемых там земляными склепами. Чем бы ни было вызвано бурное развитие этого обряда на Боспоре — влиянием традиций Прикубанья, Восточного Средиземноморья или ираноязычных скифов, несомненно то, что этот обряд был характерен в это время не только для ираноязычных племен, но и для синдов, меотов и греков. Что касается ираноязычных сарматов, то у них в противовес скифам и другим перечисленным выше племенам, к началу сложения аланской культуры уже господствовал единый тип камерных сооружений — подбой, почти неизвестный в Центральном Предкавказье.

Все это, по-видимому, позволяет поставить под большое сомнение сарматское происхождение катакомб Северного Кавказа, а также Закавказья. Я имею в виду катакомбы Мингечаура, датируемые временем с I по VII в. н. э.[26] Появление катакомбных погребений в Азербайджане было связано И. Г. Алиевым с приходом туда алан во время их походов в Закавказье[27]. Надо сказать, что нельзя упрекнуть И. Г. Алиева и Г. М. Асланова, доказывающих сарматскую принадлежность мингечаурских катакомб, в недостаточной аргументации своих выводов[28], скорее наоборот. Однако эта аргументация не всегда правильна. Так, для подтверждения аланской принадлежности мингечаурских катакомб приводятся аналогии из разновременных памятников, расположенных на разных территориях Северного Кавказа, например из Змейского и Чирюртовского могильников[29], которые по времени позже мингечаурских и материалы которых вряд ли могут служить доказательством сарматской принадлежности погребений Мингечаура. Доказывая оседание части алан на территории Азербайджана, авторы приводят в подтверждение цитату из «Картлис Цховреба», говорящую о том, что аланы, возвращаясь после грабительского набега, «стали лагерем в Камбечовани на реке Иори и начали дележ пленных и добычи»[30]. Однако совершенно ясно, что выражение «стать лагерем» не означает «поселиться», поэтому оно никак не может подтвердить факт оседания части аланских племен — участников похода — на данной территории. Говоря об обычае деформации черепов, засвидетельствованном в мингечаурских катакомбах, И. Г. Алиев и Г. М. Асланов рассматривают его как доказательство сарматской принадлежности этих катакомб. Однако чем объяснить тот факт, что обычай деформации, распространившийся в первые века нашей эры в ряде районов Закавказья (Азербайджана и Грузии), был совершенно неизвестен в памятниках Северного Кавказа этого времени, в тех памятниках, которые авторы рассматривают как чисто аланские и аналогии из которых приводятся ими для доказательства сарматской принадлежности мингечаурских катакомб? В этой связи хочется отметить, что в сделанном авторами выводе о непрекращающейся связи мингечаурской «колонии» с аланской «метрополией» не совсем ясно, что подразумевается под термином «метрополия» — территория сарматских кочевых племен или Северный Кавказ. С V в. н. э. в мингечаурских катакомбах начинает распространяться северная ориентировка, что приводится как доказательство их сарматской

---

[26] *Асланов Г. М.* Материальная культура Мингечаура I—VII вв. (на основе археологии катакомбных погребений). Автореф. канд. дис. Баку, 1963.

[27] *Алиев Играр.* Сармато-аланы на пути в Иран.— В сб.: История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 198—201.

[28] *Алиев И. Г., Асланов Г. М.* К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления.— МАДИСО, 1975, т. III, с. 72—88.

[29] *Алиев И. Г., Асланов Г. М.* Ук. соч., с. 79, 84.

[30] Там же, с. 77, 78.

принадлежности («связь с метрополией»), однако сарматы уходят в IV в. из степей под натиском гуннов, а для памятников Северного Кавказа северная ориентировка мало характерна. Упадок керамического производства в Мингечауре и распространение кожаной и деревянной посуды на позднем этапе объясняются влиянием кочевых аланских племен, однако кочевники аланы, как отмечалось, уже ушли к этому времени из северных степных областей, а аланы Северного Кавказа вели оседлый образ жизни. Такие заключения как «положение покойника в вытянутом состоянии на спине — типично сармато-аланский обычай» [31], нельзя считать серьезной аргументацией, при доказательстве же аланского характера материальной культуры приводятся аналогии, носящие больше кавказский, чем сармато-аланский облик (набор бус, пряжек и т. д.).

Говоря о мингечаурских катакомбах в целом, необходимо прежде всего отметить, что здесь, как и на Северном Кавказе, наиболее ранние катакомбы имеют ярко выраженные местные черты: грунтовый характер могильников, погребения в срубах и кувшинах, скорченное положение костяков [32], характер инвентаря — все это связывает ранние катакомбы Мингечаура, как отмечал их исследователь, с предшествовавшей им культурой кувшинных погребений (I. до н. э. — I в. н. э.) [33]. О том же говорят и данные антропологии. Р. М. Касимова, исследовавшая черепа из катакомбных погребений Мингечаура, пришла к выводу, что недеформированные черепа из катакомб не отличаются от черепов предшествующих эпох, деформированные черепа отличаются от недеформированных только по тем признакам, на которых непосредственно сказалось влияние деформации; следовательно, «наиболее вероятно, что в эту эпоху не было значительной смены населения» [34]. И. Г. Алиев и Г. М. Асланов отмечают в своей работе, что значительная часть археологов Азербайджана не согласна с их точкой зрения и склоняется в пользу местного характера мингечаурских катакомб. [35] По-видимому, данные археологии и антропологии подтверждают их правоту.

То же самое, очевидно, можно сказать и о катакомбных погребениях Ирана, обнаруженных японскими археологами в Дайламане, на юго-западном побережье Каспийского моря [36]. Открытые здесь грунтовые могильники содержали помимо катакомб погребения в обычных грунтовых ямах, принадлежащих той же самой культуре, что позволило авторам раскопок сделать вывод о том, что тип могилы не обязательно указывает на различие в культуре, народе или периоде [37]. Иранские катакомбы, содержавшие скорченные захоронения и инвентарь в основном закавказского облика, датированный авторами раскопок I—III вв. н. э., рассматриваются в нашей литературе как свидетельство проникновения алан на территорию Ирана [38]. Ю. А. Заднепровский, не аргументируя достаточно своих выводов, пишет, что «заключение авторов о местном происхождении катакомб вызывают сомнения, и с ними нельзя согласиться» [39]. Но

---

[31] *Алиев И. Г., Асланов Г. М.* Ук. соч., с. 84.

[32] *Асланов Г. М.* Материальная культура Мингечаура, с. 4, 5.

[33] Там же, с. 16, 24.

[34] *Касимова Р. М.* Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960, с. 61.

[35] *Алиев И. Г., Асланов Г. М.* Ук. соч., с. 78.

[36] *Egami N.* and *Fukai Sh., Masuda S.* Dailaman, II. The excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960. The University of Tokyo, 1966; *Sono T. and Fukai Sh.* Dailaman, III. The excavations at Hassani Mahale and Ghalekuti, 1964. The University of Tokyo, 1968.

[37] *Sono T. and Fukai Sh.* Op. cit., p. 60.

[38] *Заднепровский Ю. А.* Сармато-аланы в Северном Иране в первых веках н. э. (тезисы). IV сессия по Древнему Востоку. М., 1968, с. 79, 80; *его же.* Рец.: *Egami N. and Fukai Sh., Masuda S.* The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960. The University of Tokyo, 1966 — CA, 1969, N 1, с. 304—306; *Алиев Играр.* Ук. соч., с. 205, 206.

[39] *Заднепровский Ю. А.* Ук. рец., с. 306.

точно так же вызывает сомнения и заключение Ю. А. Заднепровского о сарматском происхождении иранских катакомб, поскольку и антропологические и археологические материалы (в частности, керамика) находят ближайшие параллели в Закавказье, в том числе в Мингечауре, а никак не у сарматских племен. Фактически же главным аргументом, доказывающим сарматскую принадлежность могильников, и у И. Г. Алиева и у Ю. А. Заднепровского является тип погребального сооружения, а именно катакомба, что вряд ли можно считать правильным.

Возвращаясь к северо-кавказским катакомбам и учитывая все вышесказанное, необходимо отметить, что, по-видимому, возможность выделения среди раннесредневековых памятников Северного Кавказа той группы погребений, которую мы смогли бы связать с ираноязычным этносом, мало вероятна. Аланская культура Северного Кавказа, очевидно, имела значительную местную основу с самого начала ее формирования. Об этом говорит исследование ранних катакомбных могильников Центрального Предкавказья, которые имеют локальные особенности в разных районах и значительную местную основу. Особенно ярко это проявляется на материалах Нижне-Джулатского могильника, более древнего по сравнению с Подкумским — ранняя группа его погребений датируется последними веками до нашей эры. Если исходить из общепринятой точки зрения о том, что катакомбный обряд погребения начал распространяться на Северном Кавказе с приходом сюда сарматских племен, то в материалах именно этих погребений должно бы прослеживаться наиболее четкое сходство с памятниками сарматской культуры, так как они характеризовали бы самый ранний этап расселения этих племен, на котором влияние местных традиций должно быть менее всего ощутимым. Очевидность этого положения несомненна. Именно этим принципом совершенно справедливо руководствовался В. Б. Виноградов при выделении им скифских памятников на Кавказе, опираясь при этом на ряд признаков, характерных для скифских кочевых племен (подкурганное захоронение, вытянутое положение костяка с западной ориентировкой и т. д.) [40].

Однако ранняя группа катакомбных погребений Нижне-Джулатского могильника характеризуется наименьшим сходством с памятниками сарматской культуры и, с другой стороны, наличием целого ряда черт, сближающих их с другими памятниками Северного Кавказа, оставленными местными племенами. Эти местные черты проявляются не только в общем характере могильников (грунтовые) и инвентаря (гончарная керамика, некоторые типы оружия и украшений и др.), но и в деталях погребального обряда. Найденные в ряде погребений Нижне-Джулатского могильника сосуды с гальками, хотя и имеют некоторые отличия, в целом почти тождественны аналогичным сосудам с гальками из погребений Прикубанья IV—III вв. до н. э. [41] и Чечено-Ингушетии III—I вв. до н. э. [42], что говорит о наличии общих кавказских традиций в ритуале во второй половине I тысячелетия до н. э. на широкой территории Северного Кавказа от Прикубанья на западе до Чечено-Ингушетии на востоке. В некоторых погребениях Нижне-Джулатского могильника обнаружены миниатюрные сосуды, внутри которых лежала железная цепь. Широкое распространение культа цепи на Кавказе общеизвестно, поэтому эти находки также свидетельствуют о том, что население, оставившее ранние катакомбные могильники, придерживалось местных кавказских культов. Как уже отмечалось, все эти местные традиции особенно ярко проявля-

---

[40] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время Грозный, 1972, с. 33.

[41] *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у ст. Пашковской.— МИА, 1958, № 64, с. 284 рис. 7, *2*, с. 289, рис. 9, *16*.

[42] *Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимурова Т. М., Магомедов И. Д.* Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии.— Археолого-этнографический сборник, т. III. Грозный, 1969, с. 93, рис. 1, *5*, *6*.

лись в ранних погребениях, относящихся к последним векам до нашей эры (сосуды с цепью и гальками отсутствуют в материалах Подкумского могильника, датируемого I—III вв. н. э.).

Все эти обстоятельства наряду с отмеченными выше, в том числе с фактом синхронного распространения камерных погребений в грунтовых меотских могильниках Прикубанья, а также широкое их распространение во второй половине I тысячелетия до н. э. в синдских некрополях и на Боспоре, не позволяют рассматривать катакомбный обряд погребения характерным лишь для степных ираноязычных племен. Это в свою очередь не позволяет согласиться с общепринятой точкой зрения о том, что появление катакомбного обряда погребений на Северном Кавказе связано с массовым притоком на эту территорию сармато-аланских племен где-то на рубеже нашей эры.

По-видимому, катакомбный обряд погребений был знаком местным племенам Северного Кавказа, в том числе и тем из них, которые жили в Центральном Предкавказье, еще до появления здесь сарматских племен. Это главный вывод, который хотелось бы сделать на основании всего вышесказанного. Вывод этот, однако, не отрицает факта пребывания ираноязычных сарматов на территории Северного Кавказа и их участия в сложении аланской культуры. Плоскостные районы Центрального Предкавказья являлись пограничной зоной с территорией северных кочевых племен, поэтому постоянные контакты кавказских племен с северными кочевниками, а также частичное проникновение и оседание последних на территории Северного Кавказа несомненны. Длительный период общения местных племен Кавказа с ираноязычными кочевниками, начавшийся еще в скифское время, должен был облегчить и ускорить процесс распространения среди кавказских племен иранского языка. Предполагаемая разноязычность древнего населения Северного Кавказа, мешавшая, по-видимому, их общению, также могла способствовать распространению иранского языка, который был, очевидно, в той или иной степени знаком различным племенам Северного Кавказа. Учитывая тот факт, что начиная со II в. н. э. различные древние авторы называют многочисленные сарматские племена единым наименованием «аланы», которое таким образом включило в себя большую часть ираноязычных сарматских племен, можно предположить, что, сталкиваясь с воспринявшими иранскую речь племенами, обитавшими в Центральном Предкавказье, древние авторы перенесли это наименование и на них, поскольку они не знали других ираноязычных племен, обитавших в то время на смежных территориях. Этот этноним закрепился за населением Центрального Предкавказья и сохранился там вплоть до эпохи средневековья. Однако несомненно и то, что кочевые сармато-аланские племена Поволжско-Донских степей и аланы Северного Кавказа, несмотря на ираноязычность тех и других, имели разные этнические основы: северные кочевники аланы были генетически связаны с более ранними сарматскими племенами, на Северном Кавказе этноним «аланы» имел на ранней стадии собирательное значение, включив в себя прежде разноязычные многочисленные местные племена Центрального Предкавказья и какую-то часть вторгавшихся сюда и оседавших здесь сарматских племен. Именно это обстоятельство и затрудняет выделение каких-либо этнических группировок в Центральном Предкавказье в аланское время.

Изучение антропологических материалов говорит о том, что ираноязычные осетины относятся к тому же антропологическому типу, что и другие народы Кавказа, следовательно, ведущую роль в формировании осетинского народа надо отводить местным кавказским племенам [43].

---

[43] *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974, с. 198; *Гаджиев А. Г.* Об антропологическом типе древнего населения Дагестана и Северного Кавказа.— МАД, 1974, т. 5, с. 59.

Правда, среди антропологических материалов эпохи средневековья с территории Северного Кавказа выявлена серия черепов узколицего долихокранного типа, сосредоточенного главным образом в западных районах Кавказа (Черкесия и Прикубанье), которую можно связать с пришлым аланским населением [44]. Однако долихокранный тип был известен на Северном Кавказе и в эпоху бронзы. Имеющиеся немногочисленные материалы не позволяют, по мнению В. П. Алексеева, уловить разницу между этим местным типом и аналогичным типом, принесенным аланами. Таким образом, наличие этих материалов еще не свидетельствует об отсутствии связи средневекового населения этой области с населением эпохи бронзы [45]. В целом же по своему антропологическому типу современные осетины близки к местным кавказским, а не к пришлым скифо-сармато-аланским племенам [46].

Представленная выше схема сложения аланской культуры Северного Кавказа, несомненно, гипотетична и нуждается в серьезной аргументации и дальнейшей разработке. Однако имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы позволяют уже сейчас отказаться от возможности связывать появление катакомбного обряда погребений на Северном Кавказе в последних веках до нашей эры с приходом сюда сарматских племен. Это в свою очередь означает, что катакомбный обряд погребения не может служить критерием при выделении ираноязычных этнических группировок на Кавказе.

M. P. Abramova

LE PROBLEME DE LA CULTURE DES ALAINS DANS LE CAUCASE SEPTENTRIONAL

Résumé

La culture des Alains constitue l'un des principaux problèmes de l'archéologie du Caucase septentrional. La formation de cette culture, ses particularités locales et ses limites chronologiques, toutes ces questions, qui présentent une importance primordiale, n'ont cependant pas encore reçu de solution définitive. Ce qui gêne pour distinguer les monuments purement alains, c'est qu'on peut remarquer chez divers groupes de populations, ayant des rites funéraires différents, une similitude dans la culture matérielle et dans les détails des coutumes d'inhumation. La tendance visant à rattacher la culture des Alains du Caucase septentrional rien qu'à l'ethnos de langue iranienne aboutit au fait que pour distinguer cette culture on se base seulement sur l'unique indice de forme des constructions funéraires (dans le cas donné, des catacombes). Tous les autres types de tombes (cuves de pierre, caveaux souterrains et semi-souterrains), répandus principalement dans les régions montagneuses, sont rattachés à l'ethnos local du Caucase et sont rangés dans une culture archéologique particulière. Mais il est peu probable que ceci soit exact, si l'on prend en considération leur existence synchrone avec des sépultures en catacombes, non seulement sur le même territoire, mais souvent dans les limites d'un seul champ funéraire. Si l'on tient compte qu'à partir de la deuxième moitié du Ier millénaire av. n. è. la coutume d'inhumer en catacombes se répand sur un vaste territoire, alors il n'est pas nécessaire de rattacher l'apparition de cette coutume dans le Caucase septentrional, au cours des derniers siècles av. n. è., à l'arrivée des Sarmato-Alains, d'autant plus que pour les tribus sarmates cette coutume était peu caractéristique. C'est pourquoi on peut douter qu'il soit juste d'isoler des monuments se rattachant à l'ethnos de langue iranienne des monuments médiévaux du Caucase septentrional. La culture des Alains dans cette région a eu, évidemment, une importante base locale dès le début de sa formation.

---

[44] *Алексеев В. П.* Ук. соч., с. 113.
[45] Там же, с. 114.
[46] Там же, с. 198.

В. И. МАРКОВИН, Х. Д. ОШАЕВ

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ЯССКОГО ГОРОДА ДЕДЯКОВА

(по следам археологических исследований)

Для средневековой истории народов Северного Кавказа далеко не праздным вопросом является установление местоположения города Дедякова. О его значимости для своего времени свидетельствует хотя бы тот факт, что золотоордынский хан Менгу-Темир (внук Батыя) предпринял против него военные действия, в которых активную роль играли его союзники — русские князья. Историк С. М. Соловьев, основываясь на летописных данных, писал, что в действиях 1277 г. принимали участие князья: Андрей Городецкий, Федор Ярославский, Глеб Ростовский с сыном Михаилом и племянником, а на следующий год против Дедякова ходили Федор Ярославский и Михаил (сын Глеба) [1]. В Воскресенском списке летописи о первом походе сказано так: «И приступиша Рустии князи ко Ясскому городу ко славному Дедякову, и взяша его феврале 8, и многу корысть и полон взяша, противных избиша безчисленно. Град же их огнем пожгоша» [2]. Это произошло по повелению хана Узбека [3].

Летописные наименования Дедякова «ясским» и «славным» указывают на горский состав его жителей, величину и известность в свое время [4]. К тому же в нем, по летописям, «бъ базар великий» [5].

Почти 200 лет ученые разбирают вопрос о местоположении Дедякова, попутно уточняя детали походов против него. Сопоставление летописных данных и мнений самых различных ученых привело Е. Г. Пчелину к выводам, что Дедяков стоял: 1) за рекой Терек; 2) за горами Ясскими, Черкасскими и Свенскими, т. е. «вблизи центральной части Главного Кавказского хребта»; 3) на реке Свенце, т. е. на Сунже; 4) «близ врат железных», т. е. аланских проходов (таможенные заставы в горах, по мнению автора, обивались железом); 5) «у болвана медного златые главы»; 6) «у Темировой богатыревой могилы» [6].

Вопрос о местонахождении Дедякова обстоятельно освещен в статье Е. И. Крупнова, который связывает его с частично раскопанным городищем Верхний Джулат (Татартуп) у сел. Эльхотово в Северной Осетии.

---

[1] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963, кн. II, т. 3, 4, с. 200.

[2] ПСРЛ, т. VII (Летопись по Воскресенскому списку). СПб., 1856, с. 173. Выписки из летописей и указания на различные изводы см.: *Пчелина Е. Г.* О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе.— МИА, 1963, № 114, с. 152, 153.

[3] *Соловьев С. М.* Ук. соч., с. 223, 224.

[4] В разных изводах летописи он назывался также Титяков, Тетяков, Тютяков, Дадаков. *Пчелина Е. Г.* Ук. соч., с. 152.

[5] *Пчелина Е. Г.* Ук. соч., с. 159.

[6] Там же, с. 157, 158. Автор считает, что места, где находились болван и могила (пункты 5 и 6), не представляется возможным локализовать на современной карте.

Такую локализацию он считает бесспорной [7]. М. Г. Сафаргалиев также считает, что Дедяков был расположен близ сел. Эльхотово. Этот, по его мнению, чисто ясский (осетинский) город позже 1277 г. стал известен уже под татарским названием «Шахри-татар», а с 1395 г., будучи разрушенным Тимуром, вообще исчезает со страниц истории [8]. Судя по отдельным высказываниям, М. Г. Сафаргалиев объединяет городища Верхний и Нижний Джулат в одно, хотя они расположены в разных пунктах (Нижний Джулат находится у ст. Котляревской [9]), и в силу этого Дедяков (по М. Г. Сафаргалиеву) раскинулся по обе стороны Терека. По его мнению, р. Савенч, приток Терека, давно пересохла, поэтому она и не значится в «Книге Большому чертежу» [10].

Довольно интересное предположение о местонахождении Титякова (Дедякова) было сделано Л. И. Лавровым. Он помещает его на месте городища Жулат (Джулат) близ Эльхотова, которое расположено не очень далеко от «Железных врат» — Дарьяльского ущелья, а так как в городе в этот период (XIV в.) могли жить ясы — осетины и обезы-абазины (черкесское племя), то и горы, окружающие Дедяков, названы им «осетинскими» и «черкасскими» [11]. Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, посетив какой-то из Джулатов (скорее всего Верхний), назвал его «Дадайан», что, как отмечает Л. И. Лавров, созвучно Дедякову [12].

Значительное внимание местоположению Тютякова (Дедякова) уделил историк В. А. Кучкин. Им просмотрены не только летописные своды, но и повести, посвященные Михаилу Тверскому, а также те восточные источники, в которых освещены события XIII—XIV вв. В. А. Кучкину удалось уточнить время взятия Дедякова татарами и русскими — это 8 февраля 1278 г. Битва происходила под руководством Дмитрия — великого князя Владимирского (сына Александра Невского). Им же приведена выписка из Пространной редакции «Повести о Михаиле», в которой дано детальное описание расположения Дедякова в связи со смертью князя Михаила Тверского. Вот оно: «Бывшю же блаженому князю Михаилу в неизреченном том терпении, в такой тяготе 26 днии за рекою Терком, на реце на Севенци под городом Тютяковым, минувши горы высокыа Ясскыя, Черкасьскыя, близ Врат Железных» [13]. В. А. Кучкин указывает также, по Симеоновой летописи, что Дедяков стоял на р. Нае (разночтения — Ая, И) [14]. Следует отметить, что он выступает против отождествления р. Севенц с притоком Терека — Сунжей [15]. Убийство князя произошло, как отмечают житийные данные, 22 ноября 1318 г.[16], а не в 1319 г., как считал С. М. Соловьев. Тело князя, отмечает В. А. Кучкин, по дороге в Россию перевезли за р. Адеж («еже речется Горесть», т. е. какая-то степная река, по его мнению), а далее через города Маджары и Бездеж, возможно, вдоль Волги [17]. В итоге своего исследования

---

[7] *Крупнов Е. И.* Еще раз о местонахождении города Дедякова.— В сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 293—297.

[8] *Сафаргалиев М. Г.* Где находился золотоордынский город Дедяков? — Уч. зап. Мордовского гос. пед. ин-та. Серия общественные науки, вып. 4, Саранск, 1956, с. 128—137.

[9] *Семенов Л. П.* Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947, с. 9.

[10] *Сафаргалиев М. Г.* Ук. соч., с. 129.

[11] *Лавров Л. И.* «Обезы» русских летописей.— СЭ, 1946, № 4, с. 169.

[12] *Лавров Л. И.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории.— СЭ, 1956, № 1, с. 27.

[13] *Кучкин В. А.* Где искать ясский город Тютяков? — Изв. СО НИИ, т. XXV (история). Орджоникидзе, 1966, с. 170—172.

[14] Там же, с. 172—174; *его же.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, с. 128, 139 (здесь даны летописные разночтения).

[15] *Кучкин В. А.* Где искать..., с. 175, 176.

[16] *Протопопов Д. И.* Жития святых, чтимых православною российскою церковию, а также чтимых греческою, южно-славянских, грузинских и местно чтимых в России. Месяц ноябрь. М., 1885, с. 342.

[17] *Кучкин В. А.* Где искать..., с. 175, 176, 182.

В. А. Кучкин приходит к выводу, что «кочевье татар и город Тютяков стояли на пути из средневекового Азова в Дербент Каспийский и далее в Иран», город был связан также с Маджарами и Железными Воротами Дарьяла, т. е. он «находился на пересечении двух больших торговых путей с запада на восток и с севера на юг». Таким городом, по цитируемому автору, могло быть и городище в районе Татартупа — Верхний Джулат. Однако, по мнению В. А. Кучкина, для подобного отождествления «необходимо иметь данные о наличии вблизи городища большого татарского кочевья XIV в., стоявшего при слиянии рек Севенцы и Аджи, и о слое пожарища, который должен быть датирован 8 февраля 1278 года» [18].

Как видим, В. А. Кучкин наиболее обстоятельно изучил все материалы, связанные с местоположением Дедякова, но его окончательный вывод очень осторожен.

В. А. Кузнецов, высказываясь по поводу расположения Дедякова, предполагает, что скорее всего этим городом мог быть Верхний Джулат, ибо в отличие от Нижнего Джулата он ближе расположен к Сунже и Дарьялу; на его территории в процессе раскопок обнаружены три мечети и три церкви. Верхний Джулат представлял в XIII—XIV вв. развитый город и «средоточие основных религий средневековья на территории Центрального Предкавказья» [19]. В. А. Кузнецов при этом не останавливается на толковании топонимических названий.

Следует, очевидно, снова вернуться к выяснению отдельных географических ориентиров, связанных с Дедяковым и отложившихся в местных наименованиях рек, гор и ущелий; обратить внимание на некоторые данные исторических источников и отдельные детали, обнаруженные в процессе археологических работ.

Прежде всего остановимся на локализации рек Севенца (Савенц, Свенц) и Адеж. В. А. Кучкин, интересуясь этим вопросом, замечает, что «наиболее серьезные доводы за то, что Севенца, это Сунжа, привел В. Ф. Миллер», и далее дает перечень (по В. Ф. Миллеру) персидских названий, известных для Сунжи и относящихся к началу XV в. Это Сундж, Сивендж, Суюндж, Сунундж [20]. В русских источниках XVI в. и более поздних Сунжу именуют как Сунша, Сунца, Суюнча, Суенча, Сююнча [21]. Считаем необходимым указать также и местные — вайнахские (чечено-ингушские) названия Сунжи. Кажется вполне естественным предположить, что это будут наиболее древние названия реки (в ее бассейне вайнахи живут издревле). По-чеченски она называется Сёльдж, по-ингушски — Шолдж. В том, что такие названия, как Севенц, Сивендж, Суюндж, Суюнча, Сунша, Сунжа — различные видоизменения вайнахского названия р. Сёльдж, трудно усомниться. А если это так, то представляется, что «славный» (далеко известный) город Дедяков был расположен на Сунже — Севенце — Сёльдже. Но тогда размещение Дедякова в р-не Татартупа [22] невозможно, ибо от выхода Сунжи из гор Ингушетии на равнину и до Верхнего Джулата будет более 60 *км* по прямой, да и до Дарьяльского прохода (ущелья с «железными воротами») также не менее 80 *км*. Как видно, место расположения Дедякова надо искать в предгорной части — в среднем течении р. Сунжи, а не далеко к западу от нее.

Город Дедяков летописи называют «ясским». Существует несколько толкований этнонима «ясы», которые с достаточной полнотой освещены

[18] *Кучкин В. А.* Где искать..., с. 182, 183.

[19] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 162, 163.

[20] *Кучкин В. А.* Где искать..., с. 176. См. также: *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды, ч. III. М., 1887, с. 70.

[21] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 61; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 516, 517.

[22] А. Н. Грен считал, что на месте Татартупа «существовал ранее город, служивший резиденцией хана Золотой Орды Чани-бека».— Изв. Кавказского отдела РГО, т. XVI, № 2. Тифлис, 1903, с. 49. Отчет о действиях и состоянии Отдела за 1902 г

в литературе [23]. И все же представляется, что под этим названием можно понимать не только наименование народа ясов, т. е. алан («осов», от которых в грузинской передаче и возникло современное слово «осетины» [24]), что характерно для научной терминологии, но и звучание р. Ассы в чеченском языке — 'Аьса [25]. Здесь аи́нированный, умляутированный звук «'ьа» близок русскому «я» (й-а). Всякий иноязычный человек, услышав из уст чеченца слово «'Аьса», передаст его как «Яса». Этноним «оси» (овси), вероятно, также произошел от названия р. Ассы в грузинском произношении (Оссоевская река). Вряд ли случайно и то, что сами осетины западных своих соседей — балкарцев и сейчас именуют «ясами — ассиа» [26].

Применительно к наименованию города Дедякова «ясским» можно предполагать, что в нем жили представители самых различных этнических групп, в том числе и «обезы» (адыги), упоминаемые в русских летописях [27]. Несомненно, в городе жили и вайнахи, вместе с тем аланский характер культуры его жителей мог быть вполне реальным, так как к X—XIII вв. влияние алан проникает даже глубоко в горы Северного Кавказа [28]. Так, может показаться, что само название города Дедяков звучит вполне по-русски, поскольку окончание «ков» в русском языке характерно для родительного падежа. Однако осетинское «Даде-кау» вполне созвучно с русским «Дедяковым» и означает «Дедово село», «Отцово село» (город). Наименования с окончаниями «кау» характерны и для современного осетинского языка (Дзауджикау, Тменикау и др.).

Наиболее полно окрестности Дедякова описаны в летописях в связи с убийством Михаила Ярославича, князя Тверского. Несколько позже данные о его смерти были перенесены в жития — повести, посвященные князю, а затем перенесены и в церковные службы [29], носящие уже определенный стереотипный характер, хотя и в них упоминается «окоянный Кавгадый» — один из организаторов убийства Михаила Тверского, действовавший по приказу хана Узбека [30].

Сопоставление летописей, которое проделал В. А. Кучкин, показывает, что «вежа» (шатер) Михаила стояла недалеко от ханской ставки и татарского кочевья, где протекала р. Адеж, а близ вежи находился торг. Неподалеку располагались и станы русских, куда бежали двое из слуг князя Юрия Московского после совершившегося убийства. Как замечает В. А. Кучкин, «можно заключить, что это было довольно крупное татарское кочевье, расположенное на реках Севенце и Аджи. Вблизи кочевья стоял Тютяков» [31].

Представляется, что Дедяков надо искать не в «Эльхотовских воротах» и не в Дагестане, как это делали некоторые ученые [32], а на терри-

---

[23] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106, с. 123сл.; *Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 189сл. Кстати заметим, что Гаглойти вслед за Л. П. Семеновым считает, что Дедяков стоял на месте г. Орджоникидзе (Дзауджикау). См.: *Гаглойти Ю. С.* Ук. соч., с. 194; *Семенов Л. П.* Из истории города Дзауджикау. Дзауджикау, 1947, с. 6.

[24] *Миллер В. Ф.* Ук. соч., с. 24.

[25] Здесь и ниже чечено-ингушские и тюркские слова даны в написании, основанном на русской графике.

[26] Карачаевцы и балкарцы в свою очередь иногда при обращении употребляют слово «алан», заменяя им эквивалентное «къардаш» (родич, брат). Тюркам Средней Азии такое обращение неизвестно. Приносим благодарность Саттару Арифуллину за это сообщение.

[27] *Лавров Л. И.* «Обезы» русских летописей, с. 168, 169.

[28] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв., с. 15—17.

[29] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 72, 354; *Протопопов Д. И.* Ук. соч., с. 343, 344.

[30] «Минея» за ноябрь (служба 22 ноября). М., 1705, листы 247, 256 (обороты).

[31] *Кучкин В. А.* Где искать..., с. 175.

[32] *Щербатов М. М.* История Российская, кн. III. СПб., 1774, с. 284; А. Афанасьев также помещал «Тетяков» близ Дербента. См. сб.: Древности, т. XVIII. М., 1901, с. 161 (протокол № 513).

тории Чечено-Ингушетии, в районе нижнего течения р. Ассы и, скорее всего, возле места наибольшего ее сближения с Сунжей. Местом расположения города могло быть так называемое Алханкалинское городище (рис. 1), возвышающееся на левом берегу Сунжи, в 17—18 *км* западнее современного г. Грозного. Впервые здесь, в районе сел. Кулары, Закан-юрт, Черноречье, предлагала искать Дедяков Е. Г. Пчелина [33]. Алханкалинское городище чеченцы называют «ГIуларе сянгарш», что означает «Куларские окопы (рвы)». До середины XIX в. здесь было расположено чеченское сел. Кулары (ГIуларе) [34]. Данное городище занимает удобное место: у довольно большой р. Сунжи, рядом с лесом и хорошими пахотными и пастбищными угодьями. Здесь проходят дороги, ведущие на север и к югу (в сторону Дагестана). Это важный момент. Топоним «Кулары (Куллары)» в переводе с тюркских языков Кавказа означает «рабы, невольники» (от «къул» — раб) [35]. Ясное дело, что горцы — чеченцы, поселившиеся на месте городища, не могли окрестить свое село на чужом языке, если бы здесь не существовало населенного пункта с этим названием. По-видимому, они сохранили название Кулары, существовавшее с золотоордынского времени [36]. Можно полагать, что упоминаемый в летописях **торг** у кочевья является пунктом работорговли золотоордынцев, о чем свидетельствует значение топонима «Кулары» (Куллары) [37]. Интересен и тот факт, что в 10 *км* к западу от городища находился брод через Сунжу (до впадения в нее реки 'Ашх), известный под названием ГIазакх-гечу (Казах-кичу), что по-чеченски означает «казахский брод». Это название могло возникнуть, когда пользовалось им пришлое население — золотоордынцы в первую очередь.

Уже говорилось, что Дедяков был расположен недалеко от р. Адеж (Адежь, Аджь, Идеж), впадающей в Севенцу — Сунжу. Эту реку, о которой сказано, что «еже зовется горесть» (горечь), сопоставляли с Горькой Прорвой у г. Кизляра [38] и с р. Ачалуки [39]. Однако если Дедяков локализовать в указанном нами районе, то следует напомнить, что к югу от сел. Закан-юрт, недалеко от слияния р. Фортанги (Ашхой-Март) [40] с Ассой, справа в Фортангу впадает небольшая речка 'Ашх. Это, очевидно, и есть летописная Адеж. Для русского уха грубое, гортанное айнированное слово 'Ашх могло звучать примерно как Аджь или Адежь. На этом двух-трехкилометровом берегу р. 'Ашх и следует, пожалуй, искать следы кочевья и торга.

Согласно историческим свидетельствам, тело князя Михаила в первую же ночь после убийства было перевезено на другую (левую) сторону

---

[33] *Пчелина Е. Г.* Ук. соч., с. 159.

[34] При основании Сунженской казачьей линии чеченские селения Алхан-юрт, Кулары, Закан-юрт, Самашки и др. были перенесены на правый берег Сунжи. Современное Кулары находится в 2 *км* к югу от своего старого места.

[35] Кумыкско-русский словарь. Под ред. З. З. Бамматова. М., 1969, с. 205; Русско-карачаево-балкарский словарь. Под ред. Х. И. Суюнчева, И. Х. Урусбиева. М., 1965, с. 508.

[36] Все тюркоязычные слова, начинающиеся со смычкового звука «къ», в чеченском языке получают гортанный звук «гI».

[37] С подобным названием (Куллары) существует пункт и в Дагестане, близ Дербента (Административно-территориальное деление Дагестанской АССР. Махачкала, 1950, с. 147).

[38] *Вейденбаум Е. Г.* Материалы для историко-географического словаря Кавказа.— СМОМПК, 1894, вып. XX, с. 23, 24; *Пчелина Е. Г.* Ук. соч., с. 156.

[39] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском, с. 288 (указатель); *Виноградов В. Б.* Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «Славном граде ясском Дедякове».— Уч. зап. Чечено-Ингушск. гос. пединститута, № 26, Грозный, 1968, с. 65, 66.

[40] Реку Фортангу чеченцы называют 'Ашхой-Март в отличие от другой реки Март (Мартан), протекающей у сел. Урус-Мартан. По-ингушски «Март» звучит как «Фарт», окончание «анга» в слове «Фартанга» является суффиксом направительного падежа, в переводе название реки означает «К реке Фарт».

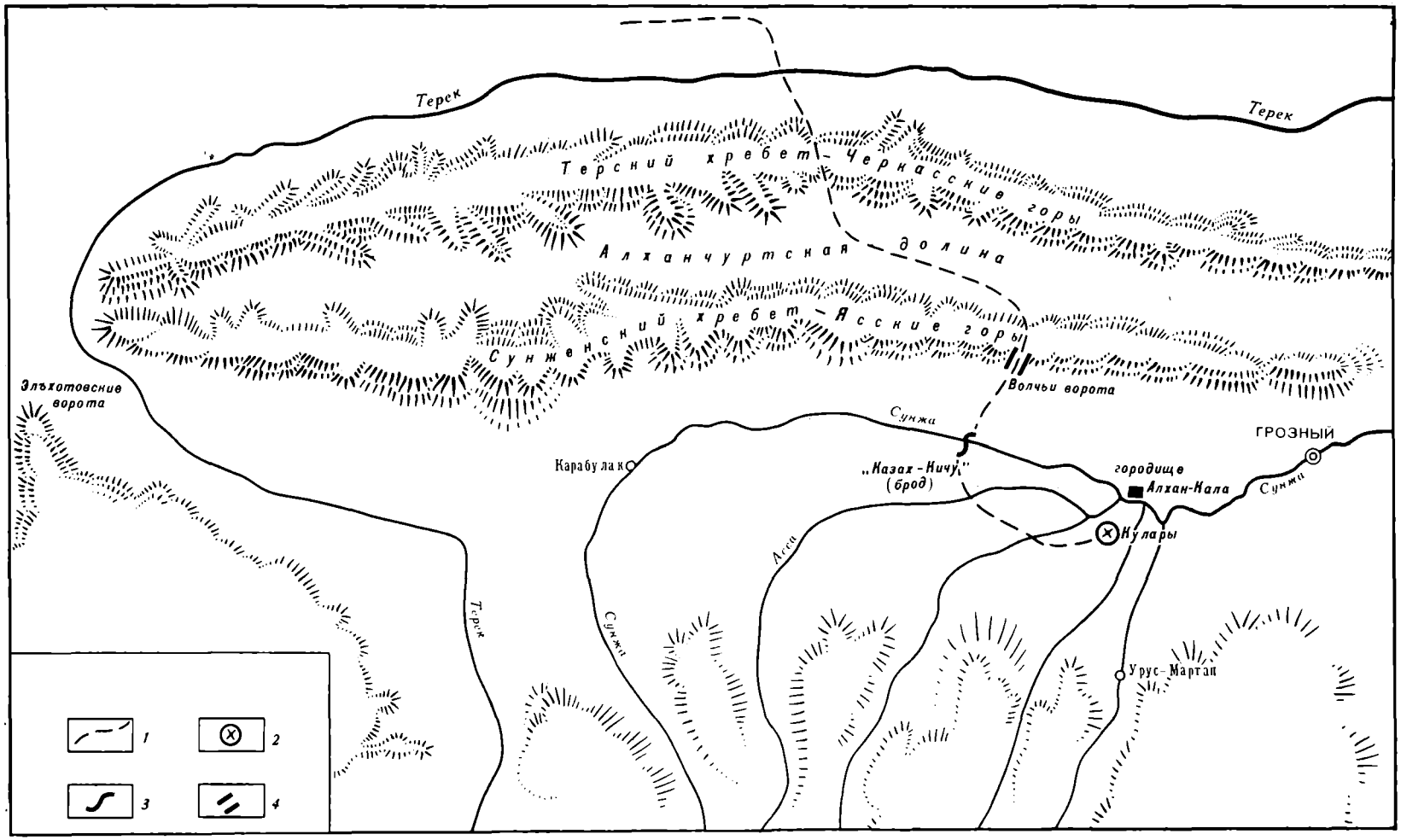


Рис. 1. Схематическая карта местности с городищем Алхан-кала (предполагаемым городом Дедяковым). *1* — предполагаемый путь, по которому везли тело Михаила Тверского из татарского кочевья на Русь; *2* — место татарского кочевья; *3* — брод «Казах-Кичу» через р. Сунжу; *4* — горный проход «Волчьи ворота»

р. Адеж ('Ашх) [41]. Данный факт, придерживаясь нашей локализации Дедякова, можно объяснить тем, что по впадении речки 'Ашх (Адеж) в Фортангу, а затем слияния их вод с Ассой и Сунжей последняя увеличивается вдвое, и левый ее берег очень высок и крут. Тело князя могли перевезти через Сунжу, воспользовавшись бродом «Казах-кичу», но предварительно провезя его 5—6 *км* вверх вдоль р. 'Ашх (Адеж) и перейдя Фортангу и Ассу, и только затем бояре, приданные князем Юрием Московским для сопровождения покойника, начали свое далекое путешествие на Русь.

В предлагаемой нами локализации Дедякова все как будто сходится с хорошо изученными данными литературных источников. Не сходится только летописный перевод названия р. Адеж как «Горесть» (горечь). Вода в р. 'Ашх вовсе не горькая. Правда, еще В. О. Ключевский обратил внимание на метафорическое горестно-траурное восприятие названия р. Адеж составителем жития Михаила Тверского, который мог быть, по его мнению, спутником князя в орду: «...**горесть бо и бе,** тогда в той час таковую видевши **нужную смерть** господина своего» [42]. В этом смысле и было, очевидно, воспринято название реки. Средневековые тексты и памятники фольклора позволяют заметить, как внешние события вносят радостную или печальную окраску не только в переживания героев, но и в их окружение — в первую очередь в явления природы [43]. Но можно ли чеченское 'Ашх отождествлять с летописным названием Адеж (Аджь)? Думаем, что для этого имеются основания. Конечное «х» в гидрониме «'Ашх», несомненно, является усеченным словом «хи» — вода, река (с таким окончанием в Чечено-Ингушетии много рек: Ге-хи, Арм-хи, Мелч-хи и др.). Древнее чеченское название реки будет «'Аш-хи». Тюркоязычное население многонационального города Дедякова могло название р. 'Аш-хи воспринимать как «аччы, ачы, ачыды» — тюркское «горько, горький» [44] (в русской огласовке — Адеж). Собственно, р. 'Аш-хи и сейчас называется Ачхой.

В среде русских людей это название реки — «Горесть, Горечь» [45] — ассоциировалось с тяжелыми днями смерти князя, воспринятой как мученическая, ибо впоследствии Михаил Тверской был канонизирован и стал одним из почитаемых русских святых [46]. Его жизнь и кончина (житие) нашли отражение не только в иконописи, но и в граверно-прикладном искусстве [47].

Автор «Повести о Михаиле» сопровождал князя в Дедяков вместе с ордою хана Узбека и, судя по описанию местоположения города [48], видел

---

[41] *Кучкин В. А.* Где искать..., с. 175.

[42] *Ключевский В. О.* Ук. соч., с. 72. Подчеркнутые нами слова ясно указывают на тоску автора сказания: «Ибо горестно это и было (без того) видеть в то время тяжкую смерть господина своего» («бо» означает союз так как, ибо, потому что; «бе, безъ, бьзъ» — предлог отсутствия кого-либо, чего-либо. См. Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. I. М., 1975, с. 91, 252. Прилагательное «нужное» от «нужа (нуда)» — тяжелая, горькая жизнь и т. д. См. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, с. 559). В. Б. Виноградов дает иной перевод выражения горесть бо и бе в виде: «горькой она и была», относя эти слова к свойствам воды р. Адеж, что не соответствует характеру древнерусского высказывания. Перевод, сделанный В. Б. Виноградовым, позволил ему отождествлять р. Адеж с горькой водой р. Ачалук. (*Виноградов В. Б.* Через хребты веков. Грозный, 1970, с. 98; *его же.* Еще раз о месте убийства..., с. 66, 70).

[43] *Пятигорский А. М., Успенский Б. А.* Персонологическая классификация как семиотическая проблема.— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, № 198 (ТЗС, III). Тарту, 1967, с. 17—19.

[44] Кумыкско-русский словарь, с. 54; Русско-карачаево-балкарский словарь, с. 123.

[45] Слово «'Аш» непереводимо, оно связано с понятием жизни.

[46] Святой мученик Михаил — великий князь Тверской. СПб., 1895.

[47] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., с. 105—115, рис. 40, 41.

[48] Выписка, сделанная В. А. Кучкиным из Пространной редакции Повести, приведена нами выше.

его «за рекою Терком» (Тереком). Если бы при этом Дедяков стоял на месте Татартупа, то город был бы расположен на левой стороне Терека и реку незачем было бы переходить, так же как пересекать горы «Ясскыя и Черкасьскыя». Наиболее вероятно, что орда хана Узбека перешла на правый берег Терека где-то в районе нынешнего г. Моздока, далее перевалила через Терский хребет, именуемый чеченцами и в наше время Черкесским хребтом (Чергсийн раьгнаш), пересекла Сунженский хребет (Ясские горы, по-чеченски — Ташхой раьгнаш) и спускалась под Дедяков к кочевью, перейдя Сунжу — Севенец через «Казахский брод». Здесь, у слияния р. 'Ашх (Адеж) с Сунжей, с правой стороны («под городом Тютяковым») и находилось кочевье татар, в котором и была решена участь Михаила Тверского. Если же путь орды был иным, то спутник русского князя вряд ли стал бы писать о пройденном маршруте: «минувши горы высокыа Ясскыя, Черкасьскыя». Следует отметить, что все события происходили не только на виду гор, но и «близ Врат Железных». На их локализации следует особо остановиться.

Обычно «Железными вратами» называют Дарьяльское ущелье и Дербентский проход, но в данном случае речь может идти о совершенно других «вратах». Среди вайнахских топонимов встречаются наименования, включающие слово «сур» — войско [49]. В связи с изучаемым вопросом следует обратить внимание на две отдельные горы, стоящие в 5 *км* южнее Грозного, проход между которыми известен как Ханкальское ущелье. Горы носят одинаковые чеченские названия «Суьйра Корта» (Сюир-Корт, от слов «сур» — войско, взятом в родительном падеже «суьйра», и «корта» — голова, вершина). Само Ханкальское ущелье (проход) по-чеченски называется «шина суьйра юккъ» — буквально: «проход между двумя сурами — войсками». По всей видимости, в древности на вершинах обеих гор размещались войска, охранявшие проход на равнину Чечни. Непосредственно проход защищала сторожевая крепость «Ханкала». Заметим, что слово «хан» в названии «Хан-кала» (по-чеченски «Хэн-кхаьлла») не имеет никакого отношения к ханам. В чеченском языке слово «ха» означает охрану («хэн» — родительный падеж от «ха»), откуда «Хан-кала» может означать крепость с охраной [50]. Таким образом, эти вершины, как справедливо пишет А. С. Сулейманов, защищали проход от вторжения неприятеля на равнину Гих-чоь (Гехинскую равнину) — Малую Чечню [51]. Вполне возможно, что проход между двумя горами Сур и есть Баб-Сур (Ворота Сур), отмечаемые средневековыми арабскими источниками [52] и которые Л. П. Семенов склонен был помещать в Ингушетии у аула Цори (Цхьора) [53].

Говоря «близ Врат Железных», русский автор мог иметь в виду Ханкальский проход, который расположен неподалеку от Алханкалинского городища — предполагаемого нами места расположения Дедякова.

Не лишено оснований и другое местоположение ориентира, который также мог в XIII—XIV вв. иметь название «Железных Ворот». Примерно в 15 *км* западнее упомянутого городища Сунженские горы (Ясские горы) пересекает узкая щель, соединяющая долину р. Сунжи с Алхачуртской котловиной и которая пересекает «Ясский» хребет. Эта щель

---

[49] Устаревшее слово «сур» (войско) употребляется сейчас только в ироническом смысле: «Он шел, ведя за собой целый сур детей», и в имени Сурхо — «воин».

[50] В. Б. Виноградов связывает название «Хан-кала» с победой вайнахов в XVII в. над 80-тысячным войском крымского хана (*Виноградов В. Б.* Через хребты веков, с. 31). Историческими источниками подобный факт не засвидетельствован. Очевидно, неверно переведенное название ущелья и породило подобную версию.

[51] *Сулейманов А. С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976, с. 6.

[52] *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане.— СМОМПК, 1902, вып. XXXI, с. 41, 57.

[53] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963, с. 68.

в прошлом носила название «Волчьих ворот». Тело Михаила Тверского достаточно близким путем могли провезти к Тереку и через этот проход, тем более что он лежит в нескольких километрах севернее переправы Казах-Кичу.

В. А. Кучкин обратил внимание на следующее место в Симеоновой летописи, касающееся расположения Дедякова: «...того же лета убил царь Озбяк в Орде великого князя Михаила Ярославичя Тферского на реце Наи у города Дедякова, и привезоша его из Орды на Москву» [54]. Здесь под датой 6826 г. от сотворения мира (1318 г.) идет речь о том же событии, что описано и в «Повести о Михаиле», но место расположения Дедякова указано не на Севенце, а на р. Нае. Как же можно объяснить этот факт?

В живом, современном языке вайнахов слово «ная» уже не бытует, но имеется у бацбийцев (цова-тушин, живущих в Грузии), родственных чеченцам и ингушам. На их языке выражение «наи вала» означает «выйти наружу, выйти на край», в чеченском языке от корня «наи» сохранилось лишь одно слово «наьI» — дверь. В древности сочетание «наи-хи» могло обозначать «крайняя, наружная река» [55]. Сунжа для средневековых жителей и могла быть такой «крайней» рекой, ибо с правой стороны в нее вливаются все основные крупные притоки (Асса, Аргун, Валерик, Гехи, 'Ашх и др.), она своим руслом как бы прикрывает страну вайнахов от внешнего мира, а с левой стороны в Сунжу впадает лишь одна пересыхающая речка Хьач-хи («алычевая река» с горьковато-кислой водой), которая сейчас называется Нефтянкой. О том, что Сунжа служила «краем», свидетельствует и название древнейшего чеченского аула «Алда», расположенного на правом ее берегу. По-тюркски Алда означает «передний» [56], хотя это селение у чеченцев имеет еще и свое название — «Бухун-юрт», т. е. «Совиное село».

Таким образом, мы рассмотрели все географические ориентиры расположения города Дедякова, какие только сохранили литературные источники и которые могут быть объяснены по своему значению на языке аборигенов — чеченцев и ингушей. Остались не локализованными лишь указания Никоновской летописи «у болвана медного, у златые главы у Темировы, у богатыревы могилы». Этим ориентирам трудно найти определенное место. Правда, В. Б. Виноградов считает, что приведенный отрывок (у него этот абзац обрублен и подан так: «у Темиревы у богатыревой могилы») [57] имеет отношение к мавзолею Борга-Каш у сел. Плиево, построенному в 1405—1406 гг.[58] По мысли В. Б. Виноградова, его местонахождение может служить определенным ориентиром для локализации татарского кочевья, в котором был убит Михаил Тверской [59]. Основанием для подобного мнения служит, очевидно, указание В. А. Кучкина о позднем включении в летопись вставки с цитированными выше словами (он относит их к XVI в.) [60]. Сам В. А. Кучкин считает, что «редактор середины XVI в. ... отождествил место смерти Михаила и место битвы Тамерлана с Тохтамышем», где могла стоять статуя Тамерлана

---

[54] *Кучкин В. А.* Где искать..., с. 172, 173; см. также ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 89.

[55] В. Б. Виноградов, интерпретируя названия чеченских селений Нью-Юрт и Нюй, выводит их из слов «нуьй» — «метла из прутьев» или «ной» — «водопойное корыто». (*Виноградов В. Б.* Еще раз о месте убийства..., с. 64).

[56] Кумыкско-русский словарь, с. 37; Русско-карачаево-балкарский словарь, с. 408.

[57] В таком виде этот текст обрублен и у Е. П. Пчелиной. (*Пчелина Е. П.* Ук. соч., с. 159).

[58] *Виноградов В. Б.* Через хребты веков, с. 96, 97.

[59] *Виноградов В. Б.* Еще раз о месте убийства..., с. 66, 67, 70; *его же.* Через хребты веков, с. 99.

[60] *Кучкин В. А.* Где искать..., с. 180.

(Темира) [61]. В. Б. Виноградов в своей интерпретации пропустил слова «у златые главы», а это весьма существенно. Простой каменный купол имеет мавзолей Борга-Каш [62]. Речь, вероятно, идет об антропоморфной мусульманской стеле. Подобные памятники расписывают и покрывают позолотой до сих пор.

Что же представляет собой Алханкалинское (Куларское, Куларинское) городище? Его исследователь В. Б. Виноградов пишет, что «оно занимает более километра в длину и хорошо укреплено. Первый ров глубиной до 9 м составлял наружную ограду. На его внутреннем валу еще в прошлом веке были заметны остатки мощной каменной стены. Ближе к центру идет второй ров глубиной 3 м. Оба рва с двух сторон доходят до неприступного 20-метрового обрыва над поймой Сунжи» [63]. В город, судя по разрывам валов, вели три дороги — восточная, западная и северная. Проход в город с северной стороны был обложен булыжником. На западной стороне укрепленный город имел цитадель. Напомним, что о Дедякове русские средневековые источники говорят как о «ясском» городе, т. е. городе национальном, с местным — кавказским, а не золотоордынским населением. Этот факт и позволяет нам не согласиться с мнением, что Верхний Джулат (Татартуп) можно идентифицировать с городом Дедяковым. Уже говорилось, что он разорен и сожжен в 1278 г., а раскопки, произведенные на Верхнем Джулате, свидетельствуют совсем об иных фактах — не разгроме города в это время, а о процветании и дальнейшем строительстве мечетей и минарета [64]. Здесь не найдены следы больших пожарищ, и даже в районе археологически хорошо изученной церкви, обычном прибежище для средневекового населения во время военных действий, отсутствуют подобные признаки [65]; даже на кладбище, вскрытом около церкви, которое можно датировать по инвентарю XI—XVI вв., отмечен в захоронениях порядок, доступный лишь мирному времени [66]. Иное дело на Алхан-кале. Здесь В. Б. Виноградов не без драматизма отмечает следы «страшного пожара», «сплошного кострища», трупы убитых были брошены «на произвол судьбы под открытым небом» [67]. Важен и факт, отмеченный В. Б. Виноградовым, что на Алхан-кале обнаружены в основном предметы и керамика аланского времени (начиная с VI в.). Верхний слой, который он связывает с татаро-монголами, невелик (в отчетах даже не описан найденный в нем материал), но указывает на причину и «условия гибели городища» в результате его разгрома [68]. Только небольшой объем произведенных здесь раскопок не позволяет археологически документировать характер построек Алхан-калы. Вероятно, и здесь имелись церкви, воздвигнутые, как и известный храм Тхаба-Ерды, грузинскими миссионерами. Известно, что князь Федор Ростиславович Черный вывез из разгромленного Дедякова икону грузинского письма (рис. 2), так называемую Богоматерь Толгскую (первую) [69]. Во всяком случае, после 1318 г., по-видимому, город

---

[61] Там же.

[62] *Семенов Л. П.* Мавзолей Борга-Каш.— Изв. Ингушского НИИ краеведения, вып. I. Владикавказ, 1928, с. 217—232.

[63] *Виноградов В. Б.* Через хребты веков, с. 71; *его же.* Тайны минувших времен. М., 1966, с. 18, 19.

[64] *Милорадович О. В.* Средневековые мечети городища Верхний Джулат.— МИА, 1963, № 114, с. 66сл.

[65] *Крупнов Е. И.* Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат.— МИА, № 114, с. 48.

[66] *Милорадович О. В.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат.— МИА, № 114, с. 101—106.

[67] *Виноградов В. Б.* Через хребты веков, с. 73, 79, 85.

[68] Полный научный отчет о работе СКАЭ в 1966 г., с. 195. (Архив ИА АН СССР, д. № 3293); Полный научный отчет СКАЭ о работах 1967 г., с. 26, 27 (там же, д. № 3450).

[69] *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи (опыт историко-художественной классификации), т. 1. М., 1963, с. 202, 203, рис. 116.

Рис. 2. Икона «Богоматерь Толгская первая» (Государственная Третьяковская галерея)

уже не застраивался. И наоборот, в Верхнем Джулате — Татартупе, подобно Маджарам, долго еще продолжалась жизнь, и его руины привлекали внимание путешественников даже в XVIII в.[70].

Таковы некоторые соображения о предполагаемом местонахождении летописного города Дедякова. Однако В. Б. Виноградов считает, что на месте Алханкалинского городища стоял аланский город Магас (М-к-с, Маас) [71]. Остановимся и на этом вопросе.

Востоковед В. Ф. Минорский полагал, что Магас мог стоять «по соседству с Владикавказом (ныне Орджоникидзе)» или даже «в горах Сарира» (Дагестана), где якобы жили гигантские мухи [72]. В. Б. Виногра-

---

[70] *Güldenstadt J. A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. Bd I, SPb, 1787, S. 503; *Блиев М. М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749—1752 гг. Орджоникидзе, 1961, с. 15, прим. 1.

[71] *Виноградов В. Б.* Через хребты веков, с. 68сл. (глава «Найден Магас»).

[72] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 145.

дов, ссылаясь на В. Ф. Минорского, указывает менее конкретно положение Магаса: «... в равнинном Предкавказье, где-то по соседству с Дагестаном» [73], что и позволило ему сопоставлять Магас с Алханкалинским городищем.

Второй посылкой для отождествления аланского города с указанным городищем служит «перевод» слова «Магас» как «благочестивый» со ссылкой на арабского историка X в. Масуди [74]. Следует заметить, что Абуль-Хасан аль-Масуди в своих заметках не писал о благочестии, но отмечал, что в переводе с персидского «Магас» означает «Муха» [75]. Долгие годы название аланского города писалось с помощью одних согласных: М-г-с, М-к-с (в середине слова стоит буква «айн»), так как гласные буквы для этого слова были неизвестны — в обычном арабском письме огласовки (надстрочные и подстрочные знаки), как правило, опускаются [76]. Это и заставило В. Ф. Минорского привести в арабском написании с артиклем «ал» следующие слова: الديانة — «благочестие» (ал-дианатун), الدماثة — «кротость» (ал-дамашатун) и الذبابة — «муха» (ал-зубабатун). Именно последнему слову им и был найден персидский эквивалент, который позволил поставить гласные в названии «Магас» [77]. Очевидно, арабская графика приводимых В. Ф. Минорским слов и привела В. Б. Виноградова к неправильному наименованию города Магаса «благочестивым». К тому же Алхан-кала (по В. Б. Виноградову Магас) не могла в устах такого мусульманского историка, каким был Масуди, носить название «благочестивого города», ведь здесь сам В. Б. Виноградов обнаружил языческое капище с курильницами, число которых «давно перевалило за 200» [78].

В связи с «благочестивостью» Магаса очень интересен факт, сообщаемый Масуди: «...после 320/932 года они (жители Магаса.— В. М., Х. О.) отреклись от христианства и прогнали епископов и священников, которых византийский император раньше им прислал» [79]. Казалось бы, что это сообщение Масуди документируется находками языческих предметов, сделанными на Алхан-кале. Конечно, язычество, процветавшее здесь, отрицать не приходится, возможно, оно сочеталось с христианством. Однако если жители Магаса были связаны с Византией в своих церковных делах, то, значит, они входили в Аланскую епархию, основы которой начали закладываться византийскими патриархами с самого на-

---

[73] *Виноградов В. Б.* Через хребты веков, с. 70.

[74] Там же, с. 82 (у автора сказано: «Арабский путешественник пояснил при этом, что название Магас означает благочестие»).

[75] *Масуди.* Россыпи золота. Приложение III к книге В. Ф. Минорского, с. 204, § 16.

[76] *Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш.* Учебник арабского языка. М., 1969, с. 11, 12.

[77] *Минорский В. Ф.* Ук. соч., с. 204, прим. 74. Можно привести синонимы арабских слов (без артикля «ал»): تَقْوَى — «благочестие, набожность, религиозность» (такъвайа); تَقِيٌّ — «богобоязненный, праведный, религиозный» (такъийун); تَدَيُّنٌ — «религиозность, благочестие» (тадайунун); دَيِّنٌ — «религиозный, верующий» (дайинун) (*Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь, т. I, М., 1970, с. 125, 343), ни одно из них не звучит как «магас». В современном осетинском языке слово «маг» означает «мошкара, гнус». Баграту Виссарионовичу Техову за это сообщение приносим благодарность.

[78] *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 83.

[79] *Масуди.* Ук. соч. (Приложение III к книге В. Ф. Минорского), с. 204, § 16.

чала X в. Указанная епархия простиралась, по мнению В. А. Кузнецова, до р. Чегем, но не восточнее ее, а центр епархии находился в верхнем Прикубанье, где расположено Нижне-Архызское городище с комплексом древних храмов [80].

В восточной части Кавказа христианство распространялось со стороны Грузии, территориально Алхан-кала могла входить лишь в сферу ее влияния, на что, может быть, косвенно указывает и икона «Богоматери Толгской», вывезенная из Дедякова [81]. Таким образом, Алхан-кала вряд ли могла являться Магасом. Описание окрестностей этого города как болотистых, сделанное персидским историком Джувейни (XIII в.) и цитируемое В. Б. Виноградовым [82], мало соответствует местоположению Алхан-калы. Здесь, от вершин Сунженского хребта и до обрыва берега р. Сунжи, местность имеет крутой уклон в сторону реки, вода болот неизбежно стекала бы в нее.

Падение Магаса в 1238 г. под ударами монгол описано Джувейни. Город Магас был хорошо укреплен и обладал огромным числом жителей (по взятии города у местных жителей было отрезано 270 000 правых ушей) [83]. Ясно, что Алхан-кала хранит в себе руины более скромного города, каким и мог являться Дедяков. Что же касается Магаса, зависевшего от Византии хотя бы в религиозном отношении, то он еще не найден, и искать этот город надо где-то западнее, за пределами современной Чечено-Ингушетии [84]. Вопрос о локализации этого города требует более тщательного изучения восточных (в том числе и монгольских) источников, изучения византийских хроник. Это, очевидно, дело будущего.

V. I. Markovine, Kh. D. Ochaïev

OU SE TROUVAIT LA VILLE YASS DE DEDIAKOV?

Résumé

Dans l'histoire médiévale des peuples du Nord du Caucase une grande place est occupée par la ville de Dédiakov, dont les chroniqueurs russes disaient qu'elle était «slavny» (c. à. d. importante par ses dimensions) et «yass» (c. à. d. peuplée de montagnards). C'est à l'occasion de l'assassinat, en 1318, du prince russe Michel de Tver que l'emplacement de la ville est décrit dans ces chroniques de la façon la plus complète. A la localisation de Dédiakov ont été consacrés de nombreux ouvrages. La plupart des savants plaçaient cette ville au même endroit que le goroditché de Verkhni Djoulat (près du village d'Elkhnotovo, en Ossétie septentrionale). Les auteurs du présent article, s'appuyant sur la toponymie des chroniques, tentent de lui donner une explication à partir des données fournies par les langues tchétchèno-ingouche, ossète et turque, ainsi que par

---

[80] *Кузнецов В. А.* Средний Зеленчукский храм.— СА, 1968, № 3. *его же.* Алания в X—XIII веках (историко-археологические очерки).— «Автореф. докт. дис. М., 1970, с. 40—42; *его же.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 176.

[81] Этот образ как и икона Михаила Тверского почитались верующими Кавказа. Их «крестным ходом» переносили из одного населенного пункта в другой. См.: «Ставропольские епархиальные ведомости», № 10, 1912, с. 305, 306; № 13, 1913, с. 417—722: № 14, 1913, с. 146, 147, 455, 456.

[82] *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 69.

[83] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.— Л., 1941, с. 21—23. Перепечатку отрывка из Джувейни см. также в кн. «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века» (М., 1960, с. 427, 428). В работе В. Б. Виноградова «Через хребты веков» количество отрезанных ушей уменьшено до 27000 (с. 69), что в 10 раз сократило число жителей Магаса. Эта же цифра повторена и в кн.: *Виноградов В., Вайбик В.* О памяти, о подвигах, о славе! Грозный, 1972, с. 17.

[84] Кстати, заметим, что какое-то урочище «Муха» было известно «на Теберде» (?), в «68 верстах от Баталпашинска». Здесь отдыхали ученики церковных училищ. См.: «Ставропольские епархиальные ведомости», № 16, 17, 1913, с. 521, 522.

la topographie des piedmonts de Tchetchnia. Ils supposent que Dédiakov se trouvait à l'emplacement du goroditché d'Alkhan-Kala, près de l'agglomération tchétchène du même nom. Les fouilles ont été dirigées par V. B. Vinogradov, qui a localisé à l'endroit d'Alkhan-Kala la ville des Alains appelée Magass, la surnommant lui-même «la pieuse». Les auteurs de cet article, ayant découvert certaines erreurs dans l'interprétation de V. B. Vinogradov, estiment que Magass (le nom de cette ville, d'après Massoudi, veut dire «mouche») doit être cherchée dans la partie occidentale du Caucase, car cette cité se trouvait sous la juridiction de l'Eglise byzantine, dont l'influence ne s'étendait pas jusqu'à Tchetchnia. La population tchétchène et ingouche, à l'époque médiévale, subissait l'influence de l'Eglise géorgienne, ce qui est attesté par les ruines de sanctuaires (ainsi, de Dédiakov provient l'icône de la Sainte Vierge dite «Tolgskaïa piervaïa») et par la peinture géorgienne (fig. 2). Ceci prouve une fois de plus que Magass n'est pas encore découverte, et que Alkhan-Kala recèle très probablement les ruines de Dédiakov.

Н. А. ШКОЛЬНИКОВА

СТЕКЛЯННЫЕ УКРАШЕНИЯ КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ ПОДНЕПРОВЬЯ

Стеклянные украшения конца I тысячелетия н. э. из области Поднепровья до сих пор остаются малоизученными. Во многом это объясняется немногочисленностью и плохой сохранностью материала. Однако в связи с интереснейшими этническими и социальными процессами, происходившими в это время на территории Поднепровья, любые, даже незначительные остатки материальной культуры заслуживают внимания.

Конец I тысячелетия н. э. знаменателен и для истории мирового стеклоделия: создаются новые, местные стеклоделательные школы, использующие местное сырье, изменяется технология производства и соответственно качество стеклянной продукции.

Интересно отметить эти новые явления в производстве и распределении стеклянной продукции, проиллюстрировав их набором стеклянных украшений VIII—IX вв. на памятниках Поднепровья и близлежащих к нему территориях.

Нами было учтено 1257 стеклянных бусин и несколько других стеклянных украшений с 62 археологических памятников — городищ, селищ, могильников и кладов. Картографирование находок выявило некоторые закономерности их распределения. Обозначились три района наибольшего скопления бус на территории Поднепровья (рис. 1): 1) верховья Днепра и Сожа, междуречье Днепра и Западной Двины; 2) бассейны Десны, Сулы, Ворсклы, Псла и Сейма; 3) среднее течение Днепра, бассейны Припяти, Тетерева, Роси и Тясмина.

Большинство находок бус приходится на памятники, расположенные по берегам рек, преимущественно вокруг нескольких центров — позднее древнейших русских городов: Киева, Полоцка, Смоленска, Чернигова. Все три выделенные района характеризуются относительно немногочисленными находками бус при равномерном преобладании единичных находок и находок бус до 10 экземпляров. Несколько отличается от других территорий район Левобережья Днепра (современная Сумская обл.), где был найден единственный для территории Поднепровья клад, содержащий стеклянные бусы VIII—IX вв.[1]; отсюда же происходят три случая (из четырех) массовых находок бус (более 100 экз.). Бусы здесь чаще встречаются на селищах и городищах, тогда как в остальных районах они более известны по могильникам.

Стеклянные украшения на территории Поднепровья этого времени — одноцветные бусы, представленные в основном бисером (рис. 2, *1—3*) и пронизками (рис. 2, *4*, *5*). Иногда многоцветные бусы имеют несложный декор, выполненный в упрощенной, даже небрежной манере (рис. 2, *6—11*). Наиболее характерны желтый и зеленый бисер, посеребренные и зеленые пронизки, голубые прозрачные бусы 14-гранной и округлой фор-

[1] ГИМ, оп. 338, № 8—830, клад у с. Ивахники.

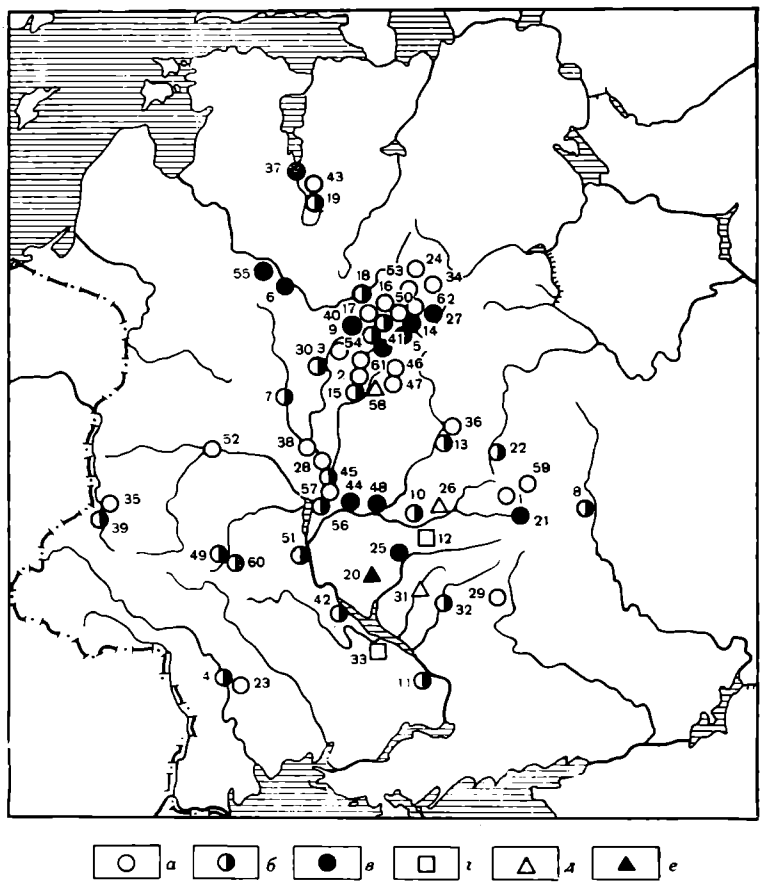


Рис. 1. Карта распределения находок бус. Условные обозначения: а) находки 1 экз.; б) находки от 1 до 10 экз.; в) находки более 10 экз.; г) находки более 50 экз.; д) находки более 100 экз.; е) клад — 796 экз. *1* — Авдеево, селище; *2* — Агарково, могильник; *3* — Акатово, могильник; *4* — Алчедар, могильник; *5* — Арефино, могильник; *6* — Бельчицы, могильник; *7* — Большая Ольса, могильник; *8* — Боршево, городище; *9* — Васильевщина, могильник; *10* — Волокитино, могильник; *11* — Волошское, могильник; *12* — Волынцево, могильник; *13* — Выгоничи, селище; *14* — Вязовенки, могильник; *15* — Городок, могильник; *16* — Дроково, могильник; *17* — Дубровское, могильник; *18* — Заборье, могильник; *19* — Заозерье, могильник; *20* — Ивахники, клад; *21* — Клюква, могильник; *22* — Лебедка, селище; *23* — Лопатна, селище; *24* — Лопино, могильник; *25* — Малые Будки, могильник; *26* — Марьяновка, могильник; *27* — Михейково, могильник; *28* — Мохов, могильник; *29* — Нетайловка, селище; *30* — Новое Быхово, могильник; *31* — Новотроицкое, городище; *32* — Опошня, городище; *33* — Пеньковка, селище; *34* — Пищино, могильник; *35* — Плиснецк, городище; *36* — Полужье, могильник; *37* — Псков, городище; *38* — Речица, могильник; *39* — Рипнев, селище; *40* — Рудня, могильник; *41* — Рядынь, могильник; *42* — Сахновка, селище; *43* — Северик, могильник; *44* — Седнев, могильник; *45* — Сенское, могильник; *46* — Слобода Глушица, могильник; *47* — Слобода Глушица, селище; *48* — Сосница, могильник; *49* — Тетеревка, могильник; *50* — Турищево, могильник; *51* — Ходосовка, селище; *52* — Хотомель, городище; *53* — Хотынь, могильник; *54* — Цурковка, могильник; *55* — Черневичи, могильник; *56—57* — Шестовицы, могильник, городище; *58* — Шугайлово, могильник; *59* — Шуклинское, городище; *60* — Шумск, могильник; *61* — Яново, могильник; *62* — Ярцево, могильник

мы (рис. 2, *14—16*) примитивные глазчатые бусы (рис. 2, *9—12*). Известна одна мозаичная бусина (рис. 2, *20*).

Кроме бус, стеклянные украшения представлены тремя подвесками (рис. 3, *1—3*) и двумя вставками для перстня (рис. 3, *4*, *5*). Подвески найдены на городище Новотроицкое (Сумская обл.) [2] и в курганном могильнике Цурковка (Смоленская обл.) [3]. Они изготовлены из голубого стекла и имеют каплевидную форму (подвески из Цурковки, рис. 3, *1*, *2*)

[2] ГЭ, ОИПК, колл. Днепровской Левобережной экспедиции, инв. № 2806.

[3] Смоленский Исторический музей. Коллекция № 16759, инв. № 51.

и форму кольца с грибовидным навершием (подвеска из Новотроицкого, рис. 3, *3*). Вставки для перстня происходят также с Новотроицкого городища [4]. Одна из них, изготовленная из желтого прозрачного стекла, имеет овальную форму и украшена процарапанным изображением льва (рис. 3, *4*). Другая выполнена из синего глухого стекла с белыми прожилками, имеет прямоугольную форму. Аналогии известны только для подвески из Новотроицкого (синхронное погребение в Словении [5]) и вставки для перстня со львом — печатки Сасанидского Ирана [6].

Наряду со стеклянными встречались и бусы из других материалов. Они немногочисленны: единственная каменная бусина происходит из Речиц (Гомельская обл.) [7]; керамические бусы найдены в Черневичах (Витебская обл.) [8] и в Сахновке (Черкасская обл.) [9]. Хрустальная шарообразная бусина происходит из Волынцева (Сумская обл.) [10]. Две округлые сердоликовые бусины найдены в Опошне (Полтавская обл.) [11] и Новотроицком [12]. Сердоликовая шестигранная бусина встречена в Бельчицах (Полоцкая обл.) [13], а четырнадцатигранные в Боршево (Воронежская обл.) [14] и Авдеево (Курская обл.) [15].

Таким образом, для набора бус VIII—IX вв. на территории Поднепровья и близлежащих областей характерно почти полное отсутствие сердоликовых и хрустальных украшений, столь частых для более поздних памятников этого же района. Вполне вероятно, что этот признак мог бы служить хронологическим указателем, отделяющим наборы бус VIII—XI вв. от бус последующего времени.

В последние годы исследование стеклоделия, и в частности бус, строится на синтезе морфологии, технологии, химии, историко-культурных характеристик. Рассматривая стеклянные бусы VIII—IX вв. на территории Поднепровья, мы также попытались классифицировать их по совокупности типологических, технологических, химических признаков.

За основу морфологического описания была взята система Е. М. Алексеевой [16]. Характеристики бус базируются на 12 типологических признаках: материал, форма, пропорции, орнамент или его отсутствие, цвет, направление канала отверстия, структура ядра, характер и направление ребер, вид канала отверстия, оформление краев отверстия, наличие шва, характер следов производства. Наряду с типовыми признаками учитывались и «вариантные», позволяющие уточнить типологию и подчеркнуть индивидуальные особенности бус. Выбор морфологических признаков обусловлен задачей определения характера производства изделия. Поэтому последние признаки (с 7 по 12) тесно связаны с технологическим процессом изготовления бус и позволяют уточнить их характеристику. Вслед за З. А. Львовой [17] бусы с рассматриваемой нами территории были

[4] ГЭ, ОИПК, колл. Днепровского Левобережья, инв. № 3194, 2715.

[5] *Korošec J.* Staroslovansko Grobišče na Pruiskem Gradu. Dela — Monographs. Ljubljana, 1950, fig. 28, *143*.

[6] *Борисов А. Я.* Сасанидские геммы. Л., 1963, с. 125.

[7] *Завитневич В. З.* Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье.— ЧИОНЛ, Киев, 1891, кн. 6, с. 43.

[8] *Голубович В. и Е.* Славянские поселения Правобережной Десны в Вилейском округе БССР.— КСИИМК, 1945, № XI, с. 133.

[9] Коллекция ИА АН УССР, раскопки Ю. В. Кухаренко, 1972, инв. № 1193.

[10] Археологическая выставка ИА АН УССР, витрина № 16 : 3.

[11] *Ляпушкин И. И.* Отчет Днепровского Левобережного отряда Южнорусской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1957, р-1, № 1454, рис. 10, *1*.

[12] ГЭ, ОИПК, колл. Днепровской Левобережной экспедиции, раскопки И. И. Ляпушкина за 1964 г., инв. № 3217.

[13] *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. Працы археолёгічной камісіі, т. 2, Менск, 1930, с. 152.

[14] ГЭ, ОИПК, колл. № 786, инв. № 3285.

[15] *Алихова А. Е.* Авдеевское селище и могильник. МИА, 1963, № 108, с. 76.

[16] *Алексеева Е. М.* Классификация античных бус.— В сб.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

[17] *Львова З. А.* Технологическая классификация бус домонгольской Руси.— Сообщ. ГЭ, 1958, 14, с. 15—18.

Рис. 2. Основные типы стеклянных бус VIII—IX вв. н. э. на территории Поднепровья. Бусы 1—6-й групп; *1—3* — 1 гр.; *4—5* — 2 гр.; *6—13* — 3 гр.; *14—16* — 4 гр.; *17* — 5 гр.; *18—19*—6 гр.; *20* — мозаичная бусина

Рис. 3. Стеклянные украшения. Подвески и вставки для перстня с территории Поднепровья

разделены на шесть технологических групп: 1) бусы, изготовленные нарезкой тянутых и крученых трубочек; 2) бусы, изготовленные нарезкой тянутых трубочек, перехваченных затем щипцами; 3) бусы, изготовленные путем навивки стеклянной массы вокруг стержня; 4) бусы, изготовленные из отрезков палочек, которые затем прокалывались; 5) бусы, изготовленные нарезкой крученых трубочек, на которые затем наносились ребра; 6) слоеные бусы, изготовленные навивкой массы двухслойного стекла вокруг стержня (рис. 2, *1—19*). Отдельно выделена мозаичная бусина, представленная одним экземпляром. К бусам первой технологической группы относится бисер цилиндрической, зонной и округлой формы. Бусы второй группы представлены пронизками, насчитывающими от двух до шести долек округлой или цилиндрической формы. Бусы третьей группы — многоцветные, орнаментированные, округлой формы и одноцветные, синие, бочонкообразной формы. Четвертую группу бус образуют светло-голубые прозрачные бусы, округлой параллелепипедной и четырнадцатигранной формы. Они изготовлены по принципу простейших мозаичных. Следы способа изготовления этих бус можно найти по характерным для них щелевидным отверстиям и расплывчатости граней. Бусы пятой группы имеют резкие, сходящие на нет у отверстия ребра. Шестая группа представлена бусами, имеющими цилиндрическую форму.

Таким образом, весь материал можно разделить по технологической схеме на бусы из тянутых или крученых трубочек; изготовленные навивкой стеклянной массы вокруг стержня и из отрезков стеклянных палочек, которые затем прокалывались. Однако все эти технологические группы можно объединить по принципу изготовления бус — массовому или индивидуальному. К продукции массового изготовления мы можем отнести бусы из тянутых или крученых трубочек (1, 2 и 5 выделенные технологические группы). Эти бусы самые многочисленные. Индивидуальный же способ изготовления характеризует навивка стеклянной массы вокруг стержня, где каждая бусина требует отдельного изготовления (3 и 6 группы). Бусы 4 группы сочетают черты обоих способов производства, с преобладанием индивидуального.

Для углубления характеристик бус исследовался состав их стекла. Проведенные спектральные анализы (кафедра археологии МГУ — анализ 418 : 1—18) позволили судить, что бусы, найденные на территории Поднепровья, изготовлены из стекол разного состава: Na-Ca-Si — сода в соединении с известью и песком; Na-Ca-Al-Si — сода с известью и алюмосодержащим песком; Na-K-Ca-Mg-Al-Si — зола в соединении с доломитом и алюмосодержащим песком [18]. С помощью спектрального анализа аналитически установлено, что позолоченные бусы являются «ложнопозолоченными», т. е. бусами, украшенными серебряной фольгой, которая покрывалась светло-коричневым стеклом. Такие «ложнопозолоченные» пронизки в VIII—IX столетиях буквально наводняют всю Европу [19].

Несмотря на разницу составов, стекло бус можно разделить на сваренное на соде и сваренное на золе. Причем на соде сварено стекло бус, которые мы характеризуем как изготовленные индивидуально. Массовое же изготовление представляют бусы, стекло которых сварено на золе. Содовое стекло и индивидуальное изготовление изделий в конце I тыся-

[18] *Szczapowa J.* Zasady interpretacji analiz sk'adu szkła zabytkowego. Archeoligia Polski, t. XVIII, 2.1, 1973.

[19] *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— Археологический сборник. Л., 1968, 10, с. 84.

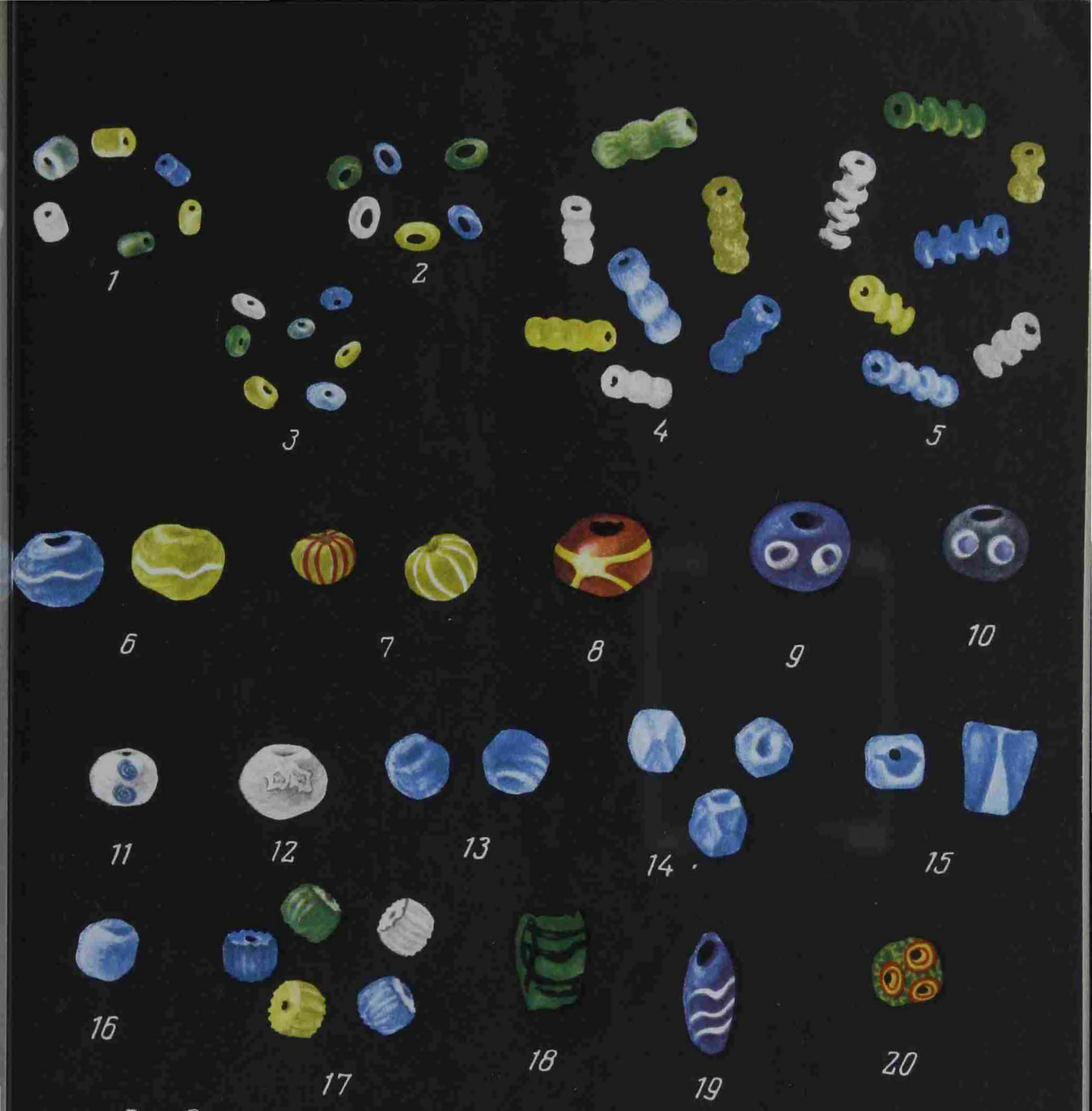


Рис. 2

Рис. 3

челетия н. э. отличало бусы византийского происхождения [20]. Традиция же массового изготовления бус, стекло которых сварено на золе, была характерна в это время для сирийской стеклоделательной школы [21]. Спектральный анализ мозаичной бусины (ан. 418 : 5) показал, что стекло этой бусины сварено на соде, однако здесь использована рецептурная норма, характерная не для Византии, а для Египта (малое количество щелочных земель) [22].

Таким образом, стеклянные бусы VIII—IX вв. на территории Поднепровья являлись продукцией не менее трех стеклоделательных школ: Сирии, Византии, Египта. Для того чтобы выявить какие-либо закономерности в распределении изделий этих трех школ на территории Поднепровья и близлежащих территориях, проследим набор бус каждого выделенного района их распространения.

Несмотря на общее однообразие стеклянных украшений, каждому ареалу бус соответствует определенный их набор. Для того чтобы установить этот набор украшений, а также проследить связи между различными районами по типам бус, была составлена таблица процентного распределения типов бус на территории Поднепровья (таблица). Для всех данных в таблице приведены доверительные интервалы.

По характеристикам таблицы, ведущим по количеству (996 экз.) и разнообразию бус является район бассейна Десны, Сулы, Ворсклы, Псла и Сейма, т. е. район Левобережья Днепра (таблица, Б). Здесь преобладает желтый бисер, посеребренные пронизки, встречаются разнообразные многоцветные бусы. Только для этого района характерны одноцветные бусы индивидуального изготовления (3-я группа по нашей технологической классификации, рис. 2, *13*).

Район верховьев Днепра и Сожа и междуречья Днепра и Западной Двины также выделяется, правда, не столько количеством, сколь оригинальностью набора бус. Здесь преобладают зеленый бисер, голубые бусы (4-й технологической группы), только на этой территории встречены ребристые бусы. Оригинальны многоцветные бусы этого района, хотя и не столь многочисленные, как на территории Левобережья (таблица, А).

Малая степень изученности археологических памятников третьего района — среднее течение Днепра, бассейны Припяти, Тетерева, Роси и Тясмина — не позволяет достоверно охарактеризовать набор его бус. Можно заметить, что здесь преобладают зеленые пронизки, встречаются «ложнопозолоченные» пронизки и некоторые виды многоцветных бус, известны голубые бусы 4-й групы (таблица, В).

Для сравнения нами были рассмотрены стеклянные бусы близлежащих территорий — бассейна р. Великой, верховьев Дона и бассейна Буга и Днестра. Бусы этих районов немногочисленны, поэтому мы не приводим их данные в таблице. Однако они имеют параллели с наборами бус областей Поднепровья. Так (в пределах доверительных интервалов), бусы бассейна р. Великой близки бусам верховьев Днепра (по преобладанию зеленого бисера и бусам 4-й группы); бусы бассейна Буга и Днестра связаны с бусами бассейна Припяти, Тетерева, Роси и Тясмина (по доверительным интервалам бус 2-й группы, зеленым пронизкам); бусы верховьев Дона имеют параллели с бусами Левобережья (по бусам 2-й и 3-й групп).

Однако сами выделенные нами районы распространения бус в области Поднепровья (по доверительным интервалам) представляют собой обособленные территории. Это особенно относится к области Левобережья Днепра, что еще раз подчеркивает очевидную исключительность этой территории как по количеству, условиям находок, так и по оригинально-

[20] *Sčapova J.* La verre byzantin V—XI siècles (aspect chimico-technologique du problème). Beograd, 1975.

[21] *Шапова Ю. Л.* О происхождении некоторых типов древнерусских бус. СА, 1962, № 2, с. 90—91.

[22] *Шапова Ю. Л.* Из истории древнейшей технологии стекла.— В сб.: Очерки технологии древнейших производств, М., 1975, с. 136—138.

Процентное распределение типов бус на территории Поднепровья

А. Распределение бус на территории верховьев Днепра, Сожа, Междуречья Днепра и Западной Двины

Группы бус	1				2			3		4	5	6	Количество всех бус
Цвет	Желтый	Зеленый	Бесцветный	Иной	Позолоченный	Посеребренный	Иные	Полихромные	Монохромные				
Количество бус	15	87	49	2	–	–	25	4	–	52	9	1	244
Процент содержания бус	6,14	35,65	20,08	0,8	–		10,24	1,61	–	20,97	3,68	0,4	99,91
Доверительный интервал	3–10	29–41	7–14	0–1			7–14	0–4		16–27	6–13	0–1	
Общее количество бус по группам			153			25		4		52	9	1	244

Б. Распределение бус на территории бассейнов рек Сулы, Ворсклы, Псла, Сейма и низовьев Десны

Группы бус	1				2			3		4	5	6	Количество всех бус
Цвет	Желтый	Зеленый	Бесцветный	Иной	Позолоченный	Посеребренный	Иные	Полихромные	Монохромные				
Количество бус	667	49	25	192	3	24	22	9	3	–	–	2	996
Процент содержания бус	67,1	4,9	2,51	19,3	0,3	2,4	2,21	0,9	0,3	–	–	0,02	100,1
Доверительный интервал	64–70	4–7	2–4	17–22	0–2	1–3	1–3	0–2	0–2	–	–	0–1	
Общее количество бус по группам			933			49		12		–	–	2	996

В. Распределение бус на территории среднего течения Днепра и бассейнов рек Припяти, Тетерева и Роси

Группы бус	1	2		3	4	5	6	Количество всех бус
Цвет		Позолоченные	Зеленые	Полихромные				
Количество бус	–	2	12	1	2	–	–	17
Процент содержания бус	–	11,8	70,6	5,9	11,8		–	100,1
Доверительный интервал	–	8–17	74–76	3–10	8–17		–	
Общее количество бус по группам	–	14		1	2			17

сти стеклянных бус. Тогда как между областями верховьев Днепра и Правобережья Днепра можно отметить некоторую связь (например, по бусам 4 группы).

Деление территории Поднепровья по типам бус на несколько районов определено, как было отмечено выше, различными источниками их происхождения. Правда, в этом случае мы можем с большей долей вероятности говорить о центрах, поставляющих в VIII—IX вв. н. э. на территорию Поднепровья стеклянную продукцию, тогда как вопрос о путях ее проникновения остается еще открытым. В некоторой степени эти пути указывают аналогии бус VIII—XI вв. на территории Европы.

Как было отмечено выше, набор бус района верховьев Днепра, Сожа, междуречья Днепра и Западной Двины характеризуется преобладанием бус массового изготовления (зеленый и прозрачный бисер, столь распространенный в синхронных памятниках Хельго [23] и погребениях Бирки VIII—IX вв.[24], как предполагается, сирийского происхождения. Бус индивидуального изготовления, возможной византийской продукции, гораздо меньше. В основном это характерные для этого района бусы 4-й группы (округлые и четырнадцатигранные голубые бусы, аналогии которым встречены в Бирке [25], Старой Ладоге [26]). Здесь же была найдена мозаичная бусина египетского происхождения, аналогичная бусам из Бирки [27], Старой Ладоги [28], Моравии [29] и Салтова [30].

На юго-западе (среднее течение Днепра, бассейны Припяти, Тетерева, Роси и Тясмина) трудно выделить преобладание тех или иных стеклянных бус, так как они представлены единичными находками. Аналогии бусам этого района находим в памятниках Словении [31], Польши [32], Скандинавии [33] (зеленые пронизки), Салтова [34], Хельго [35], Моравии [36] и Старой Ладоги [37] (многоцветные бусы 3 технологической группы).

На территории Левобережья Днепра также преобладают бусы массового изготовления (в основном желтый бисер, столь распространенный в Моравии, Чехии и Словении [38]). Однако здесь сосредоточено две трети всех находок бус индивидуального изготовления, которые обнаружены на территории Поднепровья. Среди них характерные только для района Левобережья Днепра одноцветные бусы 3 группы (синие, бочонкообразные), аналогии которым найдены среди стеклянных бус Древней Руси [39] и могли бы, вероятно, свидетельствовать о преемственности стеклоделательных традиций в Византии, на протяжении X—XI вв. н. э. Многоцветные бусы индивидуального изготовления имеют аналогии в Салтове [40], Дмитровском могильнике [41], на Северном Кавказе [42]. Объяснение

[23] Excavations at Helgo. Report for 1954—1956. Stockholm — Uppsala, 1961, pl. 48, 49.
[24] *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Stockholm — Uppsala, 1940, pl. 120—121.
[25] *Arbman H.* Op. cit., pl. 120, *10a*, pl. 121, *1c*.
[26] *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги, с. 90.
[27] *Arbman H.* Op. cit., pl. 121, *7c*.
[28] *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги, рис. 1, *20—24*.
[29] *Dostal B.* Slovanska pohřebište ze střední doby hradištni na Morave. Praha, 1966, pl. 85, *2*, *4*.
[30] Фонды ИА АН УССР, Салтов, 1967, кат. № 32, инв. № 16.
[31] *Korošec J.* Op. cit., s. 115.
[32] *Maczyńska M.* Uwagi o chronologii i rozprzestrzenieniu paciorków w okresie rzymskim i wczesnej fasie okresu wedrowek ludow w Polsce. AP, t. XVII, z. 2, 1972, pl. 1, *6*, *7*.
[33] *Arbman H.* Op. cit., pl. 120—123.
[34] ГЭ, ОИПК, Волго-Донская экспедиция, 1950, инв. № 1574.
[35] Excavations at Helgo. Op. cit., pl. 48, *7*.
[36] *Poulik J.* Staroslovenska Morava, v. I. Praha, 1948, t. 37, *3*.
[37] *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги, рис. 3, *5*, *8*.
[38] *Poulik J.* Op. cit., pl. XLIII; *Korošec J.* Op. cit., s. 115; *Dostal B.* Op. cit., pl. LXXXIV.
[39] *Шапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 55, с. 165.
[40] ГЭ, ОИПК, колл. № 1107, инв. № 1618.
[41] ГЭ, ОИПК, колл. № 1107, инв. № 1537.
[42] *Деопик В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX веков.— СА, 1961, № 3, с. 222, рис. 5, *2*, *6*, *9*.

преобладания на территории Левобережья Днепра бус вероятного византийского происхождения в какой-то степени дают частые находки здесь византийских монет, единичных для других районов Поднепровья в VIII—IX вв. н. э.[43]

Таким образом, основную массу стеклянных бус VIII—IX вв. н. э. на территории Поднепровья составляют бусы массового изготовления, вероятно, сирийского происхождения. Наряду с этими бусами на территорию Поднепровья в это время проникают бусы индивидуального изготовления на принципиально новой, в отличие от ближневосточной, химико-технологической основе, которую мы относим к продукции византийской стеклоделательной школы. Эти бусы нечетких форм, с простым, выполненным в несколько небрежной манере декором, хотя и имеют аналогии, в целом по своему набору и незначительному количеству резко отличаются от многочисленных бус с ярким и затейливым узором остальных районов Европы конца Iтысячелетия н. э.

N. A. Chkolnikova

DES BIJOUX DE VERRE DE LA FIN DU Ier MILLENAIRE DE NOTRE ERE TROUVES DANS LA REGION DU DNIEPR

Résumé

On examine dans la présente étude 1.361 perles de verre et quelques autres ornements également en verre, qui proviennent de 62 sites archéologiques de la fin du Ier millénaire de n. è., situés dans la région du Dniepr. La cartographie de ces trouvailles a permis de déterminer trois zones dans la région du Dniepr où était concentré le plus grand nombre de perles de verre (fig. 1): 1) le cours supérieur du Dniepr et de la Soj, ainsi que les terres situées au confluent du Dniepr et de la Dvina occidentale; 2) les bassins des rivières Dièsna, Soula, Vorskla, Psiol et Séim; 3) le cours moyen du Dniepr, et les bassins des rivières Pripet, Tétérev, Ross, et Tiasmine. Les bijoux de verre de cette époque, qui ont été recueillis dans la région du Dniepr, sont, et général, des colliers unicolores, formés de grains et de tubulures. Un petit nombre de colliers à multiples couleurs portent des dessins peu compliqués, exécutés d'une façon simplifiée (fig. 2, 6-11). Les plus typiques verroteries sont des perles jaunes et vertes, des tubulures argentées et vertes, des colliers de verre bleu transparent, dont les grains ont quatorze facettes et une forme arrondie, ainsi que de primitifs colliers «à oeil» (fig. 2, 9-12). On ne connaît qu'un seul collier «mosaïque» (fig. 2, 20). En plus de ces colliers, les bijoux de verroterie sont représentés par trois ornements à suspendre (fig. 3, 1-3), et deux chatons de bague (fig. 3, 4-5). Pour établir la description morphologique des colliers, on a pris 12 caractères typologiques: matière, forme, proportions, ornementation ou absence d'ornementation, couleur, direction du canal de perforation, structure du noyau, caractère et direction des arêtes, aspect du canal, état des bords du trou, présence d'un joint, caractère des traces laissées par le façonnage.

Tous les colliers ont été divisés en six groupes technologiques: 1) ceux faits par le découpage de petits tubes étirés et tors; 2) ceux faits par le découpage de petits tubes étirés et serrés ensuite par des pinces; 3) ceux faits au moyen de l'enroulement de la masse vitreuse autour d'une tige; 4) ceux faits de segments de bâtonnets, par la suite soumis au feu; 5) ceux faits par le découpage de petits tubes tors, sur lesquels on pratiquait ensuite des arêtes; 6) ceux faits de perles obtenues par l'entortillement de la masse vitreuse d'un verre à double couches autour d'une tige. Grâce à l'analyse spectrale il a été établi qu'une partie de ces colliers étaient faits de verre sodique, et l'autre de verre potassique. Tous les colliers de verroterie des VIIIe et IXe siècles, trouvés dans la région du Dniepr ont été produits par au moins trois centres de fabrication d'objets de verre: la Syrie, Byzance et l'Egypte.

[43] *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 120.

Л. Г. ХРУШКОВА

ПЛИТЫ АЛТАРНОЙ ПРЕГРАДЫ ИЗ ЦЕБЕЛЬДЫ
(Абхазия)

Плиты алтарной преграды из Цебельды (горное село в 23 *км* от Сухуми) являются значительным памятником раннесредневековой скульптуры в Грузии. Они были открыты П. С. Уваровой еще в конце прошлого столетия [1], к ним неоднократно обращались исследователи, однако до сих пор не имеется единого мнения о дате памятника, отсутствует объяснение иконографической программы сцен, не расшифрована сцена нижнего регистра одной из плит. Одна из причин этого — уникальность цебельдинских плит. Ни в Грузии, ни за ее пределами не известны алтарные преграды с членением плит на участки и с таким значительным количеством сюжетных сцен. Не известны ни алтарные преграды, ни другие памятники с иконографической программой, близкой к плитам из Цебельды. Своеобразием отличается и стиль рельефов. Кроме того, нужно отметить, что датировка произведений христианской скульптуры VII—IX вв. обычно наталкивается на трудности. Это неоднократно отмечалось исследователями как в отношении Византии [2] и связанных с нею стран, так и специально в отношении Грузии [3]. Отмеченная трудность вызвана и плохой сохранностью памятников этого периода, и обращением мастеров к моделям более ранней эпохи, и тем, что черты стиля произведений скульптуры VII—IX вв. далеко не всегда дают основание для их четкой хронологической классификации.

Одна плита сохранилась почти целиком, вторая — значительно хуже. Со времени находки плит некоторые их фрагменты были утрачены (рис. 1, 2).

В 1964 г. Л. А. Шервашидзе провел раскопки церкви, откуда происходят плиты, в результате чего было выявлено несколько фрагментов [4] (рис. 3—5). Отнесение Л. А. Шервашидзе одного фрагмента (рис. 3) к верхнему фризу большей плиты (будем называть ее первой) представляется убедительным [5]. Второй фрагмент (рис. 4) также определен им правильно. Судя по имеющимся изображениям, он, несомненно, является частью сцены богоматери с младенцем и соседней композиции второй плиты [6]. Предположение о наличии третьей плиты на основании лишь одного маленького фрагмента (рис. 5) кажется менее убедительным [7].

Вопрос о количестве плит, составлявших алтарную преграду церкви Арасараху, и ее конструкции в целом остается открытым и после раско-

[1] *Уварова П. С.* Христианские памятники Кавказа.— МАК, 1894, IV, табл. VII, VIII.
[2] *Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinople (IV — XS). Paris, 1963, p. 90.
[3] *Чубинашвили Н. Г.* Хандиси. Тбилиси, 1972, с. 28.
[4] *Шервашидзе Л. А.* Вороновская церковь (Арасараху). Тезисы Бакинской всесоюзной конференции археологов и этнографов Баку, 1965; с. 145; *его же.* Резные камни церкви на холме Арасараху близ Цебельды.— ИАЙЯЛИ, 1975, IV, табл. II, *1*, *2*; III, *1*.
[5] *Шервашидзе Л. А.* Резные камни..., рис. 2.
[6] Там же, рис. 3.
[7] Там же, рис. 4.

Рис. 1. *а* — Плита алтарной преграды из Цебельды (по П. С. Уваровой),

пок, так как не имеется сведений ни о времени сооружения церкви, ни о ее плане, ни об устройстве алтарной части. Предположения о том, что алтарные плиты (числом три или четыре) «стояли рядом друг с другом впритык» и что преграда имела два входа в алтарь, нуждаются в обосновании [8].

Ширина плит 0,86 *м*, высота около 1,2 *м*. Поверхность каждой плиты разделена на прямоугольные участки, в которых размещены библейские и евангельские сцены. На первой плите (рис. 1) в центре расположены распятие и воскресение, слева — плач Петра и мученичество Петра, справа — два эпизода жертвоприношения Авраама (верхний ныне утрачен), крещение. Внизу — видение св. Евстафия, не определенная сцена с изображениями двух мужчин, блюдо с хлебами и кувшин. На обнаруженных в 1964 г. фрагментах видны изображения остатков трона с полуфигурами символов евангелистов (льва и тельца), фигур серафима, ангела, пророка (рис. 3). На второй плите (рис. 2) в центре — сидящая богоматерь с младенцем на коленях, вверху — двое конных святых, слева — Даниил во рву львином, справа — сцена с изображением здания и двух полуфигур (ныне утрачена). Судя по крестообразному орнаменту небольшого фрагмента из раскопок 1964 г. (рис. 5), возможно, он относился к сцене богоматери с младенцем.

[8] *Шервашидзе Л. А.* Резные камни..., с. 92.

Рис. 1. *б* — плита алтарной преграды из Цебельды

П. С. Уварова, бегло описав плиты, отнесла их к XII—XIII вв.[9] Впервые анализ цебельдинских рельефов дал Д. В. Айналов, датировав плиты вначале VII—VIII вв.[10], а несколько позже VII—VIII или VI—VIII вв.[11] Д. В. Айналов рассмотрел иконографию основных сцен, отметил грубость и плоскостность исполнения и наличие в некоторых композициях сасанидских элементов. Кроме того, он сопоставил памятник с широким кругом художественных явлений раннехристианского искусства. Однако нельзя не отметить некоторой противоречивости в его трактовке плит из Цебельды. С одной стороны, Д. В. Айналов сопоставил цебельдинские рельефы с пятичастными диптихами V—VI вв., отметив в стиле первых «свежесть черт древнехристианских рельефов»; с другой стороны, он указал, что в сценах из Цебельды наблюдается «большое отклонение от ранних форм и композиций» и они лишь «отдаленно подражают памятникам эпохи Юстиниана» [12].

Позднейшие исследователи, включая рассматриваемый памятник в обобщающие работы, ссылались на выводы Д. В. Айналова, не останав-

---

[9] *Уварова П. С.* Ук. соч., с. 22.

[10] *Айналов Д. В.* Некоторые христианские памятники Кавказа.— «Археологические известия и заметки», т. III, вып. 7—8. М., 1895, с. 242.

[11] *Айналов Д. В.* Эллинистические основы византийского искусства.— ЗРАО, 1901, т. XII, вып. 3 и 4, с. 33, 202.

[12] *Айналов Д. В.* Некоторые христианские памятники Кавказа, с. 234—239, 241, 242; *его же.* Эллинистические основы..., с. 202, 203.

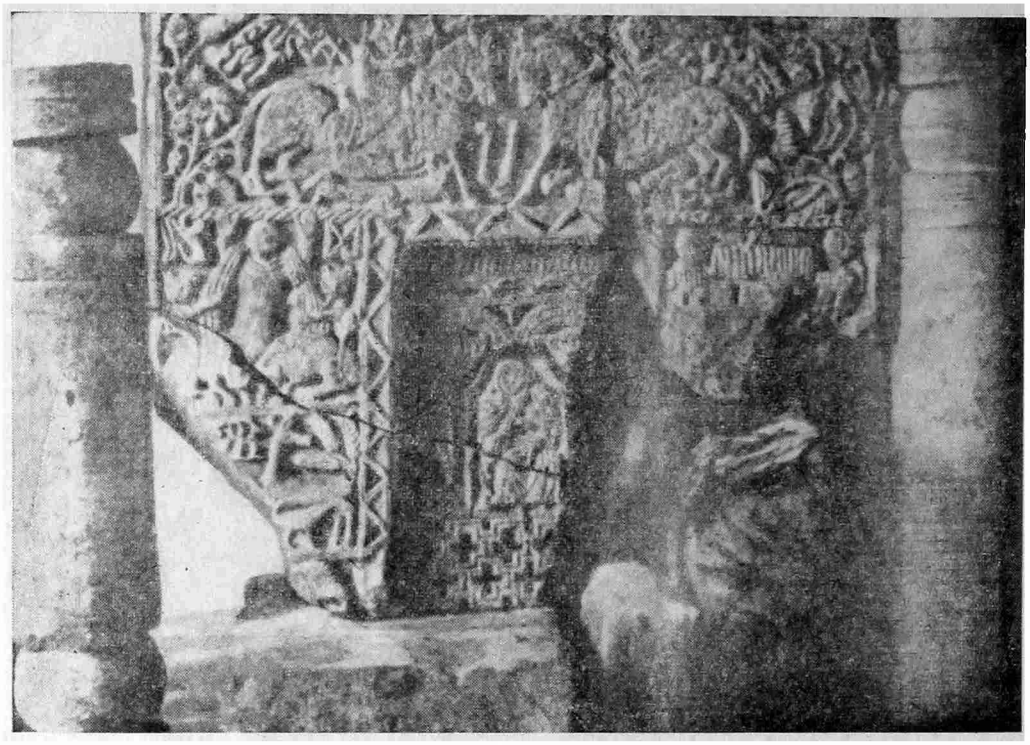


Рис. 2. *а* — Вторая плита алтарной преграды из Цебельды (по П. С. Уваровой), *б* — вторая плита алтарной преграды из Цебельды

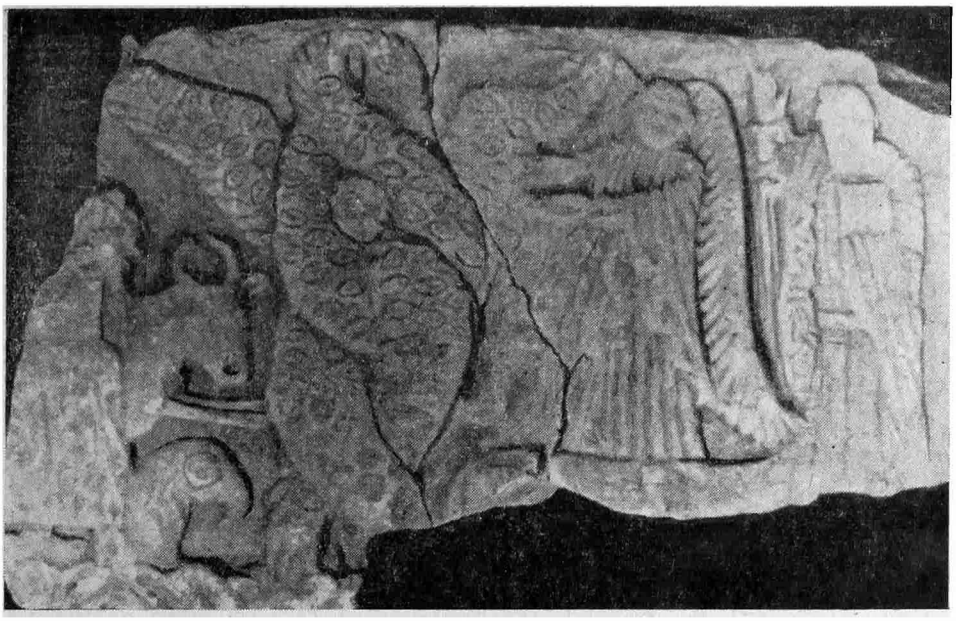


Рис. 3. Фрагмент верхнего фриза первой плиты

ливаясь, однако, на тех его соображениях, которые не согласуются с ранней (VI—VII вв.) датировкой плит из Цебельды [13]. Р. О. Шмерлинг, признав правильной дату Г. Н. Чубинашвили (VI—VII вв.), в то же время предложила новую — рубеж VII—VIII вв.[14] В более ранней своей работе она привела орнамент одной из цебельдинских плит как типичный для IX в.[15]

При рассмотрении иконографии сцен мы акцентируем внимание на двух моментах: логике подбора сюжетов, остающейся нераскрытой, и на датирующих признаках композиций. В свое время Д. В. Айналов справедливо отметил, что репертуар композиций плит из Цебельды «совершенно отличается от древнехристианских памятников» [16], в том числе и от пятичастных диптихов из слоновой кости, с которыми часто сближают плиты из Цебельды.

Содержание первой плиты определяется идеей богоявления в славе, восходящей к Апокалипсису (4,6—8; 5,2) и пророчеству Исайи (6,1—2), но изображения на плите не следуют в точности ни одному из названных текстов, сочетая различные их элементы. Такие «композитные», по выражению А. Грабара [17], редакции этой сцены характерны для многих памятников восточнохристианского круга. Это мозаика церкви Хозиос Давид VI в. в Салониках [18]; фрески нескольких часовен Бауита и района Саккара VI—VIII вв.[19]; росписи VI—VII вв. Рима (Santa Maria Maggiore

---

[13] *Чубинашвили Г.* История грузинского искусства. Тбилиси, 1936, с. 208, 209 (на груз. яз.); *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. М., 1963, с. 121, 178; *Чубинашвили Н. Г.* Хандиси, с. 87, 89; *Беридзе В. В., Аладашвили Н. А.* и др. Искусство Грузии.— В сб.: История искусства народов СССР, т. 2. М., 1973, с. 210, 211.

[14] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962, с. 69. Эта непоследовательность была отмечена рецензентами книги Р. О. Шмерлинг Г. К. Вагнером и Н. Н. Ворониным.— ВВ, 1968, № XXVIII, с. 269.

[15] *Шмерлинг Р. О.* Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954, рис. на стр. 33 (на груз. яз.).

[16] *Айналов Д. В.* Некоторые христианские памятники Кавказа, с. 241.

[17] *Grabar A.* Martirium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. Paris, 1946, p. 216, 231.

[18] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи, т. 1. М., 1947, с. 49.

[19] *Grabar A.* Martirium, p. 207, pl. LIX, *2, 3*; LV; LVI, *1*.

Рис. 4. Фрагмент второй плиты

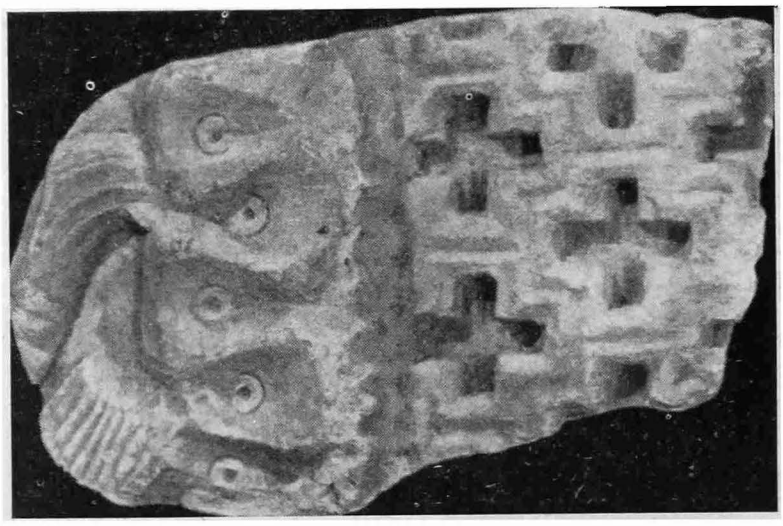


Рис. 5. Фрагмент второй (?) плиты

и Santa Maria Antiqua), Паренцо и Перуштича [20]; миниатюра ватиканского свитка Козьмы Индикоплова IX в.[21]; фрески грота Пантократора на Латмосе IX—X вв.[22]; росписи Каппадокии архаической группы X—XI вв.[23] В Грузии сцену теофании — видения встречаем в росписи церкви

[20] Ibid., p. 244.

[21] *Diehl Ch.* Manuel d'art byzantin, t. I. Paris, 1925, fig. 114.

[22] *Лазарев В. Н.* Ук. соч., с. 71.

[23] *Jerphanion G.* Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. Paris, t. I, part I, p. 70, 71, pl. 53, *2*.

Рис. 6. Сцена с изображениями ктиторов первой плиты

Додо IX в. в Давид-Гаредже [24]; в Армении — в росписи храма VII—VIII вв. в монастыре Лмбат [25].

Несколько сцен плиты служат непосредственным выражением идеи теофании. Эпизод жертвоприношения Авраама прямо иллюстрирует божественное вмешательство в события. Сцена нижнего регистра — видение св. Евстафия — представляет явление лика Христа между рогами оленя охотящемуся Евстафию Плакиде. Ясно выражен теофанический смысл и в сцене крещения — единственной в евангельской истории, когда присутствуют все три лица Троицы. Хитон и гиматий Иоанна указывают на его пророческую миссию, в то время как обычная милоть была бы лишь повествовательной деталью. В центральных сценах плит — распятии и воскресении (в виде жен-мироносиц у гроба господня) — их теофанический аспект подчеркнут присутствием ангелов как свидетелей воплощения. Как отмечает А. Грабар, роль таких свидетелей могли играть не только лица, но и события и вещи, например, удар копьем в сцене распятия, гроб в сцене воскресения [26].

С ведущей темой теофании связан и сюжет плача Петра [27]. Теофанический аспект выявляется и в эпизоде мученичества Петра, так как ему предшествовало чудо встречи Христа и апостола на пути последнего из Рима в Палестину [28].

В фигурах мужчин в позе орантов, расположенных в нижнем регистре плиты (рис. 6), следует видеть, скорее всего, ктиторов, возможно, отца

---

[24] *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинской монументальной живописи, т. 1. Тбилиси, 1957, табл. 22, 23.

[25] *Дурново Л. А.* Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957, фронтиспис.

[26] *Grabar A.* Martirium, note 1, p. 159.

[27] Ibid., p. 226.

[28] *Réau L.* Iconographie de l'art chrétien, t. III, part III. Paris, 1959, p. 1096.

и сына (разница в возрасте показана, как обычно в средневековых памятниках, различием роста персонажей). В раннехристианскую эпоху ктиторские изображения нередко помещались на столбиках алтарных преград; ктиторы в позе орантов встречаются на мозаичных полах Сирии и Ливии, по своей иконографии близких к алтарным преградам [29]. Обычным является также изображение заказчиков со свечами в руках [30]. В Грузии изображение ктитора-оранта с двумя сыновьями известно на алтарной плите раннего X в. из Схиери [31].

Сцена нижнего регистра также согласована с общей системой декорации плиты, так как евхаристические сосуды, символически изображая кровь и плоть Христа, являются указанием на его присутствие. Крест над головой одного из ктиторов имеет апотропейный смысл, напоминая о могуществе Христа. Заметим, что апотропейный аспект содержится и в сцене теофании — видения [32]. Таким образом, идея теофании последовательно развита во всех сценах первой плиты.

Однако этим не ограничивается глубокая внутренняя связь композиций. Большинство сцен тяготеет к расположенному в центре распятию, которое вместе с воскресением составляет основу христианской догматики. Эпизод жертвоприношения Авраама является основным среди многочисленных ветхозаветных прообразов жертвы Христа [33]. Новозаветной параллелью сцене распятия служит эпизод мученичества Петра, которое является повторением смерти Христа. Тема распятия развивается и в сцене нежнего регистра. На это указывает поза ктиторов, символизирующая и крест и распятие [34]. Изображение евхарстических сосудов, напоминающих о жертве Христа, перекликается с жертвоприношением Авраама [35].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что иконографическая программа первой из цебельдинских плит была тщательно разработана. Сцены связаны между собой догматически, а не исторически. Из всего ансамбля сцен, раскрывающих идею теофании, акцент сделан на распятии.

Есть основания считать, что подбор сюжетов второй плиты связан с рассмотренной плитой. Так, Д. В. Айналов предполагал, что изображение оленихи с детенышем является отрывком из сцен легенды об Евстафии [36]. Композиция Даниила во рву львином является одной из ветхозаветных параллелей распятию [37], она связана и с воскресением [38].

Отсутствие в Грузии и Византии раннехристианских памятников, имеющих иконографическую программу, близкую к программе цебельдинских плит, дает возможность предполагать известную самостоятельность мастера в подборе сюжетов. Можно думать, что он ориентировался на памятники монументальной живописи. Так, композиция Христа в апокалиптической обстановке обычно занимает конху апсиды [39], что сопоставимо с ее расположением в верхнем регистре плиты. Включение ктиторских фигур в число изображений нижнего регистра плиты по своему

---

[29] *Grabar A.* Sculptures byzantines, p. 77, 78.

[30] *Лазарев В. Н.* Групповой портрет семейства Ярослава. В сб.: Русская сердневековая живопись. М., 1970, прим. на с. 38.

[31] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре..., рис. 9.

[32] *Grabar A.* Martirium, p. 233.

[33] *Réau L.* Op. cit., t. II, part III, p. 139, t. I, p. 79; *Кондаков Н. П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904, с. 159.

[34] *Wood Seumour W.* The Cross in tradition, history and art. New York — London, 1898, p. 59; *Жебелев С. А.* Оранта. Seminarium Kondakovianum, Прага, 1927, 1, с. 5.

[35] *Réau L.* Op. cit., t. I, p. 135.

[36] *Айналов Д. В.* Некоторые христианские памятники Кавказа, с. 241.

[37] *Réau L.* Op. cit., t. I, p. 201.

[38] *Покровский Н.* Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900, с. 42.

[39] *Réau L.* Op. cit., t. II, part III, p. 692.

смыслу сближается с распространенным обычаем помещать портреты вкладчиков в нижнем регистре апсид храмов. Традиционное место распятия — в нефе, в непосредственной близости от апсиды [40]. Как правило, за распятием следует воскресение. На плите из Цебельды обе эти сцены расположены в центре. Богоматерь с младенцем — центральная сцена второй плиты — обычная композиция апсид церквей как в период раннего средневековья [41], так и позже [42] (в Грузии — Атени, X в.; Кинцвиси XI в.; Бертубани, Гелати, Вардзия — все XII в.; Цаленджиха XIV в. и др.).

Принцип декорации плит в известной мере обладает датирующими признаками: отказ от нарративных циклов, обеднение ветхозаветного цикла, исключая эпизоды, связанные с евхаристией (сцены с Авраамом и Даниилом), главенствующее положение среди сцен праздников распятия и воскресения — все это свидетельствует о новых тенденциях в иконографии, которые стали складываться начиная с IX в., еще до конца иконоборческого периода [43].

Сохранение в цебельдинских рельефах некоторых композиций, характерных для доиконоборческого периода (теофания — видение, ктиторы в алтарной части храма), отнюдь не указывает на их раннюю дату, поскольку в восточнохристианских памятниках ранние черты нередко встречаются значительно дольше. О сцене теофании — видения сказано выше; что касается изображений ктиторов в апсидах, в Грузии их видим и в VII в. (Цроми), и в X в. (Отхта Эклесиа) [44], а в Абхазии — даже в XV в. (Мапаш-Охуаме) [45]. Популярнейшая в раннехристианское время сцена Даниила во рву львином в Грузии часта и в IX—XI вв. (рельефы стелы Усанети [46], фасадов храмов Азаврети, Бурнашети, Хоспио, алтарной преграды из Сапара) [47]. Что касается весьма распространенного в доиконоборческую эпоху сюжета жертвоприношения Авраама, в Грузии он встречается лишь с XI в. (деревянные двери из Лашес-Вани) [48].

Ряд иконографических особенностей плит совершенно не известен в памятниках VI—VIII вв. Так, сочетание сцен теофании — видения встречается не ранее чем в росписях Каппадокии (часовни № 8 и Феотокос в районе Герема, церковь Келеджлар) [49]. Сцена плача Петра впервые встречается в Хлудовской псалтыри IX в.[50]; наиболее ранние примеры композиции мученичества Петра — в декоре кивория папы Сикста IV (IX в.) и кодекса Григория Назианзина Парижской национальной библиотеки (IX в.) [51]. В сцене мученичества Петра изображен шестиконечный крест — форма, не встречающаяся в Грузии в период раннего средневековья ни в архитектурном декоре, ни в произведениях скульптуры, ни в различных портативных крестах.

Отдельные детали других сцен также являются датирующими признаками. Так, в сцене жены-мироносицы у гроба господня гроб в виде саркофага изображается только в IX — XIII вв., сменив круглое сооружение предшествовавшего периода [52]. Колобий Христа в сцене распятия —

[40] *Réau L.* Op. cit., t. II, part. III, p. 475.

[41] *Ihm Christa.* Die Programme der Christlichen Apsismalerei von vierten Jahrhundert bis zur Mitte der achten Jahrhundert. Wiesbaden, 1960, S. 59—61.

[42] *Grabar A.* Martirium, p. 213.

[43] *Diehl Ch.* Op. cit., p. 481, 490, 492, 495, 496.

[44] *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства, с. 117, 165.

[45] *Шервашидзе Л. А.* Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. Тбилиси, 1971, рис. 15, с. 116.

[46] *Чубинашвили Н. Г.* Хандиси, табл. 88.

[47] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре..., с. 157, табл. 57, *2*.

[48] *Чубинашвили Н. Г.* Грузинская средневековая художественная резьба по дереву. Тбилиси, 1958, табл. 99.

[49] *Jerphanion G.* Op. cit., t. I, p. 113. 122, 203.

[50] *Айналов Д. В.* Некоторые христианские памятники Кавказа, с. 237.

[51] *Réau L.* Op. cit., t. III, part III, p. 1097—1098.

[52] *Покровский Н. П.* Евангелие в памятниках иконографии. СПб., 1892, с. 397; *Villette J.* La Resurrection du Christ dans l'art chrétienne du II au VII siècle. Paris, 1959, p. 79—86.

деталь, известная с VI в., сохраняется и в IX—X вв.[53] Укороченный же колобий, какой представлен на цебельдинской плите, можно рассматривать как переход к типу Христа «в препоясании», что произошло не ранее IX в.; он встречается в Каппадокии в XI в.[54]

Исследователи неоднократно отмечали плоскостность цебельдинских рельефов, отказ от объемности в трактовке фигур и объектов[55]. Р. О. Шмерлинг, более подробно остановившись на стиле плит, показала, что вместо пластической формы здесь «плоскостный, разрисованный линиями рельеф»[56].

Важно подчеркнуть, что плоскостность сказывается не только на технике исполнения рельефа (его сопоставленность с фоном, высота, закругленность и т. п.), но на всем строе форм. Пространство, в котором развернуты сцены, обладает незначительной глубиной. Этим обусловлено однoплановое построение большинства композиций (исключая крещение и воскресение). Нередко фигуры расположены строго фронтально, стоя на линии кадра (плачущий Петр, ктиторы, слуга с мулом, Даниил). В случаях иных положений фигур ракурсы также отсутствуют, так как изображения не имеют возможности развертываться в глубину. Для характеристики действий и ситуаций мастер части одного изображения или элементы одной сцены показывает с разных точек зрения. Так, часто корпус фигуры и ноги показаны в профиль, лицо же повернуто в фас. Подобным образом представлены воины в сцене мученичества Петра, Мария и воин в сцене распятия, Иоанн Креститель и др. У ангела воскресения, показанного в профиль, обе ладони повернуты к зрителю. При этом, как правило, фронтальное положение сохраняется для наиболее важных в смысловом отношении элементов (лица персонажей, фигура слуги в одной из сцен жертвоприношения Авраама, руки ангела в воскресении и др.). Некоторые предметы изображены как бы сверху: щиты воинов, саркофаг и лежащий слева воин в сцене воскресения, блюдо с хлебами в сцене с ктиторами.

В условиях плоскостной трактовки композиций все фигуры максимально тяготеют к переднему плану, к зрителю. При этом они тесно вписаны в кадр, как в сценах жертвоприношения Авраама, распятия Петра, Даниила во рву львином, занимая всю высоту поля. Использование такого приема создает эффект монументальности фигур; композиции приобретают исключительную устойчивость.

Композиционная устойчивость достигается и за счет применения симметричной схемы построения (сцены конных святых, Даниила во рву, распятия, мученичества Петра). В других сценах (плач Петра, крещение) элементы композиции тяготеют к симметрии, распадаясь на группы, имеющие вертикальную ось. Таким образом, действие сцен развивается по горизонтали вдоль нижнего кадра (служащего одновременно и основанием фигурам), а не в глубину, и эта особенность является выражением плоскостности цебельдинских рельефов.

В некоторых композициях наблюдается стремление к исокефалии (воскресение, ангелы крещения и др.), причем иногда за счет применения к фигурам разных масштабных мер (сидящий ангел и идущие жены-мироносицы). Эта черта находится в соответствии с общей тенденцией вписанности фигур в кадр. В других же случаях мастер отступает от этого, руководствуясь содержанием сцены. Так, в распятии фигура Христа

---

[53] *Cabrol et Leclercq.* Le dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. III, part 2. Paris, 1924, p. 3089.

[54] *Лафонтен-Дозонь Ж.* Росписи церкви, называемой Чемлекче-Килисе, и проблема присутствия армян в Каппадокии.— В сб.: Византия: Южные славяне и Русь. Западная Европа. М., 1973, с. 87, 88, рис. на с. 81.

[55] *Чубинашвили Г.* История грузинского искусства, с. 208, 209; *Чубинашвили Н. Г.* Хандиси, с. 89.

[56] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре..., с. 68.

Рис. 7. Сцена крещения первой плиты

самая большая по требованию символической иерархии, в ктиторской сцене разницей роста персонажей показан их возраст.

Композиции крещения и воскресения построены сложнее, чем остальные. В сцене крещения (рис. 7) два плана. В нижней части сцены высота рельефа значительно больше, чем в верхней; фигуры ангелов (в особенности левого) меньше, чем фигуры Христа и Иоанна. К фигурам переднего плана — Христа и Иоанна — применена несколько повышенная точка зрения, а к фигурам ангелов — пониженная; дана попытка показать фигуру Христа в $^3/_4$, а правую руку Иоанна — в ракурсе.

В отличие от крещения в композиции воскресения (рис. 8) имеются явления обратной перспективы: фигуры двух павших воинов показаны маленькими, изображения жен-мироносиц, расположенных на втором плане, увеличены. Прием построения двуплановой композиции своеобразен — ноги мироносиц поставлены на копье лежащего воина, как бы делящее главную часть сцены на два фриза. Заметим, что в сценах воскресения и крещения передается не только догматическое содержание, но имеется и некоторый повествовательный элемент, показ действия. По-видимому, этим и объясняется отличие пространственных характеристик композиций крещения и воскресения от других, построенных однопланово, с тяготением к фронтальности. Внимание мастера цебельдинских плит к переднему плану естественно сочетается со столь же пристальным вниманием к разработке поверхности. В этом отношении показательна роль орнаментальных полос, расположенных между сценами. Они очень широки и имеют характер самоценных декоративных элементов, скорее объединяющих композиции, нежели разделяющих их. В сценах чуда св. Евстафия, распятия и воскресения рамки, как бы «растекаясь» по поверхности, покидают свое естественное место и переходят на поверхности, занятые сюжетными композициями. Эту своеобразную особенность Д. В. Айналов ошибочно объяснял как элементы соответствующих сцен.

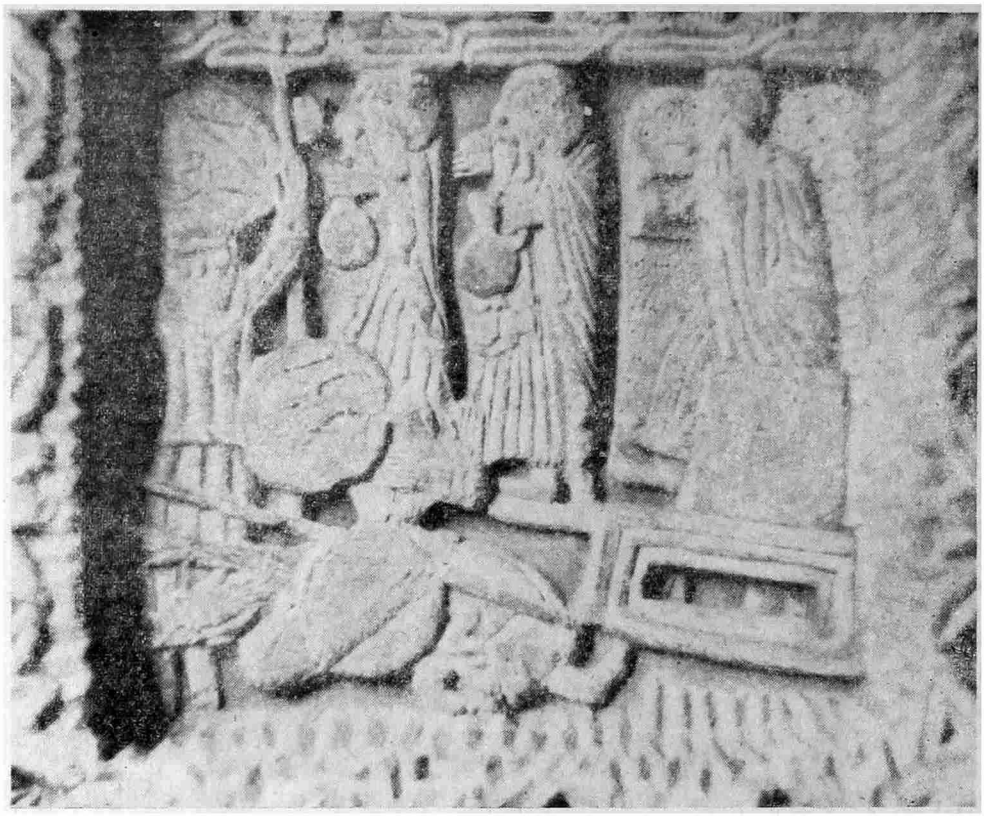


Рис. 8. Сцена воскресения (жены-мироносицы и гроба господня) первой плиты

Однако в действительности мастер мыслит и орнаментальные полосы, и сюжетные сцены как целое, организуя поверхность плит по принципу «ковра».

С названной особенностью тесно связана еще одна черта стиля рельефов — ярко выраженная «боязнь пустоты». Тесному заполнению имеющейся площади способствуют такие черты, как, например, тесная вписанность изображений в раму, развернутость форм и возрастание масштабов фигур. В ряде случаев применение изолированных мотивов не имеет иной цели, кроме заполнения пустых пятен фона, например, изображение вихревой розетки и листа в сцене чуда св. Евстафия или растительные мотивы в сцене Даниила во рву.

Стремление мастера декоративно разработать поверхность проявляется в том, что изображения мыслятся не изолированно, а в ансамбле. В частности, нередко контуры расположенных рядом изображений повторяют друг друга. Например, силуэт старшего ктитора соответствует очертаниям расположенного рядом дерева, а затем — головной повязки Евстафия и хвоста коня. В сцене жертвоприношения Авраама куст, ноги барана и часть кадра сливаются в единое целое, образуя какое-то фантастическое дерево. Скульптурная упорядоченность достигается также тщательной разработкой того или иного мотива в пределах одной композиции. Например, в сцене богоматери с младенцем мотив арок варьируется с подчеркнутым разнообразием. В композиции Даниила во рву доминирующий вертикальный элемент (фигура пророка) дополняется дугообразными и эллипсовидными кривыми (плащ, спины и хвосты львов и т. п.). С подчеркнутым интересом мастера к поверхности связано и внимательное воспроизведение деталей: причесок, складок одежды, различных аксессуаров и т. п.

Рельефы плит из Цебельды исполнены плоскостно. В среднем высота рельефа немногим более 1 *см,* иногда до нескольких сантиметров, например, в нижней части сцены крещения, в сцене воскресения, в некоторых орнаментах. Независимо от высоты рельефа пластическая моделировка фигур и предметов намечена слабо.

В свое время в работе мастера цебельдинских плит видели «полное неумение изобразить человеческую фигуру» и «расположить сцену в определенном пространстве», «полную беспомощность художника» [57]. Однако такие оценки, являющиеся следствием сопоставления рельефов из Цебельды с произведениями пластики, следующими классической традиции, кажутся неправомерными. Стиль цебельдинских рельефов отражал спиритуалистическое мировоззрение раннего средневековья, следовательно, по самой своей сути он был чужд изображению объемных тел в пространстве иллюзионистического типа.

Плоскостность цебельдинских рельефов позволяет сопоставить их с теми произведениями скульптуры Грузии, для которых это качество является определяющим. Это фасадный рельеф Ашота Куропалата из Описа первой трети IX в.[58] и плиты алтарной преграды конца IX в. из Гвелдеси [59]. Следует подчеркнуть, что произведения грузинской пластики VIII—IX вв. не являются прямыми аналогиями цебельдинским плитам и не составляют с ними единой группы, речь здесь идет только об общих тенденциях развития скульптуры в этот период.

Усиление плоскостного начала в скульптуре, отказ от античных приемов моделировки фигур наблюдаются и в других странах, связанных с Византией. На собственно византийской почве памятников VIII—IX вв. почти не сохранилось. В качестве примеров можно привести архитектурный декор церквей IX в. в Греции (церковь Скрипу и св. Григория в Беотии) [60] и многочисленные рельефы Ломбардии VII—IX вв., нередко принадлежавшие византийским мастерам [61]. Эти изменения в трактовке объектов и технике рельефа тем более показательны, что в период иконоборчества мастера часто обращались к моделям предшествующего периода.

Рассматриваемые рельефы можно сопоставить еще с одним памятником скульптуры из Цебельдинской долины — алтарной плитой X в. из с. Ольгинского с изображением трех фигур [62]. Рельефы этой плиты дают пример нового, в сравнении с VIII—IX вв., понимания пространственности и более развитой объемной трактовки форм. Однако некоторые черты еще являются пережитками предыдущего этапа, что связывает плиту из Ольгинского с цебельдинскими рельефами. В частности, в плите из Ольгинского сохраняется блокообразность фигур, их жесткая связанность с кадром и отсутствие свободных фонов, чрезмерно короткие руки, передача ног несколькими горизонтальными линиями (как у фигур нижнего регистра на плите из Цебельды), акцентировка силуэтов вертикальными складками.

В орнаментах плит из Цебельды, как и в сюжетных композициях, видим повышенную плотность и отсутствие фона. Некоторые орнаменты, например растительный мотив между сценами мученичества Петра и чудом св. Евстафия, отличаются «сумбурностью», «странностью». Обе

---

[57] *Айналов Д. В.* Некоторые христианские памятники Кавказа, с. 238; *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре.... с. 68.

[58] *Аладашвили Н. А.* Рельеф из Описа с изображением Ашота Куропалата.— Сообщ. АН ГССР, т. XV, № 7, Тбилиси, 1954.

[59] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре..., табл. 4—7.

[60] *Grabar A.* Sculptures byzantines, pl. XXXIX—XLIII, p. 95—97.

[61] Ibid., p. 93; *Rivoira G. T.* Le origini della architettura Lombarda. V. I. Roma, 1901, p. 196, 197; *Cattaneo R.* L'architettura in Italia del secolo VI al mille circa. Venezia, MDCCCLXXXIX, p. 177.

[62] *Алибегашвили Г. В.* Рельефная плита из окрестностей Сухуми.— Сообщ. АН ГССР, 1951, т. XII, № 8, с. 511—515.

названные особенности, как было показано Р. О. Шмерлинг на большом материале, являются типичными для орнаментики VIII—IX вв.[63] Часть мотивов характеризуется плоским исполнением, например зигзагообразный мотив, окружающий сцену богоматери с младенцем. Другие мотивы, например пальметты или крестообразные фигуры, вырезаны глубоко, но пластически не моделированы и отличаются контрастным сопоставлением светлых и затененных частей, а не мягкими светотеневыми переходами.

Остановимся на репертуаре мотивов цебельдинских плит — вопросе, освещение которого помогает уточнить связь памятника с определенной культурной традицией. Значительная часть орнаментов не характерна для раннесредневековых памятников Грузии. В основном они тяготеют к орнаментике восточного круга (Персия, Сирия). Таков, в частности, мотив, обрамляющий центральную сцену второй плиты — зигзагообразная линия, в изломах которой помещены кружочки с точками в центре. Аналогичный мотив (вместо кружочков иногда использованы листики, завитки и т. п.) встречается в сирийских памятниках (в архитектурном декоре и рукописях) VI в., но сохраняется и до XIII в.[64] Он использован также в декоре поливной керамики IX в. из Патлейна (Болгария) IX в., которая непосредственно связана с Ираном[65], в росписях Каппадокии (Тагар XI в., 22-я часовня Герема XII в.)[66]. В грузинских памятниках этот мотив (с кружком в изломах) встречается только с X в. (алтарная плита X в. из Кабери[67], чеканная пластина X в. из Саголашени[68], роспись Набахтеви XV в.[69]).

К числу редких мотивов относится крестовидный орнамент второй плиты. Довольно близкая параллель ему имеется в одной сирийской рукописи XIII в.[70], а также на пластине слоновой кости X в. из Милана или Рейхенау[71]. Мотив Т-образных фигур, разделяющий сцены плача и мученичества Петра, представляет собой как бы усеченный крестовидный мотив. В грузинских памятниках оба названные мотива не встречаются. С кругом сирийских мотивов исламской эпохи связан орнамент, разделяющий сцены воскресения и распятия. В более геометризованной форме он украшает некоторые сирийские рукописи XIII в.[72] В памятниках Грузии этот мотив также неизвестен.

К мотивам восточного круга этого же периода относится и мотив полукруга с точкой в центре, примененный в разделке крыльев ангела воскресенья. Полное тождество ему видим в декоре крыльев птиц и сенмурвов на иранских серебряных сосудах X — начала XI в.[73] Характерно, что в раннесредневековых памятниках Грузии, где тема ангелов, возносящих крест, очень популярна, такая разделка крыльев неизвестна. Мотив волнообразной линии, в изгибах которой помещены кружки с точ-

---

[63] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре..., с. 87, 88.

[64] *Lassus J.* Inventaire archéologique de la région au Nord-Est de Hama-Beyrouth, t. II, 1935, pl. 99, 117; *Leroy J.* Les manuscrits syriaques à peintures. Paris, 1964, pl. 31, *1*; 42; 112, *2*.

[65] *Grabar A.* Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique. Paris, 1928, fig. 23, p. 40.

[66] *Restle M.* Die Byzantinische Wandmalerei in Kleinasien Recklinghausen, 1967. Taf. III, Taf. 372, Bd II, Taf. 209, 211.

[67] *Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре..., табл. 21, *1*.

[68] *Чубинашвили Г. Н.* Грузинское чеканное искусство. Иллюстрации. Тбилиси, 1959, табл. 15.

[69] *Лордкипанидзе И.* Росписи Набахтеви. Тбилиси, 1973, табл. 37, *2*; 38 (на груз. яз.).

[70] *Leroy J.* Op. cit., pl. 6, *1*.

[71] *Kitzinger E.* Early medieval art in the British Museum. London, 1963, pl. 26, p. 67, 106.

[72] *Leroy J.* Op. cit., pl. 81, *3*; 89, *4*; 94, *4*.

[73] *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока (VIII—XIII вв.). М., 1976, с. 25 (№ 39), с. 43 (№ 77, 78), табл. 27, 28.

ками (фрагмент из раскопок 1964 г.), находит параллели в декоре кувшинов Миклошского клада IX в. (Болгария), связанных с сасанидским воздействием [74]. В средневековых памятниках Грузии этот мотив не встречается.

Некоторые орнаменты цебельдинских плит производят впечатление народных, связанных с традициями деревянной резьбы. Таков «гармонеобразный» мотив, украшающий боковые поверхности заглублений, где помещены центральные сцены обеих плит. Подобный мотив использован в декоре деревянной двери XI в. из Мацхвариши [75]. Орнамент колосовидной плетенки, расположенный между двумя эпизодами жертвоприношения Авраама, также не характерен для ранних памятников Грузии, его видим в резьбе двери XI г. из Пхотрери [76].

Стоит остановиться еще на мотиве круга с точкой, играющем важную роль в декоративной разработке поверхностей некоторых фигур людей и животных. Возможно, связанный с солярными представлениями, он был популярен у многих народов на протяжении длительного времени. Он часто встречается на художественных изделиях из металла в Персии и Сирии с V до X вв.[77] В Грузии в период раннего средневековья этот мотив встречается изредка (рельеф из Ламази Гора V в.[78], Атенский Сион VII в.[79]), массовое распространение он получает в IX—XII вв.[80] Мотив круга с точкой широко применяется в декоре вещей из цебельдинских некрополей II—VII вв.[81]

Д. В. Айналов считал, что орнаментальные мотивы плит из Цебельды имеют близкое сходство с орнаментами диптихов и других изделий из слоновой кости V—VI вв.[82] Однако есть основания сомневаться в этом. На диптихах представлены классические мотивы, исполненные пластически. На плитах же — мотивы восточного круга, или народные, в обоих случаях далекие от орнаментации диптихов. В частности, мотив крестообразных фигур, принятый Д. В. Айналовым за меандр, таковым не является.

Отметим лишь один мотив, действительно сходный с диптихами и составляющий в декоре плит из Цебельды исключение. Это орнамент, разделяющий сцены крещения и слуги с мулом на первой плите. Он образован чередованием листьев, развернутых по горизонтали и геометризованных таким образом, что получается как бы ряд треугольников. Подобный мотив видим на Равеннском (Муранском) диптихе [83] и пластине сирийского диптиха [84]. Возможно, что мастер плит был знаком с

---

[74] *Мавродинов Н.* Старобългарското изкуство. София, 1959, рис. 110—122, с. 119, 121.

[75] *Чубинашвили Н. Г.* Грузинская средневековая художественная резьба по дереву, табл. 30.

[76] Там же, табл. 111.

[77] *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 10, 13, 19; *Маршак Б. И.* Бронзовый кувшин из Самарканда.— В сб.: Средняя Азия и Иран. Л., 1972, с. 72, прим. 26 на с. 87; *Залесская В. Н.* К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов.— ПС, 1971, вып. 23(86), с. 88.

[78] *Амиранашвили Д. Ш.* Памятники грузинской архитектуры и рельефной скульптуры раннефеодальной эпохи. Тбилиси, 1968, рис. 4 (на груз. яз.).

[79] *Чубинашвили Г. Н.* Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1949, табл. 55, *1*; 53, *2*; 57, *4*.

[80] *Чубинашвили Г. Н.* Грузинское чеканное искусство, табл. 14, 15, 18, 19, 22 и др.; *Чубинашвили Н. Г.* Грузинская средневековая художественная резьба по дереву, табл. 84, 90.

[81] *Трапш М. М.* Культура цебельдинских некрополей. Труды, т. 3. Тбилиси, 1971, табл. XXXIV, *20*; XXXIX, *8*; LII, *5*; *Воронов Ю. Н.* Тайна цебельдинской долины. М., 1975, рис. 15, *1*; 39, *9*; 42, *26*.

[82] *Айналов Д. В.* Некоторые христианские памятники Кавказа, с. 235, 236.

[83] *Volbach W. F.* Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des Frühen Mittelalters. Mainz, 1952, Taf. 39.

[84] *Volbach W. F.* Die Bieldwerke des deutschen Museums. Die Elfenbeinbildwerke. Berlin — Leipzig, 1923, I Bd., Taf. 3, S. 2.

подобными произведениями и заимствовал у них идею членения поверхности и отдельные мотивы.

Рассмотрение орнаментики особенно наглядно показывает изолированное положение памятника из Цебельды среди произведений грузинской скульптуры раннего средневековья. В отношении хронологии здесь наблюдается ситуация, аналогичная той, которая имеется в иконографии сцен: часть мотивов встречается в VI—VII вв., но они сохраняются и значительно дольше; некоторые мотивы неизвестны до IX—X вв.

Плиты из Цебельды обращают на себя внимание наличием восточных (сасанидских) черт. Наиболее ярко они выражены в сцене чуда св. Евстафия, который представлен в виде сасанидского вельможи на охоте. Тип Евстафия повторен в изображениях конных святых верхнего фриза второй плиты. Оба сюжета — всадник на охоте и два антитетических всадника — имеют своим источником восточную традицию. Парные изображения всадников хорошо известны по рельефам Персеполиса, нередки они и в грузинском искусстве (рельефы церкви X в. в Вале, храма XI в. в Никорцминде). Охота всадника на диких зверей — распространенный сюжет сасанидской торевтики.

Однако нет необходимости хронологически сближать плиты из Цебельды с произведениями сасанидской эпохи. Отдельные сцены плит используют только общую схему сасанидских памятников, не повторяя их в деталях костюма, вооружения и т. п. весьма устойчивых в сасанидской иконографии. Некоторые сасанидские реалии рельефов из Цебельды воспроизведены неточно, видимо, местный мастер копировал образец, не понимая деталей. Так, концы плащей у воинов, распинающих Петра, трактованы так же, как головная повязка за спиной Евстафия (атрибут знатного сасанида). Форма кувшина, изображенного в сцене с ктиторами и обычно признаваемая сасанидской, в действительности относится к более позднему времени. Сосуды с прямоугольным в сечении сливом (сасанидская деталь) в видоизмененной форме бытовали и в VIII—IX вв., а каннелированное горло появляется не ранее VIII в.[85] Сасанидские элементы рельефов из Цебельды в их переработанной форме — явление вполне закономерное, поскольку на Кавказе контакт с иранской культурой всегда был значительным, и сасанидское воздействие дает себя знать на протяжении всего средневековья (скульптура, текстиль, керамика).

Примечательно, что в рельефах из Цебельды нет прямых реплик сасанидского искусства, которые часты в грузинской скульптуре V — начала VII в., в частности на стелах (тип мужчины в позе адорации с лотосом в руке, одежда с дугообразным подолом, ленты, распахнутые крылышки и др.) [86], и которые не встречаются в более позднее время.

Существует лишь один памятник, обнаруживающий близость к цебельдинским плитам,— серебряное «сирийское» блюдо Эрмитажа, которое с момента своей находки вызвало полемику по вопросам датировки и локализации [87]. Блюдо так же, как и плиты из Цебельды, стоит особняком, «не напоминая никакое другое христианское произведение» [88]. Недавно этот памятник был исследован еще раз под новым углом зрения и получил датировку IX—X вв.[89]

Данные анализа цебельдинских плит позволяют датировать их временем не ранее конца VIII в., точнее — рубежом VIII—IX вв.

---

[85] *Маршак Б. И.* Бронзовый кувшин из Самарканда.— В сб.: Средняя Азия и Иран. Л., 1972, с. 69, 81. 84, рис. 3, 5, 12—14.

[86] *Чубинашвили Н. Г.* Хандиси, табл. 2, *26*, *36—38*, *42*, *70*, *72* и др.

[87] Историю вопроса и библиографию см.: *Даркевич В. П., Маршак Б. И.* О так называемом сирийском блюде из Пермской области.— СА, 1974, № 2, с. 213.

[88] *Villette J.* Op. cit., p. 81.

[89] *Даркевич В. П., Маршак Б. И.* Ук. соч., с. 222.

Исторические источники, в частности «Мученичество Або Тбилели», говорят об экономической стабилизации и полном утверждении христианства в Абхазии в VIII в. В конце VIII в. сложилось крупное политическое образование, включающее собственно Абхазию и часть Западной Грузии — Абхазское царство. В этих условиях в Цебельде и мог появиться храм, украшенный столь значительным произведением скульптуры. Возможно, выбор сцены чуда св. Евстафия был осуществлен по желанию ктиторов и связан с историческими событиями второй четверти VIII в. По сообщению Феофана Хронографа, арабы завладели «Железной крепостью» (по соседству с Цебельдой) и пленили Евстафия, сына «первейшего среди апсилов» Марина; после неудачной попытки насильственно обратить его в ислам арабы предали Евстафия смертной казни [90]. Несомненно, что это событие приобрело значительный резонанс. Ктиторы, на чьи средства была построена и украшена церковь (из которой происходят плиты), будучи представителями местных феодальных кругов, могли пожелать поместить в нижнем регистре плиты сцену со святым, соименным популярному мученику.

Плиты из Цебельды являются ценным памятником скульптуры раннего средневековья Абхазии и Грузии в целом. Они выразительно характеризуют культурную жизнь населения Цебельдинской долины, давшей множество разнообразных памятников искусства и археологии, относящихся к I тысячелетию н. э. Думается, что предложенная в статье датировка плит может служить созданию более полного представления об особенностях скульптуры в Грузии в конце VIII — начале IX в.

L. G. Khrouchkova

DALLES D'UNE CLOTURE DE SANCTUAIRE TROUVEES A TSEBELDA (ABKHAZIE)

Résumé

On étudie dans l'article deux dalles d'une clôture de sanctuaire provenant du village montagnard de Tsébelda. A plusieurs reprises les spécialistes (D. V. Aïnalov, G. N. Tchoubinachvili, R. O. Schmerling, et d'autres) se sont intéressés à l'étude de ce monument, découvert par P. S. Ouvarova à la fin du XIXe siècle. La datation de ces pierres est rendue difficile par l'assemblage compliqué des traits divers, qui se rapportent à différentes périodes (chrétienne primitive et postérieure), et par l'absence des monuments de la sculpture. En se basant sur l'analyse de l'iconographie des compositions et du style des reliefs, ainsi que du répertoire des motifs ornementaux, on peut conclure que l'époque où on été faites ces plaques se situe entre le VIIIe et le IX e s., alors que la plupart des spécialistes les attribuaient aux VIe—VIIe siècles. Dans l'article on s'occupe également des questions restées sans solution sur le thème iconographique des scènes (on montre ici que l'idee dominante est celle d'une théophanie) de même que sur leurs ornements.

---

[90] *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии Сухуми, 1959, с. 92—94.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

КУРГАНЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХАКАСОВ XIII — XIV ВВ.

(Аскизская культура в монгольское время) *

Одним из результатов планомерных работ по изучению железного века Южной Сибири, начатых в 1950 г. экспедицией Московского государственного университета, явилось фактическое открытие археологической культуры средневековых хакасов [1]. Формально выделение новой культуры завершилось, когда она получила название аскизской [2]. Основному изучению подвергся лишь первый этап этой культуры, относящийся к концу X—XII в. По наиболее характерному и известному в литературе комплексу предлагаем называть его малиновским [3]. Имеющиеся материалы позволяют ныне выделить и второй этап аскизской культуры, относящийся к XIII—XIV вв. Существование аскизской культуры в монгольское время было отмечено Л. Р. Кызласовым, упомянувшим конкретные погребения, общие изменения в составе погребального инвентаря, сохранение прежнего погребального обряда и надмогильных сооружений, а также генетическую связь предметов XIII—XIV вв. с изделиями первого этапа [4]. Особо следует подчеркнуть выделение в аскизской культуре монгольского времени ее городского варианта, отмеченного еще в 1964 г.[5] Такое разделение средневековой культуры на городскую и сельскую, давно практикуемое археологами Восточной Европы, в южносибирской археологии намечено впервые.

Публикации отдельных предметов аскизской культуры XIII—XIV вв. можно встретить уже в ряде сводных работ периода «первоначального накопления» археологических фактов в Южной Сибири [6]. Естественно, что в то время уровень развития науки не позволил ученым правильно

---

* Доклад в секторе Славяно-русской археологии ИА АН СССР 27 мая 1976 г.

[1] *Кызласов Л. Р.* Хакасская археологическая экспедиция 1958 г.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1960, VIII; *его же.* Хакасская археологическая экспедиция 1959 г.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ, 1963, IX; *его же.* Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА, 1960, № 3; *его же.* Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении).— Вестн. МГУ, история, 1964, 4; *его же.* История Тувы в средние века, М., 1969, гл. IV, V.

[2] *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов (аскизская культура).— В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

[3] *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности; *его же.* История Тувы в средние века, гл. IV.

[4] *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов, с. 210. Среди названных в этой работе памятников погребения у дер. Черновая и Ак-Полак, на наш взгляд, относятся к XII — рубежу XIII в. Эти памятники вместе с курганами 3, 4, 6 могильника Самохвал II (раскопки Л. Р. Кызласова, 1974 г.) характеризуют материальную культуру переходного этапа, которая еще нуждается в доследовании.

[5] *Кызласов Л. Р.* Этапы средневековой истории Тувы, с. 89, 90; *его же.* История Тувы в средние века, гл. V.

[6] *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея. Томск, 1886, с. 50, 144, табл. XVIII, *2а — 2е*; *Tallgren A. M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Helsingfors, 1917, fig. 75, pl. XI, *22, 24, 38, 39*; XII, *18.*

интерпретировать эти материалы, целиком относящиеся к числу случайных находок [7]. Первый аскизский комплекс XIII—XIV вв. был частично опубликован и получил правильную датировку в периодизации культур С. А. Теплоухова [8]. Именно этот инвентарь из погребений на Часовенной Горе в Красноярске (с привлечением прибайкальских и хорошо датированных восточноевропейских аналогий) позволил позднее выделить памятники монгольского времени на Алтае и отметить ряд характерных особенностей инвентаря для всей эпохи в целом [9]. Известные в начале 50-х годов материалы позволили А. А. Гавриловой ограничиться главным образом вопросами датировки (выделенный ею «часовенногорский тип» — это термин лишь с хронологическим содержанием и он равнозначен «монгольскому времени» XIII—XIV вв.). Проблемы этнической интерпретации, определения места конкретных памятников XIII—XIV вв. в системе археологических культур Южной Сибири не могли быть тогда поставлены в основном из-за полной неразработанности вопросов, связанных с материалами XI—XII вв.

Однако вопросы этнической интерпретации аскизских предметов XIII—XIV вв. были правильно решены еще в 30-е годы В. П. Левашевой благодаря ее научной интуиции. Подчиняя свои исследования требованиям музейной работы и популяризации специальных исторических знаний, В. П. Левашева не ставила вопроса об особом выделении и характеристике материальной культуры XIII—XIV вв., но точно датированные ею предметы этого периода вошли в созданную В. П. Левашовой строго научную экспозицию Минусинского музея [10] и опубликованные работы [11]. Изучение материалов древнехакасского государства на всем протяжении его существования позволило В. П. Левашевой не только правильно понять общую линию развития его культуры, но и, что особенно важно, ощутить единство этой культуры в течение всего средневековья, отмечая монгольское время как один из этапов развития единого целого [12]. Однако основанные на музейных коллекциях, не содержащих полновесных комплексов, работы В. П. Левашевой не привлекли должного внимания медиевистов-сибиреведов.

В последние годы трудами многих археологических экспедиций добыты аскизские комплексы XIII—XIV вв. как в Хакасии, так и в Туве [13].

---

[7] Отчет Императорского Российского Исторического музея в Москве за 1915 г. М., 1916, с. 18, № 72.

[8] *Теплоухов С. А.* Древнеметаллические культуры Минусинского края.— Природа, 1929, 6, с. 551, фиг. Б, 63—67; *его же.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении).— МЭ, Л., 1929, т. IV, вып. 2, табл. III, *63—67.* Несколько позднее С. А. Теплоухов расширил дату до XII—XIV вв. (ССЭ, 1932, т. III, стб. 414, табл. II, *47*).

[9] *Гаврилова А. А.* Кудыргэ (исследование могильника в связи с историей Алтая VI—XIV вв.).— Автореф. канд. дис., М.— Л., 1951; *ее же.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965.

[10] *Левашева В. П.* Государственный Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова. Краткий путеводитель по историческому отделу, ч. 1, От палеолита до XVII в. Минусинск, 1936, с. 6, 7. Выделение В. П. Левашевой предметов монгольского времени, как и других более поздних эпох, вплоть до этнографических материалов подтверждают проставленные ею даты в инвентарных книгах музея.

[11] *Левашева В. П.* Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XIV, *3*; XVII, *1, 6, 11, 13.*

[12] *Левашева В. П.* Из прошлого Хакасии. Абакан, 1945; *ее же.* История Хакасии. М., 1946. (Рукопись канд. дис., личный архив В. П. Левашевой).

[13] *Липский А. Н.* Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году.— КСИИМК, 1949, № XXV, рис. 3; *Кызласов Л. Р.* Этапы средневековой истории Тувы, с. 90, табл. III, Г, *70—72*; *его же.* История Тувы в средние века, с. 161—163, табл. IV; *его же.* Древние крепости Хакасии.— АО — 1968, М., 1969, с. 245; *его же.* Раскопки в Оглахтах.— АО — 1969, М., 1970, с. 199; *его же.* Хакасская археологическая экспедиция 1968 года.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ, 1970, № XV, с. 90, 91; *Савинов Д. Г.* Раскопки могильников Урбюн.— АО — 1965, М., 1966, с. 27; *его же.* Погребение с серебряным кубком.— Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 1973, XVI; *Шер Я. А., Савинов Д. Г., Подольский Н. Л., Кляшторный С. Г.* Курганы и писаницы правобережья Енисея.— АО — 1967, М., 1968,

Однако эти материалы полностью не опубликованы. И если в предварительных сообщениях этническая принадлежность комплексов, после выхода работ Л. Р. Кызласова, определялась правильно, то датировка их ошибочна. Большую работу по изучению предмонгольского времени в Южной Сибири проделал Д. Г. Савинов. Он собрал значительный и важный материал. Но знакомство с многочисленными аналогиями и специальными работами предшественников, к сожалению, не уберегли и этого исследователя от ошибки в датировке материалов. Все известные ему аскизские комплексы и многочисленные случайные находки, несомненно относящиеся к монгольскому времени, определены в его работе как памятники XI—XII вв. или, в лучшем случае, XII—XIII вв. В результате этого аскизские памятники искусственно разделены им на два якобы локальных варианта (минусинский и тувинский). На деле разница сравниваемых Д. Г. Савиновым серий хронологическая: «минусинский вариант» не тождествен тувинскому, так как первый представляет предметы XIII—XIV вв., действительно отличающиеся от инвентаря XI—XII вв., рассматриваемого в так называемом «тувинском варианте» [14]. Вполне естественно, что заблуждения в датировках и решении других археологических вопросов привели Д. Г. Савинова к досадным ошибкам и в исторической части работы [15].

Создавшееся положение в изучении южносибирского средневековья, накопленные материалы, важность памятников монгольского времени для правильного понимания хода исторического развития народов Саяно-Алтайского нагорья — все это заставляет нас посвятить памятникам аскизской культуры периода XIII—XIV вв. специальную работу.

В настоящее время известно 27 комплексов аскизской культуры, относящихся к XIII—XIV вв. Они происходят как из раскопок [16], так и из случайных находок [17]. Шесть комплексов представляют собой могилы с трупоположениями [18], сопровождаемые типично аскизским инвентарем и, вероятно, являющиеся археологическим свидетельством проходивших в монгольское время ассимиляционных процессов. Остальные происходят из курганов с обычным древнехакасским обрядом: остатки трупосожжения, совершенного на стороне, погребены на уровне древней поверхности под невысокими, округлыми в плане, каменными насыпями.

Существенно дополняют представления о материальной культуре средневековых хакасов в монгольское время многочисленные случайные на-

---

с. 151. Мы не останавливаемся здесь на работах, посвященных южносибирским памятникам XIII—XIV вв., не относящимся к аскизской культуре.

[14] *Савинов Д. Г.* Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени.— В сб.: Этническая история народов Азии. М., 1972; *его же.* Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.).— Автореф. канд. дис. Л., 1974.

[15] Основные свидетельства письменных источников по этому периоду собраны Л. Р. Кызласовым. См.: *Кызласов Л. Р.* О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ, 1960, VIII; *его же.* Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв.— Уч. зап. ХНИИЯЛИ, 1965, XI; *его же.* История Тувы в средние века, гл. IV, V.

[16] Хакасско-Минусинская котловина: Оглахты III, к 1, 6, 9; Оглахты VII, к. 2. (*Кызласов Л. Р.*, 1968, 1969); курган в г. Абакане (*Липский А. Н.*, 1946); ст. Минусинск, к. 2, 3 (*Сунчугашев Я. И.*, 1970); Канско-Перевозинское (1913, сборы); Быстрая, к. 1 (*Левашева В. П.*, 1938); Каменка V, к. 3 (*Шер Я. А.*, 1967). Тува: Межегейское городище, к. 1, 2 (*Кызласов Л. Р.*, 1960); Урбюн I, к. 2 (*Савинов Д. Г.*, 1965).

[17] Коллекция Згерского-Струмилло О. Б. (ГИМ, № 49439); 1) № 51—53, 59, 542—544 (рис. 8, *1—7*); 2) № 54, 56, 57, 62, 63, 65, 545 (рис. 9, *1—7*); 3) № 466, 467, 471, 476; 4) № 514—526; 5) № 464, 465, 470, 475; 6) № 105—150 (далее обозначаются: ГИМ — 49439—1 и т. д.). Коллекция Островских П. Е. МАЭ — 252/155—159 (далее — МАЭ — 252—1).

[18] Часовенная Гора, мог. 2, 3 (*Теплоухов С. А.*, 1927; мог. 1 (судя по сохранности предметов, отличимых и среди неопределенного материала, вероятно, содержала трупосожжение); Быстрая, стоянка 6, погр. 1, 2 (сборы Чернявского, 1945); Самохвал, развеенное погр. (*Сунчугашев Я. И.*, 1968); собрание Островских П. Е. МАЭ — 252/119, 120, 127, 130 (далее — МАЭ — 252—2).

ходки. Благодаря особому облику инвентаря этого этапа аскизской культуры (который по наиболее характерному комплексу предлагаем называть каменским — рис. 2—7) [19] эти вещи легко отличимы в музейных коллекциях. Для них прежде всего характерна особая манера оформления (рис. 1). Вещи первого и второго этапов отличаются следующими признаками:

II этап (XIII–XIV вв.)	I этап (конец X–XII вв.)
1. Общая уплощенность предметов, они широки и по-настоящему пластинчаты	1. П и С – образное или трапециевидное поперечное сечение в сочетании с узкими, относительно длинными предметами
2. Крупные рассеченные валики, окаймляющие изделия	2. Гладкая поверхность или небольшое углубление орнаментированной части
3. Высокие полушарные декоративные головки заклепок (рис. 9)	3. Небольшие плоские головки заклепок, не связанные с украшением предмета
4. Парное расположение заклепок часто в сочетании с одинарной заклепкой на вытянутом мысу предмета; обычны пять заклепок, реже – три	4. Одиночное расположение заклепок по центральной оси изделия, пара заклепок на одном из концов предмета появляется, вероятно, ближе к XII в., при этом сочетающаяся с нею третья заклепка никогда не располагается на мысу
5. Геометрический орнамент (наиболее часты ромбические и треугольные элементы) или растительные мотивы, типичные для монгольского времени в целом (рис. 8, *1–3, 7*)	5. Ячеистый характер орнамента, сплошным полем покрывающего предметы
6. Часто встречающаяся двухслойность предметов, они состоят из двух скрепленных заклепками пластин, верхняя из которых украшена прорезанным насквозь узором (рис. 2; 3, *1*; 10, *4, 5*)	6. Орнамент, никогда не бывает прорезным, все предметы однослойны

Не менее характерно украшение железных предметов каменского этапа серебряной инкрустацией — особенность, свойственная для всех этапов аскизской культуры. На изделиях конца X—XII и XIII—XIV вв. представлена поверхностная таушировка (аппликация серебром). Разница состоит лишь в отдельных приемах. На малиновском этапе насечка поверхности делалась сплошной мелкой сеткой крест-накрест и лишь на малых плоскостях — точечными заусенцами. В XIII—XIV вв. преобладает насечка точечными заусенцами на широких полях (часто пунктирными линиями) и линейное (мелкими канавками с шероховато задранными краями). В обоих периодах серебряная пластина заранее готовой конфигурации накладывалась прямо на поверхность железа и набивалась на покрывавшую ее насечку [20].

---

[19] Приношу глубокую благодарность автору раскопок Я. А. Шеру за предоставленную возможность изучать и публиковать материалы из могилы близ с. Каменки (хранятся в ГЭ ОИПК).

[20] В предшествующей культуре чаа-тас и на переходном этапе IX—X вв. применялась врезная таушировка (собственно, инкрустация) — благородные металлы заполняют специальные канавки, создающие узор (см.: *Heikel A. O.* Die Grabuntersuchungen und Fund bei Tasheba — Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft, XXVI, Helsinki, 1912, S. 62, fig. 11, 12; *Tallgren A. M.* Op. cit., fig. 89; *Евтюхова Л. А.* Стремя таштыкской эпохи из Уйбатского чаа-таса.— КСИИМК, 1948; № XXIII; *Левашева В. П.* Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, 1952, № 24, рис. 1, *40*. На поздних этапах аскизской культуры и в культуре современных хакасов применялась поверхностная таушировка, при которой узор создавался набивкой на фон проволоки прямо с мотка (*Степанов А. П.* Енисейская губерния. СПб., 1835, т. II, с. 85, 86; *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея, с. 55, 56; *его же.* Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округа.— ИВСОРГО, 1889, т. XX, 1, с. 46, 47, 50; *Яворский П. К.* Ирбинская горнозаводская дача. СПб., 1889, с. 2; *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог музея. Минусинск, 1900, с. 41, № 5). Образцы см.,

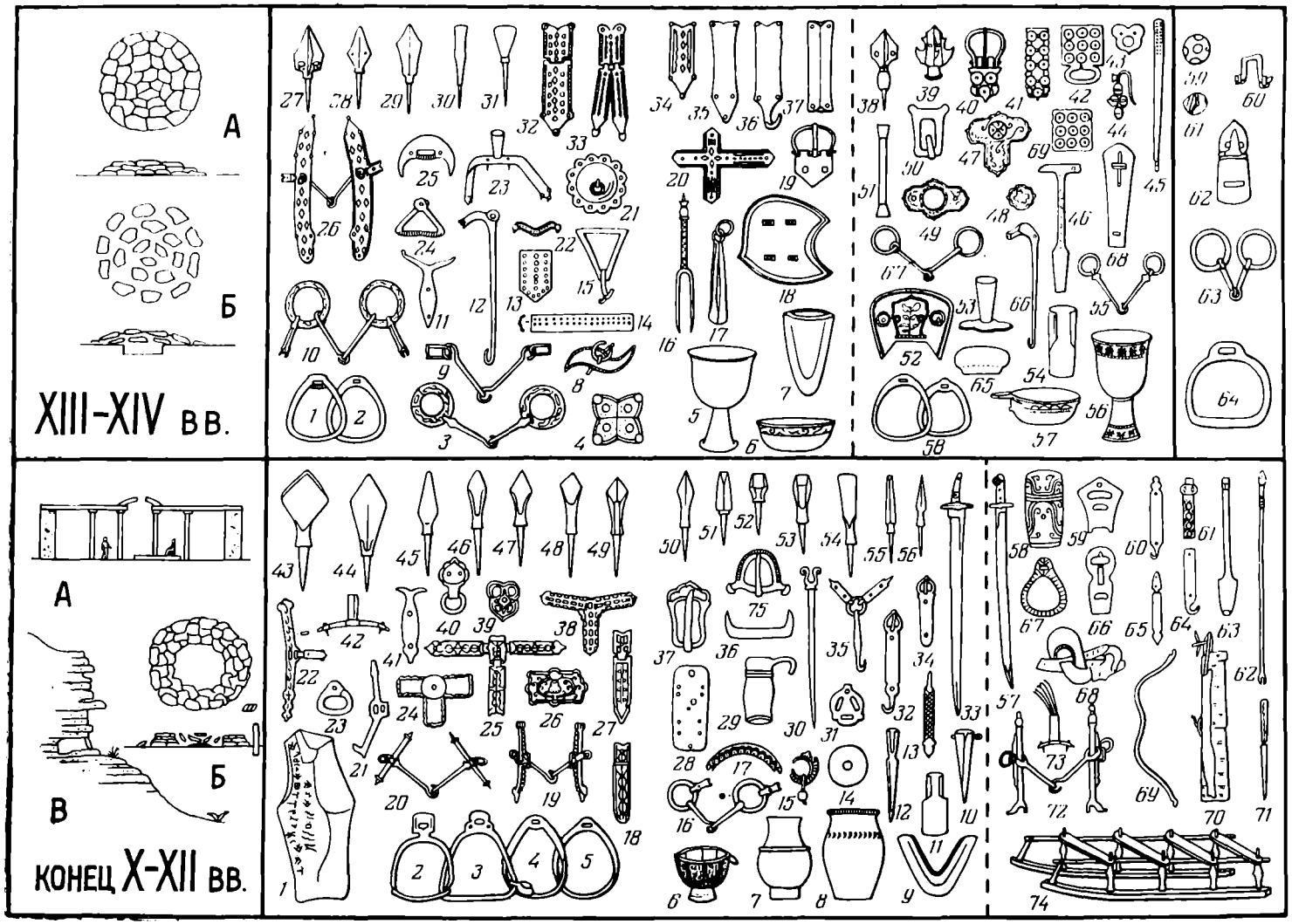


Рис. 1. Этапы развития аскизской культуры.

I этап — малиновский. *А* — Разрез-реконструкция административного здания в городе близ улуса Тутатчикова. *Б* — Схема устройства аскизского кургана XI—XII вв. с трупосожжением. *В* — Схема-разрез погребения с трупоположением в гроте Узун-хая. *1—56* — предметы аскизской культуры XI—XII вв. из Тувы и Хакасии (обряд трупосожжения); *57—74* — инвентарь погребения в гроте Узун-хая (обряд трупоположения).

II этап — каменский. *А* — Схема устройства аскизского кургана XIII—XIV вв. с трупосожжением. *Б* — Схема устройства кургана XIII—XIV вв. с трупоположением (типа могильника Суханиха). *1—37* — предметы аскизской культуры XIII—XIV вв. (обряд трупосожжения); *38—58*, *65—69* — инвентарь из могильника Часовенная Гора (обряд трупоположения); *59—64* — инвентарь из могильника Суханиха, не относящегося к аскизской культуре (обряд трупоположения; по А. А. Гавриловой)

Камснский этап отличает от предшествующего времени не только оформление изделий, но и набор предметов. Типичными для XIII—XIV вв. являются: круглые седельные бляхи с прорезным краем (II, *21*; рис. 3, *2*; 9, *7*) [21]; седельные окантовки (II, *14*) и накладки (II, *13*; рис. 5, *3*) с выдавленными изнутри рядами выпуклостей — новый мотив оформления штампованных предметов (рис. 3, *3*); железные стержни с петелькой

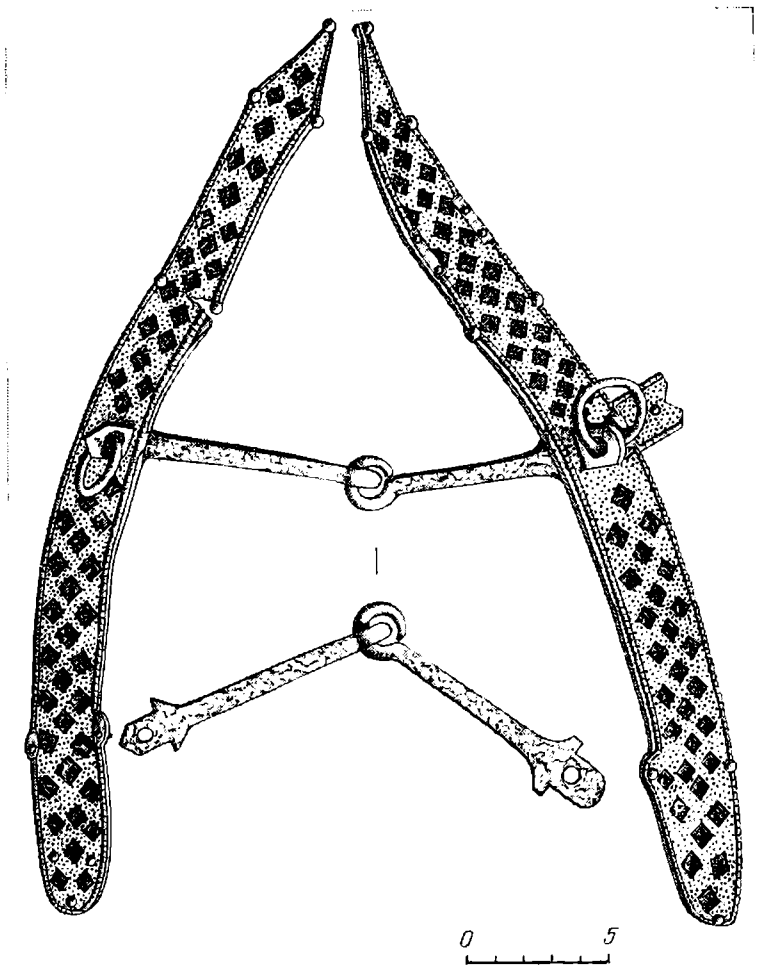


Рис. 2. Удила с пластинчатыми псалиями. Железо с серебряной инкрустацией, узор прорезной. (Каменка V, кург. 3)

на конце и крюковидными рукоятками (часто имеющими вид конской головки с изогнутой шеей), снабженными отверстиями для подвешивания (II, *12*, *66*; рис. 4, *1*),— вероятно, инструменты для шнуровки — продергивания ремней сбруи в отверстия; четырехлепестковые седельные бляхи (II, *4*; рис. 4, *10*); накладки-галочки (в развитом виде М-образных очертаний — II, *22*, рис. 5, *7*); коромыслообразные накладки (*P*, рис. 5, *5*); пряжки с подвижными щитками (II, *19, 40*); удила с уплощенными коль-

например: ГИМ, № 54746/205, 208; ММ — № 7298, без № — ш. 10, п. 2 (планшет). В подобной последовательности приемы инкрустации развивались и в Европе (*Флеров А. В.* Технология художественной обработки металлов. М., 1968, с. 224—229).

[21] Римская цифра в скобках соответствует верхней (II), нижней (I) части рис. 1, арабская — номеру описываемого типа предметов на соответствующей части рис. 1 и вертикальной графе таблицы. Буква указывает на графу таблицы, так как изображения подобных предметов на рис. 1 не приводятся.

Взаимовстречаемость характерных форм инвентаря в комплексах XIII–XIV вв.

Комплекс	Формы предметов (номер по рис. 1, индекс по тексту)																												
	21	14	13	12	4	22	Р	19	10	Н	15	5	34	35	24	8	23	2	58	О	68	27	32	33	Т	36	Л	11	54
Каменка V, 3	×		×	×	×	×	×								×	×		×		×			×					×	
Оглахты III, 6	×		×	×			×							×	×														
Часовенная Гора, 3	×	×										×							×		×				×				
Часовенная Гора, не опр.	×			×					×				×				×								×				
Минусинск, 3	×					×								×	×					×									
ГИМ-49439-2	×												×													×	×		
Быстрая, 1		×									×		×																
Минусинск, 2		×						×																		×			
Часовенная Гора, 2			×	×				×											×		×								×
Быстрая, с. 6, 2			×						×					×				×	×										×
Урбюн I, 2				×								×	×			×	×	×							×				×
Абакан					×						×		×	×		×													
Оглахты III, 9					×	×	×								×								×						
ГИМ-49439-6						×	×				×									×					×				
Самохвал						×								×					×										×
Оглахты III, 1						×																	×						
Канско-Перевозинское									×									×				×							
ГИМ-49439-1													×													×			
МАЭ-252-1													×											×					
ГИМ-49439-5										×			×																
Быстрая, с. 6, 1															×														
ГИМ-49439-3													×				×												
Межегей, 2																													×
МАЭ-252-2													×														×		
ГИМ-49439-4													×																
Петровский					×				×		×			×			×	×									×	×	
Часовенная Гора, 1																													

цами большого диаметра (II, *10*, *67*); удила с дисковидными псалиями (II, *3*; рис. 8, *7*), накладки с крюками в виде «уточек» (Н); седельные пробои с трапециевидными петлями (II, *15*); серебряные кубки на конических поддонах (II, *5*, *56*). Все эти предметы либо вообще не встречались среди инвентаря малиновского этапа, либо известны в исходных формах только в курганах XII в. В погребениях XIII—XIV вв. найдены также и те категории предметов, которые известны в более ранних памятниках. Но здесь они представлены уже другими типами: широкими

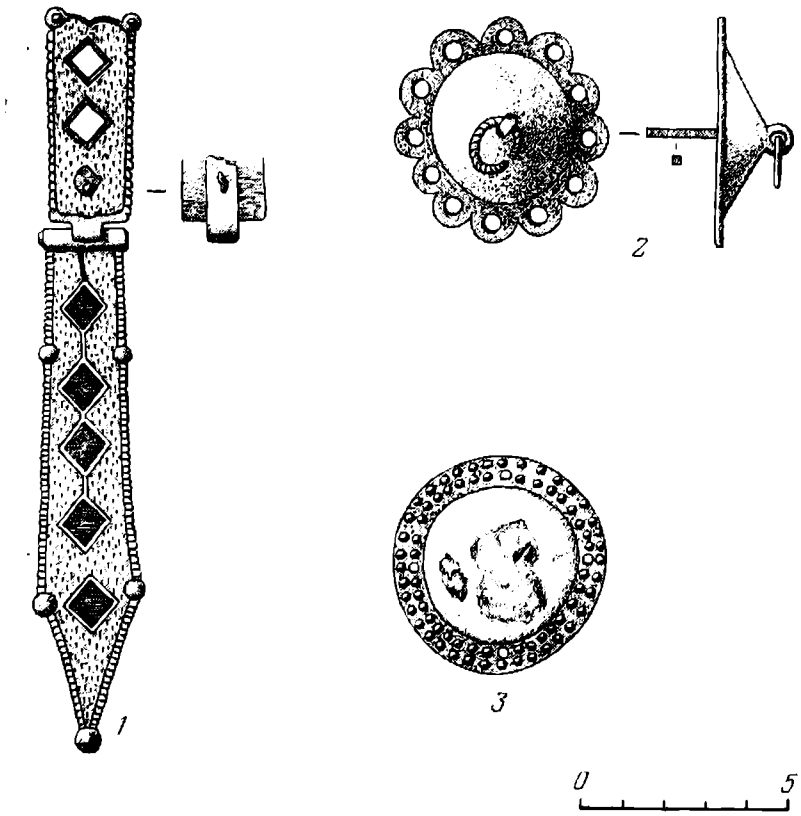


Рис. 3. Предметы из кург. 3 могильника Каменка V. *1* — железо с серебряной инкрустацией (5 экз.); *2*, *3* — железо (по 2 экз.); *3* — штампованное железо

ременными наконечниками с орнаментом (II, *34*; рис. 8, *3*; 9, *1*, *2*) и гладкими (II, *35*), а не узкими с П-образным сечением (I, *18*); петлями-пряжками подтреугольных (II, *24;* рис. 5, *8*, *9*), а не овальных (I, *23*) очертаний; седельными пробоями на S-образных (II, *8*; рис. 4, *6*), а не на овальных или четырехлепестковых пластинах; наносными конскими султанами с коническими (II, *23*, *53*; рис. 10, *1—3*), а не цилиндрическими (I, *42*, *73*) трубочками; стременами арочных очертаний с отверстием в округлой (II, *2*; рис. 7) или заостренной (II, *58*) дужке; седельными окантовками с рассеченным краем (О, рис. 6); длинными роговыми пряжками с железными язычками (II, *68*; ср. I, *66*); трехперыми стрелами особых форм (II, *27*, *38*); шарнирными подвесками новых типов (II, *32*; рис. 3, *1*), в том числе с двойными концами (II, *33*, ср. I, *27*, *65*); Е-образными накладками (Т); крестовидными накладками (II, *20*); колчанными крюками на широких пластинах (II, *36*; рис. 8, *1*; 9, *6*; ср. I, *60*); застежками с широкими рамками и накладками (Л; рис. 8, *3*); Т-образными застежками с ромбической (II, *11*; рис. 5, *4*), а не овальной (I, *41*)

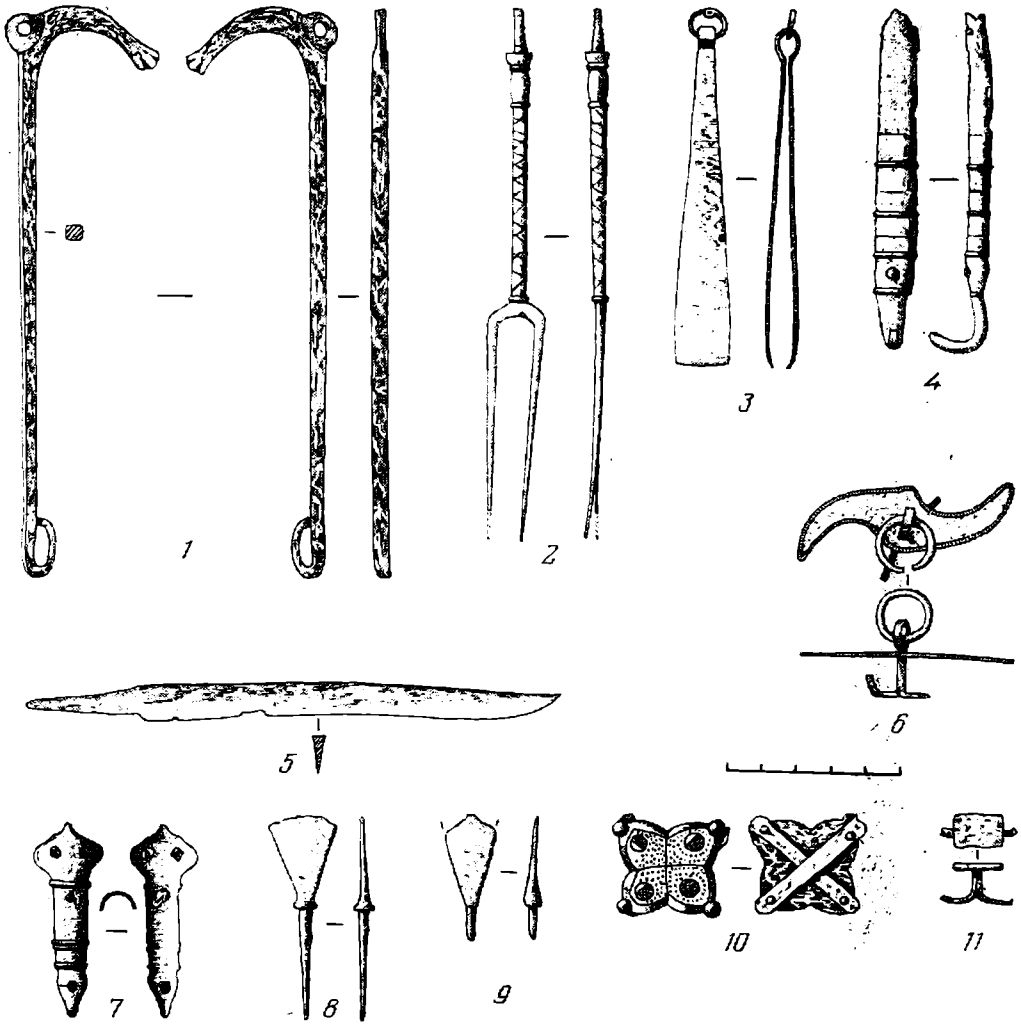


Рис. 4. Предметы из кург. 3 могильника Каменка V. *1—5, 7—9, 11* — железо; *6, 10* — железо с серебряной инкрустацией (последних по 2 экз.)

пластиной; топорами-теслами плавных очертаний (II, *54*), не имеющими выраженных плечиков (I, *11*). Все эти предметы, демонстрируя ступени в последовательном изменении форм, подтверждают генетическую связь малиновского и каменского этапов. Относительную хронологию подтверждают и встречаемые в курганах XIII—XIV вв. отдельные предметы малиновских типов, продолжавшие еще находиться в употреблении (например: рис. 4, *4, 7*; ср. I, *60*; рис. 5, *6*).

Очень интересны в этом плане отдельные типы предметов XIII—XIV вв., сочетающие черты, характерные для предшествующего времени, с рядом нововведений каменского этапа. Примером может служить ряд уздечных наносных султанов [22], имеющих трубку цилиндрической формы (признак I этапа), крепящуюся уже на двухслойных широких пластинах с валиками, крупными заклепками и прорезным геометрическим узором (рис. 10, *4, 5*). Другим ярким примером являются удила с дисковидными псалиями (рис. 8, *7*), сохраняющие уже ненужные

[22] Место султанов в конской сбруе выяснилось при находке в погребальном гроте у скалы Узун-хая сохранившейся ременной уздечки с султаном (I, *73*). Изогнутость длинных пластин султанов XIII—XIV вв. (II, *23*, рис. 10, *1, 2*) также не оставляет сомнений о креплении их к храповому, а не налобному ремню узды.

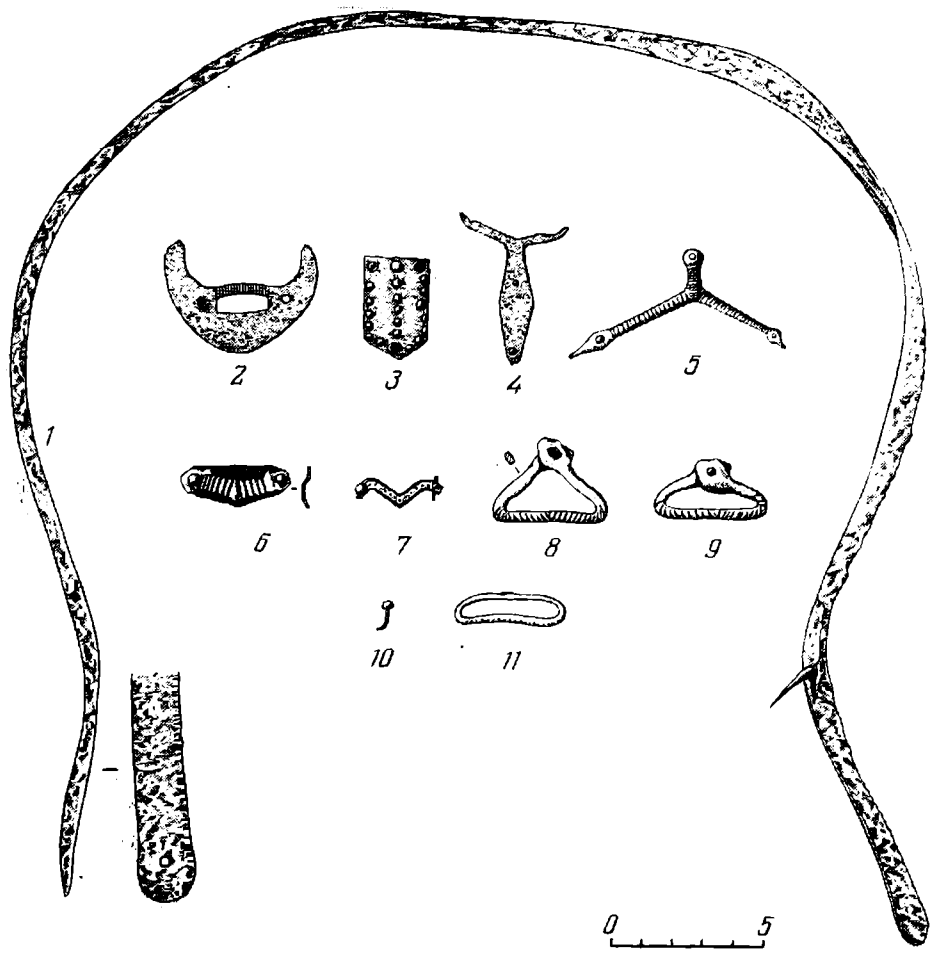


Рис. 5. Предметы из кург. 3 могильника Каменка V. Железо. *3—5* — по 2 экз.; *6* — 21 экз.; *7* — 29 экз. (*3, 6* — штамповка)

упоры (даже в сочетании с крюковыми завершениями звеньев — I, *3, 55*) — пережиток прежнего способа крепления стержневых псалиев конца X—XII вв. (I, *20*), в монгольское время применяемый лишь по отношению к немногочисленным пластинчатым псалиям (II, *26*; рис. 2). Перечень подобных соотношений пережиточных и новых форм можно было бы продолжить.

Данные об относительной хронологии предметов каменского этапа представляют и наблюдения за общими изменениями в их украшении. Так, господствующая в XIII—XIV вв. точечная насечка поверхности изделий развилась из появившегося на малиновском этапе приема, тогда еще на широких орнаментированных участках, употребляемого редко. Косая же насечка редка на каменских предметах. Эта широко известная ранее манера уже имеет второстепенное значение. Появление прорезного узора, выделявшегося темными фигурами на светлом фоне серебряной аппликации благодаря сплошным нижним пластинам двухслойных изделий, также несомненно является дальнейшим развитием орнаментальной традиции малиновского времени. Именно в X—XII вв. серебряная инкрустация по железу становится у средневековых хакасов наиболее характерной чертой украшения деталей конской сбруи, снаряжения и предметов быта. Она распространяется очень широко прежде всего в дружинной среде. В отличие от предшествующей культуры чаа-тас в это время уже серебрился фон, а не инкрустировался сам орнамент. Узор образовыва-

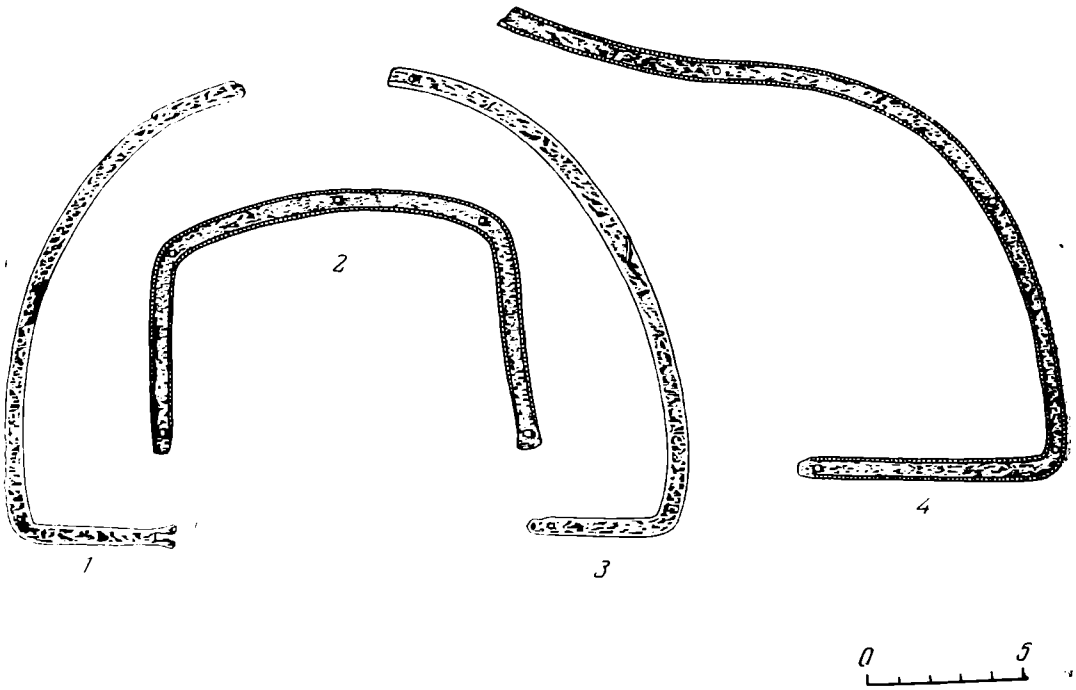


Рис. 6. Железные детали седла (Каменка V, кург. 3)

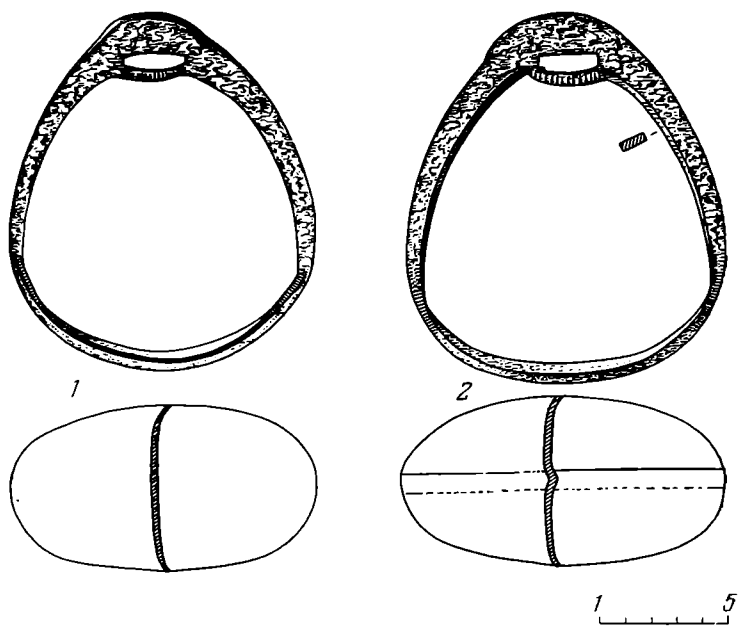


Рис. 7. Железные стремена (Каменка V, кург. 3). Низ дужек и путлищных петель насечены

ли оставшиеся участки темного неприкрытого железа. Стремление художественно усовершенствовать контрастное сочетание орнамента и фона привело средневековых умельцев к идее использования не только цветовых различий серебра и железа, но и игры светотени. Узор становится прорезным. Материалы позволяют проследить этот процесс подробнее. Ячеистый узор малиновского этапа располагался сплошными полями прямоугольников, овалов, полукругов, ромбов. Контуры этих фигур представляли собой невысокие ребра, возвышающиеся над покрытым серебром фоном. Такие ребра оставались темными, образуя контурный орнамент.

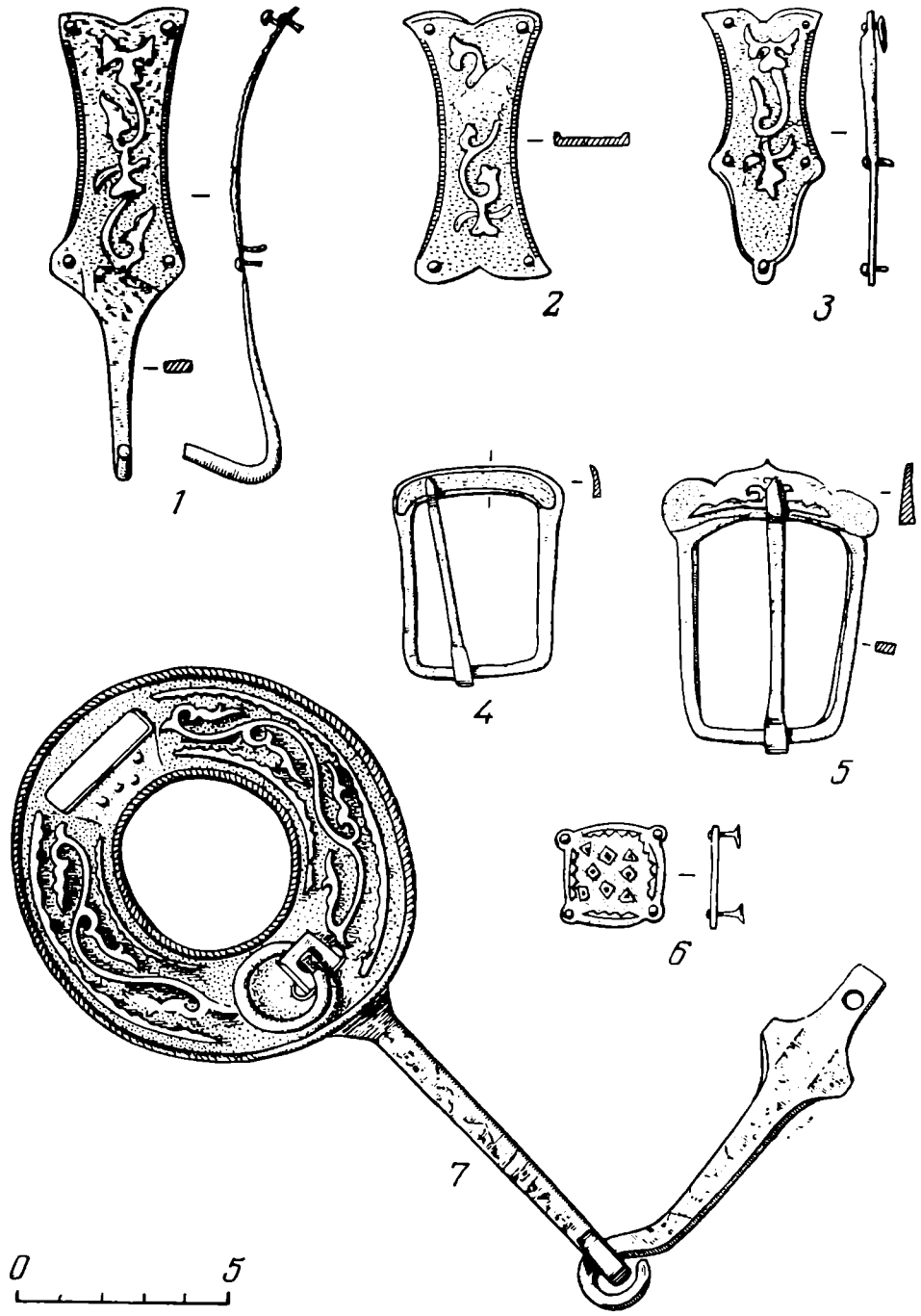


Рис. 8. Комплекс 1 из коллекции О. Б. Згерского-Струмилло (ГИМ № 49439): *1* — № 542; *2* — № 52; *3* — № 543; *4* — № 53; *5* — № 54; *6* — № 59; *7* — № 51. (правый дисковидный псалий на рисунке снят для пояснения формы удил). Железо с серебряной инкрустацией

В монгольское время орнамент располагается уже не сплошными полями, узор распадается на составные элементы, группирующиеся отдельными поясами, гирляндами и зонами. Перестает серебриться внутренняя часть фигур. Орнамент превращается в силуэтный. От такого оформления до прорезного узора остается один шаг. Хронологически две последние формы орнамента сосуществуют (рис. 10) [23].

[23] Прорезной узор продолжает бытовать в аскизской культуре и позднее вплоть до этнографической культуры хакасов (см. седельные накладки XIX в. ГИМ № 54746/205, 208).

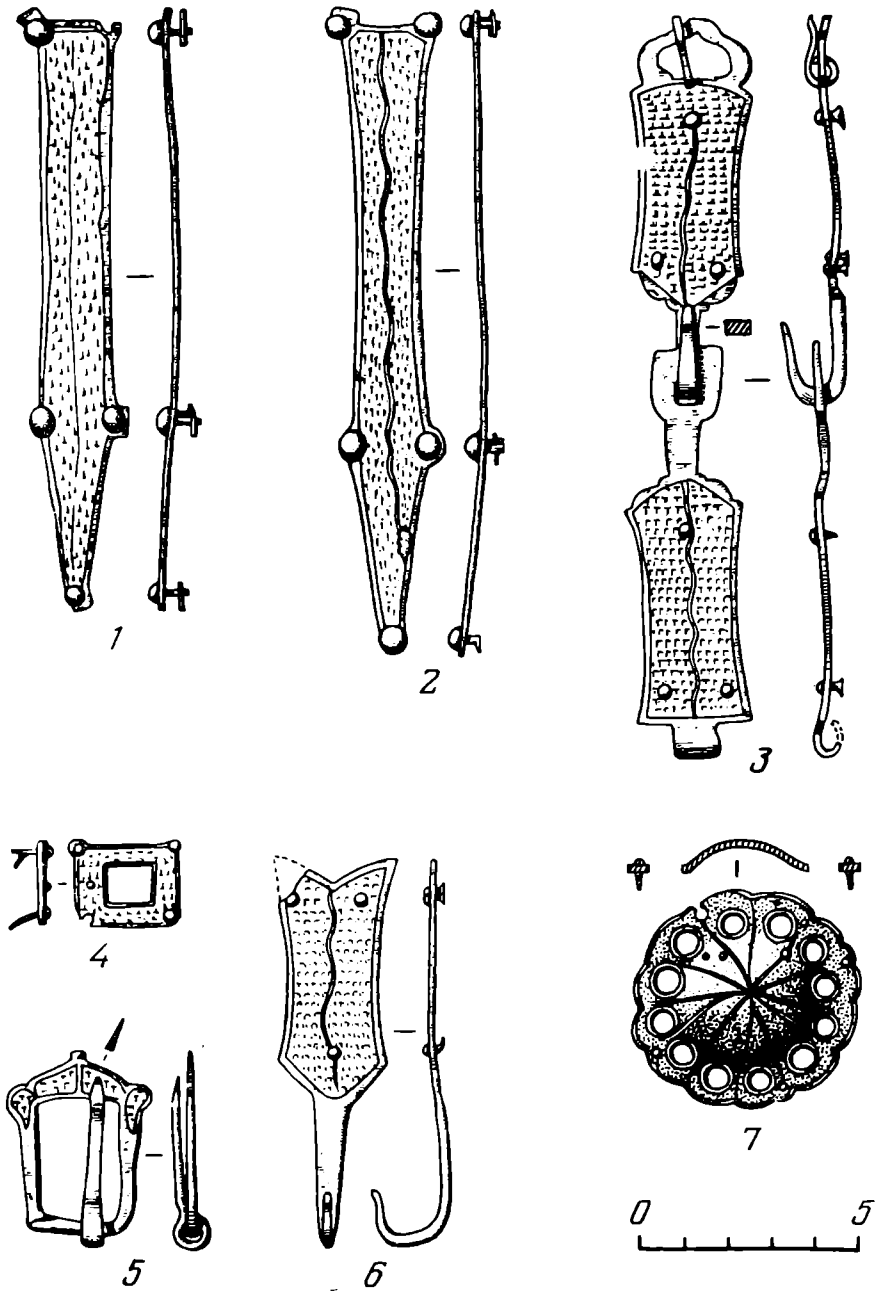


Рис. 9. Комплекс 2 из коллекции О. Б. Згерского-Струмилло (ГИМ № 49439): *1* — № 545; *2* — № 63; *3* — № 65; *4* — № 546; *5* — № 54; *6* — № 62; *7* — № 56 (вторая такая бляха — № 57). Железо с серебряной инкрустацией

Таким образом, рассмотрение особенностей, характерных для каменского этапа (обряд погребения; конструкция курганов; инвентарь, в подавляющем большинстве изготовленный из железа; внешний вид предметов) убеждает в том, что этот этап, сменяя материальную культуру конца X—XII вв., генетически с ней связан и является новой ступенью развития аскизской культуры средневековых хакасов. Все это уже позволяет датировать его XIII—XIV вв. Облик материальной культуры каменского времени настолько своеобразен и ярок, что довольно отчетливо предстает уже на основании изучения тех 27 комплексов, о которых го-

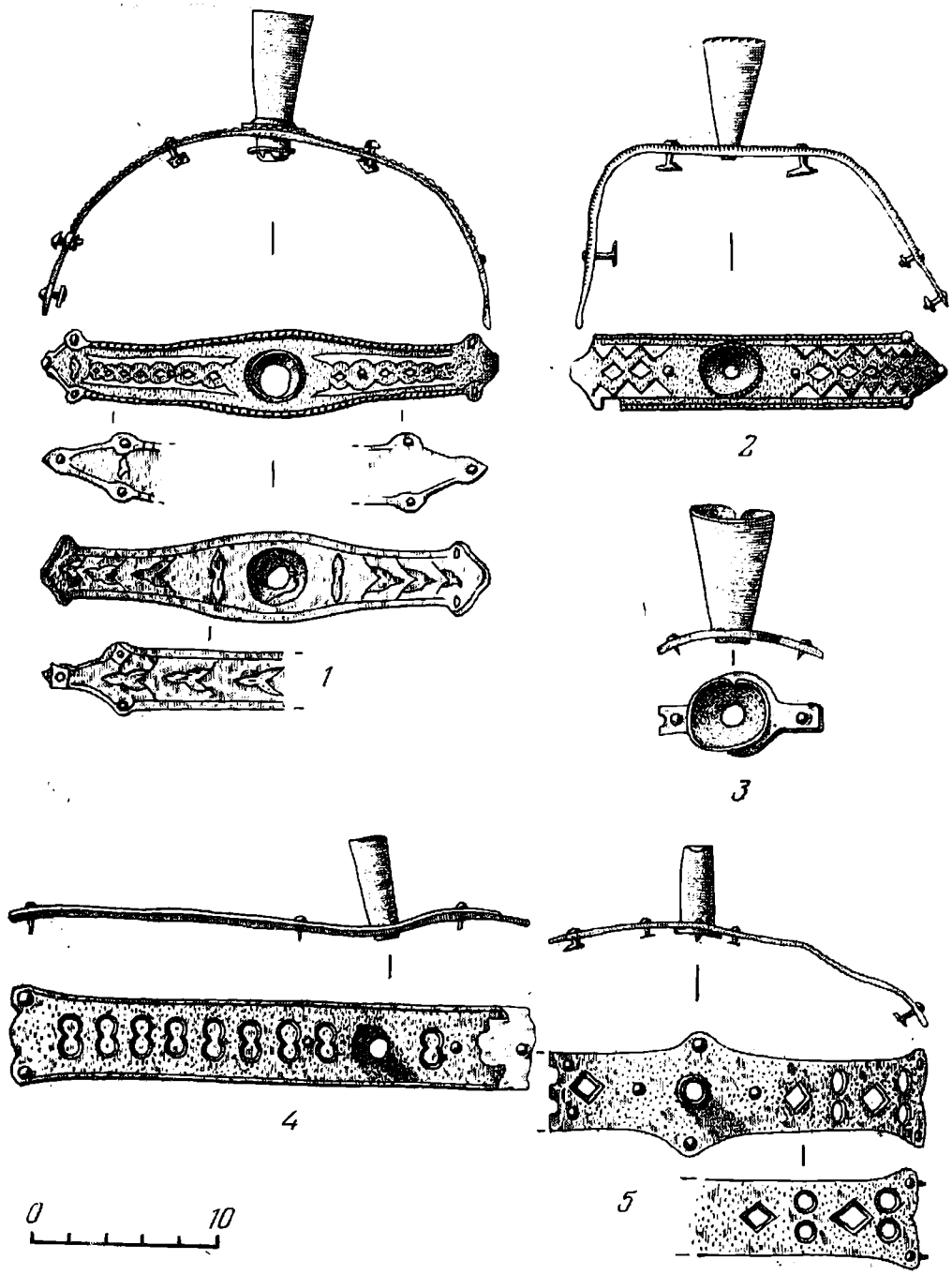


Рис. 10. Уздечные наносные султаны XIII—XIV вв. *1—3* — ГИМ № 49439/476 (пластина переиспользована вторично), 507, 503; *4—5* — ММ № 7182, 7183. Железо с серебряной инкрустацией

ворилось выше, с привлечением хранящихся в музеях случайных находок. Датировку каменского этапа монгольским временем подтверждают материалы других археологических культур, в которых находят себе аналогии каменские комплексы.

Наиболее точные хронологические рамки имеют серебряные кубки. Такой сосуд обнаружен в составе Нюкского клада в Забайкалье вместе с монгольской пайдзой, имеющей надпись, выполненную так называемым

квадратным письмом [24]. Эта письменность, изобретенная Пагба-ламой, была введена в качестве государственной в Юаньской империи специальным эдиктом Хубилая в 1269 г. Однако для надписей на пайдзах она стала употребляться лишь после императорского указа 1278 г. Наиболее поздняя известная науке монгольская надпись, выполненная квадратным письмом, относится к 1351 г. Будучи официальной письменностью Юаньской династии, квадратное письмо отмерло вместе с нею [25]. Все это позволяет датировать Нюкский клад и найденный в нем кубок концом XIII — первой половиной XIV в. Связь таких кубков с другими памятниками того же времени можно усматривать и в факте обнаружения клада из пяти подобных кубков у дер. Означенной (ныне г. Саяногорск) в Хакасии. Не случайно именно в этой местности была найдена и монгольская пайдза, аналогичная нюкской с тождественной надписью [26].

Кубки на конических поддонах — редкая находка в погребениях. Кроме двух находок на территории древнехакасского государства (Часовенная Гора и Урбюн) две находки известны в Забайкалье (Нюкский клад и погребение в могильнике Тунка) [27]. Вопрос о центре производства таких кубков еще не выяснен. Требует объяснения тот факт, что большинство известных сейчас кубков найдено на территории бывшего древнехакасского государства [28]. Вполне вероятно, что часть из них была изготовлена на месте. Так или иначе, но по каким-то причинам население бывшего древнехакасского государства, вернее его господствующие слои, являлись активными потребителями этих предметов роскоши, характерных для XIII—XIV вв.[29]

Довольно точно датируются и костяные ручки щеточек типа часовенногорской (II, *45*). Они известны в древнемонгольских городах XIII—XIV вв. и в юаньских погребениях [30]. Комплексы, в которых встречены серьги с S-образными стержнями (II, *44*), на огромной территории от Дальнего Востока и Забайкалья до Центрального Казахстана датируются монгольским временем [31]. Такова дата и наборных поясов с бляха-

---

[24] *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XCIII.

[25] *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.— Л., 1941, с. 7, 12, 14, 15.

[26] *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея, с. 50, 144; *Я. И. Смирнов.* Ук. соч., табл. XCIV, рис. 31, 32; *Поппе Н. Н.* Ук. соч., тексты VII и VIII, с. 78, 79.

[27] *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, с. 284, рис. 17. Кубки из Белореченских курганов близки по форме, но не тождественны (*Смирнов Я. И.* Ук. соч., табл. CXXX, *325*; *Левашева В. П.* Белореченские курганы.— Тр. ГИМ, XXII, 1953).

[28] 14 кубков из 20 экземпляров, изданных Я. И. Смирновым (*Смирнов Я. И.* Ук. соч., табл. XCVI, *207—209*; XCVII, *199, 200*; XCIX, *203—206, 210, 211*; C, *212—214*). Следует учесть, что среди оставшихся 1 нюкский, 2 из Европейской части страны и еще 3 из Сибири. Добавив к этим кубкам тункинский. 7 еще неизданных случайно найденных в Хакасско-Минусинской котловине (ММ — ик. э. 2734—2737, 2739; ИКМ; ГИМ — 54746) и 2 из аскизских курганов, получим соотношение 22 : 7, т. е. явное численное превосходство.

[29] М. Г. Крамаровский относит часовенногорский и ряд других кубков к золотоордынским изделиям (см. *Крамаровский М. Г.* Торевтика Золотой Орды XIII—XV вв.— Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 9, 18). Отметим, что на территории бывшего древнехакасского государства были распространены и другие формы серебряной столовой посуды, характерные для монгольского времени: ковши (II, *57*; Часовенная Гора) и чаши (II, *6*; ММ — ик. э. 2757 — дер. Анаш, 2767 — дер. М. Минуса; 2786; ГЭ— 1646/2, 3 — окрестности Красноярска).

[30] *Кызласов Л. Р.* Городище Дён-терек.— Древнемонгольские города. М., 1965 (далее — ДГ), с. 81, 82, рис. 37, *4*; 40, *5*; *Левашева В. П.* Костяные изделия из Кара-Корума.— Там же, с. 310—312, рис. 164, *1, 7, 8*; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, табл. IV, *23*; «Каогу» Пекин, 1965, № 6, с. 294, рис. 9, *16, 17*.

[31] *Евтюхова Л. А.* Изделия различных ремесел из Кара-Корума.— ДГ, рис. 147, *2*, с. 286; *Гаврилова А. А.* Ук. соч., с. 76; *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970, табл. XII, *12, 13*; «Каогу». Пекин, 1965, № 6, с. 294, рис. 9, *11*. В Хакасско-Минусинской котловине такие серьги найдены в курганах по р. Абакану (Отчет ИАК за 1894 г. СПб., 1896, рис. 30, 31); есть они и в коллекции О. Б. Згерского-Струмилло (ГИМ — 49439/284, 285).

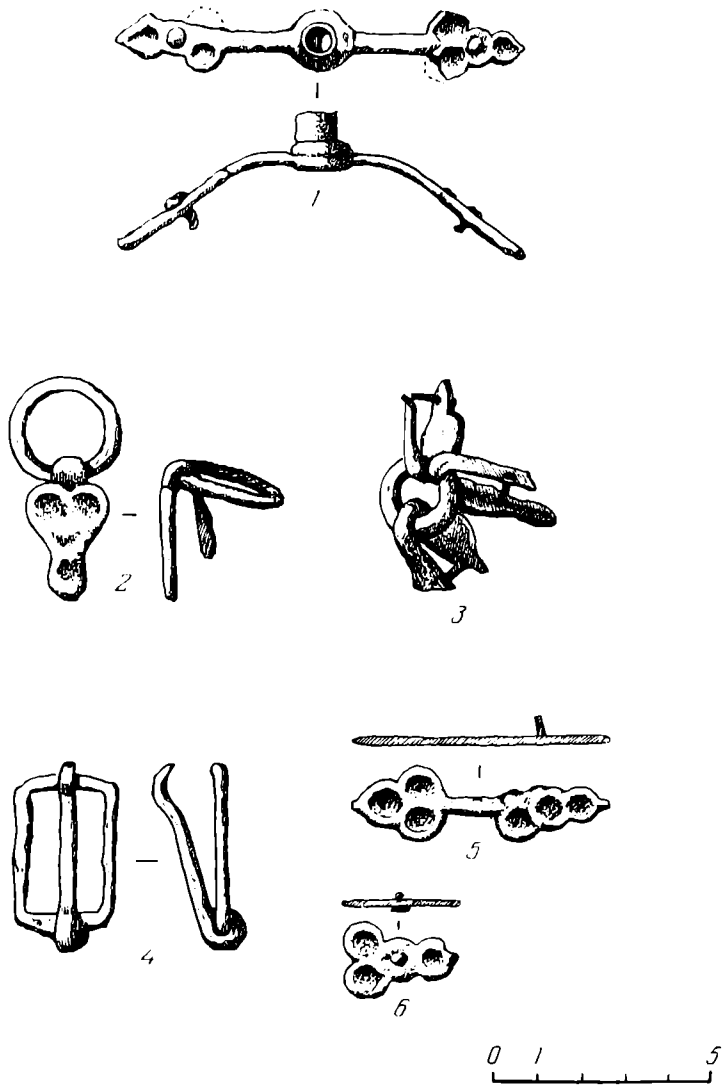


Рис. 11. Инвентарь кург. 2 могильника Оглахты VII. Железо

ми-обоймами типа часовенногорских [32]. В древнемонгольских городах и золотоордынских поселениях известны железные изделия, украшенные чашеобразными выемками [33], подобными оформлению инвентаря аскизского кург. 2 могильника Оглахты VII (рис. 11). Этот новый для средневековых хакасов способ украшения предметов появляется на Енисее лишь в XIII—XIV вв. На предметах малиновского этапа аскизской культуры подобной манеры украшения не обнаружено. По всей видимости, она появилась на Саяно-Алтайском нагорье в результате культурного влияния со стороны и широко распространилась здесь [34] благодаря ис-

[32] *Гаврилова А. А.* Ук. соч., рис. 13, *19*; *Винник Д. В.* Тюркские памятники Таласской долины.— Сб. Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, рис. 8. Приведенная Д. В. Винником дата ошибочна; *Г. А. Пугаченкова.* Погребение монгольского времени в Халчаяне.— СА, 1967, № 2, рис. 3, *1, 2*; *Левашева В. П.* Белореченские курганы, рис. 10. В Хакасско-Минусинской котловине случайно найдено довольно много поясных накладок такого типа — в коллекциях ГЭ, ГИМ и ММ нам известно 53 экземпляра.

[33] *Евтюхова Л. А.* Ук. соч., рис. 146, *4*, с. 286; *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М., 1976, рис. 97, *15*.

[34] Таким образом украшены самые разные предметы, найденные в Хакасско-Минусинской котловине: ММ № 3400, 3401, 6018, 7103, 7599, 7615, 8208, 8440; ГЭ № 5531/1908, 3975/345, 908, 914, 946; МАЭ № 252/166.

пользованию принципа игры светотени, успевшего на традиционной, как мы видели, основе покорить местные вкусы.

Стремена, встреченные в курганах каменского этапа, ближе всего к отделу Д по классификации Г. А. Федорова-Давыдова. Правда, часть из них не имеет выступа под прорезью, но он не является строго обязательным и для восточноевропейских стремян [35]. Ближе всего к сибирским стременам определение типа ДП, однако контур их скорее арочный, сходный с типом Д I. Не столь важно, к какому из этих типов они относятся, значительно важнее, что и Д I, и Д II бытуют в европейских степях во второй половине XIII—XIV в.[36]

Широкие аналогии многим предметам каменского этапа аскизской культуры не означают еще, что все эти вещи попали на Енисей путем торговли. Такая широта свидетельствует скорее о другом — население древнехакасского государства не находилось в XIII—XIV вв. в стороне от событий своего времени, и его материальная культура не могла избежать тех черт, которые стали характерными для всей эпохи в целом. Об этом же говорит и сравнение растительного орнамента каменского этапа с подобными узорами XIII—XIV вв. (геометрический орнамент, очевидно, местный и аналогий не имеет). Мотив волнообразно изогнутого растительного побега получает в монгольское время необычайно широкое распространение. Но если на западе владений чингизидов он более «ботаничен» (легко различимы цветочные и лиственные элементы), то в Юаньской империи этот мотив сильно схематизирован [37]. Растительный орнамент каменского этапа требует серьезного изучения. Территория разгромленного древнехакасского государства вошла в Юаньскую империю, однако, этот орнамент не относится к юаньскому кругу. Вполне вероятно, что он сформировался на месте. Однако его принадлежность к широко распространенному в монгольское время орнаментальному мотиву несомненна.

Для собственно аскизского инвентаря, отражающего своеобразие культуры на каменском этапе, можно указать лишь единичные аналогии. Так, за пределами территории древнехакасского государства найдено всего три крюка для шнуровки (II, *12*). Один в могиле 122 в Ильмовой пади (Забайкалье, ГЭ № 1395/25), датируемой по остальному инвентарю XIII—XIV вв. Эта находка может быть свидетельством влияния материальной культуры средневековых хакасов, так как в Забайкалье это единственный подобный предмет, а на Енисее он встречен неоднократно [38]. Мысль о влиянии подкрепляется и рассмотрением облика ременных накладок из этого комплекса — широкие и уплощенные, они имеют серебряную инкрустацию и окаймляющие рассеченные валики. Все это не-

---

[35] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков. М., 1973, с. 15.

[36] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 13, 116, рис. 1.

[37] Хотя этот орнамент наиболее широко представлен на серебряных изделиях (*Смирнов Я. И.* Ук. соч.), проблема принадлежности последних к определенным производственным центрам разработана крайне слабо. Для решения этих вопросов важнее, на наш взгляд, материал твердых комплексов (в частности, орнаментированная поливная керамика). См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, рис. 119; *Малиновская Н. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными накладками на территории евразийских степей.— Сб. Города Поволжья в средние века. М., 1974, табл. V, *11-е*; VIII, *21, 22*; X, *34, 37*; XI, *40-г*; XII, *42*; XIII, *45, 48*; XVII, XVIII; *Вяткин В. Л.* Афраснаб — городище былого Самарканда. Ташкент. [1927], рис. 59; Археологическая карта Казахстана, (Ответств. ред. К. А. Акишев). Алма-Ата, 1960, табл. I (окончание); *Евтюхова Л. А.* Керамика Кара-Корума. ДГ, табл. XVI, *2*; XXV, *3*; *Пэрлээ Х.* К истории древних городов и поселений в Монголии.— СА, 1957, № 3, рис. 9; «Каогу», 1965, № 4, с. 187; № 6, с. 293, 294, 299; № 7, фото 3, 4; «Вэньу». Пекин, 1966, № 3, рис. 26, 38(3), с. 38.

[38] Кроме находок в комплексах 12 таких крюков хранятся в музейных каллекциях: ММ, № 7990 — г. Изых, 7991 — М. Минуса, 8210 — Белоярская, 8211 — Каптырева, 8212—8214; 8270; ш. 10, п. 2 (планшет) — М. Минуса; ГЭ № 325/33 — Черемушка; ГИМ № 49439/448; *Tallgren A. M.* Op. cit., pl. XI, *39* — Буртак.

свойственно материальной культуре Забайкалья [39]. Второй крюк обнаружен в слоях X—XI вв. в Новогрудке (Белорусское Понеманье). Удивительная типологическая близость этого предмета к аскизской серии позволяет не только предположить случайность находки, попавшей в этот слой из более поздних напластований, но и сибирское ее происхождение [40]. Все сказанное относится и к третьему экземпляру, найденному на городище Слободка (бассейн Оки) [41]. В памятниках Европейской части СССР этим предметам аналогии нам неизвестны. Среди огромного средневекового материала южнорусских степей каменским седельным бляхам (II, *21*) близки всего два экземпляра, происходящие из одного погребения XIII—XIV вв. (Поволжье, с. Визенмиллер, к 5) [42]. Одна довольно сходная бляха происходит из долины р. Ишим. Из Пахомовского могильника происходят также широкие накладки с крупными заклепками и пластины с вертикальными трубочками — вероятно, уздечные султаны [43].

Датировка каменского этапа XIII—XIV вв. определенно подтверждается фактом его сосуществования с древнемонгольскими городами в Туве. Два погребения средневековых хакасов этого времени были раскопаны на городском кладбище Межегейского городища. Вместе с аскизским инвентарем, характерным для каменского этапа, здесь найдена гончарная посуда, аналогичная городищенской [44].

Чрезвычайно интересен факт обнаружения деталей сбруи каменского типа в половецком погребении у пос. Петровского на Дону (см. таблицу) [45]. Остальной инвентарь этого комплекса хорошо датируется XIII—XIV вв., подтверждая тем самым отнесение выделяемого этапа аскизской культуры к монгольскому времени.

Отсутствие аналогий большинству категорий инвентаря каменского этапа свидетельствует о том, что аскизская культура не утратила своей самобытности и в монгольское время. Отличительные черты материальной культуры средневековых хакасов XIII—XIV вв. прослеживаются среди памятников обширного района с центром в Хакасско-Минусинской котловине. Она захватывает на юге всю территорию Тувы, а на севере и востоке достигает районов городов Красноярска и Канска. Обнаружение типично аскизского уплощенного псалия в одном из погребений XIII—XIV вв., исследованном в Павлодарском Прииртышье, позволяет предположить существование и в этом районе памятников каменского этапа [46]. Таким образом, есть основания говорить о том, что, потеряв под ударами монгольских полчищ свою государственность, средневековые хакасы в XIII—XIV вв. все же продолжали сохранять и развивать свою материальную культуру. Границы их расселения в сравнении с XI—XII вв. существенно не изменились. На основной части очерченного ареала аскизская культура сосуществовала (иной раз «чересполосно») с другими археологическими культурами (рис. 1, II, *59—64*). Активные связи средневековых хакасов с представителями иных этнических групп не могли не наложить отпечатка и на аскизскую культуру. Археологиче-

---

[39] Следы влияния древнехакасской культуры на этот район в XIII—XIV вв. можно видеть и в предметах, собранных на дюнах по Нижней Иволге (Чебаков, 1927, ГЭ № 2080/176—178).

[40] *Зильманович И. Д.* Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г.— КСИА АН СССР, 1965, № 104, рис. 35, *15*, с. 97.

[41] Устное сообщение Т. Н. Никольской.

[42] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., тип И VI, рис. 8, с. 21, 49, 52, 251.

[43] *Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б.* Пахомовский могильник.— ВАУ, 1969, № 8, с. 131, 132, табл. 63, *10—12*; 64, *9, 10*; 65, *5*. Дата могильника (XII—XIII вв.), возможно, несколько занижена.

[44] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, табл. IV, *70—72*, с. 161—163, 203.

[45] ГИМ № 42502.

[46] *Арсланова Ф. Х.* Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области.— В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, табл. I, *4*.

ские материалы позволяют отметить появление в XIII—XIV вв. некоторых новых черт материальной культуры, до того не свойственных аскизским памятникам (крюковые удила с крупными кольцами, манера оформления предметов лепестками с чашеобразными выемками и др.). Средневековые хакасы не только воспринимали творческие достижения соседей, но их культура сама влияла на окружающие племена. Ряд погребений XIII—XIV вв., обнаруженных в Хакасско-Минусинской котловине, совершены не по древнехакасскому обряду трупосожжения, а по обряду ингумации (Часовенная Гора, Быстрая, Самохвал). Они содержали только типично аскизский инвентарь. Этого нельзя объяснить культурным влиянием. Все шесть погребений расположены в районе, где известны аскизские курганы, а подчас они буквально соседствуют с одновременными древнехакасскими памятниками XIII—XIV вв. (район дер. Быстрая). По всей вероятности, перед нами археологические свидетельства проходившего в монгольское время процесса ассимиляции древнехакасским населением части соседних племен. Этот процесс шел и раньше. В период расцвета древнехакасского государства он вполне понятен. Иное дело — XIII—XIV вв. Заметим, что изучение аскизского инвентаря этого времени не свидетельствует о наступлении экономического упадка в связи с монгольскими походами 1207 и 1218 гг. Исторические тексты донесли до нас сообщения о неоднократно возобновлявшейся и на редкость упорной борьбе населения древнехакасского государства с монгольским нашествием на протяжении всего XIII в. Эта борьба подчас заканчивалась временным изгнанием захватчиков, даже достижением двадцатилетнего периода полной независимости в конце XIII в. (1273—1293 гг.) [47]. Такая борьба была бы невозможна без крупных людских сил и мощной экономической базы. Археологические материалы каменского этапа аскизской культуры доказывают существование высокого уровня производства, прежде всего ремесленного, не только не утратившего в этот период прежних позиций, но и имевшего еще не исчерпанные внутренние ресурсы развития, сохранившего творческие возможности и восприимчивость.

Естественно, в освободительной борьбе против власти древнемонгольских захватчиков участвовали не одни средневековые хакасы. Государство боролось с государством, и воины обеих армий принадлежали к самым разным этническим группам. Задачи противодействия общему врагу сплачивали разноплеменное население древнехакасского государства [48]. Именно поэтому борьба была столь длительной и упорной (вспомним, как ряд не менее развитых государств быстро лишался не только независимости, но и способности к организованному сопротивлению исключительно из-за отсутствия единства в борьбе).

Таковы, на наш взгляд, причины происходивших в монгольское время ассимиляционных процессов на территории древнехакасского государства. Вероятно, эти процессы в сложившейся политической ситуации затронули в первую очередь и главным образом область материальной культуры. Многие проблемы ставит перед историком период XIII—XIV вв. Их исследование в южносибирской археологии только начинается.

---

[47] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, с. 130—136.

[48] О единстве народов Саяно-Алтая в этой борьбе см. *Кызласов Л. Р.* Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв.

I. L. Kyzlassov

LES KOURGANES MEDIEVAUX DES HAKASS, DU XIIIe AU XIVe SIECLE CULTURE D'ASKIZ A L'EPOQUE MONGOLE

Résumé

Les travaux de la mission de l'Université de Moscou, dont le but était l'étude de l'Age du Fer dans le Sud de la Sibérie, ont abouti à la découverte de la culture archéologique des Hakass au Moyen Age (de la fin du Xe au XVIIe s.), à laquelle on a donné le nom d'Askiz. Auparavant, seule sa première étape (Xe-XIIe s.) avait été étudiée. L'analyse des nouveaux documents permet actuellement de distinguer la seconde étape de cette culture, qui va du XIIe au XIVe s. On peut suivre le lien génétique qui joint cette étape aux monuments plus anciens, dans la construction des monuments funéraires (kourganes annulaires plats faits de pierre, et placés au sommet d'une élévation), et dans les principaux traits du rite d'inhumation (incinération latérale suivie d'inhumation à fleur de sol), de même que dans la forme des objets et la technique de leur fabrication (où domine le grand emploi d'incrustations d'argent sur fer). En même temps, dans la culture matérielle on distingue nettement de nouveaux traits: tassement de la forme des objets, élément décoratif fourni par les rivets, emploi de demi-bourrelets, disposition géométrique d'un ornement en bandes, dessins végétaux ondulants, ornement découpé sur un objet à double couches, transformation de l'aspect des objets (pl.I.). La plus grande partie de ces nouveaux traits sont la continuation de tendances apparues de la fin du Xe au XIIe s. Grâce à quoi, aux XIIIe et XIVe siècles, a pu se conserver l'originalité propre à la culture Askiz. Un petit nombre de ces nouvelles particularités étaient le résultat de l'action exercée par des tribus et des peuples voisins sur la culture des Hakass au Moyen Age. Les artisans de l'Iénisseï ont utilisé ces influences dans leurs oeuvres. En même temps, la culture Askiz exerçait une action sur les peuples d'alentour. Il est probable que c'était le résultat d'un processus d'assimilation qui eut lieu dans l'ancien Etat Hakass, processus ayant pour base l'union des différentes tribus du plateau de l'Altaï-Saïan à l'époque de la lutte contre les envahisseurs mongols. Comme le montrent les sources écrites (Rachid ad-Din, Youanchi, et d'autres auteurs), cette lutte s'est poursuivie tout au long du XIIIe siècle.

Д. ГУЛЬМУРАДОВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБМЕНА И ТОРГОВЛИ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Вопросы обмена и торговли в жизни древних общин неизменно привлекают внимание исследователей истории первобытного общества. Достаточно указать на совещание, посвященное этим вопросам, проходившее в Ленинграде в 1972 г.[1], по материалам которого выпущен специальный сборник[2]. При изучении древних этапов этих явлений особенно большое значение имеют археологические материалы, рассматриваемые в сопоставлении с данными этнографии и письменными источниками. При этом значение археологических материалов как массового вида источника сохраняется и долгое время после сложения классовых обществ.

Для территории Южного Туркменистана, где целенаправленные полевые археологические исследования ведутся уже 30 лет силами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции и секторов археологии Института истории АН ТССР, накоплен значительный фактический материал по этим вопросам. Имеются и отдельные статьи, освещающие те или иные стороны древней торговли и обмена[3]. Однако попытки рассмотреть весь процесс в целом пока не было предпринято. В настоящей статье мы попытаемся наметить именно общую линию развития обмена и торговли в той мере, в какой она характеризуется археологическими материалами в сочетании с данными письменных источников.

Для Южного Туркменистана можно говорить о наличии устойчивого обмена, по крайней мере начиная с финальных этапов каменного века. Об этом свидетельствуют находки украшений, сделанных из раковин дидакны, на весьма широкой территории и открытие специализированного производства таких украшений в Восточном Прикаспии.

Так, у мыса Куба-Сенгир, на останце древней террасы, находилось углубление, где вместе с орудиями из кремня было найдено около 900 бусин из раковин дидакны, окатанных морскими волнами. Вместе с готовыми бусинами, имеющими просверленное отверстие, были и заготовки, своего рода полуфабрикаты в виде овальных непросверленных кусочков. Просверленные бусы на дне ямы лежали почти сплошным слоем, сгруп-

---

[1] *Распопова В. И., Шарафутдинова Э. С.* Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах.— СА, 1974, № 3, с. 305—312. Обмен и торговля в древних обществах. Тезисы к симпозиуму теоретического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа. ЛОИА АН СССР, 22—24 марта. Л., 1972.

[2] Сб.: Торговля и обмен в древности.— КСИА АН СССР, 1974, № 138.

[3] *Сарианиди В. И.* О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке.— КСИА АН СССР, 1968, № 114; *Щетенко А. Я.* О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-харапских параллелей.— КСИА АН СССР, 1970; № 122; *Массон В. М.* Обмен и торговля в первобытную эпоху.— ВИ, 1973, № 1. Торговле парфянского времени посвящен специальный раздел работы М. Е. Массона. См. *Массон М. Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства.— ТЮТАКЭ, 1955, т. V, с. 32—36.

нированные в ряды, как будто они первоначально были нанизаны на нить в определенном порядке. Там же вместе с большими овальными бусинами были и миниатюрные белые бусинки, имеющие вид правильных толстых кружков или отрезков цилиндра. Орудия, найденные в яме, представлены остриями с затупленными лезвиями, которыми, очевидно, сверлили отверстия в раковинах. Производивший раскопки А. П. Окладников справедливо заключил, что у мыса Куба-Сенгир были обнаружены остатки «ювелирной мастерской» эпохи неолита, в которой выделывались в большом количестве бусины из раковин для межплеменного обмена [4].

Сам факт существования «мастерской», специализировавшейся только на выделке бус из раковин, свидетельствует о том, что ее продукция пользовалась большим спросом не только на побережье Каспия, но и в отдаленных от морских берегов районах. Свидетельством тому является бусина из раковины дидакны, молюска, обитающего в водах Каспийского моря, найденная на неолитическом поселении Джейтун в 30 *км* от Ашхабада [5].

Украшения из створок каспийских раковин известны и на других неолитических памятниках, причем основную массу составляли раковины дидакны. Находки таких бус известны по руслу Узбоя, в Северном Прикаспии, на Мангышлаке и в нижнем течении Амударьи [6]. Находки украшений из раковин дидакны по Узбою и Нижней Амударье, а также в других районах Прикаспия, бесспорно, являются свидетельством оживленного межплеменного обмена в неолитическое время.

В период мезолита и неолита общины охотников, рыболовов и собирателей порой достигают высокой специализации, ведут активную хозяйственную деятельность, что обеспечивает им определенный уровень благосостояния. Помимо насущных забот о пище и жилье развиваются и другие потребности, в частности, люди все больше заботятся о своей внешности, распространяются различные украшения. Эти потребности также стимулируют развитие обмена. Редкие раковины и другие материалы переносятся порой на значительные расстояния. В Южной Туркмении это хорошо видно на примере бус, изготовлявшихся из раковин.

В значительной мере это положение сохранялось и в среде ранних оседлоземледельческих общин, представленных в Южном Туркменистане памятниками джейтунской культуры. На них найдены украшения, сделанные как из каспийских раковин, так и из раковин каури, происходящих из районов Персидского залива [7]. Интересно, что на самом Джейтуне производство украшений, в частности костяных бус, судя по находкам таких орудий, как пилки и сверла, было сосредоточено лишь в трех-четырех домах [8]. Возможно, обитавшие здесь особо опытные мастера снабжали своей продукцией менее искусных соплеменников. Правда, пока трудно сказать, осуществлялось ли это в виде внутриобщинного обмена или в какой-то иной форме.

Материалы Ближнего Востока показывают, что общины неолитических земледельцев широко практиковали и сырьевой обмен, отправляясь в далекие торговые экспедиции за обсидианом, который шел на приготовление орудий. Однако обмен в жизни древнейших земледельческих общин, как и в общинах охотников и собирателей, не играл еще большой роли, не затрагивал основ хозяйственной жизни. Раннеземледельческие поселки представляли своего рода замкнутые экономические еди-

---

[4] *Окладников А. П.* Древнейшее прошлое Туркменистана, с. 213—216.

[5] *Массон В. М.* Джейтунская культура.— ТЮТАКЭ, 1960, т. X, с. 63, 88, табл. VI, *8*.

[6] *Виноградов А. В.* Неолитические украшения из створок раковин Didacna.— КСИИМК, 1955, № 59, с. 135—137.

[7] *Бердыев О.* Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969, табл. IX, *5, 9*; *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, 1971, № 180, табл. XXXVIII, *6, 7*.

[8] *Массон В. М.* Поселение Джейтун..., с. 99, рис. 25.

ницы, в основном полностью обеспечивающие себя всем необходимым. Изменения происходят лишь с дальнейшим развитием оседлоземледельческого хозяйства, увеличением поселений и сложением крупных центров с большим числом жителей.

В Южной Туркмении эти изменения приходятся на период энеолита, относящийся к V — началу III тысячелетия до н. э. Если поселки джейтунских племен невелики по размерам, то теперь формируются крупные центры оазисов. Такими крупными центрами становятся Кара-Депе, Намазга-Депе, Алтын-Депе и Геоксюр.

В них большое развитие получает керамическое производство, продукция гончаров подгорной полосы значительно улучшается, что можно связать с применением специальных горнов [9]. Быстро развивалась и металлургия, была освоена не только выплавка меди из руды, но и открыты ее свойства. Для устранения хрупкости изделия, вызванной ковкой, оно подвергалось термической обработке, возвращающей ему пластичность [10].

Как известно, с развитием производственной деятельности в обмен входит новый элемент — понятие стоимости, которое глубоко преобразует обмен. Развитие обмена выделяет в обороте такой предмет, который является и орудием обмена, и мерилом стоимости; появление таких предметов — новый этап в развитии обмена. Такими первыми деньгами были предметные деньги, ими служили раковины, различные изделия, определенное количество некоторых вещей и т. д.[11] У меланезийцев особыми средствами обмена, выполнявшими функции денег, были шнурки из раковин и шнурки из собачьих зубов [12].

С распространением металлов предметными деньгами стали слитки, бруски, прутья проволоки либо металл в виде изделий — колец, топориков и т. п. Однако все эти первобытные деньги в отличие от денег эпохи классового общества имели ограниченные функции, ограниченную сферу применения и не вытесняли иные формы обмена [13]. Внутри крупных населенных центров могли действовать и сложные формы распределения продуктов, причем среди этих форм определенную роль играл, надо полагать, и внутриобщинный обмен. Интересно наличие определенных связей, возможно обменных, между отдельными поселениями. Во всяком случае, на Кара-Депе найдена явно привозная расписная керамика геоксюрского типа [14]. На геоксюрских поселениях в свою очередь нередко встречаются обломки сосудов, привезенных с запада [15].

Но особенно большое значение в эпоху энеолита приобретает внешний обмен, складываются своеобразные торговые пути, по которым регулярно и в значительном объеме идет снабжение общин тем или иным продуктом. Так, южнотуркменистанские металлурги испытывали постоянную нужду в медной руде, которая доставлялась, видимо, из районов Центрального Ирана. Особенно ярко этот внешний обмен может быть рассмотрен на примере изделий из лазурита. В Южном Туркменистане украшения из лазурита широко распространяются в период Намазга II и весьма многочисленны в период Намазга III или в позднем энеолите. Находки необработанных кусков лазурита показывают, что этот минерал доставлялся в виде сырья, обрабатываемого затем местными мастерами [16].

---

[9] *Сариниди В. И.* Керамические горны восточноанауских поселений.— КСИА АН СССР, 1963, № 93, с. 80.

[10] *Черных Е. Н.* Некоторые результаты изучения металла анауской культуры.— КСИА АН СССР, 1962, № 91, с. 36, 37.

[11] *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, с. 182.

[12] *Бутинов Н. А.* Разделение труда в первобытном обществе.— В сб.: Проблемы истории первобытного общества.— Тр. ИЭ АН СССР, 1960, т. 54, с. 127.

[13] *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 84.

[14] *Массон В. М.* Кара-Депе у Артыка.— ТЮТАКЭ, 1960, т. X, табл. III, *4, 6*.

[15] *Сариниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении.— САИ, БЗ — 8, ч. IV. М., 1965, с. 25, табл. XIV, *1—34*.

[16] *Сариниди В. И.* О великом лазуритовом пути..., с. 4, 8, 9.

Пока трудно судить о формах первобытных денег в энеолитическом Южном Туркменистане. Их роль могли, в частности, играть мелкие лазуритовые бусы, одновременно использующиеся как украшения. Такая нерасчлененность потребительской и меновой стоимости считается одной из характерных черт первобытных денег. Интересной группой медных изделий являются так называемые лопаточки, встреченные на многих памятниках. Н. Н. Терехова высказала предположение, что это были своеобразные слитки — заготовки металла, удобные для транспортировки [17]. Не исключено, что и они в определенных случаях могли выполнять функции денег.

Во всяком случае, в период развитых оседлоземледельческих общин, приходящийся в Южном Туркменистане на эпоху энеолита, наряду с всесторонним подъемом хозяйства и культуры дальнейшее развитие получает и обмен. Выделение общинного ремесла создает предпосылки для усиления внутриобщинного обмена. Внешний обмен материалами редкого сырья становится регулярным. Южный Туркменистан включается в орбиту международных торговых путей. Создаются фундаментальные предпосылки для перерастания обмена в торговлю.

В эпоху бронзового века, датируемого в Южном Туркменистане серединой III—II тысячелетием до н. э., происходят кардинальные перемены в жизни местных племен, нашедшие свое прямое отражение и в развитии обмена, приобретающего черты торговой деятельности.

Крупнейшим центром оседлоземледельческих племен Южного Туркменистана этого времени ягляется поселение Алтын-Депе близ сел. Меана. Выделение особого квартала ремесленников, монументальный культовый комплекс, социальная дифференциация, нашедшая отражение в типах застройки,— все это указывает на глубокие структурные изменения и позволяет характеризовать Алтын-Депе как поселение городского типа [18]. Другим крупным городским центром Туркменистана в эту эпоху был Намазга-Депе.

В эпоху бронзы происходит второе крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия. Оно было подготовлено всем ходом развития предшествующей эпохи, а в эпоху бронзы выделяются крупные производственные центры, целые мастерские или кварталы ремесленников. В этот период уже широко используются гончарный круг и двухъярусные печи для обжига керамики, что делает ремесло высокопроизводительным. На поселениях эпохи бронзы в Южной Туркмении появляются целые кварталы гончаров площадью около 2,5 *га* [19].

Обработка металла и изготовление различных изделий из бронзы, серебра и золота (украшений, печатей, орудий, оружия, сосудов, небольших скульптур) также вело к усложнению трудовой деятельности, появлению ремесленников-профессионалов.

Распределение продуктов в обществе столь сложной хозяйственной и социальной структуры, безусловно, имело многообразный характер, и при этом роль внутреннего обмена, несомненно, возрастала. Возможно, что обитатели квартала ремесленников на Алтын-Депе были связаны с остальными жителями города, в частности и торговыми отношениями, продавая им свои изделия. Показательно, что на небольшом поселении эпохи бронзы Тайчанак-Депе около Артыка не было обнаружено следов гончарного ремесла [20]. Возможно, его жители получали посуду из крупного

---

[17] *Терехова Н. Н.* Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении.— В сб.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 36, 37.

[18] *Массон В. М.* Цивилизация Алтын-Депе. ПТ, 1974, № 2 (18).

[19] *Масимов И.* Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-Депе.— КД, 1970, III, с. 52.

[20] *Щетенко А. Я.* Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-Депе.— КД, 1968, II.

центра, где было ремесленное производство посуды, в данном случае из Намазга-Депе.

По археологическим материалам мы обычно лучше всего знаем о развитии внешнего обмена и торговли. Намечается несколько направлений торговых путей, связывающих Южный Туркменистан с целым рядом областей и стран.

Первый из этих путей уходил на северо-восток и связывал Южную Туркмению со среднеазиатскими племенами, обитавшими в долине Зеравшана и в Фергане. О его существовании свидетельствуют различные находки. В Фергане был обнаружен клад вещей в местности Хак, в котором были булавки, изготовленные в Южной Туркмении или Северном Иране [21]. Влияние культуры древних земледельцев Южной Туркмении прослеживается и в низовьях Зеравшана, в памятниках Земен-бабы. Там, в частности, обнаружен фрагмент расписного сосуда типа Намазга IV, явно привезенного из Туркмении. Возможно, эти находки расположены вдоль пути, по которому в Южный Туркменистан поступало олово, необходимое для выплавки бронзы [22]. Оловянистые бронзы этого времени в Южном Туркменистане редки и, видимо, высоко ценились. В обмен на сырье местные племена ферганской долины могли получать высококачественную продукцию ремесленников южных городских центров.

Особое значение приобрел в эпоху бронзы второй путь — юго-восточный, уходящий в плодородные области Индостана, где в это время сложилась цивилизация, известная под названием харапской. Эти связи особенно ярко выявились после раскопок на Алтын-Депе и им уже посвящен целый ряд работ [23].

Исследования В. М. Массона и А. Я. Щетенко показали, что в глиняной посуде, металлических изделиях, отдельных видах украшений и терракотовых статуэток, бытовавших на древних поселениях Южного Туркменистана в эпоху бронзы, отмечаются отдельные элементы, явно связанные своим происхождением с аналогичными изделиями харапских ремесленников. Уже это обстоятельство позволяло заключить, что соответствующие предметы, изготовленные в городах древней Индии, достигали копетдагских предгорий и оказывали определенное влияние на местную продукцию.

Вместе с тем имеются прямые свидетельства древних торговых контактов — находки изделий из слоновой кости, индийское происхождение которых бесспорно. При раскопках Алтын-Депе предметы из слоновой кости были найдены в трех различных комплексах. Наиболее ранний из них — уже упоминавшийся храмовый погребальный комплекс, относящийся ко времени Намазга V, т. е. по существующей хронологии к концу III тысячелетия до н. э. Здесь в святилище, входившем в состав большого погребального комплекса, алтарь был покрыт материей, расшитой плоскими бусами, выточенными из лазурита и слоновой кости. Находка бус из слоновой кости в одном комплексе с золотой головкой быка, волка и другими ценными предметами [24] ясно указывает, что изделия из слоновой кости принадлежали к числу предметов роскоши.

---

[21] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 1962, № 118, с. 52.

[22] *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966, с. 180; *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 1959, № 73, с. 114; *его же.* Протогородская цивилизация на юге Средней Азии.— СА, 1967, № 3.

[23] *Щетенко А. Я.* Раскопки на Алтын-Депе в Южной Туркмении.— КСИА АН СССР, 1968, № 114, с. 45; *его же.* О торговых путях эпохи бронзы..., с. 59—63; *Гульмурадов Д.* Новые данные о торговых связях Туркмении и Индостана в бронзовом веке.— УСА, 1975, № 3.

[24] *Массон В. М.* Раскопки погребального комплекса на Алтын-Депе.— СА, 1974, № 4, с. 5, 6.

Другие находки также подтверждают это заключение. Так, в 1973 г. в центре Алтын-Депе на так называемом «холме вышки» было раскопано богатое погребение женщины 30—35 лет, в нём в изголовье на специальном возвышении из сырцового кирпича находился своего рода туалетный набор, включавший серебряное зеркало, двойной каменный сосуд, керамический флакончик, различные изделия из бронзы и серебра и палочку из слоновой кости, квадратную в сечении, с нанесенным на нее кружковым орнаментом. Находка подобной палочки была на Алтын-Депе уже не первой. Так, в самом начале работ в раскопе, расположенном на «холме вышки» в непосредственной близости от могилы знатной женщины, в стене дома был обнаружен замурованный клад, состоявший из пяти глиняных сосудов и 16 предметов из слоновой кости [25]. Здесь были три палочки уже известного нам типа, два диска и 11 квадратиков, украшенных резными рисунками, в том числе и процарапанными кружками, количество их было различным на отдельных квадратиках. Палочки с кружковым орнаментом являются обычной находкой на крупнейшем центре городской культуры древней Индии — Мохенджо-Даро. Здесь они встречены при раскопках как верхнего, так и среднего культурного слоя [26].

По археологической классификации и погребение знатной женщины, и замурованный в стене клад могут быть отнесены ко времени среднего Намазга V, или к началу II тысячелетия до н. э. Это свидетельствует о том, что поступление слоновой кости из Индии или предметов, изготовленных из нее, имело место на протяжении длительного промежутка времени, поскольку первые изделия были встречены еще в комплексе раннего Намазга V. Таким образом, перед нами не случайное явление, а многочисленные свидетельства прочных торговых связей с первыми городами Индостана. Судя по данным письменных источников, слоновая кость из Индии поставлялась и в Шумер [27].

Социальная дифференциация общества, обособление общинной знати и жречества сопровождались все более ощутимыми различиями в образе жизни. Дорогостоящие изделия из импортных материалов были к услугам городской верхушки, и именно ее в первую очередь обслуживала внешняя торговля, получившая в это время заметное развитие. Вполне вероятно, что наряду со слоновой костью из Индостана в Южную Туркмению попадали и другие предметы, становившиеся в местной среде объектом имитации или подражания. Но именно изделия из бивней крупнейшего сухопутного млекопитающего являются бесспорным свидетельством древней индостано-туркменистанской торговли.

Направление этого второго пути является в значительной мере традиционным. Именно с этой стороны в Южный Туркменистан еще в эпоху энеолита поступал лазурит. Караванный маршрут к городам долины Инда по существу представляет собой как бы удлиненный лазуритовый путь. Находки изделий из лазурита в слоях времени Намазга IV и V показывают, что в эпоху бронзы этот минерал поступал в Южную Туркмению в особенно широких масштабах. Применялся он главным образом для различных украшений — бус и подвесок. В гробнице жрецов на Алтын-Депе была найдена печать, выточенная из лазурита [28].

В значительной мере традиционным являлся и третий торговый путь — в область расселения оседлоземледельческих племен Северо-Восточного Ирана, культура которых известна по раскопкам Тепе-Гисара и Тюренг-Тепе. Видимо, через их посредство торговые связи южнотуркменистан-

---

[25] *Ганялин А. Ф.* Раскопки 1959—1961 гг. на Алтын-Депе.— СА, 1967, № 4, с. 216, рис. 6.

[26] *Mackay E.* Future Excavations at Mohenjo-Daro. New Delhi, 1938, v. I, p. 560, 561; v. II, Pl. CXLII, *47, 49, 51.*

[27] *Leemans W. F.* Foreign Trade in the Old Babilonian Period. Seiden, 1960, p. 117.

[28] *Массон В. М.* Раскопки погребального комплекса..., с. 15, рис. 14, *2.*

ских городов уходили далее на юго-запад в традиционные центры высокоразвитой культуры Месопотамии и Элама.

К числу вещей, привезенных в Южный Туркменистан из Северного Ирана, бесспорно, принадлежат чернолощенные сосуды, изредка встречающиеся при раскопках в составе кладов. Два таких клада были обнаружены на Алтын-Депе [29].

Слабо разработан вопрос о месопотамских импортах в Южном Туркменистане эпохи бронзы. Связи с Месопотамией и Эламом, прямое влияние переднеазиатских эталонов для этого времени ясно ощущаются в искусстве — архитектуре, типах орудий и украшений. Это не оставляет сомнений в том, что Южный Туркменистан был тесно связан с ведущими центрами Древнего Востока. Возможно, к числу месопотамских вещей относятся фаянсовые печать и сосудик, найденные на Алтын-Депе в составе клада вещей [30].

Уже само разнообразие путей, по которым двигались различные объекты из страны в страну, от общины к общине, показывает, что этот процесс стал регулярным, насущно необходимым для функционирования общества. Скорее всего в Южном Туркменистане в эпоху бронзы регулярный обмен, по крайней мере частично, перерастает в торговлю, ведущуюся с учетом меновой стоимости товара.

На Древнем Востоке в III—II тысячелетиях до н. э. при торговых расчетах использовалось серебро в определенных весовых единицах. Богатство семьи часто заключалось в серебре, хранимом в виде украшений, которые в любой момент могли быть пущены в оборот [31]. На Алтын Депе в слое времени Намазга V найдено много различных изделий из серебра, в том числе и орудий, например тесло. Это скорее всего именно форма хранения богатства в металле, начинающем играть роль денег.

Вместе с тем торговля охватывала ограниченный круг объектов, мало затрагивая натуральный характер земледельческого и скотоводческого хозяйства. Объектом торговли служило прежде всего сырье для металлургии, особенно остро нуждающейся в таких добавках к меди, как олово, свинец и мышьяк. Металлургия и обмен образовали между собой устойчивую связь, которая хорошо прослеживается по археологическим материалам в виде находок «торговых кладов», главным образом из металлических изделий. В Южном Туркменистане клад металлических изделий времени Намазга V был обнаружен на Намазга-Депе. Так развивающийся обмен постепенно становится основой налаженной торговли, превращающейся в неотъемлемую часть экономической структуры общества, что приводит к зарождению товарного производства первоначально как уклада в общей экономической системе.

После упадка раннегородских поселений бронзового века, располагавшихся в подгорной полосе Южного Туркменистана, в среде оседлоземледельческих оазисов, центр которых к тому же перемещается в район дельты Мургаба, происходит некоторое замедление темпов развития, приходящееся на период позднебронзового века. Однако уже в первой трети I тысячелетия до н. э. в эпоху раннего железа вновь интенсивно идет формирование раннеклассовых отношений [32].

Завершение сложения классового общества в оазисах Туркмении, как и во всей Средней Азии, приходится на VI—IV вв. до н. э., время вхождения в состав государства Ахеменидов.

---

[29] *Массон В. М.* Раскопки жилых кварталов и оборонительных сооружений Алтын-Депе.— АО — 1975, М., 1976, с. 551; *Ганялин А. Ф.* Ук. соч.

[30] *Ганялин А. Ф.* Ук. соч., с. 216, рис. 6, *9, 21.*

[31] *Козырева Н. В.* Старовавилонский город Ларса.— Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 10, 11.

[32] *Массон В. М.* Археологические изыскания и изучение древней и средневековой истории Туркменистана. Ашхабад, 1969, с. 10.

Характерной чертой ахеменидской державы является то большое внимание, которое центральное правительство в тех случаях, когда оно само было стабильным и полновластным, уделяло организации торговой деятельности. В этом отношении показательна организация целой системы торговых путей. Имеются сообщения о подобной дороге, шедшей в Бактрию и Индию и скорее всего проходившей в этом случае территорию Южного Туркменистана [33]. Распространяются и деньги в монетной форме. Имеются сведения о находке золотых дариков в районе Керков [34].

С походами Александра Македонского открылись особенно широкие возможности для подъема торговли, стали более тесными связи между отдельными странами и областями. В этом плане особенно большое значение имели географические открытия и изыскания, совершенствование дорог, прогресс судоходства. Развитию торговли в немалой степени способствало создание единой для огромной территории денежной системы.

В рассматриваемое время большое значение имела международная торговля — торговля с Индией и Китаем или, как ее называют, трансазиатская торговля [35].

Один из маршрутов этой оживленной мировой торговли проходил по территории Южной Туркмении, скорее всего следуя пути, описанному в дорожнике Исидора Харакского. Несомненно, эта внешняя торговля способствовала развитию местных центров и дальнейшему формированию купеческой прослойки как особой социальной группы. Во всяком случае известно, что в небольшом городке Сиринксе, располагавшемся в Южном Прикаспии, имелся особый квартал, в котором поселились греческие торговцы [36].

Все эти явления — и внешняя и внутренняя торговля, и денежное обращение — получили дальнейшее развитие в парфянский период, охватывающий время с 250 г. до н. э. по 224 г. н. э. Это было время всестороннего развития и расцвета местного общества, специфический характер которого ясно указывает на наличие рабовладельческих отношений, хотя и сочетавшихся с сохранением большой роли общины [37].

Внешняя торговля, связанная с международными путями, имела ощутимое значение для Парфянской державы. Как отмечал В. Тарн, парфяне, заняв в середине II в. до н. э. Вавилон, стали полностью контролировать центральный торговый путь в Индию [38] и всячески стремились сохранить свое монопольное положение [39].

Основные дороги поддерживались в порядке, для караванов в засушливых местах устраивались специальные колодцы, а на крупных остановках — станции (караван-сараи). В опасных местах караваны сопровождала специальная верховая охрана, как это известно по материалам парфянского города на Евфрате Дура-Европос, бывшим важным пунктом караванной торговли [40]. Купцы могли пользоваться и специальными дорожными справочниками. Один из таких справочников, обычно именуемый дорожником Исидора Харакского, сохранился, и в нем довольно подробно описан путь через территории Южного Туркменистана с указанием встречающих здесь городов, их некоторых особенностей и мест остановок, где, видимо, были организованы специальные станции.

---

[33] *Тураев Б. А.* История Древнего Востока, т. II, М., 1935, с. 140.

[34] *Массон М. Е.* Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 г.— ТЮТАКЭ, 1946; *его же.* Прошлое города Керки.— ПТ, 1973, № 1.

[35] *Манандян А. Я.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, с. 27.

[36] Полибий, X, 31, 6.

[37] История Туркменской ССР, т. I, кн. 1. Ашхабад, с. 110—115; Сб.: Очерк истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. (Отв. ред. Массон В. М.). Ашхабад, 1971, с. 33—49.

[38] *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 225.

[39] *Манандян Я. А.* Ук. соч., с. 98.

[40] *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 205.

Проблема торговых путей играла большую роль и во внутренней политике. Как известно, внутри Парфянского государства происходила постоянная борьба между центральным правительством, опиравшимся на восточные области государства, и греческими городами Междуречья, искавшими поддержку в своей борьбе с парфянами у Рима[41]. В этой борьбе одним из средств была переориентация торговых путей. Так, центральное правительство Парфии смогло добиться того, что пальмирские купцы стали направлять караваны тяжело груженых верблюдов не в Селевкию на Тигре, которая была крупным греческим городом, а в находившиеся под его прямым контролем города Вологазокерт и Спасину-Харакс.

По международным торговым путям, контролируемым Парфянской державой, двигались самые различные товары. В их числе были кожи, железо, различные благовония, всевозможные специи, драгоценные камни, редкие и уникальные ремесленные изделия и особенно высоко ценимый китайский шелк. Ввозились также шелк-сырец и шелковая пряжа. Использовали шелк и сами парфяне, в частности для изготовления боевых знамен.

В торговый оборот по международным маршрутам вовлекались и собственно парфянские изделия, видимо, прежде всего предметы художественного ремесла. При раскопках в Ольвии, в Северном Причерноморье, были найдены изделия из слоновой кости явно парфянского происхождения. Далеко за пределами Парфии находят и парфянские серебряные монеты. Они обнаружены в Фергане и Восточном Туркестане, видимо, отражая путь движения товаров по международному «шелковому пути». Встречены они также на Средней Волге. Особенно многочисленны парфянские монеты на Кавказе, так как Армения после вхождения в состав Парфянского государства управлялась младшей ветвью Аршакидов. Учитывая популярность в Закавказье парфянских монет, Рим даже чеканил для этих областей серебряную монету, равную по весу парфяным драхмам[42].

Часть товаров от транзитной торговли, безусловно, оседала в промежуточных парфянских центрах. Так, в царской сокровищнице Нисы обнаружено большое число драгоценных вещей самого различного рода, причем часть из них, безусловно, принадлежала к числу купленных[43].

М. Е. Массон среди импортных вещей, найденных в Нисе, называет раковины из Индийского океана, египетские сосуды из алебастра, римское и сирийское стекло[44]. Довольно значительное количество изделий из импортных материалов имелось в Мерве. К ним можно отнести бусы из бирюзы[45], которая добывалась в горах Султануиздаг в древнем Хорезме[46]. О торговле Мерва с Китаем и Индией свидетельствуют находки шелковых тканей из Китая, окрашенных индийскими красителями[47].

Наряду с внешней торговлей в Парфянской державе, в том числе и ее коренных областях, располагавшихся на территории Южного Туркменистана, все большее значение приобретала торговля внутренняя. Здесь, с одной стороны, шел обмен между оседлыми оазисами и кочевой степью, а с другой — между городскими центрами и их сельской округой. Археологические материалы доставляют нам многочисленные свиде-

---

[41] *Кошеленко Г. А.* Внутриполитическая борьба в Парфии.— ВДИ, 1963, № 3, с. 56—68.

[42] *Манандян Я. А.* Ук. соч., с. 106.

[43] *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966, с. 15.

[44] *Массон М. Е.* Народы и области..., с. 36.

[45] *Пругер Е. Б.* К находкам бирюзы на городищах Старого Мерва.— ТЮТАКЭ, 1974, т. XV, с. 278.

[46] *Виноградов А. В.* Бирюза, первобытная мода, этногенез...— СЭ, 1972, № 5, с. 128.

[47] *Федорович Е. Ф.* Исследование древних тканей из раскопок ЮТАКЭ в Старом Мерве.— ТЮТАКЭ, 1969, т. XIV, с. 60, 61.

тельства развития самых разнообразных ремесленных производств на крупных поселениях парфянского времени в Южном Туркменистане. Здесь можно указать на специализированное поселение мастеров-керамистов Джине-Тепе [48], чья товарная продукция явно была рассчитана на обширную округу и на разнообразные мастерские парфянского времени на Гяур-кале [49]. Их связь с товарным производством подтверждается многочисленными находками медных монет мелких номиналов непосредственно в пределах этих мастерских, которые часто одновременно играли роль и небольших лавок.

Находки древних монет, особенно находки, точно зафиксированные в пределах определенных памятников или отдельных их частей, представляют большой интерес для изучения внутренней торговли и денежного обращения. В этом отношении довольно многочисленные дореволюционные находки парфянского времени на территории Туркменистана [50] практически обесценены, так как в большинстве случаев сведения о точном месте находки здесь отсутствуют. Широкое археологическое исследование парфянских памятников, проведенное за последние 25 лет, дало в этом отношении великолепный фактический материал, огромные возможности которого использованы еще далеко не полностью [51].

Среди найденных монет различаются две группы, игравшие различную роль в денежном обращении. Так, в царской сокровищнице Нисы были найдены среди случайно незамеченных грабителями вещей серебряные монеты Бактрии и одного из государств Восточного Причерноморья. Это, безусловно, деньги, выполнявшие функцию сокровищ. Очень интересные результаты дало изучение В. Н. Пилипко небольшого поселения сельского типа, состоявшего из свободно разбросанных на небольшом пространстве домов. Развалины этого поселения, расположенного неподалеку от Бахардена, носят название Гарры-кяриз. Здесь на полу одного из домов была найдена монета парфянского царя Митридата II (122—88 гг. до н. э.), а затем целый клад из 50 серебряных монет — 49 парфянских драхм, датирующихся серединой II в. до н. э. и одной полновесной тетрадрахмы греко-бактрийского царя Евкратида [52].

В целом это было довольно дорогое собрание ценностей — за 30 драхм можно было приобрести целый виноградник. Скорее всего в Гарры-кяризе это не собрание ходовой монеты, а тоже своего рода сокровище. Свидетельством дальнейшего развития товарно-денежных отношений в Южном Туркменистане в парфянскую эпоху является существование отдельного монетного двора, расположенного где-то в коренных областях обитания парфян, т. е. в подгорной полосе Копетдага или Северного Ирана. Этот монетный двор начал свою работу еще в период борьбы парфян за создание своего государства [53]. В дальнейшем его эмиссионная активность во многом определялась политическим положе-

---

[48] *Мережин Л. Н.* К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе.— ТЮТАКЭ, 1962, т. XI.

[49] *Кацурис К., Буряков Ю. Ф.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы.— ТЮТАКЭ, 1963, т. XII; *Усманова З. И.* Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени в городище Гяур-кала.— Там же.

[50] *Альхамова З. А.* Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884 до 1946 г.— ТЮТАКЭ, т. I, 1949.

[51] *Массон М. Е.* Народы и области..., с. 34; *его же.* Денежное хозяйство Средней Азии по нумизматическим данным.— ВДИ, 1955, № 2, с. 40, 41. О новых находках см.: *Оразов О.* Парфянские монеты. ПТ, 1972, № 2 (14); *Пилипко В., Аллалиев К.* Клад монет маргианского чекана.— ПТ, 1971, № 1(11); *Пилипко В.* Новые клады парфянских монет.— ПТ, 1974, № 1(17).

[52] *Пилипко В. Н.* Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарры-кяриз (Парфиенна).— КД, т. III, 1970, с. 84; *его же.* Новые клады..., с. 22.

[53] *Кошеленко Г. А.* Некоторые вопросы истории ранней Парфии.— ВДИ, 1968, № 1, с. 53—71.

нием Парфии. В период ее успехов он работал активно, в период упадка эта активность снижалась [54].

Ярким свидетельством развития денежного обращения служат находки монет на городище античного Мерва Гяур-кала и на городищах в Маргиане, области, расположенной в бассейне Мургаба. Здесь, как на самом столичном городе Мерве, так и на многочисленных памятниках его округи, весьма обильны находки единичных небольших медных монет — яркое свидетельство широкого проникновения денежных отношений именно в рядовую повседневную торговлю. Особенно многочисленны находки таких монет для I—III вв. н. э., когда они встречаются и в соседнем Серахсе[55]. Найдены в Маргиане также два клада таких монет, причем сильная потертость самих медных кружков ясно указывает, что перед нами монеты, длительное время находившиеся в обращении. Эта вторая группа находок представляет деньги в монетной форме, выполняющей функцию средства платежа.

Обширная внешняя торговля, оставившая после себя столько ярких свидетельств, развивающийся внутренний товарооборот, налаженное денежное обращение — все эти черты парфянской экономики неизбежно должны были находить отражение и в социальной сфере, вести к развитию особого класса профессиональных торговцев. Действительно, письменные источники при всей их скудности сохранили нам сведения такого рода. Так, Юстин, описывая деятельность парфян, включал в нее и торговлю как одно из распространенных занятий. «Всю жизнь,— пишет этот автор про парфян,— они проводят верхом на коне. На конях воюют, пируют, выполняют свои частные дела и исполняют общественные обязанности. Сидя на конях, они переезжают с места на место, останавливаются, торгуют (разрядка наша.— *Д. Г.*) и беседуют» [56]. При всем стремлении автора этого отрывка к нарочитому противопоставлению оседлого и кочевого быта само упоминание торговой деятельности как самой обыденной весьма показательно и полностью подтверждается, например широким хождением монет. Еще более определенно о парфянских торговцах пишет китайская хроника: «Купцы производят торговлю с соседними государствами и сухим и водным путем»[57]. Не исключено, что здесь имеется в виду и плавание по Амударье.

В этническом отношении состав купеческого класса был довольно пестрым и включал помимо самих парфян также греков, сирийцев и, возможно, других представителей народностей Ближнего Востока. Как сообщают письменные источники, на Ближнем Востоке в античную эпоху существовали торговые объединения, или товарищества. Такие корпорации купцов были связаны круговой порукой по обязательствам платить подати и нести повинности в пользу государства [58].

Купцы, часто занимавшиеся и ремеслом, имели свои лавки, в которых торговали различными товарами как собственными, так и привозными [59].

На Гяур-кале в Маргиане около северных городских ворот располагался территориально обособленный квартал мукомолов, объединявший не менее десяти отдельных мелких хозяйств [60]. Не исключено, что терри-

---

[54] *Кошеленко Г. А.* Монетное дело Парфии при Митридате I.— НЭ, 1972, вып. X, с. 79—102.

[55] *Оразов О.* Ук. соч.; *его же.* Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973, с. 106, 107.

[56] Юстин, XI, 1, 3, 4.

[57] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. II, М.— Л., 1950, с. 183.

[58] *Солодухо Ю. А.* Социально-экономическая структура еврейского общества Ирака и Сирии во II—V вв. н. э.— Уч. зап. ЛГУ, № 78. Сер. истор. наук, вып. 9, 1941, с. 26.

[59] *Пигулевская Н. В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.— Л., 1965, с. 255.

[60] *Кацурис К., Буряков Ю.* Ук. соч., с. 156—159.

ториальная обособленность в данном случае была обусловлена организационным единством и что перед нами квартал корпорации мукомолов-пекарей. Как бы то ни было, парфянская торговля при всей ограниченности имеющихся у нас сведений выступает как развитое экономическое явление, оказывающее значительное воздействие на всю общественную систему. Натуральный характер производства сельских общин и кочевое окружение в известной мере тормозили этот процесс, но не могли его остановить.

D. G. Goulmouradov

NAISSANCE ET DEVELOPPEMENT DES ECHANGES ET DU COMMERCE DANS LE TURKMENISTAN MERIDIONAL A L'EPOQUE ANTIQUE

Résumé

Au mésolithique et au néolithique avaient lieu dans le Sud du Turkménistan des échanges de colliers faits de coquillages provenant de la mer Caspienne. On connaît même un atelier spécialisé dans la fabrication de ces parures. Dans certains cas, on utilisait comme ornements des coquillages de l'Océan Indien. Le développement, du Ve au début du IIIe millénaire av. n. é des oasis habitées par des populations agricoles sédentaires a contribué au progrès de plusieurs industries spécialisées, dont la production était en partie destinée à être échangée. Les échanges assurainet en matières premières la métallurgie et les besoins de matériaux entrant dans la fabrication d'un grand nombre d'objets de parure, en particulier la lazurite. La pratique de l'échange devient régulière et commence à se transformer en commerce préhistorique, ce qui est particulièrement caractéristique pour la fin du IIIe et le début du IIe millénaire av. n. è., lorsque dans le Sud du Turkménistan s'est formée la culture des premières villes avec ses productions artisanales hautement développées. Les échangts avec l'exterieur, au cours de cette pe riode, sont illustrés par les liens commerciaux des centres du Turkménistan méridional avec l'ancienne civilisation hindoue de Harappa, d'où, en particulier, provenaient l'ivoire brut et les objets faits de cette matière. Pour le milieu du Ier millénaire av. n. è., et surtout pour la période d'existence de l'Etat Parthe, il existe divers témoins d'un commerce développé entre les peuples. La large diffusion de l'argent sous forme de monnaie, dont des pièces de très petite valeur, prouve que les rapports marchandise-argent avaient pénétré même dans le commerce intérieur.

Публикации

А. П. ЖУРАВЛЕВ, Э. Л. ВРУБЛЕВСКАЯ

РАННИЙ ЭТАП МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В КАРЕЛИИ

Археологические исследования последних лет в значительной степени пролили свет на проблему возникновения и характер древнейшей обработки меди в Карелии. Энеолитическое население, обитавшее на этой территории, в частности в Заонежье, имело благоприятные условия для развития местной металлообработки [1]. Об этом свидетельствуют данные геологической разведки [2], показавшие территориальную общность выходов многочисленных месторождений самородной меди и древних поселений. Предпринятая в 1974 г. разведка медных рудников [3] выявила следы древних выработок [4].

Наличие богатых источников сырья позволило обитавшим здесь племенам уже в III тысячелетии до н. э. познакомиться с полезными свойствами самородной меди, добыча которой велась вполне доступными средствами [5]. Об этом же свидетельствуют результаты раскопок поселений Вой-Наволок № 9 [6], Оров-Наволок [7], Вигай-наволок 1 [8], Сандермоха 1 [9], Пегрема I [10], Пегрема VII [11]. На указанных поселениях были найдены такие предметы, как крючки, ножи, проколки, колечки и т. д. (рис. 1). Наряду с готовыми изделиями обнаружены отходы производства, а также заготовки проколок, дендриты самородной меди, кусочек кованой меди, пластинки. С этим комплексом находок из меди связаны кузнечные инструменты на стоянке Пегрема I. К ним относятся каменная наковальня

---

[1] *Журавлев А. П., Врублевская Э. Л., Лийва А. А., Горлов В. И., Васильева Э. С.* Древнейшая обработка меди в Карелии (по данным археологии и естественных наук).— В сб.: Вопросы истории Севера. Петрозаводск, 1976.

[2] *Горлов В. И.* Находки самородной меди в Карелии. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1971 года. М., 1972, с. 66; *Тимофеев В. М.* Месторождения медных руд Заонежья. Л., 1934.

[3] *Журавлев А. П.* Обследование медных рудников Заонежья.— АО — 1974, М., 1975, с. 14.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] *Гурина Н. Н.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северо-западном побережье Онежского озера.— МИА, 1953, № 39.

[7] Там же.

[8] *Панкрушев Г. А., Журавлев А. П.* Стоянка Вигайнаволок I.— В сб.: Новые памятники истории древней Карелии. М.— Л., 1966, с. 152—178.

[9] *Титов Ю. В.* Раскопки в Калевальском, Медвежьегорском и Пряжинском районах КА ССР.— АО — 1966, М., 1967, с. 5, 6.

[10] *Журавлев А. П., Миронов В. Г., Глаголев Ю. И.* Исследование памятников Карелии.— АО — 1972, М., 1973, с. 12; *Журавлев А. П.* Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии.— СА, 1974, № 4, с. 243—246.

[11] *Журавлев А. П.* Исследование энеолита в Карелии.— АО — 1973, М., 1974, с. 10, 11; *его же.* Отчет о работе Кондопожского археологического отряда за 1972 год.— Архив ИЯЛИ КФ АН СССР, ф. 1, оп. 29, ед. хр. 297.

и каменные молоточки[12]. Там же обнаружена каменная медеплавильня и рядом с ней обломки тигелька, на стенках которых застыли капельки меди.

Изучение комплексов с энеолитических поселений Карелии позволило выявить на указанной территории древнейший центр по металлообработке меди, возникший здесь еще в III тысячелетии до н. э.[13]

В связи с этим большой интерес представляют исследования металла и изделий из него, обнаруженных при раскопках памятников с чистыми энеолитическими комплексами. Целью настоящей статьи является освещение вопросов, связанных с технологией обработки металла на самом раннем этапе этого промысла в Карелии. Немаловажным является и изучение сырья, использовавшегося древними мастерами. С этой целью были привлечены такие методы исследования, как спектральный и металлографический анализы, позволяющие достаточно надежно судить о характере сырья и способах его обработки.

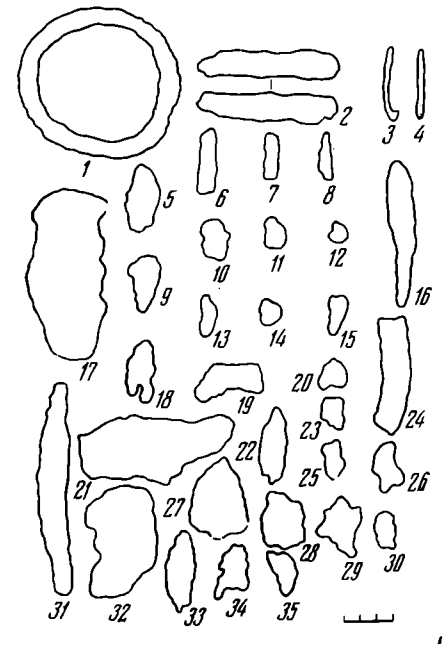


Рис. 1. Общий вид медных находок с энеолитических поселений Карелии. *1* — кольцо (Вигай-наволок I); *2* — нож; *3, 4* — крючки (Оров-наволок); *5* — пластинка (Пегрема I); *6—8* — обломки проколок (Пегрема I); *9—15* — пластинки (Пегрема I); *16* — нож (Пегрема VII); *17* — кусок кованой меди (Пегрема I); *18—30* — пластинки (Пегрема I); *31* — пластинка (Пегрема VII); *32—35* — пластинки (Пегрема I)

Металлографическому анализу было подвергнуто 17 образцов с энеолитических поселений(раскопки А. П. Журавлева, Ю. В. Титова) Пегрема I (11 обр.), Пегрема VII (4), Сандермоха I (2). Поскольку все находки были сильно разрушены окислением и имели небольшой размер (часть металла использовалась для спектрального анализа), их предварительно заливали пастой протакрил и высушивали. Затем изготовляли металлографические шлифы с использованием сухой шлифовки на шкурках различного номера и последующей полировкой пастой ГОИ. Так как медь склонна к наклепам, то для их устранения применялся метод травления с последующей переполировкой. После этих операций шлифы промывали маслом, протирали, промывали водой и высушивали спиртом.

После полировки производился просмотр поверхности шлифов, позволявший установить загрязненность металла неметаллическими включениями. Дальнейшая обработка сводилась к травлению поверхности шлифов реактивом состава 5 *г* $FeCl_3$ + 15 *мл* HCl + 50 *мл* H_2O для выявления их микроструктуры.

Кроме металлографического анализа производилось определение микротвердости металла образцов (на приборе ПМТ-3 при нагрузке 20 и 50 *г*). На поверхность шлифа наносилось от 10 до 20 отпечатков и микротвердость рассчитывалась как среднеарифметическое из полного числа замеров.

Результаты спектрального анализа[14] рассмотренных изделий приведены в таблице. Там же даны для сравнения результаты анализа самородной меди Карелии.

[12] *Журавлев А. П.* Древнейшая мастерская..., с. 244.

[13] *Журавлев А. П.* О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии.— КСИА АН СССР, 1975, № 142, с. 31—38.

[14] Анализы производились в спектральной лаборатории Института геологии КФ АН СССР Э. С. Васильевой.

Результаты спектрального анализа медных предметов с энеолитических поселений Карелии *

№	Название предмета, шифр лаборатории	Место находки	Место хранения, шифр	Элементы															
				Cu	Be	As	P	Sb	Au	Ta	Mn	Pb	Sn	Mg	Sr	Ca	Fe	Ae	Mo	V
1	Пластинка 2д	Пегрема	Ин-т ЯЛИ, № 636	основа	—	+	?	—	—	—	?	—	—	+	+	+	+	+	—	—
2	» 2ж	»	» № 637	»	—	?	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	?	?	—	—
3	» 2и	»	» № 638	»	—	+	+	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	+	—	—
4	» 2к	»	» № 639	»	—	?	—	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	+	—	—
5	» 2л	»	» № 640	»	—	+	—	—	—	—	?	—	—	+	+	+	+	+	—	—
6	» 2г	»	» № 641	»	—	+	—	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	+	—	—
7	» 2а	»	» № 642	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	?	?	—	—
8	» 2в	»	» № 643	»	—	?	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	?	+	—	—
9	» 2б	»	» № 644	»	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	+	—	—
10	» 2	»	» № 645	»	—	?	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	?	?	—	—
11	» 2е	»	» № 646	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	—	—
12	» 3	»	» № 647	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	?	—	—
13	» 4а	»	» № 649	»	—	?	?	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	+	—	—
14	» 4б	»	» № 650	»	—	?	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	—	?
15	Обломок проколки № 3	»	» № 654	»	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	+	+	—	—
16	Кусок кованой меди 5б	»	» № 1845	»	—	+	?	—	—	—	?	—	—	+	+	—	+	+	—	—
17	Пластинка 5а	»	» № 1846	»	—	+	?	—	—	—	?	—	—	+	+	+	+	+	—	—
18	Кусочек меди № 10	»	» № 1847	»	—	?	?	—	—	—	?	—	—	+	—	+	+	+	—	—
19	Кусочек » 9	Сандермоха	» —	»	—	?	—	—	—	—	?	—	—	+	—	—	+	+	—	—
20	Пластинка 11	Пегрема	» № 1849	»	—	?	—	—	—	—	—	—	—	?	—	—	?	?	—	—
21	Кусочек меди № 1	Сандермоха	» —	»	—	—	—	—	—	—	+	—	—	+	+	?	?	?	—	—
22	Кусочек » № 12 «Береговое»	Конд. полуостров	Музей Ин-та геол.	»	—	?	—	—	—	—	+	—	—	+	—	+	+	+	—	—
23	Кольцо № 6	Вигай-наволок	КГМ	»	—	?	?	—	—	—	+	—	—	+	+	—	+	+	—	—

* Результаты спектрального анализа медных изделий и кусочков меди с энеолитических поселений Деревянное I и Оров-наволок опубликованы Н. Н. Гуриной (см. Древняя история..., с. 579).

Результаты металлографического анализа.

Анализ находок с поселения Пегрема I.

1. Кусочки меди (№ 1э, 2э). Они представляют собой образования неправильной формы с небольшими выступами. Размер в сечении одного из них примерно 10—12 *мм*, а другого 4—5 *мм*. Внешний осмотр образцов не обнаружил на их поверхности никаких следов постороннего воздействия. После изготовления шлифа на одной из поверхностей кусочков обнаружилось, что он состоит из отдельных образований, разделенных прослойками толщиной 2—3 *мм* темно-серого цвета. Макроструктура одного из кусочков (2э) представлена на рис. 2, *1*.

Металлографическим анализом нетравленого шлифа установленно полное отсутствие неметаллических включений [15], однако обнаружено большое число пор и раковин.

Микроструктура образцов представляет собой систему зерен различного размера и конфигураций (рис. 2, *2, 3*). Границы зерен имеют причудливую форму. В структуре присутствуют двойниковые прослойки. На рис. 2, *3* заметны многорядовые дислокационные границы. Эти границы являются промежуточной стадией формирования обычных большеугловых границ, разделяющих зерна в металле [16]. Подобные границы возникают в результате медленного охлаждения металла при его кристаллизации. Наличие двойниковых прослоек свидетельствует о том, что металл в процессе охлаждения деформировался, причем степень деформации была близка к критической, что позволило отдельным зернам вырасти до значительных размеров. Границы зерен четкие, чистые. Форма пор и раковин округлая.

Значительная разнозернистость, наличие двойниковых прослоек, чистота границ и отсутствие неметаллических включений являются характерными особенностями образцов самородной меди (рис. 2, *4—6*), не содержащих в себе примесей свинца и висмута. Подобная структура обусловлена специфическими особенностями ее кристаллизации. Микротвердость кусочка № 1э составляет 61 *кг/мм*^{2}.

2. Кусочек кованой меди (5б). Внешний осмотр образца показал, что он был подвергнут деформации. Об этом свидетельствует как его форма, так и наличие вмятин на рабочей поверхности (поверхность, по которой наносились удары). Шлиф был изготовлен на рабочей поверхности и в сечении, перпендикулярном ей. Макроструктура кусочка в двух сечениях представлена на рис. 3, *1, 2*. Макроструктура рабочей поверхности (рис. 3, *1*) свидетельствует бо интенсивной деформации металла. Особый интерес представляет поперечное сечение (рис. 3, *2*), где хорошо заметно слоистое строение образца. Слоистость возникла в результате того, что ковка производилась на неподготовленном предварительно куске металла, видимо, самородка меди, имевшего большое число ответвлений.

Микроструктура шлифа в поперечном сечении представлена на рис. 3, *3*. Хорошо заметны вытянутые по направлению деформации зерна, а также отсутствие общности между отдельными слоями металла.

Микроструктура шлифа на рабочей поверхности представлена на рис. 3, *4—6*. Степень деформации образца неоднородна. Она колеблется от нескольких процентов (рис. 3, *4*) до 70—80% (рис. 3, *6*). Характер микроструктуры свидетельствует о том, что деформация производилась без подогрева.

В местах малой деформации частично сохранилась структура исходного материала. Хорошо заметна значительная разнозернистость и изре-

---

[15] Чтобы не повторяться каждый раз, заметим, что ни на одном шлифе, изготовленном из исследуемых изделий, неметаллических включений не обнаружено.

[16] *Мовчан Б. А., Молоднина Т. А.* Наблюдение многократных дислокационных границ в поликристаллическом никеле. «Физика металлов и металловедение». М., 1969, том 27, вып. 6, с. 1124.

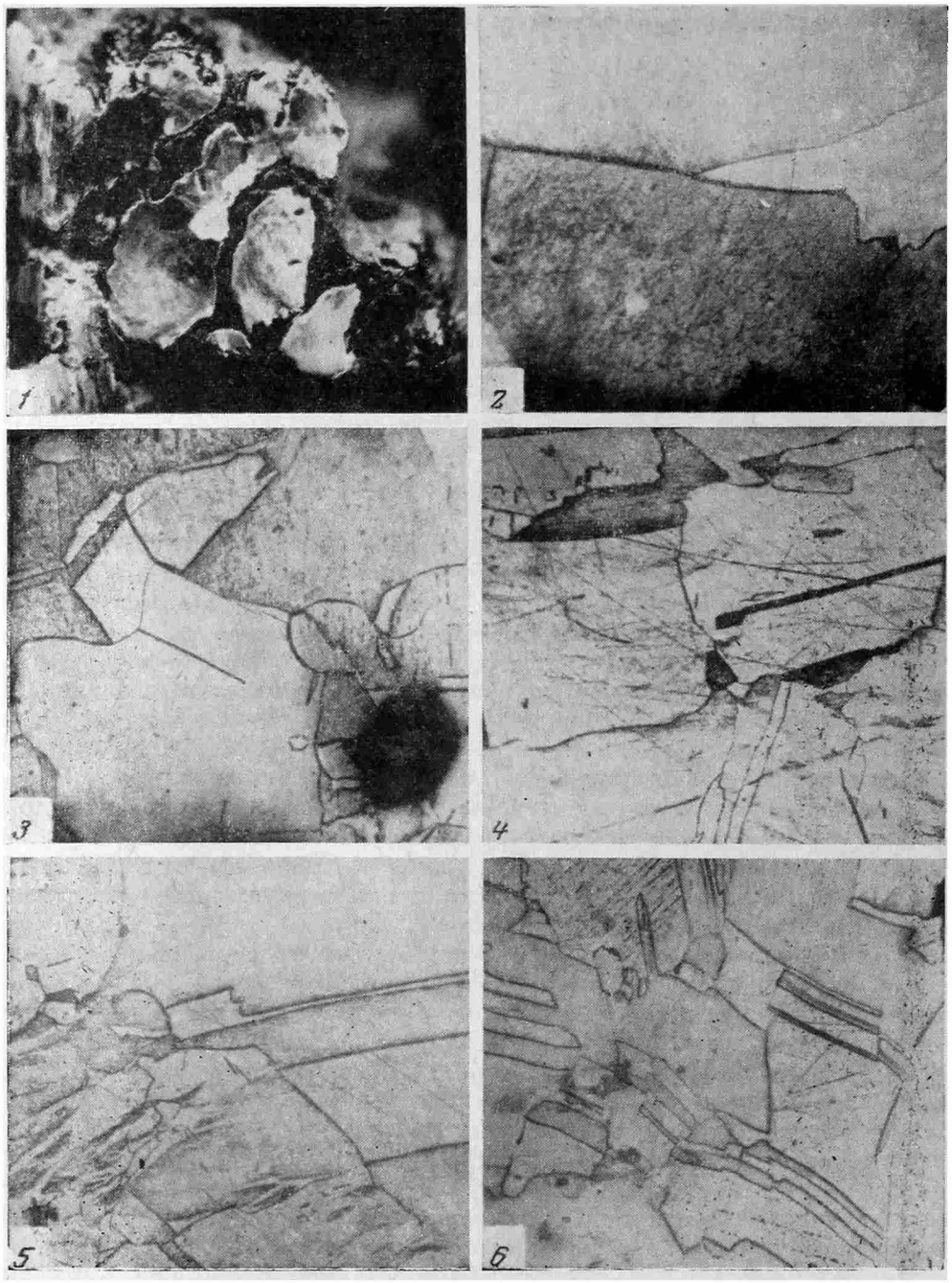


Рис. 2. *1* — макроструктура кусочка меди (2э), ув. 10 (Пегрема 1); *2, 3* — микроструктура кусочка меди (2э), ув. 200; *4—6* — микроструктура самородной меди, ув. 200 (карьер Береговое)

занность границ зерен. В структуре заметны группы мелких зерен, являвшихся центрами рекристаллизации первичного металла самородной меди (рис. 3, *5*), и, кроме того, имеются двойниковые прослойки. Все эти элементы наряду с отсутствием неметаллических включений являются признаком самородной меди (рис. 2, *4*; 3, 7).

На рис. 3, *4* обращают на себя внимание две утолщенные границы, разделяющие кристаллографически не связанные области металла. Происхождение этих границ объясняется слоистым строением образца, а часть металла, заключенная между ними, является не чем иным, как

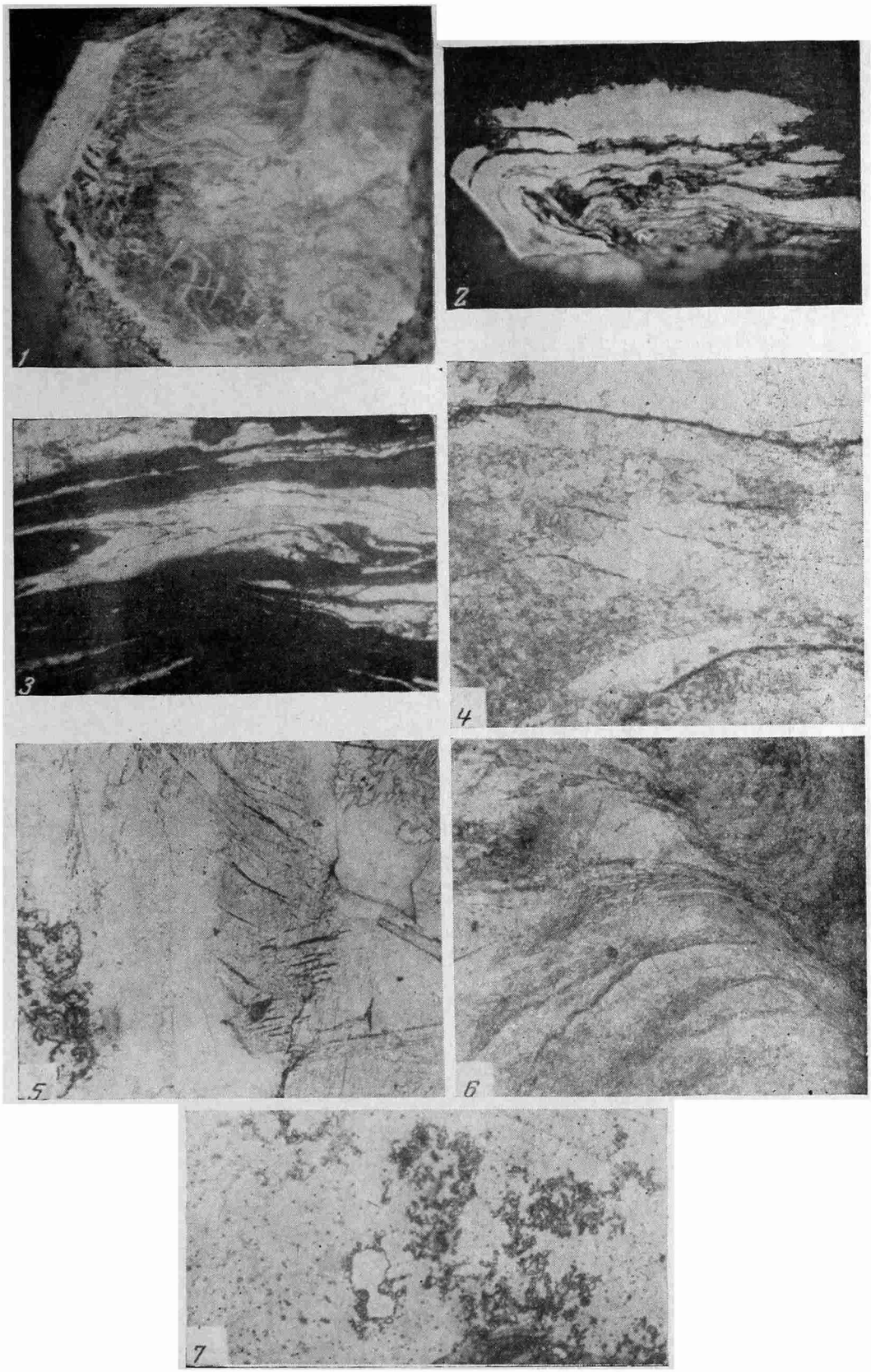


Рис. 3. *1, 2* — макроструктура кусочка ковапой меди 5б, ув. 10 (Пегрема I); *3* — микроструктура поперечного сечения кусочка 5б, ув. 100; *4—6* — микроструктура различных участков рабочей поверхности кусочка 5б, ув. 200; *7* — самородная медь, ув. 300 (Олонецкая губерния)

заковом. Микротвердость кусочка 5б составляет 90 *кг/мм*² и характерна для металла, подвергнутого холодной деформации.

Таким образом, кусочек кованой меди представляет собой отход производства или заготовку изделия, изготовленного из самородной меди без предварительной ее обработки методом свободной холодной ковки.

3. Обломок проколки (№ 3). Шлиф изготовлен на продольной поверхности (предполагаемое направление деформации). Неметаллических включений на поверхности шлифа не обнаружено. Микроструктура представляет сильно вытянутые вдоль направления деформации зерна и участки их сильного дробления (рис. 5, *1*). Характер микроструктуры можно определить как волокнистый и отвечающий степени деформации около 50—60% от начального размера заготовки — кусочка самородной меди. В этом случае мы также имеем пример холодной деформации металла, о чем свидетельствует и высокая твердость образца, составляющая 87,3 *кг/мм*². Следует отметить, что в местах наибольшего течения металла имеется почти сквозная трещина (рис. 4, *2*).

4. Пластинки (2, 2б, 2е, 4б, 5а). Микроструктура пластинок приведена на рис. 3, *3—6*; 5, *1*, *2*. Анализ микроструктуры показывает общность приемов обработки металла, заключающихся в его холодной ковке. Микротвердость пластинок приведена ниже:

Номер пластинки	2	2б	2в	2е	4б	5а
***H*, *кг/мм*²**	75,5	83,0	75,0	84,1	75,2	68,0

Данные микротвердости показывают, что степень деформации пластинок была различной. Наименьшей степени деформации соответствует не менее раздробленная микроструктура (рис. 5, *4*). Наибольшая раздробленность (рис. 4, *4*) отвечает наибольшему значению микротвердости. В этой же пластинке имеются трещины, которые образуют разветвленную сетку. Образование трещин в холоднодеформированной меди связано с процессами ее упрочнения. При деформации в металле возникает большое количество дислокаций — двумерных дефектов кристаллического строения. С увеличением степени деформации плотность их дислокаций значительно возрастает и они создают непреодолимые препятствия для вновь возникающих дислокаций.

В области скопления дислокаций возникают упругие поля напряжений значительной величины, приводящие к раскрытию трещин. Можно промежуточным нагревом или ковкой в горячем состоянии предотвратить процесс развития трещин. Как видно из наших результатов, этот вид обработки не был известен древним кузнецам на данном этапе развития металлообработки в Карелии.

Следует обратить внимание на структуру пластинки 5а (рис. 5, *2*). На поверхности шлифа заметны две утолщенные границы, отделяющие область в виде «языка», кристаллически не связанную с остальной структурой. Наличие утолщенных границ можно рассматривать как дефект, на который уже указывалось при анализе образца 5б (рис. 3, *4*). Мы называем этот дефект заковом и считаем, что он возник из-за того, что кусочек самородной меди не был перед ковкой предварительно подготовлен. Наличие таких утолщенных границ может служить одним из признаков самородной меди.

Образец 2д. Микроструктура образца (рис. 5, *3*) в значительной степени отличается от микроструктуры образцов (2—5а). Она похожа на микроструктуру образца 2э (рис. 2, *2*). Просмотр всего поля шлифа показал, что весь образец состоит практически из одного зерна — монокристалла (неокрашенное поле на микрофотографии) и нескольких кристаллитов, содержащих двойниковые прослойки, которые расположены по периферии образца. Подобные монокристаллы встречаются среди самородков меди (см. рис. 5, *4*).

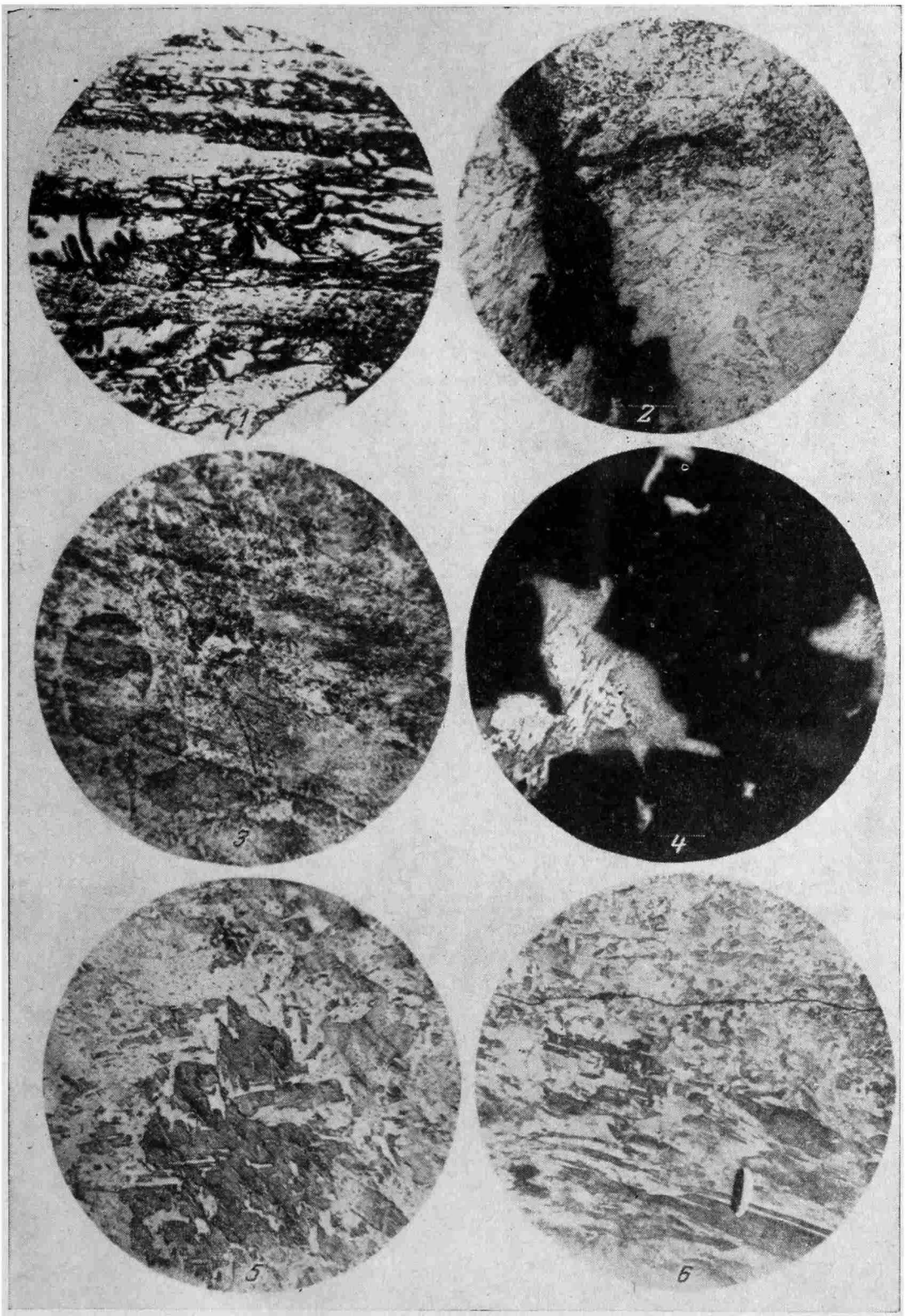


Рис. 4. Фотографии микроструктур: *1* — обломок проколки № 3, ув. 200 (Пегрема I); *2* — трещина на проколке № 3, ув. 200; *3* — пластинка 2, ув. 100 (Пегрема I); *4* — пластинка 2б, ув. 100 (Пегрема I); *5* — пластинка 2в, ув. 200 (Пегрема I); *6* — пластинка 2е, ув. 100 (Пегрема I)

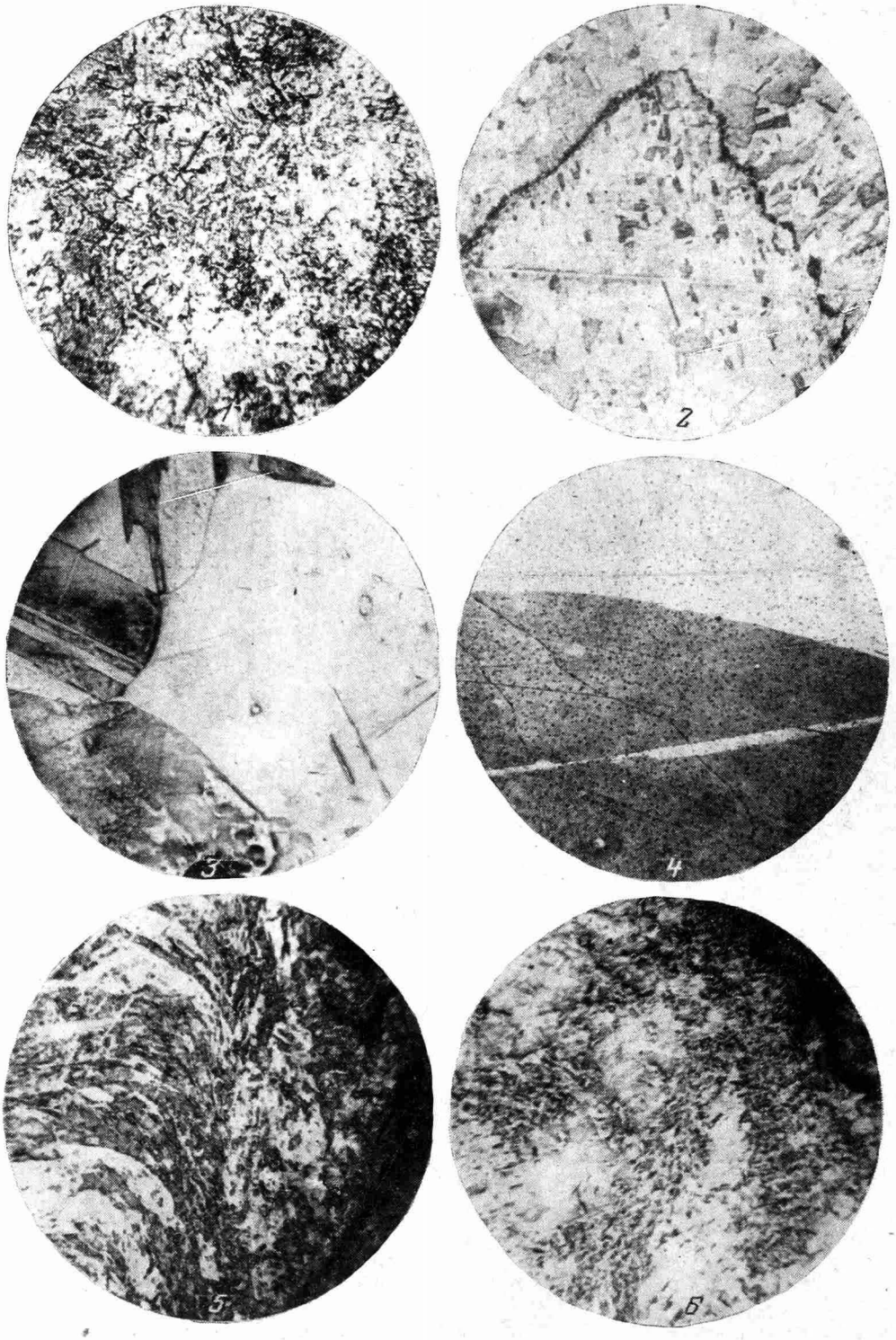


Рис. 5. Фотографии микроструктур: *1* — пластинка 4б, ув. 100 (Пегрема I); *2* — пластинка 5а, ув. 300 (Пегрема I); *3* — пластинка 2д, ув. 100 (Пегрема I); *4* — самородная медь, ув. 100 (Олонецкая губерния); *5* — пластинка II, ув. 200 (Пегрема VII); *6* — пластинка III, ув. 200 (Пегрема VII)

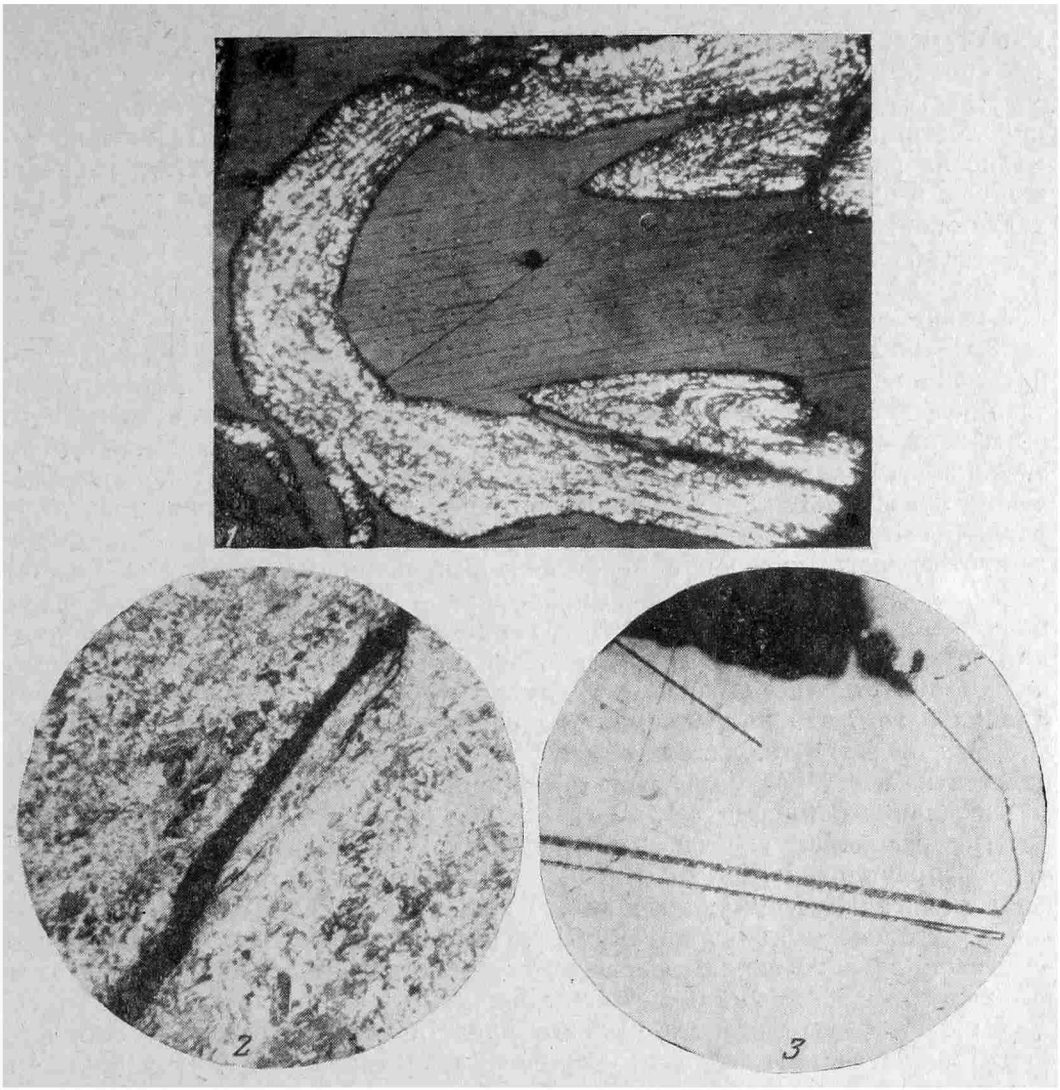


Рис. 6. Фотографии микроструктур: *1* — пластинка V, ув. 100 (Пегрема VII); *2* — нож, ув. 100 (Пегрема VII); *3* — кусочек меди, ув. 100 (Сандермоха I)

Микротвердость образца 2д составляет 71,3 *кг/мм*^{2}. Микроструктура образца и его высокая твердость свидетельствуют о том, что он является кусочком самородной меди. Причиной повышенной твердости самородной меди может служить наличие в ней так называемых зон Гинье-Престона [17]. Эти зоны представляют собой сегрегации примесей, возникающие при длительном пребывании металла в области не очень высоких температур. Наличие в металле подобных зон приводит к его упрочнению, однако при пластической деформации может способствовать образованию трещин.

Поселение Пегрема VII.

1. Пластинки (II, III, V). Анализ нетравленой поверхности шлифов установил полное отсутствие неметаллических включений. Микроструктура пластинок приведена на рис. 5, *5*, *6*; 6, *1*. Характер микроструктуры свидетельствует о том, что пластинки деформировались способом холодной ковки. Две из них (II и III) имели высокую твердость: 90,5 и 99,6 *кг/мм*^{2}; соответственно в этих двух пластинках наблюдаются трещины, возникающие, как уже указывалось, при высоких степенях дефор-

[17] *Фридель Ж.* Дислокации. М., 1967.

мации металла. Структура пластинки II (рис. 5, *5*) аналогична структуре областей наибольшей деформации кусочка 5б (рис. 3, *6*).

Пластинка V интересна тем, что металл вначале был прокован в тонкий листок, а затем сложен и вновь прокован в стопку. Это хорошо заметно на рис. 6, *1*. В структуре видны линии течения металла, расположенные в одной плоскости. Там, где листок изгибали, линии течения металла, повторяют направление изгиба. Микротвердость пластинки V составляет 77,3 *кг/мм*^{2}.

Все три пластинки изготовлены из самородной меди способом холодной ковки.

2. Ножик. Размеры его 50×6 *мм*. Толщину оценить не удалось, так как ножичек был покрыт толстым слоем окиси меди. Микрошлиф изготовлялся вдоль всей плоскости ножа. Просмотр поверхности нетравленого шлифа не обнаружил на ней неметаллических включений. Характерной особенностью является большое количество трещин, буквально пронизывающих весь металл. Степень деформации вдоль продольной плоскости различна и максимальна у рабочих краев. Согласно этому различна и микротвердость, которая в менее деформированных областях составляет 57 *кг/мм*^{2} и в наиболее деформированных — 92 *кг/мм*^{2}. Микроструктура ножичка приведена на рис. 6, *2* и свидетельствует о холодной деформации металла. Тот факт, что технология его изготовления ничем не отличается от технологии обработки других изделий, еще раз подтверждает мнение о том, что на раннем этапе развития металлообработки в Карелии был известен только один способ — холодная ковка самородной меди, недостатка в которой у местного населения не было.

Поселение Сандермоха I.

При раскопках поселения Сандермоха I были найдены два кусочка меди неправильной формы. Шлифы, изготовленные на них, не обнаруживают неметаллических включений. Травлением шлифа одного из кусочков не удалось выявить никаких структурных признаков, на основании чего было сделано заключение, что он представляет собой монокристалл. Микротвердость его составляет 41 *кг/мм*^{2}.

Микроструктура второго кусочка представлена на рис. 6, *3*. Этот кусочек также состоит из очень крупного зерна-монокристалла и трех зерен по его периферии. В структуре имеются двойниковые прослойки, по характеру похожие на двойники самородной меди, представленной на рис. 2, *5*. Микротвердость второго кусочка 53 *кг/мм*^{2}.

Проведенный анализ позволяет заключить, что кусочки являются самородной медью.

Как следует из рис. 2, при раскопках поселений Пегрема I, VII, Сандермоха I обнаружены самые примитивные изделия, не отличающиеся разнообразием форм. Размеры их незначительны. Зачастую трудно установить, для чего предназначены медные поделки. Неоспоримым является факт, что исходным сырьем для всех поделок служила самородная медь, добыча которой велась вполне доступными для того времени способами.

Зарождение металлообрабатывающего производства в век широкого применения каменного инвентаря определило и первичный способ обработки металла — холодную ковку. Об этом свидетельствует общность структурных признаков всех исследованных изделий.

A. P. Jouravlev, E. L. Vroublevskaïa

L'ETAPE INITIALE DU TRAVAIL DES METAUX EN CARELIE

Résumé

Le territoire de la Carélie actuelle constitue un des chaînons dans l'histoire du développement de la métallurgie primitive. La connaissance des métaux se remarque ici, en premier, chez les tribus énéolithiques appartenant à la culture de la céramique à losanges et à fossettes, qui vivaient sur les deux rives du lac Onéga, au IIIe millénaire av. n. è. C'est là que s'était déjà constitué dans le Nord le plus ancien centre du travail des métaux.

En Carélie, le travail des métaux est né dans les conditions de la forme prédative d'économie, de la chasse développée et de la pêche, dans une région où il y avait de nombreux gisements de cuivre natif, situés dans une zone de schiste et de quartz.

Cet article éclaire les questions relatives à la technologie du travail des métaux à l'étape initiale de cette industrie en Carélie, il donne les résultats de l'analyse métallographique et spectrale du métal ancien et du cuivre natif, et établit leur ressemblance.

В. А. ИВАНОВ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ БАШКИРИИ

Вопрос о характере и конструкции оборонительных сооружений городищ раннего железа века в Прикамье не получил еще достаточного освещения в литературе. И хотя при исследовании укрепленных поселений рассматриваемого периода валы и рвы неоднократно подвергались раскопкам, но раскопки эти, во-первых, носили характер эпизодический, а во-вторых, производились на памятниках, находящихся в различных частях огромной территории, занимаемой ананьинско-пьяноборской общностью. Поэтому в настоящее время мы располагаем публикациями оборонительных сооружений только пяти городищ эпохи раннего железа: Чортова (А. В. Збруева), Алтен-Тау (Е. Н. Черных), Второго Васильсурского (А. Х. Халиков), Охлебининского (А. Х. Пшеничнюк) и «Хула Сурчё» в Чувашии [1].

За годы работ в составе Нижнекамской археологической экспедиции и экспедиций Башкирского университета в низовьях р. Белой нами был накоплен определенный материал по оборонительным сооружениям городищ ананьинско-пьяноборского времени.

Было исследовано восемь памятников: два городища (Новокабановское и Какры-Куль) — на правом, и шесть (Трикольское, Аначевское, Андреевское, Уяндыкское, Новомедведевское I и Петер-Тау) — на левом берегу р. Белой (рис. 1).

Полученный материал позволяет не только выявить конструктивные особенности укреплений данного микрорайона, но и проследить их хронологические изменения.

Время функционирования указанных поселений ограничивается концом ананьинской-пьяноборской эпохой (IV в. до н. э.— II—III вв. н. э.). К сожалению, мы не располагаем предметами, позволяющими более точно датировать указанные памятники, и в установлении даты вынуждены были в основном опираться на керамику. Керамический комплекс исследованных городищ представлен сосудами трех типов: ананьинским, пьяноборским и переходным между ними (рис. 2).

Согласно предложенной А. Д. Вечтомовым периодизации, сосуды, украшенные двумя—шестью горизонтальными оттисками шнура, характерны для позднего ананьина [2]. Переходный же тип, несущий в себе элемен-

---

[1] *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, 30, рис. 52; *Черных Е. Н.* Городище Алтен-Тау.— Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 1. М., 1959, с. 154, 155; *Халиков А. Х.* Второе Васильсурское городище.— Труды Марийской археологической экспедиции, т. II. Йошкар-Ола, 1962, с. 141; *Пшеничнюк А. Х.* Кара-абызская культура.— АЭБ, 1973, т. V, с. 193; *Каховский В. Ф.* Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1957, с. 61.

[2] *Вечтомов А. Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья. Уч. зап. ПГУ, 1967, № 148, с. 136, табл. 1.

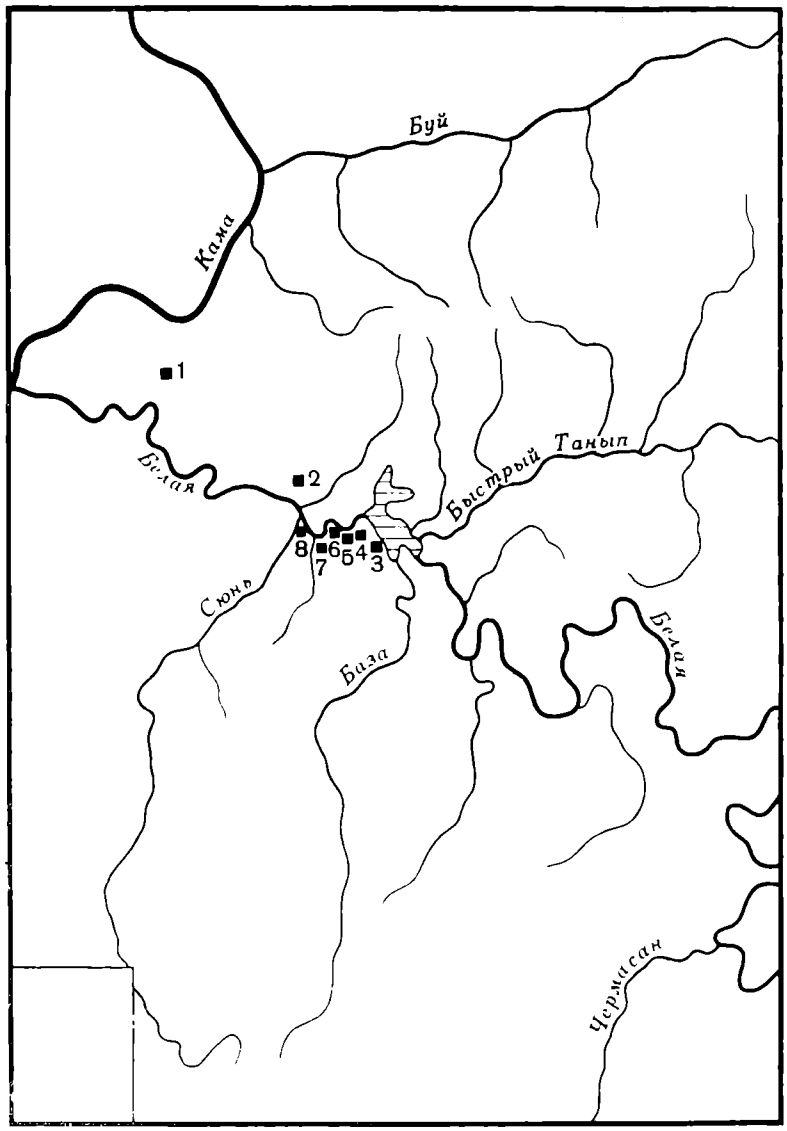


Рис. 1. Карта городищ ананьинско-пьяноборского времени на северо-западе Башкирии. *1* — Новокабановское; *2* — Какры-Куль; *3* — Трикольское; *4* — Аначевское; *5* — Андреевское; *6* — Уяндыкское; *7* — Новомедведевское I; *8* — Петер-Тау

ты ананьинской посуды («воротничок», разреженный шнур), но по форме сосудов (круглодонные открытые чаши, ряд круглых ямок без шнура) являющийся по сути уже пьяноборским, встречен А. В. Збруевой на городищах Усть-Нечкинском, Белоглазовском, Гремячий Ключ, Буйском, Аргыжском, которые исследователь относит к концу ананьинской-пьяноборской эпохам [3].

Обратимся непосредственно к памятникам. Исследование оборонительных сооружений осуществлялось путем закладки сплошной траншеи шириной 1,5 — 2 *м*, перпендикулярно пересекающей вал и ров. Вскрытие намеченной площади производилось по горизонтам (20 *см*) с тщательной фиксацией всех слоев.

Новокабановское городище расположено на западной окраине с. Новокабаново Краснокамского р-на БАССР, на треугольном мысу высотой

[3] *Збруева А. В.* Ук. соч., с. 169, 274, 281, 287, 291, 292.

11—12 *м*. С запада и юга к основанию мыса подступает болото. Площадка городища ровная, с небольшим наклоном к юго-западу, не застроенная и не заросшая. С напольной, северо-восточной стороны городище защищено кокошникообразным валом и рвом (рис. 3, *3*). Современная ширина рва 3 *м*, глубина 0,5 *м*. Длина вала 95 *м*, ширина 17 *м*, высота со дна рва 2 *м*. Вал и ров были прорезаны траншеей (16×2 *м*).

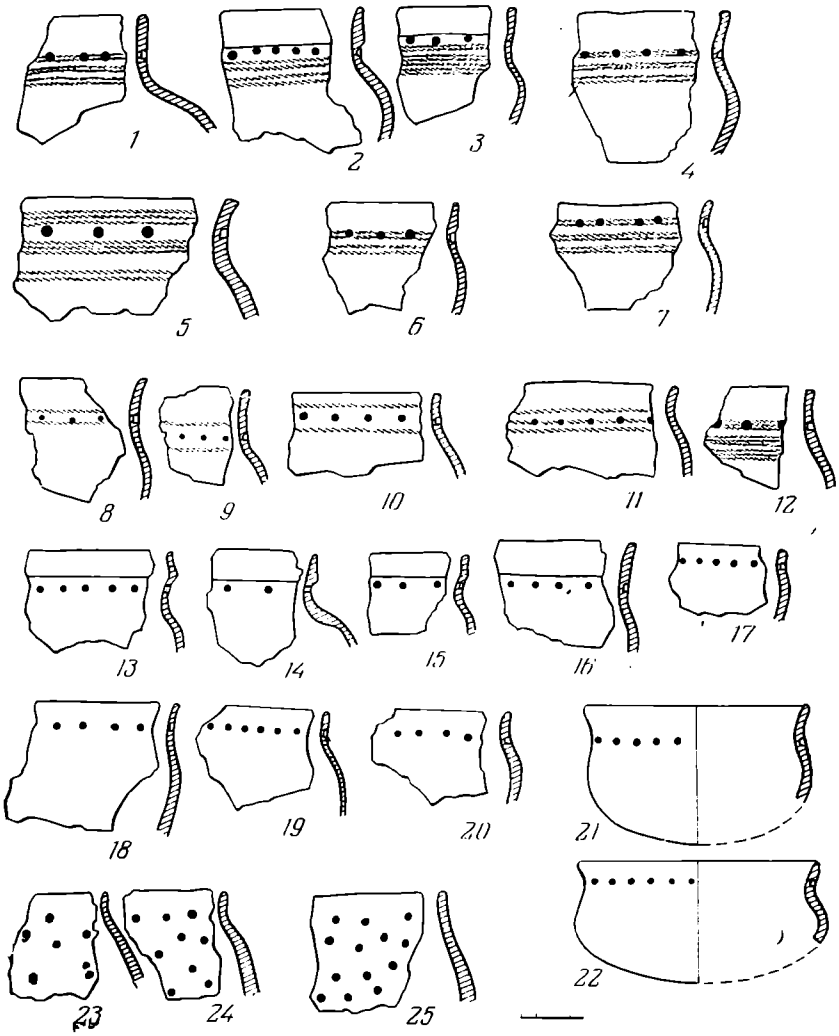


Рис. 2. Керамика городищ эпохи раннего железного века северо-западной Башкирии. *1* — *3, 8, 9, 14* — Аначевское городище; *4—7, 13* — Новокабановское городище; *10, 15—17, 23—25* — городище Петер-Тау; *11, 12, 18—20* — городище Какры-Куль; *21, 22* — городище Уяндык

На профиле ее четко прослеживается конструкция вала. Несмотря на то что памятник двуслойный (керамика городища представлена двумя комплексами: позднеананьинским и пьяноборским) в разрезе вала выявлена только одна насыпь, относящаяся к ананьинскому времени. Состоит она из плотной красной глины, взятой при рытье рва и насыпанной прямо на площадку мыса. Культурного слоя под насыпью вала не обнаружено, как не обнаружено культурных остатков и в самой насыпи. Следовательно, сооружен вал ананьинцами при заселении мыса. Ширина первоначальной насыпи у основания 9,5 *м*, высота над уровнем материка 1,25 *м*. С внутренней стороны в основании вала были уложены бревна или толстые жерди, остатки которых прослеживаются в виде кусков обугленного дерева (рис. 4, *5*).

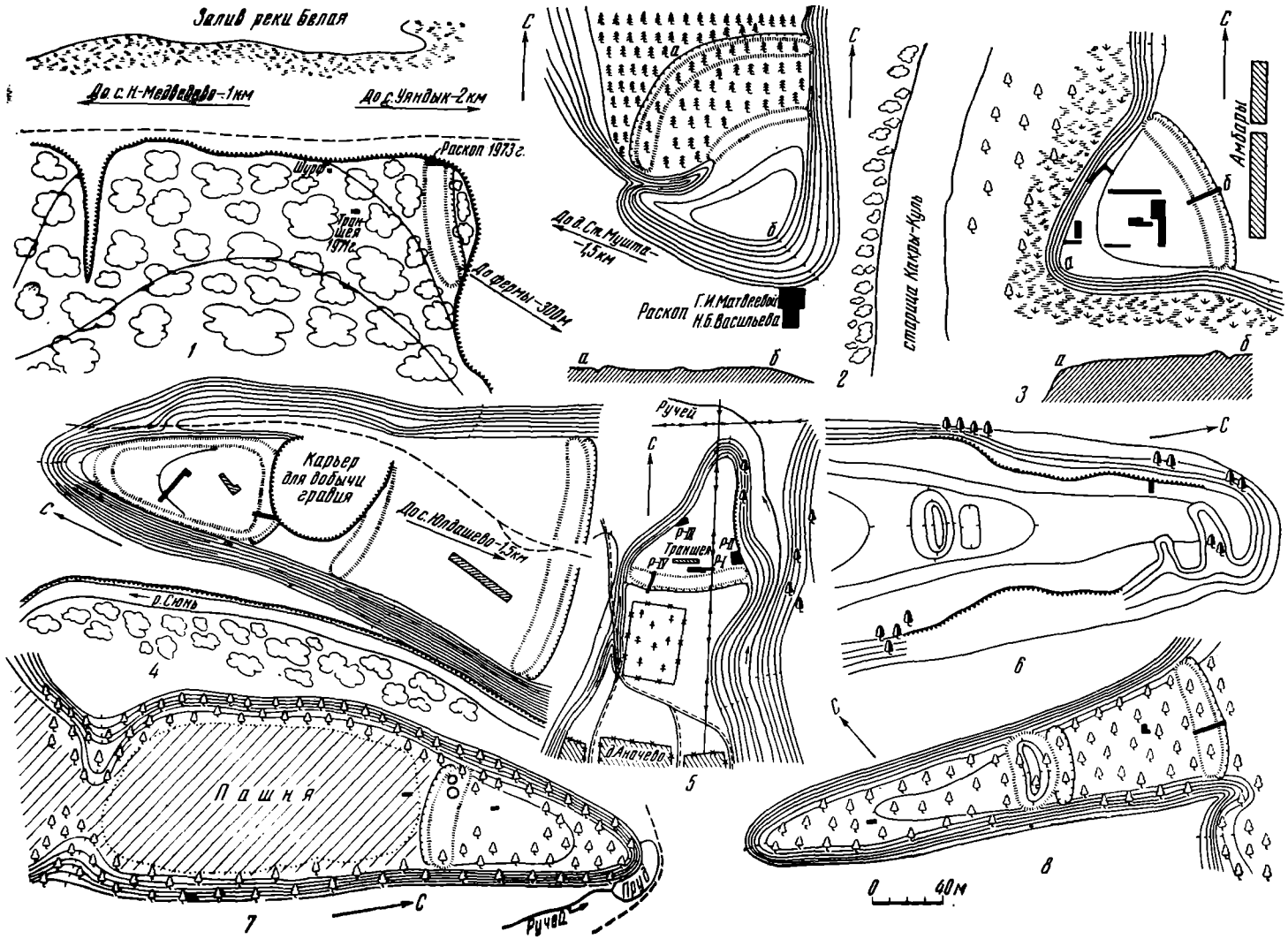


Рис. 3. Планы городищ. *1* — Новомедведевское I; *2* — Какры-Куль; *3* — Новокабановское; *4* — Петер-Тау; *5* — Аначевское; *6* — Андреевское; *7* — Уяндыкское; *8* — Трикольское

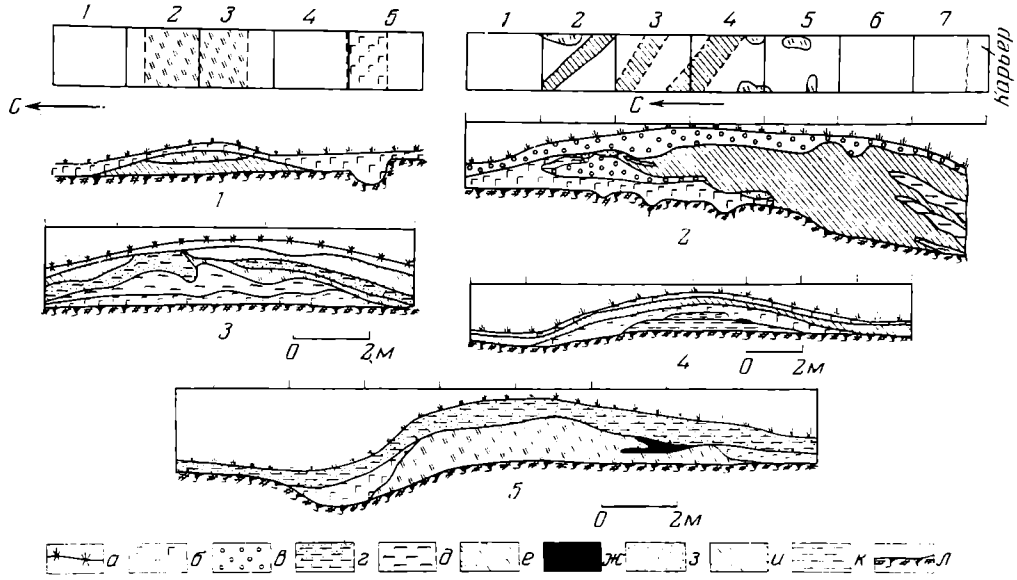


Рис. 4. Планы и профили валов. *1* — Трикольское городище; *2* — Петер-Тау; *3* — Новомедведевское I; *4* — Аначевское; *5* — Новокабановское. *а* — дерн; *б* — черный гумус; *в* — гравий; *г* — супесь; *д* — зола; *е* — прокаленная глина; *ж* — уголь; *з* — песок; *и* — серый гумусированный слой; *к* — суглинок; *л* — материк

Аналогичная конструкция вала выявлена на городище Алтен-Тау, где фундаментом укрепления служили бревна, положенные, правда, у края рва [4].

Сравнительно четкие очертания начальной насыпи вала свидетельствуют о его незначительном оплывании. Объясняется это, видимо, плотностью грунта, из которого состоит насыпь. Крутизна склонов вала неравномерная: с внутренней стороны вал более пологий, с наружной — гораздо круче и вплотную примыкает к краю рва.

Ров представляет собой сравнительно широкую (2,5 *м*) канаву с полуокруглым дном, углубленную в материк на 60—65 *см*. Интересно отметить, что заполнение рва представляет собой стерильный гумус, следовательно, ров использовался по своему прямому назначению, а не в качестве ямы для отбросов, что можно наблюдать на некоторых аналогичных памятниках [5].

Первоначальная насыпь перекрыта слоем темно-серой супеси, мощностью 0,5—0,7 *м* (рис. 4, *5*), отложившейся в процессе функционирования городища. Считать ее поздней, пьяноборской, подсыпкой вала нет оснований, так как с внутренней стороны она сливается с культурным слоем городища, а с напольной стороны покоится непосредственно на материке (рис. 4, *5*).

Таким образом, оборонительное сооружение Новокабановского городища были возведены и функционировали в ананьинское время. В пьяноборскую же эпоху укрепления городища или настолько хорошо сохранились, что не нуждались в реставрации (хотя это мало вероятно, не случайно на большинстве многослойных поселений мы наблюдаем с каждой сменой населения подсыпку вала, расчистку рва или следы других подобных работ), или же пьяноборцы в силу каких-то обстоятельств просто не нуждались в серьезном укреплении своего поселения. Наличие же второй, особой, пьяноборской линии укреплений, ныне уничтоженной современными постройками, также не представляется возможным, так

[4] *Черных Е. Н.* Ук. соч., рис. 3.
[5] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 154.

как шурфы, заложенные за пределами городища, положительных результатов не дали.

Городище Какры-Куль расположено в 1,5 *км* к юго-востоку от дер. Старая Мушта Калтасинского района БАССР, на берегу озера-старицы Какры-Куль. Памятник занимает треугольный мыс правого коренного берега р. Белой, ныне протекающей в 5 *км* южнее. Мыс возвышается над поймой на 8—10 *м* (рис. 3, *2*). Площадка городища распахана и использована под лесопосадку. С северной и северо-западной, напольной стороны городище укреплено двумя валами и рвом. Высота внешнего кокошникообразного вала 2 *м*, толщина 10 *м*, длина 150 *м*. У основания вала ров шириной 3 *м*, глубиной 0,7 *м*.

Внутренний вал возведен в 30 *м* от внешнего. Высота его 1 *м*, толщина 8 *м*, длина 70 *м*. Своим западным концом вал удачно примыкает к узкому и довольно глубокому оврагу, на 45 *м* вклинившемуся на площадку городища (рис. 3, *2*).

В 1969 г. Г. И. Матвеевой и И. Б. Васильевым, работавшими в составе Башкирского отряда НКАЭ АН СССР, были произведены раскопки находящегося у подножия городища селища эпохи поздней бронзы [6]. Одновременно было обследовано и городище, на склонах и распаханной площадке которого собрана обширная коллекция керамики позднеананьинской эпохи (рис. 2).

Трикольское городище находится на юго-западной окраине дер. Трикол Илишевского р-на БАССР на узком, высоком (до 30 *м*) мысу коренной террасы левого берега р. Белой. Мыс вытянут по линии запад — восток, а с севера и юга ограничен глубокими оврагами. По дну южного оврага протекает ручей Гремячий Ключ (рис. 3, *8*).

Площадка и склоны городища заросли лесом. С напольной стороны городище укреплено двойной линией валов и рвов (рис. 3, *8*). Длина внешнего вала 33 *м*, толщина 7 *м*, высота 0,5 *м*. Ширина рва 2 *м*, глубина 0,5 *м*. Длина внутреннего вала 18 *м*, толщина 14 *м*, высота 4 *м*. Ширина рва перед ним 5 *м*, глубина 1 *м*.

Нами на городище были разбиты два раскопа: на площадке между валами (раскоп I) и на восточной конечности мыса (раскоп II). Наибольшее количество материала дал раскоп I. Причем из общего количества собранных сосудов ананьинские составляли 73,6%, пьяноборские 18,7%. Раскоп II дал единичные фрагменты стенок сосудов бахмутинского типа. Это дало возможность рассматривать внешний вал как сооружение ананьинско-пьяноборского времени.

Укрепление было рассечено траншеей (10×1,5 *м*). В разрезе четко выявилась конструкция укрепления: прямо на материке (красная глина) была возведена насыпь, грунт для которой брался как при рытье рва, так и просто с поверхности мыса, в момент его первоначального заселения, так как находок в насыпи вала не обнаружено. Ширина вала у основания 6 *м*, высота над уровнем материка 1,2 *м* (рис. 4, *1*). На вершине насыпи прослеживается линзовидный слой красной прокаленной глины шириной 2,7 *м*, мощностью до 0,3 *м*, идущий, видимо, по всей длине вала. Ров был прорыт отступая 1 *м* от основания вала. Это узкая (1,1 *м*) неглубокая (0,85 *м* от уровня материка) канава с полукруглым дном. С напольной стороны ров ограничен вертикальной стенкой (рис. 4, *1*). Заполнение — стерильный черный гумус.

Таким образом, и здесь мы наблюдаем аналогичную Новокабановскому городищу картину: внешний вал был сооружен ананьинцами во время заселения мыса. В более позднее, пьяноборское время никаких реконструкционных работ не производилось. В эпоху позднего железа заселена была лишь восточная оконечность мыса, защищенная более мощными укреплениями (вал и ров № 2).

---

[6] *Матвеева Г. И. и др.* Работа в низовьях р. Белой.— АО — 1969, М., 1970, с. 136.

Аначевское городище расположено на северо-восточной окраине С. Чики-Аначево Илишевского р-на БАССР на высоком треугольном мысу. С востока мыс ограничен глубоким оврагом, по дну которого протекает ручей (рис. 3, *5*). Площадка городища ровная, не заросшая и не застроенная, слегка понижается к северу.

С южной напольной стороны городище укреплено кокошникообразным валом. Длина его 110 *м*, толщина 13 *м*, высота 1,5 *м*. Перед валом — углубление (как выяснилось, не являющееся следами рва), шириной до 7, глубиной 1 *м*.

Вал был разрезан траншеей (16×1,5 *м*). В разрезе четко выявились две разновременные насыпи. Ранний вал был насыпан прямо на древней почве. Насыпь велась в основном снаружи, о чем свидетельствует выемка в материке у подножия вала. На вершине вала прослеживается слой прокаленной глины темно-красного цвета, мощностью 30—33, шириной 140 *см*. Рядом, с внутренней стороны вала — черное угольное пятно, шириной 80, мощностью 15—20 *см* (рис. 4, *4*). Вероятно, это следы каких-то деревянных конструкций. Ширина раннего вала 6,3, высота 0,6 *м*.

Как свидетельствует собранный на городище керамический материал, первоначальная насыпь вала была сооружена в ананьинское время.

Позже, в пьяноборское время, поверх оплывшего древнего вала был насыпан новый (рис. 4, *4*). Ширина его по основанию 12 *м*, высота 95 *см*. Грунт для этой цели (темный гумус) брался непосредственно с поверхности городища, о чем свидетельствуют фрагменты керамики из верхних горизонтов насыпи вала.

Как уже отмечалось выше, рядом с валом не обнаружено следов рва, хотя на современной поверхности прослеживается выемка. Но образовалась она, вероятно, в результате некоторого «соскабливания» ананьинцами грунта с площадки перед валом при сооружении последнего. Этим и объясняется некоторое понижение уровня материка с напольной стороны, видимое на профиле траншеи (рис. 4, *4*). Неприступность же укрепления достигалась увеличением крутизны внешнего склона вала. Со временем весь вал был затянут слоем гумуса, сливающимся на площадке городища с культурным слоем.

Новомедведевское I городище расположено в 1—1,5 *км* к востоку от с. Новомедведевское Илишевского р-на БАССР, на высокой террасе левого берега р. Белой, в месте, где река делает резкий поворот на запад. Форма городища — мыс, с запада и востока ограниченный оврагами. Северная часть памятника срезана обрывом (рис. 3, *1*).

Остатки вала и рва прослеживаются в восточной части городища. Длина сохранившейся части вала 47 *м*, он сильно оплыл, современная его ширина 10, высота 2 *м*. Глубина рва 1, ширина 5 *м*.

С целью исследования конструкции вала был произведен его разрез. Для этого вплотную к краю обрыва был разбит раскоп (10×2 *м*).

Керамика, собранная в шурфах, разведочной траншее, а также в верхних слоях насыпи вала, свидетельствует о том, что городище возникло и функционировало в пьяноборское время. Картина сооружения вала представляется нам следующей; непосредственно на древней поверхности была возведена насыпь из грунта, взятого при рытье рва. Высота ее в восточной части 10 *см*, в западной 50 *см* (рис. 4, *3*). Видимо, эта насыпь оказалась довольно рыхлой и быстро осела. Чтобы восстановить вал, обитателям городища пришлось подсыпать его грунтом, взятым с края внутренней площадки городища. Так поверх первоначальной насыпи образовалась насыщенная золой прослойка, мощностью в центральной части до 1 *м* (рис. 4, *3*). А во избежание быстрого разрушения вала его внутренний склон был укреплен слоем плотной красной глины — традиция, уходящая корнями еще в ананьинскую эпоху. Со временем вал вновь оплыл, и операция повторилась. Место взятия грунта с площадки

городища прослеживается в виде углублений у основания вала с его внутренней стороны.

Городище Петер-Тау (Юлдашевское) расположено на высокой господствующей над окружающей местностью стрелке, в 3 *км* к северу от дер. Юлдашево Илишевского р-на БАССР. С востока и запада у подножия городища протекает р. Сюнь (левый приток Белой), делающая здесь крутую петлю (рис. 3, *4*). Общая площадь городища около 5000 $м^2$.

С напольной, южной стороны городище защищено двумя валами, а северная оконечность мыса — кольцевым валом (рис. 3, *4*). Высота внешнего вала 2 *м*, мощность 13 *м*, ров перед ним имеет ширину 8 и глубину 1 *м*. В 100 *м* к северу находится второй вал, высота его 0,5—0,7, мощность до 10 *м*.

Кольцевой вал имеет длину около 250 *м*, ширину с западной и восточной сторон 4 *м*, с северной и южной 10—12 *м*. У северной оконечности стрелки высота вала 4 *м*, с напольной стороны 2 *м*. Площадка городища между внутренним и кольцевым валами полностью уничтожена карьером для добычи гравия.

Памятник неоднократно исследовался (Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк, С. М. Васюткин [7], В. Ф. Генинг).

Мощность культурного слоя по всей площади городища не превышает 25—30 *см*. Собранная на городище керамика представлена сосудами трех типов: позднеананьинским, пьяноборским (данный тип преобладает) и бахмутинским (рис. 2, *10, 15—17, 23—25*). Причем первые два типа сосредоточены на площадке внутри кольцевого вала и на дне карьера. Это дает нам возможность вслед за В. Ф. Генингом отнести внешнюю линию укреплений к послепьяноборскому (бахмутинскому) времени [8].

Нами исследовалась южная, напольная часть кольцевого вала, основание которого задето карьером. Разрез выявил две разновременные насыпи. Малая, ранняя насыпь возведена непосредственно на древней почве и состоит из черного рыхлого гумуса. Ширина ее по основанию 8,25 *м*, высота в северной части до 0,65 *м*. Сверху подсыпка из гумусированного гравия, шириной 4,5 *м*, мощностью до 0,7 *м*. По вершине ранней насыпи прослеживается тонкий (5—7 *см*) слой красной прокаленной глины (рис. 4, *2*). Следов рва перед валом не обнаружено.

В основании раннего вала нет следов какого-либо фундамента, но выявлены три параллельно идущие вдоль насыпи канавки: первая в 75 *см* от внешнего края ранней насыпи, ширина ее около 1 *м*, дно закругленное. Канавка углублена в материк на 25 *см*. Вторая в 1,1 *м* к северу от первой. Ширина ее 50 *см*, дно закругленное, глубина от уровня материка 15 *см*. Третья канавка, идущая по центру ранней насыпи, выявлена на глубине 1,35 *м* от современной поверхности в виде полосы черного гумуса, четко выделяющейся на светлом фоне материка. Ширина ее 35 *см*, глубина от уровня материка 23 *см*, дно закругленное (рис. 4, *2*). Расстояние между второй и третьей канавками 0,7 *м*. Находок в заполнении канавок нет. Назначение их неясно, возможно, это следы полностью истлевших бревен, некогда положенных в основание вала.

Вторая, более поздняя и более мощная насыпь — явно бахмутинского происхождения. Состоит она из культурного слоя, насыщенного золой, костями и фрагментами керамики пьяноборского типа и взятого с краев площадки внутри кольцевого вала (чем и было вызвано некоторое поднятие центральной части площадки), а также с площадки между кольцевым и внутренним валом, ныне уничтоженной карьером.

---

[7] *Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. и др.* Раскопки в низовьях реки Белой.— АО — 1970, М., 1971, с. 154; *Васюткин С. М., Горбунов В. С.* Работы в низовьях р. Белой.— АО — 1972, М., 1973, с. 169.

[8] *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху, ч. II.— ВАУ, 1971, № 11, с. 121.

Несколько слов о кольцевой системе оборонительных сооружений городища Петер-Тау и некоторых других городищ р. Нижней Белой. Указанный выше памятник В. Ф. Генинг относит к так называемому третьему типу городищ пьяноборского времени, укрепленных кольцевым валом [9]. Однако разрез вала показывает только две насыпи: позднеананьинскую и бахмутинскую (рис. 4, *2*). Возникает вопрос: к какой из них отнести всю кольцевую систему? Для ананьинских городищ кольцевые валы несвойственны, а бахмутинские укрепления изучены пока недостаточно, чтобы можно было говорить о каких-то характерных особенностях их сооружения. Однако исследование ряда бахмутинских памятников на территории Северной Башкирии — Юмакаевское городище (Г. И. Матвеева), городища Барьязы и Варьяс (раскопки автора) [10] — позволили выявить такую отличительную черту, как сооружение валов в противоположных концах площадки городища — с напольной стороны и с острой, обрывистой оконечности мыса. Аналогичную картину мы наблюдаем и на городище Петер-Тау (рис. 3, *4*).

И второе: по краям площадки внутри кольцевого вала на городище Петер-Тау хорошо прослеживаются углубления — следы взятия грунта для сооружения укрепления. Едва ли было бы возможным проследить их, если бы кольцевой вал возводился в пьяноборское время, а затем здесь же жили и бахмутинцы, сооружавшие свою систему укреплений, т. е. также производившие обширные земляные работы, которые неизбежно должны были уничтожить следы прежних работ.

К типу городищ с кольцевой системой укрепления относит В. Ф. Генинг также городища Андреевское и Уяндыкское [11]. Подобные укрепления, по мнению исследователя, характерны для городищ пьяноборского времени в бассейне р. Белой [12]. Однако результаты наших работ на этих памятниках дают возможность сделать несколько иные выводы.

Уяндыкское городище находится в 250 *м* к западу от дер. Уяндык Илишевского р-на БАССР, на высоком (30 *м*) узком мысу, вытянутом по линии север-юг. У северного подножия мыса небольшой пруд. Площадка городища ровная, несколько поднимающаяся к северу. Склоны мыса поросли лесом (рис. 3, *7*).

У В. Ф. Генинга сказано: «Восточный конец мыса укреплен кольцевым валом, частично разрушенным в юго-восточной стороне. Размеры площадки внутри кольцевого вала всего около 500 кв. *м*. В западной и северо-западной стороне высота вала около 1,5 *м*, при ширине основания в 8—10 *м*. Общая длина кольцевого вала более 100 *м*. С западной стороны перед валом вырыт ров длиной 35 *м*, шириной 4 *м* и глубиной до 1,2 *м*» [13]. И далее: «Культурный слой на городище почти не прослеживается. Под дерновым слоем залегает материковая глина с галечником» [14].

К сожалению, нам не удалось выявить всю эту довольно сложную систему оборонительных сооружений, возможно в силу того, что поверхность мыса распахивается. Были обнаружены только вал и ров, защищающие северную оконечность мыса (рис. 3, *7*). Высота вала 2,5, ширина 10 *м*. Ширина рва 3, глубина 0,5 *м*. Траншея к северу от вала находок не дала, зато на пашне собрана богатая коллекция вещей и керамики пьяноборского типа (рис. 2, *21, 22*).

Концентрация находок на пашне южнее вала свидетельствует, что именно эта часть мыса была заселена в пьяноборское время. А местона-

---

[9] *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья..., ч. I.— ВАУ, 1970, № 10, с. 17, рис. 2, *8*.

[10] *Матвеева Г. И.* Отчет о раскопках на севере Башкирии в 1969 г.— Архив кабинета археологии БГУ; *Иванов В. А.* Отчет о раскопках 1974 г.— Там же.

[11] *Генинг В. Ф.* Ук. соч. (1970), с. 16, табл. В.

[12] Там же, с. 18.

[13] *Генинг В. Ф.* Ук. соч. (1971), с. 125.

[14] Там же, с. 127.

хождение оборонительных сооружений данного городища можно предположить на узком (25 *м*) перешейке, соединяющем мыс с коренной террасой, так как, во-первых, южнее перешейка находки уже не встречаются, а во-вторых, вряд ли можно найти более удобное для сооружения укреплений место, где при минимальных затратах труда можно создать весьма эффективную линию обороны. И едва ли это укрепление могло быть мощным, так как в противном случае на пашне, несомненно, должны были бы прослеживаться следы насыпи.

Нечто аналогичное наблюдается и на **Андреевском городище,** находящемся в 150—200 *м* к северо-западу от окраины с. Андреевка того же района, за большим логом, по дну которого протекает ручей. Памятник занимает узкий и длинный мыс левого коренного берега р. Белой. Площадка мыса вытянута по линии север-юг, несколько понижаясь в северной части. Высота мыса над поймой 8—12 *м*. Западный и восточный склоны разрушены оврагами (рис. 3, *б*). Площадка городища сильно изрыта, так как, по словам старожилов села, в конце XIX в. на данном мысу находилось старообрядческое кладбище. На северо-восточной оконечности мыса прослеживаются две большие ямы, из которых в 20-е годы брали глину для кирпичного завода.

Сильная поврежденность площадки городища не позволила визуально выявить не только следов мощного кольцевого вала, описанного в работе В. Ф. Генинга [15], но и вообще следов каких-либо оборонительных сооружений. Правда, на южной оконечности мыса, в 165—170 *м* от его северного склона, находится холм правильной овальной формы (38×15 *м*), высотой до 3 *м*, у подножия которого видны следы поздней траншеи (рис. 3, *б*). Однако считать его остатками оборонительной системы нам не представляется возможным, так как сооружение вала таких размеров требовало огромных усилий, а кроме того, склоны этого холма имеют большую крутизну именно с внутренней стороны, что совершенно непонятно для возведенного людьми укрепления.

Для выявления следов кольцевого вала нами в западной, более сохранившейся части площадки городища вплотную к ее краю была разбита траншея (12 $м^2$), профиль которой, вопреки ожиданиям, не дал положительных результатов.

Стратиграфия памятника на данном участке следующая: тонкий (5—7 *см*) слой дерна покрывает слой черного гумуса, содержащего несколько фрагментов керамики пьяноборского типа. Мощность данного слоя достигает в восточной части раскопа 50 *см*, в западной 25 *см*. Между гумусом и материком (желтая глина) — прослойка плотного серого суглинка мощностью 15—20 *см*. В целом уровень культурного слоя понижается в западной части раскопа, что вполне естественно для участка на склоне городища.

Таким образом, исходя из полученных данных, мы можем выделить ряд характерных черт оборонительных сооружений нижнебельских городищ эпохи раннего железа: 1 — городища позднеаналыинского времени укреплялись одним, реже двумя (Какры-Куль) валами; 2 — возводились валы из грунта, взятого при рытье рва, непосредственно на древней почве или на деревянном основании (Новокабановское, Аначевское, Петер-Тау); 3 — вершина вала укреплялась слоем прокаленной глины; 4 — следов деревянных частоколов по валу не прослежено.

В пьяноборскую эпоху картина существенно не меняется, что является еще одним свидетельством преемственности данной культуры от аналыинской: 1 — валов по-прежнему один или два, но появляются кольцевые укрепления; 2 — валы пьяноборских укреплений возводились на древней почве (Новомедведевское I) или насыпались поверх оплывших к тому времени аналыинских, из грунта, взятого с края площадки городища, что

[15] Там же, с. 132, 133.

несколько поднимало ее центральную часть, создавая тем самым дополнительную защиту оборонявшимся и позволяя им вести обстрел противника не только с вала, но и с центра площадки; 3 — вершина вала укреплялась слоем плотной глины; 4 — следов деревянных частоколов нет.

Что касается кольцевых валов, то исследованные нами городища Андреевское, Уяндыкское и Петер-Тау позволяют усомниться в правомерности выделения кольцевых валов в качестве признака, характерного для нижнебельских городищ пьяноборского времени. Так, из 22 городищ рассматриваемого времени, расположенных в Нижнем течении р. Белой [16], о кольцевой системе укреплений в настоящее время можно говорить применительно лишь к трем памятникам — городищам Тат-Ямалы, Такталачук и Новомедведевское II. Последнее, к сожалению, в настоящее время полностью разрушено строительными работами [17]. А городища Якимовское I и II расположены на р. Березовке, в 36 *км* к северу от р. Белой, и в большей степени относятся к бассейну Камы.

Обращает на себя внимание и еще один интересный, на наш взгляд, факт: все рассмотренные выше городища расположены на сравнительно небольшой территории и составляют довольно компактную группу. Как известно, подобные городища могли быть или убежищами во время межродовых войн [18], или местами длительного постоянного обитания. Последнему, применительно к данным городищам, противоречат их размеры (таблица) и мощность культурного слоя (если учесть, что памятники эти, как правило, двуслойные).

Оставляет место для сомнений также и трактовка рассмотренных выше городищ как родовых убежищ. Например, поблизости выявлено мало открытых поселений, жителям которых приходилось бы скрываться в случае опасности на городище. Так, в рассматриваемом районе известно девять городищ и всего четыре селища ананьинско-пьяноборского времени [19]: Новомедведевское I, Новокиргизовское, Уяндык I и серия юлдашевских. Причем юлдашевские селища представлены настолько незначительным количеством материала, что скорее напоминают если не просто местонахождения керамики, то кратковременные сезонные стоянки.

В связи с этим интересную картину дает нам анализ размеров указанных городищ и их топографии. Наиболее крупное среди них — городище Петер-Тау (18200 $м^2$). Все же остальные образуют своеобразный «куст», примыкающий к нему с севера, востока и юго-востока (рис. 1). Возможно, городище Петер-Тау являлось родовым или племенным центром, вокруг которого, прикрывая его, группировались более мелкие укрепления [20].

Городище	Площадь, $м^2$	Мощность культурного слоя, *см*	Городище	Площадь, $м^2$	Мощность культурного слоя, *см*
Новокабановское	3600	20–40	Уяндыкское	7400	Распахано
Какры-Куль	5500	Распахано	Андреевское	7200	35–40
Трикольское	7200	30–45	Новомедведевское I	–	20–35
Аначевское	8400	35–45	Петер-Тау	18200	15–20

[16] *Генинг В. Ф.* Ук. соч. (1970), рис. 1.

[17] Сведения получены автором во время полевых работ 1974 г.

[18] *Смирнов А. П.* Прикамье в I тысячелетии нашей эры.— Сборник статей по археологии СССР. М., 1939, с. 145.

[19] *Генинг В. Ф.* Ук. соч. (1970), рис. 1.

[20] Мысль, высказанная Б. Б. Агеевым в частной беседе с автором.

V. A. Ivanov

LES CONSTRUCTIONS DEFENSIVES DES GORODITCHES DU DEBUT DE L'AGE DU FER DANS LE NORD-OUEST DE LA BACHKIRIE

Résumé

Il a été procédé à l'étude des ouvrages défensifs des goroditchés situés sur la rive droite de la Biélaïa inférieure (Novokabanovskoïé, Kakry-Koul), ainsi que sur la rive gauche (Trikolskoïé, Anatchevskoïé, Andréievskoïé, Ouiandynskoïé, Novo-Medvédevskoïé I, Peter-Taou), lesquels sont dispersés sur un territoire relativement peu étendu. Les pièces en céramique de ces monuments permettent de les dater de l'Ananien tardif et de l'époque de Piani-Bor. Les fouilles ont permis de déterminer les traits carctéristiques des ouvrages défensifs des goroditchés au début de l'Age du Fer, sur le cours inférieur de la Biélaïa. Ces ouvrages présentaient les caractères suivants: un seul remblai de terre le long d'un fossé défendait les goroditchés; ce rempart était fait de la terre provenant du creusement du fossé et qui était répandue à même le sol primitif ou sur un lit de bois (Novokabanovskoïé, Anatchevskoïé, Peter-Taou); le couronnement du rempart était consolidé par une couche d'argile calcinée, mais il n'a pas été découvert de traces de palissades de bois. La petite superficie des goroditchés étudiés, la minceur de la couche culturelle, la faiblesse des ouvrages de défense et l'absence dans le voisinage d'agglomérations sans fortifications, ne permettent pas de considérer ces goroditchés comme des lieux d'habitat permanent, ou comme les abris d'une tribu. En même temps, le fait qu'un important nombre d'agglomérations sont réparties sur un territoire restreint permet de supposer que ces dernières appartenaient à un même système défensif protégeant le centre tribal, qui était probablement le goroditché de Peter-Taou.

С. К. КАБАНОВ

РАСКОПКИ СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ III—V ВВ. Н. Э. БЛИЗ КАРШИ

Наиболее распространенными в Каршинском оазисе являются древние поселения, имеющие в настоящее время вид бугров с крутыми склонами и относительно ровной верхней площадкой. Таким является, например, Кош-Тепе 2, которое находится вблизи сел. Мирмирон у юго-западной окраины г. Карши, по дороге в Бешкент. Памятник представляет собой овальный в плане бугор высотой 9 *м* (рис. 1), длиною (в направлении с севера на юг) у основания в 73 *м*, шириной в 60 *м*; размеры верхней площадки значительно меньше — соответственно 45×30 *м*. Поселение, судя по рельефу, имело два входа — в южной и западной сторонах. «Кош-Тепе» в переводе означает «двойное тепе», недалеко от него, примерно в 300 *м* к юго-западу, находится более крупный бугор (Кош-Тепе 1) двухъярусный, с выделяющейся вышкой.

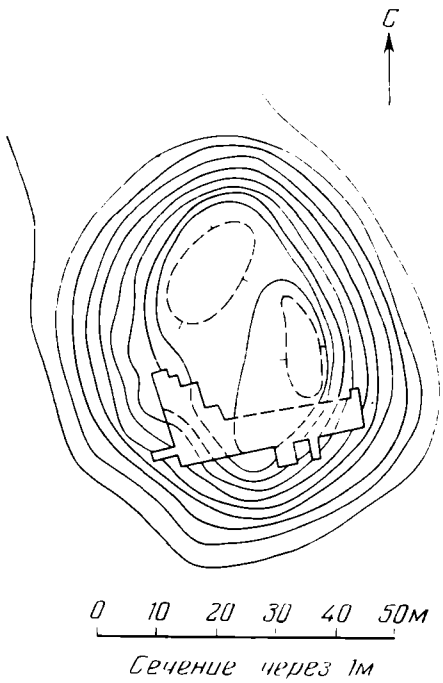


Рис. 1. Кош-Тепе 2. План

В 1971—1972 гг. автор вел разведочные раскопки[1], позволившие установить планировку примерно одной пятой части площади поселения, его стратиграфию, а также собрать значительный комплекс археологических материалов, в которых с большой четкостью выявляются особенности материальной культуры Нахшеба, как в древности назывался оазис низовой части долины р. Кашкадарья.

Раскоп площадью 450 *м*² занял южный склон тепе, южную половину западного склона (рис. 2) и небольшой прилегающий участок верхней площадки. В раскопе выявлены два жилых массива (или здания) — западный и восточный, разделенные узким проходом (рис. 3 и 4). Западный массив отличается большей стройностью плана. Он прилегает к крепостной стене, которая является его внешней стеной с южной и западной сторон.

На южном склоне вскрыты два больших помещения (2 и 4): к первому из них с востока прилегало еще одно помещение, небольшое (№ 1),

[1] Работы велись экспедиционным отрядом Института археологии Академии наук УзССР в связи с подготовкой к строительству Каршинского магистрального канала.

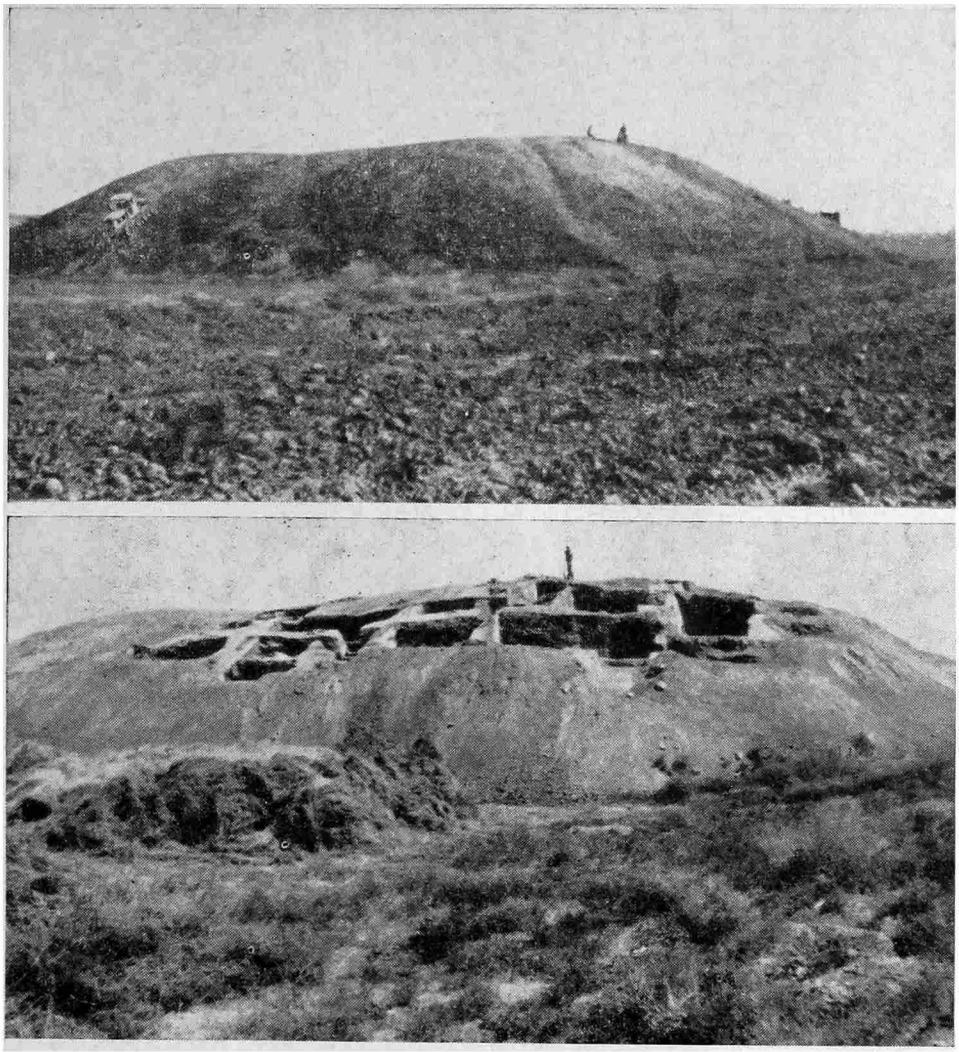


Рис. 2. Кош-Тепе 2. Вид с запада после раскопок

пристроенное к массивной (толщиной в 1,35 *м*) стене помещения 2. Его пол находился на глубине 1,5 *м* от поверхности.

Помещения западного массива от поверхности до уровня полов, лежащих на глубине до 3,5 *м*, заполнены завалом из рыхлой желтой глины, местами буроватого оттенка. В завале помещения 9 находилась примесь золы и обожженной земли. В помещении 2 встречались фрагменты стенок очагов, а пол его, ровный и плотный, усыпан золой с вкраплениями угольков. Часть северной стены обожжена и закопчена, в западной части помещения было очень много обожженной пылевидной земли. В пол помещения 4 были вкопаны три хума (рис. 5). Помещение 7 с восточной стороны не замкнуто, и в последний период обживания поселение могло служить айваном. Проемы (шириной от 0,80 до 1 *м*) между помещениями — без признаков арочной кладки и, видимо, перекрывались балкой. Стены оштукатурены. Северную часть двух помещений (9 и 19) занимает суфа.

Для исследования наслоений, подстилающих пол помещения 2, в его северо-западном углу был заложен шурф размером 2,5×1,5 *м*. До глубины в 5 *м* от поверхности вскрывался комковатый грунт, рыхлый, буроватого оттенка. В северной стене был открыт проем плоского перекрытия, уровень перекрытия которого совпал с уровнем пола (рис. 4, II).

При углублении шурфа до 5,5 *м* установлено, что капитальная стена возведена на стилобате из комков буровато-желтой глины. Расчисткой в

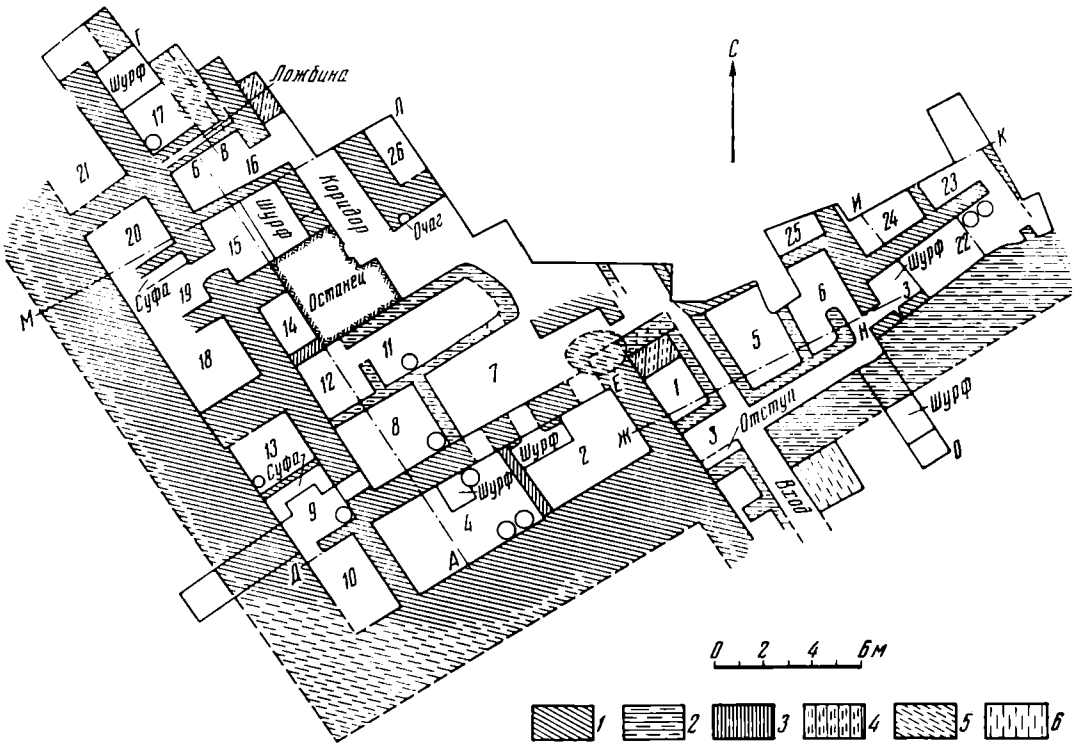


Рис. 3. План раскопа на Кош-Тепе 2. *1* — глинобитные стены первого строительного периода; *2* — глинобитные стены второго периода; *3* — кирпичные стены второго периода; *4* — кладки третьего периода; *5* — завалы из обожженной земли во 2—3 ярусах; *6* — накладка (контрфорс) к крепостной стене из комков глины

западной части памятника (помещение 9) определена толщина внешней стены поселения. Мощность ее была не менее 3,3 *м*.

На глубине 10—20 *см* вдоль западного склона тепе, параллельно крепостной стене, тянулась капитальная стена толщиной в 1,2—1,3 *м*, прослеженная на протяжении 23 *м* от помещения 4 до ложбины на западном склоне тепе. По обе стороны этой стены расположены два ряда помещений, западные из них сохранились плохо. По восточную сторону стены лучше других сохранились помещения 15 и 16, разделенные тонкой (40 *см*) стенкой, проведенной наискось таким образом, что в помещении 15 более широкой является западная его часть, а в помещении 16 — восточная; вместе, однако, они составляют правильный прямоугольник, вытянутый с севера на юг, длиной 5,4 *м*, шириной 3,5 *м*. Видимо, в начале этот участок занимал небольшой зал, перегороженный при перестройке косой стенкой на две части. Этот вывод подтверждает и наличие относительно широкого дверного проема к восточной стене помещения 16, равного 1,3 *м*.

Помещение 16 с севера ограничено (как помещение 8 с юга) капитальной стеной толщиной 1,2 *м*.

На верхнем срезе капитальной стены, ограничивающей помещение 16 с севера, примерно на середине поверхности была расчищена продольная ложбина шириной 30 *см* и глубиной 15 *см*. Осталось неясным назначение этой ложбины, но ее наличие является признаком обживания поселения уже после того, как капитальное здание было разрушено. За стеной, с северной ее стороны, был обнаружен завал из рыхлой глины, обожженной земли и керамики, среди которой выделялись обломки курильниц на вертикальных стержнях. Некоторые курильницы были гончарным браком. На глубине примерно в 1 *м* был расчищен пол, прикрытый слоем обож-

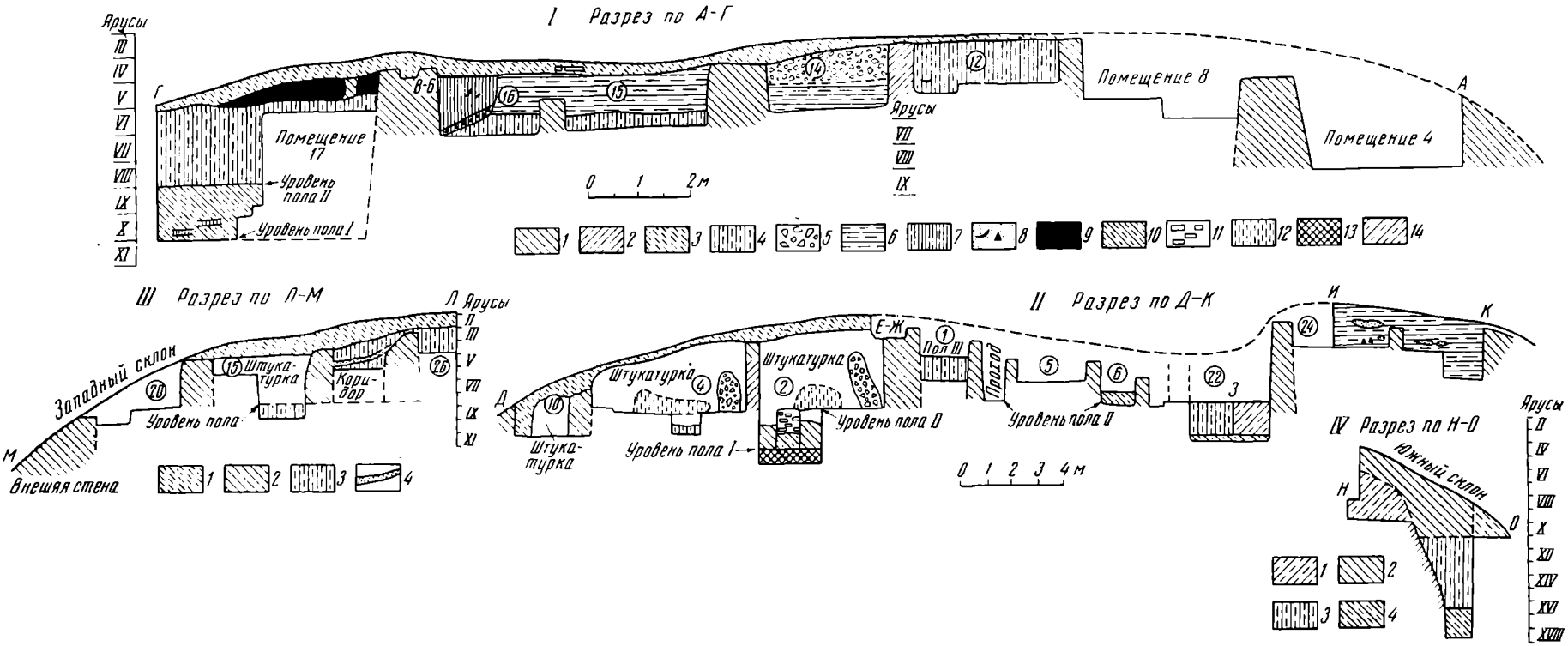


Рис. 4. Кош-Тепе 2. Разрезы к плану. Условные обозначения: ч. I и ч. II: *1* — глинобитные стены сплошной кладки; *2* — стены из сырцового кирпича; *3* — рыхлый завал; *4* — комковатая глина; *5* — завал из комков пахсы (битой глины); *6* — рыхлая глина светло-желтого цвета с пятнами органических остатков, золы; *7* — органические остатки; *8* — керамика, уголь, зола; *9* — завал из обожженной земли, угля, золы; *10* — глина буроватого цвета аморфной структуры; *11* — закладка из кирпича; *12* — обожженная и закопченная штукатурка; *13* — плотная комковатая глина (стилобат); *14* — глинобитная кладка крепостной стены с членением на блоки. ч. III: *1* — рыхлый завал аморфной структуры; *2* — глинобитные стены сплошной кладки; *3* — плотный завал желтого цвета; *4* — уголь, зола. ч. IV: *1* — стена из крупных блоков пахсы; *2* — глинобитная стена сплошной кладки; *3* — завал комковатой структуры; *4* — буровато-серый грунт аморфной структуры

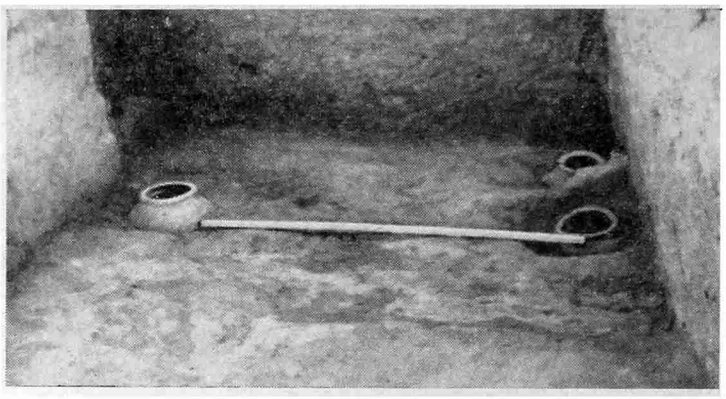


Рис. 5. Помещение 4. Вид с запада

женной земли и угля. Несомненно, это был уровень последнего периода обживания поселения; можно предположить, что в этом месте в последний период обживания поселения была гончарная печь для обжига лепных изделий. Но из-за плохой сохранности восстановить какие-либо особенности ее конструкции оказалось невозможным.

Небольшой участок верхней площадки тепе был вскрыт восточнее помещения 15 и останца, прикрывающего восточную часть помещения 14. На этом участке был выявлен коридор (рис. 3; рис. 4, III). Длина вскрытого отрезка коридора 12 *м*; с южной стороны он ограничен стеной помещения 11. Северная часть коридора в последний период жизни поселения была заложена чередующимися слоями плотной желтой и буроватой «болотной» (туюнной) глины, ширина коридора 2 *м*, толщина его западной стены около 1 *м*, восточной — 1,4 *м*.

К востоку от коридора открыт угол, по-видимому, центрального помещения или двора (рис. 3, помещение 26).

Почти в середине южного склона, с небольшим смещением к востоку, в крепостной стене открыт вход в поселение. В последний период ширина его составляла всего 1,15 *м*. Видимо, в первоначальный период ширина его была значительно больше, она составляла не менее 3 *м*. Коридор был сужен за счет пристройки помещения 1, а также небольшой предвратной камеры, пристроенной к массивной стене поселения.

От входа начинаются два узких коридора, один из них вел в глубь поселения, второй шел вдоль крепостной стены и вел в восточный жилой массив, вскрытый на небольшой площади, что не дает возможности судить о его планировке. Можно предположить, что постройки его были менее капитальными, а планировка менее стройной, чем в западном массиве.

В восточной части раскопа полностью оконтурено только одно помещение — 22; длина этого помещения почти 8 *м*, ширина 2,2—2,4 *м*. С юга оно ограничено крепостной стеной, с севера — капитальной гладко оштукатуренной стеной. Кроме узкого прохода с запада в этом помещении есть и еще один проем, ведущий на север, вдоль восточной стены.

Для выяснения конструкции южной стены были заложены два шурфа, один из них — в помещении 22, второй — с внешней ее стороны (рис. 3). Выявилось, что вначале стена была возведена из крупных блоков пахсы, в более поздний период над ней была возведена глинобитная стена (рис. 4, IV).

Поскольку раскоп был разведочным, можно только ориентировочно наметить некоторые этапы перестроек, условно назвав их строительными периодами. Древнейшие стены сооружения зафиксированы на чертеже (рис. 3) как относящиеся к первому строительному периоду. Уровни по-

лов I и II (см. рис. 4, II) относятся к одному строительному периоду: возможно, что первоначально здание было двухэтажным, поскольку дверные проемы на различных уровнях прорезают одну и ту же стену. Ко второму строительному периоду относится помещение 1, а также тонкие стены помещений 5 и 6, 8, 11 и 12. В этот же период дополнительно укреплена восточная часть южной стены. Наконец, к третьему периоду можно отнести кладку из тюнной глины в северной части внутреннего коридора, кладку над помещением 1 и следы гончарного производства над помещениями 2 и 17.

Стилобат, на котором возвышалось укрепленное поселение, находится на глубине 5 *м* и практически был недосягаем для исследования.

Керамические находки хорошо разделяются стратиграфически. Наиболее древними можно считать фрагменты кубков на высоких полых ножках, происходящие из нижних наслоений (рис. 6, *11—13*). Этот тип сосудов весьма характерен для II—III вв. н. э.[2]

В верхних и нижних слоях Кош-Тепе 2 частыми находками являются тонкостенные кувшинчики (рис. 6, *14—18* и рис. 7, *7, 8*), встречавшиеся на многих памятниках Каршинского оазиса[3] в наслоениях III—V вв. Эти кувшинчики обычно отличаются хорошим обжигом. Плотный белый ангоб покрывает весь корпус сосуда, за исключением придонной части, где ангоб красноватый или розовый. Кувшинчики имеют небольшое, но достаточно устойчивое донышко, покатые плечики и довольно широкое горлышко, завершающееся утолщенной полоской вокруг устья. Высота сосудов около 15 *см*. Надо отметить, что на Кош-Тепе 2 не все сосуды этого вида выполнены в совершенной гончарной технике: некоторые из них имеют слабый обжиг, покрыты серым, отслаивающимся ангобом; они более приземисты (рис. 8, слева). Возможно, что эти сосуды являются продукцией сельских гончаров.

На Кош-Тепе 2 впервые встретился кувшинчик гончарного производства с почти шаровидным туловом на поддоне, узким горлышком, расширяющимся кверху раструбом. Ручка почти овальная в разрезе, прикреплялась к краю устья сосуда и к плечику. Черепок имеет розовый цвет, ангоб плотный, белый, у донца красный. Высота сосуда 21,5 *см*, диаметр устья 7 *см* (рис. 8, справа). Сосуд найден в верхних наслоениях (в помещении 12, на глубине 70 *см*), но обломки подобных сосудов найдены в нижних слоях, в частности в завале над полом помещения 2 (рис. 6, *20*).

Примечательно, что в пределах Согда описанные сосуды характерны только для Нахшеба. Ближайшие им аналогии выявлены далеко на западе — в Мерве. Там известны несколько более крупные кувшинчики, без поддонов и на поддонах, стройные, примерно с таким же соотношением тулова и горлышка, без венчика и с ручкой, прикрепленной к горлышку несколько ниже; датируются эти сосуды II—III вв. н. э.[4]

Быть может, это сходство теперь и не является таким уж неожиданным в свете выявляющегося факта правления в Нахшебе отпрысков аршакидской династии как ставленников кушанских владетелей[5]. Вполне вероятно прибытие в Нахшеб мастеров из Мерва и внедрение ими в обиход местного населения некоторых форм сосудов.

Рассмотренные кувшинчики являются наиболее характерными среди тонкостенной посуды, изготовленной на круге. Как в нижних (рис. 6,

---

[2] *Кабанов С. К.* Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб.— В сб.: Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973, с. 65, рис. 14, *2*.

[3] *Кабанов С. К.* Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв.— ВДИ, 1956, № 2, с. 165, 166.

[4] *Рутковская Л. М.* Античная керамика древнего Мерва.— ТЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, с. 74, рис. 10, *13* и др.

[5] *Массон М. Е.* Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973, с. 18; *Кабанов С. К.* Поздние кушаны в Нахшебе.— ВДИ, 1973, № 3, с. 170.

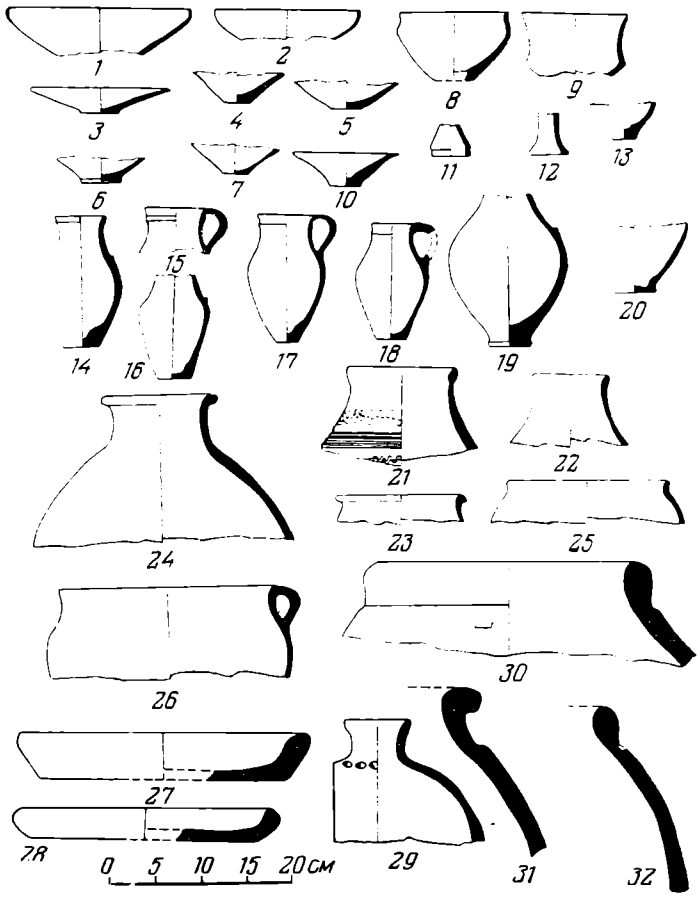


Рис. 6. Станковая керамика из нижних наслоений

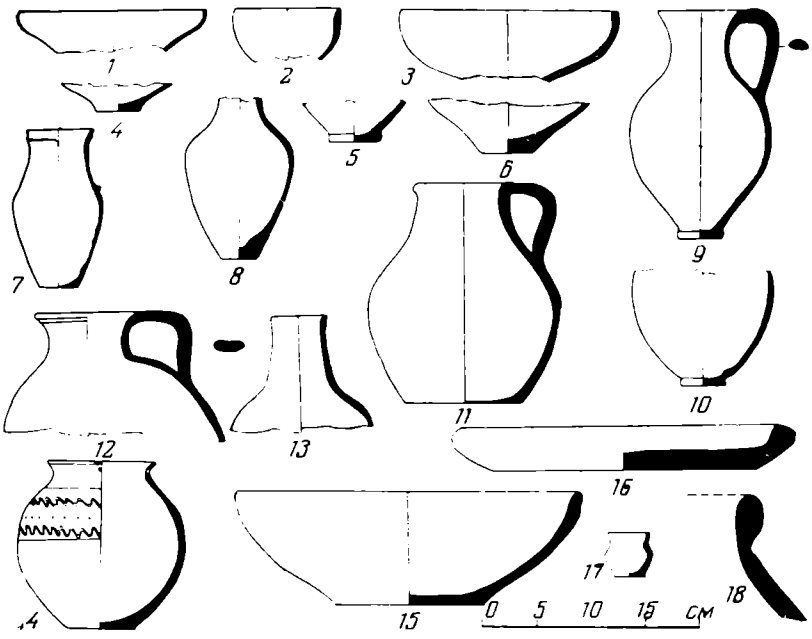


Рис. 7. Станковая керамика из верхних наслоений

1—2), так и в верхних (рис. 7, *1, 4*) наслоениях встречались фрагменты красноангобированных уплощенных чаш, по форме и по технике изготовления очень сходных с сосудом, найденным на Дагай-Тепе [6].

Толстостенная посуда станковой работы представлена также кувшинами с коротким объемистым туловом и короткой же горловиной с широким устьем. Из верхних наслоений происходит бракованный кувшин с помятым корпусом (рис. 7, *12*), что свидетельствует о местном производстве станковой посуды. Вьючные фляги — мустахара — имеют узкое горлышко и объемистый корпус, одна сторона которого плоская, вторая — полусферическая (рис. 6, *29*). Найден горшкообразный сосуд с орнаментом в виде волнистых линий на плечиках (рис. 7, *14*). Очень характерны толстостенные подносы с широкими днищами и невысокими бортиками (рис. 6, *27, 28*; рис. 7, *16*); такие сосуды часто встречались в наслоениях III—V вв. окрестных памятников [7].

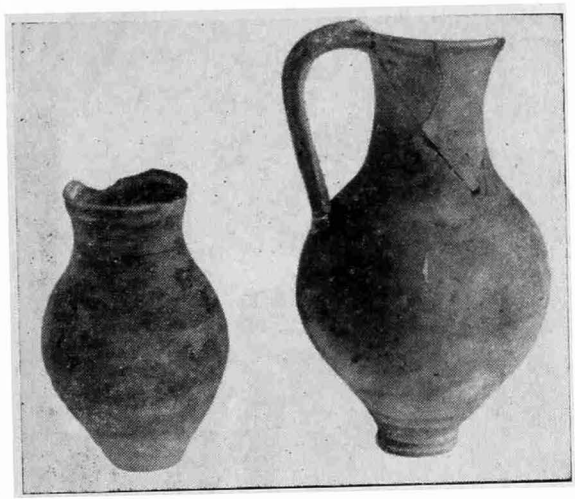


Рис. 8. Тонкостенные кувшинчики

Не менее двух третей всех керамических находок составляли обломки хумов (рис. 6, *30—32*; рис. 7, *18*). В ряде помещений найдены целые сосуды (на плане рис. 3 они обозначены кружка́ми). Они яйцевидной формы, края устья обрамлены валиками. Высота хумов до 1 *м*.

От руки изготовлялись все жаростойкие сосуды — котлы, курильницы, светильники; в тесто этих сосудов включалось большое количество шамота (толченой керамики), что придавало им относительную жаростойкость. При изготовлении лепной посуды, надо полагать, древние традиции гончарства были наиболее устойчивыми.

На полу помещения 2 найдены обломки очень крупного котла высотой в 28 *см*, с диаметром корпуса в 40 *см* (рис. 9, *1*). Толщина его стенок до 3 *см*; снаружи и внутри стенки обмазаны плотным желтоватым ангобом. Поверхность шероховатая от выступающих частиц примесей. Котел изготовлялся в два приема: верхняя и нижняя части формовались отдельно, затем они соединялись. В месте соединения, примерно в середине высоты сосуда, рельефно выявляется шов. Днище плоское, с закругленным переходом к объемистому корпусу; корпус плавно сужается к устью, край которого срезан.

Описываемый сосуд отличается не только размерами, но и особым убранством. На плечики сосуда наложены знаки в виде дужки с плавно загнутыми в стороны и вверх концами, образующими незамкнутую окружность; от вершины дуги опущена вертикаль, раздваивающаяся на уровне ее основания (рис. 10). Таких знаков на котле было не менее двух. Подобные знаки известны в этнографических материалах [8]. Судя по ангобу, толщине стенок, технике исполнения, описанному сосуду принадлежало схематическое налепное изображение горного козла (рис. 9, *12*). Можно предположить, что описанный сосуд использовался в особо торжественных случаях.

---

[6] *Кабанов С. К.* Археологические данные..., с. 166, рис. 3.

[7] *Кабанов С. К.* Руины здания времени кушан близ Карши.— ИМКУ, 1973, вып. 10, с. 32, рис. 2, комплекс 1, *9*.

[8] *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М.— Л., 1959, с. 91, 92, рис. 31, *1, 2*; в этих прорисовках знаки перевернуты в сопоставлении с выявленным на котле из Кош-Тепе 2.

В помещении 2, также около пола, найден крупный фрагмент котла другого вида. Котел с плоским дном и почти прямой стенкой корпуса, видимо, предназначенный для повседневного применения (рис. 9, *6*); около донышка — декоративная ручка в виде перевернутой дуги.

В том же помещении найдены фрагменты и других котлов с декоративными ручками в виде выступов, сверху обрамленных скобами (рис. 9, *8, 9*) или волнистыми линиями (рис. 9, *10, 11*). Встречаются, однако, и котлы с ручками, пригодными для переноски сосудов (рис. 9, *5, 13*). На

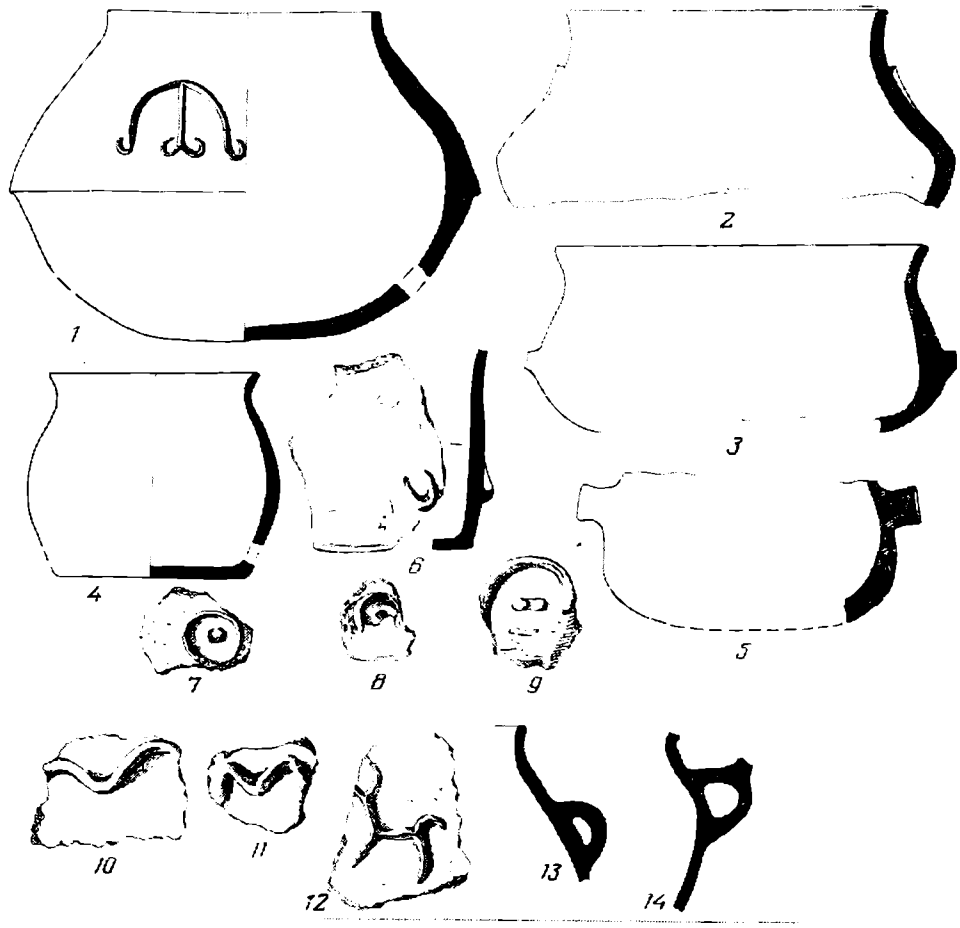


Рис. 9. Котлы

ручках двух котлов из верхних наслоений имеется навершие в виде круглого выступа (рис. 9, *14*), являющееся рудиментом зооморфного изображения.

Обнаружение в помещении 2 большого количества обожженной земли, фрагментов стенок очага и котлов дает основание предположить, что это помещение было кухней.

Почти во всех обследованных памятниках Каршинского оазиса, в наслоениях III—V вв., там, где встречались описанные выше тонкостенные кувшинчики, встречались и фрагменты курильницы на высоких стержнях. Лишь в одном случае удалось восстановить форму сосуда [9]. Наибольшее количество курильниц обнаружено на Кош-Тепе 2; возможно, что здесь действительно изготовляли эти сосуды. Большая часть этих сосудов грубой лепной работы. Стержни, которых найдено не менее 20, округлые или квадратные в срезе, высотой в 12—18 *см*, с ручками или без ручек

[9] *Кабанов С. К.* Археологические данные..., с. 168, рис. 8.

(рис. 11). Сосуды покрывались серым или желтоватым ангобом. Резервуар — в виде чаши с прямыми или слегка закругленными стенками, основания курильниц имеют вид опрокинутой чаши. Поверхность чаши, поддона украшалась орнаментом, основными элементами которого являлись шиповидные или круглые плоские налепы в сочетании с налепными же валиками. Сочетания этих простых элементов орнамента были разнообразными: чаще всего концентрические ряды шиповидных выступов, прямые или извилистые радиальные линии, чередующиеся с точечными рядами, с неизменным бордюром по краю из шиповидных налепов; из валиков образуются снопы лучей или несложная геометрическая вязь.

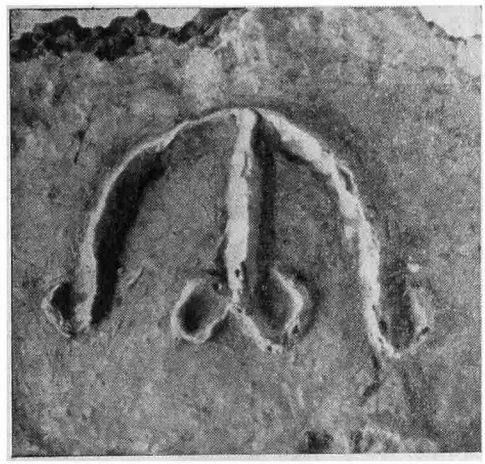


Рис. 10. Знак на котле

Светильники встречались значительно реже курильниц. Они имеют вид плошки с невысоким бортиком, с зубчатым краем и с ручкой в виде горизонтального стержня, иногда украшенного зооморфным изображением. Один из светильников имеет ручку в виде довольно натуралистично выполненного изображения барана с удлиненным туловищем[10]; на массивной шее — голова с заостренной мордой; глаза — в виде круглых налепов; такие же налепы нанесены на лоб, между рогами и на затылок — по одному. Вдоль спины нанесен продольный ряд таких же круглых налепов. От него отходят ряды налепов к передним и задним конечностям: создается впечатление изображения остова попоны. Передние ноги животного закреплены на бортике, голова нависает над резервуаром. Светильник слеплен из тонко промешанной глины с небольшой примесью мелкодробленой керамики; ангоб серый, с зеленоватым оттенком. Часть внутренней поверхности бортика резервуара ошлакована. Длина всего светильника с ручкой 20 *см*, диаметр резервуара 11 *см*, высота его 3 *см*. Зооморфная ручка сосуда с таким богатым убранством дает возможность предположить, что этот светильник предназначался для обрядовых целей.

Второй светильник — с более примитивной ручкой, круглой в сечении. Верхняя часть ее, видимо, также была увенчана налепом в виде головы животного.

От руки лепилась не только жаростойкая посуда, но и некоторые виды сосудов для стола и кухни. К ним прежде всего относятся миски, имевшие округлое или плоское дно. Встречались цилиндрические кружки с проушными ручками и миниатюрные сосуды. Крышки имеют вид плоских дисков, верхняя поверхность которых украшалась чаще всего вдавлениями пальцев или палочкой, расположенными иногда концентрическими кругами; встречались и крышки, украшенные довольно сложным налепным орнаментом в виде плетения. Ручки крышек в виде пластинчатых выступов, дужек, в одном случае — двух пересекающихся дужек. В мелких обломках найдены жаровни с невысокими вертикальными стенками.

Из керамических изделий кроме посуды встречались пряслица, застежки, дисковидные подвески из необожженной глины для ткацкого станка. Они имеют два-три отверстия для подвешивания. Часто встречались очажные подставки, найденные ранее на многих памятниках III—VI вв.[11]

---

[10] *Кабанов С. К.* Поздние кушаны в Нахшебе, с. 163, рис. 4.
[11] *Кабанов С. К.* Археологические данные..., с. 168, рис. 9.

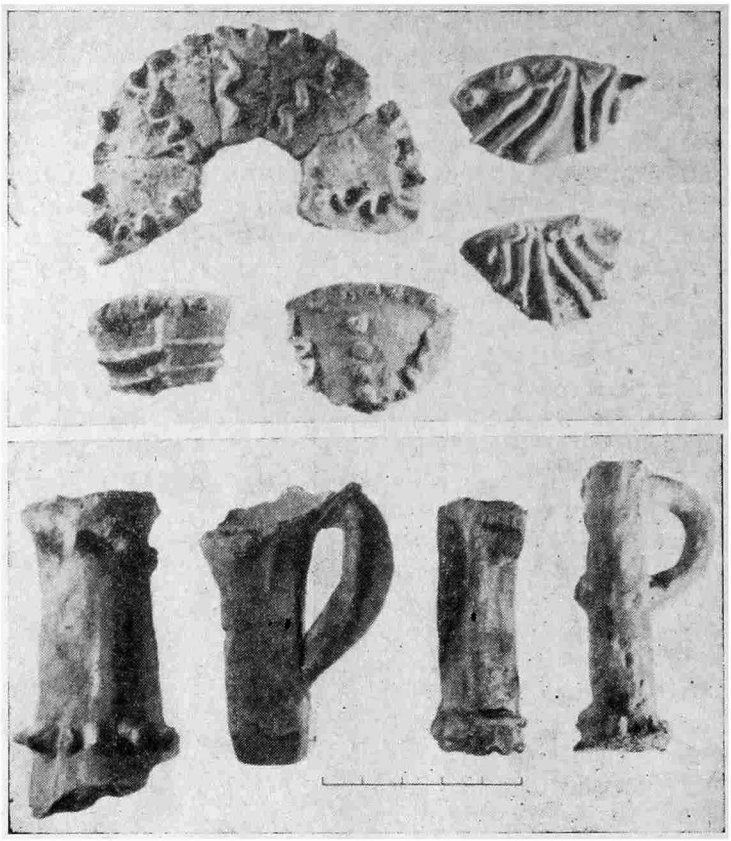


Рис. 11. Курильницы. Вверху — образцы налепного орнамента, внизу — стержни

Довольно частыми находками были зернотерки и ручные жернова; нижние камни жерновов — с выпуклой рабочей поверхностью, верхние — с вогнутой.

В завале над помещением 7 на глубине 1,5 *м* найдена раковина-жемчужница (рис. 12) диаметром 14,8 *см*[12]. На внутренней перламутровой поверхности выгравированы три группы кружков (диаметром 0,7 *см*). Возможно, раковина имела магическое значение. Найдены и еще два фрагмента раковин, но без гравировки.

Из поселения происходят девять монет, но почти все они плохой сохранности. Семь монет определены как нахшебские[13]. На их аверсе изображение головы владетеля в профиль влево, на реверсе — владетель во весь рост, поражающий коротким мечом вставшее на дыбы львоподобное чудовище (на большинстве монет изображения восстанавливаются по отдельным сохранившимся элементам). Одну из монет можно определить как относящуюся к раннему типу и датировать IV в., две монеты относятся к V в.

В результате двух полевых сезонов на Кош-Тепе 2 было установлено, что поселение существовало в III—V вв. н. э. Оно состояло из нескольких плотно сомкнутых крупных зданий, обнесенных общей стеной. Выявлены признаки трех строительных периодов, но смена их, по крайней мере двух последних, не сопровождалась изменением состава культурных остатков: это была только перестройка постоянными обитателями использовавших-

[12] Pinctada margaritifera, моллюск из Индийского океана. Определение научного сотрудника Института зоологии АН СССР О. А. Скарлата (Ленинград).

[13] *Кабанов С. К.* Нахшебские монеты V—VI вв.— ВДИ, 1961, № 1, с. 137—144; *его же.* Поздние кушаны в Нахшебе, с. 160—166.

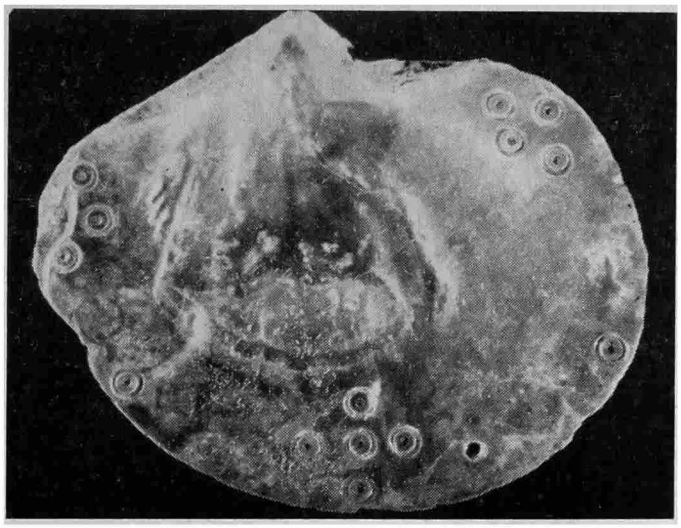


Рис. 12. Раковина-жемчужница

ся в течение длительного времени зданий, сложенных из легко поддающегося разрушениям материала — глины.

Отсутствие на Кош-Тепе 2 особой, обычной для более крупных поселений, возвышенной части, которую можно было бы принять за развалины цитадели или здания типа замка, дает основание предположить, что здесь не было владетеля-аристократа; возможно, что на поселении обитали несколько родственных семей, объединенных в большесемейную общину. Наличие таких больших помещений, как 2 и 4, видимо, бывших общими для всех обитателей и служивших в качестве кухни и склада, говорит в пользу этого предположения.

Некоторые виды изделий, обнаруженных при раскопках, характеризуют идеологические представления древних обитателей поселения; вместе с тем они дают основание для вскрытия элементов этнической истории Нахшеба.

Пожалуй, одной из наиболее заметных особенностей в материальной культуре Нахшеба III—V вв. явилось широкое применение на жаростойких сосудах (курильницах, котлах, светильниках) налепного орнамента. Чаще всего им украшались курильницы. На данном памятнике курильницы встречались особенно часто, быть может, здесь они и изготовлялись, но они не редкость и на других поселениях этого времени в оазисе, а также и в прилегающих к нему с востока орошенных землях.

Этнографические данные позволяют установить назначение этих сосудов. Таджики отдаленной горной долины Хуф при каждом важном хозяйственном процессе выполняли установленный ритуал, в котором немаловажное значение имело окуривание, например, при окончании помола зерна [14], при первом после зимовки выгоне скота на пастбище [15], при выезде на летовки [16], при подготовке к выплавке железа [17]. Применяли воскурпвание и гончары [18].

В древности, надо полагать, обычай жертвоприношения и окуривания выполнялся неукоснительно, для чего и служили курильницы: это был предмет, связанный с выполнением обрядов, выработанных в соответствии

---

[14] *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Амударьи), вып. II. Сталинабад, 1958, с. 95.

[15] Там же, с. 129.

[16] Там же, с. 134.

[17] Там же, с. 185.

[18] *Пещерева Е. М.* Ук. соч., с. 120, 121.

с магическими представлениями древних земледельцев; таких обрядов, как видно, совершалось немало на протяжении каждого года. Этим и объясняется большое количество находок этих сосудов.

Выше было отмечено, что в памятниках Каршинского оазиса курильницы встречались там же, где и тонкостенные кувшинчики. В свете приведенного сопоставления с этнографическими материалами выясняется, что это не случайно, в этом совпадении отражается тот же обычай сопровождать хозяйственную деятельность магической обрядностью. Собственно, вывод о культовом назначении кувшинчиков был сделан ранее [19], правильность его теперь подтверждается новыми наблюдениями.

Интересно отметить, что кувшинчик с поддоном, очень похожий на выявленный в наслоениях Кош-Тепе 2 (рис. 8, справа), замечен в руках жреца, изображенного в сцене жертвоприношения или воскуривания на стенной росписи языческого храма в Дура-Европос. Жрец в длинном одеянии и в высоком остроконечном головном уборе в левой руке держит кувшинчик над правой рукой, опущенной вниз и простертой над жертвенником [20]. Присутствует много лиц в роскошных одеждах. Эта сцена связывается с ритуалом воскурившия фимпама [21]. Памятник (роспись) датируется концом II — началом III в. н. э. В свете приведенных данных можно считать, что курильницы были домашними жертвенниками и применялись также при совершении других обрядов помимо жертвоприношений.

Среди находок на Кош-тепе 2 очень интересен котел из помещения 2 с налепным знаком в виде дужки с вертикалью и, возможно, с изображением горного козла. Эта находка показывает, что налепные изображения были разнообразными по сюжетам и, по-видимому, имели магическое значение.

Выше уже отмечалось, что налепной знак на котле из помещения 2 находит себе аналогии в этнографической литературе. Имеются в виду знаки на сосудах, приобретенных в селениях долины реки Ванч, на Памире. О них Е. М. Пещерева пишет: «Даже на основании такого малого количества образцов, которыми мы располагаем, видно, что орнамент этот имеет свой особый характер, отличный от характера орнамента других мест. Аналогий ему нет ни в современной женской керамике Таджикистана, ни в археологических материалах других мест Средней Азии» [22]. Можно согласиться с предположением, что этот знак относится к числу тех, которые связаны с «земледельческим культом плодородия» [23]. Видимо, это знак магический, а не тамга как знак собственности и не династийный знак владетеля.

К предметам, связанным с идеологическими представлениями обитателей поселения, относятся и светильники с зооморфными ручками. Зооморфные изображения на кувшинах и кружках широко известны в северных и восточных районах Средней Азии, они истолковываются как фарны — охранители воды у кангюйцев [24]. В Каршинском оазисе подобные изображения на кувшинах и на других сосудах, связанных с водой, не встречаются. На светильниках их, видимо, следует рассматривать как «охранителей» огня. Это различие дало нам основание прийти к выводу, что зооморфные изображения на светильниках отражали идеологические представления, по-видимому, другой этнической группы, возможно юечжей [25].

---

[19] *Рутковская Л. М.* Ук. соч., с. 92, 93.

[20] *Ghirshman R.* Iran parthians and Sassanians, London, 1962, p. 46; *Schlumberger D.* L'Orient Hellénisé. Paris, 1970, p. 103—105.

[21] *Schlumberger D.* Op. cit., p. 87.

[22] *Пещерева Е. М.* Ук. соч., с. 92.

[23] Там же, с. 96.

[24] *Литвинский Б. А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы.— СА, 1967, № 2, с. 33.

[25] *Кабанов С. К.* Поздние кушаны в Нахшебе, с. 167.

Можно считать установленным, что три вида сосудов лепной работы — курильницы, особо изготовленные котлы и светильники с зооморфными ручками — имели отношение к верованиям древнего населения Нахшеба: все эти сосуды жаростойкие, они отражают отношение к огню как стихии особо почитаемой, можно полагать, что все они связаны с культом огня.

S. K. Kabanov

LES FOUILLES D'UNE AGGLOMERATION RURALE DES IIIe-Ve SIECLES, PRES DE KARCHI

Résumé

Cet article donne un exposé succint des résultats des fouilles archéologiques effectuées dans une petite agglomération rurale de l'oasis de Karchi (l'ancienne Nakhcheb). On a creusé le sol de ce village sur une superficie de 450 m²; cette exploration a révélé deux ensembles d'habitations, séparés par un étroit passage (fig. 3). On a pu établir trois périodes d'habitation du site.

Parmi les poteries faites au tour, les plus intéressantes sont des petites cruches aux minces parois (fig. 8); on en a trouvé de semblables dans les pièces provenant de Merv, ce qui est la preuve des liens existant entre l'ancienne population de Nakhcheb et la culture parthe d'époque tardive.

En ce qui concerne les objets modelés à la main, on distingue trois sortes d'ustensiles pouvant aller au feu: des chaudrons (fig. 9), des sortes de brûle-encens (fig. 11), et des lampes. Leurs particularités permettent d'établir quelques traits des représentations idéologiques de l'ancienne population de Nakhcheb. Les figures zoomorphes et les ornements modelés sur les vases, si on les compare aux monuments du nord de l'Asie Centrale, neus permettent de conclure qu'a Nakhcheb, entre le IIIe et le Ve s., dans les conditions d'une coexistence multiséculaire des Sogdiens et des louetchjis dans cette oasis, s'était formée une culture syncrétique particulière, sogdienne-iouetchji.

В. М. КОСЯНЕНКО, В. С. ФЛЁРОВ

БРОНЗОВЫЕ ЛИТЫЕ КОТЛЫ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

(к вопросу о типологии и хронологии)

В последние годы на территории Подонья и примыкающего к нему Северо-Восточного Приазовья найдено более 10 новых бронзовых литых котлов. Часть из них обнаружена при планомерных археологических исследованиях, другие представляют случайные находки. Большинство этих котлов до настоящего времени остаются не опубликованными и не вошедшими в научный оборот. Наряду с этим из поля зрения исследователей выпали многие котлы, опубликованные в дореволюционные и довоенные годы, особенно в малотиражных местных изданиях.

Целью настоящей статьи является публикация ряда неизвестных широкому кругу специалистов бронзовых литых котлов (рис. 1) из собраний Ростовского, Таганрогского и Азовского музеев и попытка разработать предварительную типологию котлов с указанной территории. Для выполнения второй задачи привлекаются и ранее опубликованные материалы. Нам известно около 30 случаев находок бронзовых литых котлов в Нижнем Подонье (учтены и те случаи, когда были найдены достаточно большие для определения типологической принадлежности фрагменты котлов).

Литые бронзовые котлы, распространенные в большом количестве в раннем железном веке в степях Евразии, изучены еще недостаточно хорошо, хотя по этому вопросу имеется достаточно большая библиография. Проведена работа по определению территориальных вариантов котлов, выделены котлы минусинской и семиреченской группы [1]. А. П. Манцевич в небольшой статье на основании эрмитажной коллекции котлов наметила хронологическое деление для ранней группы котлов на скифской территории [2]. В большом монографическом исследовании о савроматах определенное место типологии литых котлов Поволжья и Приуралья отвел К. Ф. Смирнов [3]. Одному из типов сарматских котлов посвящена статья Е. К. Максимова [4].

Важной составной задачей в изучении бронзовых котлов является исследование процесса их изготовления, начиная с подготовки литейной формы и кончая собственно литьем. Вопросам технологии литья скифо-

[1] *Левашова В. П. и Рыгдылон Э. Р.* Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее.— КСИИМК, 1952, № XLIII, с. 132—137; *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.— СА, 1950, XI, с. 350—354; *Спасская Е. Ю.* Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии.— Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая, т. XI (1). Серия гуманитарных наук. Алма-Ата, 1956, с. 155—169; *ее же.* Находка медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии.— Уч. зап. Казахского пед. ин-та им. Абая, т. XV (3), вып. 2. Серия общественно-политическая. Алма-Ата, 1958, с. 178—193.

[2] *Манцевич А. П.* Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа (котел из кургана Солоха).— В сб.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 145—150.

[3] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.

[4] *Максимов Е. К.* Сарматские бронзовые котлы и их изготовление.— СА, 1966 № 1, с. 51—60.

сарматских котлов уделил внимание Б. А. Шрамко [5]. Е. К. Максимов в своей статье также остановился на способах отливки котлов и на вопросе о составе металла. Репликой на его выводы стала заметка В. А. Пазухина [6], в которой справедливо отмечается, что вопросы технологии отливки котлов не могут быть полностью решены без специалиста-литейщика и без современных способов анализа литейной продукции.

А. М. Петриченко в книге о литье посвятил небольшой раздел отливке скифских бронзовых котлов [7].

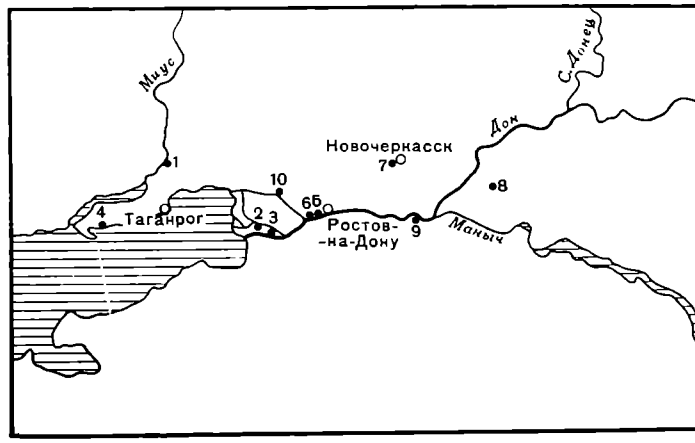


Рис. 1. Карта местонахождения впервые публикуемых котлов из Нижнего Подонья и Приазовья: *1* — Троицкое; *2* — Елизаветинская, «Пять братьев», курганы 9 и 11; *3* — Колузаево; *4* — Золотая Коса; *5* — Ростов-на-Дону; *6* — Гниловская, кург. Круглый; *7* — Садовый курган; *8* — Кудинов, кург. 14; *9* — Алитуб; *10* — Мокрый Чалтырь

Подводя итоги краткому перечню литературы, следует отметить, что в настоящее время остро назрела необходимость создания сводных обобщающих работ о скифских и сарматских бронзовых котлах, хотя бы первоначально в рамках определенных географических районов. Недостаточно разработана и хронологическая шкала производства котлов. В этом плане особую ценность представляют находки котлов в комплексе с твердо датированными вещами иных категорий.

Ниже предлагается предварительная классификационная схема бронзовых литых котлов Северо-Восточного Приазовья — Нижнего Подонья (таблица). Вся совокупность бронзовых литых котлов, происходящих с указанной территории, разделяется на типы и виды. В основу выделения типа положены следующие основные признаки: форма тулова, форма ручек, форма поддона. Наряду с ними учитываются и некоторые другие признаки: наличие или отсутствие на тулове рельефных украшений, форма и характер рельефных украшений, наличие или отсутствие тамгообразных знаков, технология изготовления по имеющимся на котлах внешним признакам и некоторые другие. На основе вариаций выделенных признаков внутри одного типа каждый тип может быть подразделен на соответствующее число видов.

I тип [8] бронзовых литых котлов характеризуется бокалообразным туловом, полым и рюмкообразным [9] поддоном, двумя вертикальными ароч-

[5] *Шрамко Б. А.* Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху.— Автореф. докт. дис. Киев, 1965.

[6] *Пазухин В. А.* Как все же отливали сарматские котлы? — СА, 1970, № 4, с. 282—284.

[7] *Петриченко А. М.* Книга о литье. Киев, 1972, с. 39.

[8] Соответствует I типу по К. Ф. Смирнову (*Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 128).

[9] Термины «бокалообразный», «рюмкообразный» нам представляются неудачными, но из-за их широкого распространения мы в данном случае не отказываемся от них, не желая вносить разнобой в сложившуюся археологическую номенклатуру.

Пункт находки котлов	Высота тулова (см)	Высота поддона (см)	Диаметр (внешний) устья (см)	Диаметр тулова (см)
Донецкая обл.	23	9	30	–
Золотая коса	27	8	29,5	–
Алитуб, кург. 3, погр. 20	22,5	7	30,5	–
Троицкое	23	6	28	–
«Пять братьев», кург. 9, погр. 2	38	14	44×32	45×40,5
«Пять братьев», кург. 11	24,5	11	39×27	40,5×30
Колузаево	23	13	28	32,5
То же	17	8	20	20
Кудинов, кург. 14	38	9	28	37
То же	37	7	25	41
Курган Садовый	38		39	46,5
Ростов-на-Дону	43	н/с *	38	46,5
Курган Круглый	14,5	5,5	18	–

* н/с означает — «не сохранился».

ными ручками, украшенными на вершине о д н и м отростком, увенчанным гвоздевидной шляпкой. По различиям в форме тулова котлы первого типа подразделяются на два вида.

Вид 1. Бронзовый литой котел, найденный на юго-востоке Донецкой области (рис. 2, *1*) [10]. Котел сохранился полностью. Устье котла обрамлено небольшим нависающим наружу округлым валиком. Тулово в центральной части украшено рельефным валиком в форме высокой волны. Поверхность внутри гладкая, снаружи покрыта мелкими бороздками — отпечатками литейной формы. Котел отлит в составной форме, в месте соединения тулова и поддона сохранились соответствующие следы (канавка и наплывы металла). На широкой конической части поддона присутствуют следы ремонта в виде одной литой заплаты. На нижнем крае поддона просматриваются следы двух литников. Второй котел [11] этого вида найден в 1927 г. М. А. Миллером на Золотой Косе (Миусский полуостров Азовского моря) (рис. 2, *2*). Не известно, происходит ли он из раскопок или куплен у местных жителей. У котла отсутствует одна ручка и фрагмент тулова. Бокаловидное тулово котла отличается от донецкого более вытянутыми пропорциями. Широкое устье его заканчивается небольшим подтреугольным в разрезе валиком. Поверхность гладкая. Овальные в сечении ручки отлиты вместе с котлом. Ножка прилита, о чем свидетельствуют затеки металла на месте соединения тулова и поддона. Дважды котел подвергался ремонту. Первый раз это произошло, когда от котла отломился кусок тулова. Отбитый кусок приставили на место и, просверлив отверстия, скрепили скобами, т. е. ремонт произвели таким же способом, каким ремонтировали глиняную посуду. Об этом свидетельствуют отверстия, сохранившиеся на основной части котла вдоль линии излома. Позже котел был отремонтирован путем заливки жидким металлом утраченных частей. Здесь уже была использована дополнительная примитивная односторонняя форма. Затеки металла видны с внешней и внутренней поверхности котла, по краям заплата отстает. Еще при отливке котла появились маленькие отверстия в двух местах на тулове. Они также были залиты жидким металлом.

Последний котел, который мы считаем возможным отнести к этому виду, найден в погр. 20 кург. 3 у хут. Алитуб Аксайского р-на Ростовской обл. (рис. 2, *3*) [12]. Сохранился котел плохо. Предлагаемое описание составлено по графической реконструкции. Устье котла заканчивается небольшим валиком. На расстоянии 5,5 *см* ниже венчика котел опоясан

[10] Хранится в Таганрогском краеведческом музее, инв. № 7012. Обстоятельства находки неизвестны.

[11] Таганрогский краеведческий музей, инв. № 884.

[12] РОМК, инв. № 5067. Раскопки В. П. Шилова в 1962 г.

рельефным валиком, имитирующим веревочку. Внешняя поверхность неровная, покрыта бугорками и вертикальными бороздками, много различной формы наплывов металла, образовавшихся в результате плохой обработки поверхности литейной формы. Ниже веревочного пояска виден след от формы, который выглядит значительно грубее, чем на котле с Золотой Косы, где мы наблюдали такую же особенность. Отдельно прилитая к котлу ножка была дополнительно укреплена двумя литыми заклепками, для которых в днище были проделаны два небольших отверстия.

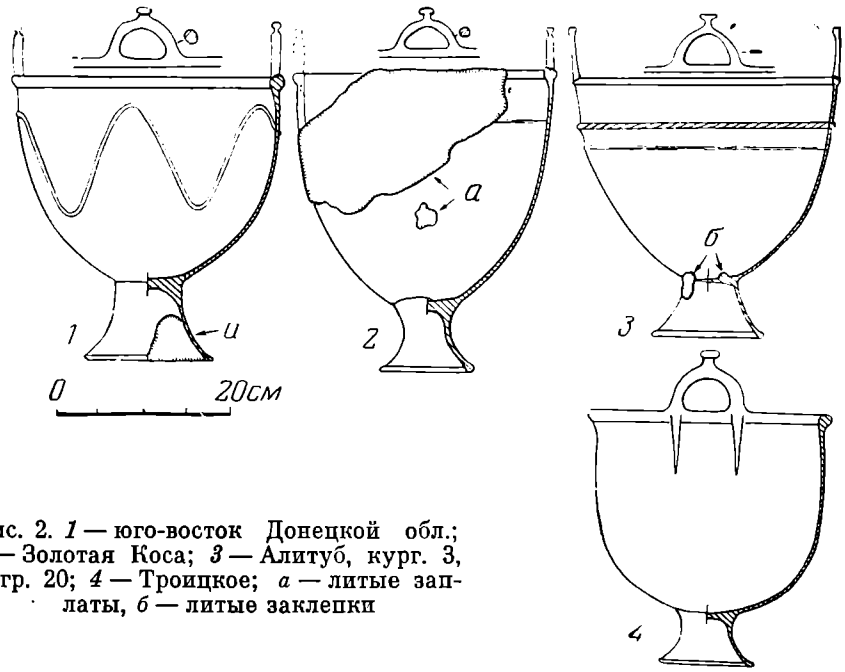


Рис. 2. *1* — юго-восток Донецкой обл.; *2* — Золотая Коса; *3* — Алитуб, кург. 3, погр. 20; *4* — Троицкое; *а* — литые заплаты, *б* — литые заклепки

Вид 2 представлен одним котлом, найденным в 1975 г. у с. Троицкого Неклиновского р-на Ростовской обл. (рис. 2, *4*) [13]. Сохранилась приблизительно одна треть котла с поддоном и ручкой. Профиль сохранившейся части позволяет графически реконструировать котел. Бокалообразное тулово котла отличается от тулова котлов вида 1 цилиндрической формой верхней части, что и послужило основанием для выделения данного котла в отдельный вид. Устье обрамлено нависающим округлым валиком. Поддон значительно более приземистый. Под ручками от нависающего валика вниз опускаются два рельефных вертикальных «усика», сужающихся к низу.

Поверхность котла пористая. Снаружи сохранилась сильная закопченность. Котел отлит вместе с ручками, а поддон прилит во вторую очередь.

II тип котлов характеризуется полушаровидным туловом, четырьмя ручками (две горизонтальные, две вертикальные), коническим поддоном. Особенностью этого типа является то, что высота тулова значительно меньше его диаметра. Этот тип котлов имеет два вида.

Вид 1. Единственный котел, который мы относим к этому виду, был найден в 1909 г. А. А. Миллером при раскопках кург. 9 у станицы Елизаветинской (ныне Азовский р-н Ростовской обл.) [14]. Две вертикальные арочные ручки, на вершине которых помещено по одному отростку, украшенному гвоздевидной шляпкой. Горизонтальные ручки без украшений расположены под вертикальными. Форма вертикальных ручек сближает этот котел с котлами I типа.

[13] Таганрогский краеведческий музей, инв. № 7006. Условия находки неизвестны.

[14] *Миллер А. А.* Раскопки в районе древнего Танаиса.— ИАК, 1910, № 35, с. 112, рис. 17, *1*.

Вид 2. Сюда мы относим котел, найденный А. А. Миллером в 1909 г. при раскопках кург. 10 у станицы Елизаветинской [15]. Котел сохранился не полностью, часть фрагментов отсутствует. В издании дана графическая реконструкция. От первого вида котел отличается формой вертикальных ручек. Они украшены тремя выступами. Отличается он и формой поддона, по которому проходит рельефный ободок. О технике литья сведений в издании нет.

III тип объединяет котлы с полушаровидным туловом с раздутыми боками, вертикальными арочными ручками, украшенными тремя высту-

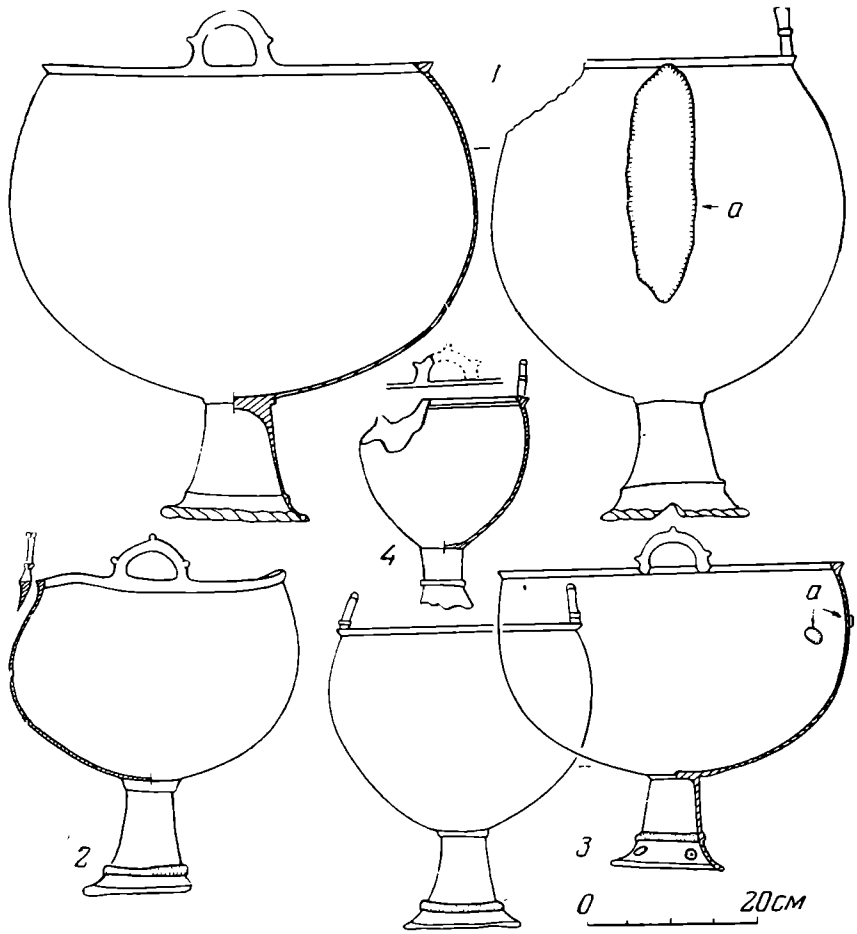


Рис. 3. *1* — «Пять братьев», кург. 9, погр. 2; *2, 4* — Колузаево, *3* — «Пять братьев», кург. 11; *а* — литые заплаты

пами, высоким коническим поддоном, как правило, украшенным рельефным валиком.

Вид 1. Сюда относятся котлы с так называемым овальным в плане туловом, периметр окружности которого значительно превосходит периметр венчика. Следует отметить, что овальная в плане форма тулова присуща только данному виду котлов среди всех прочих котлов Подонья-Приазовья. Характерным образцом вида 1 является котел, обнаруженный в погр. 2 кург. 9 группы «Пять братьев» между хуторами Городище и Колузаево Азовского р-на Ростовской обл.[16] (рис. 3, *1*). У котла отбиты ручка и фрагмент верхней части тулова. Тулово овальной формы. Край

[15] *Миллер А. А.* Ук. соч., с. 112, рис. 17, *2*.

[16] Хранится в Ростовском областном музее краеведения, инв. № 6622; *Шилов В. П.* Научный отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1960 г.— Научный архив РОМК, ф. 2, оп. 6, д. 23, с. 9.

котла слегка загнут внутрь и заканчивается выступающим наружу прямым бортиком. Нижняя часть ножки-поддона опоясана остроребериым валиком, край поддона оформлен в виде округлого валика, имитирующего веревку. Ручки слегка наклонены внутрь и украшены тремя поперечными валиками-выступами. Поверхность котла шероховатая, покрыта наплывами металла. На месте соединения тулова с поддоном остался наплыв металла — след стыка разъемной литейной формы. На одном из боков котла четко заметны следы ремонта — большая вертикальная заплата.

Второй котел [17], который мы относим к этому виду, найден в кург. 11 той же курганной группы, что и предыдущий (рис. 3, *3*). Тулово его так же, как и первого, имеет овальные очертания. Край котла слегка загнут внутрь, имеет утолщенный венчик с треугольным сечением. Ручки наклонены внутрь и украшены тремя выступами. Под одной ручкой видны наплывы металла, находящие на венчик. На нижней части ножки проходит второй рельефный валик, очень грубый, со следами заглаживания по нему. На одном боку видны две небольшие заплаты, заплаты сохранились и на поддоне.

Третий котел найден при распашке полей в районе Колузаево Азовского р-на Ростовской обл. (рис. 3, *2*) [18].

Сохранился он почти полностью, отбиты лишь одна ручка и небольшая часть поддона. Тулово котла немного деформировано. Ручки его отличаются от предыдущих тем, что каждый шип состоит из двух округлых выступов, расположенных поперек ручек. Поддон в основании окантован овальным в сечении валиком. Поверхность котла неровная, местами покрыта различными по форме наплывами металла. По технике изготовления он тождествен котлам из кург. 9 и 11 группы «Пять братьев».

Вид 2. Небольшой круглый котел с более удлиненным туловом, чем у предыдущих (рис. 3, *4*). Найден он вместе с третьим котлом вида 1. Сохранился не полностью. Ручки котла украшены тремя поперечными шипами. По технике изготовления не отличается от котлов III типа. Внутри поддона сохранился нагар, почти полностью заполняющий его.

I V т и п объединяет группу больших бронзовых литых котлов, найденных на Дону в курганах сарматской знати. Как правило, котлы находились на месте тризны. Котлы этого типа характеризуются следующими признаками: устье котла окаймлено прямым, слабо отогнутым венчиком, слабо выраженное плечико переходит в полушаровидное сужающееся ко дну тулово, поддон в форме раструба, две арочные вертикальные ручки украшены тремя воронкообразными выступами, две другие ручки — в форме маленьких петель, по выпуклой части тулова проходит рельефный валик, имитирующий веревочку и узелок на ней. Один из котлов этого типа был найден в кург. 13 у хут. Верхне-Янченкова Багаевского р-на Ростовской обл.[19]. Под арочными ручками котла изображены рельефные пересекающиеся полоски, которые заканчиваются кольцами. Ручки-петельки украшены рифлением. Поверхность котла хорошо обработана. Одна из ручек отлита вместе с котлом, шляпки на ее выступах крупнее и тоньше шляпок на второй ручке. Вторая ручка прилита позже во вновь изготовленной форме. У ее основания сохранились наплывы металла, металл затек и на рельефные украшения под ручкой. С наружной стороны днища виден след от отломившегося еще в древности поддона, который был укреплен с помощью двух литых заклепок, одна из которых сохранилась. В новой форме был отлит новый поддон, диаметр которого больше первого. Заплывы металла сохранились на внут-

---

[17] Котел хранится в Азовском краеведческом музее. *Шилов В. П.* Ук. отчет за 1960 г., с. 21.

[18] РОМК, инв. № 6623.

[19] *Капошина С. И.* Итоги работ Кобяковской экспедиции.— КСИА АН СССР, 1965, № 103, с. 49, рис. 17, *1*.

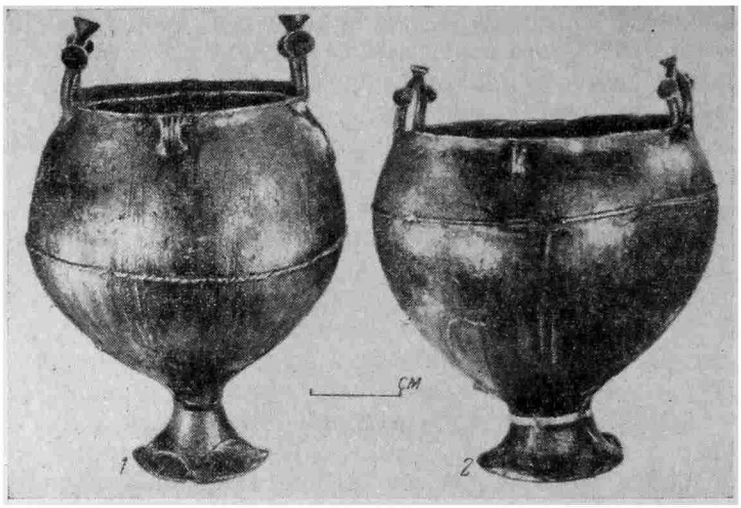


Рис. 4. Кудинов, кург. 14

ренней части дна котла и закрыли одну из литых заклепок. Такие же следы остались и на наружной поверхности нижней части корпуса.

Анализ металла тулова, ручек и поддона показал, что металл имеет один состав, следов припоя нет [20]. С. И. Капошина высказала мысль, что котел был отлит в многоразъемных формах и что форма была плохо прогрета, отсюда и не получившаяся ручка и поддон [21].

Два котла этого типа обнаружены в кург. 14 у хут. Кудинова Багаевского р-на Ростовской обл. [22] Курганы 13 и 14 входили в одну курганную группу. У первого котла (рис. 4, *1*) под арочными ручками расположены такие же налепы, как у котла из кург. 13, только рельефы меньше по размерам. Ручки-петельки украшены вертикальным рифлением. Качество отливки хорошее. На месте соединения тулова и поддона остались затеки металла.

Второй котел (рис. 4, *2*) в перевернутом виде найден к юго-западу от могильной ямы.

Еще один котел этого типа обнаружен в кургане Садовый у г. Новочеркасска Ростовской обл.[23] (рис. 5, *1*). От предыдущих он отличается рельефными украшениями. Как продолжение арочных вертикальных ручек на тулове котла расположены рельефные полосы, идущие вниз и заканчивающиеся кольцами. Подобные рельефные украшения расположены и под маленькими ручками-петельками.

Поверхность котла покрыта мельчайшими бороздками, оставшимися от формы. Качество литья хорошее. Поддон котла дополнительно укреплен при помощи двух литых заклепок. На воронкообразном крае поддона имеется небольшая заплата. Бок котла пробит в древности. В сарматских курганах часто встречаются вещи, намеренно сломанные или разбитые в момент совершения погребального обряда. Обычай «умерщвления» вещей неоднократно отмечался именно в сарматских памятниках.

Из дореволюционных находок на Дону к этому типу мы относим котел из Круглого кургана, раскопанного В. Г. Тизенгаузеном в 1866 г. в станице Гниловской (ныне западная окраина Ростова-на-Дону) [24]. Под

---

[20] Анализы проводились в ЛОИА АН СССР в 1960 г.

[21] ***Капошина С. И.*** **Научный отчет о работе Кобяковской экспедиции в 1960 г.**— Научный архив Ростовского музея, ф. 2, оп. 6, д. 5, с. 101.

[22] Находятся на временном хранении в Гос. Эрмитаже. Раскопки С. И. Капошиной в 1961 г.

[23] РОМК, инв. № 2563, раскопки С. И. Капошиной в 1962 г.

[24] Архив ЛОИА, ф. 1, 1865/66. д. 7, л. 57, рис. 2.

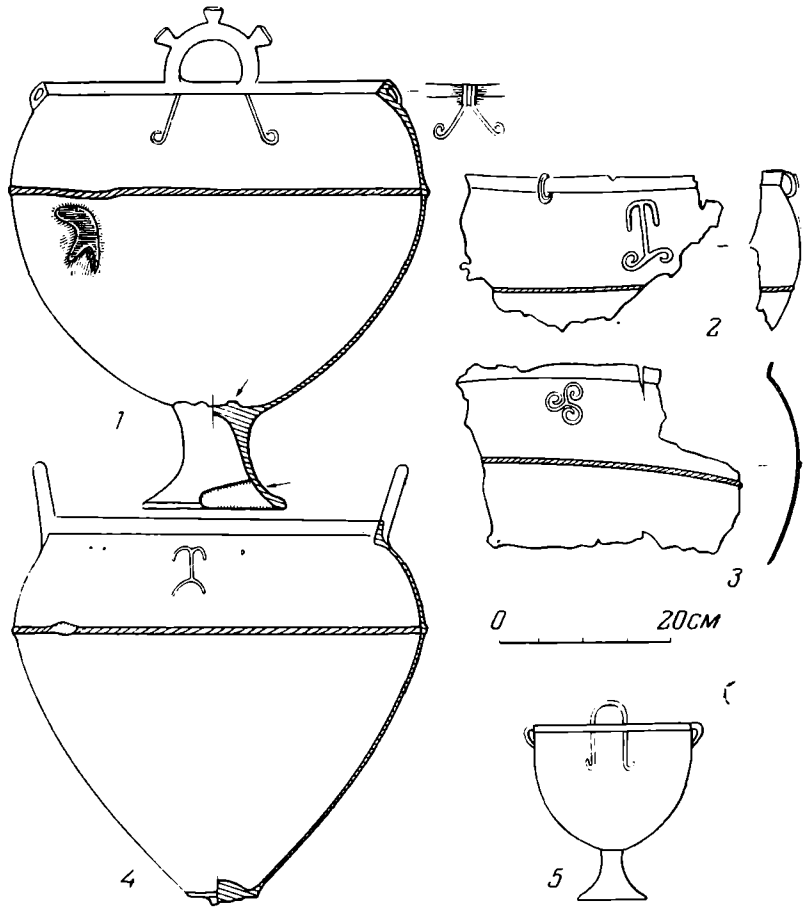


Рис. 5. *1* — кург. Садовый, *2, 3* — Мокрый Чалтырь, *4* — Ростов-на-Дону, *5* — Гниловская, кург. Круглый

его вертикальными ручками расположены такие же по форме рельефы, как и на котле из Садового кургана. Формой поддона он отличается от котлов, найденных в курганах 13, 14 и Садовом.

К этому же типу котлов мы считаем возможным отнести и два обломка, найденных при распашке полей в районе хут. Мокрый Чалтырь Мясниковского р-на Ростовской обл.[25]

На обломке одного котла ближе к вертикальной арочной ручке имеется знак (рис. 5, *2*). Фрагмент второго котла недалеко от ручки-ушка снабжен иным знаком (рис. 5, *3*).

V тип представлен маленьким котлом[26] из кург. 13, расположенного у хут. Верхне-Янченкова Багаевского р-на, Ростовской обл. Он характеризуется почти шаровидным, сужающимся к поддону туловом, отогнутым венчиком, слабо выраженным плечом, высоким поддоном в форме раструба. От края венчика отходят две вертикальные зооморфные ручки, выполненные в виде стилизованных животных. Подобную стилизацию мы неоднократно наблюдаем на сероглиняной керамике[27].

Выпуклую часть тулова опоясывает рельефный поясок, имитирующий веревочку и узелок на ней. На верхней части тулова между ручками

---

[25] Хранится в филиале РОМК — заповеднике «Танаис». Сборы В. М. Косяненко.

[26] РОМК, инв. № 4743. Раскопки С. И. Капошиной в 1960 г. Издан ею (*Капошина С. И.* Итоги работ Кобяковской экспедиции, с. 49, рис. 17, *2*). Найден с котлом IV типа.

[27] *Косяненко В. М.* Сарматские кувшины с зооморфными ручками с Кобякова городища и некрополя.— В сб.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 204.

расположен небольшой цилиндрический носик-слив, а на противоположной стороне — одна ручка-петелька. Поверхность котла заглаженная, отливка хорошая. Между поддоном и нижней частью котла сохранились наплывы металла. С внутренней стороны сохранились следы тщательно зашлифованного шва. Следы наплыва металла сохранились и на нижней части тулова. Поддон дополнительно укреплен при помощи двух литых заклепок. Ручки прилиты к котлу, а швы тщательно зашлифованы. На тулове котла четыре маленьких отверстия, залитых металлом.

VI тип представлен небольшим котлом, найденным в кургане Круглом (рис. 5, *5*) [28] вместе с котлом IV типа. Бокаловидное тулово котла с конусовидной нижней частью покоится на высоком стройном поддоне. Котел снабжен двумя вертикальными гладкими ручками, основания которых переходят в параллельные валики с загнутыми концами и двумя ручками-петельками.

VII тип. Котлы этого типа характеризуются полушаровидным, резко сужающимся ко дну туловом, арочными вертикальными гладкими ручками [29]. Наибольший диаметр корпуса находится выше средней части высоты. Широкое устье обрамляет прямой венчик, между венчиком и туловом прослеживается слабо выраженное плечико. По выпуклой части тулова проходит рельефный ободок, имитирующий веревочку. Бронзовый котел этого типа найден при строительных работах на западной окраине Ростова-на-Дону [30] в 1970 г. Сохранился котел плохо, разбит бульдозером на две части. Описание котла дается по графической реконструкции. Дугообразные, круглые в сечении ручки прилиты к котлу так, что концы их заходят на бортик в виде валиков. На верхней части тулова почти посредине между ручками находится сарматский знак (рис. 5, *4*). Здесь же несколько хаотично расположенных залитых металлом отверстий. Поверхность котла покрыта мелкими бороздками — отпечатками формы. После отливки котел обработан плохо, сохранились наплывы металла. Ножка не сохранилась, но остались следы ее крепления по дну котла. Котел изготовлен в два приема: сначала отлит корпус котла, а затем к нему прилита ножка-поддон. Внутри котла сохранился бугорок застывшего металла. В правобережье Дона нам известен еще один котел этого типа, обнаруженный в 1959 г. у пос. Октябрьский Новочеркасского р-на Ростовской обл. Рельефный поясок в виде разомкнутой веревочки. На боку под веревочкой тамгообразный знак [31].

Котел этого же типа найден у станицы Еланской Донской обл. (Вешенский р-н Ростовской обл.). У него под ручками-петельками два рельефных знака [32]. Подобный котел, имеющий более вытянутое тулово, найден у г. Азова [33].

Сравнивая котлы, найденные как в удаленных друг от друга местонахождениях, так и в пределах небольших ареалов, в том числе учитывая случаи нахождения более чем одного котла в закрытых комплексах, наконец, сравнивая котлы внутри узких хронологических серий, приходишь к выводу об удивительной индивидуальности каждого из бронзовых литых котлов. Полностью идентичных по размерам и пропорциям котлов вообще пока обнаружить не удалось. Даже те котлы, которые исследователи объединяют (в том числе и авторы настоящей публикации) в один тип, имеют определенные морфологические различия. Такое положение

---

[28] Раскопки В. Г. Тизенгаузена в 1866 г.— Архив ЛОИА, ф. 1, 1965/66, д. 7, л. 57, рис. 5.

[29] Тип VII соответствует позднему варианту типа V по К. Ф. Смирнову (*Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 134).

[30] РОМК, инв. № 5644.

[31] *Максимов Е. К.* Ук. соч., с. 57.

[32] Там же, с. 55, 57.

[33] *Кореняко В. А., Горбенко А. А.* Котел сарматского времени в Азовском музее.— СА, 1975, № 2, с. 259.

свидетельствует, во-первых, об одноразовом использовании литейных форм и об отсутствии постоянных шаблонов для их изготовления; во-вторых, об изготовлении котлов по индивидуальным заказам, причем от желания заказчика прежде всего зависел размер котла; в-третьих, каждый котел следует рассматривать не только как обычную ремесленную продукцию, но и как своеобразное художественное произведение литейщика, требовавшее определенного творческого подхода (при выборе пропорций будущего котла, при выборе и исполнении орнаментальных мотивов, при моделировке фигурок животных в случае изготовления зооморфных ручек и т. д.).

Однако, несмотря на отмеченный индивидуальный характер морфологии котлов, котлы каждого производственного центра или нескольких центров на определенном отрезке времени имели и ряд общих черт, что позволяет нам провести серию сравнений публикуемых котлов с ранее найденными на Нижнем Дону и в других географических районах.

Аналогией бронзовым литым котлам I типа является котел, найденный у с. Овсянка (?) Бузулукского уезда [34], и котел, найденный в 1927 г. в Соболевской волости [35]. Последний отличается, однако, более удлиненной ножкой-поддоном.

Самой западной аналогией этому типу является котел (рис. 6), переданный в 1913 г. в Херсонский городской музей землевладельцем В. Д. Шредером, нашедшим его в пруду своей усадьбы [36].

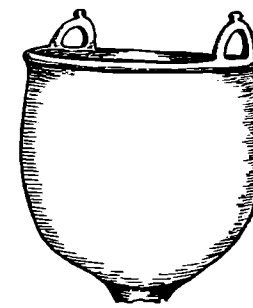


Рис. 6. Бронзовый котел из Нижнего Поднепровья (по В. И. Гошкевичу)

Три котла I типа (Донецкий, с Золотой косы и Троицкий) — случайные находки, и датировать их можно только по аналогиям. Соболевский котел отнесен К. Ф. Смирновым к V в. до н. э. Имея с ним много общего, указанные котлы составляют с соболевским один тип котлов и могут датироваться V в. до н. э.

Алитубский котел, который мы также относим к первому типу, имеет некоторые отличия в деталях (поясок-веревочка, дополнительное укрепление ножки) от трех котлов этого типа. Найден он в комплексе находок, которые определяют дату погребения II в. до н. э.[37]

Одной из характерных черт II типа котлов является наличие двух вертикальных и двух горизонтальных ручек. Близкой аналогией котлу из кург. 10 (вторая разновидность) является котел из кургана у с. Тишки Лубенского р-на, Полтавской обл.[38] Другие известные нам котлы с такими ручками (из с. Андрусовка бывш. Александровского уезда Херсонской губ.[39], из Мастюгинских курганов [40] и др.) имеют кубкообразное тулово. Что касается котла первой разновидности, то нам пока не известны котлы с четырьмя ручками, две из которых (вертикальные) были бы украшены выступами с гвоздевидной шляпкой. Вместе с Елизаветинскими котлами найдены амфоры, которые относятся к первой половине IV в. до н. э.[41] Таким образом, котлы II типа можно датировать первой половиной IV в. до н. э.

---

[34] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., рис. 70А, *6*.

[35] Там же, рис. 14, *8*.

[36] *Гошкевич В. И.* Летопись музея за 1913 год. Херсонский городской музей, вып. 5. Издание Херсонского городского управления, 1915 г., с. 34, рис. 13.

[37] *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 141.

[38] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968, прилож. № 3, табл. LV, 5.

[39] *Манцевич А. П.* Ук. соч., с. 149, рис. 12.

[40] *Макаренко Н.* Археологические исследования в 1907—1909 гг.— ИАК, 1911, № 43, рис. 67.

[41] Амфоры определены И. Б. Брашинским.

III тип котлов имеет несколько аналогий. Ему близок по форме меньший котел из Чертомлыкского кургана [42]. Он отличается от наших наличием орнамента на тулове. Похож на наши котлы III типа и котел из кургана Солоха [43]. У него нет среднего валика на поддоне, зато край поддона оформлен, как и на двух котлах из Подонья, грубой имитацией веревочки. Характерными для выделенного нами третьего типа котлов поперечными выступами-шипами снабжены ручки котла из кургана близ селища Горняцкого Ворошиловградской обл. [44], а по своим размерам он наиболее близок котлу из погр. 2 кург. 9 группы «Пять братьев». Ворошиловградский котел по комплексу находок датируется IV в. до н. э. Из котлов III типа один, хранящийся в Азовском краеведческом музее, найден в комплексе с гераклейскими амфорами рубежа IV—III вв. до н. э.[45] Этим временем мы склонны датировать все котлы III типа. Эта дата согласуется и с датируемыми аналогичными находками.

Итак, для V—II вв. до н. э. мы располагаем тремя типами котлов, обнаруженных на донской земле. Самые ранние литые котлы, открытые в Восточном Приазовье, мы склонны отнести к V в до н. э.[46] Это котлы I типа, ближайшие аналогии которым присутствуют среди савроматских котлов Поволжья. Западнее Дона нам известна лишь одна находка такого типа — находка В. Д. Шредера. Восточнее Дона эти котлы более распространены, и это объясняется тем, что там-то и находилась собственно савроматская территория. В V в. до н. э. савроматские племена уже известны и на правом берегу Дона, и в прилегающих районах Приазовья. Возможно, с этим передвижением и связано появление савроматских котлов в Подонье.

II и III типы котлов имеют элементы сходства с котлами, найденными в богатых курганах скифской эпохи.

К. Ф. Смирнов предполагает существование четырех ранних металлургических центров производства бронзовых литых котлов: Сибирь, Урал, Кавказ, Скифия [47]. На Подонье, расположенное между тремя такими центрами (Урал, Кавказ, Скифия), котлы попадали в результате налаженных экономических связей из разных производственных центров. Об этом свидетельствуют типы котлов V—II вв. до н. э., открытые на Дону.

Большинство аналогий IV типу котлов мы находим в Поволжье. Так, подобный котел был найден в погр. 8 кург. 55 Калиновской группы [48]. Он отличается от котлов, найденных в Подонье, рельефными украшениями. От каждого ствола ручки отходит вниз до рельефной веревочки по одному валикообразному утолщению. В. П. Шилов приводит калиновскому котлу несколько аналогий, которые также близки и донским котлам [49].

Котлы этого типа известны на Кубани. Один из них найден в 1899 г. в кург. 1 у Зубовского хут. [50], другой — в том же году в кургане у станицы Воздвиженской [51].

В 1926 г. П. С. Рыковым в окрестностях с. Харьковки Палласовского р-на Саратовской обл. в кург. 3 погр. 15 был открыт подобной формы котел [52], но без рельефных украшений и петелек.

[42] *Манцевич А. П.* Бронзовые котлы..., с. 148, рис. 10.

[43] Там же, рис. 11.

[44] *Філатов О. П., Черненко Є. В.* Скіфський курган на Ворошиловградщині.— Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., вып. IV, Київ, 1972, с. 124, 125.

[45] Амфоры определены И. Б. Брашинским.

[46] Более ранние котлы — это клепаные, «киммерийского типа», найденные в 1878 г. у пос. Ивановского на левой стороне р. Кагальник (ныне Зерноградский р-н Ростовской обл.).

[47] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 131.

[48] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, 60, с. 483, 484.

[49] Там же, с. 484.

[50] *Думберг К. Е.* Раскопки курганов на Зубовском хуторе кубанской обл.— ИАК, № 1, 1901. с. 96, рис. 10.

[51] ОАК за 1899 г. СПб., 1902, с. 46, рис. 77.

[52] *Граков Б. Н.* Заметки по скифо-сарматской археологии.— В сб.: Новое в советской археологии.— МИА, 1965, 130, с. 218, 219.

Все котлы, относимые к IV типу, найдены на Дону при раскопках курганов сарматской знати. Курганы были ограблены, однако сохранились комплексы находок на местах тризн, куда вместе с котлами входили светлоглиняные амфоры и предметы италийского импорта. Так, в кург. 13 у хут. Верхне-Янченкова котел был найден вместе с бронзовыми чашей, амфорой и аском. Там же была разбита в древности светлоглиняная амфора с двуствольными ручками. Все эти находки позволили С. И. Капошиной датировать курган I в. до н. э.— I в. н. э.[53] К этому времени можно отнести и котел. Вместе с двумя котлами в кург. 14 у хут. Кудиново были раскопаны бронзовые ковш, амфора, блюдо и три светлоглиняные амфоры I в. до н. э.— I в. н. э.[54]

В кургане Садовый котел обнаружен в одном комплексе с серебряными позолоченными чашами, золотыми фаларами, серебряным лутерием и бронзовой чашей. Погребальный обряд и комплекс находок позволяют отнести этот курган к I в. до н. э.[55]

Комплекс находок из Круглого кургана датирован Т. Н. Книпович[56]. Исследуя находки из этого кургана, она пришла к выводу, что часть изделий (маски с изображением львов и др.) можно отнести к I в. до н. э., а некоторые находки датировать I в. н. э. Сооружение кургана она относит к I в. до н. э.— I в. н. э. Таким образом, и котел из этого кургана датируется тем же временем, что и предыдущие.

Аналогичный котел из Калиновского курганного могильника В. П. Шилов считает характерным для сусловского этапа сарматской культуры и также относит его к I в. до н. э.— I в. н. э.[57] Итак, благодаря тому, что котлы IV типа обнаружены при раскопках курганов на Дону в хорошо датируемых комплексах, мы можем с уверенностью отнести их к I в. до н. э.— I в. н. э.

Почти на всех котлах IV типа, найденных в Подонье, имеются рельефные украшения под ручками, которые Э. Б. Соломоник считает близкими по изображению сарматским знакам[58]. На обломках котлов этого же типа есть и сарматские знаки. Один из них (рис. 5, *3*) имеет аналогии на ряде памятников Боспора. Так, он нанесен на плите из Кривого Рога, на стене пещеры Ак-Кая № 1. Зеркальное изображение этого знака мы находим на золотой бляшке, найденной в 1906 г. в кургане у станицы Некрасовской на Кубани[59]. Второму знаку (рис. 5, *2*) аналогий мы не знаем.

Небольшие котлы с зооморфными ручками известны среди сарматских древностей. Однако близких аналогий котлу, который мы относим к V типу, найти не удалось. К. М. Скалон на основании этнографических параллелей зооморфные ручки на сарматской керамике связывает с культом животного, сами ручки в этом случае выступают в роли оберегов содержимого сосудов[60]. Другие исследователи придерживаются того же мнения[61]. Возможно, что котлы с зооморфными ручками использовались для выполнения каких-то религиозно-магических обрядов. Они отличаются особым разнообразием в трактовке фигурок животных и расположением их на тулове.

---

[53] *Капошина С. И.* Итоги работ Кобяковской экспедиции, с. 50.
[54] Там же, с. 50.
[55] Там же, с. 51.
[56] *Книпович Т. Н.* Танаис. М., 1949, прилож., с. 144, 145.
[57] *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник, с. 454.
[58] *Соломоник Э. Б.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, с. 156.
[59] Там же, с. 98, 153.
[60] *Скалон К. М.* Изображения животных на керамике сарматского периода.— Тр. ОИПК ГЭ, 1941, № 1, с. 183, 206.
[61] *Кастанаян Е. Г.* Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных.— СА, 1951, № XV, с. 243.

По форме тулова и поддона котлу из кургана 13 близки небольшие котлы из раскопок у с. Трояны бывш. Подольской губ.[62], у станицы Казанской на Кубани[63] и из случайных находок у станицы Голубинской бывш. области Войска Донского (ныне Волгоградская обл.)[64].

Трактовка животных и расположение ручек на туловах этих котлов совершенно иное, и у них отсутствует носик-слив. Известные нам небольшие котлы с носиком-сливом не имеют зооморфных ручек. Это котел из раскопок Г. Я. Беретца у с. Герцог бывш. Самарской губ.[65] и котел из раскопок у станицы Воздвиженской[66].

Котел, найденный в кург. 13 у хут. Верхне-Янченкова, обнаружен вместе с большим котлом IV типа в комплексе находок I в. до н. э.— I в. н. э.

Котел, который мы относим к VI типу, найден с большим котлом IV типа в комплексе с предметами, которые Т. Н. Книпович датирует I в. до н. э.— I в. н. э.[67] Аналогий этому котлу нам не известно.

Рассмотрим котлы последнего, VII типа. Близкие по форме котлы найдены в Поволжье. Многие из котлов, которые являются для донских находок близкой аналогией, собраны в статье Е. К. Максимова[68].

Что касается утверждения Е. К. Максимова о том, что поддона-ножки у этого типа котлов не существовало, то, видимо, это характерно не для всех котлов указанного типа. Так, котел, найденный на окраине Ростова-на-Дону, имел поддон, который обломился еще в древности. Об этом свидетельствует наличие внутри котла наплыва металла, при помощи которого и держался поддон. То же мы наблюдали на котле IV типа из кург. 13 у хут. Верхне-Янченкова Ростовской обл. У него сломался поддон, и котлу приделали новый, большего диаметра. При раскопках выяснилось, что и новый поддон отломился и лежал отдельно. Соединение корпуса с ножкой у большинства котлов IV и VII типов было весьма непрочным, что, кстати, лишний раз подтверждает, что корпус котла и ножка не составляли монолита, отливка производилась в два приема. Именно поэтому на местах соединения корпуса котла с ножкой часто можно наблюдать следы ремонта, дополнительные укрепления, а в ряде случаев котлу приливали новый поддон взамен утерянного. Ближайшими аналогиями ростовскому котлу мы считаем котлы из совхоза «Красный Октябрь», с. Комаровка, станицы Березовской и котел из Чечено-Ингушетии[69]. За последние годы еще один котел этого же типа найден в Полтавской обл.[70] Пока это самая западная находка котла такого типа. Ростовский котел имеет рельефный, так называемый сарматский знак. Близкий по форме знак известен на мраморном льве № 2 из Ольвии. Он более широкий и представлен в перевернутом виде. Такой же знак, но несколько более видоизмененный, имеется на свинцовой плитке из Эрмитажа[71]. Ростовский котел найден случайно вне комплекса при строительных работах. Благодаря аналогиям мы считаем возможным отнести его к первым векам нашей эры. Этим же временем датируются и

---

[62] ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, с. 201, рис. 255.

[63] ОАК за 1901 г. СПб., с. 73, рис. 146.

[64] *Попов Х. И.* Каталог Новочеркасского музея. Новочеркасск, 1914 (?), табл. XIV, *2* (гранки, издание не завершено, хранится в библиотеке Новочеркасского музея истории донского казачества).

[65] *Rau P.* Die Hügelgröber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, с. 11, рис. 5-В.

[66] ОАК за 1899 г. СПб., 1902, с. 46, рис. 78.

[67] *Книпович Т. Н.* Ук. соч., с. 144, 145.

[68] *Максимов Е. К.* Сарматские бронзовые котлы...

[69] Там же, с. 58.

[70] *Корпусова В. Н.* Новые памятники с сарматскими знаками.— МАСП, 1971, вып. 7, с. 244, рис. 5, *2*.

[71] *Драчук В. С.* Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975, табл. IV, № 239, табл. XIII, рис. 3, *29*.

другие котлы VII типа, обнаруженные в Подонье [72]. Этой дате не противоречит и хронология сарматских знаков на донских котлах подобного типа.

Таким образом, большая новая по форме группа котлов появляется в Подонье в I в. до н. э.— I в. н. э. Эта группа представлена котлами IV типа. Одновременно с ними существовали и небольшие котлы с зооморфными и гладкими ручками. В первые века нашей эры в Подонье появляется тип котлов, которые, сохраняя многие общие черты с котлами IV типа, приобретают и новые черты: гладкие ручки, сложные сарматские знаки. Большинство аналогий этой группе мы находим в Поволжье, и появление их в Подонье, безусловно, связано с новой волной переселения и расселения в донских степях сарматских племен.

В заключение необходимо отметить следующее. Несмотря на то что в настоящее время для многих бронзовых литых котлов удается предложить достаточно узкие даты, проблема хронологии котлов не может считаться окончательно решенной. Дело в том, что котлы, будучи достаточно прочными изделиями, изготовленными из относительно долговечного материала, могли, выйдя из рук литейщика, бытовать значительное время, вплоть до нескольких десятилетий. Попав в погребение с вещами, изготовленными позднее, котел тем самым в глазах современных исследователей может значительно «омолодиться». В настоящее время археологи фактически говорят не о датах изготовления того или иного котла, а о датах закрытых комплексов, в которых они были найдены. Эта проблема может быть решена только в результате тщательного сравнительного исследования большой группы однотипных котлов, происходящих из надежно датированных комплексов.

Трудно в настоящее время говорить с полной уверенностью о центрах производства литых котлов и об ареалах распространения котлов разных типов, так как для этого, во-первых, требуется учет всех известных в настоящее время пунктов находок котлов, во-вторых, в количественном отношении выделенные на сегодняшний день типы весьма немногочисленны и любая новая находка может резко изменить сложившееся представление об ареалах их распространения.

V. M. Kossianenko, V. S. Fliorov

LES CHAUDIERES COULEES EN BRONZE DE LA REGION DU DON INFERIEUR. TYPOLOGIE ET CHRONOLOGIE

Résumé

Cet article publie plusieurs chaudières coulées en bronze, du Ve au Ier s. av. n. è., trouvées dans les régions du Nord-Est de la mer d'Azov et du Don inférieur. On a cherché à établir une classification préalable de leur typologie pour chaque territoire donné, en se basant sur la confrontation des formes de la panse, de la base et des anses. Les auteurs proposent de diviser ces chaudières en sept types. Certains de ceux-ci présentent une certaine ressemblance avec les chaudières qu'on trouve sur le territoire des Sarmates. On peut noter aussi des traits analogues à ceux des chaudières provenant des kourganes scythes. Dans tous les cas, lorsque ces ustensiles ont été trouvés avec d'autres objets qui permettent d'établir une date, les auteurs se sont efforcés de réduire les limites chronologiques connues concernant l'usage sur un territoire donné de chaudières coulées en bronze.

---

[72] *Максимов Е. К.* Ук. соч., с. 59; *Кореняко В. А., Горбенко А. А.* Ук. соч., с. 259.

В. С. ТЕРСКИЙ-ШЕЛОМЕНЦЕВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТИНЦА ЗВЕНИГОРОДА ГАЛИЦКОГО

Древнерусский город Галицкой земли Звенигород упомянут в летописях 12 раз [1]; впервые под 1087 г. (6594) в связи с убийством под вратами Звенигородской крепости Владимиро-Волынского князя Ярополка Изяславича, претендента на Галицкую землю [2].

В 1124 г. Звенигород становится центром объединенного с Перемышльским и Теребовльским княжествами Звенигородского княжества при княжении Владимирка (1124—1153 гг.), отца известного галицкого князя Ярослава Осмомысла, воспетого в «Слове о полку Игореве». В 1144 г. столица была перенесена в Галич, ставший центром, так как тут сложились лучшие экономические и политические условия.

В последний раз Звенигород упомянут в летописи под 1235 г. в связи с войной между Данилом Галицким и Михаилом Черниговским, который пытался захватить киевский престол [3]. По всей вероятности, Звенигород постигла та же участь, что и других «злык городов», которые не сдавались татарам. Об этом свидетельствует большое количество человеческих костей, обнаруженных на городище. Так, согласно литературным данным, в 1716 г. при строительстве здесь было найдено так много костей, что их с трудом смогли погрузить на тысячу возов [4].

В 1959 г. в западной части городища в древнерусском культурном слое (датируемом керамикой XII—XIII вв.) также были вскрыты костяки взрослых людей, лежавших не в анатомическом порядке, с поврежденными черепами [5]. Устная традиция сохранила ряд легенд, связанных с захватом Звенигорода татарами, а местная топонимика — ряд названий урочищ, таких, как «Батыевка», «Пробий» и др. [6]. Но постепенно память о Звенигороде стерлась, и он был забыт. И только в XIX в. начались его поиски. Дело в том, что на территории Галицкой земли находится несколько местностей с таким названием. В споре о его местонахождении приняли участие известные историки того времени: Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, М. Балинский, Т. Липинский, В. Ильницкий, Д. Зубрицкий, А. Петрушевич и др. Но окончательное решение вопроса о локализации Звенигорода стало возможным, когда начались планомерные архео-

---

[1] Летопись по Ипатьевскому списку, СПб., 1871, с. 144, 208, 225, 226, 228, 484, 485, 493, 500, 517, 557.

[2] «Ярополк... иде Звенигороду: и не дошедшу ему города прободен бысть от проклятого Нерядца, от дьявола научения и от злых человек...»; Радзивиловская летопись, арк. 110.

[3] Очерки истории СССР IX—XIII вв. (Сост. Пашута В. Т.). М., 1953. Гл. III. Русские феодальные княжества XII — первой четверти XIII в., с. 379.

[4] Slownik geograficzny Królewstwa Polskiego. (Под ред. Сулимирского Ф., Хлебовского Б., Валевского В.), t. II. Warszawa, 1881, s. 310, 311.

[5] *Власова Г. М., Возницкий Б. Г.* К исследованию северо-западной части городища летописного Звенигорода.— КСОГАМ, 1960, с. 115.

[6] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, с. 127.

логические раскопки древнерусских городищ на этой территории. В настоящее время этот вопрос окончательно решен в пользу Звенигорода под Львовом, и не только благодаря изучению топографии и топонимики, но также и открытию остатков древнерусских монументальных строений — храма и княжеского дворца [7]. Значительную роль в локализации города сыграло накопление разнообразного археологического материала, и прежде всего находок свинцовых вислых печатей от княжеских грамот, которые, как известно, почти исключительно встречаются лишь в стольных городах [8].

В связи с участившимися случаями разрушения культурного слоя хозяйственными работами [9] Львовский исторический музей с 1959 г. приступил к планомерным археологическим исследованиям наиболее разрушавшейся западной части городища [10].

Дневнерусский город Звенигород был расположен на возвышенности среди болот р. Белки [11]. Его детинец площадью около 3 *га* имел мысовую схему [12]. Исследованная музеем западная часть детинца городища представляет собой возвышенную площадку в форме удлиненного с севера на юг овала (100×40 *м*), находящуюся между насыпью (10 *м* высоты) упомянутого замка XVIII в. и сохранившейся частью оборонительного вала (длиной около 90 *м* и высотой 4 *м*) (рис. 1). Но только на западном ее крае (шириной около 15 *м*) остался неповрежденным древнерусский культурный слой, так как с восточной стороны у подножья насыпи замка земля была выбрана для его сооружения. Стратиграфия данного участка представляется следующим образом: верхний слой чернозема на глубине 1,20 *м* переходил в темно-коричневый суглинок, который на глубине около 1,50 *м* сменяла материковая глина. Как видно из поперечного разреза площадки (рис. 2), древний горизонт понижался с востока на запад, образуя склон холма. Культурный слой толщиной около 1 *м* насыщен был материальными остатками, преимущественно в центральной части этого участка. Вдоль западного края площадки западной части детинца, на участке длиной около 80 *м*, было обнаружено 44 древнерусских глинобитных печей [13]. Из них 37 были построены почти в ряд с севера на юг параллельно оборонительному валу на расстоянии около 15 *м* от него (рис. 3), а семь печей находились вне этого ряда. Четыре печи (№ 1, 2, 6 и 9 [14]) располагались ближе к центру детинца и три печи (№ 10, 14 и 18) — с противоположной этому ряду стороны в обрыве, образовавшемся в результате прокладки вдоль этой площадки дороги и выбирания глины для хозяйственных нужд. Эти семь печей, круглые по форме, были построены на слое материковой глины или же вырыты в ее останце (печи № 10, 14, 18), на глубине 1,60—1,9 *м* от совре-

---

[7] *Ратич О. О.* Літописний Звенигород.— Археологія, 1973, № 12, с. 89, рис. 2. С 1965 г. к исследованию Звенигорода присоединился Отдел археологии Института общественных наук АН УССР (А. А. Ратич), занимаясь исключительно восточной частью городища, в то время как Львовский исторический музей продолжал исследовать западную часть городища.

[8] *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928, с. 107, 104; *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, с. 319, табл. 71, 313, *З. Шеломенцев-Терский В. С.* Новые находки печатей из летописного Звенигорода.— НСФ, вып. 3, 1968, с. 163—167, рис. 1, 2, 3.

[9] Территория городища в послевоенные годы стала центром колхозного двора.

[10] Исследования западной части детинца городища стали систематически проводиться с 1960 г. Г. М. Власовой, а после ее трагической гибели 28 июня 1962 г.— автором.

[11] *Ратич О. О.* Літописний Звенигород.— Археологія, 1973, № 12, с. 88, рис. 1.

[12] *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, с. 25, рис. 17.

[13] *Ратич А. А., Шеломенцев-Терский В. С.* Особые печи в древнем Звенигороде на Белке.— АО — 1971, М., 1972, с. 388, 389; *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище.— САИ, вып. Е1—32, Л., 1975, с. 68, 69.

[14] Номера печам давались в порядке их открытия.

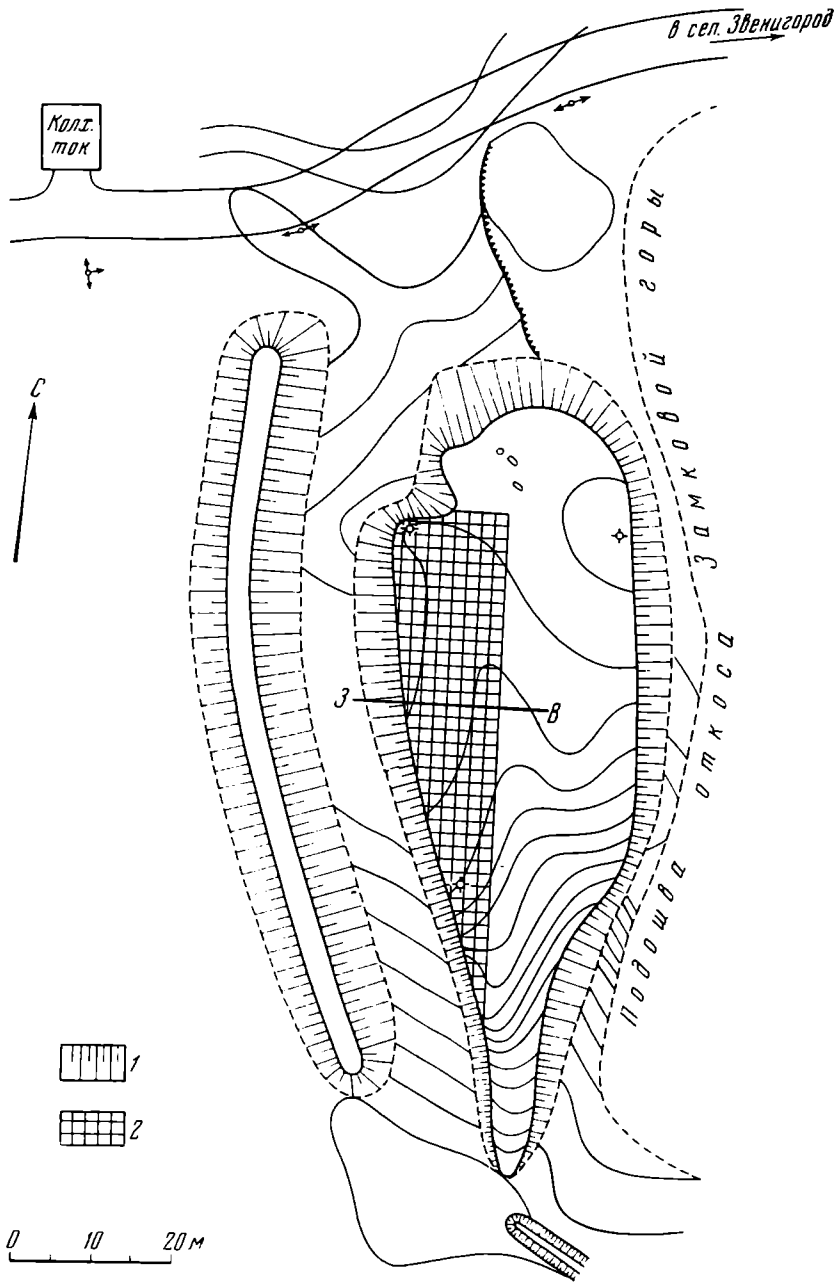


Рис. 1. План западной части городища изготовлен инж. Городецким. *1* — склон; *2* — раскопанная часть

менной поверхности [15]. Материал, обнаруженный возле этих печей (в основном керамика — рис. 4, *2—6*), позволяет датировать их IX—X вв. Такую датировку косвенно подтверждают также найденные здесь глиняные прясла, а также фрагменты сковородок, употребление которых, как известно, прекращается в X в. Здесь же были найдены костяная игла (рис. 6, *22*) и (возле печи № 1) медное украшение месяцевидной формы (рис. 6, *9*). Эти печи, видимо, принадлежали полуземляночным жилищам, контуры которых проследить невозможно.

[15] *Власова Г. М.* Отчет о работе археологической экспедиции Львовского государственного исторического музея в селе Звенигород, Бобрского района Львовской области в 1960 году; *ее же.* Отчет за 1961 год. Архив Института археологии АН УССР, Киев.

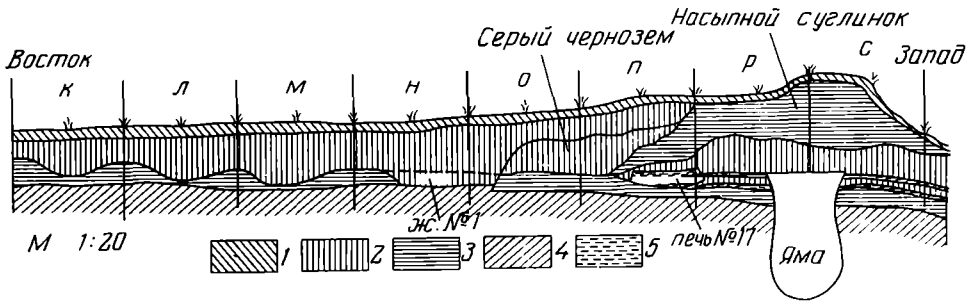


Рис. 2. Разрез центральной части площади по линии 3-В *1* — гумус; *2* — чернозем с культурными остатками; *3* — суглинок; *4* — материк; *5* — слой коричневой трухи

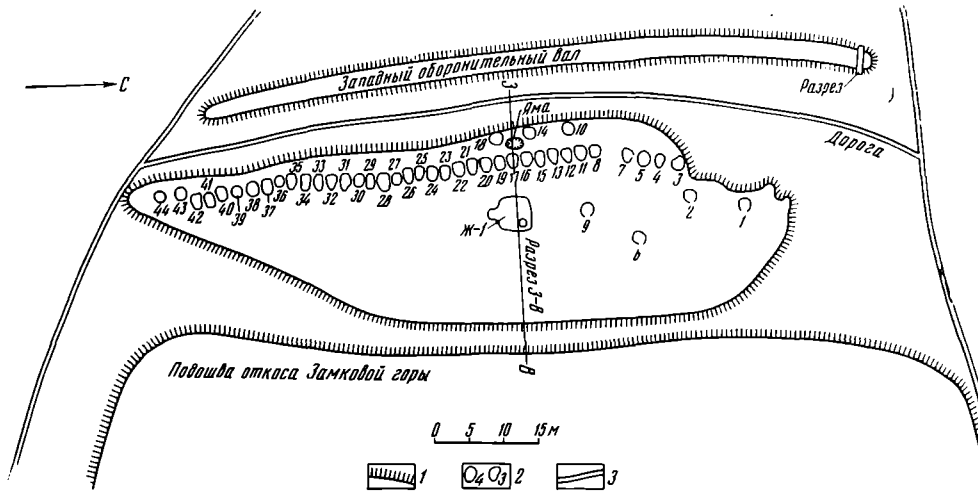


Рис. 3. План раскопанных объектов *1* — склон, *2* — печи, *3* — дорога

Печи № 27, 30, 36, 38, 39, 43 и 44 также круглые в плане, но меньшего диаметра, чем описанные выше (от 0,8 до 0,95 *м*), они не имеют устья, отсутствует керамика. Их поды находились на слое перепаленной докрасна глины. По всей вероятности, это были печи производственного назначения.

30 печей (№ 3—5, 7, 8, 11—13, 15—17, 19—26, 28, 29, 31—35, 37, 40—42) отличались от вышеописанных по конструкции и стратиграфии нахождения. Поды их, в основном в форме вытянутых овалов, иногда грушевидные, диаметром в среднем от 1,2 до 1,5 *м*, находились на глубине 0,90—1,30 *м* от современного уровня поверхности, в слое чернозема. Все имели устья с восточной стороны (со стороны центра детинца). Стенки толщиной 10—15 *см* в некоторых случаях сохранились до высоты 0,4 м. У некоторых печей были даже двойные поды, свидетельствующие об их частом и долговременном использовании. Иногда поды понижались в сторону устья печей. В стенках ближе к устью встречались камни.

Возле печи № 3 на равном расстоянии от ее центра по краям прослежены Г. М. Власовой два круглых неглубоких черноземных заполнения (диаметром 6—7 *см*), возможно, следы деревянных столбов-подпорок [16]. Печи этого ряда находились на небольшом расстоянии друг от друга — от 0,40 до 1,5 *м*, а в одном случае даже соприкасались подами.

Подобная картина была выявлена П. А. Раппопортом в древнем Данилове (современный хут. Даниловка, Шумский р-н, Тернопольской обл.). Такое расположение печей, порой вплотную одна к другой, как сообщает

[16] *Власова Г. М.* Ук. отчет за 1961 г., с. 8.

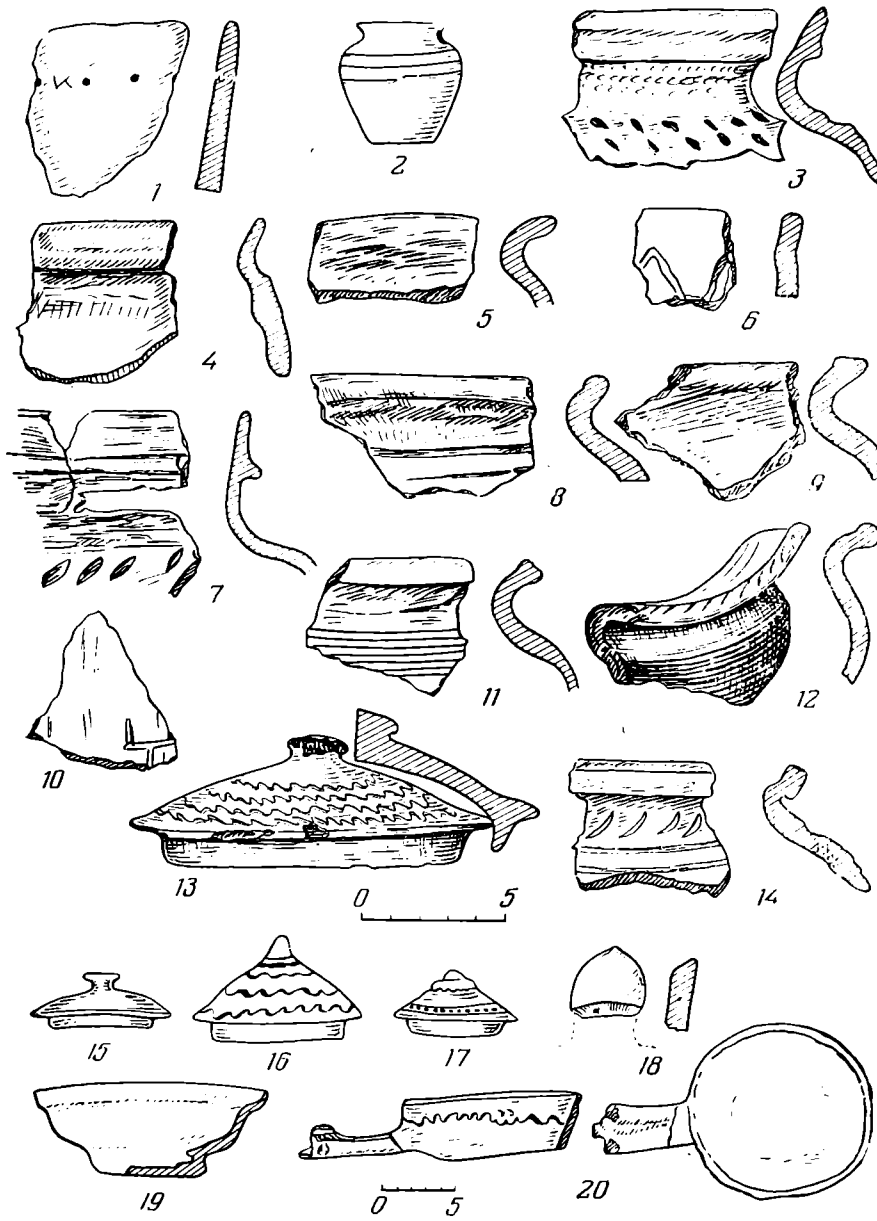


Рис. 4. Керамика в западной части городища

П. А. Раппопорт, может быть объяснено тем, что они относились к жилищам, существовавшим неодновременно [17]. В Звенигороде это подтверждается и стратиграфически, так как поды печей указанного ряда находились в культурном слое на разной глубине. В слое нахождения этих печей встречается керамика, относящаяся почти исключительно к XI—XIII вв.[18] Учитывая, что жизнь на детинце прекратилась в 1241 г., можно допустить, что культурный слой толщиной около 1 *м* образовался здесь в течение 250 лет. Следовательно, теоретически можно предположить, что на этом участке слой толщиной 10 *см* мог образоваться в течение 25 лет, толщиной 20 *см* — в 50 лет и т. д., конечно, без учета конкретной интенсивности и неравномерности накопления материальных остатков в разные исторические периоды.

[17] *Раппопорт П. А.* Данилов.— КСИА АН СССР, 1971, № 125, с. 84.
[18] Описание керамики приводится ниже.

Что касается назначения этих печей, мнения исследователей расходятся. Авторы раскопок интерпретировали их как печи специального назначения — для приготовления пищи воинам-дружинникам [19]. П. А. Раппопорт считает более вероятным, что это печи, сохранившиеся от разрушенных наземных жилищ [20]. Но в том и другом случае печи, по всей вероятности, использовались княжьей дружиной, находившейся на городище вне всякого сомнения, о чем сообщает польский хронист Длугош [21]. Описывая осаду Звенигорода Перемышльским князем Ростиславом в 1127г., Длугош сообщает в своей хронике, что осаждающие вынуждены были прекратить осаду Звенигородской крепости, так как она сильно оборонялась выставленной Владимирком трехтысячной дружиной [22]. Видимо, кроме постоянных воинов, здесь принимали участие ополченцы, собранные князем в час военной тревоги из ближайших селищ. На всей территории западной части детинца было обнаружено очень мало по сравнению с другими частями детинца и западным посадом фрагментов керамики, но зато больше, чем в других местах городища, предметов вооружения и снаряжения всадника. Здесь же, восточнее ряда печей, на площади 20 *м*^{2} обнаружено костище — возможно, следы пиршеств. Кости (часто в расколотом виде) принадлежали крупному рогатому скоту, а также лошадям. Здесь же обнаружены кости благородного оленя, козы, собаки и кошки [23]. Контуры жилищ в слое чернозема проследить не удалось, как это, например, было сделано в Данилове [24] или Ленковцах [25], где полы жилищ были установлены лишь по несколько большей насыщенности мелкими кусочками печины, мелкими угольками и кусочками керамики. Однако и в нашем случае вблизи некоторых печей, в основном со стороны их устья с восточной стороны, на расстоянии до 2—3 *м* обнаружены слои золы, древесных угольков, кусков печины и глиняной обмазки с оттиском прутьев на некоторых фрагментах, что подтверждает связь печей с наземными сооружениями. О размерах этих сооружений судить трудно. Одна из печей (№ 28) выделялась своими большими размерами, соответственных размеров, видимо, было и сооружение-жилище, которому она принадлежала. Подобная зависимость между размерами печей и жилищ прослеживалась на Плеснесском городище, где также были обнаружены ряды подов печей от наземных жилищ, контуры которых не были выявлены [26]. Печь № 28 имела двуслойный под, опускающийся в сторону вытянутого в северо-восточном направлении (до 2 *м*) устья, у которого обнаружено три плоских камня. Ширина печи 1,5 *м*. Хорошо обожженные стенки сохранились до высоты 50 *см* вместе с частью купола. Вокруг печи прослежен толстый слой печины и угольков, вероятно, от ее перекрытия [27]. Под печи находился на слое угля, видимо, от сгоревшего дерева (как на городище в Ленковцах Черновицкой обл.) Здесь обнаружено больше, чем около других печей этого ряда, археологических материалов. Найдено несколько железных гвоздей (рис. 6, *11, 12*), кусок железного шлака весом около 800 *г*, железный нож и около 15 фрагмен-

---

[19] *Ратич А. А., Шеломенцев-Терский В. С.* Ук. соч., с. 390.

[20] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище, с. 69.

[21] Joannis Dlugossi Historiae Polonicae, t. I liber quartus. Cracoviae. MDCCCLXXIII, p. 533—536.

[22] Ibid. «Sed cum castrum praedictium a tribus millitibus virorum, quos Vladimirus in eo locaverat...».

[23] Определение остеологического материала провели научные сотрудники Львовского зооветеринарного института Р. В. Белозер и В. А. Ковалева.

[24] *Раппопорт П. А.* Данилов, с. 83.

[25] *Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А.* Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г.— СА, 1970, № 4, с. 112.

[26] *Кучера М. П.* Древній Пліснеськ. АП, 1962, т. XII, с. 24, 25.

[27] *Терський В. С.* Звіт про роботу археологічної експедиції Львівського державного історичного музею в с. Звенигороді, Пустомитовського р-ну Львівської обл. в 1969 р. с. 7, 8. Архив ИА, АН УССР, Київ.

тов гончарной керамики XII—XIII вв. (рис. 4, *7—17*) [28]. По всей вероятности, это остатки жилища не простого дружинника.

Как остатки жилища, принадлежащего какому-то должностному лицу — представителю местной знати, следует рассматривать и наземное сооружение, вскрытое в центре указанной площадки на глубине 1 *м* в культурном слое чернозема, ориентированное углами по сторонам света, размерами 4×4 *м*, с глинобитной печью в правом углу напротив входа [29]. Жилище хотя и наземное, но заглублено в грунт на 20—25 *см* подобно наземному жилищу в Щучинке на Киевщине [30]. С южной стороны прослежены сени. На поде печи обнаружено две почти одинаковых, изготовленных из клыков бурого медведя [31] подвески в форме башмачков-лаптей с отверстиями для подвешивания (рис. 6, *23*). В заполнении жилища на полу обнаружены часть костяного гребня (рис. 6, *24*) и литое бронзовое кольцо диаметром 2 *см*. У восточного края жилища найдены пружинные ножницы (рис. 6, 7), часть железных удил (рис. 5, *13*), железный нож, часть крепкого, с утолщением по центру и краям обруча, ушко от ведра и два фрагмента стеклянных сосудов (рис. 6, *15, 20*). Вблизи западной окраины жилища обнаружено фигурное кресало (рис. 6, *5*) и два железных наконечника стрел (рис. 5, *15, 18*), а вблизи юго-восточной — железный коленчатый ключ (рис. 6, *3*), бронзовый стилюс (рис. 6, *4*) и свинцовая вислая печать с изображением св. Василия и Оранты [32] (рис. 6, *26*).

Фрагменты керамики (XII—XIII вв.) встречались в основном в восточной окраине жилища (рис. 4, *8, 9, 11, 12, 14*). Вблизи этого жилища (в 8 *м* западнее, но с другой стороны ряда печей) была вскрыта большая яма (диаметр 1,4×1,9 *м*), углубленная на 2,65 *м* от уровня древнего горизонта (см. разрез по линии В-3), с выгнутыми бочкообразно стенками, предназначенная, видимо, для хранения продуктов. Вокруг ямы при зачистке обнаружено несколько ямок (диаметром около 10 *см*), видимо, от столбов сооружения, прикрывающего ее. Восточнее ряда печей и описанного выше наземного жилища, дальше в глубь территории городища, как и в других городищах (Колодяжин, Райки), по всей вероятности, находились хозяйственные комплексы для содержания лошадей и скота, а также кормов для них. Но древнерусский слой здесь перекрыт насыпью замка.

Среди керамических изделий западной части детинца городища (почти вся посуда XI—XIII вв.) привлекают внимание черпак (диаметр 12 *см*) (рис. 4, *20*), орнаментированные крышки (рис. 4, *13, 15—17*), миска (рис. 4, *19*), фрагменты донышек с клеймами (на одном — в форме двузубца — рис. 4, *10*), часть подсвечника, фрагменты треугольной формы поливных плиток желто-зеленого и коричневого цвета и один фрагмент с куполовидным окончанием (рис. 4, *18*). В северной, в более ранний период обжитой части исследованной площадки были найдены женские украшения из бронзы: браслет ложновитой, незамкнутый, со стилизованными змеиными головками на концах (рис. 6, *13*), колт киевского типа с застежкой в виде цилиндрической трубочки (рис. 6, *14*), височное кольцо (рис. 6, *10*) и украшения, видимо, для пояса (рис. 5, *22, 23*). Здесь же найдено несколько шиферных прясел и одно глиняное, изготовленное из черепка сосуда.

Среди изделий из железа на территории западной части детинца обнаружены предметы вооружения — наконечники стрел (рис. 5, *14—21*), наконечники копья (рис. 5, *1, 2*), шпоры (рис. 5, *9*), одна из них не-

---

[28] Там же, с. 8.

[29] *Ратич А. А., Шеломенцев-Терский В. С.* Ук. соч., с. 388, 389.

[30] *Довженок В. И.* Древнерусские городища на Среднем Днепре.— СА, 1967, № 4, с. 263.

[31] Согласно определению профессора Львовского медицинского института, д-ра биол. наук К. А. Татаринова.

[32] *Шеломенцев-Терский В. С.* Новые находки печатей..., с. 165, рис. 2.

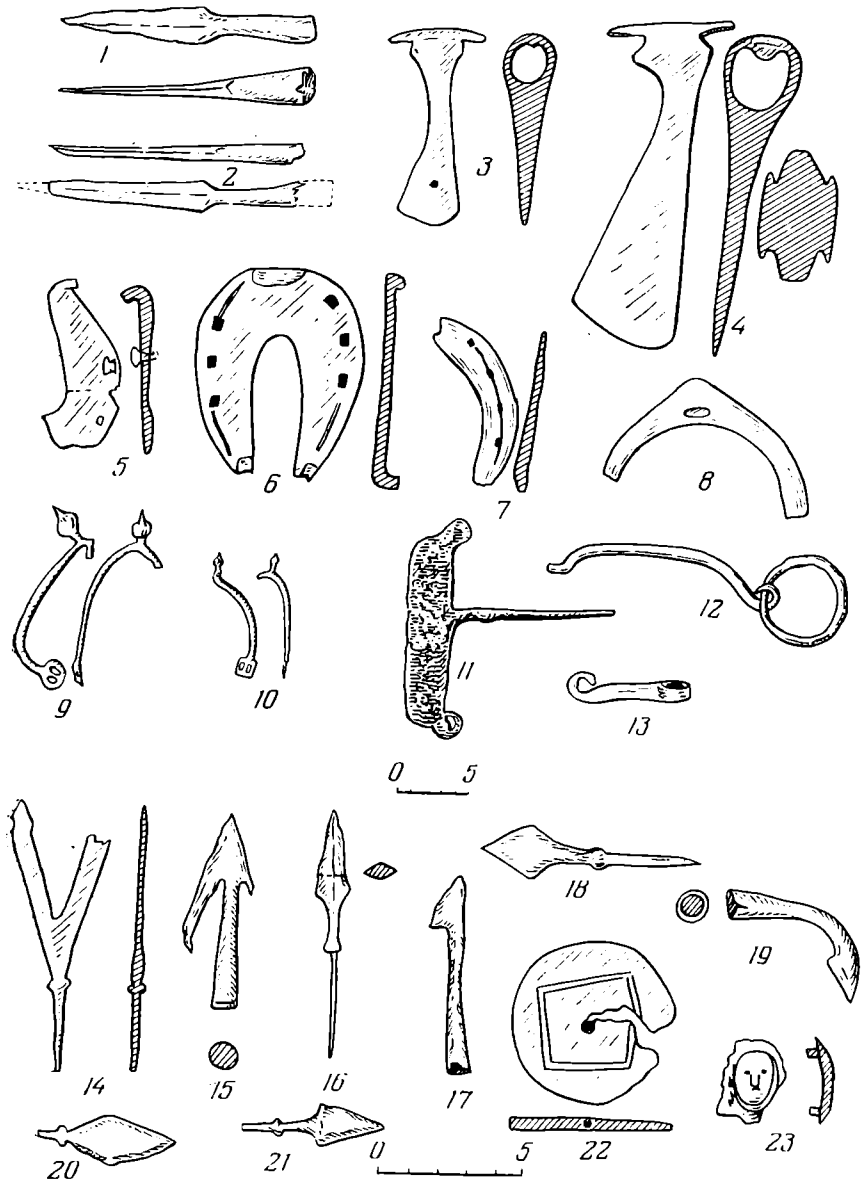


Рис. 5. Предметы вооружения, снаряжения воина и лошади

большого размера со следами позолоты, видимо, детская (рис. 5, *10*), боевые топоры (рис. 5, *3*, *4*), предметы конского снаряжения — части удил (рис. 5, *12*), стремени (рис. 5, *8*), подковы (рис. 5, *5*—*7*), скребница (рис. 5, *11*) для чистки коней с однопластинчатой зубчатой гребенкой (200 *мм* × 35 *мм*), расположенной под углом по отношению к рукояти (длина ее 152 *мм*), края гребенки увенчиваются петлями с колечками. А. Н. Кирпичников относит такую скребницу к I типу и датирует XI в [33]

Из железных предметов быта здесь найдены ножи, дверной ключ (рис. 6, *2*), гвозди, скобы, подковка от сапога, кресало (рис. 5, *6*).

Изделия из кости представлены изящно изготовленной уховерткой (рис. 6, *21*), костяной ручкой, изготовленной на токарном станке (подъемный материал) (рис. 6, *25*), пуговицей полусферической формы с отверстием, украшенной очковым орнаментом, частью гребня, изготовленно-

[33] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 84, рис. 50, *1*.

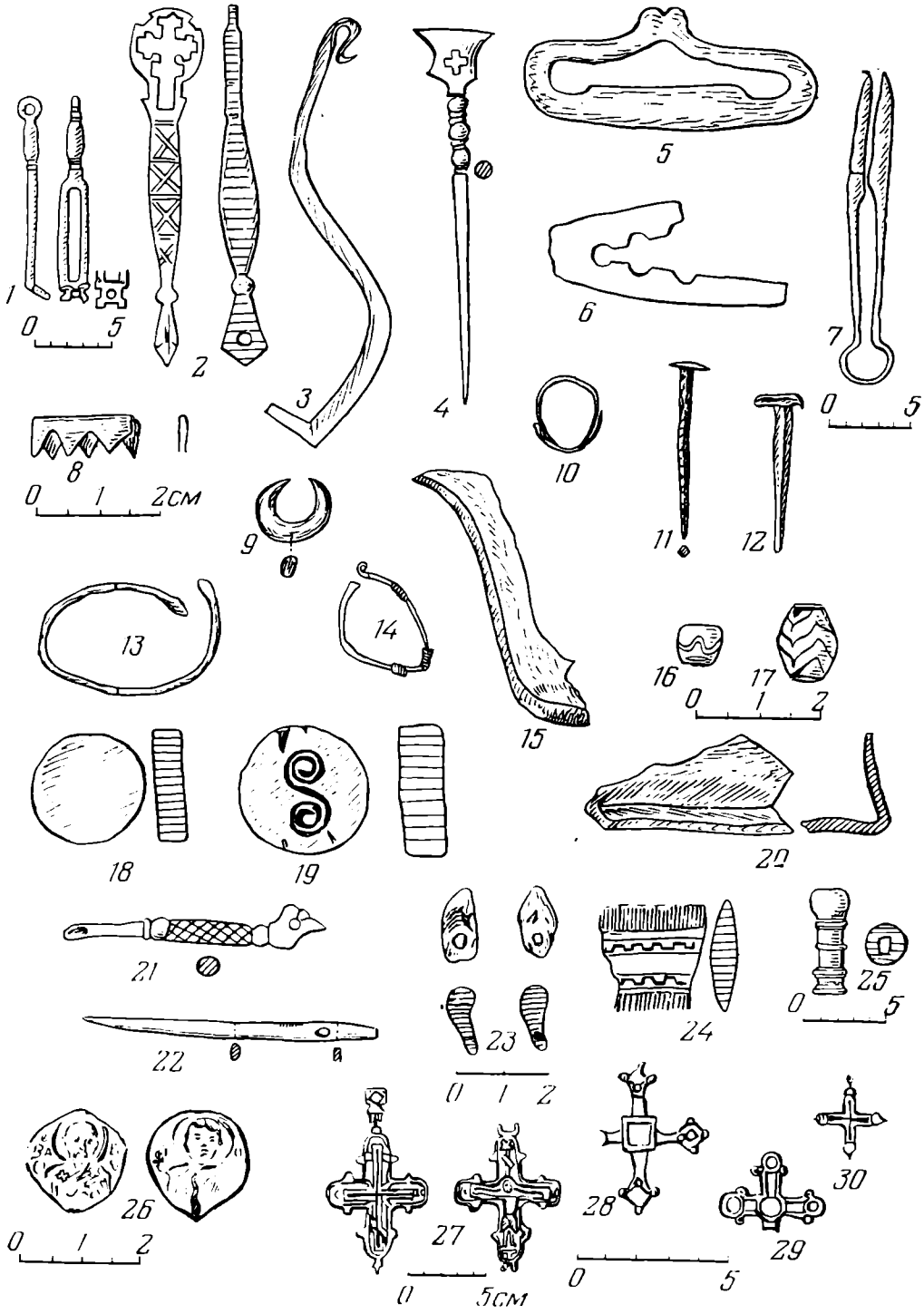


Рис. 6. Предметы быта из металла, кости и стекла

го из двух пластинок, соединенных бронзовой заклепкой, частью гребня, орнаментированного линейным орнаментом, лощилами [34] и несколькими предметами с двумя зубцами на конце, наподобие так называемых кочадыков для плетения лаптей, но здесь, видимо, употреблявшихся для плетения сетей.

[34] Подобные изделия из трубчатых фаланговых костей считаются в литературе коньками и лощилами. *Левашова В. П.* Обработка кожи, меха и других видов жи-

Кроме того, на площадке обнаружено три бронзовых крестика (рис. 6, *28—30*) и два оловянных диска весом 100 и 200 *г*, видимо, разновесов (рис. 6, *18, 19*).

Из находок вне культурного слоя как подъемный материал на территории городища в музей были доставлены [35] бронзовый двухстворчатый энколпион (рис. 6, *27*), ключ от висячего трубчатого замка (рис. 6, *1*) и другие предметы.

Кроме древнерусской керамики обнаружены фрагменты керамики раннежелезного периода на глубине 1,20 *м* в центре возвышения площадки, находились они в темном суглинке без стерильного слоя. Отсыревшие, слабо обожженные фрагменты были покрыты массой красно-коричневого цвета, напоминающей ржавчину. Принадлежали они банковидному сосуду с прямыми венчиками (толщина стенки 8—10 *мм*) со сглаженной, но шершавой поверхностью светло-коричневого цвета, орнаментированному сквозными дырками на расстоянии 1,5 *см* одна от другой в 2 *см* ниже края венчиков (рис. 4, *1*).

Добытые материалы позволяют датировать памятник IX—XIII вв. и дают основание предполагать, что Звенигород возник на месте неукрепленного поселения IX—X вв., а в начале XI в. здесь возникает феодальный замок. В результате развития ремесел замок постепенно превращается в город, но его дальнейшее развитие было прервано татарским разгромом.

V. S. Terski-Chelomentsev

LE DIETINIETZ DE ZVENIGOROD EN GALICIE

Résumé

L'auteur expose dans son article les résultats des fouilles archéologiques menées dans la partie ouest du diétinietz (kremlin) du vieux goroditché russe de Zvénigorod, près de Lvov, par le Musée d'histoire de Lvov au cours de sept campagnes (de 1960 à 1964, et en 1969 et 1971). Ces fouilles avaient pour but de sauver des restes anciens, sur le territoire du goroditché de travaux de construction. On a dégagé 44 poêles faits d'argile, qui attirent particulièrement l'attention. L'auteur pense qu'une partie de ceux-ci appartenaient à des habitations semi-souterraines datant des IXe et Xe siècles, lorsque Zvénigorod était une agglomération non fortifiée. L'autre partie, comprend 37 poêles, alignés sur un rang du nord au sud, qui remontent à une période allant du XIe au XIIIe s., quand à cet endroit résidait la droujina (garde) du prince; ils ont été mentionnés par la chroniqueur polonais Ian Dlougoch, en 1127. Sept poêles le cette série étaient destinés à la fabrication de quelque produit; les 30 autres étaient probablement utilisés par la droujina du prince pour la préparation des aliments et le chauffage. La présence à cet endroit d'une droujina est prouvée par la découverte d'armes et d'équipement de cavaliers. On a recueilli ici un nombreux matériel archéologique, parmi lequel se distinguent surtout d'élégants ornements à suspendre faits avec des crocs d'ours brun, ainsi que le sceau de plomb d'une charte princière. Se basant sur le matériel archéologique et la stratigraphie, l'auteur distingue pour le terrain étudié deux périodes de construction de bâtiments: du IXe au Xe s., et du XIe au XIIIe s.

вотного сырья.— В сб.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 1959, вып. 33, с. 58, 59; *Семенов С. А.* Первобытная техника.— МИА, 1957, № 54, табл. 12—16.

[35] В основном благодаря заведующему музеем в с. Звенигород учителю местной школы Дзюбаку Б. И.

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

В литературе уже описана большая группа булгарских памятников (320), обнаруженных и обследованных впервые отрядом Татарской археологической экспедиции (ТАЭ) в 1964 г. в регионе крупнейших городищ Волжской Булгарии: Билярского, Булгарского и Суварского [1]. В связи с их публикацией приведена и краткая история изучения булгарских археологических памятников закамской Татарии — центральной территории Булгарского государства, дана в целом основная дореволюционная и советская литература по этому вопросу.

В 1965 г. отряд ТАЭ из двух групп под руководством автора [2] в течение трех месяцев вел разведку памятников по следующим большим маршрутам: бассейн среднего и нижнего течений правобережья р. М. Черемшан, бассейн верхнего и среднего течений р. Б. Черемшан (от места впадения в нее М. Черемшана до истоков реки), р. Зай на всем ее течении по обоим берегам без охвата притоков, правобережья нижнего течения р. Шешмы от ее устья до с. Ново-Шешминск. Кроме того, сделан небольшой маршрут в районе Утка—Раткуль. Основная часть поисков проводилась на территории Татарской АССР, частично захвачены и соседние Ульяновская и Куйбышевская области (низовье М. Черемшана, отдельные участки Б. Черемшана).

За указанный период пройдено сплошной разведкой в среднем 1300 *км* (в измерениях по топографической карте). Обнаружено и обследовано впервые 404 памятника различных археологических эпох и культур, в том числе 171 памятник срубной культуры (67 поселений, 74 местонахождения, 13 курганных групп и 17 отдельных курганов [3]), 102 памятника I тысячелетия н. э., главным образом так называемой именьковской культуры (2 городища, 64 поселения, 36 местонахождений), 159 памятников Волжской Булгарии, 10 маловыразительных памятников неопределенной культурной принадлежности, два местонахождения кремневых скребков, один мордовский могильник XVII—XVIII вв. [4]

Данная публикация посвящена характеристике булгарских памятников, типологическая и хронологическая классификация которых по маршрутам дана в таблице.

---

[1] *Р. Г. Фахрутдинов.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии в закамской Татарии. СА, 1969, 1, стр. 224—236.

[2] В работе экспедиции приняли активное участие Р. С. Габяшев, Д. Г. Мухаметшин, А. Ахмадеев.

[3] Культурная принадлежность курганов определяется, хотя и предварительно, на том основании, что они связаны со срубными поселениями.

[4] Определенное число памятников является двухслойным (срубная-именьковская, именьковская-булгарская), иногда трехслойным (срубная-именьковская-булгарская). Поэтому количество обследованных объектов меньше общего количества памятников по всем культурам.

Как видно из таблицы, преобладающая часть памятников относится к домонгольскому периоду. В этот период районы южнее от центральных земель (Б. Черемшан, нижнее течение М. Черемшана) были заселены булгарами. Лишь восемь памятников позднебулгарского времени из имеющихся десяти приходятся на долю М. Черемшана, более того, на ее среднее течение, входящее в центральную часть Западного Закамья, которая оставалась центральной булгарской территорией и в первой половине золотоордынского периода [5].

Небольшой маршрут по речке Раткуль и верховью р. Утки явился завершением наших разведочных поисков, проведенных в данном районе в 1961—1962, 1964 гг. [6] Регион интересен своим отношением к таким выдающимся средневековым центрам, как Булгар и Сувар. Река Утка в целом выделяется богатством булгарских памятников, интересными городищами. Всего в 5,6 *м* от Сувара, рядом с дер. Якимова Стрелка, на небольшом правом притоке реки обнаружено неизвестное до сих пор и довольно большое городище площадью 88 тыс. *м*^{2} (рис. 1, 7). Оно расположено на длинном и широком мысу, деформированном берегом ручья и двумя оврагами. Поверхность покрыта высоким смешанным лесом, открытые участки плотно задернованы. Подъемный материал при таком растительном покрове отсутствует; не выявлен и культурный слой в трех шурфах, заложенных в различных местах. Несмотря на это, городище уверенно можно отнести к булгарам, о чем свидетельствует форма укреплений, опоясывающих городище со всех сторон и имеющих с напольной стороны проезды — «ворота», характерные в Среднем Поволжье лишь для булгарских городищ. Примечательно и то, что оно находится в низине в отличие от первобытных городищ, расположенных, как правило, на высоких мысах. К тому же напротив городища, на другом берегу речки, обнаружены обломки булгарской керамики, в том числе такой ясно выраженный домонголь-

Дата	Маршруты и памятники														Всего	
	Раткуль — Утка			М. Черемшан				Б. Черемшан		Шешма			Зай			
	городища	селища	местонахождения	городища	селища	валы	местонахождения	кладбища	селища	местонахождения	городища	селища	местонахождения	городища		
Общебулгарские	—	—	1	—	3	—	14	—	2	20	2	—	3	—	1	46
Булгарские ранние	1	2	2	6	44	1	9	—	19	10	1	6	1	—	—	103
Булгарские ранние и поздние	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
Булгарские поздние	—	—	—	—	3	—	2	2	—	—	—	—	1	—	—	8
Итого	6			85				51		15			2			159

[5] *Р. Г. Фахрутдинов.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975, стр. 51—54.

[6] По р. Утке были проведены успешные разведки еще в 1939 г. отрядами КАЭ, руководимыми А. В. Збруевой и М. Цветковой.

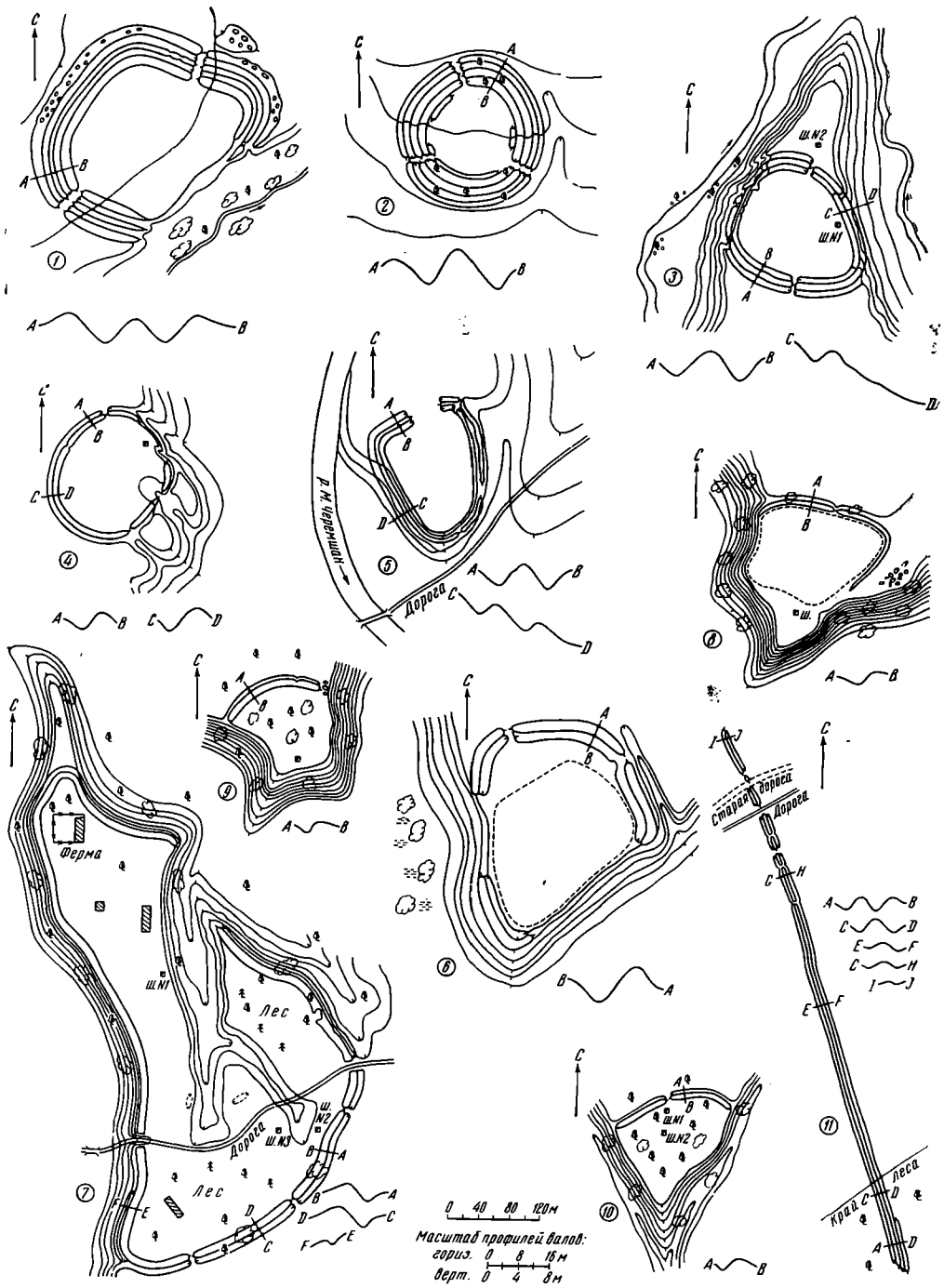


Рис. 1. Планы булгарских городищ и укреплений: *1* — Нижне-Качеевское (Шибашское); *2* — Чувашское-Аппаковское; *3* — Татарско-Бурнаевское; *4* — Боровкинское; *5* — Чувашско-Бродское; *6* — Старо-Камкинское; *7* — Якимово-Стрелкинское; *8* — Красно-Кадкинское; *9* — Елантовское; *10* — Утяшкинское; *11* — Верхне-Альмурзинский вал

ский элемент, как целая лепная ручка от крышки сосуда — «пест». Это местонахождение, хотя, очевидно, и связано с городищем, но еще не датирует его. Мы относим городище к общебулгарскому времени.

Самое большое количество памятников (85) дал маршрут по М. Черемшану. Селища часто сгруппированы вокруг городищ. Проявляется довольно любопытная картина — на каждом параллельном притоке реки расположено по одному городищу: Татарско-Бурнаевское на Бурнайке, Нижне-Качеевское (Шибашское) на Шие, Чувашско-Аппаковское на Аппаке, Боровкинское на Елшанке. Все эти городища, несомненно, являются остатками феодальных замков, о чем свидетельствуют их мощная система обороны при небольшой площади и довольно большое число окружающих селищ в непосредственной близости (от одного до семи). Все городища датируются домонгольским периодом.

Наиболее интересным является городище, расположенное между селами Нижнее Качеево и Шибаши, ближе к первому, на низком, пологом берегу речки (рис. 1, *1*). Площадь 25 500 *м*^{2}, форма подчетырехугольная с округленными углами, поверхность распахивается. Городище почти со всех сторон (кроме берега речки) имеет мощную линию обороны шириной до 55 *м*, состоящую из трех рядов валов и двух рвов между ними; проезды через укрепления с противоположных сторон. У северных ворот находится значительное всхолмление с довольно широкой площадкой (для башни?), сплошь покрытое поздними кладоискательскими ямами. Кстати, такими же ямами усеян внешний вал. Мощность культурного слоя городища по шурфу составляет 55 *см*, местное название «Кала-тау» («Город-гора»). Памятник был впервые обследован в 1769 г. Н. П. Рычковым, отметившим на его площади множество бугров. Путем их частичных вскрытий автор пришел к выводу, что они являются остатками кирпичных и белокаменных зданий[7]. Таких остатков мы уже не встречали. Данное городище отличается от всех остальных и тем, что оно имеет самое большое число окружающих селищ — всего семь.

Большой интерес представляет городище у дер. Чувашское Аппаково в пограничном районе ТАССР и Ульяновской обл. (на территории последней; рис. 1, *2*). Площадь 11 504 *м*^{2}, поверхность раньше распахивалась, теперь задернована. Оборонительная система — из двух рядов валов и рвов (местами и третьего, внутреннего вала) с общей шириной до 45 *м* и с тремя проездами. Толщина культурного слоя 30 *см*. Местное название у чуваш — «Хула вырын» («место города»), у татар соседнего села Аппаково — «Аппак каласы» («аппаковский город»). К городищу примыкают два селища.

Таким же интересным из новых городищ является Татарско-Бурнаевское, расположенное на длинном мысу, однако опоясанное круговой обороной из одного вала и внутреннего рва, а с напольной и мысовой сторон еще и внешнего рва; оконечность мыса остается за пределами обороны (рис. 1, *3*). Площадь 16 тыс. *м*^{2}, форма круглая, поверхность задернована. Ширина линии обороны с напольной стороны составляет 25 *м*, проезды расположены с противоположных сторон. Толщина культурного

---

[7] *Н. Рычков.* Журнал или дневные записи путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1770, стр. 6, 7. Городище вошло в сводные работы XIX в. по булгарским городищам. См. *К. И. Невоструев.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. Тр. I АС, т. II. М., 1871, стр. 543; *С. М. Шпилевский.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 343, 344. С. М. Шпилевский, ссылаясь на А. Артемьева, указывает в данном районе еще два городища. Нами установлено, что здесь находится одно вышеописанное городище, просто разные авторы связывали его с разными населенными пунктами. Следует также отметить, что данное городище и описываемые ниже вошли в сводную работу Р. Г. Фахрутдинова (*Р. Г. Фахрутдинов.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии...).

слоя 32 *см* (второй шурф, заложенный за пределами укреплений на вершине мыса, также выявил небольшой культурный слой). Местное название городища — «Алка» («Кольцо»). Количество окружающих селищ пять. Одно из них в отличие от всей этой домонгольской группы на основе ясно выраженной поздней керамики датируется золотоордынским временем. Рядом с ним расположено позднебулгарское кладбище с одним сохранившимся эпиграфическим памятником первой половины XIV в., являющимся предметом почитания татарского населения округи [8].

К подобного рода городищам относится и Боровкинское на территории Ульяновской обл. (рис. 1, 4), расположенное на открытой территории речки, бассейн которой образует узкий коридор между двумя лесными массивами. Площадь 15 386 $м^2$, форма круглая, оборона кольцевая из одного вала и рва. Поверхность раньше распахивалась, теперь задернована, мощность культурного слоя 35 *см*. Местное название «Кала» («Город»), за валами имеет одно селище.

На М. Черемшане обследовано еще два городища, Старо-Камкинское и Чувашско-Бродское, которые по своему характеру несколько отличаются от описанных выше городищ-замков. Первое расположено на высокой надлуговой террасе широкой долины реки, второе — также на высоком, обрывистом берегу самой реки. Вполне возможно их первоначальное возникновение в качестве феодальных замков, однако со временем они могли превратиться в небольшие городки, выполнявшие одновременно роль опорных военных пунктов. С территории городищ открывался широкий обзор на десятки километров, благодаря чему они занимали господствующее положение и держали под контролем также движение по р. Черемшану. Старо-Камкинское (рис. 1, *б*) расположено на мысу высотой 13—15 *м*, площадь 36 тыс. $м^2$, форма подтреугольная, основная площадь распахивается. Оборона главным образом с напольной стороны из одного высокого вала и глубокого рва с двумя проездами (укрепления частично имеются по берегу основной террасы и в мысовой части). Мощность культурного слоя 50 *см*, поблизости имеется два селища. Городище известно в литературе по работам Н. П. Рычкова, который отмечал на его площади множество камней и кирпичей, считая их остатками бывших там сооружений [9]. Позднее, в XIX в., о городище писали С. Кондырев, А. Артемьев; последний назвал его «Нугай-Кала» [10]. Нам кажется, что такое название в определенной степени указывает на значение городка.

Городище, расположенное у с. Чувашский Брод на мысу подчетырехугольной формы (рис. 1, *5*) высотой до 15 *м*, имеет небольшую площадь в 13 300 $м^2$, окруженную укреплениями из одного вала и рва, а с напольной стороны и со стороны Черемшана — двух рвов и вала между ними [11]. Поверхность занята совхозной фермой, толщина культурного слоя 18 *см*. Рядом с городищем имеется кладбище под названием «Изгеляр эсте» («Место над святыми»), почитаемое местным населением. В мусульманские праздники здесь делаются жертвоприношения мелкого скота и птиц. Ключ, бьющийся в обрыве берега реки ниже кладбища, также называется «святым».

Из обследованных нами малочеремшанских памятников примечателен вал, расположенный в 5 *км* западнее с. Верхнее Альмурзино. Этот вал

---

[8] Памятник был исследован отдельно Г. В. Юсуповым еще в 1962 г.

[9] *Н. Рычков.* Ук. соч., стр. 8.

[10] Цитировано по С. М. Шпилевскому. См. *С. М. Шпилевский.* Древние города..., стр. 346, 347. С. М. Шпилевский считает, что «Нугай-Кала» в переводе с татарского означает «Укрепленный город» (от слов «нык» или «ныгай» — крепкий, укрепиться). Так ли это или оно связано с этнонимом «нугай» (нугаями раньше называли и татар), мы не беремся судить.

[11] Городище известно по работе Н. Вячеслава. *Н. Вячеслав.* Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. Казань, 1874, стр. 19.

с рвами с двух сторон, начинается в верховьях небольшого притока М. Черемшана, идет в юго-восточном направлении, заходит в лес и кончается в 1200 *м* от его края (рис. 1, *11*). Длина вала 752 *м*, высота со дна рва от 0,5 до 1,8 м, общая ширина укреплений колеблется от 7 до 18,5 *м*. Верхне-Альмурзинский вал, известный также с конца XIX в. [12], по характеру и планировке (отсутствие «бруствера» и «редутов») сильно отличается от поздних, русских оборонительных сооружений — от так называемых закамских линий. Вал является типично булгарским; такие же валы были обследованы Н. Ф. Калининым в 1946 г. по р. Бездне [13] и нами в 1961 г. по р. Утке [14]. Для каких целей он был построен — ответить точно трудно. Однако можно предположить, что он служил баррикадой в узком коридоре между лесными массивами в водоразделе рек Утки и М. Черемшана и преграждал путь неприятеля к городу Сувару.

Таковы краткие сведения о малочеремшанских памятниках. Подводя итог обследованию булгарских памятников по всему бассейну этой реки, можно сказать следующее: она была самой густозаселенной рекой на всей территории Волжско-Камской Булгарии. Общее количество булгарских памятников Малого Черемшана, обследованных к настоящему времени [15], составляет 427, в том числе 20 городищ и 227 селищ. Это 23% всех археологических памятников Волжской Булгарии (1855).

В отличие от М. Черемшана иную картину дает Б. Черемшан, вернее обследованные нашей разведкой среднее и верхнее течения реки. Там совершенно отсутствуют городища. Общее количество памятников составляет 51, из них 29, несомненно, домонгольские; остальные ввиду незначительности материала датированы пока общебулгарским временем. По количеству памятников правый берег несколько уступает левому, но здесь не обследован солидный участок между устьями М. Черемшана и Сульчи протяженностью 45 *км*, занятый большим и густым лесным массивом, охватывающим обширную территорию в левобережье нижнего течения М. Черемшана и указанного правобережья в среднем течении Б. Черемшана [16]. По правому берегу реки обнаружено 12 селищ и 11 местонахождений. Выше устья Сульчи селища расположены примерно до района с. Черемшан. Самым последним местом расположения памятников по правобережью является небольшой приток Кармалка, где зафиксировано лишь три местонахождения. Он почти прорезает водораздел Б. Черемшана и Б. Сульчи, немного не доходя до последней в самом ее верховье, где, как показали разведки П. Н. Старостина в 1963 г., также отсутствуют булгарские памятники.

Селища по левому берегу Б. Черемшана обнаружены лишь до района против устья р. Сульчи. Выше выявлены отдельные местонахождения, которые кончаются также в пределах с. Черемшан. Кроме того, напротив этого села обследованы левые притоки реки, в том числе нижнее и среднее течение самого большого из них — Тарханки, которая берет свои истоки почти у р. Кондурчи на юге. В нижнем течении речки зафиксировано лишь одно местонахождение керамики. Не обнаружены булгарские поселения и на двух соседних параллельных притоках: Аксумле и Камышлинке (кроме двух местонахождений в низовьях Аксумлы). Река

---

[12] *Н. Вячеслав.* Ук. соч., стр. 27. См. также: *С. М. Шпилевский.* Ук. соч., стр. 338, 339.

[13] *Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Тр. КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1954, стр. 120—124.

[14] *Р. Г. Фахрутдинов.* К вопросу об оборонных укреплениях домонгольской Булгарии. Археологический сборник. Труды VIII Всес. студенческой конф. Л., 1964, стр. 111—115.

[15] После 1965 г. (в 1967, 1971 гг.) в бассейне М. Черемшана проведены небольшие дополнительные разведки, в результате чего на речках Билярке, Баранке и Вялюлькине обнаружено еще 14 памятников.

[16] Из-за этого лесного массива остался непройденным и указанный район в бассейне М. Черемшана.

Б. Черемшан в исследованном районе, особенно выше устья Сульчи, имеет высокий правый берег. Поэтому расположение селищ именно там и отсутствие их на левом берегу говорят о пограничной полосе основных булгарских земель. Прохождение пограничной зоны распространения булгарских поселений именно по правому берегу Б. Черемшана соответствует и геоморфологическим особенностям района. Здесь ландшафт сильно меняется; если к северу от реки преобладают леса, то на юге простирается степь. Она господствовала и в прошлом [17]. Булгары, занимая правый берег реки, откуда открывается широкий обзор, предпочли оставить степь кочевникам. Вспомним указания Ибн-Фадлана об обитании кочевников-башкир [18] в водоразделе между Черемшаном и Кондурчой. Проводя разведку, нам не раз приходилось слышать предания старожилов о том, что в древние времена со стороны степи на булгарские аулы делали нападения какие-то кочевники. Нелишне привести одно из них. Житель с. Парау (Боровки) в низовье М. Черемшана М. Насыбуллин рассказал, что вблизи их села за речкой есть «Иски аул» («Старое село»), где раньше жили булгары. Однажды пришли со степи кочевники и выгнали булгар, после чего булгары «Иски аул», оставив его, переселились на место современного села и основали Парау. Название села (Парау от слов «пар ау» или «пар аучы» — два охотника) связано с двумя охотниками, отличившимися в сражении с кочевниками. На «Иски Аул» обнаружена ранняя керамика (III селище).

Отсутствие на Б. Черемшане булгарских городищ объясняется, может быть, этим непостоянством пограничной полосы, где было рискованно строить города и феодальные замки. Но чем объяснить отсутствие здесь остатков военных крепостей? Может быть, они успешно пользовались родовыми укреплениями, одно из которых обнаружено у с. Сиделькино в Куйбышевской обл.

Разведки 1965 г. отличаются тем, что ими охвачены не только большие районы распространения булгарских археологических памятников, но и изучены пограничные зоны густозаселенных, основных земель Волжской Булгарии. Одну такую зону по Б. Черемшану на юго-востоке мы только что охарактеризовали. Второй такой зоной на востоке является правый берег р. Шешмы. Из 15 памятников, обследованных здесь, наибольший интерес представляют городища, которые по характеру планировки и укреплений резко отличаются от вышеописанных малочеремшанских, особенно остатков феодальных замков. Долина Шешмы асимметрична: левый берег сравнительно пологий, а правый — высокий и крутой; высота над уровнем лугов иногда достигает 90—100 *м*. Терраса образует выступающие мысы, имеющие издали весьма внушительный вид. На таких мысах, покрытых в настоящее время лесом, расположены Ошинское и Елантовское (рис. 1, *9*) городища. Третье городище обнаружено среди густого леса на вершине оврага, разрезающего террасу у дер. Утяшкино (рис. 1, *10*). Все эти городища имеют небольшую площадь (Утяшкинское — 11 200 *м*^{2}, Ошинское — 10 400 *м*^{2}, Елантовское — 4 500 *м*^{2}), незначительный культурный слой. Толщина культурного слоя Ошинского и Елантовского городищ всего 10 *см*, а на Утяшинском вообще культурный слой не выявлен; его можно определить булгарским лишь по характеру укреплений и незначительному подъемному материалу на обнажениях террасы. Эти городища не имеют окружающих селищ в отличие от других, представляющих феодальные замки или городские центры. С открытых частей мысов правобережья Шешмы, где они расположены, открывается широкая панорама окрестностей для наблюдения. Все это позволяет отнести городища к типу военных крепостей и оставить за ними

---

[17] *Ф. Н. Мильков.* Среднее Поволжье. М., 1953, стр. 229.

[18] *А. П. Ковальский.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 130.

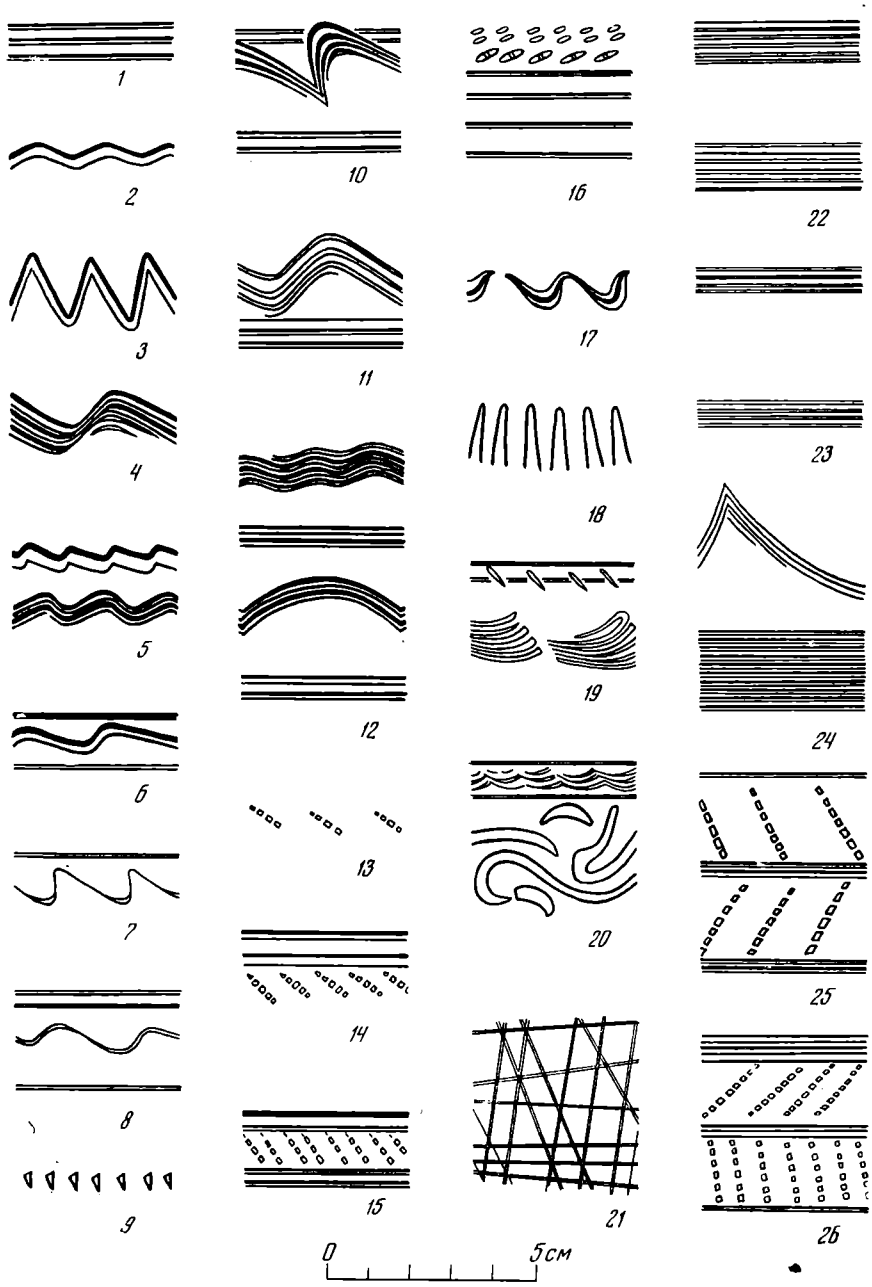


Рис. 2. Орнамент на булгарской гончарной керамике: *1—21* — домонгольского периода; *22—26* — золотоордынского периода

стратегическое значение по охране восточных рубежей основной территории Волжской Булгарии.

Эта территория, заселенная булгарами, не распространялась далее к востоку от Шешмы, как показали разведки по р. Зай, протекающей восточнее Шешмы, параллельной ей. Следует подчеркнуть, что р. Зай в 1965 г. впервые подвергалась сплошному археологическому обследованию. Из дореволюционной литературы были известны небольшие сведения о нескольких позднебулгарских эпиграфических объектах в нижнем течении реки. Покойный Г. В. Юсупов, эпиграфист, в 1964 г. проводил поиски по Заю, одновременно уточняя эти сведения. Так, им установлено, что надгробия первой половины XIV в., известные по работе И. Н. Березина и связываемые с с. Красная Кадка, в действительности оказались у

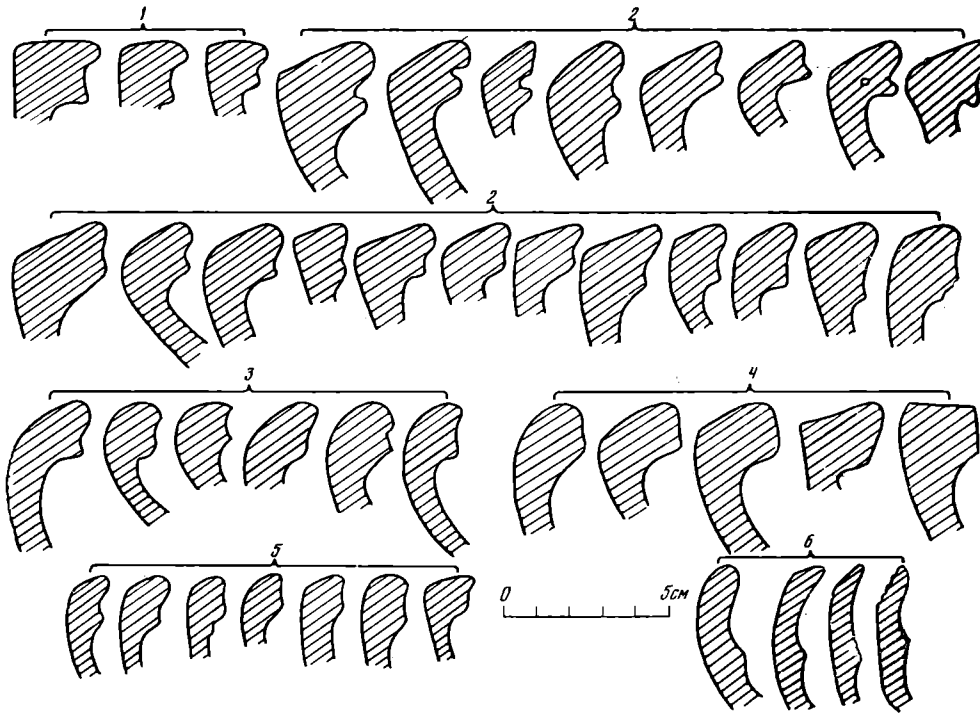


Рис. 3. Профили венчиков булгарской гончарной керамики: *1—5* — домонгольского периода; *6* — золотоордынского периода

с. Средние Чаллы на небольшом левом притоке реки [19]. Отдельные надгробия у сел Поручиково и Светлое Озеро, указанные Р. Г. Игнатьевым в XIX в., оказались исчезнувшими. Г. В. Юсуповым исследовано неизвестное до сих пор надгробие первой половины XIV в. у дер. Клятле в бассейне правобережья нижнего течения реки.

Мы прошли сплошной разведкой весь Зай от начала до конца, протяженностью более 200 *км*, но кроме одного городища и двух-трех местонахождений в низовьях реки никаких других булгарских памятников не обнаружили. Городище расположено против с. Красная Кадка на выступающем мысу высокого правого берега реки (высота над уровнем лугов составляет 100 *м*). Площадь 19 200 $м^2$, форма подтреугольная, основная поверхность распахивается, кроме вершины мыса. Оборона с напольной стороны, из одного вала и рва с проездом в середине; кроме того, вал отдельно огибает городище со стороны края террасы (рис. 1, *8*). Селища отсутствуют. Городище по своему характеру аналогично упомянутым выше шешминским и, надо полагать, играло такую же роль военных сторожевых пунктов по охране восточных рубежей, конкретно северо-восточных, куда входило и низовье р. Зай.

В настоящей статье, посвященной публикации материалов одного года исследований, мы не будем затрагивать вопрос о восточной и юго-восточной территории Волжской Булгарии, включающей, кроме основных земель, обширные периферийные районы. Этот вопрос с использованием имеющихся письменных и археологических источников рассмотрен в ряде наших работ [20].

---

[19] И. Н. Березин не исследовал эти памятники, а писал о них по сообщению других; дал перевод одной из эпитафий. См. *М. Березин.* Булгар на Волге. Уч. зап. Каз. ун-та, т. III, 1852, стр. 133, 134. Об этом же памятнике писал и Н. И. Ашмарин, уточнив его дату (*Н. И. Ашмарин.* Болгары и чуваши. ИОАИЭ, т. XVIII, 1902, стр. 89).

[20] *Р. Г. Фахрутдинов.* К вопросу о булгаро-башкирских взаимоотношениях. АЭБ, IV, 1971, стр. 99—101; *его же.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии..., стр. 35—37.

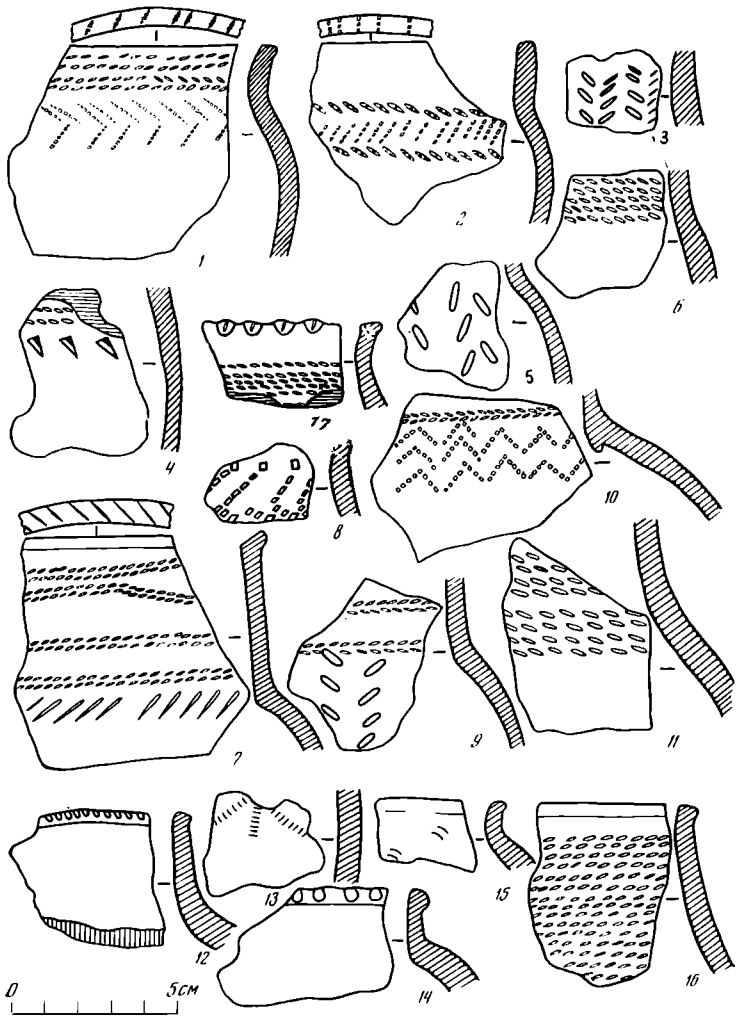


Рис. 4. Орнамент на булгарской лепной керамике: *1—6* — с примесью растительности; *7—9* — с примесью толченой раковины; *10, 11* — с примесью растительности и толченой раковины; *12—15* — с примесью шамота; *16, 17* — с примесью песка

Во время разведок собран большой и интересный материал, главным образом керамика. Керамика делится на две группы: гончарную и лепную. Преобладает гончарная, главным образом лощеная, частично окатанная, коричневого, желто-красного, красного, желтого и серого цвета из хорошо отмученной глины с примесью мелкого, редко крупного песка.

На рис. 2 представлены характерные элементы орнамента гончарной посуды, являющиеся хорошо датирующим материалом (рис. 2, *1—21* — домонгольский период; рис. 2, *22—26* — золотоордынский). В орнаменте преобладает линейный и волнистый мотив как самостоятельный, так и в различных сочетаниях (рис. 2, *1—8, 10—12, 17*). Есть узоры, выполненные в виде треугольников, оттисков гребенчатого штампа и овальных вдавлений; нередко они сопровождаются резными линиями в несколько рядов (рис. 2, *9, 13—16*). Имеются каннелюры, фаски, заштрихованные линии, порой в красивом сочетании с наклонными насечками, резными линиями и плавной волной (рис. 2, *18—21*). Общие мотивы представленной орнаментации находят аналогию в орнаментике ранее изученных памятников, особенно такого ярко выраженного домонгольского поселения,

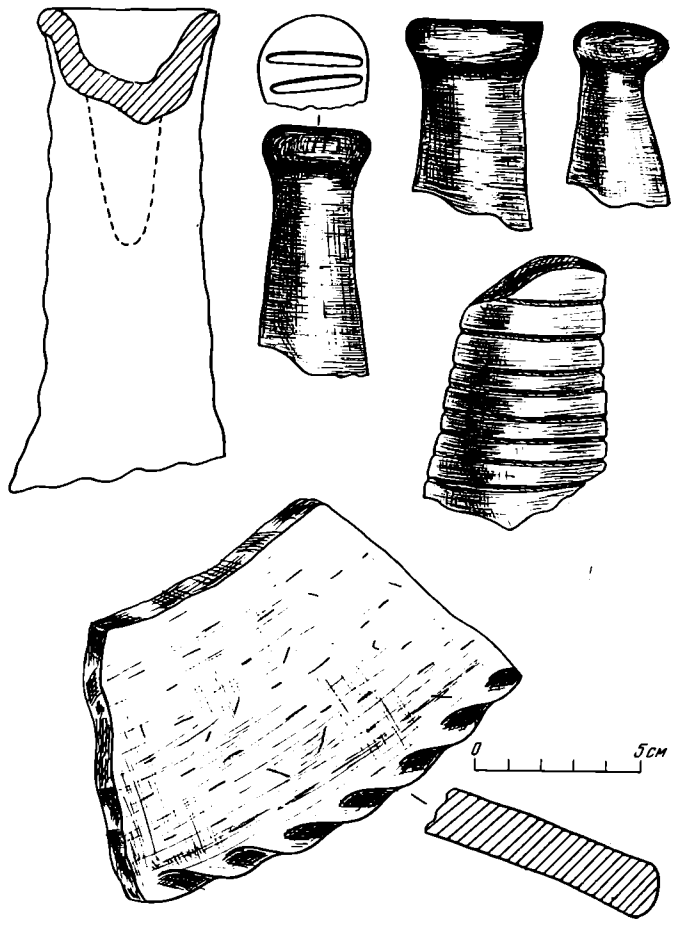


Рис. 5. Булгарская лепная керамика. Обломки крышек и их ручёк

как Рождественское селище [21], а также той большой массы памятников, которые обследованы в 1964 г.[22] Наиболее стабильный и часто встречающийся позднебулгарский орнамент — это многозонно-резной из 4—6 зон параллельных линий (рис. 2, *22—23*); примерно то же можно сказать и о другом характерном элементе орнамента керамики золотоордынского времени — елочно-гребенчатом в сочетании с резными линиями (рис. 2, *25*, *26*). Своего рода новым элементом является многозонно-резной мотив из 10 зон в сочетании с резной волной (рис. 2, *24*).

Помимо орнамента хорошим датирующим элементом является форма венчиков больших сосудов-корчаг (рис. 3). Для домонгольского периода характерны венчики с сильным наружным желобчатым утолщением в различном выражении «желобка», с горизонтальным (рис. 3, *1*), скошенным во внутрь (рис. 3, *2*) и округленным (рис. 3, *3*) верхним краем. Встречаются утолщенные венчики и без «желобка» (рис. 3, *4*). Необходимо отметить, что желобчатое утолщение присуще не только массивным корчагам, но и горшковидным сосудам средних размеров (рис. 3, *5*). Для позднебулгарской керамики характерны венчики с «налепным» валиком на шейке (рис. 3, *6*).

Лепная керамика также довольно богата и разнообразна. Ее группы, выделенные по составу теста, показаны на рис. 4: с примесью растительности (рис. 4, *1—6*), толченой раковины (рис. 4, *7—9*), растительности

[21] *Т. А. Хлебникова.* Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII в. МИА, 111, 1962, стр. 101, 103, 134, 135.

[22] *Р. Г. Фахрутдинов.* Новые археологические памятники..., стр. 233.

и толченой раковины (рис. 4, *10*, *11*), шамота (рис. 4, *12*, *15*), песка (рис. 4, *16*, *17*). Среди последней группы есть любопытный обломок — он содержит в примеси большое количество песка, подобно гончарной керамике так называемого джукетауского типа (рис. 4, *17*). Почти для всех указанных групп, кроме обломков с примесью шамота, характерно сочетание шнурового орнамента с узорами в виде оттисков гребенчатого штампа, овальных вдавлений, треугольников и резных насечек. По верхнему горизонтальному или слегка скошенному краю венчиков сосудов этих групп частенько бывают следы гребенчатого штампа, резные наклонные линии. Керамика с примесью шамота отличается тем, что по внешнему краю венчик имеет насечки различных форм и различной глубины; на шейке и стенке иногда можно встретить орнамент из коротких ногтевых вдавлений. Следует также подчеркнуть, что данная группа керамики плоскодонна, в отличие от всех остальных — круглодонных. Наконец, таким же хорошо датирующим элементом, как указанные выше, являются лепные крышки и их вертикальные ручки — «шесты», характерные лишь для домонгольского времени (рис. 5). В тесте они содержат растительность, мелкий шамот или вылеплены из плохо отмученной глины. Интересен большой обломок крышки со «жгутовым» оформлением края. Ручки самые различные: довольно массивные, средних и малых размеров, с глубокой конусообразной выемкой на головке, с плоским или округленным «навершием», иногда с параллельными резными насечками по верхнему краю. На ручках часто встречается круговой резной орнамент.

R. G. Fakhroutdinov

NOUVEAUX MONUMENTS ARCHEOLGIQUES EN BULGARIE VOLGIENNE

Résumé

Cet article est consacré à la description d'un nouveau et important groupe de 159 monuments archéologiques bulgars, étudiés par les membres de la Mission archéologique de Tatarie dans la région tatare de la Kama, et partiellement, dans les régions d'Oulianovsk et de Kouibychev. Les recherches ont concerné non seulement la grande aire d'extension des monuments bulgars, mais encore les zones limitrophes des principales terres de la Bulgarie volgienne au Sud-Est et à l'Est, sur le cours supérieur du Bolchoï Tchéremchan, sur la rive droite de la Chechma et dans le dépression de Zai. Un grand intérêt est présenté par les goroditchés, ruines de châteaux féodaux et forteresses militaires.

Заметки

А. С. ФРОЛОВ, М. Г. ЖИЛИН

НОВЫЙ ПАМЯТНИК МЕЗОЛИТА НА ВЕРХНЕЙ ОКЕ

До последнего времени в верхнем течении Оки к мезолиту с уверенностью относили лишь два памятника — стоянки Гремячее [1] и Жабынь [2].

В 1971 г. у дер. Ладыжино (Тарусский р-н Калужской обл.) была открыта еще одна мезолитическая стоянка — Ладыжино III. Стоянка расположена на широком, ограниченном с двух сторон глубокими оврагами мысу первой надпойменной террасы левого берега Оки, в 0,5 *км* к северо-востоку от дер. Ладыжино. Высота площадки террасы над современным уровнем воды в Оке достигает 16 *м*. Культурный слой, видимо, большей частью уничтожен распашкой. Все находки были собраны на пашне, у окончания мыса, на площади около 2000 $м^2$.

Коллекция собранного кремневого инвентаря насчитывает 912 предметов, из них 71 со следами вторичной обработки. В качестве основного сырья употреблялся высококачественный меловой кремень, преимущественно черного или серого оттенка. Раскалывались как кремневые желваки (на стоянке подняты два кремневых желвака), так и плитки. Обильные выходы такого кремня находятся немного ниже по течению Оки, на правом берегу, у деревень Митино и Бехово, где располагались мастерские по добыче и первичной обработке кремня [3]. Валунный кремень на Ладыжинской III стоянке почти не использовался.

Нуклеусов 35, некоторые экземпляры довольно крупные. Четыре нуклеуса из плиток служили для скалывания пластин и отщепов с торцов. Один сломанный нуклеус имел косую площадку без подправки (рис. 1, *3*). Два других — двуплощадочные. У четвертого площадки скошенные, одна подправленная, другая без подправки, пластины скалывались по обоим торцам (рис. 1, *2*). Еще один нуклеус не имел четких площадок, скалывание производилось с обоих торцов, сходящихся под острым углом друг к другу (рис. 1, *4*). Подконический нуклеус от пластин и отщепов имел одну скошенную и подправленную площадку, у второго нуклеуса подконической формы единственная площадка скошенная без подправки (рис. 1, *1*). Найден один двуплощадочный подпризматический нуклеус от отщепов и пластин, обе площадки скошенные без подправки. В коллекции имеется плоский нуклеус со скошенной площадкой без подправки (рис. 1, *5*). С двух дисковидных нуклеусов отщепы скалывались с двух сторон по периметру (рис. 1, *6*). Найдена заготовка клиновидного нуклеуса со скошенной и подправленной площадкой. Основание и бока обработаны

[1] *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по берегам р. Оки в 1898 г. М., 1899; *Воеводский М. В.* Стоянка Гремячее.— МИА, 1941, № 2.

[2] *Грехова Л. В.* Памятники эпохи палеолита и мезолита.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44, с. 10—34.

[3] *Бадер О. Н.* Северная Палеолитическая экспедиция.— АО — 1971, М., 1972, с. 198.

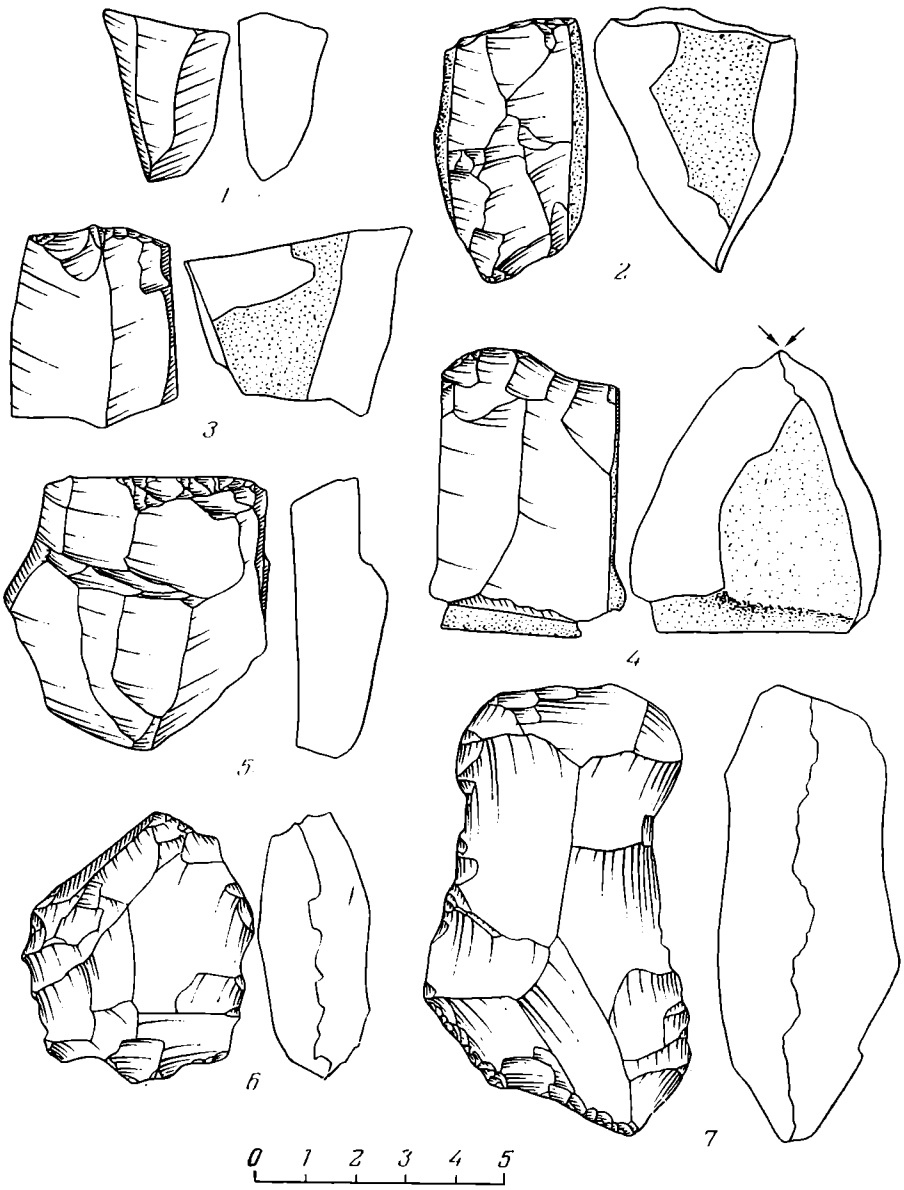


Рис. 1. *1—6* — нуклеусы; *7* — топор

пологими сколами, с торца сделан пробный скол. Остальные нуклеусы многоплощадочные, аморфные, использовавшиеся для изготовления отщепов и пластин.

Из 87 пластин только одна правильная, все остальные грубые, преобладают массивные. Наблюдается техника рассечения пластин по наиболее высокому ребру на спинке (рис. 2, *18* и рис. 3, *13, 18*). Основная масса орудий изготовлена на отщепах, так что отщеп является основной заготовкой.

Наиболее полно представлены резцы — 14 экземпляров. Четыре из них массивные боковые с косой ретушью, два на грубых пластинах (рис. 2, *14, 19*) и два двойных резца на отщепах (рис. 2, *22, 23*), причем один имеет две вогнутых ретушированных площадки скола (рис. 2, *20*). Шестой резец также двойной, угловой с вогнутой ретушированной площадкой скола и поперечный на массивной пластине (рис. 2, *21*). Три резца угловые на грубых массивных пластинах (рис. 2, *10, 12, 13*), два резца сделаны на отщепах, один угловой (рис. 2, *11*), другой двойной боковой и угловой (рис. 2, *15*). На пластинах сделаны плоский угловой резец

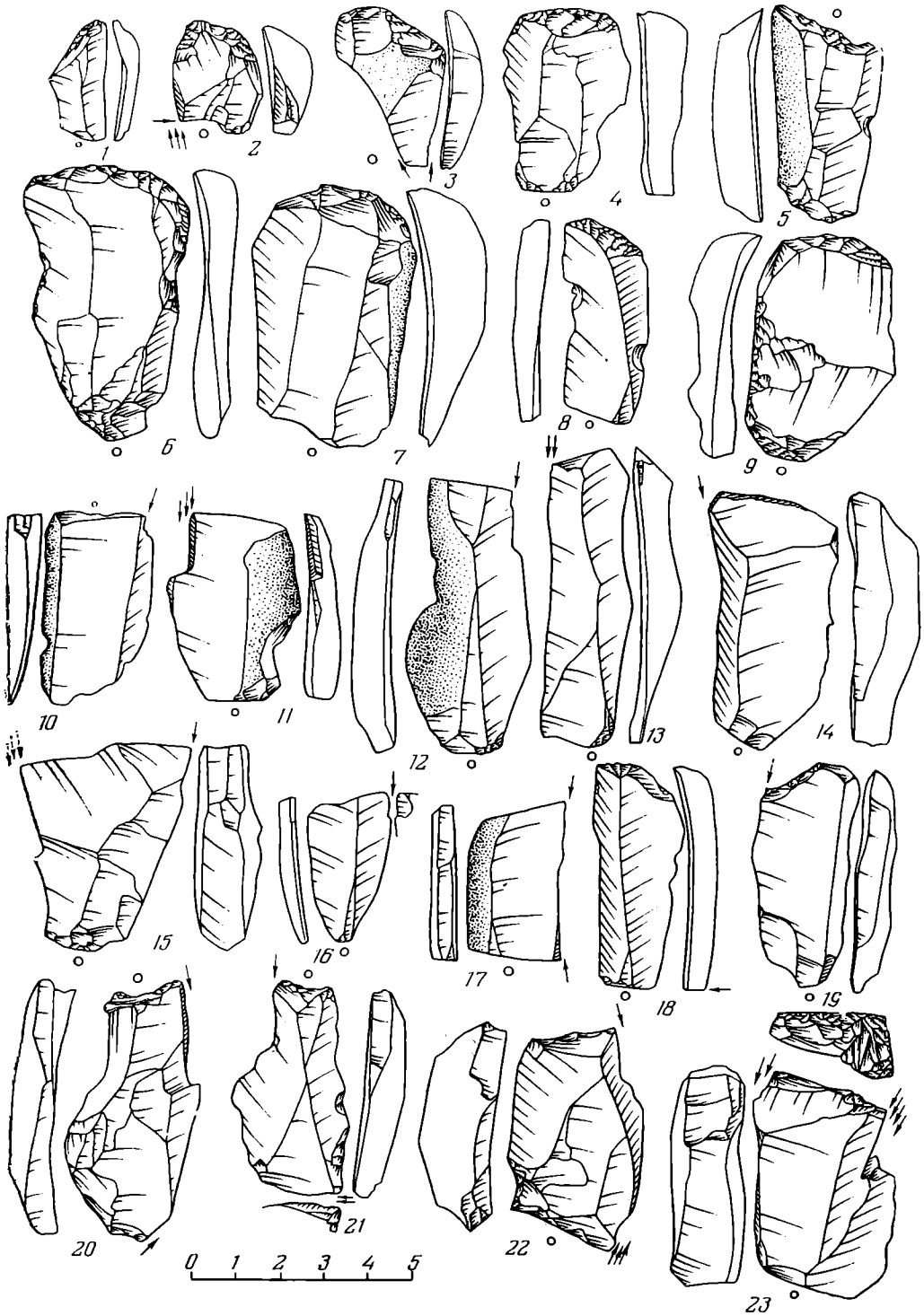


Рис. 2. *1* — микроскребок; *2—9* — скребки; *10—23* — резцы

(рис. 2, *16*) и двойной боковой (рис. 2, *17*). Интересен резец с поперечной ретушью на пластине. Орудие использовалось без нанесения резцового скола, на что указывают следы работы (рис. 2, *18*).

Кроме этого, в коллекции имеются четыре краевых отщепа боковых резцов.

Скребков найдено 12. Девять из них концевые, три изготовлены на пластинах (рис. 2, *5, 7, 8*), один скошенный вправо (рис. 2, *8*), другой двойной, причем один край прямой, скошенный вправо (рис. 2, *5*). Остальные скребки изготовлены на отщепах (рис. 2, *4, 6, 9*). Один скошенный

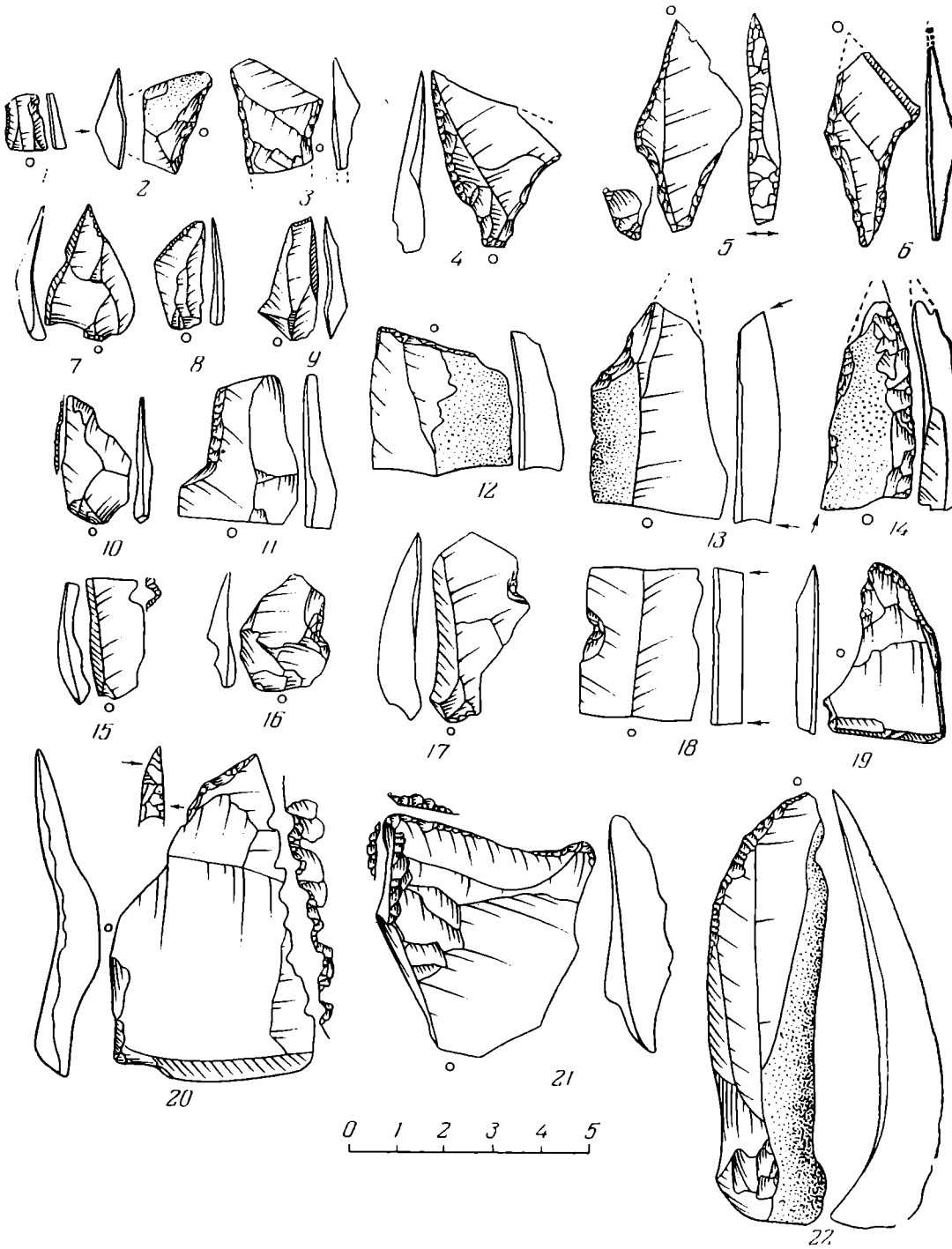


Рис. 3. *1* — вкладыш; *2—6* — наконечники стрел; *7* — проколка; *8, 9, 12, 13, 22* — пластины со скошенным концом; *14, 19* — острия; *15—18, 20* — скобели; *21* — сверло; *10, 11* — отщепы с ретушью

на краевом отщепе резца (рис. 2, *3*). Два скребка сделаны на углах крупных отщепов, один комбинирован с ножом. Этот последний — нечеткой формы, комбинирован со срединным резцом (рис. 2, *2*). Единственный микроскребок на пластине скошен влево, обработан мелкой крутой ретушью на спинке (рис. 2, *1*).

Скобелей — 11. Три из них одновыемчатые на пластинах (рис. 3, *15*, *18*). Остальные на отщепах, выемки довольно глубокие, у четырех узкие, у трех более широкие, обработаны некрупной крутой ретушью (рис. 3.

16, 17). Интересен многовыемчатый скобель на отщепе со скошенным ретушью концом (рис. 3, *20*).

Наконечники стрел представлены пятью экземплярами. Первый — небольшой наконечник типа Лингби, сделан на пластине, длинный боковой край обработан отвесной встречной ретушью; на противолежащем крае крутой ретушью на спинке обработан черешок, дополнительно подправленный плоской ретушью на брюшке (рис. 3, *5*). Второй наконечник также на пластине. Он асимметричный с боковой выемкой, длинный боковой край и выемка обработаны крутой ретушью на спинке (рис. 3, *6*). Два наконечника с поперечным косым лезвием сделаны на отщепах. Первый — асимметричный с четко выделенным черешком (рис. 3, *4*), второй без выделенного черешка (рис. 3, *3*), боковые края обоих обработаны крутой ретушью на спинке. Найден еще один обломок наконечника с поперечным косым лезвием, один край обработан так же, как и у вышеописанных (рис. 3, *3, 4*), другой отсечен (рис. 3, *2*).

Интересна серия пластин и отщепов со скошенными ретушью концами. Концы двух пластин скошены крутой ретушью со стороны ударного бугорка, а получившийся при этом край у одной пластины прямой (рис. 3, *12*), у другой дугообразный (рис. 3, *22*). У остальных пластин скошен конец, противолежащий ударному бугорку. На одной массивной пластине конец полого скошен крупной крутой ретушью на спинке и обломан в процессе обработки, ударный бугорок отсечен (рис. 3, *13*). У двух мелких неправильных пластин концы скошены мелкой крутой ретушью на спинке (рис. 3, *8, 9*). Конец одного отщепа полого скошен нерегулярной приостряющей ретушью.

Найдено два острия на отщепах. Первое симметричное, боковые края обработаны крутой ретушью, конец сломан, в тыльной части орудия нанесен плоский резцовый скол, не образующий режущей кромки (рис. 3, *14*). Второе острие асимметричное, края подправлены мелкой приостряющей ретушью (рис. 3, *19*). На отщепе сделана проколка с жальцем, подправленным по одному краю мелкой крутой ретушью (рис. 3, *7*).

Имеются также: отщеп с боковой выемкой, оформленной крутой ретушью на спинке (рис. 3, *11*), отщеп с прямым, приостренным мелкой ретушью на брюшке краем (рис. 3, *10*), вкладыш из сечения пластинки с затупленными углами и сработанными краями (рис. 3, *1*). Единственное сверло в коллекции — двойное, сделано на массивном отщепе, концы его оформлены полукрутой ретушью на спинке и пологой на брюшке (рис. 3, *21*).

Рубящие орудия представлены двусторонне оббитым отпором с перехватом, намеченным широкими сколами. Лезвие топора сильно сбито, сечение ромбическое (рис. 1, *7*).

Помимо перечисленных выше находок было собрано еще 11 отщепов с нерегулярной крутой ретушью по краям, две пластины, обработанные нерегулярной крутой ретушью на концах, и отщеп, частично подправленный плоскими сколами на брюшке.

Среди собранных осколков множество крупных массивных первичных пластин и отщепов.

Ближайшие аналогии комплексу описываемой стоянки имеются среди памятников западной части бассейна Верхней Волги: на стоянках Староконстантиновская IV и VI [4], Высокино II и VI [5], Дальний Остров на Тростенском озере [6] и др. Близок материалу Ладыжинской III стоянки и

---

[4] *Иванов Ф. И.* Отчет об археологических разведках и раскопках в районе г. Калинина за 1957 г. Архив ИА АН СССР, ф. р-1, № 1474; *Бодунов Е. В., Воробьев В. М.* Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI.— СА, 1974, № 4.

[5] *Кольцов Л. В.* Исследования памятников каменного века на р. Вазузе.— АО — 1971, М., 1972, с. 61, 62.

[6] *Сидоров В. В., Жилин М. Г.* Стоянка Дальний Остров в Подмосковье.— СА, 1975, № 2.

инвентарь позднемезолитической стоянки Песочный Ров на Верхней Десне [7]. Здесь также преобладают отщепы и грубые массивные пластины, имеются наконечники с косым поперечным лезвием, но вместе с тем другие орудия стоянки Песочный Ров отличаются от найденных на стоянке Ладыжино III [8].

Таким образом, на стоянке Ладыжино III прослеживаются черты, связывающие ее с мезолитическими памятниками западных районов Верхней Волги и с мезолитом Верхней Десны. Видимо, Верхняя Ока являлась зоной контактов мезолитического населения Десны и Волго-Окского бассейна. По характеру материала и по целому ряду аналогий стоянку Ладыжино III следует отнести к финальному мезолиту и по аналогии со стоянкой Дальний Остров, для которой получена пыльцевая дата, датировать VI—V тысячелетием до н. э.

---

[7] *Воеводский М. В.* Памятники каменного века на Десне.— КСИИМК, 1949, № XXVI; *Воеводский М. В., Формозов А. А.* Стоянка Песочный Ров на Десне.— КСИИМК, 1950, № XXXV.

[8] *Воеводский М. В., Формозов А. А.* Ук. соч.

А. Л. НИКИТИН

СТОЯНКА ТЕРЕМКИ НА ПЛЕЩЕЕВОМ ОЗЕРЕ

Летом 1961 года на северо-западном берегу Плещеева озера была найдена неолитическая стоянка Теремки. Небольшие разведочные раскопки, произведенные тогда же и продолженные в 1964 г. [1], дали интересный материал, позволивший идентифицировать этот памятник с неолитической стоянкой, обнаруженной в 20-х годах у истока р. Вексы В. И. Смирновым [2]. Значение этого памятника в ряду неолитических поселений Плещеева озера определяется его исключительно низким залеганием относительно уровня почвенных вод и уреза озера, что указывает на иные, отличные от современных, эколого-гидрологические условия в момент его обитания.

Стоянка Теремки находится в 300 *м* к юго-западу от истока р. Вексы из озера, на окраине леса, занимая чуть заметное всхолмление, отмечающее в этом месте один из прибрежных валов озера, по которому проходит лесная дорога. Общая площадь раскопа 1961 и 1964 гг. невелика — 16 *м*^{2}. Приводимая ниже стратиграфия одинакова для всех участков раскопа:

0–0,30 *м*	– почвенно-дерновый, обильно гумусированный слой болотно-лугового типа.
0,30–0,48 *м*	– светло-желтые слоистые озерные пески.
0,48–0,66 *м*	– белые слоистые озерные пески с угольками, кремневыми орудиями, отщепами, керамикой и обломками костей.
0,66 *м* и ниже	– светло-серые мокрые озерные пески без находок.

Как можно видеть (рис. 1), слой песка, содержащий культурные остатки, заключен в слоях озерных отложений, отмечающих соответственно две трансгрессии Плещеева озера. Человек поселялся на низкой песчаной дюне в период максимальной регрессии, и остатки его деятельности с неизбежностью испытывали последующее воздействие вод озера при повышении его уровня. Это подтверждается некоторой окатанностью

---

[1] *Никитин А. Л.* Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской обл. в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4178. Материал хранится в ГИМ.

[2] Личное сообщение П. Н. Третьякова.

керамического материала, хотя, с другой стороны, насыщенность слоя мелкими угольками и хорошая сохранность поверхности костяных орудий и их обломков позволяет думать, что слой в древности был только размыт, но не переотложен. Наблюдение это весьма существенно. Если до последнего времени уровень Плещеева озера после образования его воронки [3] предполагался стабильным, то теперь, после изучения ряда памятников (Польцо, Плещеево IV, Плещеево II и др.), открытие Теремков еще раз подтверждает вывод о его неоднократных колебаниях [4], изучение которых чрезвычайно важно как для разработки хронологии голоцена, так и для ряда насущных народнохозяйственных задач.

Керамика стоянки Теремки (рис. 2) при кажущемся разнообразии обладает довольно устойчивыми чертами. Найденные фрагменты позво-

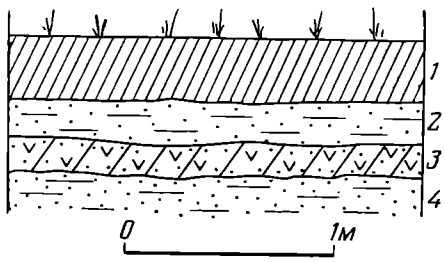


Рис. 1. Залегание слоев на стоянке Теремки. *1* — почвенно-дерновый слой, *2* и *4* — озерные слоистые пески без находок, *3* — песок с угольками и культурными остатками

ляют реконструировать небольшие сосуды полузакрытого типа с округлым дном, тонкими стенками и слабо профилированным венчиком (рис. 2, *2—3, 10, 14*). За исключением нескольких черепков, в которых были отмечены мелкие зерна шамота (?), фрагменты сосудов содержат в качестве примеси к глине исключительно песок и дресву. Столь же малое разнообразие мы находим в орнаменте, где преобладают геометрические узоры — ромбы (рис. 2, *12*), треугольники (рис. 2, *11*), зигзаги, косые полосы (рис. 2, *5*), выполненные мелкой конической (рис. 2, *3, 5, 12*) или цилиндрической (рис. 2, *4, 7*) ямкой,— оставляющие на тулове сосуда свободные участки. Другие элементы орнамента — отпечатки «перевитой веревочки» (рис. 2, *6*), полулунные (рис. 2, *8*, *15*) и ногтевые (рис. 2, *7*) вдавления — встречаются редко, равно как и обычная коническая ямка в сочетании со строго зональной орнаментацией (рис. 2, *8*). Ближайшая аналогия подобной керамики имеется в комплексе болотного поселения Берендеево I [5] и в соответствующих слоях поселения Польцо, расположенного менее чем в километре от Теремков. В полной мере это касается и найденных кремневых орудий.

Нуклеусы стоянки сильно сработаны и невыразительны (рис. 3, *12, 19*). Основой для изготовления орудий служили исключительно кремневые отщепы. Это касается одинаково коротких ромбических наконечников стрел (рис. 3, *1—3, 11*), обработанных довольно небрежно, и более вытянутых, с намеченными боковыми шипами (рис. 3, *4*). Оба типа известны по материалам Берендеева I. То же относится к характерным небольшим скребочкам на высоких массивных отщепах с полностью обработанной спинкой (рис. 3, *22*), к сериям «ложкарных» инструментов (рис. 3, *14*) и довольно типичным изогнутым ножам (рис. 3, *16*).

---

[3] *Нейштадт М. И.* Некоторые черты из послеледниковой истории Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии. В кн.: Естественноисторический сборник. Тр. Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея, вып. 8. Переславль-Залесский, 1928; *Грумм-Гржимайло М.* Попытка применения Дэвисовского учения об истории земной поверхности к исследованию окрестностей Переславского (Плещеева) озера.— В кн.: Естественноисторический сборник. Доклады ПЕЗАНПРОБ, вып. 14. Кострома, 1926, с. 28—31.

[4] *Никитин А. Л.* Многослойное поселение Польцо.— СА, 1975, № 3, с. 118—140.

[5] *Никитин А. Л.* Неолитическое поселение Берендеево I.— СА, 1976, № 3, с. 191—202.

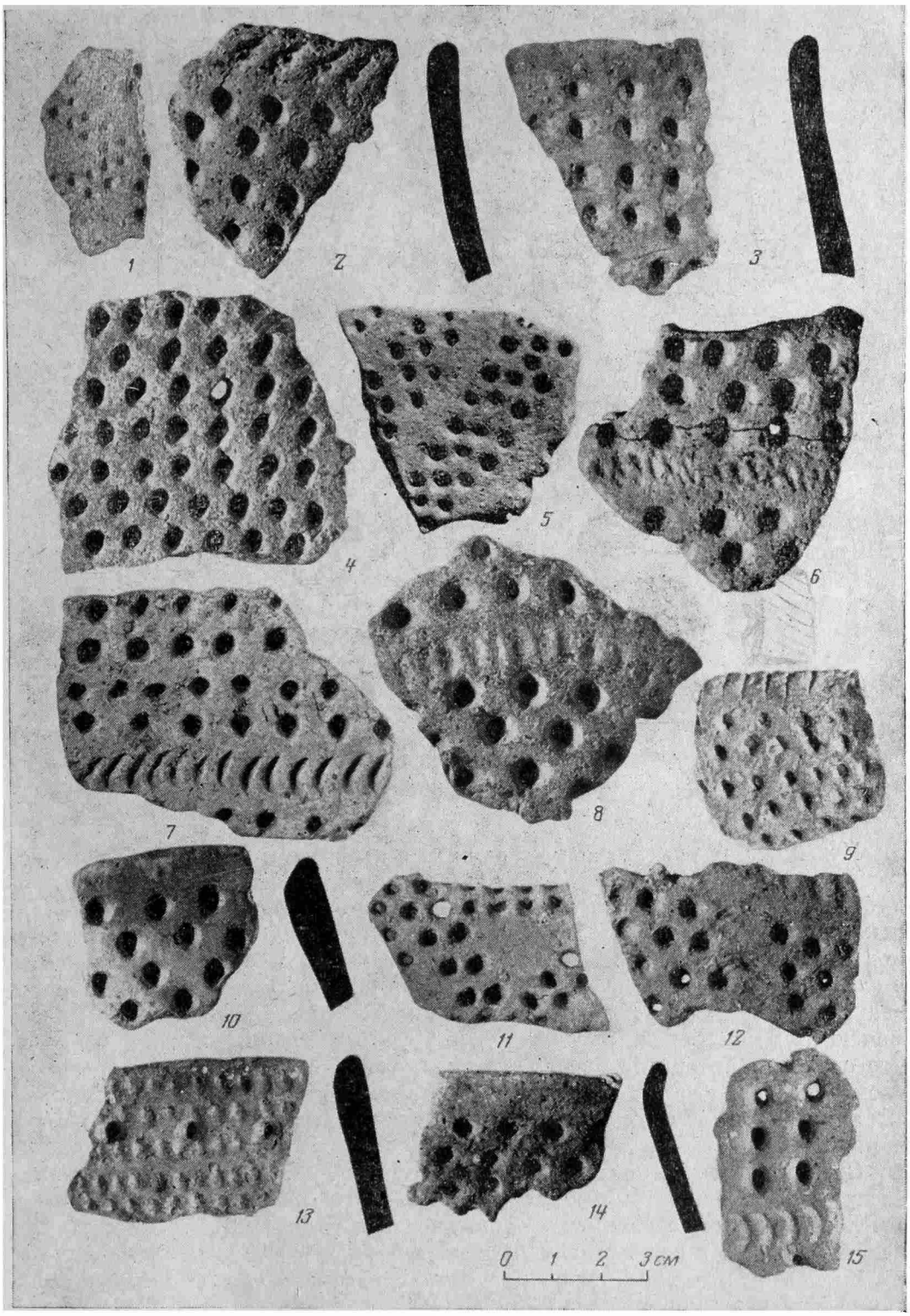


Рис. 2. Керамика стоянки Теремки

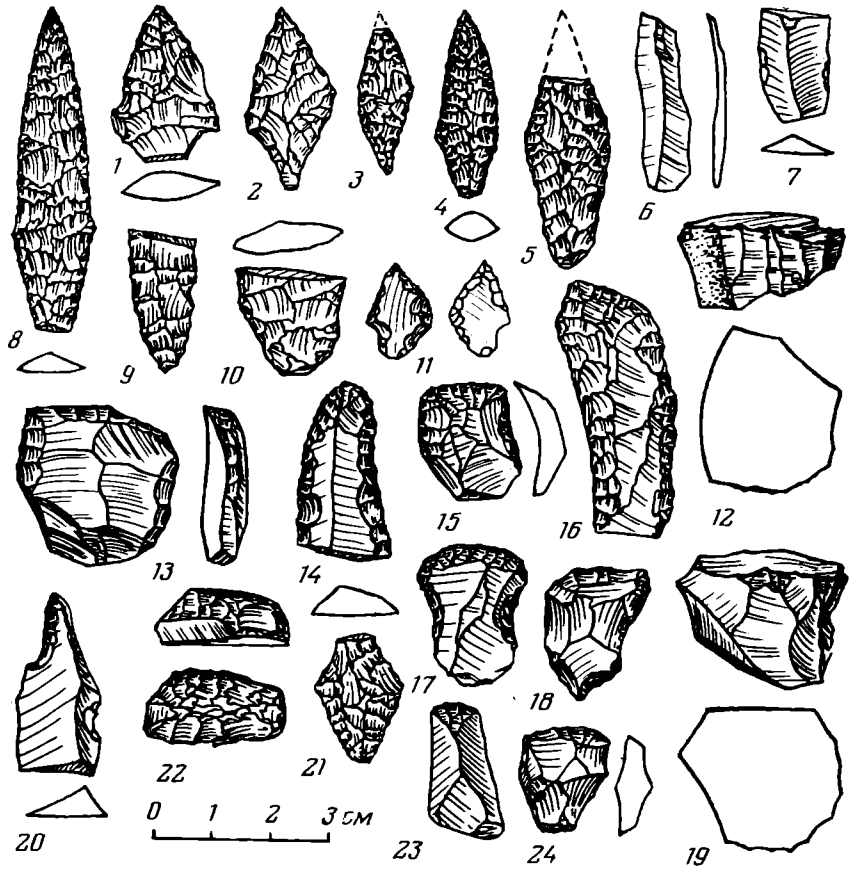


Рис. 3. Каменные орудия

Повышенная сравнительно с дюнными стоянками влажность песка, содержавшего материал, способствовала сохранению костей и костяных орудий. Последние представлены были [6] обломками биконических и игловидных наконечников стрел, проколками, обломками долот и тонких гарпунов с редкими зубцами. В то же время костяные украшения, найденные в слое Теремков, отличаются от известных костяных украшений Берендеева I и типичны для позднего ямочно-гребенчатого неолита Волго-Клязьменского междуречья. Это подвески из зубов лисицы, резцов бобра и, что особенно интересно, резцов быка [7], подобно найденным в «берендеевском» слое первого раскопа Польца [8]. Все они имеют нарезки для привязывания или пришивания и ни одного экземпляра со сверлиной не встречено.

Собранные в раскопе кости позволили В. И. Цалкину определить следующие виды животных: лось, бобр, собака, лисица, корова, птицы и рыбы. Среди определенных — одна человеческая кость, возможно, из разрушенного в древности погребения.

Весь этот материал позволяет основной слой стоянки довольно уверенно отнести к неолитической культуре типа Берендеево I, слои которой широко представлены в этих местах. Этому соответствует чрезвычайно низкое положение слоя (в основании первой озерной террасы, что для лета 1964 г. дает почти нулевую отметку уреза Плещеева озера), указывающее на максимальное развитие регрессивных явлений в первой поло-

[6] Костяные изделия стоянки Теремки утрачены во время хранения коллекции в ИА АН СССР. Описаны по отчету и полевому дневнику.

[7] Определение В. И. Цалкина.

[8] *Никитин А. Л.* Многослойное поселение Польцо.

вине III тысячелетия до н. э. Однако присутствие здесь же фрагментов сосудов позднего ямочно-гребенчатого неолита (рис. 2, *9, 13*) и нескольких черепков с орнаментом ложно-текстильного типа сближает Теремки с последовательностью культурных напластований первой террасы Вексы на Польце [9], указывая на такую же ритмичность трансгрессивно-регрессивных циклов, как и та, что была отмечена на других памятниках этого района.

[9] Там же, с. 130—140.

Ю. Б. СЕРИКОВ

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ПИЛЕНИЯ В НЕОЛИТЕ И БРОНЗЕ ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ

С помощью трасологического анализа материала, найденного на памятниках лесного Зауралья, нами обнаружено 33 каменных пилы и 8 объектов пиления. Поверхность каменных изделий изучалась посредством бинокулярного микроскопа. Материал происходит с девяти стоянок, которые являются в основном многослойными памятниками. Стоянки Полуденка I [1], Юрьинское поселение и Кокшаровский холм [2] в целом укладываются в рамки неолита. Каменный инвентарь Медведки и Тагильского могильника относится к эпохе бронзы [3]. Материал Кокшарово I представлен комплексами эпохи неолита и бронзы [4]. Махтыльский и Усть-Вагильский холмы содержат материал от эпохи неолита до железного века [5]. Такая же картина и на многослойном поселении Юрьино IV [6]. Бóльшая часть материала этих памятников относится к неолиту и бронзе.

Наиболее древние пилы относятся к среднему этапу неолита лесного Зауралья.

Одна пила с неолитической стоянки Полуденка I уже опубликована [7]. Она представляет собой ножевидную пластину из туфопорфирита, одна из граней которой служила пилкой по камню.

Вторая пила обнаружена на Кокшаровском холме. Она изготовлена из плитки мелкозернистого известняка. Ее размеры 5,1×2,7×0,8 *см* (рис. 1, *2*). Один край плитки использовался для пиления. Он сточен с двух сторон, имеет симметричный подтреугольный профиль. На нем невооруженным глазом видны линейные следы, идущие параллельно кромке лезвия. Глубина проникновения лезвия пилы в обрабатываемый материал — 6 *мм*. Пиление происходило абразивным путем, что свидетельствует о том, что обрабатываемым материалом служили камень или кость. Пила была сломана в древности.

[1] *Бадер О. Н.* Уральский неолит.— В сб.: Каменный век на территории СССР. М., 1970.

[2] *Рассадович А. И.* Отчет об археологических раскопках Кокшаровского поселения. Нижний Тагил, 1957.— Архив Нижнетагильского краеведческого музея, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 21.

[3] *Рассадович А. И.* Опыт археологического изучения Н. Тагильского микрорайона.— В кн.: V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар, 1967.

[4] *Старков В. Ф.* Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье.— СА, 1970, № 1.

[5] *Старков В. Ф.* О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье. Вестн. МГУ (серия истор.), 1969, 5.

[6] *Сериков Ю. Б.* Отчет о работе разведывательного отряда археологической экспедиции Нижнетагильского краеведческого музея за 1973 г. Нижний Тагил, 1974.— Архив Нижнетагильского краеведческого музея, ф. 2, оп. 3, ед. хр. 72.

[7] *Сериков Ю. Б.* Результаты трасологического анализа поверхности каменных орудий с неолитической стоянки Полуденка I.— СА, 1974, № 1, с. 141.

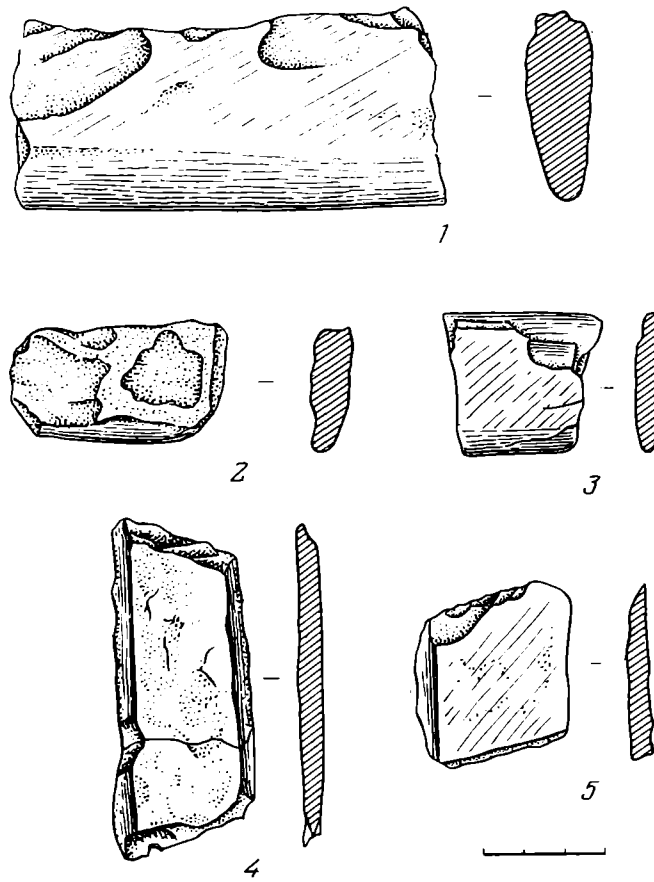


Рис. 1. Каменные пилы и объекты пиления: *1* — Юрьино IV, *2* — Кокшаровский холм, *3—5* — Усть-Вагильский холм

На Юрьинском поселении, которое примыкало к Кокшаровскому холму, найдена часть шлифованного орудия со следами пиления на нем. На неотшлифованной поверхности плитки камня имеются два пропиленных желобка. Желобки располагаются параллельно друг другу. Один желобок только намечен, второй пропилен на глубину до 1 *мм*. Длина пропила 5,1 *см*, ширина 1,5 *мм*. Пропил имеет подтреугольный профиль. Судя по узости желобков, особенно первого, можно предположить, что пиление производилось ретушированной ножевидной пластиной.

Таким образом, о пилении в неолите лесного Зауралья мы имеем пока только три свидетельства. Остальные пилы уже относятся к эпохе бронзы.

В коллекции каменных изделий Первой Кокшаровской стоянки обнаружены две абразивные пилы. Одна пила изготовлена из туфопорфирита, вторая — из гранодиорита. Пила из гранодиорита изготовлена из плитки размерами 16,5×13×1 *см*. Она склеена из двух обломков. Один край плитки, длиной 15,5 *см*, носит следы использования в качестве пилы. На рабочем лезвии пилы отчетливо видны линейные следы, параллельные кромке лезвия. Лезвие пилы имеет подтреугольное сечение со смещением вершин треугольника влево. Глубина проникновения пилы в обрабатываемый материал 2,1 *см* с правой стороны и 1,2 *см* — с левой. Смещение вершины лезвия пилы и разница в глубине проникновения в материал свидетельствуют о пилении правой рукой. В процессе работы пила была наклонена в правую сторону. Такое положение орудия характерно для многих видов работы, производящейся правой рукой (ре-

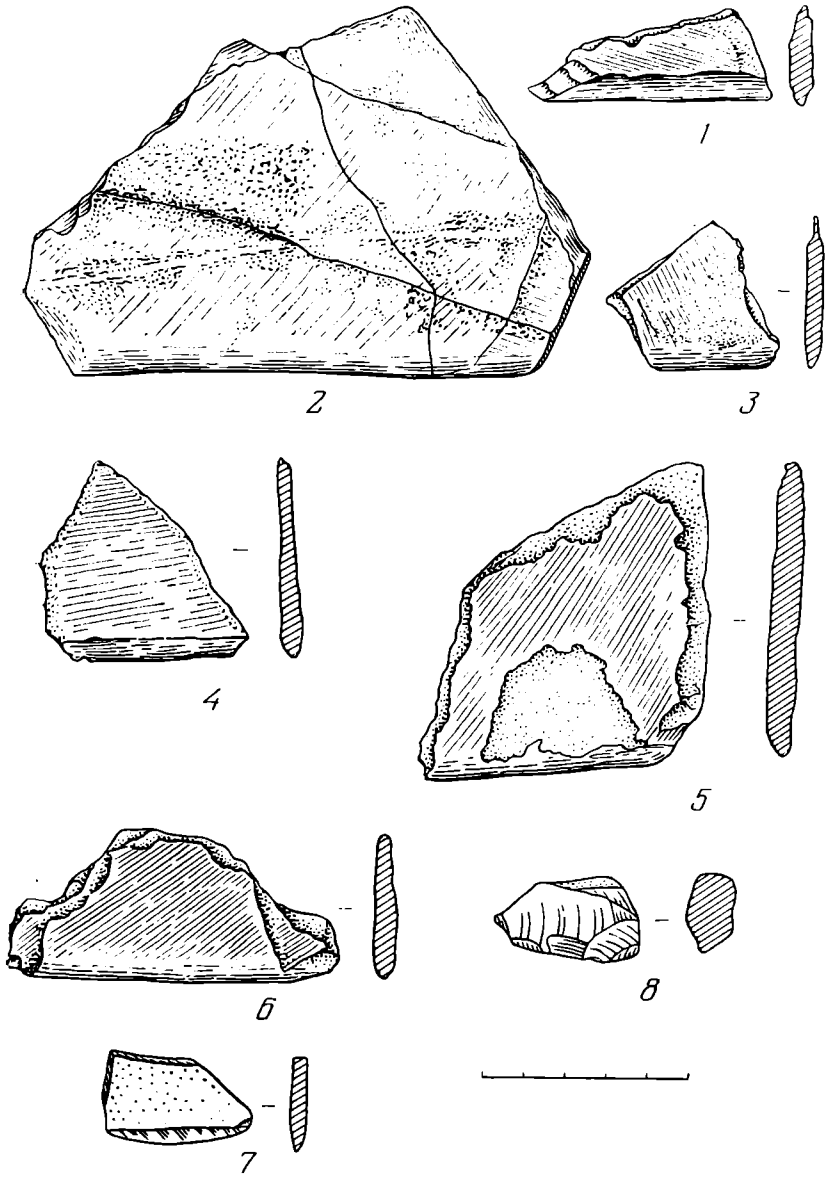


Рис. 2. Каменные пилы: *1* — Кокшарово I, *2* — Тагильский могильник, *3* — Махтыльский холм, *4—8* — Усть-Вагильский холм

зание, пиление, скобление, рубка и т. д.). Лезвие пилы имеет заметную вогнутость, причем его концы почти на 1 *мм* выступают по сравнению со средней частью лезвия. Это свидетельствует о том, что пилой перепиливали относительно неширокие предметы. При перепиливании движение пилой происходило не на всю длину лезвия, вследствие чего средняя часть лезвия чаще и интенсивней соприкасалась с обрабатываемым материалом и быстрее изнашивалась, чем концы лезвия. Судя по тому, что наибольшая вогнутость лезвия пилы приходится не на середину орудия, можно полагать, что в свое время пила была длиннее.

Пила из туфопорфирита изготовлена из плоской плитки длиной 5,8 *см*, шириной 2,1 *см* и толщиной 0,5 *см* (рис. 2, *1*). Глубина проникновения в материал 3 *мм*. Лезвие пилы также скошено от наклона вправо в процессе работы.

В коллекции орудий Тагильского могильника имеется двойная абразивная пила. Она имеет размеры 13×8×0,5 *см* (рис. 2, *2*). Длина основного лезвия пилы 11,1 *см*, глубина проникновения в обрабатываемый

материал с левой стороны 3 *мм*, с правой 4 *мм*. Лезвие пилы слегка скошено от наклона вправо. Лезвие плавно вогнуто посередине, пилой перепиливали сравнительно узкие предметы. Второе лезвие пилы почти полностью разрушено. Сохранился лишь небольшой участок длиной 1,2 *см*, на котором имеются следы пиления. Глубина проникновения второго лезвия в материал 4 *мм* с правой стороны и 2 *мм* — с левой.

Большая серия абразивных пил (19 шт.) собрана в виде подъемного материала на многослойной стоянке Юрьино IV (рис. 1, *1*). Две пилы найдены непосредственно в слое эпохи бронзы, вследствие чего всю серию пил предварительно можно датировать этим временем. 17 пил изготовлены из гранодиорита, 4 — из песчаника и сланца. На всех пилах присутствуют четкие, видимые невооруженным глазом линейные следы в виде длинных царапин, параллельных кромке лезвия. Лезвия пил имеют подтреугольный профиль со смещением вершины треугольника влево. Пять пил изготовлены из использованных шлифовальных плиток. В коллекции пил имеется одна двойная. Она имеет два рабочих лезвия, расположенных на противоположных сторонах орудия, параллельных друг другу. Глубина проникновения в обрабатываемый материал первого лезвия — 12 *мм*, второго — 15 *мм*.

В коллекции пил выделяются два экземпляра. Одна пила изготовлена из тщательно отшлифованной с двух сторон плитки гранодиорита, длиной 19,3, шириной 7,5, толщиной 1,8 *см*. Четкие линейные следы пиления хорошо прослеживаются с двух сторон орудия. Глубина проникновения в обрабатываемый материал 14 *мм* с правой стороны и 9 *мм* — с левой.

Вторая пила изготовлена также из гранодиорита. Ее размеры 23,5× ×6×2,3 *см*. На нижней части пилы имеются четко выраженные линейные следы, идущие параллельно рабочему лезвию орудия. Царапины довольно глубокие и одинаковы по своей толщине на всем протяжении, что свидетельствует о возвратно-поступательном пилении. Ровное (не вогнутое) лезвие пилы и большая глубина проникновения в обрабатываемый материал, достигающая 36 *мм*, свидетельствуют о том, что ею пилили широкие плитки камня значительной толщины. Пила очень долго была в употреблении, ее лезвие приобрело почти симметричный профиль вытянутого равнобедренного треугольника.

Все абразивные пилы Юрьинской IV стоянки имеют ровное (не вогнутое) лезвие. Глубина проникновения в обрабатываемый материал колеблется от 5 до 36 *мм*. Бóльшая часть пил проникала в материал на глубину 12—15 *см*.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что на стоянке было широко представлено пиление камня. Очевидно, здесь происходило распиливание каменных плит на заготовки для топоров, тесел, ножей и других орудий.

Предметов со следами пиления на стоянке не обнаружено, за исключением двух каменных штампов. Они слегка подшлифованы со всех сторон и имеют форму прямоугольника. На рабочем конце одного штампа имеется два ряда зубцов, которые сделаны посредством пропиливания. На втором штампе один ряд зубцов. Они сделаны также, по-видимому, ножевидной пластинкой, так как пропил имеет четкий треугольный профиль. По незаконченным пропилам можно восстановить процесс пиления. Сначала пилению подвергался один угол края плитки камня, затем другой угол и, наконец, пропиливалась средняя часть края плитки. В результате некоторые пропилы выпуклы в продольном сечении.

На стоянке Медведка известны два каменных гребенчатых штампа из тонких плиток слюдистого сланца. Зубцы штампов образованы пилением, что свидетельствует об использовании на стоянке каменных пил (хотя в коллекции орудий они отсутствуют).

На Махтыльском холме найден обломок пилы из плитки сланца толщиной 5 *мм* (рис. 2, *3*). Один ее край длиной 33 *мм* имеет линейные

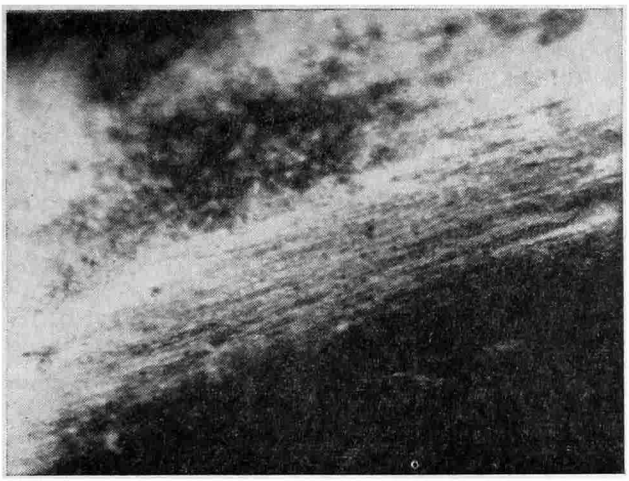


Рис. 3. Микрофото следов работы кремневой пилой (× 12)

следы, характерные для пил. Лезвие пилы имеет почти симметричный треугольный профиль. Глубина проникновения в материал с правой стороны пилы 5 *мм*, с левой — 4 *мм*.

Традиция использования сработанных шлифовальных плиток в качестве пил прослеживается и на Усть-Вагильском холме. Две пилы из шести изготовлены из обломков двусторонних шлифовальных плит (рис. 2, *4*, *5*). Одна пила сделана из обломка шлифованного орудия из туфопорфирита. Длинная грань изделия служила лезвием пилы. Его длина 7 *см*. Глубина проникновения в материал 2 *мм*. Очевидно, пила служила для надпиливания тонких предметов с последующим переломом в месте надпила. На верхней части орудия с двух сторон имеются выемки для удобства держания пилы в руке (рис. 2, *6*). Одна из пил Усть-Вагильского холма имеет два лезвия (рис. 1, *3*).

На Усть-Вагильском холме найдена и единственная для всех описываемых стоянок пила из кремня. Она представляет собой небольшой кремневый отщеп без ретуши (рис. 2, *7*). Острый край отщепа сильно сглажен, со стороны спинки присутствуют четкие линейные следы, параллельные краю лезвия (рис. 3). Глубина проникновения лезвия пилы в обрабатываемый материал до 4 *мм*.

В коллекции каменных изделий Усть-Вагильского холма имеется необработанный нуклевидный отщеп (рис. 2, *8*), один край которого сильно сглажен. При исследовании под бинокулярным микроскопом на этом краю выявлены линейные следы, характерные для пиления. Глубина проникновения лезвия в обрабатываемый материал составляет всего 1 *мм*. Видимо, в данном случае мы имеем факт единичного и случайного использования в работе первого попавшегося под руку отщепа, не имеющего даже ровного лезвия.

Из предметов со следами пиления на Усть-Вагильском холме следует отметить два каменных гребенчатых штампа. Один штамп двусторонний, зубцы гребенки имеются на двух его концах. Все зубцы двух штампов образованы путем пропиливания. Глубина пропилов достигает 1,5 *мм*. Как и в ранее описанных случаях, пиление производилось, скорее всего, отретушированной ножевидной пластинкой.

В коллекции Усть-Вагильского холма имеется кусок плитки, склеенный из двух обломков (рис. 1, *4*). Нижняя сторона плитки слегка подшлифована. Оба края плитки носят следы от пиления абразивным способом. Глубина пиления достигает 5 *мм*. С одного края плитка не перепилена на 1 *мм*, с другого — на 1,5 *мм*. После надпиливания края плитки

были обломаны. Такой же след от пиления мы находим и на обломке шлифованного строгального ножа (рис. 1, *5*). Нож полностью тщательно отшлифован; на краю, противоположном лезвию, сохранились следы надпила, аналогичные описанным выше. По этим двум изделиям можно восстановить процесс изготовления шлифованных ножей. Сначала происходило выпиливание из плитки камня заготовки ножа. Пиление производилось не на всю толщину плитки, 1—1,5 *мм* толщины камня оставались недопиленными. Это не мешало удалению отпиленных частей плитки от заготовки ножа. Они просто обламывались по произведенным надпилам. После этого происходило шлифование заготовки, в результате чего нож приобретал законченную форму и отделку.

На основании изученных материалов видно, что пиление в эпоху неолита и бронзы в лесном Зауралье производилось в основном абразивным способом. Из 33 рассмотренных пил только одна не является абразивной. Несомненно, на изучаемых стоянках были и другие неабразивные пилы, как это видно по следам пиления на штампах, однако количественно все же преобладали абразивные пилы.

Необходимо отметить единичные находки пил на неолитических стоянках и несравненно больше — на стоянках эпохи бронзы, что согласуется с нашими наблюдениями о расцвете обработки камня в эпоху бронзы в лесном Зауралье.

В. Ф. ЗАЙБЕРТ, А. А. ПЛЕШАКОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ НА р. ЧАГЛИНКЕ

Впервые памятники раннего металла в Северо-Казахстанском Прииишимье были исследованы в районе г. Петропавловска [1]. Разведочные работы 1972—1973 гг. позволили выявить новую, более южную группу памятников, расположенную на степной речке Чаглинка в Зерендинском р-не Кокчетавской обл. На левом берегу реки, в 500 *м* севернее с. Кенеткель, обследовано разрушенное силосной ямой поселение Кенеткель VII. На поверхности обнаружено значительное количество керамики, близкой посуде из Вишневки I, и обломки шлифованных орудий. Посуда хорошего обжига, тонкостенная, с примесью шамота и мелкого песка, украшенная различными вариациями гребенчатого и плоского штампов (рис. 2, *10—12*).

Поселение Кенеткель VIII расположено в 2 *км* выше по течению реки. Еще 15 лет назад памятник, видимо, занимал площадку около 25 тыс. *м*^{2}. В 60-е годы вдоль правого берега Чаглинки была сооружена плотина, которая прошла по периферийной части поселения. Паводковые воды расширили канаву, из которой брали грунт для возведения плотины, и образовали новое русло реки (рис. 1). В результате центральная часть памятника была разрушена. Уцелевшие на правом берегу участки поселения исследованы полностью (раскоп А, 88 *м*^{2}). На противоположной стороне реки, вдоль интенсивно разрушающегося берега, заложен раскоп Б (392 *м*^{2}).

Поверхность памятника ровная, задернованная, сохранность культурного слоя хорошая. Его стратиграфия следующая: черноземный слой мощностью 20—25 *см*, залегающий непосредственно под гумусом; ниже идет супесчаная почва (25—30 *см*), переходящая в более светлую материковую супесь.

[1] *В. Ф. Зайберт.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим. КСИА АН СССР, 134, 1973, стр. 106—113.

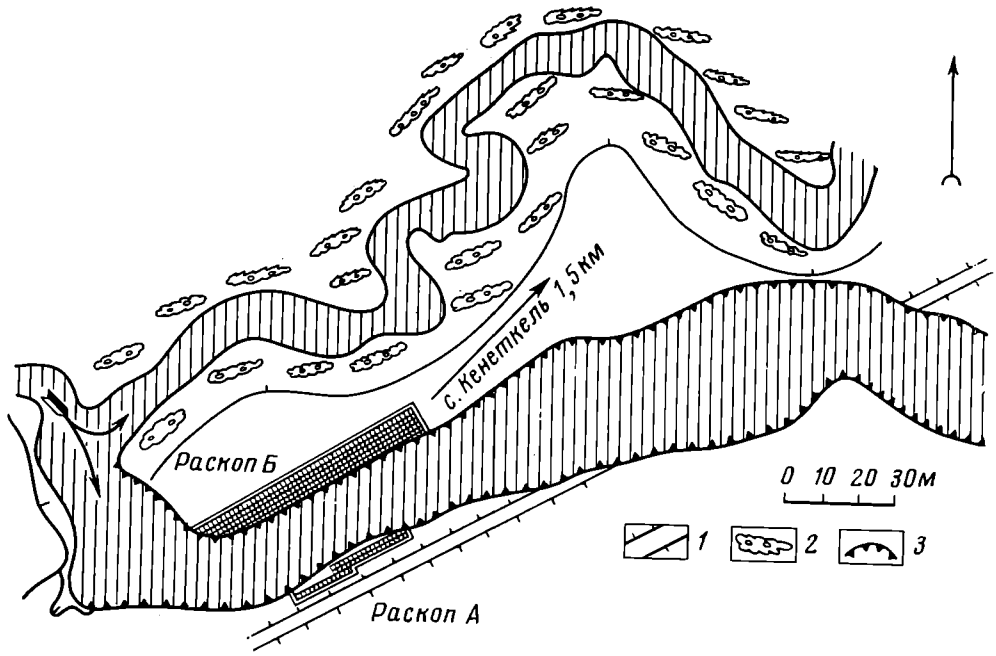


Рис. 1. План поселения Кенеткель VIII на р. Чаглинка. *1* — современный вал; *2* — кустарник; *3* – обрыв

При вскрытии культурного слоя в раскопе Б обнаружены остатки 5—6 наземных жилищ — хозяйственные ямы, пятна прокала, ямки от столбов. Жилища были ориентированы перпендикулярно кромке берега. Ширина помещений предположительно составляла 6—8 *м*. Внутри четырех жилищ найдены каменные выкладки из гранитных плит толщиной до 35, длиной 50—70 и шириной 20—25 *см*. Они имеют следы многочисленных выщербин, что свидетельствует о применении этих камней в качестве наковален или абразивов.

В процессе раскопок получено 3086 предметов. В коллекции лишь одна поделка из металла. Это обломок медного двулезвийного ножа длиной 4,1, шириной 1,9 *см* (рис. 3, *18*). Как показал спектральный анализ, в составе изделия 98% меди, 1% олова, 1% приходится на алюминий, цинк, свинец [2]. Металлические изделия на известных поселениях Зауралья, Южного Урала и Казахстана обычно немногочисленны [3].

Керамика представлена небольшими фрагментами и составляет 5,8% всех изделий коллекции. По сохранившимся единичным экземплярам шеек и днищ можно судить, что это плоскодонные сосуды баночной формы. Они имеют слабый обжиг, тесто рыхлое. В качестве примеси использовался крупный песок. Керамика орнаментирована оттисками крупной гребенки (рис. 2, *5*, *7*, *9*), ямочными вдавлениями (рис. 2, *4*) и желобками (рис. 2, *8*).

Из серии нуклеусов интересны четыре экземпляра конусовидной и карандашевидной формы, высотой от 3,2 до 4 *см* (таблица). Два из них изготовлены из коричневого кремня, остальные — из яшмовидной породы серого цвета. Ударные площадки тщательно фасетированы легкими ударами таким образом, что в центре образуется небольшое углубление

[2] Анализ № 53 проведен в химической лаборатории г. Петропавловска.

[3] *В. Ф. Генинг, Т. М. Гусенцова, О. М. Кондратьев, В. И. Стефанов, В. С. Трофименко.* Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 25; *Г. Н. Матюшин.* К проблеме энеолита Южного Урала.— Там же, стр. 57.

(рис. 3, *6, 7*). Несколько экземпляров представлено в обломках. Они более грубые по форме, из некачественной кремнистой породы (рис. 3, *2,5*). Один нуклеус из сланца имеет в основании следы сильной изношенности, он, вероятно, служил в качестве отбойника (рис. 3, *1*).

Ножевидные пластины составляют в коллекции 0,5% (таблица), имеют в сечении призматическую или треугольную форму. Длина их 2,5—5, ширина 0,6—1,2 *см* (рис. 3, *8—17*).

Большинство пластин без вторичной обработки, но хорошо фиксируются многочисленные заломы и затупленность — явное свидетельство использования их в работе. Экземпляры с ретушью единичны. На одной

Находки	Кенеткель VIII			
	раскоп А		раскоп Б	
	количество	%	количество	%
Нуклеусы, их обломки	4	2,5	10	0,3
Ножевидные пластины	33	21,1	15	0,5
Наконечники стрел	2	1,2	12	0,4
Скребки	12	7,6	65	2,2
Отщепы с ретушью	24	15,3	75	2,5
Отщепы без ретуши, куски кремня	78	50	2723	93,6
Отбойники	2	1,2	1	0,02
Шлифованные орудия	–	–	2	0,04
Абразивные орудия	1	0,6	4	0,1
Всего	156	100	2908	100

пластине с ударным бугорком сделан концевой скребок. Несколько пластин обработаны приостряющей ретушью с брюшка или спинки (рис. 3, *8, 9, 16, 17*).

Большинство орудий (2,2%) представлено скребками часто с высокой спинкой, с округлым или прямым лезвием, оформленным крутой ретушью (рис. 4, *14—24, 26*). Рабочие поверхности орудий занимают $^1/_3$ периметра отщепов. Есть несколько экземпляров небольшого размера (1,8—2,3 *см*) с круговым высоким скребковым лезвием (рис. 4, *25, 31, 34*).

В группу отщепов с ретушью (2,5%) отнесены сколы со следами вторичной обработки (рис. 4, *27—30, 32—33, 35—38*). Использовались они в качестве ножей, скобелей и других орудий.

Отбойник выполнен на плитке сланца овальной формы длиной 8,9, толщиной 2,1 *см*, в основании орудия хорошо видны следы сработанности.

Важное место среди кремневых предметов занимают наконечники стрел из яшмы и кварцита (0,4%). Самый крупный черешковый наконечник имеет длину 7, ширину 3 *см*. С обеих сторон он обработан плоской отжимной ретушью. Черешок небольшой, основание изделия оформлено характерными жальцами (рис. 5, *3*). Другой, несколько меньшего размера, выполнен на темно-коричневой яшме. Черешок составляет $^1/_5$ часть всей длины изделия (рис. 5, *4*). Размеры третьего наконечника — 4,2 *см*; его перо ромбической формы, а черешок составляет $^1/_3$ длины изделия (рис. 5, *5*). Два экземпляра имеют слабо выраженный черешок, один обработан тонкой отжимной ретушью, другой — техникой оббивки. Один наконечник листовидной формы, обработан комбинированной техникой: поверхность фасетирована оббивкой, а основание подработано тонкой ретушью (рис. 5, *6*).

Шлифованные орудия представлены двумя пестами. Один миндалевидной формы, уплощенный (3,8 *см*), с выделенной рукоятью, длиной 17,5, шириной 7,6 *см*, другой — округлой в сечении формы, диаметром

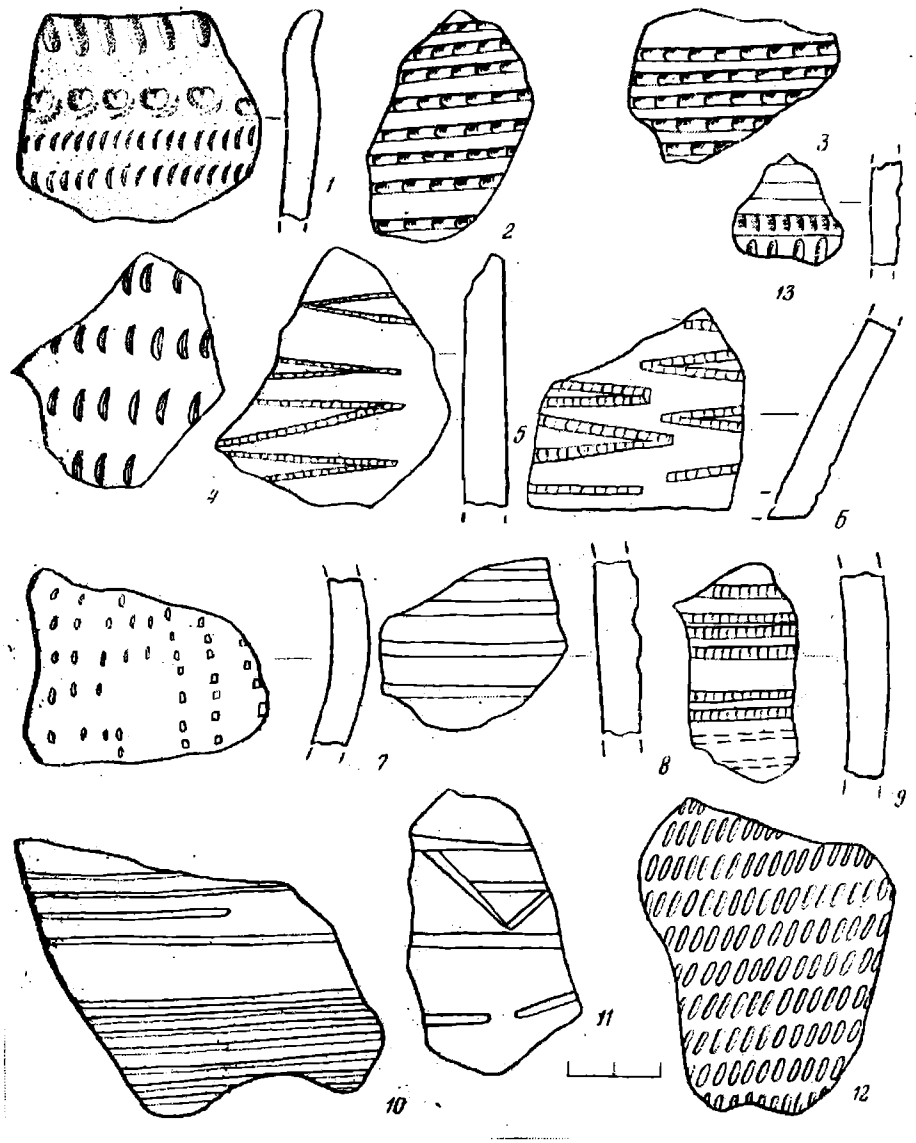


Рис. 2. *1–3*, *13* – пос. Кенеткель VIII, раскоп А; *4–9* – раскоп Б; *10–12* – пос. Кенеткель VII

4,8, длиной 5,9 *см*. Поверхность орудий хорошо зашлифована, рабочие концы сильно изношены.

Среди находок имеются бруски песчаника подпрямоугольной формы длиной от 3,5 до 8,4 *см*. На двух экземплярах есть желобок. Культурные напластования в раскопе А сходны с описанными выше. На глубине 50 *см* зафиксированы крупные камни, единичные ямки от столбов и небольшое углубление шириной 2 *м*. На одном из участков на глубине 45 *см* найдены куски охры. Количество предметов резко сокращается и составляет всего 200 находок, что еще раз подтверждает первоначальное мнение о том, что эта часть поселка является периферийной (таблица).

Керамика по технике изготовления близка описанной выше, но орнаментирована отступающей палочкой, защипами, желобком (рис. 2, *1—3*, *13*).

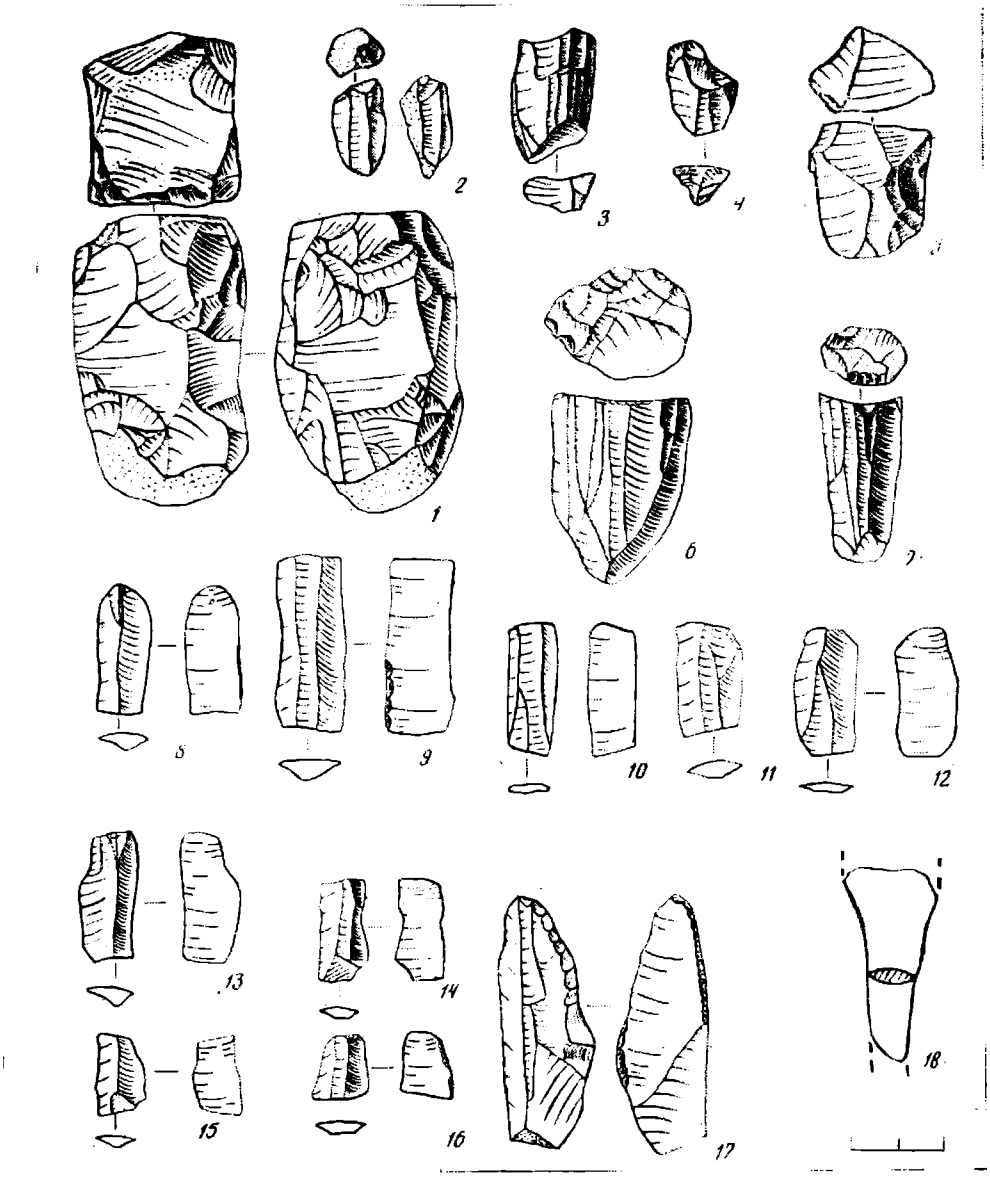


Рис. 3. *1–18* – пос. Кенеткель VIII, раскоп Б

Нуклеусы призматической формы без характерной выемки на ударных площадках (рис. 5, *7—9*). Наиболее интересен нуклеус, который сделан на массивном отщепе длиной 9,2, шириной 3,7 *см*. С обеих противолежащих торцевых сторон снято по нескольку ножевидных пластин. Затем нуклеус был использован в качестве скребка — одна из площадок была подработана мелкой отжимной ретушью (рис. 5. *10*).

Ножевидные пластины составляют в коллекции 21,1% (рис. 4, *1—8*). Они правильно огранены, длиной до 6 *см*. Ретушь не обязательна и присутствует лишь на некоторых экземплярах. Имеющиеся наконечники являются скорее заготовками. Один из них миндалевидной формы, обработан оббивкой в сочетании с ретушью (рис. 5, *1*); другой, довольно массивный, имеет правильную листовидную форму (рис. 5, *2*).

Скребки, как правило, овальной формы с частичным или круговым скребковым лезвием (рис. 4, *9—10, 12, 13*). Имеющиеся отщепы с ретушью близки обнаруженным в раскопе Б (рис. 4, *11*). Единичные на-

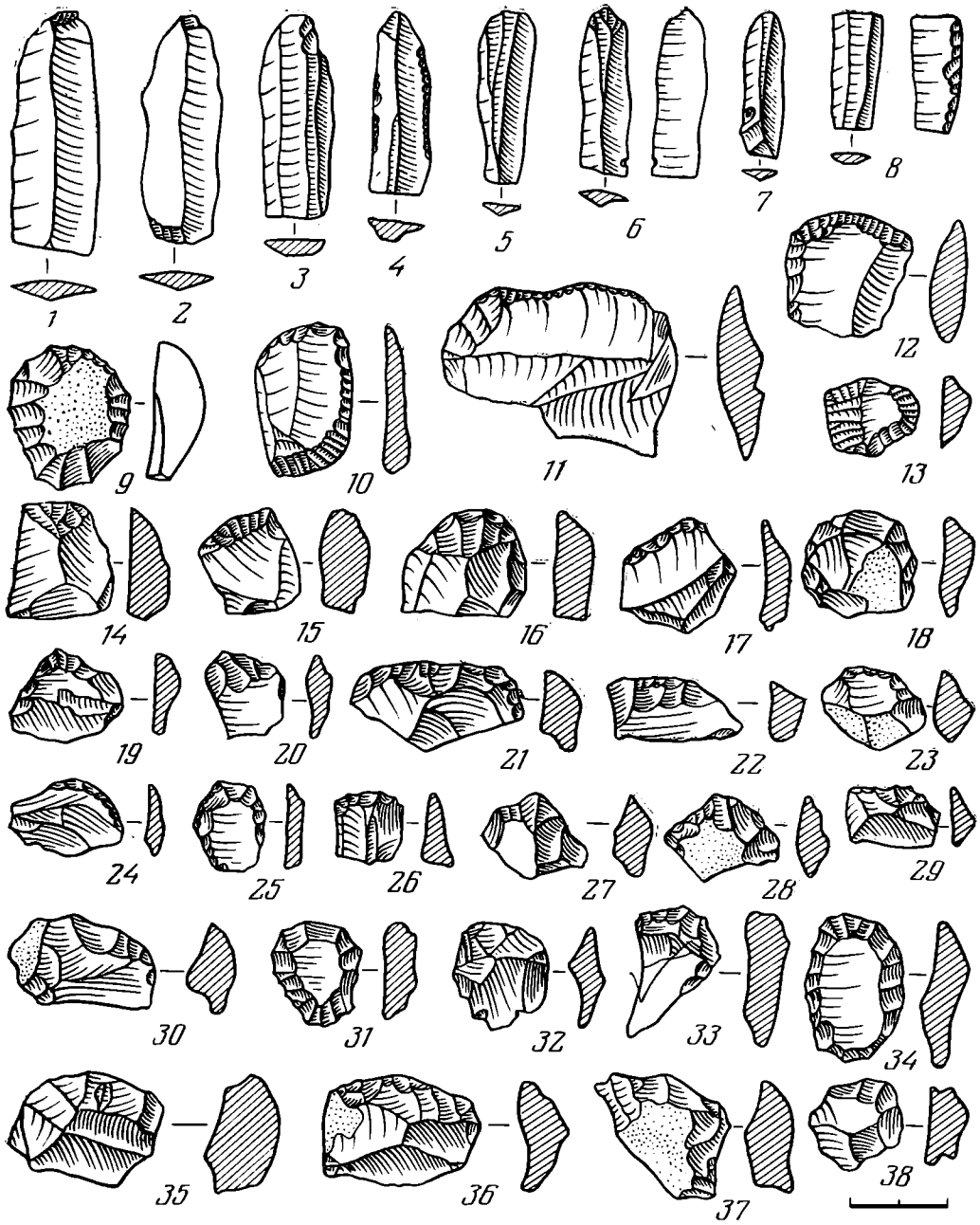


Рис. 4. Пос. Кенеткель VIII; *1—13* — раскоп А; *14—38* — раскоп Б

ходки представлены отбойниками и абразивными инструментами. Значительный процент коллекции составляют отщепы без ретуши и аморфные куски кремня (таблица).

В культурном слое поселения обнаружены многочисленные кости домашних животных. Они очень плохой сохранности — раздроблены и обожжены.

Результаты определения остеологического материала следующие[4]: лошадь (133 экз.), крупный рогатый скот (37 экз.), мелкий рогатый скот (11 экз.).

Анализ кремневого и керамического материала из раскопов А и Б показал, что в целом он однороден и относится к одному памятнику.

[4] Определение выполнено сотрудником проблемной лаборатории отдела археологии ИИАЭ АН КазССР Л. А. Макаровой.

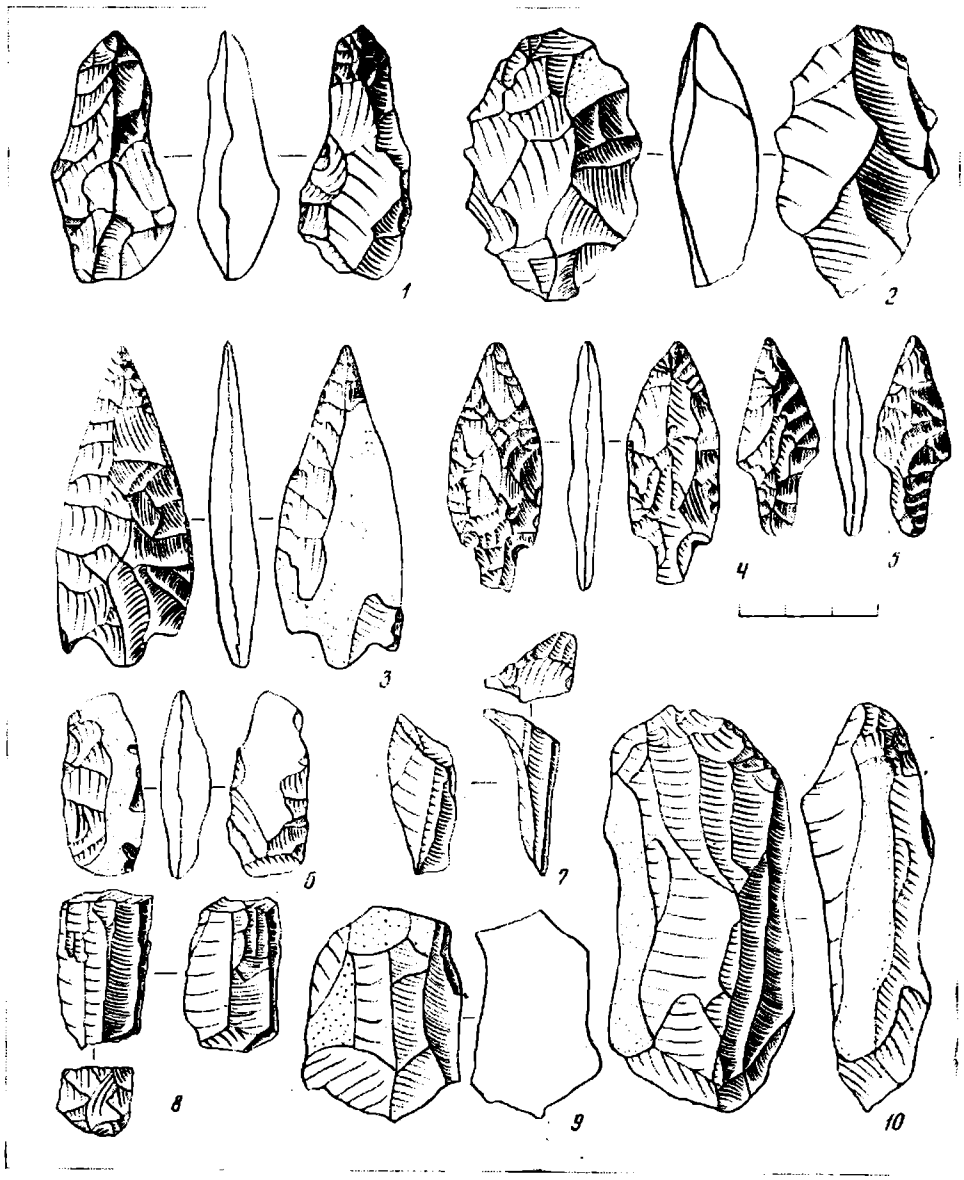


Рис. 5. Пос. Кенеткель VIII; *1, 2, 7—10* — раскоп А; *3—6* — раскоп Б

Однако находки с обеих сторон реки имеют некоторые отличия, которые заметны при сопоставлении. В раскопе А процент ножевидных пластин выше, чем в раскопе Б. Наконечники стрел имеют листовидную форму. Среди скребков широко представлены мелкие орудия с круговым лезвием Керамика орнаментирована исключительно отступающей палочкой, защипами. Здесь отсутствует гребенчатая керамика, широко представленная в раскопе Б. Керамический и отчасти кремневый инвентарь раскопа А архаичнее. Вероятно, это связано со спецификой формирования культурного слоя поселения. Территория на левом берегу использовалась на протяжении всего времени существования памятника, площадка на правом берегу была заселена, по-видимому, только на первых этапах его существования. Отличия в материале носят скорее всего хронологический характер. В керамике прослеживаются те особенности, которые были отмечены в Приишимье. Здесь для памятников, относимых исследователями к эпохе раннего металла, также характерны защипы, отступающая

палочка, ямочные вдавления (оз. Пестрое, Бишкуль V) [5]. В более поздних материалах преобладают оттиски крупного гребенчатого штампа, резные волнистые линии. Получают дальнейшее развитие ямочные вдавления (Вишневка II, Бишкуль I, Золотая осень II) [6]. Поэтому можно предполагать между двумя комплексами тесную генетическую связь, причем разрыв во времени, вероятно, был минимальным.

Керамика из поселения Кенеткель VII существенно отличается от вышеуказанных керамических комплексов, но чрезвычайно близка посуде из Вишневки I. Эта керамика на поздних этапах ее развития сосуществует с посудой петровского типа [7].

Материалы поселения Кенеткель VIII отражают становление производящего хозяйства в степях Казахстана. Как известно, уже во второй четверти II тысячелетия до н. э. эту территорию занимают племена срубно-андроновской общности. Для памятников раннеалакульского (петровского) типа характерен уже расцвет производящей экономики. Здесь широко представлены элементы культуры, характерные для скотоводческо-земледельческого уклада [8].

Столь пышный расцвет нового типа хозяйства не может быть объяснен только за счет миграции населения и влияния центров древних земледельческо-скотоводческих культур Средней Азии [9]. Не менее важную роль в освоении производящих форм хозяйства на большей части Евразии играло местное население [10]. В энеолитических памятниках Южного Урала [11], Северо-Западного [12] и Центрального Казахстана [13] широко представлены кости домашних животных. В остеологическом материале преобладают кости лошади. Поскольку это животное исконно обитало на этой территории [14], оно являлось объектом традиционной охоты для человека, начало доместикации дикой лошади уже в неолите вполне могло иметь место [15].

Одновременно с развитием в энеолитическое время скотоводства у местных племен Северного Казахстана появляются зачатки металлургии. Конкретно с этим процессом на исследованном поселении связываются некоторые ямы, заполненные углем, наковальни и песты, а также пережженные кости животных, использовавшиеся в качестве высококалорийного топлива и добавлявшиеся в шихту [16]. Вопрос о рудной базе остается пока открытым, однако следует учесть известные ныне на территории Кокчетавской области древние выработки на медь [17], о которых могли знать люди на заре эпохи металла.

---

[5] *В. Ф. Зайберт.* Ук. соч., стр. 110, рис. 42, *4, 10.*

[6] Там же, рис. 42, *15—19, 11—14, 3.*

[7] *Г. Б. Зданович.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. ВАУ, 12, 1973, стр. 26.

[8] *Г. Б. Зданович.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. Автореф. канд. дис. М., 1975, стр. 22.

[9] *И. Н. Хлопин.* Проблема происхождения культуры степной бронзы. КСИА, АН СССР, 122, 1970, стр. 54—58.

[10] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 342.

[11] *Г. Н. Матюшин.* Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья. КСИА. АН СССР, 127, 1971, стр. 118.

[12] *Л. А. Чалая.* Позднеенеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук. Сб. «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973, стр. 202.

[13] *М. И. Клапчук.* Неолитические стоянки Караганда 15, Зеленая Балка 4. БМОИП. Отд. биол., 1967, 3.

[14] *Б. С. Кожамкулова.* Антропогеновая ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата 1969, стр. 42, 43, табл. 9.

[15] *В. И. Бибикова.* К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. БМОИП. Отд. биол., 1967, 3; *В. И. Цалкин.* Происхождение домашних животных в свете данных современной археологии. Сб. «Проблемы доместикации животных и растений». М., 1972, стр. 54.

[16] *Б. Г. Тихонов.* Металлургические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 18, прим. 67.

[17] АКК. Алма-Ата, 1960, стр. 45, № 273, 275.

Итак, можно предполагать, что в конце III тысячелетия до н. э. на территории Северного Казахстана обитали местные энеолитические племена, уже знакомые с производящими формами хозяйства. По соседству с этим населением жили пришлые, лесостепные и лесные племена, оставившие такие памятники, как Вишневка I, Кенеткель VII, у которых в течение длительного времени сохраняются традиционные формы ведения хозяйства — охота и рыболовство. Они просуществовали на этой территории, вероятно, до середины II тысячелетия до н. э., что совпадает со временем оформления алакульской культуры.

О. Н. БАДЕР, В. Ф. ЧЕРНИКОВ

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК СЕЙМИНСКОГО ТИПА НА ОКЕ

В сентябре 1974 г. Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник получил письмо от учительницы школы в пос. Досчатое Выксунского р-на Горьковской обл. Р. И. Кошенковой с сообщением, что ее ученики А. Астафьев, М. Пылков, М. Горелов и другие находят на берегу Оки бронзовые вещи. Вскоре на место находок выехал научный сотрудник музея В. Ф. Черников.

Два бронзовых копья, два кельта, один плоский топорик и два ножа, кремневые предметы, в том числе пять наконечников стрел, должны быть, бесспорно, отнесены к числу характерных предметов сейминско-турбинского типа. При обследовании В. Ф. Черниковым обнаружен еще один нож. Все находки были сделаны на развеваемой песчаной дюне, вытянутой вдоль правого берега Оки на 3—3,5 *км* от пристани. Основная часть этой песчаной гряды занята постройками поселка, и лишь небольшая ее часть, откуда и происходят находки, свободна от застройки.

Место находок располагается примерно в 200 *м* к северу от пос. Досчатое и в 1 *км* от с. Решного. Памятник занимает площадь длиной около 80 *м* и шириной 30—40 *м* — такова площадь распространения находок. Кроме медно-бронзовых и кремневых предметов здесь же найдено немного мелких обломков керамики; при этом черепки располагались группами и, очевидно, происходили от небольшого числа сосудов.

Характер и незначительное количество вещей скорее указывают на то, что памятник представляет собой не поселение, а могильник.

Коллекция вещей, собранных на памятнике, состоит из 8 медно-бронзовых и 13 кремневых предметов, а также 55 мелких обломков керамики. В число металлических вещей входят два втульчатых наконечника копий, два кельта, один плоский топорик клиновидной формы и три ножа.

Один из наконечников копий имеет длину 21 *см*, круглую втулку диаметром 3,2 *см* и глубиной 13,3 *см*, с угловатым ушком с одной стороны втулки; перо длиной 14 *см*, шириной 6,1 *см*, с ромбическим стержнем (рис. 1, *1*). Толщина стенки втулки около 2 *мм*. Второй наконечник (рис. 1, *4*) — с вильчатым ромбическим стержнем, со следами трех сильно сглаженных рельефных поперечных полос у конца втулки (лишь с одной стороны), маленьким ушком на их уровне, причем отверстие осталось непробитым. Возможно, вследствие непригодности такого ушка для крепления к древку были сделаны два круглых, противостоящих друг другу сквозных отверстия, размещенных ниже ушка. Диаметр втулки 2,5 *см*, глубина 8,3 *см*, толщина стенок от 1,5 до 2 *мм*. Конец наконечника отломан, основание пера сплющено.

Плоский клиновидный топорик, имеющий размеры 9,6×3,7 *см*, сделан из массивной пластинки металла толщиной до 4 *мм*. Он расширяется к округлому лезвию и имеет слегка скошенный обушковый конец (рис. 1, *6*).

Один кельт имеет овальную втулку с рельефными закраинами и округлое лезвие, асимметричное в сечении (рис. 1, *3*). Эта особенность свидетельствует о том, что орудие использовалось не как топор, а как тесло. Размер кельта 11,7×5,4 *см*, размеры втулки в сечении 3,8×3,2 *см*, ее глубина 9,5 *см*, толщина стенок от 2 до 3,5 *мм*. На поверхности имеется слабо выраженный рельефный орнамент в виде поперечной «лестницы» по краю втулки, трех узких, косо заштрихованных треугольников под ней с каждой стороны и по одному сбоку и следами двух полустертых свисающих ромбов на одной, выпуклой стороне тесла.

Второй кельт — тесло той же формы, но немного более длинный (12,2×5,5 *см*) — имеет втулку глубиной 10,4 *см*, несколько менее массивные стенки и более простой орнамент: отсутствуют «лесенка» по краю втулки и свисающие ромбы; на боковых сторонах кельта косо заштрихованные треугольники. Но на широких сторонах кельта представлено по два узких треугольника с одной вертикальной черточкой (рис. 1, *2*). Лезвия обоих кельтов имеют следы вторичной обработки ковкой.

Один из двулезвийных ножей очень крупный; судя по обломку его конца, ширина клинка была не менее 4 *см*, а толщина — 2 *мм*; оба лезвия с обеих сторон утоньшены еще при литье, а быть может, очень аккуратной заточкой (рис. 1, *5*). По-видимому, это обломок крупного, слегка изогнутого но-

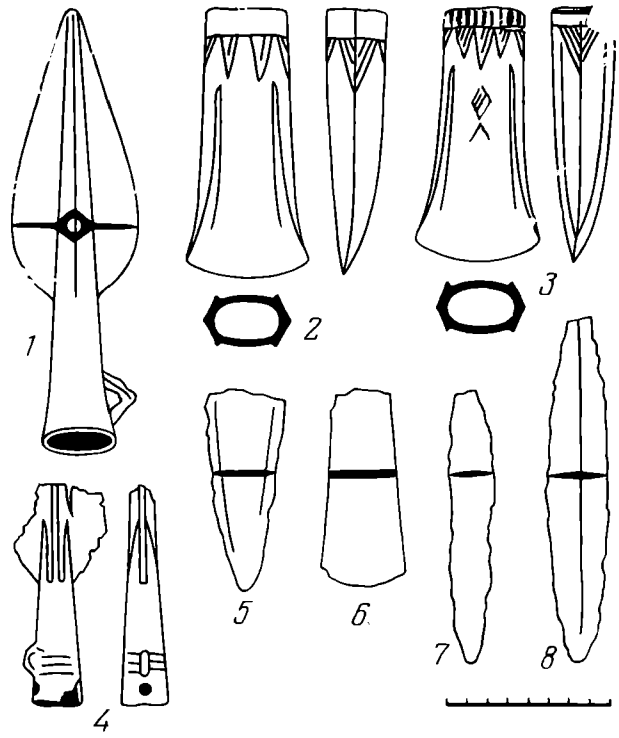


Рис. 1. Медно-бронзовые вещи из Решенского могильника

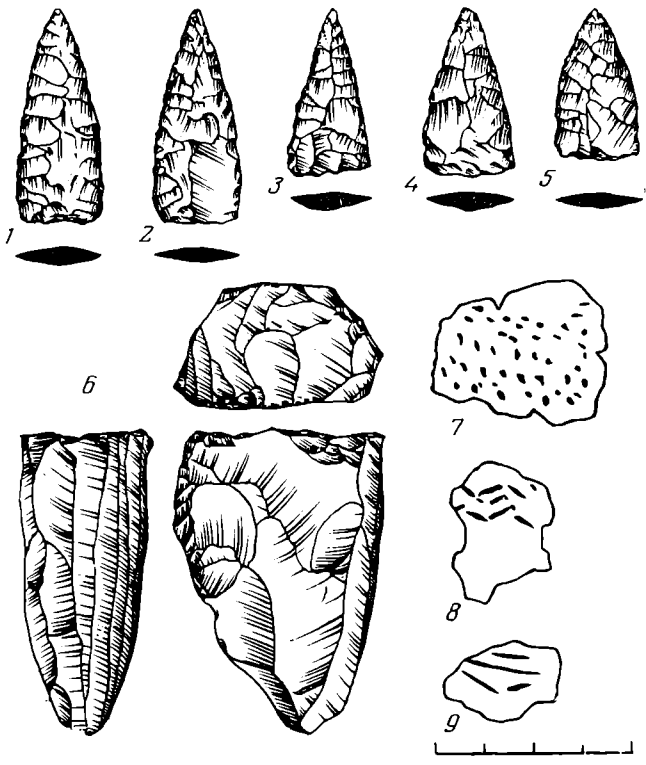


Рис. 2. Изделия из кремня (*1—6*) и обожженной глины (*7—9*), найденные на территории Решенского могильника

жа, который мог иметь фигурную рукоятку. Второй нож также двулезвийный, его длина 16,6 *см*, ширина 2,9 *см* и толщина 2,5 *мм*. Конец узкого черешка ножа сломан (рис. 1, *8*). Вдоль середины лезвия с обеих сторон рельефная линия, разделяющая два ската клинка, который, таким образом, имеет сечение в виде узкого ромба. Третий нож, также двулезвийный, представляет собой плоский клинок размером 12,9×2,0 *см*, толщиной до 2 *мм*, покрытый зеленой коркой. Лезвия этого ножа выщерблены (рис. 1, *7*).

Два из 11 каменных предметов отличаются относительно крупными размерами; один из них имеет следы пребывания в огне, другой имеет нуклевидный характер. Три кремневых предмета представляют собой небольшие бесформенные куски, а два — довольно крупные отщепы с хорошо выраженным ударным бугорком и следами сработанности режущих краев.

Очень правильный, конусовидный, слегка уплощенный нуклеус размерами 6,1×4,1×2,5 *см* отличается хорошо обработанной плоской ударной площадкой; одна его сторона обработана широкими плоскими сколами, на другой имеются семь длинных, параллельных негативов, отделенных от нуклеуса ножевидных пластинок; между сторонами — характерное ребро, обычно отделяемое от нуклеуса в виде ребристой пластины (рис. 2, *6*).

Пять наконечников стрел, сохранившихся полностью, сделаны из плоских удлиненных отщепов. Все они имеют сходную вытянутую подтреугольную форму с прямым усеченным основанием, обработанным, как и все тело наконечников, очень хорошей плоской ретушью; местами она оставляет нетронутой первоначальную поверхность отщепов (рис. 2, *1*—*5*). Длина наконечников от 3 до 4,3 *см*, ширина — от 1,6 до 1,8 *см*, все они очень плоские.

Весь кремень серо-желто-коричневато-розоватых тонов, высокого качества. Нельзя быть уверенным в принадлежности всего кремневого инвентаря к тому же культурному комплексу, что и медно-бронзовые вещи, но наконечники стрел, без сомнения, к нему относятся. Скорее всего к этому же комплексу следует отнести нуклеус и два отщепа.

Керамика почти не встречается на сейминско-турбинских могильниках, поэтому трудно сказать, насколько правомерно относить керамику, найденную у пос. Досчатое, к одному комплексу вместе с металлическими предметами. Все же необходимо отметить, что основная часть обломков керамики найдена там же, где и медно-бронзовые вещи. Таким образом, связь этой керамики с погребениями или остатками тризны у могил не исключается. Обломки керамики принадлежат по крайней мере двум сосудам. Один из них из пористой глины, темный, с короткой, круто отогнутой шейкой и выпуклыми плечиками, в верхней части орнаментированный рядами мелких точечных вдавлений (рис. 2, *7*). Другой — из плотного теста, с прямым венчиком, без орнамента. На двух-трех мелких фрагментах сохранился штампованный линейный и мелкозубчатый орнамент (рис. 2, *8*, *9*).

Общий характер собранного на дюне у пос. Досчатое материала позволяет заключить, что он происходит из древнего могильника. Типологические особенности медно-бронзовых и кремневых изделий позволяют отнести его к числу могильников сейминско-турбинского типа. Более близкое сопоставление с турбинскими могильниками Прикамья, с одной стороны, и с Сейминским могильником на Оке — с другой, говорит о большем сходстве материалов нашего могильника с полученным на втором из них, более близком и территориально. Особенно сходны наш целый наконечник копья и некоторые сейминские наконечники [1], а также все

[1] *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 22, 24.

три ножа[2]. Все пять наконечников стрел тождественны наиболее распространенному, первому типу стрел из Сеймы[3]. Впрочем, такие наконечники имеются и в материалах Турбинского могильника[4]. Зато наш нуклеус находит ближайшую аналогию именно в Турбине[5].

Вильчатый наконечник копья находит наиболее близкие соответствия в Турбинском могильнике[6], хотя, может быть, его особенности и не очень специфичны.

Пожалуй, наиболее своеобразны оба наши кельта. На первом из них (рис. 1, *3*) от орнаментальной «лесенки» свисают с каждой стороны по три заштрихованных треугольника. Такой орнамент в Турбине I и II не встречен ни разу, а в Сейме — 2 раза, причем в одном случае в менее развитом варианте[7], а в другом — лишь на тыльной стороне крупного кельта с двумя ушками[8]. Три заштрихованных треугольника с каждой стороны, при этом с одной стороны с двумя свисающими ромбами, имеются на кельте из Усть-Гайвенского могильника на Каме, но там треугольники и ромбы заштрихованы не косыми, а пересекающимися линиями[9]. Второй кельт выделяется вытянутыми пропорциями и орнаментом (рис. 1, *2*). Он, без сомнения, принадлежит к группе турбинско-сейминских кельтов. Подобные узкие треугольники, разделенные вертикальной чертой, отсутствуют и в Сейме, и в Турбине; они известны в Западной Сибири, например, на р. Абакане, на кельтах позднесейминской группы[10].

Новый могильник, откуда происходит рассмотренный материал, интересен своим географическим положением: он находится более чем в 100 *км* к юго-западу от Сейминского могильника, который до этих находок считался как бы западным форпостом распространения турбинско-сейминских памятников. Сопоставление могильника у с. Решное с одно-культурными ему памятниками указывает на его относительный возраст. В предложенной нами хронологической схеме[11] наш могильник будет, по-видимому, датироваться сейминским временем.

В абсолютных цифрах время могильника определяется XV—XIV вв. до н. э. На Оке это время совпадает с ранним этапом поздняковской культуры. Между Сеймой и Досчатым располагается значительное сосредоточение поздняковских поселений в районе Мурома, на Оке, Теше и Вельтьме: Поздняковское, Велетьминское, Малый Бор, Ефановское и др., Мало-Окуловский, Старший Волосовский, Битюковский и Борисоглебский могильники.

---

[2] Там же, рис. 44—51.
[3] Там же, рис. 60, *4*—*7*.
[4] *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1970, рис. 90.
[5] Там же, рис. 99.
[6] Там же, рис. 37, 38.
[7] *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы, рис. 35.
[8] Там же, рис. 38.
[9] *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья, рис. 116.
[10] *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, рис. 25.
[11] *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья, рис. 120, с. 147 сл.

К. С. САБИРОВ

РАСКОПКИ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ КУШАНСКОГО ГОРОДИЩА ЗАР-ТЕПЕ

Городище Зар-тепе систематически исследуется Бактрийской экспедицией ЛОИА АН СССР и Института археологии АН УзССР, возглавляемой В. М. Массоном. Большое внимание уделяется изучению фортификационной системы городища. В двух местах были сделаны разрезы крепостных стен, вскрыт значительный, наиболее хорошо сохранившийся участок крепостной стены [1]. В результате этих работ получены важные материалы, характеризующие конструкцию и некоторые особенности оборонительных сооружений Зар-тепе в кушанское время. Разрез стены осуществлен в юго-восточной части городища, причем выявлено четыре строительных периода (рис. 1).

К первому периоду относятся крепостные стены, покоившиеся на низком грунте, толщина их составляет 7,6 *м*. Внутри стены шел коридор шириной 1,4 *м*. Во втором периоде этот коридор был заложен сырцом. Толщина стены достигает 9 *м*, шире становится и обводной коридор, его ширина равна 2,7 *м*. В третьем периоде обводной коридор застраивается и перестает функционировать. Толщина стен уменьшается и достигает примерно 4 *м*.

Четвертый период отмечен некоторыми перестройками, кладка стены ремонтируется, появляются пристенные помещения.

Значительные раскопки велись также на восточной стороне городища, где был осуществлен разрез. Здесь вскрыты крепостные стены длиной 122 *м*. На этом участке открыты три башни, получившие номера 1, 2, 3 (рис. 2). Особенно полно исследован фас городской стены между башнями 1 и 2. Крепостные стены вскрыты здесь на высоту 4,25 *м*. Основание стен находится ниже уровня, до которого доведены раскопки, на 1,25 *м*. Таким образом, высота сохранившейся части крепостных стен 5,5 *м*. Кроме того, полностью расчищен отрезок стены к югу от башни 1. Сохранность стены и бойниц здесь хуже, чем в средней части, высота расчищенной стены составляет 3,6—3,2 *м*. Между башнями 2 и 3 стены обнажены на высоту 3,2—1,7 *м* (рис. 3).

Конструкция крепостных стен городища вырисовывается в общих чертах достаточно четко. Весь расчищенный участок стен имеет пахсовое основание. Оно прослежено повсюду и имеет высоту 2,5 *м*. То же отмечено в башнях, которые имеют в основании «пахсовые подушки» такой же высоты, как и в оборонительных стенах. По-видимому, стены и башни были построены одновременно.

Расчистка большого участка городской стены позволила понять конструкции бойниц для стрельбы из внутристенного обводного коридора и башен. На наиболее хорошо сохранившемся участке стены между башнями 1 и 2 расчищено девять бойниц (рис. 3). Десятая бойница, по-видимому, существовала на месте разреза. Среднее расстояние между бойницами 3,4 *м* (встречены расстояния от 3,1 до 3,6 *м*). Обе крайние бойницы находятся на расстоянии лишь 40 *см* от башен. Этим обеспечивалась оборона в углу, образованном стеной и башней, и сводилось до минимума «мертвое пространство». Бойницы имеют различное направление. Часть из них прямые, часть косые, предназначенные для фланкового огня. Не удалось выявить определенной системы в расположении прямых и косых бойниц. Во всяком случае, из 9 бойниц, обнаруженных на участке между башней 1 и 2 (всего 10 бойниц — из них одна раз-

[1] *Сабиров К. С., Пилипко В. Н.* Раскопки оборонительных сооружений городища Зар-тепе.— В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 49—53; *Массон В. М.* Раскопки кушанских памятников в Северной Бактрии.— АО — 1974, М., 1975, с. 507, 508.

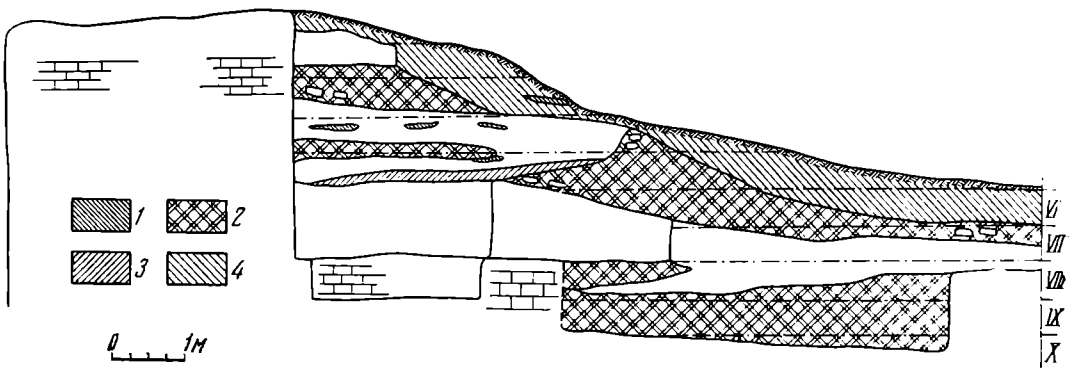


Рис. 1. Зар-тепе. Разрез крепостной стены. *1* — зольный слой; *2* — плотный завал или забутовка; *3* — мусорный слой зеленоватого цвета; *4* — рыхлый завал с кусками сырца

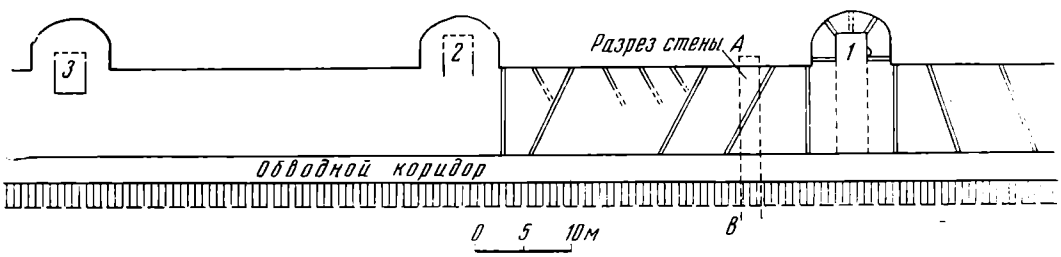


Рис. 2. Зар-тепе. Раскопки крепостной стены. План

рушена), прямых бойниц всего 2 (обе находятся вблизи башни), «косых» с отклонением к северу — 4 и с отклонением к югу — 3.

Бойницы, расположенные рядом с крайними бойницами, имеют скос в сторону башен. Видимо, зар-тепинские строители наибольшее внимание уделяли обороне подножия башен, особенно углов между стеной и башней.

Расстояние между башнями 1 и 2 34 *м*, между башнями 2 и 3 также 34 *м*, что указывает на наличие определенного фортификационного стандарта.

В ходе работ было исследовано помещение внутри башни 1. В итоге работ выяснилось, что имеются по меньшей мере два периода существования башен. Первый период совпадает с первым или вторым периодом существования городской оборонительной стены. Внутрибашенное помещение имело ширину 3,4 *м*, толщина южной боковой стены 2,5 *м*, а северной стены 2,5 *м*, толщина передней стены 2,2 *м*. Высота сохранившейся части башни 5,5, а в месте примыкания к стене 3,25 *м*. Видимо, в этот период внутрибашенное помещение не имело задней стены, а непосредственно примыкало к обводному коридору. Стены помещения покрыты глиняной штукатуркой и тщательно побелены. Башня имела пять бойниц. Одна бойница располагалась в середине фасовой стены башни, две в углах помещения, две вблизи крепостной стены на расстоянии 0,5 *м* от угла. В южной стене башни находится ниша, в которой помещался светильник,— стены вокруг нее покрыты черной копотью. Ниша находится на расстоянии 2,1 *м* от юго-восточного угла башни. Ее ширина 60, высота 50 *см*, ниша имеет полуциркульное очертание. Пол внутрибашенного помещения находился непосредственно на пахсовой подушке башни. Стены башни отходят от стены под прямым углом на расстояние до 2—2,5 *м*. Это направление первоначально сохраняется, а затем стены башни закругляются. Таким образом, эти башни являются не круглыми, а овальными,

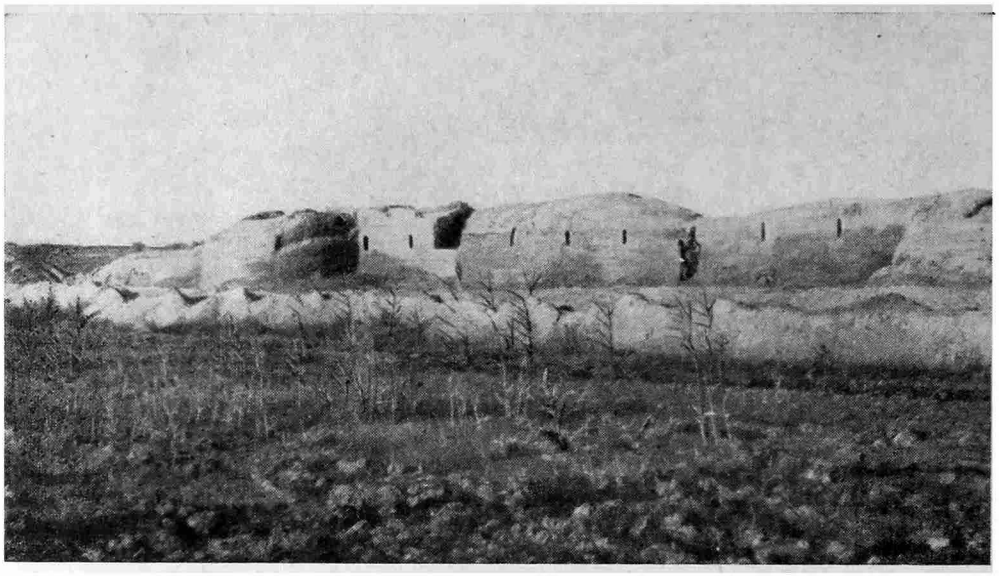


Рис. 3. Раскопки крепостной стены. Общий вид

и их можно рассматривать как переходную форму между прямоугольными и круглыми башнями. Следующий период существования башни связан с некоторыми перестройками, причем помещение было частично заполнено землей. Бойницы изнутри были заложены и закладка оштукатурена. Башни выступают из стен следующим образом: башня 1 — на 5,7 *м*; 2 — на 5,5 *м*; 3 — на 5,2 *м*. Ширина всех башен 8,5 *м*.

В ходе работ в башнях найдена целая группа статуэток, которые представляют головки лошадей, верблюда и «всадника-идольчика». Среди больших находок часто встречаем лошадей, верблюдов, иногда быков. Среди этих фигурок может быть выделено несколько типов. Из них первый — фигурки лошадей (рис. 4, *2, 7*). Сохранились в основном туловища, а голова и ноги утрачены. На некоторых статуэтках на шее имеются следы ремней. Второй тип — головка верблюда или овцы (рис. 4, *5*). Третий тип — зооморфные ручки сосудов, покрытые красным ангобом (рис. 4, *6*). Четвертый тип статуэток — неизвестное фантастическое животное (сохранились только туловища), его шея шире, чем у других статуэток (рис. 4, *8*). Характерны также статуэтки мужчин (рис. 4, *4*). Тесто плотное, розоватое, лицевая сторона покрыта красным ангобом, тыльная — светло-серым. Статуэтка имеет четкие пропорции и представляет стройного молодого мужчину.

Глиняные терракотовые фигурки и, в частности, всадники-идольчики являются часто обнаруживаемыми находками при археологических разведках и раскопках всех северобактрийских городищ и поселений [2]. Сходные терракоты найдены также в Мерве и датируются III—IV вв. н. э. [3]

Подобные статуэтки всадников найдены и в ангорской группе памятников, причем исследователь датировал их VI—VII вв. н. э. [4] Однако,

[2] *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966, с. 230—234; *ее же.* Новые данные о художественной культуре Бактрии.— В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 125, 126; *Тургунов Б. А.* К изучению Айртама.— Там же, с. 75—77; *Мухитдинов Х. Ю.* Терракоты Саксонахура как источник по истории и культуре Северной Бактрии.— Автореф. канд. дис. Душанбе, 1973, с. 27—29; *Пидаев Ш. Р.* Кушанская терракота из Мирзакультепа.— ОНУ, 1975, № 8, с. 62, 63; *Альбаум Л. И.* Болалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960, с. 34—36.

[3] *Ремпель Л. И.* Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы.— ТЮТАКЭ, 1949, т. 1, с. 353, 354.

[4] *Альбаум Л. И.* Ук. соч., с. 36.

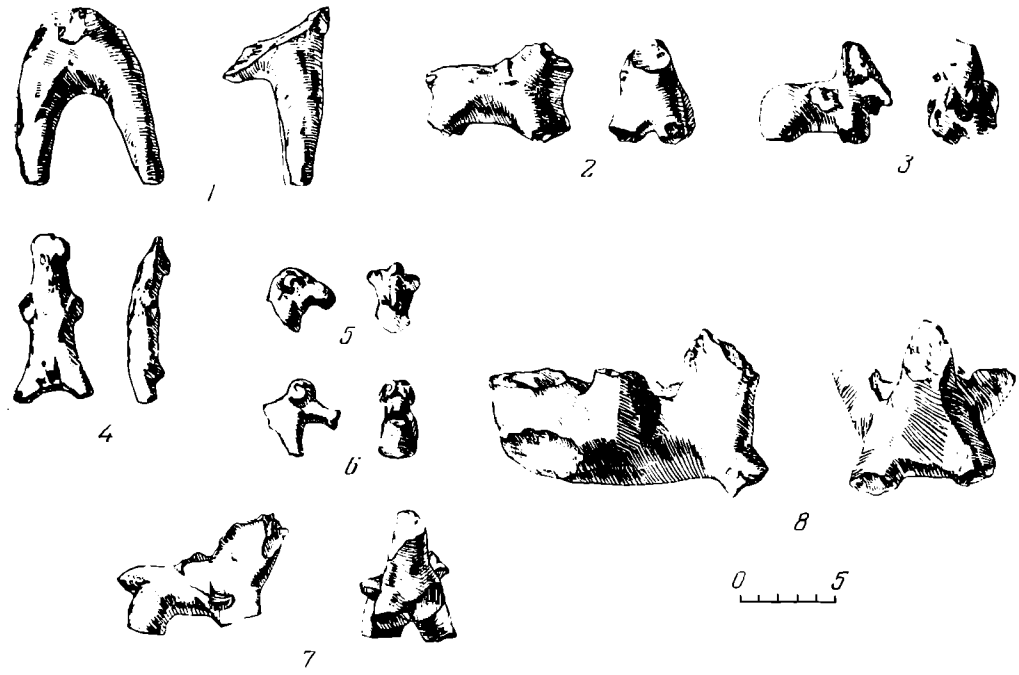


Рис. 4. Антропоморфные (*1, 4*) и зооморфные фигурки (*2, 3, 5—8*)

на наш взгляд, указанные изделия скорее следует отнести к более раннему времени.

Кроме того, в башнях городища найдена керамика кушанского времени. Ведущие формы составляют бокалы, чаши, миски, имеется также терракотовая модель ступы. Тесто отмученное, тщательно обработано, поверхность покрыта красным ангобом.

Среди зар-тепинских бокалов можно выделить: колоколовидные (рис. 5, *1—4*), рюмкообразные (рис. 5, *6, 7*) и бокалы с ребром (рис. 5, *5*).

Все эти материалы находят полное соответствие на северобактрийских городищах этого времени [5]. Среди других находок представляют интерес терракотовые модели ступы (рис. 5, *22*) и часть терракотового светильника (рис. 5, *23*). Для датировки оборонительных сооружений Зар-тепе важное значение имеют керамические изделия, найденные при раскопках башен и разрезе стены. Здесь существенно сопоставление материалов с керамическими комплексами шурфа на раскопе 1 на Зар-тепе.

Керамика из нижних горизонтов шурфа и первого периода существования стены идентична. Для этих комплексов характерно большое количество сероглиняных изделий и наличие тарелочек с отогнутым бортиком, что в целом указывает на раннюю дату — вероятно, на I в. до н. э. [6] К одному комплексу может быть отнесена керамика четвертого периода стены и посуда из монументального здания на раскопе 1, соответствующего верхним горизонтам стратиграфического шурфа. Здесь показательно исчезновение бокалов и распространение приема покрытия наружной поверхности сосудов красной краской с потеками. Такая керамика из раскопок Кара-тепе хорошо датирована монетами и эпиграфическими данными IV в. н. э. [7]

---

[5] *Щетенко А. Я.* Раскопки монументального архитектурного комплекса Зартепе.— В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 47, рис. 5; *Некрасова Е. Г.* К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии.— Там же, с. 89—91, рис. 1—3.

[6] *Пугаченкова Г. А.* Ук. соч., с. 57, 58, рис. 33, 34.

[7] *Ставиский Б. Я.* Работы на Кара-тепе с 1961—1962 гг.— В сб.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1964, с. 38—42.

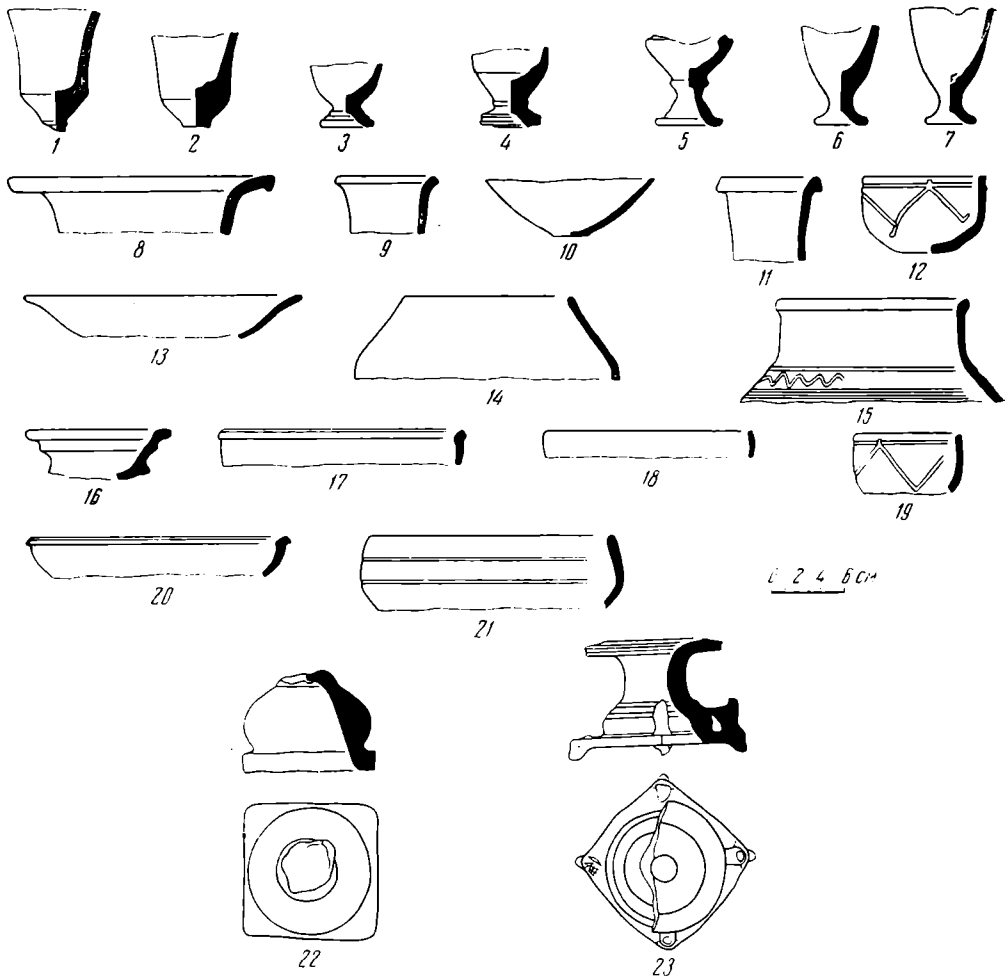


Рис. 5. Керамические изделия из раскопок крепостной стены

Керамический комплекс из забутованных помещений башен соответствует эпохе расцвета Кушанской державы. В целом исследования Зартепе показали, что время существования этого кушанского города охватывает все периоды от становления Кушанского государства до его распада. Планировка и архитектура городища Зар-тепе в известной мере восходят к древним бактрийским традициям. Истоки квадратного модуля восходят к бронзовому веку: такова, например, планировка поселения Сапалли-тепе [8]. В кушанскую эпоху преобладают города прямоугольного плана (Кей-Кобад-шах, Кухна-кала), хотя встречаются и квадратные, например Дильберджин в Южной Бактрии [9]. Здесь представлены оборонительные стены с внутренним обводным коридором — характерная черта кушанской фортификации. Такие коридоры обнаружены, в частности, в Кей-Кобад-шахе, Кухна-кале и при наших раскопках 1975 г. Хайрабад-тепе, расположенного в 3 *км* к северу от Зар-тепе. На Хайрабад-тепе коридор шириной 2 *м* был устроен одновременно с постройкой крепости, а затем постепенно заполнен культурным слоем.

Одной из характерных черт Зар-тепе является наличие полукруглых башен и модуль плеча стены между ними. Хорошо исследовано расстояние между башнями городища Кей-Кобад-шахе, там был выявлен четкий

[8] *Аскаров А. А.* Сапалли-тепе. Ташкент, 1973, с. 10, 11.
[9] *Кругликова И. Т.* Дильберджин. М., 1974.

интервал, образующий устойчивый модуль [10]. На Кей-Кобад-шахе, на некоторых других кушанских городищах расстояния между башнями составляют 18—22 *м*, тогда как на Зар-тепе оно равно 34 *м*. Бойницы Зар-тепе по формам и устройству имеют близкие аналогии в материалах кушанских городищ Северной Бактрии и соседних территорий, на городище Кухна-кале [11], Карабаг-тепе (Халчаяне) [12], хотя имеют и ряд отличий. Сходные бойницы обнаружены также в Сирсухе (Таксила), в Индии [13]. На некоторых городищах Бактрии бойницы расположены в три яруса, как, например, в Бактрах I А, в других случаях в два яруса; иное расстояние между бойницами [14].

В целом фортификация Зар-тепе при некоторых особенностях довольно типична для кушанских городищ Бактрии.

[10] *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.— МИА, 1958, № 66, с. 290—293.

[11] *Литвинский Б. А.* Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Варухе).— КСИИМК, 1956, № 64, с. 63—72.

[12] *Пугаченкова Г. А.* Ук. соч., с. 102.

[13] *Marschall J.* Taxila, vol. 3. Paris, 1951, p. 42.

[14] *Le Berre M. et Schlumberger D.* Observations sur les Remparts de Bactres.— MDAFA, t. XIX, p. 72—81.

В. Л. ЯНИН

О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА НОВГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ КОНЦА XV В.

Ныне существующий кремль Новгорода построен в конце XV в. Начало его сооружения относится к 1484 г., когда «повелением великаго князя Ивана Васильевича начаша здати в Великом Новегороде град камен детинец, по старой основе» [1]. Окончание этого строительства Новгородская третья летопись XVII в. относит к 1490 г.: «Поставлен бысть град каменной в Великом Новеграде, повелением великаго князя Иоанна Васильевича всеа России, при архиепископе Генадии: на две части великаго князя денги, а треть владыка своими денгами» [2]. Новгородская четвертая летопись (в той ее части, которая составлялась в XVI в.) относит то же событие к 1492 г. [3] Дата завершения постройки кремля, таким образом, нуждается в специальном анализе.

В связи с окончанием строительства детинца состоялся крестный ход вокруг его новых стен, подробно описанный в Новгородской второй летописи XVI в., которая относит его к 8 декабря 7008 г., «в неделю», т. е. в воскресенье [4]. В первом издании этого свода Я. И. Бередников предложил исправить указанную дату на 7001 г. на том основании, что в 7008 г. «пасха была 19 апреля, а 8 декабря во вторник, в 7001 же году последнее число приходилось на воскресенье» [5]. С конъектурой Я. И. Бередникова новая дата окончательного завершения работ по сооружению кремля — 1493 г.— прочно вошла в литературу [6]. Между тем это исправление совершенно неосновательно. Я. И. Бередников не принял во внимание, что Новгородская вторая летопись пользуется сентябрьским циклом

[1] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 36.

[2] Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 311.

[3] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, с. 160.

[4] Новгородские летописи, с. 59—61; ПСРЛ, т. 30. М., 1965, с. 152, 153.

[5] ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, с. 144.

[6] *Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого.— МИА, 1952, № 31, с. 57; *Каргер М. К.* Новгород. Изд. 3-е. Л.— М., 1970, с. 53, 63.

летосчисления. А это значит, что показанному ею 7008 г. в современном счислении соответствует время с сентября 1499 г. по август 1500 г. 8 декабря, следовательно, нужно отыскивать не в 1500 г., в котором оно действительно падает на вторник, а в 1499 г., когда оно соответствовало воскресенью (пасха в этом году была 31 марта). Иными словами, крестный ход в полном соответствии с показанием Новгородской второй летописи состоялся 8 декабря 7008 г. в воскресенье, но эта дата тождественна 8 декабря 1499 г.

Надежное доказательство правильности такого вывода дают наблюдения над составом московских должностных лиц, принявших участие в шествии 8 декабря. Летопись в их числе называет наместников Андрея Федоровича и Ивана Андреевича [7]. Однако в мае 1493 — феврале 1495 гг. в Новгороде наместничал Петр Михайлович, в августе 1495 г. наместниками назначены Данила Александрович Ярославский и Иван Владимирович Лыка Оболенский; Данила Александрович оставался наместником и в марте 1497 г. [8]

Андрей Федорович Челяднин в качестве наместника впервые упомянут в 1499 г. [9] Что касается Ивана Лобана Андреевича Колычева, то он как наместник известен в апреле 1501 г., когда он отправлял свои обязанности уже с князем Семеном Романовичем [10].

Таким образом, несомненность даты крестного хода 8 декабря 1499 г. позволяет утверждать, что строительство Новгородского кремля продолжалось не шесть или восемь лет, как принято было думать, а 15 лет, что вполне соответствует грандиозности самого предприятия. Ошибка Новгородской третьей летописи, однородная с ошибкой Новгородской четвертой летописи, понятна: под 1490 и 1492 гг. в этих сводах дается общий обзор деятельности архиепископа Геннадия, включающий даже лишение его кафедры, которое, как известно, состоялось в 1506 г.

---

[7] Новгородские летописи, с. 59; ПСРЛ, т. 30, с. 152.

[8] См. список новгородских наместников в кн.: *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, с. 260. Исходные материалы этого списка содержатся в основном в издании: Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901, с. 25.

[9] Древнейшая разрядная книга официальной редакции, с. 19; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 29.

[10] Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 31.

Критика и библиография

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Специалисты по каменному веку, и в особенности по каменному веку Урала, очевидно, наблюдают на страницах печати своеобразную дискуссию, которая ведется уже свыше десяти лет вокруг некоторых вопросов каменного века Урала. Своеобразие этой дискуссии заключается в ее односторонности. С критикой в адрес автора настоящего письма выступает Г. Н. Матюшин, причем до сих пор она оставалась без ответа. Мне не представлялось необходимым вступать в полемику по каждому частному выступлению.

Однако создавшаяся ситуация заставила меня все же взяться за перо. Сейчас имя Г. Н. Матюшина широко вошло в литературу. Совсем недавно, в частности, вышла его монография в издательстве «Наука» [1]. По не совсем понятным причинам, по-видимому, для оригинальности или из желания сказать в науке «новое слово», Г. Н. Матюшин решил доказать недоказуемое: выделить на трех неолитических памятниках (Усть-Юрюзанском и Чебаркульском поселениях, а также на Черкасовской стоянке) мезолитический горизонт или участок. Известное, во многих отношениях опорное. Усть-Юрюзанское неолитическое поселение [2] он задумал разделить на два, отнеся одну его часть (северный мыс) к мезолиту, а другую (южный мыс) — к неолиту [3]. Пытаясь обосновать свою точку зрения, Г. Н. Матюшин более чем странным образом комментирует находки на северном «мезолитическом» мысу керамики. Так, на северном мысу, пишет он, «было обнаружено всего несколько фрагментов, причем почти все от одного сосуда». А в следующей фразе: «Таким образом 70% каменного инвентаря и обломки *от одного сосуда* (уже только от одного.— *Л. К.*) составляют инвентарь северного участка...» [4]. На самом же деле из общего количества найденной на поселении неолитической керамики, составляющего 40 фрагментов (склеенные приняты за единицу), на северном мысу найдено 16, не менее чем от четырех сосудов, в кв. кв. 113 (колл. № 8211), 114 (колл. № 8825), орнаментированные длинным гребенчатым штампом, в кв. 112 (колл. № 8057) коротким гребенчатым штампом, в кв. 155 — «шагающей гребенкой» и несколько (11 экз.) фрагментов, действительно принадлежащих одному сосуду, орнаментированному насечками [5]. Такими на первый взгляд несущественными изменениями Г. Н. Матюшин превращает ряд находок в одну, а ее объявляет единичной, случайной. В упомянутой, вышедшей не намного раньше книги, статье он уже без всяких комментариев декларативно заявляет:

---

[1] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.

[2] *Крижевская Л. Я.* Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, 1960, № 79.

[3] *Матюшин Г. Н.* О наконечниках кельтеминарского типа на Урале.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975; *его же.* Мезолит Южного Урала, с. 116—121.

[4] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 119.

[5] Коллекция хранится в Отделе истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, оп. № 58.

«На Усть-Юрюзанской стоянке, где обнаружены подобные наконечники, отсутствует неолитическая керамика...» [6], что является сознательной фальсификацией.

В рассматриваемой книге, непосредственно за сообщением о том, что на северном мысу найдены фрагменты лишь одного сосуда, следует передатировка (на основании аналогий с Давлекановской стоянкой) неолитической керамики с ямочным орнаментом срубным временем. Этим сознательно создается впечатление, что именно данная керамика, якобы не имеющая отношения к неолиту, и была найдена на северном мысу. На самом же деле она найдена на южном мысу и никакого отношения к мезолитической проблеме не имеет.

Вопрос о найденных на стоянке кельтеминарских наконечниках разрешается Г. Н. Матюшиным следующим образом: «Вспомним,— пишет он,— что и два из трех кельтеминарских наконечников найдены на южном мысу. На северном — только один, который, возможно, был перенесен сюда позднее» [7]. В действительности же было найдено только два наконечника, по одному на каждом мысу, и, следовательно, перенесенным мог быть любой из них. Таким образом третий наконечник сознательно вводится Г. Н. Матюшиным, чтобы усилить свою позицию. В упомянутой выше статье о наконечниках кельтеминарского типа он переиздает из моей работы три усть-юрюзанских наконечника [8]. Но третий не является кельтеминарским, а относится к типу свидерских, и найден не на южном, а на северном мысу вместе с одним из кельтеминарских (рис. 1) [9]. Непонятно, зачем нужны все эти хитросплетения, ибо, во-первых, по логике рассуждений Г. Н. Матюшина, свидерский наконечник был бы как раз на северном мысу на месте, во-вторых, утверждение, что наконечники найдены на южном мысу, где в то же время больше керамики, не отрицаемой и самим Г. Н. Матюшиным, противоречит приведенному выше утверждению, что с наконечниками керамика не встречается.

Приблизительно также решается им и вопрос о шлифованных орудиях. «На северном участке,— пишет Г. Н. Матюшин,— меньше доля... шлифованных орудий и их заготовок» [10]. На самом деле все наоборот: шлифованных орудий найдено всего пять (четыре целых и один миниатюрный обломок), из них четыре как раз на северном мысу, один — на южном. Упоминаемые же Г. Н. Матюшиным заготовки подобных орудий отсутствуют вовсе, так же как и другие следы их производства. Это позволило мне в свое время высказать предположение о неместном их изготовлении.

Помимо заведомо неверных данных, на трех страницах, посвященных Усть-Юрюзанскому поселению, столько нарочитой путаницы, что всю ее рассмотреть невозможно. Одним из примеров является таблица распределения находок по годам раскопок как будто бы с целью выяснения их количества на обоих мысах. Но она явно не достигает цели, поскольку в 1954 г. раскапывались оба участка, и данные по годам не адекватны данным по участкам (рис. 2). В то же время имеется полная возможность подсчета материала непосредственно по участкам, которой Г. Н. Матюшин почему-то не воспользовался. По-видимому, таблица понадобилась автору для придания своим рассуждениям наукообразности, а также для того, чтобы окончательно лишить возможности читателя разобраться. Пример: из пяти шлифованных орудий три были найдены в 1954 г., но вовсе не все на южном мысу, а два — на северном. В 1955 г. найдено два орудия на северном мысу. В итоге четыре на северном и одно на южном. А у Г. Н. Матюшина после подсчета находок по годам выходит в полном противоречии с действительностью на северном мысу меньшая доля шлифованных орудий.

Первым доказательством усть-юрюзанского мезолита Г. Н. Матюшин считает небольшое количество керамики на мезолитическом мысу, которое он объясняет случайностью, вторым — изолированное положение участков относительно друг друга, т. е. отсутствие культурного слоя в центре. Последний аргумент основан на искажении факта, хотя бы потому, что раскоп 1951 г., давший основание для последующих

---

[6] *Матюшин Г. Н.* О наконечниках..., с. 148.
[7] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 119.
[8] *Матюшин Г. Н.* О наконечниках..., с. 147, рис. 2, *10—12*.
[9] На рисунках вещи изображены в тех квадратах, где они были найдены.
[10] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 118.

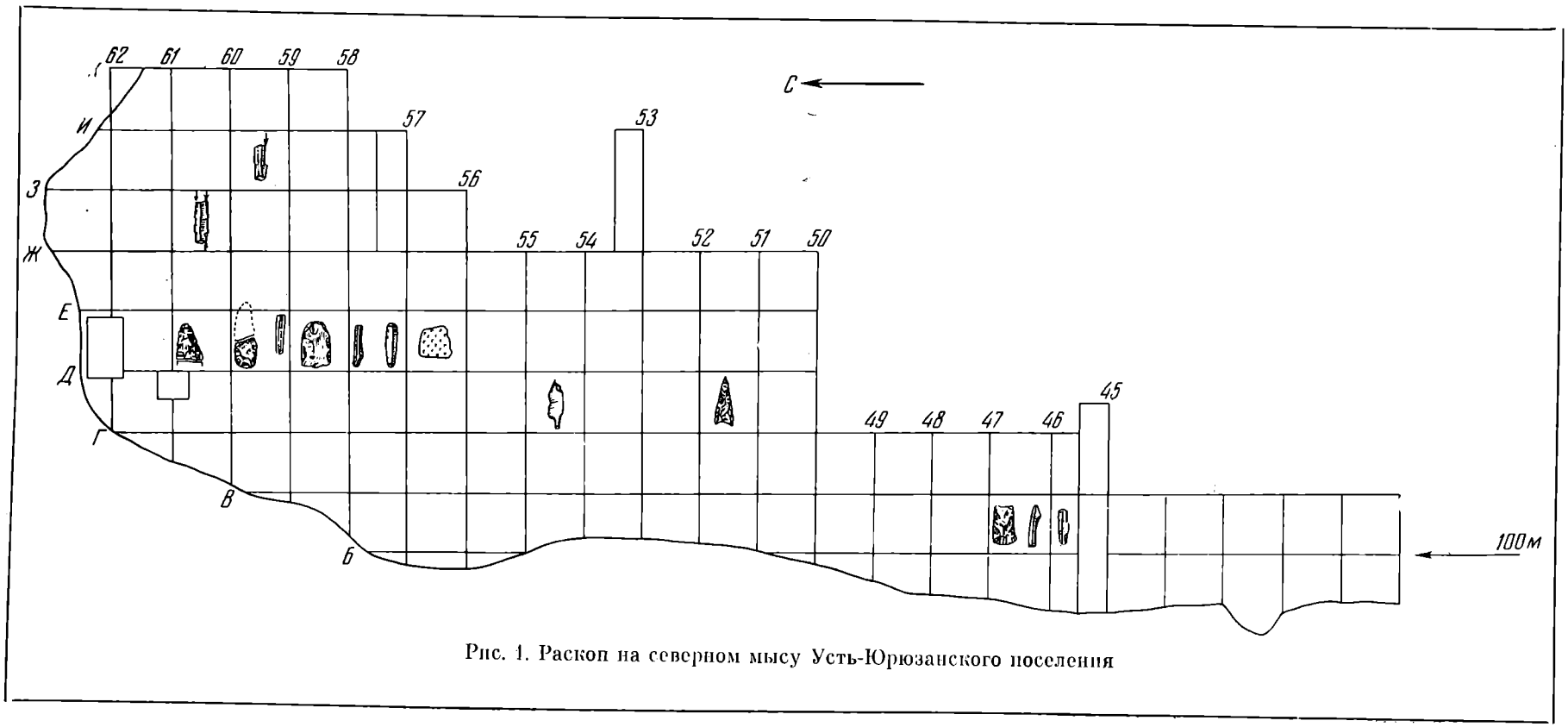


Рис. 1. Раскоп на северном мысу Усть-Юрюзанского поселения

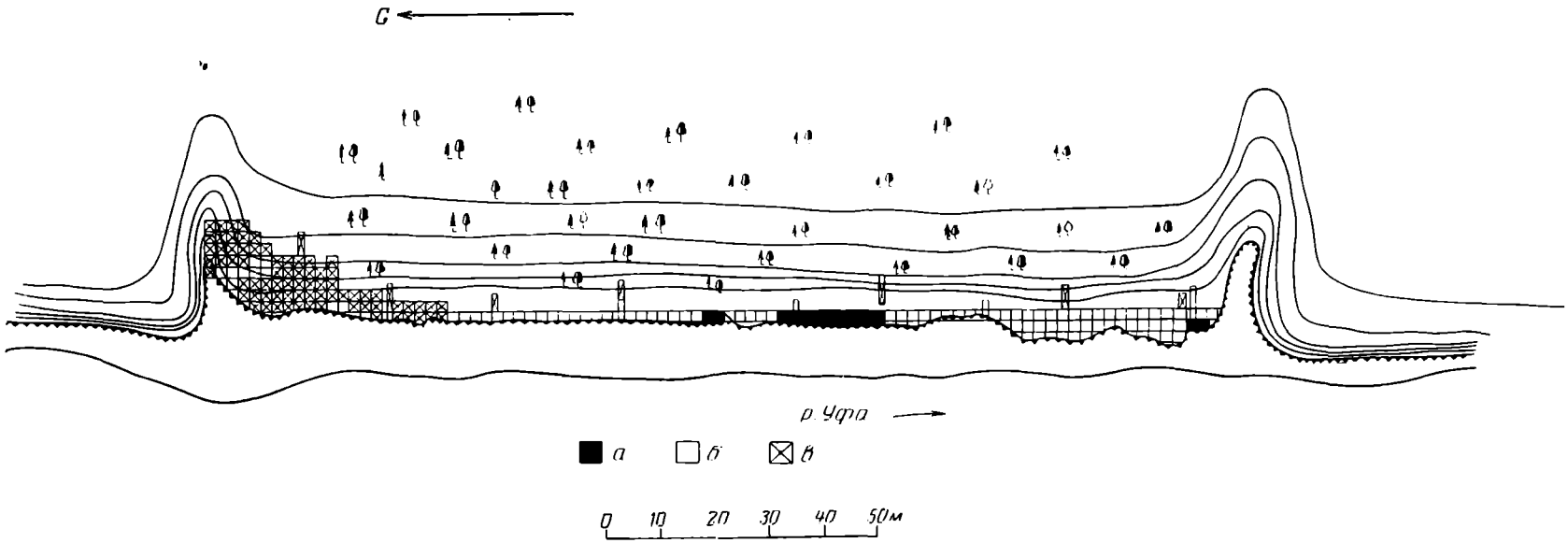


Рис. 2. План раскопов Усть-Юризанского поселения по годам: *а* — 1951, *б* — 1954, *в* — 1955

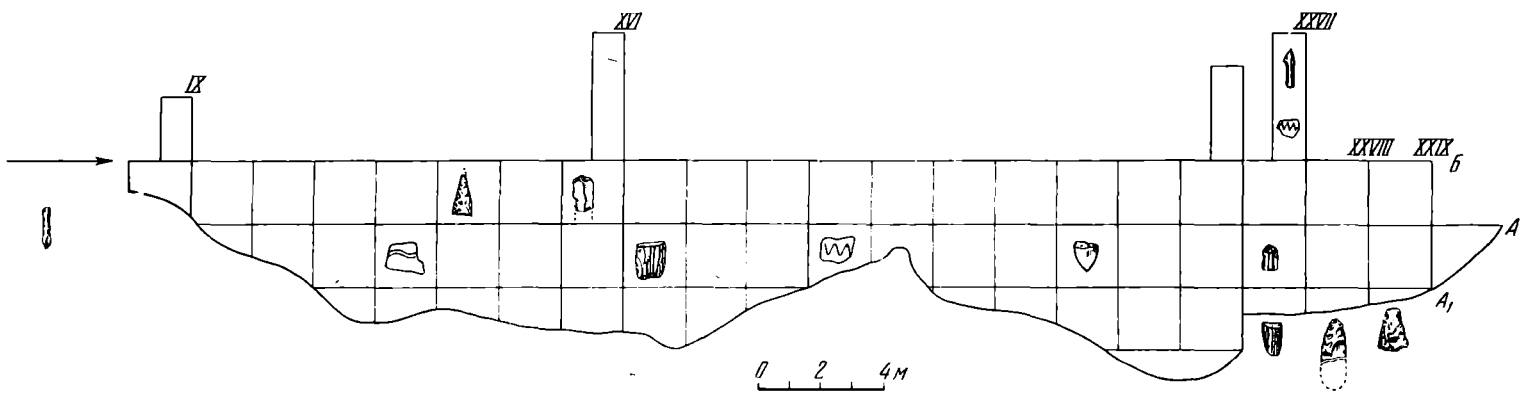


Рис. 3. Раскоп на южном мысу Усть-Юрюзанского поселения

исследований, располагался как раз в центральной части террасы [11]. Концентрация находок на северном мысу вовсе не убывает к краю террасы, как пишет Г. Н. Матюшин, чтобы доказать его изолированное положение. К примеру, в кв. 172, расположенном у края, найдено 415 единиц, что недалеко от максимума (между 500 и 600 единицами) и значительно превосходит среднее количество.

Если третье доказательство Г. Н. Матюшина мезолитического возраста северного участка — бóльший процент пластин относительно процента пластин на южном мысу может быть в какой-то мере дискуссионным, то первые два представляют собой вымысел, фальсификацию материала. Как же все-таки быть с наиболее выразительными датирующими вещами — одношипными и двустороннеобработанными наконечниками, распределенными равномерно, по одному на обоих мысах? (Соответственно кв. 108 и траншея 1 кв. кв. 1, 166; рис. 1, 3). Как быть со шлифованными орудиями, с керамикой в мезолитическом поселении, с идентичным набором каменных орудий, со сходством топографии? Эти вопросы для Г. Н. Матюшина как будто не существуют. Он считает возможным безапелляционно заявить, что его мнение о двух разновременных памятниках — позднемезолитическом и поздненеолитическом — ничем не опровергается [12].

Посмотрим теперь, что получилось с Черкасовской стоянкой. В 1958 г. Г. Н. Матюшин осуществил с моего разрешения и по моему открытому листу раскопки Черкасовской стоянки, обнаруженной нашей экспедицией в 1956 г.[13] Это была его первая самостоятельная работа [14]. Написанный им раздел об этих раскопках был включен в общий отчет о работе отряда, где отмечено, какая часть отчета написана Г. Н. Матюшиным [15]. Вскоре он свой отчет опубликовал, тем самым подтвердив свое авторство [16]. Через несколько лет Г. Н. Матюшин, касаясь Черкасовской стоянки, приводит неизвестно откуда взятые, не вытекающие из материала данные о том, что в ее инвентаре 90% пластин и 10% отщепов [17]. Как сейчас выясняется, при подсчете процента пластин и отщепов Г. Н. Матюшин отбросил все виды отходов и оперировал только орудиями и пластинами [18]. Такой произвольный отбор материала сам по себе методически неправилен, но главное — при этом совершенно непонятно, откуда взялись 10% отщепов.

Еще один пример. В цитируемой книге сказано, что в разрезе напластований Черкасовской стоянки ниже смешанного слоя — неолитического и позднебронзового — лежит «слой с микролитическими материалами и отделен от слоя с находками неолитического облика прослойкой суглинка толщиной в 5—10 см» [19]. Судя же по отчету — тексту и чертежу, ниже смешанного слоя лежит слой *только с остатками неолита. Стерильная прослойка отсутствует* [20]. Вообще до появления рассматриваемой книги о стерильной прослойке между слоями каменного века никогда не было речи. Имелось лишь упоминание о прослойке ярко-красного суглинка без находок между слоями с ананьинской керамикой и с находками каменных орудий [21], хотя и эта прослойка не подтверждена полевыми документами. Приведенные примеры далеко не исчерпывают той неразберихи, которую сознательно вносит Г. Н. Матюшин в достаточно ясный вопрос о неолитическом возрасте Черкасовской стоянки. И наконец, еще один из ряда вон выходящий казус. Оказывается, часть отчета, посвященная раскопкам Черкасов-

---

[11] *Крижевская Л. Я.* Ук. соч., с. 249, рис. 1.

[12] *Матюшин Г. Н.* О наконечниках..., с. 148.

[13] *Крижевская Л. Я.* Новые неолитические стоянки Южного Предуралья.— КСИИМК, 1959, № 74.

[14] Кстати, приписывая себе начало обследования всей территории Южного Урала с 1954 г. (см. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 31), Г. Н. Матюшин, как и в ряде других случаев, поразительно неточен.

[15] *Крижевская Л. Я.* Отчет о работе неолитического отряда Башкирской экспедиции 1958 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1813, с. 17, примечание.

[16] *Матюшин Г. Н.* Памятники каменного века на территории БАССР.— В кн.: Башкирский археологический сборник. Уфа. 1959, с. 18—21.

[17] *Матюшин Г. Н.* К изучению мезолита и неолита Башкирии.— АЭБ, 1964, т. II, с. 36.

[18] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 120.

[19] Там же.

[20] *Крижевская Л. Я.* Ук. отчет за 1958 г., с. 18, рис. 27—29.

[21] *Матюшин Г. Н.* Памятники каменного века на территории БАССР, с. 20.

ской стоянки в 1958 г., написана мною. Критикуя статистику и недостаточно квалифицированное описание каменного инвентаря в отчете 1958 г., Г. Н. Матюшин приписывает то и другое мне. Но я могу лишь переадресовать эту критику самому Г. Н. Матюшину. Даже при желании написать весь отчет, я сделать этого не могла, так как на раскопках Черкасовской стоянки не присутствовала, а коллекция из раскопок была прислана в Ленинград значительно позже того времени, когда был написан отчет [22].

Что касается Чебаркульской неолитической стоянки, раскопанной Н. П. Кипарисовой, то первоначально ее мезолитический комплекс обосновывался Г. Н. Матюшиным стратиграфией, о которой он категорически писал: «Все изделия микролитического типа найдены только в нижних горизонтах памятника и при зачистке глины в яме. Таким образом, в раскопе 1953 г. микролитический комплекс отделен от неолитического не только типологически, но и стратиграфически» [23]. Однако подобной стратиграфии в стоянке не существовало. Об этом мне уже приходилось писать [24]. В вышедшей же сейчас книге о стратиграфии говорится как раз обратное, а именно: «Стратиграфию проследить не удалось». Здесь для доказательства чебаркульского мезолита всплывают уже только музейные коллекции [25].

Успев опубликовать Чебаркульскую неолитическую стоянку лишь предварительно, Н. П. Кипарисова оставила в архиве очень важные научные разработки. Посмотрим, как обходится с ее материалами Г. Н. Матюшин. Начав с того, что она якобы «вообще обошла молчанием микролитические материалы», он издает составленную ею и хранящуюся в архиве статистическую таблицу «обойденных молчанием» пластин без ссылки на автора и в таком контексте, что у читателя не остается сомнений в том, что таблица принадлежит самому Г. Н. Матюшину [26]. В свое время я уже указывала на недопустимость подобного плагиата [27].

Все доказательства, приводимые Г. Н. Матюшиным в пользу мезолитического возраста трех рассматриваемых памятников, на мой взгляд, не выдерживают критики. Первостепенные и третьестепенные признаки, неоспоримые и спорные положения, действительные и выдуманные факты — все непрофессионально смешано. Однако анализ этих доказательств не входит в мою задачу. Оценка их должна принадлежать коллективу специалистов, которые могли бы сравнить аргументацию и данные обеих сторон. Я же касаюсь только методов, используемых Г. Н. Матюшиным в научной дискуссии. Он действительно прав, говоря, что возражения против датировки мезолитом вызывают только три памятника. Материал памятников Зауралья и многих памятников Предуралья, датированных мезолитом, мне не знаком, но, если они классифицированы с такой же степенью «объективности», можно считать, что мезолиту Южного Урала явно не повезло.

Все вышесказанное касается приемов, используемых Г. Н. Матюшиным для доказательства своих положений. Количество приведенных фактов можно в случае необходимости значительно увеличить. В заключение отвечу на некоторые замечания, направленные лично в мой адрес. Так, его статья, посвященная вопросам корреляции культур Юго-Западной Сибири, Прикаспия и Ближнего Востока в эпоху мезолита, в которой он высказывает мнение о том, что геометрические микролиты не характерны для неолита Южного Урала, начинается со слов: «Л. Я. Крижевская считает геометрические микролиты характерной чертой неолита Южного Урала, хотя ни на од-

---

[22] Коллекция из раскопок Черкасовской стоянки некоторое время хранилась в ИЯЛИ БФАН СССР, затем была переслана Г. Н. Матюшиным в Ленинград. В настоящее время хранится вместе с материалами 1956 г. в музее Института этнографии АН СССР.

[23] *Матюшин Г. Н.* Следы мезолитических слоев на неолитических памятниках Южного Урала и Зауралья.— В сб.: Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964, с. 24.

[24] *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала. Л., 1968, с. 26, 27.

[25] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 121.

[26] Ср. *Матюшин Г. Н.* Следы мезолитических слоев..., с. 18, 23; *Кипарисова Н. П.* Отчет о раскопках 1953 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, д. 826, л. 10.

[27] *Крижевская Л. Я.* О некоторых особенностях материальной культуры южноуральских неолитических племен. Труды Камской археологической экспедиции, т. II, в Уч. зап. ПГУ, № 191. Пермь, 1968, с. 171—185.

ном из исследованных ею памятников неолита Южного Урала она не нашла таких микролитов». В подтверждение приводятся страницы моей книги — 21, 31, 87 [28]. На самом же деле ни на одной из приведенных им страниц нет и речи об этом вопросе. А главное: на одной из соседних страниц мною говорится как раз обратное, а именно: «...в Зауралье (в неолите.— *Л. К.*) почти полностью отсутствуют геометрические формы» [29]. Кстати сказать, здесь же Г. Н. Матюшин нарочито искажает описание трапеции, выдавая ее за однобоковую. Хотя на самом деле в тексте и на рисунке приводится классическая трапеция, обработанная, как положено, с двух боков [30].

Что же касается моей точки зрения на геометрические микролиты в неолите Южного Урала, то я ее повторила, пожалуй, еще более определенно, в докладе на IV Международном финноугорском конгрессе. Привожу цитату: «Это, однако, не касается геометрических микролитов, поскольку для неолита они совсем не типичны» [31]. Г. Н. Матюшин знал содержание моего доклада. Рукопись доклада в его присутствии обсуждалась в секторе неолита и бронзы Института археологии АН СССР. Как видно из приведенного, я, как и Г. Н. Матюшин, утверждаю, что геометрические микролиты не характерны для неолита Южного Урала. Он же мне приписывает выдуманную им самим концепцию, затем ревностно ее критикует и таким оригинальным способом доказывает свой приоритет.

В своей статье, посвященной вопросу раннего неолита Урала, Г. Н. Матюшин обвиняет меня в нелогичности, заключающейся в том, что я считаю изделия из пластин, в том числе и кельтеминарские наконечники, более характерными для раннего, чем для позднего неолита [32]. Моя мысль передана им не совсем точно, но в данном случае не это важно. Важно другое — Г. Н. Матюшин считает почему-то «гораздо логичнее» относить подобные наконечники к поздненеолитическому времени. Вместе с тем в одной статье он сам относит кельтеминарский наконечник из стоянки Долгий Ельник к мезолиту [33], в другой — непонятно, из той же или соседней стоянки — к позднему неолиту — Долгий Ельник I [34], а в книге о мезолите Южного Урала та же пара «поздненеолитических» наконечников вновь попадает в мезолит — в Долгий Ельник II [35].

В первые годы своей научной карьеры Г. Н. Матюшин, пусть не всегда этично, все же отстаивал определенную концепцию, определенную точку зрения в противовес моей, а именно: отсутствие в неолите Южного Урала пластинчатой индустрии (или, как он писал, микролитического инвентаря). Таким образом, все же был научный предмет спора. В настоящее время Г. Н. Матюшин признал пластинчатую индустрию в неолите (признал ли одновременность линейно-накольчатой и гребенчатой керамики — не ясно), так что существо спора исчезло. Остались лишь замечания, основанные в большинстве своем на вымышленных фактах. Эти замечания можно встретить в очень многих работах Г. Н. Матюшина. Укажу еще на одну работу, в которой он «защищает» от моего недопонимания тезис о наличии пластинчатой индустрии в энеолите Южного Урала [36].

Недобросовестное отношение Г. Н. Матюшина к науке сказалось и в том, что даже свои собственные материалы по мезолиту Урала он издает необъективно. Так, на разных таблицах одной статьи помещается одна и та же вещь в разных масштабах и положениях, а ссылки в тексте на разные изображения одного и того же пред-

---

[28] *Матюшин Г. Н.* О корреляции культур юго-запада Сибири, Прикаспия и Ближнего Востока в эпоху мезолита.— В сб.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 66, 74.

[29] *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала, с. 86.

[30] *Матюшин Г. Н.* О корреляции культур..., с. 66; *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала, с. 64, табл. X, *9*, рис. 26.

[31] *Крижевская Л. Я.* Южные связи уральских культур в эпохах позднего каменного века.— Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum, pars 1. Budapest, 1975, s. 177.

[32] *Матюшин Г. Н.* К вопросу о раннем неолите Урала.— КСИА АН СССР, 1975, № 141, с. 25.

[33] *Матюшин Г. Н.* О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита.— СА, 1969, № 4, с. 42, рис. 9, *28*.

[34] *Матюшин Г. Н.* О наконечниках..., с. 145, рис. 1, *4*.

[35] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, табл. 21, *6*, *7*.

[36] *Матюшин Г. Н.* Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья.— КСИА АН СССР, 1971, № 127, с. 125.

мета создают видимость бо́льшего их количества [37]. Публикуя список абсолютных дат по C_{14} для Южного Урала, Г. Н. Матюшин включает даже даты полуострова Ямал и острова Колгуев [38]. Вместе с тем он не находит нужным сообщить, что для стоянки Мурат уголь из энеолитического слоя дал дату 1570±50, т. е. 340 год н. э. (ЛЕ-714), а для стоянки Давлеканово 490±60 или 1460 год н. э. (ЛЕ-778). Даты эти, естественно, вызывают недоумение, которое Г. Н. Матюшину следовало бы как-то разъяснить и уж ни в коем случае их не замалчивать.

Пока дело ограничивалось сознательным искажением Г. Н. Матюшиным только моих научных взглядов, не было желания полемизировать с ним в печати. Однако теперь с появлением ряда публикаций и книги Г. Н. Матюшина ставятся под угрозу основы изучения каменного века Урала, что не может не вызвать тревогу у специалистов. Приемы, которыми пользуется этот автор для доказательства ряда своих положений, зачастую являются недозволенными, антинаучными. Они включают публикацию противоречивых данных, создание наукообразной путаницы, фальсификацию и подтасовку фактов.

---

[37] *Матюшин Г. Н.* О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита.— СА, 1969, № 4, ср. рис. 3, *2, 5, 13, 15, 18* и рис. 6, *2—6*; рис. 2, *2, 8* и рис. 6, *1, 7*; рис. 4, *1, 2* и рис. 6, *11, 12*; рис. 5, *1—3* и рис. 6, *9, 10, 13*, с. 40 (рис. 5, *3*), 41 (рис. 6, *13*) и др.

[38] *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала, с. 306. 307.

Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, 414 с.

Высокий уровень развития кавказской археологии, переживающей сегодня свой подлинный расцвет, обусловлен двумя важнейшими причинами. Одна из них — ежегодный приток новой информации, поступающей в научный фонд кавказоведения в результате повсеместно развернувшихся широких полевых изысканий. Прошедшее десятилетие ознаменовалось повышенным интересом исследователей к древнейшим земледельческо-скотоводческим культурам Кавказа. Это в первую очередь шомутепинская или шулаверская культура, открытая теперь практически на территории всего Закавказья и представляющая здесь самый конец позднеолитической эпохи и энеолит (VI—IV тысячелетие до н. э.), а также последующие по времени куро-аракская и майкопская культуры, указывающие на значительный культурно-хозяйственный подъем кавказских племен в III тысячелетии до н. э.

Значительный прогресс в области реконструкции древнейших страниц истории народов Кавказа обусловлен также появлением серии монографий, в которых добытый материал интерпретируется на уровне современных достижений археологической науки. В этих трудах предприняты принципиально важные разработки ряда узловых вопросов археологии Кавказа. Вместе с тем авторы этих исследований обычно базируются на археологических материалах отдельных областей Кавказа — Закавказья, Грузии, Армении, Прикубанья и др.

Монография Р. М. Мунчаева «Кавказ на заре бронзового века» в отличие от ряда предшествующих работ, носящих в основном региональный характер, базируется на материалах всего Кавказа. Необходимость такого исследования давно назрела и диктовалась прежде всего тем, что развивавшиеся по обе стороны Большого Кавказа древние культуры находились в постоянном взаимодействии. Источниковедческой базой книги послужили обширнейшие археологические материалы из поселений и могильников Кавказа V—III тысячелетий до н. э. Некоторые из этих памятников (поселение Луговое, Бамутские и Усть-Джегутинские курганы) изучены в поле самим автором. Значительно обогатило книгу знакомство Р. М. Мунчаева с подлинными коллекциями музеев Ирана, Ирака и Англии, где хранятся материалы из синхронных памятников смежных с Кавказом областей. Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что автор в течение многих сезонов ведет успешные полевые изыскания в Ираке на памятниках, представляющих вместе с раннеземледельческими поселениями Южного Кавказа по существу один историко-культурный пласт.

В результате перед нами капитальный труд, написанный с привлечением огромного материала. Такая солидная источниковедческая база поднимает десятки крупных и мелких проблем и вопросов. Часть из них получает обстоятельное решение; другие лишь поставлены, и ответы на них не могут быть даны без дополнительных раскопок. При знакомстве с этой фундаментальной работой возникают и некоторые дополнительные соображения, которые хочется высказать в порядке дискуссии.

Рецензируемая книга открывается кратким введением, в котором автор рисует общую картину состояния проблемы зарождения производящей экономики в странах Старого Света, включая Кавказ, а также формулирует задачи своего исследования.

Р. М. Мунчаев с исключительной полнотой излагает историю раскопок на Кавказе, показывает состояние изученности разных культур. В связи с тем что многие статьи и заметки археологов, разбросанные по разным местным изданиям, становятся доступными подчас лишь узкому кругу читателей, собранные в первой главе материалы делают ее исчерпывающей библиографической сводкой.

Как уже было сказано, накопившиеся за последние 10—15 лет археологические материалы позволяют очертить круг проблем, связанных с формированием древних оседлоземледельческих культур в кавказском регионе. Эти проблемы нашли свое полное отражение в рецензируемой книге. Вместе с тем некоторые направления первобытной археологии Кавказа все еще недостаточно обеспечены материалом, слабо разработаны в теоретическом плане. Последнее в полной мере относится к неолиту, памятники которого на археологической карте выглядят пока еще редкими «булавочными уколами». При этом нет необходимости доказывать, сколь весома роль этого периода в процессе формирования последующих земледельческих культур Кавказа, в сложении их конкретно-исторического облика. Именно поэтому вторая глава рецензируемой монографии, где впервые сведены все имеющиеся в настоящее время материалы по неолиту всего Кавказа, приобретает особую актуальность. Помимо четких характеристик специфических особенностей памятников этого периода автор ставит в этой главе вопрос о возможности возникновения на Кавказе первичного очага производящей экономики и в связи с этим о степени влияния переднеазиатских культур на формирование земледельческих культур Кавказа. Затрагивает он и вопросы хронологии.

К сожалению, эти проблемы пока можно только ставить. Совершенно прав Р. М. Мунчаев, говоря, что «неолит Кавказа — тема наименее разработанная в кавказоведении...» (стр. 44). Действительно, кавказский неолит, каким мы его знаем сегодня, представляет собой некую мозаику, набор различных по облику стоянок, отражающих, очевидно, как локальные, так и хронологические особенности неолитической культуры. Расшифровка причин этих особенностей, сопоставление открытых памятников во времени, установление связи той или иной группы стоянок с экологией и, наконец, степень влияния на них южных культур — все это составляет насущные задачи кавказской археологии.

Проблемность и спорность ряда вопросов кавказского неолита побуждает нас высказать некоторые дополнительные соображения. Одно из них связано с определением времени возникновения истоков экономики производящего типа на Кавказе, времени первых шагов земледелия и скотоводства. Напомним, что известные сейчас в широком ареале Южного Кавказа энеолитические поселения (V—IV тысячелетий до н. э.) характеризуют уже сложившуюся оседлоземледельческую культуру. В этот период на полях древних земледельцев выращивались разнообразные виды злаковых, некоторые садовые и огородные культуры; уже приручены бык, овца, коза и свинья. Естественно предполагать, что хозяйство этих общин находилось на стадии развития, далеко оставившей позади время зарождения прогрессивных форм экономики.

Собственно неолитические памятники Кавказа пока не дали остатков культурных растений, что для разных районов может объясняться различными причинами: для Причерноморья с его влажным субтропическим климатом и постоянно действующей активностью леса, где и в древности плохо росли такие злаки, как пшеница и ячмень [1],— длительным переживанием здесь присваивающих форм хозяйства, в ос-

[1] *Киквидзе Я. А.* Земледелие и земледельческий культ в Грузии.— Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975.

новном собирательства; для предгорий и гор Дагестана (зоны произрастания дикорастущих злаков),— слабой изученностью неолитических стоянок. Вместе с тем необходимо согласиться с Р. М. Мунчаевым, который вслед за другими исследователями видит прямое отражение победы «неолитической революции» в появлении на неолитических памятниках Кавказа серии новых орудий, таких, как топоры, тесла, зернотерки, крупные ножевидные пластины; часть из них бесспорно уже использовалась в земледелии. Убедительно подкрепляют эти выводы материалы стоянки Чхортоли, в книге [2] не упомянутой. Значение этой стоянки прежде всего в том, что это единственный неолитический памятник Причерноморья с непотревоженным культурным слоем. Расположение памятника на удобной для земледелия террасе, около реки, достаточно мощный культурный слой, образовавшийся в результате длительной оседлости, значительный процент среди каменных изделий пластин, использовавшихся, очевидно, в качестве жатвенных ножей, находки терок и ступок — все это указывает на земледельческую основу хозяйства чхортольской неолитической стоянки.

В связи со сказанным встает вопрос: отражают ли памятники периода неолита первые шаги производящего хозяйства на Кавказе или его истоки, как в Передней Азии (близкой по экологии к Кавказу), следует искать в более ранней эпохе [3]. Напомним, что здесь ряд стоянок и древних поселений мезолита — раннего неолита (IX—VII тысячелетий до н. э.) дали находки карбонизированных зерен культурных сортов пшеницы, ячменя, чечевицы, льна (Али-Кош, Бейда, Хаджилар, Чатал-Гуюк, Иерихон, Чайюню и др.), а также костей одомашненной козы, овцы и собаки (Натуф, Али-Кош, Зеви-Чеми-Шанидар, Дам-Дам-Чешме, Чайюню и др.). Прогресс в экономике непосредственно сказался и на характере орудий: на поселениях появляются рукоятки и вкладыши жатвенных ножей, которые вместе с терками и пестами свидетельствуют о распространении земледелия.

Определенным тормозом для решения этой проблемы в истории Кавказа является крайне слабая изученность мезолита. Тем не менее уже сейчас на основании добытых материалов можно ставить вопрос о зарождении на Кавказе примерно в это время элементов производящей экономики. К числу важнейших находок, безусловно, относятся такие, как роговое мотыгообразное орудие из пещеры Квачара [4], рукоятки жатвенных ножей из стоянок Сосруко [5] и Чох [6], терочники и песты из Чоха и стоянок Фируз I и II. Сдвиги в хозяйстве характеризует и повсеместное появление микропластинок (Чох, Сосруко, Эдзани) [7], часть из которых должна была использоваться в качестве вкладышей древнейших серпов. Все это указывает на развитие уже в мезолите Кавказа усложненного собирательства, возникшего на базе сборов дикорастущих злаков и завершившегося их культивацией. Закавказье и Дагестан, как известно, являлись областью произрастания многих диких злаковых и плодовых растений, что являлось определяющим моментом в процессе оседания первых земледельцев на землю.

Примечательно и другое — зоологи ставят под сомнение принадлежность костей баранов, козлов и собаки из стоянок Чох и Мекеги (горный Дагестан) диким особям. Это обстоятельство должно еще раз привлечь к себе внимание в свете новейших открытий в соседних с Кавказом областях Прикаспия и Восточной Анатолии, где в мезолитических слоях пещер Белт и Дам-Дам-Чешме открыты кости овцы с признаками доместикации, а на поселении Чайюню — кости прирученной собаки.

---

[2] *Каландадзе А. Н.* Неолитическое селище Чхортоли.— ПАИ — 1972. Тбилиси, 1973, с. 14; *Бердзенишвили Н., Церетели Л., Каландадзе К., Хубутия Г.* Итоги археологических работ Причерноморской экспедиции.— ПАИ — 1973. Тбилиси, 1974, с. 3.

[3] *Гаджиев М. Г., Котович В. Г., Котович В. М.* (Рец.). К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры южного Кавказа. Л., 1970.— СА, 1972, № 2, с. 218.

[4] *Церетели Л. Д.* Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973.

[5] *Замятин С. Н., Акритас П. Г.* Раскопки грота Сосруко в 1955 г.— Уч. зап. КБНИИ, 1957, XIII, рис. 7.

[6] *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, рис. 35.

[7] *Габуния М. К.* Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси, 1976.

Представляется, что все эти пока еще отрывочные данные способствуют постановке новой проблемы в кавказской археологии — проблемы зарождения производящей экономики в недрах общества с присваивающим хозяйством.

С большой тщательностью сведены в третей главе монографии Р. М. Мунчаева материалы по энеолиту Кавказа. Пятилетний интервал между выходом первых сводок по этому периоду [8] и трудом Р. М. Мунчаева совпал с немалым количеством новых открытий. За это время в Закавказье были доследованы некоторые известные ранее памятники (Техут, Шулаверис-гора, Имирис-гора, Арухло и др.), обнаружены и изучены новые поселения (Хатунарх, Гадачрили-гора, Дангреули-гора, Храмис-Дидигора, Аликемек-тепеси и др.). Кроме того, в новую сводку вошли синхронные материалы Северного Кавказа (Нальчикский могильник), которые рассматриваются автором под углом зрения новых данных.

Структура третьей главы логически определяется районированием различных групп памятников, что способствует выявлению локальных особенностей энеолитической культуры Кавказа. Здесь рассматриваются поселения степных и предгорных районов Азербайджана, Араратской и Квемо-Картлийской равнин, Причерноморья, центрального Предкавказья, а также горного Дагестана. Тематика этой главы очень разнообразна. Излагая материал, автор затрагивает такие вопросы, как топография поселений, специфика домостроительства, характер орудий труда и керамических комплексов, особенности погребального обряда. Попутно он касается некоторых вопросов хозяйства древних общинников, делает экскурсы в область культурно-исторических связей. Все это еще раз иллюстрирует ряд принципиально важных положений археологии Кавказа: о значительных прогрессивных сдвигах в материальной культуре энеолитических племен по сравнению с культурой обитателей неолитических стоянок; о постоянном процессе расселения племен в этот период, вызванном ростом народонаселения; о единстве энеолитической культуры Кавказа, с одной стороны, и о существовании двух локально-хронологических вариантов в пределах этой единой культуры — с другой, и, наконец, о близости энеолитической культуры Кавказа и оседлоземледельческих культур Переднего Востока. Этот последний момент особенно важен в плане определения роли Кавказа в кругу раннеземледельческих культур: новейшими открытиями установлено, что хозяйственные завоевания южнокавказских племен V—IV тысячелетий до н. э. были чрезвычайно близки достижениям обитателей в широких границах переднеазиатского мира. Повсюду поселения процветали на базе земледелия. С удивительной наглядностью это проиллюстрировали Г. Н. Лисицына и Л. В. Прищепенко, собравшие в своей недавно вышедшей книге все древнейшие палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. Закавказье ими выделяется в особый центр, где в рассматриваемый период культивировались семь видов пшеницы, четыре — ячменя, просо, рожь, овес, горох, чечевица и виноград [9].

Свободное владение переднеазиатскими материалами, к которому Р. М. Мунчаева привело непосредственное знакомство с памятниками и музейными коллекциями, а также прекрасное знание литературы дали возможность Р. М. Мунчаеву впервые предпринять детальный анализ некоторых типов древней керамики, бытовавших в широком ареале переднеазиатско-кавказского мира. Необходимость такого исследования давно назрела и диктовалась находками фрагментов импортной, главным образом расписной посуды, на поселениях Кавказа поры энеолита. Интерпретация этих находок осуществлялась археологами, как правило, поверхностно и сводилась к достаточно произвольному отнесению тех или иных черепков к широкому кругу халафской или обеидской культур. Конкретные контакты отдельных этнических групп, возникавшие в результате расселения племен или межплеменного обмена и определявшие тенденции в направлениях культурных связей, при этом не прослеживались. Р. М. Мунчаев досконально исследует этот вопрос. Он исходит из правильной предпосылки, что

---

[8] *Чубинишвили Т. Н., Кушнарева К. Х.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа.— Мацне, 1967, № 6; *они же.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 21.

[9] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977, с. 40.

распространение хрупкой, непригодной для дальних транспортировок посуды происходит в результате расселения племен — ее создателей, а не обмена, как это наблюдается, например, в случае с обсидианом. По находкам импортной посуды автор убедительно доказывает разный возраст поселений Кюль-тепе I и Техут, объединяемых исследователями в одну культурно-историческую группу. Им достаточно точно устанавливается близость техутской керамики с северообеидской, на основании чего поселение Техут и поздний слой Тельки-тепе синхронизируются с культурой северного Обеида (а не с Халафом). Привозная же посуда из нижних слоев поселения Кюльтепе I имеет явно халафское происхождение, что позволяет считать это поселение более древним, чем Техут. Следовательно, утверждает Р. М. Мунчаев, в этот период имела место инфильтрация групп населения из Месопотамии на север; на Кавказ эти группы проникали скорее всего через области Восточной Анатолии.

Основываясь на изучении расписной посуды из поселений Кюль-тепе I и Геой-тепе «М», обычно объединяемых археологами в одну хронологическую группу, Р. М. Мунчаев делает вывод относительно того, что Геой-тепе «М», связанное с культурой северного Обеида, моложе Кюль-тепе I и возникло, очевидно, на позднем этапе жизни последнего. Поселение Кюль-тепе I вместе с памятниками Мильской и Муганской степей, имеющих в расписной посуде много общего, тяготеет к культуре восточно-приурмийской зоны, представленной, в частности, такими памятниками, как Яник-тепе. Значительно дополняют поднятый круг вопросов новые материалы из поселений Далма-тепе и Хаджи-Фируз в Солдузской долине с их специфической, тисненой различными узорами посудой (impressed ware). Последняя, как показывает Р. М. Мунчаев, неожиданно находит параллели в керамике шомутепинских, мишарчайских и гинчинского поселений, указывая тем самым еще одно направление древних связей. Здесь импульсы, по-видимому, исходили из выявляемого последними раскопками древнейшего северо-иранского очага раннеземледельческой культуры, развивавшегося независимо от культур Центрального Ирана и Месопотамии.

В результате проведенного исследования уточнились направления и характер межплеменных связей, намеченных еще в 1963 г. А. А. Иессеном [10]. Тогда он впервые указал на близость нахичеванско-мильских поселений с восточно-переднеазиатским миром. Сейчас в этой обширной области вырисовывается конкретный североиранский очаг, связанный с культурой Закавказья и северо-восточного Кавказа.

Таким образом, этот раздел вносит много нового в разработку вопросов движения племен и путей обмена в переднеазиатско-кавказском регионе; это в свою очередь позволяет уточнить и хронологию некоторых энеолитических поселений Кавказа. Безусловно, раздел следовало бы дополнить картой распространения рассмотренных типов керамики и возможных путей продвижения ее носителей. Для иллюстрации межплеменного обмена было бы уместным также приложить карту движения обсидиана в рассматриваемом регионе [11].

К сожалению, в третьей главе рецензируемой книги отсутствует обобщающий раздел, в котором были бы поставлены вопросы о хозяйстве племен V—IV тысячелетий до н. э. (для более позднего периода такой раздел имеется). В результате осталась неподнятой существенная проблема. Дело в том, что земледелие во многих районах Кавказа, где господствовал близкий к современному жаркий, засушливый климат, могло развиваться лишь на основе искусственного орошения. В этом плане автору следовало сделать акцент на первых каналах-рвах, открытых вокруг поселений Арухло [12] и Имирис-гора (они только упомянуты в примечаниях на стр. 91 и 379), а также использовать данные пыльцевого анализа со дна одного из арухлинских рвов [13]. Наличие уже в этот период искусственного орошения подтверждают и палеоэтноботанические находки. Своеобразными индикаторами при этом являются такие культуры, как шестирядный ячмень и виноград, выращивание которых, по мнению ботаников, без искусственного полива невозможно.

---

[10] *Иессен А. А.* Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э.— КСИА АН СССР, 1963, № 93.

[11] *Renfrew C., Dixon J., Cann J.* Obsidian and cultural contact in the Near East.— PPS, 1966, v. XXXII.

[12] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры..., с. 22, рис. 4а.

[13] *Чубинишвили Т. Н.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1972, с. 31.

В связи с проблемой земледелия чрезвычайно интересны некоторые наблюдения о времени зарождения первых оросительных устройств в Закавказье, сделанные археологами в процессе изучения Шулаверской группы поселений. Уклон долины в этом месте позволяет предположить, что древнее население могло забирать воду только из речки Шулаверисгеле [14]. Однако наличие в хозяйственных комплексах самого древнего из четырех поселений, Шулаверис-гора, постоянно встречающихся глиняных емкостей, трактуемых археологами как резервуары для воды [15] (в бережном хранении которой отпала бы необходимость, если бы вода из реки была подведена к поселению), как будто может свидетельствовать о том, что в этот древнейший период жизни оазиса (VI тысячелетие до н. э.), связанный с первичным заселением его земледельцами, искусственная регулировка воды еще отсутствовала [16]. Создается впечатление, что первые шаги в орошении начинаются лишь со времени заселения Имирис-гора (V тысячелетие до н. э.), отпочковавшегося от поселения Шулавери в связи с возросшей численностью населения. В прямой связи с этим находится исчезновение на Имирис-гора и последующих по времени соседних поселениях упомянутых выше резервуаров. Кроме того, вокруг подошвы Имирис-гора открыта выемка, имеющая определенное сходство с каналом. Напомним, что к этому же времени относится поселение Арухло с его рвами. Отсутствие раздела по хозяйству привело к тому, что выпали некоторые данные о находках злаковых и костей животных на энеолитических поселениях Закавказья. Для характеристики удельного веса земледелия, мясного хозяйства и некоторых видов домашних промыслов (обработка шкур животных, камня и кости) очень интересны статистические данные, полученные с помощью трассологического анализа каменных индустрий, а также результаты экспериментального метода. Приведем несколько цифр: вкладыши серпов на поселениях Шулаверис-гора составляли 25%, на Шому-тепе — 24,2%, на Аликемек-тепеси — 32%; так называемые «мясные» ножи, служившие для разделки туш животных, составляли на этих поселениях соответственно 19, 11 и 9,2%; орудия для обработки кости и дерева на Шулаверис-гора и Шому-тепе составляли около 40% [17]. Весьма интересны также результаты метода моделирования, все чаще и чаще используемого археологами. Недавно была установлена, в частности, производительность труда с помощью мотыжек сочи-адлеровского типа [18], изучению которых Р. М. Мунчаев уделяет много внимания. Выяснилось, что за 50 минут с помощью такого орудия можно обработать 12,5 $м^2$ земли при глубине вспашки 15—20 *см*. Эксперименты в поле позволили также определить, что по своей производительности каменные серпы шомутепинских земледельцев лишь в полтора раза уступают металлическим серпам [19]. Подобные данные позволяют воссоздать характер древних трудовых процессов.

Третья глава, посвященная памятникам так называемой куро-аракской культуры, фактически делится на две части. В первой из них дан общий обзор памятников Закавказья III тысячелетия до н. э.; рассмотрены вопросы топографии поселений, их планировочных особенностей, характер домостроительства в различных районах и зонах; подробно проанализированы локальные и хронологические признаки керамики этого периода, намечено районирование отдельных групп поселений.

Вторая, основная часть главы посвящена характеристике и интерпретации одного из вариантов куро-аракской культуры, называемого автором дагестанским или восточно-кавказским. В решение этой проблемы Р. М. Мунчаев внес большой вклад своими предыдущими работами. Вопрос о близости основных черт дагестанской и куро-аракской культур поднимался им неоднократно, однако до недавнего времени между известными в этих областях группами поселений существовал большой тер-

---

[14] *Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973, с. 39.

[15] Там же, с. 31.

[16] *Киквидзе Я. А.* Ук. соч., с. 15.

[17] *Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В.* К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-гора.— КСИА АН СССР, 1972, № 132.

[18] *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 198.

[19] *Коробкова Г. Ф.* Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда (по материалам раннеземледельческо-скотоводческих поселений).— Материалы конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974, с. 14.

риториальный разрыв. В своей книге Р. М. Мунчаев приводит новые материалы из пограничных районов Северного Азербайджана, которые как бы воссоединяют эти две большие группы памятников, подтверждая тем самым правомерность сделанных автором выводов.

Большое место уделено поселениям Дагестана. Здесь наряду с уже известными материалами автор публикует данные о таком уникальном поселении, как высокогорное Галгалатли. Анализируя основные формы материальной культуры дагестанских памятников III тысячелетия до н. э. (особенности домостроительства и очажных устройств, орудия жатвы, предметы вооружения, топоры, посуда), он приводит много убедительных параллелей из синхронных закавказских и восточно-анатолийских материалов, указывающих на единый характер культуры Закавказья и Северо-Восточного Кавказа в III тысячелетии до н. э. Автор делает вывод о том, что дагестанские поселения «не просто тяготеют к куро-аракской культуре, а составляют часть этой большой культурной общности» (стр. 190).

Вместе с тем Р. М. Мунчаев показывает, что восточно-кавказский вариант культуры характеризуют и некоторые специфические местные черты, которые проявляются, в частности, в сосудах с шероховатой поверхностью, получаемой с помощью обмазки жидкой глиной. Как известно, в памятниках закавказского Междуречья ее нет, в то время как в более ранних дагестанских поселениях она встречается. Здесь издревле развивалась местная культура, на которую наслоилась пришлая из Закавказья.

С помощью детального анализа Р. М. Мунчаеву удается проследить близость массовой посуды Дагестана куро-аракского облика с керамикой пограничных районов Закавказья, расположенных около перевальных путей Большого Кавказа. Уже после выхода книги появились новые подтверждения этим наблюдениям. Так, элементы восточно-кавказской культуры, в частности керамика с шероховатой поверхностью, недавно были обнаружены в поселениях Кахети, у южных склонов Большого Кавказа. Как видно, и через эту пограничную область проходил «обоюдонаправленный поток межплеменных связей» [20]. Это дает Р. М. Мунчаеву повод утверждать, что возникновение локального дагестанского варианта было следствием постепенного освоения племенами куро-аракской культуры районов северо-восточного и частично центрального Кавказа. На этом заключении прочно базируется и хронология равнинных и горных районов Дагестана, предложенная автором. Низменные и равнинные районы осваивались пришельцами из Закавказья в первую очередь; это происходило на среднем этапе развития куро-аракской культуры. В дальнейшем, во второй половине III тысячелетия до н. э. население начало проникать в горы.

Рассмотренный раздел дает очень много для трактовки ряда проблем дагестанской археологии. Поставленный в заключительной части главы спорный вопрос о происхождении куро-аракской культуры и сейчас остается открытым. Р. М. Мунчаев приводит все имеющиеся данные по этой проблеме. Некоторые дополнительные соображения уже после выхода книги были высказаны К. Н. Пицхелаури и Щ. Ш. Дедабришвили, проводившими целенаправленные исследования в Кахети. Ими, в частности, устанавливается близость керамики ранней группы куро-аракской культуры (Греми, Сиони, Арашенде и др.) с посудой поселений шулаверского типа. Однако, с точки зрения авторов, эти группы памятников хронологически не смыкаются; они предполагают существование промежуточной стадии развития местной культуры, еще не открытой археологами. На основании этого авторы утверждают, что куро-аракская культура начала формироваться в период энеолита, а ее развитая стадия падает на эпоху ранней бронзы. Иными словами, «куро-аракская культура не является культурой одной эпохи, а представлена в двух последовательных археологических периодах» [21]. Такая гипотеза, очевидно, будет обсуждаться.

К сожалению, автор в этой главе почти не коснулся погребальных памятников Закавказья, как правило, оставляемых исследователями без внимания. Это тем более

---

[20] *Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш.* Археологические исследования на новостройках Кахети.— В сб.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976, с. 15.

[21] *Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш.* Ук. соч., с. 14.

бросается в глаза при ее сопоставлении с главой о майкопской культуре, почти целиком построенной на данных погребений. В таком обобщающем труде следовало как-то затронуть и эту тему. Материалы Уч-Тепинского кургана, исследованного А. А. Иессеном в Мильской степи, неоправданно изъяты из четвертой «закавказской» главы и перенесены в главу о памятниках Северного Кавказа. При некотором сходстве его керамического комплекса с посудой майкопских погребений этот памятник, безусловно, относится к местной закавказской культуре и отражает те социальные сдвиги, которые произошли во второй половине III тысячелетия до н. э. Именно в этот период, к концу III тысячелетия до н. э., и здесь, так же как и на Северном Кавказе, появляются богатые погребения родо-племенной верхушки, свидетельствующие о нарастающей дифференциации общества. Рядом с Уч-Тепинским курганом стоят еще два «великана», бесспорно, воздвигнутые в то же время. На плато Тетрицкаро открыт Беденский курган (не упомянутый в книге Р. М. Мунчаева), в огромную яму которого был помещен деревянный сруб и колесница со знатным покойником, которого сопровождали убитые мужчина и женщина; вокруг обнаружены шкуры животных, драгоценные украшения, уникальные сосуды [22]. Недавно закончились исследования большого кургана в Цнори (Кахети), представляющего собой явление того же порядка [23]. В могильной камере вместе с колесницей был погребен представитель родо-племенной верхушки; его сопровождал убитый мужчина. Одежда знатного покойника была отделана золотыми украшениями, в могиле найдено много изделий из золота, а также разнообразные сосуды. В какой-то мере сближаются с этими памятниками и самые архаичные курганы Триалети. Таким образом, Уч-Тепинский курган не единичен. Его, как нам кажется, следует рассматривать в комплексе с другими памятниками Закавказья, в общем русле общественных изменений, получивших отражение в памятниках всего Кавказа в целом.

Интерес к майкопской культуре, оставившей исследователям своеобразные, великолепные погребения, не ослабевает уже много десятилетий. Дискуссия ведется вокруг таких вопросов, как хронология памятников майкопской культуры, их происхождение, связь с соседними культурами, экономическая база создавшего их общества. Неоценимый вклад в разработку этой проблематики внес своими трудами А. А. Иессен. Серьезным сдвигом в научных спорах явились последующие работы А. А. Формозова. Весьма весомыми в деле изучения майкопской культуры оказались и исследования Р. М. Мунчаева; ему принадлежит открытие в поле и изучение большой серии интересных комплексов, а также интерпретация ряда узловых вопросов майкопской культуры.

К моменту написания монографии Р. М. Мунчаева накопился огромный материал, позволяющий развернуть проблематику майкопской культуры значительно шире, чем это было возможно еще 10—15 лет тому назад. Это и сделано автором в пятой главе, по объему и насыщенности материалом занимающей среди других глав бесспорно ведущее место. В начале главы Р. М. Мунчаев ставит вопрос о границах майкопской культуры. Введение в научный оборот десятков новых памятников значительно раздвинуло ее предполагаемые границы. Теперь можно считать установленным, что она простиралась от Таманского полуострова на северо-западе до Дагестана на юго-востоке; возможно, в ее ареал входили и районы северо-западного Прикаспия. Р. М. Мунчаев прослеживает также динамику развития ареала майкопской культуры; появившись в пределах центрального и западного Предкавказья, она затем распространилась в юго-восточном направлении, вплоть до Чечено-Ингушетии, где соприкоснулась с куро-аракской культурой.

Фактологическая часть главы открывается описанием бытовых памятников, ставших известными за последнее десятилетие (Мысхако, Нальчикское и др.); в этом же разделе подробно характеризуются и такие ключевые поселения, как Мешоко и Ясенова Поляна. Специфической чертой этих поселений является обилие кремневого инвентаря, своим архаичным обликом восходящего к местному неолиту и даже мезо-

---

[22] *Гобеджишвили Г. Ф.* Беденская гробница.— ДПК, 1967, № 12; *его же.* Беденские курганы.— Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971.

[23] *Мамаишвили Н., Пицхелаури К., Дедабришвили Ш.* Краткий отчет о работе Кахетской археологической экспедиции.— ПАИ — 1973. Тбилиси, 1974, с. 17.

литу. Последнее составляет одну из особенностей развития раннебронзовой культуры Северного Кавказа и указывает на некоторое ее отставание от синхронных культур Закавказья. В дальнейшем, под влиянием общего прогресса в хозяйстве и усиления связей с Югом этот архаичный пласт в майкопской культуре постепенно исчезает. К сожалению, значительно меньше информации дает крайне измельченная, почти не поддающаяся реставрации керамика этих поселений.

В основной части главы дана исчерпывающая сводка погребальных памятников майкопской культуры — здесь и такие давно известные могильники, как Майкоп и Новосвободная, и изученные автором обширные погребальные комплексы Усть-Джегутинский и Бамутский. Для того чтобы представить масштаб собранного Р. М. Мунчаевым материала, достаточно сказать, что использованные могильники размещены приме,но в сорока пунктах в пределах распространения майкопской культуры, причем в некоторых из них был раскопан не один десяток погребений.

После четкого и насыщенного информацией описания каждой известной группы майкопских погребений автор переходит к их интерпретации. Особое внимание при этом он уделяет анализу устройства могильных сооружений и погребального обряда, оставшихся обычно вне поля зрения предыдущих исследователей. Предпринятый анализ погребального обряда у племен майкопской культуры дает Р. М. Мунчаеву основание для выделения двух хронологических групп курганов, прослеженных в свое время А. А. Иессеном на основании изучения металлического инвентаря. Несмотря на определенные различия в конструкциях могильных сооружений, их объединяет единый погребальный обряд. Это позволяет Р. М. Мунчаеву говорить о генетической связи этих групп памятников, что подтверждается также существованием выделенной им промежуточной группы курганов. Очень существенно, что трехэтапная структура майкопской культуры, читающаяся по погребальным комплексам, находит подтверждение в выводах, сделанных А. А. Формозовым на основании изучения бытовых памятников. Таким образом, вопрос о генетической связи трех хронологических групп погребений майкопской культуры представляется окончательно решенным.

Подтверждает это и инвентарь погребений. При анализе инвентаря автор уделяет основное внимание керамике, вопросу ее развития во времени. Это вполне оправданно, если учесть, что интересы исследователей в основном были прикованы к уникальным металлическим предметам, находимым в погребениях майкопской культуры. Достаточно сказать, что сосуды из знаменитого майкопского кургана до сих пор не были изданы. Основную массу керамики дал Усть-Джегутинский могильник. Р. М. Мунчаев прослеживает процесс развития посуды в трех хронологических группах погребений и приходит к выводу, что керамические комплексы подтверждают обоснованность выделенных на основании могильных конструкций и погребального обряда этапов майкопской культуры. Таким образом, теперь оказываются прослеженными все компоненты майкопской культуры, что дает право говорить о направлении и характере развития этой культуры в целом.

Таковы позитивные итоги исследования Р. М. Мунчаева, которые существенно дополняют наши представления о майкопской культуре. Они нам кажутся бесспорными, основанными на прочных доказательствах. Вместе с тем в этом чрезвычайно интересном разделе книги имеются и спорные положения, которые, с нашей точки зрения, не могут быть приняты безоговорочно. Речь идет в первую очередь о непосредственных контактах, устанавливаемых автором на основе сходства керамических форм и некоторых других категорий находок в двух значительно удаленных друг от друга областях — Северном Кавказе и Месопотамии. К этому вопросу автор возвращается и в заключительной главе.

Безусловной заслугой Р. М. Мунчаева является предпринятый анализ керамических комплексов майкопской культуры, который ранее в таком объеме из-за отсутствия больших серий сосудов не был осуществлен. Автору удалось вполне убедительно доказать внутреннюю динамику этих комплексов. Действительно, «...керамика, являющаяся наиболее местным слагаемым в составе археологического комплекса, дает обычно множество узко локальных вариаций, разобраться в которых можно лишь при достаточно количественном и хорошо документированном материале» [24]. Показа-

[24] *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов».— СА, 1950, № XII, с. 176.

телем местного происхождения керамики той или иной культурной области являются массовые ее находки в синхронных археологических памятниках. Наблюдается это и в памятниках майкопской культуры — однотипная посуда зафиксирована здесь как в поселениях, так и в погребениях. А. А. Иессен, опираясь на небольшой материал, указывал на то, что широкое распространение керамики майкопского типа позволяет считать ее характерным элементом местного исторического развития. Более того, основываясь на сходстве форм серебряных сосудов и керамики из Майкопа, он предполагал, что первые изготовлены в пределах распространения этой керамики [25].

Нам представляется преувеличенным значение, которое придает Р. М. Мунчаев месопотамскому компоненту в сложении раннего керамического комплекса майкопской культуры. Он прямо пишет, что однотипная посуда ранне-майкопских поселений имеет месопотамское происхождение (стр. 329). При этом аналогии, которые приводит автор, восходят к V—IV тысячелетиям до н. э. (Халаф, Тепе-Гавра, Телль-ат-Теллалат), т. е. отстоят от наших памятников на полтора, а то и два тысячелетия. При безусловном сходстве определенной формы майкопских сосудов (округлые горшки с раструбным венчиком) с сосудами из Месопотамии сопоставляемые экземпляры разделены значительным как территориальным, так и хронологическим разрывом. И это нельзя не учитывать.

Окончательное решение проблемы происхождения майкопской керамики, по-видимому, будет возможным, когда станут хорошо известны керамические комплексы местного неолита и энеолита. Могут пролить свет на решение этой проблемы и находки в западном Закавказье, древнее население которого находилось в постоянных контактах с племенами Предкавказья. В этом плане интересна находка хранящегося в Историческом музее Грузии сферического лощеного горшка с раструбным горлом из энеолитического слоя пещеры Самелеклде.

Все сказанное отнюдь не противоречит смелому предположению Р. М. Мунчаева о том, что гончарный круг мог быть заимствован майкопцами через каких-то посредников из Месопотамии. Это вполне вероятно, хотя бы потому, что гончарный круг из Ура и майкопская посуда, изготовлявшаяся, как показал автор, с помощью аналогичного приспособления, датируются в пределах III тысячелетия до н. э. Как известно, проникновение различных новшеств на большие расстояния — факт, многократно зафиксированный археологическими находками [26].

При установлении связей с Югом, а также при определении датировки майкопской культуры нельзя было обойти молчанием доклад А. А. Иессена, прочитанный им на археологическом пленуме в 1961 г.[27] Это было его последнее выступление, оставшееся нам лишь в виде тезисов и черновых набросков статьи, хранящейся в его архиве. Значение этих тезисов состоит прежде всего в том, что в них намечены линии возможных сопоставлений богатых майкопских комплексов с памятниками Передней и Малой Азии. Сопоставления с памятниками времени Ура он считает неудачными, так как в металлическом оружии и орудиях там господствует иная традиция. Для датировки богатых погребений Прикубанья важным опорным пунктом с его точки зрения должны стать прежде всего погребения Аладжи в Центральной Анатолии. В дальнейшем намеченная им линия сопоставлений должна быть глубоко разработана.

В следующей главе Р. М. Мунчаев раскрывает характерные черты синхронных бытовых памятников Чечено-Ингушетии — исследованные им в поле поселение Луговое и поселения Сержень-Юрт I и II. Расположенная между территорией распространения майкопской культуры, с одной стороны, и дагестанского варианта кура-аракской — с другой, Чечено-Ингушетия явилась той областью, где соприкасались эти две яркие и самобытные культуры Кавказа. Р. М. Мунчаев показывает, что памятники этой области впитали в себя элементы соседних культур, что наложило на них специфический отпечаток. Наиболее наглядно это прослеживается на керамиче-

---

[25] Там же, с. 176.

[26] Сб.: Обмен и торговля в древности.— КСИА АН СССР, 1974, № 138.

[27] *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961. М., 1962, с. 19.

ском комплексе, анализу которого автор справедливо уделил главное внимание. Отметим, что тематика этой главы целиком разработана автором.

Заключительная глава рецензируемой монографии посвящена характеристике хозяйства населения Северного и Южного Кавказа эпохи ранней бронзы. В ней рассматривается хозяйство носителей куро-аракской и майкопской культур. Р. М. Мунчаев подробно останавливается на таких отраслях экономики, как земледелие и скотоводство, а также характеризует металлургическое и гончарное производства Кавказа. Анализ керамики дает ему основание сделать ряд важных выводов: о значительном прогрессе керамического производства, основанного теперь уже на применении гончарного круга и других технологических усовершенствованиях, о выделении его в самостоятельную отрасль хозяйства и др. Здесь же более развернуто еще раз поднимается вопрос о связях майкопцев с Месопотамией, значение которых, с нашей точки зрения, автор несколько преувеличивает. Читая эти страницы, невольно задаешь себе вопрос: каким же образом не были вовлечены в эти непосредственные контакты племена Закавказья, через которое не одно тысячелетие осуществлялись связи Юга с Севером? Правда, в закавказском металле III тысячелетия до н. э. улавливается определенное влияние переднеазиатских культур (топоры, копья, «штыки» и др.), однако здесь господствует совершенно иная керамическая традиция, отличная от той, на основе которой Р. М. Мунчаев считает возможным говорить об оседании на Северном Кавказе отдельных групп людей из Месопотамии (стр. 376).

Далее автор подробно характеризует земледельческую базу племен, обитавших по обе стороны Большого Кавказа. В этом разделе им приводятся убедительные археологические факты, документирующие по крайней мере для Закавказья все этапы земледельческого цикла.

Внедрение пашенного земледелия повсюду, где это происходило, несло за собой радикальные хозяйственные сдвиги. Р. М. Мунчаев, основываясь на находке рогового пахотного орудия из Квацхелеби, приурочивает это событие в Закавказье к III тысячелетию до н. э. Такой точки зрения придерживаются и другие исследователи; высказывались в этом плане и авторы настоящей рецензии. Вместе с тем накопившиеся за последние несколько лет факты побуждают к пересмотру времени первых шагов пашенного земледелия в Закавказье.

Недавно Ю. А. Краснов выдвинул предположение, что внедрение пашенного земледелия в Передней Азии восходит к V—IV тысячелетиям до н. э.[28] Помимо изображений древних рал на пиктограммах Шумера и Элама здесь этому новшеству сопутствовал ряд косвенных признаков. В числе первых исследователь называет наличие искусственного орошения, использование тягловой силы, переход от жатвенных ножей с прямой основой к изогнутым серпам. Р. М. Мунчаев убедительно показал, что в своем хозяйственном развитии южнокавказские племена V—IV тысячелетий до н. э. фактически не отставали от племен, обитавших в это время в Передней Азии. Примечательно, что и в Закавказье в это время начинают осуществляться первые работы по сооружению оросительных устройств (Арухло, Имирис-гора), входит в употребление тягловая сила (колесики от моделей повозок из Кюль-тепе I и Арухло), намечается некоторая кривизна жатвенных орудий. Недавно к этим косвенным признакам прибавилась находка, значение которой для затронутого вопроса неоценимо. Мы имеем в виду роговой предмет из Арухло, трактуемый этнографами как древнейшее закавказское пахотное орудие [29]. Поселение Арухло датируется V тысячелетием до н. э. Имеются и некоторые другие факты, побуждающие удревнить введение этого новшества не только в Передней Азии, но и в Закавказье [30].

Последующие разделы главы посвящены проблемам скотоводства и металлургии на Кавказе. Всесторонне характеризуя скотоводство ряда поселений, каждое из которых, приспосабливаясь к окружающим природным условиям, развивалось по-разному, Р. М. Мунчаев обосновывает очень важный вывод, что в животноводческом хозяйстве

---

[28] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975.

[29] *Чубинишвили Т. Н.* Новые данные к истории раннеземледельческой культуры Квемо-Картли.— ДПК, 1973, № 33, рис. на с. 18 и 19.

[30] *Кушнарева К. Х.* О времени становления пашенного земледелия на Южном Кавказе (К постановке проблемы).— ИФЖ, 1977, № 4.

кавказских племен не было единого направления. Вместе с тем он целиком принимает тезис о раннем сложении на Кавказе яйлажной формы скотоводства, господствующей в ряде районов и поныне. Разработанный в свое время Б. Б. Пиотровским, этот тезис находит все новые и новые блестящие подтверждения в археологических материалах. Подробно освещен в книге и вопрос о коневодстве на Кавказе.

В разделе о металлургии автор поднимает широкий круг вопросов, связанных с меднорудной базой, производством и обработкой кавказского металла, типологией различных категорий изделий, определением их происхождения и т. д. В результате Кавказ в этот период рисуется как крупный очаг металлопроизводства, вовлеченный в широкие международные связи, снабжающий своей продукцией степные племена Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья.

В небольшом заключении Р. М. Мунчаевым собраны все материалы, могущие пролить свет на решение проблемы этнической принадлежности носителей древних культур Кавказа.

Уже сам по себе затронутый круг вопросов говорит о широкой проблематике книги Р. М. Мунчаева, занявшей по праву прочное место в нашей науке. Сделанные замечания и высказанные соображения отнюдь не снижают ценности книги, тем более что часть из них основана на материалах, введенных в научный оборот после выхода монографии Р. М. Мунчаева.

Насыщенная большим фактическим материалом, опирающаяся на открытия последних лет, книга эта наглядно демонстрирует успехи кавказского направления советской археологии, вводит памятники древнего Кавказа в систему культур Переднего Востока, создает почву для дальнейших плодотворных дискуссий.

К. Х. Кушнарева, О. М. Джапаридзе

S. Bökönyi. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1974, 597 p., 150 fig.

В последние десятилетия наблюдается значительное повышение интереса к изучению роли животных в истории человечества. Исследователи опираются на результаты качественного и количественного анализа остеологических материалов из археологических памятников. Формируется особое направление науки — археозоология. Среди проблем, разрабатываемых ею, особенно важны такие, как одомашнивание животных, эволюция пород, а также история животноводства.

Монография известного венгерского археозоолога Ш. Бёкёни «История домашних млекопитающих в Центральной и Восточной Европе» посвящена именно этой проблеме. По обобщенному в ней богатому фактическому материалу, рассматриваемым проблемам и используемой методике она представляет большой интерес для широкого круга специалистов.

Рецензируемая работа основывается в первую очередь на результатах изучения остеологического материала из венгерских археологических памятников с широким использованием литературных данных по всей Европе, причем при интерпретации результатов привлекаются сведения и о современных домашних животных. Такой подход оказывается обоснованным, поскольку территория Венгрии весьма основательно изучена в плане археозоологии (определены остеологические материалы из раскопок 400 археологических памятников, относящихся к периодам начиная с раннего неолита и кончая поздним средневековьем).

Монография состоит из введения, двух основных разделов, перечня археозоологически изученных памятников Венгрии с новыми данными о палеофауне, а также включает таблицы измерения костей и список литературы. В первом разделе книги, озаглавленном «Историческое развитие животноводства в Центральной и Восточной Европе», предлагается анализ общих проблем изучения истории домашних животных и животноводства в рассматриваемом регионе. Отдельные главы посвящены истории животноводства в Венгрии, в Центральной и Восточной Европе, а также анализу факторов, повлиявших на развитие одомашненной фауны.

Автор дает обобщенную картину развития домашних и диких млекопитающих на территории Венгрии. Охарактеризованы степень развития животноводства в различных культурах и его особенности, зависящие от географических условий и этнокультурных традиций. Один из наиболее важных результатов исследований Ш. Бёкёни — выделение и детальная характеристика определенных типов палеофауны памятников различных исторических периодов и археологических культур. На территории современной Венгрии процесс одомашнивания животных достиг наивысшего развития в позднеолитический период, когда в хозяйстве местного населения особое значение приобрели доместицируемые виды — тур и кабан.

Автор подчеркивает значение детального изучения типов палеофауны археологических памятников для уточнения их датировок. Хотя используемая им в этих целях типология разработана на материале, добытом в Венгрии, она представляет широкий интерес, так как может быть использована как принципиальная основа для решения подобных проблем и в других районах. Подробно рассматриваются в книге специфика остеологического материала из поселений и погребений, особенности методики. Подчеркивается, что домашние животные, как и дикие, находятся в связи с определенным комплексом природных условий. Ввиду этого особенности палеофауны могут быть использованы также и для реконструкции природных условий прошлого.

Во втором разделе «Появление видов домашних млекопитающих в Центральной и Восточной Европе» дается подробный анализ истории девяти видов в данном регионе. Описываются предковые формы всех основных домашних животных, морфологические изменения, вызванные доместикацией, наиболее ранние одомашненные формы и их дальнейшая история в разные исторические периоды. Наиболее полно освещается история крупного рогатого скота как важнейшего домашнего животного.

Список археозоологически изученных местонахождений Венгрии включает датировку памятников, место хранения археологического материала и другие сведения, важные для характеристики палеофауны. По большинству памятников приведены цифровые данные.

Большую ценность представляют многочисленные таблицы измерений субфоссильных костных остатков. Содержащиеся в них оригинальные данные создают хорошую основу для решения различных биологических и археологических проблем путем сравнительного морфометрического анализа.

В книге применяется биноминальная номенклатура домашних животных, т. е. самостоятельные латинские видовые названия. Эти названия не соответствуют общепризнанному таксономическому статусу домашних животных, согласно которому они являются лишь внутривидовыми формами предковых видов.

Для обеспечения дальнейшего прогресса в развитии археологии имеет особое значение усовершенствование принципов и методов количественного анализа костного материала. В книге Ш. Бёкёни нет специального раздела, посвященного методике, однако в разных ее главах поставлен и детально обсуждается ряд основных методических вопросов изучения палеофауны. К таковым относится, например, вопрос об «избирательном» характере остеологического материала и путях преодоления обусловленного этим несоответствия результатов «остеологической статистики» реальным соотношениям видов и пород на территории памятника и в его окрестностях. Ш. Бёкёни разработан метод определения количества особей в изучаемых комплексах, представляющий собой перспективную попытку усовершенствования традиционной методики. Его суть заключается в определении числа представленных в материале особей не по всей выборке наиболее многочисленных в ней костей, а по возрастным и размерным группам последних. По сравнению с обычным упрощенным способом установления «минимального количества особей» этот метод дает более объективное представление о числе особей. Следует, однако, отметить, что и он не позволяет точно определить действительное количество особей в материале. Объективность результатов, достигнутых при его применении, зависит от многих обстоятельств, в частности от степени раздробленности костей, сохранности костного вещества остатков, их общего количества и других факторов. Определение возраста отдельных особей по фрагментам костей, из которых состоит основная часть определяемого археозоологического материала, не всегда возможно и оправдано. Вопрос о применении той

или другой методики, очевидно, должен решаться в каждом отдельном случае с учетом характера материала и задач исследования.

Монография Ш. Бёкёни представляет большой интерес для археозоологов и, несомненно, будет содействовать дальнейшему прогрессу этой области науки не только в Венгрии, но и в других странах. Именно подобные обобщающие сводки в первую очередь необходимы для развития теории и методики археозоологии.

К. Л. Паавер

Якутия и ее соседи в древности. Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск, 1975

Рецензируемый сборник — второй выпуск трудов Приленской археологической экспедиции Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Он посвящен памяти выдающегося исследователя — С. И. Руденко. Первый том трудов этой экспедиции вышел в 1970 г.[1] Новый сборник, как и предыдущий, вводит в научный оборот новые материалы по археологии с огромных и до недавнего времени не исследованных областей Северной Азии.

Впервые исследования археологии Северной Азии начаты А. П. Окладниковым еще в 30-х годах. Организованная им Ленская экспедиция в 1939—1946 гг. провела успешные исследования, описание результатов которых заняло целый том «Истории Якутии». Однако тогда было еще рано говорить о выделении культур каменного века на Севере Азии, так же и о сколько-нибудь разработанной периодизации. Не могло быть и речи о точных абсолютных датировках, так как самого метода абсолютного датирования по C^{14} в то время еще не существовало. По определению А. П. Окладникова, первый том «Истории Якутии» был своего рода первым эскизным наброском сложной картины истории многочисленных древних племен и народностей.

В конце 50-х годов начался новый этап в исследовании Севера Азии. Рецензируемый сборник подводит итоги новейшего этапа исследования этой необъятной территории.

Сборнику предшествовали три книги: работа С. А. Федосеевой «Древние культуры Верхнего Вилюя» (М., 1968), где были опубликованы результаты исследований Вилюйской экспедиции за 1959—1963 гг., книга Ю. А. Мочанова «Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии» (М., 1969) и упомянутый первый том трудов Приленской экспедиции.

Руководители Вилюйской и Приленской экспедиций С. А. Федосеева и Ю. А. Мочанов поставили перед собой важную и сложную задачу: провести сплошное археологическое обследование территории, лежащей к востоку от Енисея и к северу от Амура. За последние 10 лет якутскими археологами сделано немало: по рекам Лене, Вилюю, Оленеке, Витиму, Буотоме, Амге, Алдану, Индигирке, Берелехе и Колыме, а также по северо-западному побережью Охотского моря пройдено около 15 тысяч *км*. Открыто большое количество новых археологических памятников.

О значимости открытых экспедициями памятников можно судить по тому, что на них уже ссылаются в работах, выпущенных как в нашей стране, так и за рубежом. В 1967 г. Ю. А. Мочанов открыл стоянку в Дюктайской пещере, а в изданной в 1971 г. в Нью-Йорке книге Бутцера «Среда и археология» материалы этой стоянки привлекаются для разрешения вопроса о путях заселения Америки[2]. О большом значении Дюктайской пещеры говорится и в работах Пауэрса[3] и Смита[4].

Если первый том трудов Приленской экспедиции посвящен главным образом публикации новых материалов, то второй содержит статьи преимущественно обоб-

---

[1] Сб.: По следам древних культур Якутии (предисловие А. П. Окладникова). Якутск, 1970.

[2] *Butzer K. W.* Environment and Archaeology. Second Edition, N. Y., 1971.

[3] *Powers W. R.* Palaeolithic Man in North East Asia. «Arctic Anthropology», X, 1973, N 2. University of Wisconsin Press.

[4] *Smith J. W.* The Northeast Asian-Northwest American Microblade Tradition.— «Journal of Field Archaeology», v. 1, N 3/4, 1974.

щающего характера. Это прежде всего касается таких статей, как «Стратиграфия и абсолютная хронология палеолита Северо-Восточной Азии» (Ю. А. Мочанов), «Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии» (Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева) и др.

В каменном веке Севера Азии авторы выделяют на основании открытых и исследованных ими памятников несколько культур: дюктайскую верхнепалеолитическую, датирующуюся 35—10,8 тысячи лет назад, Сумнагинскую (10,8—6,2 тысячи лет назад), Сыалахскую ранненеолитическую (6,2—5 тыс. лет назад), Белькачинскую (средний неолит, 5—3,9 тысячи лет назад) и Ымыяхтахскую (поздний неолит, 3,9—3,1 тысячи лет назад).

Наиболее важным в исследовании авторов является то, что все их предположения и выводы основаны на большом количестве дат по C^{14}, четкой стратиграфии и палинологических анализах. Такими данными по радиокарбону, палинологии и стратиграфии располагают очень немногие исследователи не только в нашей стране, но и за рубежом. Все это делает сборник весьма ценным научным трудом.

Особую ценность для разработки периодизации и хронологии палеолита Северо-Восточной Азии имеют исследования авторов в долине р. Алдан, где они выявили в цоколе высокой поймы две погребенных террасы (12—13 и 9—10 *м*), которые были не известны геологам. Авторы предлагают новый порядок нумерации террас, причем выявленные ими погребенные террасы относятся к I и II надпоймам. В отложении первой террасы обычно залегают остатки Сумнагинской культуры (IX—V тысячелетия до н. э.), широко распространенной в Северо-Восточной Азии.

Стоянки с остатками «мамонтового» фаунистического комплекса связаны с отложениями II и III террас. Анализируя материалы стоянок, авторы приходят к выводу, что палеолитические стоянки с мамонтовой фауной существуют только до середины IX тысячелетия до н. э. На основании стратиграфических данных авторы предлагают довольно четкую периодизацию плейстоценовых стоянок Алдана (см. рис. II).

Радиоуглеродные даты и данные стратиграфии алданских террас позволяют предполагать, что стоянка Эжанцы имеет возраст примерно 35 тысяч лет, стоянки Ихине I (горизонт «В»), Ихине II (горизонт «С») и Усть-Миль II (горизонт «С») — 34—31 тысячу лет, стоянки Ихине II (горизонт «А») — 24—20 тысяч лет, стоянка Верхне-Троицкая и Нижне-Троицкая — 20—18 тысяч лет, Дюктайская пещера (горизонт «С») — 16—15 тысяч лет, Дюктайская пещера (горизонт «В») — 15—13 тысяч лет, Дюктайская пещера (горизонт «А») и стоянка Усть-Миль II (горизонт «А») — 13—11,5 тысяч лет.

Несколько радиоуглеродных дат получено также для некоторых палеолитических стоянок Северо-Восточной Азии, расположенных за пределами долины р. Алдана. Для стоянки Берелех радиоуглеродные даты расположены в интервале 13—12 тысяч лет. Дата 10 600±90 (ЛЕ-998), очевидно, является неточной, так как повторный анализ того же образца дал датировку 12 930±80 (ГИН-1021), которая хорошо согласуется с возрастом образцов ЛУ-147 и ЛУ-149 (см. рис. X).

Для третьего и четвертого культурных слоев стоянки Макарово II имеются даты 11 400±500 (ГИН-480 б), 11 860±200 (ГИН-480 а) и 11 950±50 (ГИН-481).

Значительные новые данные приводятся и по абсолютной хронологии голоценовых культур Северо-Восточной Азии, главным образом на материалах стоянки Сумнагин I, в которой насчитывается 48 хорошо выраженных гумусированных прослоек, отделенных друг от друга стерильными прослойками. Таким образом, эта стоянка имеет более четкую стратиграфию, чем стоянка Белькачи I. Культурные слои хорошо датированы 28 анализами по C^{14}. К этому следует добавить, что ранее на стоянке Белькачи I было получено 27 дат по C^{14}.

На основании радиокарбонных дат, палинологических и стратиграфических данных авторы предлагают следующую предварительную хронологию голоценовых культур Алдана:

Сумнагинская (палеолит) —10600±100——6000±100 лет назад
Сыалахская (неолит) — 6000±100——4900±100 лет назад
Белькачинская (неолит) — 4900±100——3800±100 лет назад
Ымыяхтахская (неолит) — 3800±100——2900±100 лет назад

Усть-Мильская (бронза) — 2900±100——2000±100 лет назад
Культурные комплексы
раннего железного века — 2000±100——500±100 лет назад

Материалы сборника представят интерес не только для отечественных специалистов, но и для исследователей древних культур зарубежной Азии и Америки. В материалах Дюктайской культуры можно впервые более или менее четко проследить некоторое сходство палеолитических культур Северо-Восточной Азии и Америки. Это важное открытие авторов.

До недавнего времени наиболее древние стоянки каменного века Америки относились к культуре кловис [5] или ллано, датирующихся между 11 500—11 000 лет назад. В последующее время традиции кловис получили развитие в комплексах типа Фолсом и Мидленд. Длительные споры о происхождении культуры кловис сводятся к тому, что культура эта могла происходить или от населения, заселявшего территории южнее Канады [6], или же, наоборот, от более северных племен [7].

Предположение, что кловис сложилась южнее Канады, недостаточно обосновано, поскольку так называемые докловисские памятники малочисленны, а их датировка остается спорной. Большинство исследователей склоняется к северному происхождению культуры кловис.

Наиболее типичны для культуры кловис двусторонне обработанные наконечники удлиненной формы с выемкой или скосом в основании. Иногда встречаются с ними также наконечники с цилиндрическим или скошенным основанием, изготовленные из костей и бивней. Типичны также ножи с двусторонней обработкой из тонких отщепов, концевые и боковые скребки на отщепах и пластинах, пластины с выемками, различные бифасиальные заготовки, разнообразные орудия из кости и бивней.

Истоки этой культуры большинство исследователей каменного века Америки видят в палеолите территории СССР. Например, В. Хайнес пишет, что «коллекции предметов культуры кловис больше похожи на коллекции со стоянок охотников на крупных животных верхнего палеолита в Старом Свете, чем какие-либо из возможных докловисских коллекций в Новом Свете. Сходство наблюдается в костяных наконечниках со скошенным основанием (Мальта), применении красной охры (Мальта), бифасиальных наконечниках метательных орудий (с подтесанным основанием) из Костенок, концевых скребках (Костенки), пластинах с призматических нуклеусов (многие стоянки), в шлифованных дисках из кости (Афонтова гора), ножах из отщепов и очагах в мелких углублениях» [8].

Бифасиальные орудия были найдены в нижнем слое Дюктайской пещеры, равно как и сходные с кловисскими подтреугольные ножи и другие орудия, на основании чего автор относит ряд памятников Америки к локальным культурам дюктайской традиции (стр. 29). Однако большая часть материалов дюктайской культуры представлена мелкими пластинчатыми изделиями и клиновидными нуклеусами, которые не имеют прямых аналогий в культуре кловис Америки. Кроме того, у дюктайских наконечников отсутствуют кловисские выемки. Эти обстоятельства как будто бы не позволяют видеть истоки каменного века Северной Америки в дюктайской культуре. Однако совсем недавно в Америке выявлены памятники иной, чем кловис, культурной традиции. Это прежде всего комплексы Дэнэли [9], Акмак [10], Галлахер [11] на Аляске, где так же, как и в Дюктае, представлены микропластины.

---

[5] *Hester J. J.* Origins of the Clovis Culture: XXXVI Congresso International de Americanistas, Sevilla, v. 1, 1966, p. 129—142.

[6] *Bryan A. L.* Early Man in America and the Late Pleistocene Chronology of Western Canada and Alaska. Current Anthropology, v. 10, N 4. Chicago, 1969, p. 339—365.

[7] *Haynes C. V.* Time, Environment and Early Man.— «Arctic Anthropology». University of Wisconsin Press, v. 8, N 2, 1971, p. 3—14.

[8] *Хайнес В.* Охотники на мамонтов в СССР и в США. В сб.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976, с. 536.

[9] *Вест Ф. Х.* Археологический комплекс Тангл-Лейк (Центральная Аляска) и его связь со Старым Светом.— В сб.: Берингия в кайнозое.

[10] *Anderson D. D.* Akmak. An Early Archaeological Assemblage from Onion Portage, Northwest Alaska. Acta Arctica. København, Munksgaard, v. 16, 1970, p. 89.

[11] *Диксон Е. Джеймс.* Стоянка Галлахер Флинт — археологический памятник на северном склоне хребта Брукса (Арктическая Аляска) и ее отношение к Берингийской суше.— В сб.: Берингия в кайнозое.

Некоторые американские исследователи считают, что носители дюктайской культуры пересекли Берингию в то же время, как и предшественники культуры кловис [12]. Ф. Вест, исследовавший недавно группу стоянок в районе оз. Тангл в центральной Аляске, пишет, что «нет каких-либо обоснованных аргументов против того взгляда, что эти комплексы по характеру относятся к Старому Свету» [13]. Д. Диксон считает, что «ранее 10 000 лет назад существовала единая культура, охватывающая район, погруженный теперь на дно Берингова моря, Аляску и, возможно, Восточную Сибирь. Основой этой культуры была охота на крупных млекопитающих. Она постепенно продвигалась внутрь континента. Носители ее и были предками как алеутской, так и эскимосской культуры» [14].

Определенный интерес представляют некоторые общие выводы Ю. А. Мочанова, сделанные на основе исследованных им же памятников (стр. 29—30). Он предполагает, что в палеолите Северной Азии можно выделить две типологически отличные друг от друга культурные традиции. Одну из них он называет дюктайской, вторую — мальтинско-афонтовской. Думается, что автор прав в отношении истоков дюктайской культуры, лежащих, видимо, в палеолите Южного Урала, Казахстана и Монголии. Исследование раннепалеолитической стоянки Мысовой на Южном Урале [15] действительно свидетельствует в пользу довольно раннего сложения на этой территории своеобразного «бифасиального» культурного пласта, который, видимо, и лег в основу формирования дюктайской, а позднее и северо-американских культур позднего палеолита.

Видимо, нужно согласиться с автором и в том отношении, что процесс сапиентации начался в Азии не на 20 тысяч лет позднее в сравнении с Европой, а примерно в одно и то же время и что верхний палеолит имеет в Азии тот же возраст, что и в Европе.

Конечно, далеко не все выводы авторов можно признать бесспорными и окончательными. Даже и они сами замечают, что ареалы выделяемых ими культур поражают «необъятностью» своей территории. В большей части они захватывают весь Северо-Восток Азии, от Лены до Колымы, и от Вилюя до Маи, т. е. охватывают всю Сибирь от притоков Енисея до побережья Охотского моря и Северного Ледовитого океана. Выделение культур произведено пока лишь по самым общим признакам, и в процессе дальнейших исследований могут быть выделены новые культуры и их локальные варианты, новые хронологические этапы.

В отдельных случаях авторы спешат с выводами, отвергая устоявшиеся в науке определения без достаточных оснований. Например, Ю. А. Мочанов полностью отвергает термин «мезолит», заменяя его термином «голоценовый палеолит» (стр. 18 и др.). Не исключено, что своеобразием исторического процесса на Севере Азии было то, что мезолитическая стадия здесь не проявилась, а неолитическое хозяйство было полностью заимствованным, и, таким образом, эта область восточного полушария действительно миновала мезолитическую фазу развития, так же как Скандинавия и Северо-Восток Европы, как полагает С. К. Козловский [16]. Однако данных в пользу такого предположения еще очень мало, поэтому пока, видимо, целесообразнее сохранить общепринятую терминологию. Разработка новой таксономии в археологии давно назрела, но при отсутствии четко обоснованных единых критериев для выделения новых таксономических единиц более правильно пользоваться старой терминологией, что поможет избежать лишней путаницы при сопоставлении материалов с различных территорий.

При обосновании периодизации и при выделении культур авторы опираются на материалы стоянок Сумнагин и др., однако в сборнике отсутствуют таблицы иллюстраций, показывающих основные формы, характерные для той или иной культуры. Особенно важно это для сумнагинской культуры, так как именно эту культуру

---

[12] Там же, с. 467—475.

[13] *Вест Ф. Х.* Ук. соч., с. 453.

[14] *Диксон Е. Джеймс.* Ук. соч., с. 474.

[15] *Матюшин Г. Н.* Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты.— КСИА АН СССР. 1973, № 136, с. 67—76.

[16] *Kozlowski S. K.* Introduction of the History of Europe in Early Holocene.— In: The Mesolithic in Europe, Warszawa, 1973.

Ю. А. Мочанов относит к «голоценовому палеолиту». Здесь просто необходима таблица инвентаря из соответствующих слоев стоянки Сумнагин I, так как их отнесение к палеолиту вызывает сомнения. Думается, что эту культуру скорее можно назвать мезолитической, чем палеолитической. В пользу этого свидетельствует прежде всего то, что она существенно отличается от предшествующей позднепалеолитической культуры, хорошо представленной в Дюктайской пещере (кстати, хорошо показанной на иллюстрациях в обоих сборниках). Ю. А. Мочанов считает, что резкие различия материалов дюктайской и сумнагинской культур объясняются тем, что к началу голоцена все дюктайцы переселились на восток (и в конечном счете — в Америку), а их место заняли сумнагинцы. Но подобные резкие различия между позднепалеолитической и раннемезолитической культурами хорошо прослежены на широкой территории, в том числе и в Западной Европе. Объясняются они необходимостью приспособить технику обработки камня и весь инвентарь к тем изменениям природной среды, которые произошли в конце плестойцена. Именно эти особенности инвентаря раннеголоценовых и финальноплейстоценовых памятников и составляют суть мезолитических культур. Следовательно, в отличиях сумнагинской культуры от дюктайской можно видеть общее явление, приведшее к смене палеолитических культур мезолитическими.

В статьях Л. Г. Ивашиной и Э. Л. Климашевского — «Могильник Бухусан», С. А. Федосеевой — «Древние культуры долины Маи» и «Стоянка Конзабой — памятник ымыяхтахской позднеолитической культуры на Колыме», А. Н. Алексеева «Джикиндинское погребение (памятник белькачинской неолитической культуры на Олекме)», И. В. Константинова — «Новые материалы о захоронениях якутов XVIII века», приводятся интересные сведения о новых, исследованных авторами памятниках неолита и раннего металла Якутии и прилегающей к ней территории. Важно отметить вывод С. А. Федосеевой об общей демографической тенденции развития приленских культур, проявляющейся «в распространении их из южных районов Якутии в северном направлении». Однако, если это в значительной степени обосновано для ымыяхтахской культуры и доказывается сопоставлением радиоуглеродных дат стоянок из различных районов обширной территории, включающей Якутию, Таймыр и Чукотку, то в отношении других культур, пока никаких данных на этот счет нет. Обращают на себя внимание довольно интересные наблюдения в статье Л. Г. Ивашиной и Э. Л. Климашевского о значительной близости ряда археологических памятников Забайкалья эпохи неолита и бронзы одновременным памятникам Якутии.

Интересны выводы, содержащиеся в статьях С. В. Иванова («К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов»), В. М. Зыкова («К вопросу о происхождении многоугольных построек якутов») и И. В. Константинова («Происхождение якутского народа и его культуры»). В последней работе делается серьезная попытка решить проблему, исходя из всестороннего анализа археологических, антропологических, лингвистических и фольклорных материалов.

Отдельно следует остановиться на статье Н. В. Лесковой и С. А. Федосеевой «Химический состав бронзовых изделий Усть-Мильской культуры Якутии», основанной на данных спектрального анализа. В ней даются важные для исследователей древней металлургии Сибири сведения о якутских медно-бронзовых изделиях I тысячелетия до н. э., которые изготовлялись как из меди с небольшими естественными примесями, так и из оловянистых и мышьяковистых, а также смешанных мышьяковисто-оловянистых бронз. Один из выводов авторов представляется сомнительным. Они считают возможным сделать заключение о заимствовании технологии изготовления бронзовых изделий (в контексте речь идет о технологии изготовления бронзовых сплавов) из Прибайкалья, Забайкалья и других территорий (стр. 105—111). Но ведь не доказано, что местные якутские металлурги имели в своем распоряжении и разрабатывали медные, оловянистые и мышьяковистые руды. Гораздо более вероятно, что в Якутию поступал готовый металл, возможно, в виде изделий из разных источников, который и использовался для отливки здесь местных изделий. Такими источниками для рассматриваемого времени в конечном счете могли быть некоторые области, где установлена древняя добыча металлов, ближайшими из которых являлись на юге — Забайкалье, а на юго-западе — значительно более отдаленные Тува и Минусинская

котловина. При этом в Забайкалье шла в дело оловянистая бронза, а в Туве и в Минусинской котловине в основном мяшьяковистая. Следует отметить, что форма известных якутских бронзовых ножей Усть-Мильской культуры совершенно аналогична одной группе бронзовых ножей из Забайкалья, более характерных для его северных районов, находящихся в непосредственном соседстве с южной Якутией.

В целом публикация сборника «Якутия и ее соседи в древности» — важное событие в археологии Сибири. Успешно начатая учеными Якутии работа в области изучения исторического прошлого народов Северо-Восточной Азии, должна получить дальнейшее развитие и найти свое отражение в сборниках и монографиях.

Ю. С. Гришин, Г. Н. Матюшин

Работы по археологии в «Трудах Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР» (вып. 48 и 52). Саранск, 1975, 1976

Систематическая публикация материалов и исследований по археологии Поволжья давно стала традицией «Трудов Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР». На страницах сборников выступают археологи местных научных центров, Москвы, Ленинграда и других городов. Сами сборники по праву стали настольными книгами для исследователей древней и средневековой истории народов Поволжья. В 1975—1976 гг. вышли в свет два сборника «Трудов», содержащие работы по археологии [1]. В первом из них (вып. 48) такого рода публикации занимают около половины объема, другой (вып. 52) целиком посвящен вопросам археологии.

В сборниках помещены обстоятельные статьи о жизни и деятельности видных советских ученых, исследования которых имели большое значение для развития археологии и древней истории Поволжья: П. П. Ефименко («Труды», вып. 48; автор П. Н. Третьяков) и А. П. Смирнова («Труды», вып. 52; автор Г. А. Федоров-Давыдов), а также редакционная статья, посвященная памяти неутомимого исследователя этнографии и археологии мордвы П. Д. Степанова.

Бóльшая часть статей в рецензируемых сборниках — исследования актуальных вопросов древней и средневековой истории Западного Поволжья по археологическим данным.

Древнейшей истории Мордовии посвящена статья В. Н. Шитова «Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье» (вып. 52, с. 24—87). Этот период в Западном Поволжье изучен слабо, обобщающие работы по всей территории и отдельным ее регионам отсутствуют. Статья В. Н. Шитова написана по материалам более 30 памятников, расположенных в долинах рек Мокша и Вад. В ней даны подробное описание памятников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот, классификация материала, сделаны интересные исторические выводы. На территории Мордовской АССР впервые выделены мезолитические памятники, близкие волго-окскому мезолиту. Эту близость автор объясняет общностью происхождения или общими компонентами в процессе формирования. Некоторые памятники отнесены В. Н. Шитовым к периоду, переходному от мезолита к неолиту. В материалах неолитических пáмятников преобладает ямочно-гребенчатая керамика, которую автор относит к балахнинской культуре раннего и развитого этапов. Не исключено, что в дальнейшем здесь будет выделен особый локальный вариант культурной общности с ямочно-гребенчатой керамикой. Интересна группа накольчатой керамики, которая залегает в тех же слоях, что и ямочно-гребенчатая. В. Н. Шитов условно связывает ее появление

[1] Материалы по археологии и этнографии Мордовии.— Тр. МНИИЯЛИЭ, вып. 48. Мордовское книжное изд-во. Саранск, 1975, 192 с. с. илл.; Материалы по археологии Мордовии.— Там же, вып. 52, 1976, 174 с. с илл.

в Примокшанье с влиянием волго-камской культуры, не отрицая других возможных решений. Хорошо представлены в работе материалы поселений волосовского типа. Автор склонен выделять здесь особый вариант волосовской культуры, однако не определяет его характерных особенностей. В керамике этих поселений прослежены определенные черты, свойственные первоначально балахинской, а позднее поздняковской керамике. Нельзя не отметить, что выводы В. Н. Шитова сделаны на все еще ограниченном материале, полученном в результате сборов и небольших шурфовок. Это заставляет отнестись к ним с осторожностью. Становится очевидной настоятельная необходимость крупных стационарных раскопок памятников каменного века на территории Мордовской АССР.

Две статьи посвящены проблеме происхождения мордовских племен по археологическим данным.

В. И. Ледяйкин в работе «О преемственности между городецкой и древнемордовской культурами» (вып. 48, с. 37—45) вновь обращается к вопросу об истоках культуры населения, оставившего могильники I тысячелетия н. э. в Западном Поволжье. Этот вопрос, казалось бы, давно разрешенный установлением преемственности между памятниками городецкой культуры и появившимися на ее территории в I тысячелетии н. э. грунтовыми могильниками [2], в последнее время вновь превратился в дискуссионный, на мой взгляд, без достаточных к тому оснований. Автор приходит к выводу, что население, оставившее рязанскую и другие группы могильников Западного Поволжья, «было автохтонным, генетически связано с местным населением предшествующей эпохи» (с. 42), что «культура ранних могильников выросла на местной (городецкой) основе» (с. 44). Эта точка зрения, а также аргументация, приведенная автором, далеко не новы.

Одновременно автор считает возможным разделять высказанную П. Н. Третьяковым мысль, что «распространение рядовых могильников у финно-угров Волго-Окской области следует рассматривать как следствие проникновения в местную среду волго-камских этнических элементов» [3]. Пришельцы, как считает В. И. Ледяйкин, установили мирные отношения с аборигенным городецким населением, которое переняло у них погребальный обряд и некоторые элементы материальной культуры, но быстро их ассимилировало. Таким образом, фактически признается двухкомпонентность средневековой культуры мордвы. Это положение не кажется убедительным. Нет никаких оснований считать, что обряд захоронения в землю не мог возникать у разных народов самостоятельно, без инфильтрации населения с соседних территорий, как это утверждает автор (с. 45). Сходство обряда погребения в могильниках Прикамья и Западного Поволжья носит лишь самый общий характер. Вряд ли можно говорить о «преемственности вещевых комплексов древнемордовских могильников с пьяноборскими» (там же): речь может идти лишь о том, что в могильниках Западного Поволжья встречаются предметы, которые можно генетически связывать с Прикамьем. Но это явление вполне объяснимо и без допущения инфильтрации сколько-нибудь значительных групп населения из Прикамья. В. И. Ледяйкин пишет, что наиболее ранние грунтовые могильники Западного Поволжья «располагаются ближе к территории Прикамья, к ареалу памятников пьяноборской культуры» (с. 44). Такой закономерности в действительности не наблюдается. Неточно, что западная граница грунтовых могильников Прикамья в I тысячелетии до н. э. «лишь на нижнем течении р. Камы доходила до Волги» (там же): известные Ахмыловский, Акозинский и Чурачикский могильники расположены значительно западнее.

Весьма спорно и разделяемое автором представление, что городецкая культура с начала нашей эры утрачивает свои основные признаки и перерастает в новую культуру, совпадающую с ареалом городецкой и называемую древнемордовской (с. 37). Четкие признаки такой археологической культуры, убедительно позволяю-

---

[2] *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, № 28; *его же.* Железный век Чувашского Поволжья.— МИА, 1961, № 95; *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура.— САИ, вып. Д 1—14. М., 1965; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961.

[3] *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, с. 293.

щие отличать ее от городецкой на позднем этапе развития [4], никем еще, в том числе и автором рецензируемой статьи, не были убедительно сформулированы. Сомнительна сама необходимость выделения этой культуры. Именно это обстоятельство позволяет ставить в ряд дискуссионных достаточно убедительно аргументированное в свое время положение о преемственности городецкой культуры и населения, оставившего раннесредневековые могильники мордвы, муромы и других племен Западного Поволжья. Вряд ли удачно и название этой культуры — древнемордовская. В раннем средневековье в ареале городецкой культуры складывались различные племена, среди которых кроме мордвы-эрзи и мордвы-мокши письменные источники называют мурому и мещеру. Рядом особенностей в материальной культуре и обряде погребения выделяются рязано-окские могильники, которые вряд ли возможно столь безоговорочно, как это делает В. И. Ледяйкин, относить к мордовским [5]. По-видимому, они оставлены племенами, лишь родственными эрзе и мокше, которые объединяются собирательным термином «мордва». Попытки отнести все могильники Западного Поволжья только к мордве [6] нельзя признать удачными.

В небольшой статье «К вопросу о субстрате селиксенской культуры» (вып. 52, с. 141—146) М. Р. Полесских, не приводя новых археологических или иных данных, еще раз повторяет свою гипотезу о происхождении мордвы-мокши [7]. По его мнению, «субстратным ядром в формировании культуры древнейшей мордвы, выраженной могильниками селиксенского типа, были послеананьинские компоненты, вобравшие в себя компоненты местные, городецкого происхождения» (с. 145). Спорность этого тезиса уже отмечалась в литературе [8], на это обращалось внимание выше. Дальнейшее смешение селиксенского и пришлого кошибеевского населения привело, по мнению М. Р. Полесских, к формированию мордвы-мокши, этнические признаки которой достаточно четко выступают уже в армиевское время. Отметим, что в рассматриваемой статье М. Р. Полесских отказывается от своей прежней точки зрения, что височная привеска с грузиком является важнейшим этническим признаком женского наряда мордвы-мокши. Теперь он считает это украшение «изначально общемордовским» (с. 145, прим. 2). Эта точка зрения, слишком поспешно принятая некоторыми археологами, давно требовала пересмотра.

Представляется преждевременным употребление автором в данной статье термина «селиксенская культура». Очевидно, введение в научный оборот новых археологических культур должно происходить лишь после всестороннего обоснования необходимости такого введения, после выделения комплекса признаков, характеризующих данную археологическую общность и позволяющих отличать ее от соседних общностей того же порядка.

В. И. Ледяйкин и М. Р. Полесских, рассматривая в своих статьях дискуссионные вопросы, не привлекают новых данных, новых аргументов, не предлагают новых путей и методов анализа материала. Очевидно, что единственный путь к разрешению этих вопросов — создание прочной источниковедческой базы, отвечающей растущим требованиям современной науки. Это прежде всего проведенная по единой системе полная научная публикация многочисленных могильников, раскопанных на территории Западного Поволжья и до сих пор целиком не введенных в научный оборот, уточнение их датировок и периодизации, систематизация и тщательное сопоставление керамических материалов поздних городецких памятников и ранних могильников этой территории.

Исследованию культурных и экономических связей Западного Поволжья по археологическим данным посвящены статьи А. В. Циркина «Культурные связи мордвы

---

[4] *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Ук. соч., с. 5, 14, 15.

[5] Той же точки зрения придерживаются и некоторые другие авторы сборников.

[6] *Степанов П. Д.* Древняя история мордвы-эрзи.— Тр. МНИИЯЛИЭ, 1968, вып. 34, Тр. МНИИЯЛИЭ, 1970, вып. 39.

[7] *Полесских М. Р.* Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши.— В сб.: Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965; *его же.* Вопросы этногенеза мордвы в свете новых археологических открытий.— В сб.: Вопросы финноугроведения, вып. V. Йошкар-Ола, 1970.

[8] *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 94, 95; *Вихляев В. И.* К вопросу о генезисе древнемордовской культуры.— В сб.: Вопросы советского финно-угроведения. Саранск, 1972.

с прикамскими племенами во II—X веках» (вып. 48, с. 46—57) и И. М. Петербургского «К вопросу об экономических связях мордвы в I — начале II тысячелетия н. э.» (вып. 52, с. 127—140). Здесь приводится обширная, хотя и не исчерпывающая сводка материалов, которые могут быть привлечены для исследования проблемы. И. М. Петербургский делит историю экономических связей древней мордвы на периоды: первый (I—V вв.) — преобладание торговых связей с югом и Прикамьем; второй (VII—XI вв.), характеризующийся экономическими контактами с алано-хазарским миром, Волжской Булгарией и Русью (с. 136, 137). В промежуточное время между этими периодами находки импортных вещей в памятниках мордвы, по мнению И. М. Петербургского, единичны. Последний тезис кажется необоснованным. В статье А. В. Циркина какой-либо исторический подход к анализу культурных связей отсутствует.

При анализе экономических связей древних племен по археологическим данным необходимо провести большую источниковедческую работу, которая позволила бы четко различать вещи, изготовленные у одних племен и встреченные на территории других, от местных вещей, изготовленных по иноземным образцам, и от вещей, которые оказываются сходными в результате заимствования от какого-то третьего племени или народа, а также в результате сходного пути развития украшений и деталей костюма у родственных племен. Необходимо исследование ареалов вещей, установление путем картографирования районов их наибольшего распространения и т. п. Подчас оказываются недостаточными традиционные типологические методы, которые необходимо дополнять металлографическим, технологическим и другими анализами. Такая работа А. В. Циркиным и И. М. Петербургским, к сожалению, не была проделана, поэтому многие их выводы вызывают возражения или представляются недоказанными. Так, нет оснований считать кольцевые застежки простых типов, спиральные перстни, бутылъчатые и трапециевидные привески, а также некоторые другие украшения, найденные в прикамских и марийских могильниках I тысячелетия н. э., «мордовскими украшениями», «вещами мордовского производства», как это делает А. В. Циркин (вып. 48, с. 48, рис. 4): все эти вещи имели широкое распространение у многих финно-угорских и балтских племен Восточной Европы. Не могут считаться прикамскими пряжки, изображенные на рис. 2, *20, 21* к статье А. В. Циркина. Ряд украшений финно-угорских типов, а также втульчатые топоры, найденные в Большетарханском и Танкеевском могильниках, вряд ли можно использовать для доказательства «вывоза изделий ремесла» из мордовских земель, как это делает И. М. Петербургский (вып. 52, с. 134, 135): среди населения, оставившего названные могильники, был более или менее значительный финно-угорский компонент; этим людям, очевидно, и принадлежали указанные вещи. Нельзя согласиться, что «мордовский экспорт ярко представлен в восточнославянских древностях»: большинство вещей, ссылками на которые аргументируется этот тезис (с. 135, 136), найдены на памятниках, расположенных в пограничье славянских и балтских или славянских и финно-угорских (но не мордовских) земель и принадлежит этому смешанному населению. Изделия с эмалью, пальчатые фибулы и некоторые другие предметы, которые И. М. Петербургский приводит для доказательства экономических связей мордвы со славянскими племенами в V—VII вв. (с. 132, 133), в современной археологии не считаются славянскими. К сожалению, перечень ошибочных и весьма сомнительных положений в статьях А. В. Циркина и И. М. Петербургского можно значительно увеличить. Все это сильно снижает научную ценность их работ.

В ряде статей рассматриваются отдельные аспекты хозяйства и культуры мордовских племен I — начала II тысячелетия н. э.

В. Н. Шитов в статье «Вооружение мордвы во второй половине I тысячелетия н. э.» (вып. 48, с. 69—82) проделал тщательный анализ предметов вооружения из погребений Старокадомского и Шокшинского могильников, на основании которого сделаны интересные выводы об изменении характера военной организации общества. Прослежена тенденция к уменьшению количества погребений с оружием в VIII—X вв. по сравнению с V—VII вв., что объясняется уменьшением роли рядовых общинников в военном деле. Об этом же свидетельствует изменение характера самого оружия, например смена типов копий. Очевидно, здесь нашло отражение изменение социальной структуры мордовского общества периода военной демократии и начала

складывания классовых отношений. Проделанная В. Н. Шитовым работа весьма интересна. Хочется, чтобы она была продолжена на более широком материале.

В статье «Орудия земледелия мордвы в I — начале II тысячелетия нашей эры» (вып. 48, с. 58—68) И. М. Петербургский дает сводку находок лесорубных топоров, серпов, мотыжек, сошников, наральников, плужных лемехов, зернотерок и жерновов на поселениях и в могильниках мордвы. Сделаны некоторые наблюдения над технологией их изготовления. Автор приходит к выводу, что земледелие на протяжении всего I тысячелетия н. э. играло значительную роль в жизни мордвы, в его истории выделяются два периода: доплужный (I—V вв.) и плужный (вторая половина I тысячелетия). Эти выводы, конечно, справедливы, но не новы.

Не во всем можно согласиться с предложенной автором классификацией земледельческих орудий. Не ясны признаки, по которым она проводится, не всегда понятно, каких результатов автор хочет добиться, классифицируя те или иные категории орудий. Ведь сама по себе классификация не может быть самоцелью в археологическом исследовании. Так, представляется слишком дробным и малообоснованным разделение на типы мотыжек. Первый тип их, характеризующийся, по И. М. Петербургскому, очень небольшой рабочей частью (с. 60), представлен одним орудием с явно деформированной лезвийной частью. Каких-либо отличий хронологического или иного порядка для этих типов автор не указывает. Практически нет отличий между наральниками первого и второго типов с городища Ош-Пандо. Эти типы представлены одним экземпляром каждый. Конечно, между ними имеются определенные индивидуальные различия, но они не столь велики, чтобы считать каждый наконечник принадлежащим к отдельному типу. То же относится к лемехам, найденным в Киржемановском кладе. Кстати, его датировка нуждается в уточнении. Автор почему-то не отмечает важнейшую характеристику этих лемехов, позволяющую бесспорно отнести их к орудиям, имевшим односторонний отвал,— хорошо выраженную асимметричность. Описывая сошники второго и третьего типов, автор, как ни странно, не указывает, в каких мордовских памятниках они найдены, и ограничивается приведением аналогий с территории Руси, Чувашии, Волжской Болгарии. Единый признак классификации («по конструкции трубицы») здесь не выдерживается (с. 62). Нельзя не отметить, что И. М. Петербургский весьма «вольно» обращается с аналогиями рассматриваемых им сельскохозяйственных орудий. Так, древнерусские лемеха домонгольского периода никак не могут служить аналогиями киржемановским (с. 62) хотя бы уже потому, что последние асимметричные, а первые без выраженной асимметрии. Наральник третьего типа, по классификации И. М. Петербургского, найденный на городище Ош-Пандо, имеет сходство с наральниками из Новотроицкого городища и селища Лебедка (с. 61) лишь в том плане, что и тем и другими снабжались симметрично работающие пахотные орудия — рала. Остальными признаками — формой, размерами, пропорциями — они резко различаются и, по-видимому, предназначались для различных типов рал. Количество подобных примеров можно умножить.

В. Н. Мартьянов опубликовал интересное историко-археологическое исследование «Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII—XI вв.» (вып. 52, с. 88—106), основанное на больших материалах Крюково-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Пановского, Лядинского и некоторых других могильников, а также на хорошо знакомом ему этнографическом материале. По его мнению, головной убор средневековых мокшанок был сложным и обычно состоял из трех-четырех частей: вышитого головного полотенца, налобника из ткани, шапочки типа чепчика и металлического наборного венчика, скреплявшего все эти детали. Реконструкция В. Н. Мартьянова весьма убедительна. Однако, по-видимому, такой головной убор не был единственным.

Интересно выделение двух комплексов женских украшений, которые, по мнению В. Н. Мартьянова, носят хронологические отличия. В первый комплекс, ориентировочно датированный VIII—IX вв., входят дисковидные бляхи с крышечкой, кистевидные накосники, головные шнуры, бусы. Второй комплекс составляет ажурные бляхи с лапчатыми привесками, прямоугольные бляхи-подвески, усатые перстни, пулокери, раковины-каури, железные гривны. Он датирован X—XI вв. Комплексы выделены на основе статистического анализа взаимовстречаемости вещей в отдельных погребениях. К сожалению, автор слишком кратко говорит о технике такого

анализа, которая им применяется. Поэтому таблица коэффициентов связи между отдельными вещами остается во многом непонятной. К тому же подобный анализ требует четкой и достаточно дробной классификации вещевого материала, очень богатого и разнообразного в указанных могильниках. О том, какая классификация применена автором, в работе не говорится ни слова. Все это не позволяет проверить выводы автора. Интересные наблюдения о корреляции различных остатков головного убора с ориентировкой погребенных и другими особенностями погребальной обрядности, о возрастных особенностях женского наряда представляются незавершенными. Некоторые недостатки статьи объясняются, вероятно, ее сравнительно небольшим объемом, в который автор решил внести слишком большую информацию.

В конечном итоге В. Н. Мартьянов делает вывод, что среднецнинскую мордву VIII—XI вв. вряд ли следует выделять в особую этнографическую группу, родственную мордве-мокше, но не совпадающую с ней [9]. Этот вывод заслуживает внимания, хотя в свете приведенного автором материала и не представляется бесспорным.

Из помещенных в сборниках публикаций привлекает внимание работа П. П. Ефименко «Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы», подготовленная к печати П. Н. Третьяковым (вып. 48, с. 7—36). Раскопанные еще в 20-х годах, эти интересные памятники, материал которых лишь частично вводился в научный оборот полностью публикуются впервые. Очень досадно, что на воспроизведенных в статье рисунках представлены лишь некоторые вещи из погребений. Описания их в тексте далеко не всегда полны и точны и не могут восполнить этот пробел.

Ряд статей посвящен результатам полевых исследований мордовских археологов за последние годы. В статье «Пургасовское городище» (вып. 52, с. 107—126) В. И. Ледяйкин подробно освещает результаты больших раскопок на одном из городецких городищ второй половины I тысячелетия до н. э. у с. Полянки Темниковского р-на Мордовской АССР. Среди находок привлекает внимание уникальная билоновая ложечка с рукояткой, оформленной в виде головки лошади. Весьма обстоятельна публикация В. Н. Шитова «Поселение эпохи бронзы у с. Аким-Сергеевка Зубово-Полянского р-на Мордовской АССР» (вып. 48, с. 165—175). Материалы двух позднесредневековых могильников мордвы рассмотрены в заметках Г. М. Бурова (вып. 48, с. 166, 167) и Ю. А. Зеленеева (вып. 52, с. 168—170). Итоги небольших разведок подведены в статьях В. Н. Мартьянова и И. М. Петербургского (там же, с. 147—167). Эти статьи и заметки, к сожалению, не отражают всех полевых работ археологов Мордовии. Некоторые из них посвящены столь небольшим работам, что возникает вопрос о целесообразности их публикации в виде отдельных статей. Результаты таких исследований можно было бы сводить в небольшую хроникальную заметку.

Еще несколько замечаний, касающихся большинства статей рецензируемых сборников. В подрисуночных подписях необходимо давать не только названия вещей, но и точные данные о месте и условиях находки. Оставляют желать лучшего многие иллюстрации. Редакторам сборников и, конечно, авторам нужно более тщательно следить за стилем и языком изложения.

В целом рецензируемые сборники, несмотря на неравноценность помещенных в них статей, будут с интересом встречены исследователями древней и средневековой истории Западного Поволжья. Хочется надеяться, что качество публикуемых в них археологических работ будет постоянно улучшаться.

Ю. А. Краснов

---

[9] *Алихова А. Е.* Среднецнинская мордва (введение).— В кн.: Среднецнинская мордва VIII—XI вв. (по материалам раскопок П. П. Иванова). Саранск, 1969, с. 4—13.

B. Dostál. Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975. 405 стр., 140 таблиц, приложение

Одно из самых значительных раннеславянских поселений Моравии Бржецлав-Поганско находится в пойме р. Дые, приблизительно в 12 *км* севернее ее впадения в р. Мораву. Оно расположено на невысоком всхолмлении, защищенном рукавами реки и окруженном пойменными лесами.

Начиная с 1959 г. кафедра предыстории Брненского университета им. Я. Э. Пуркине под руководством Ф. Колоусека и Б. Достала производит на этом памятнике систематические раскопки. Эти исследования показали, что славянское освоение микрорегиона Поганско началось в VI в. Были обнаружены три сравнительно небольших довеликоморавских селища с жилищами-полуземлянками и наземными постройками и могильник с захоронениями по обряду трупосожжения со славянской керамикой VI—VIII вв. В VIII в. здесь возникла огороженная деревянным частоколом усадьба великоморавского вельможи, а в IX в. сооружается мощный вал, охватывающий весьма значительную площадь (28 *га*). Возникшее городище стало одним из политических центров Великоморавского государства, резиденцией княжеской дружины. Помимо воинов на городище также жили и работали ремесленники: за чертой укреплений обнаружены земледельческие поселения.

Результаты археологических изысканий в Поганско руководители раскопок решили публиковать по отдельным полностью вскрытым комплексам. Одному из них — усадьбе феодала, раскопанной в 1959—1965 гг. в северо-западной части городища, и посвящена рецензируемая монография.

В книге рассматриваются все без исключения сооружения и материалы, выявленные на раскопанной площади 14 675 $м^2$, независимо от того, принадлежат ли они к исследуемой усадьбе великоморавского вельможи или нет. Таким образом, читателю предоставлена возможность самостоятельно разобраться в объективности анализа и предлагаемой стратиграфии тех или иных сооружений.

В первой главе работы дается общая характеристика раскопа, методики ведения земляных работ и полевой фиксации, а также научной обработки материалов.

Вторая глава посвящена обстоятельному описанию ограды усадьбы. Окружающие усадьбу дубовые частоколы на основании стратиграфических наблюдений разделяются на два строительных периода. В первый период усадьба занимала площадь 4230 $м^2$, причем в ее пределах была выделена отгороженная внутренним частоколом резиденция ее хозяина. Кроме того, усадьба имела две пристройки, одна из которых ограждала культовое место, а вторая предназначалась для защиты построек, связанных со скотоводством. Хронология этих частоколов определяется серединой IX в. На более позднем этапе, датируемым второй половиной IX в., площадь усадьбы увеличивается до 7900 $м^2$. Если прежде для входа в нее были сделаны простые ворота, то теперь устроены ворота с башнеобразной надстройкой.

Здесь же автор предлагает реконструкции частоколов, всей ограды и воротных устройств.

В третьем разделе рецензируемого труда анализируются остатки 128 жилых и хозяйственных построек, выявленных на раскопанной площади. Их обстоятельная характеристика свидетельствует об исключительной тщательности произведенных раскопочных исследований, в процессе которых не были упущены малейшие детали. Б. Достал описывает строительный материал, используемый для сооружения построек и отопительных устройств. Специальные разделы посвящены характеристике построек, классифицированных в зависимости от уровня пола, конструкции стен, по их назначению. Сначала характеризуются землянки, среди которых выделяются жилые, производственные и хозяйственные. В том же порядке рассматриваются небольшие наземные строения с несколько опущенным в грунт полом. Вторая группа наземных построек отличается значительными размерами и применением камня для оснований преимущественно срубных стен. Исследователь считает эти постройки жилыми домами владельцев усадьбы. Наконец, третью группу наземных сооружений составляют большие постройки столбовой конструкции, в одних из которых жили дружинники, в других были устроены конюшни.

Отдельно описаны типы отопительных устройств (печей и открытых очагов), зерновых ям и погребов.

Индивидуальная характеристика 128 объектов сделана в приложении (глава IX).

Глава о постройках написана интересно; видно, что автор хорошо знаком с древним строительным делом. Таблицы, помещенные в тексте, в которые собраны важнейшие данные по каждому объекту, помогают восприятию обширной информации.

Вместе с тем приходится сожалеть, что характеристика построек и прочих объектов дается в этом разделе вне какой-либо связи с их стратиграфией и хронологической дифференциацией. На усадьбе выделяется два строительных горизонта и, кроме того, на раскопанном участке имеются отложения довеликоморавской поры. Однако после знакомства со всеми типами и вариантами построек остается неясным, какие из них были характерны для раннего периода славянского заселения, что нового в строительстве жилищ появилось в первой фазе строительства усадьбы, что свойственно для второй. Конечно, проанализировав все данные, исчерпывающе приведенные в книге, можно восстановить и историю домостроительства, и эволюцию строительного дела, но сам автор этого, к сожалению, не сделал. Характеристике построек, печей и других объектов, по-видимому, было бы более целесообразно отвести вторую главу, а в третьей рассказать о возникновении и истории усадьбы с ее оградами и строениями.

В следующей, четвертой главе публикуются материалы по культовым объектам. Это прежде всего остатки христианского храма, относящегося ко второй фазе истории усадьбы, и потревоженное могилами какое-то «культовое место», предшествующее постройке церкви. Здесь же приведена краткая характеристика кладбища, устроенного около храма. Наибольший интерес представляют остатки языческого святилища, состоящие из большой ямы от центрального столба и восьми расположенных кольцеобразно меньших ям. Б. Достал убедительно интерпретирует этот объект, находит ему место среди уже известных славянских языческих святилищ и создает реконструкцию. Святилище в Поганско датируется X в. и, следовательно, относится ко времени, когда исследуемая аристократическая усадьба уже не существовала.

Небольшая пятая глава книги посвящена характеристике культурного слоя на исследованном участке городища. Представляется, что этот раздел следовало бы поместить в начальную часть монографии. Автор сообщает, что из-за аморфности культурных напластований расчленить их на отдельные слои не представляется возможным. Закрытые комплексы образуют только инвентарь, обнаруженный в объектах, углубленных в материк. В этом же разделе дан краткий обзор немногочисленных находок, относящихся к дославянской поре (неолитических, латенских и римского времени). Анализ керамического материала произведен в шестой главе. После характеристики технологии изготовления глиняной посуды автор раздельно рассматривает керамику довеликоморавской поры (VI—VIII вв.), великоморавскую и более позднюю. Особенно детально описывается глиняная посуда великоморавского времени, составляющая около 90% всех фрагментов. Наряду с характеристикой форм сосудов, орнаментации, знаков на днищах автор подробно останавливается на вопросах хронологии.

В следующем разделе произведено описание всех вещевых находок, сделанных в процессе раскопок. Сначала характеризуются изделия из кости, затем предметы вооружения, снаряжение всадника и коня, орудия земледелия и ремесленников, украшения и предметы бытового назначения. Публикация вещей исчерпывающая и отражает индивидуальность каждой из них и условия нахождения.

Заключительная, седьмая глава книги подводит итоги исследования усадьбы. Автор воссоздает облик ее в первой и второй фазах функционирования описательно и графически. На основе многих наблюдений и сопоставлений показывается, что усадьба принадлежала знатному феодалу. Здесь находилась его резиденция и ремесленно-хозяйственные постройки, в которых работали зависимые от феодала люди.

В славянской археологии раннефеодальная усадьба в полном объеме исследуется впервые. Ее открытие позволяет более детально характеризовать раннефеодальное общество Великоморавского государства.

Книга Б. Достала щедро и продуманно иллюстрирована. На 112 рисованных таблицах переданы все детали объектов, выявленных в раскопе, найденные в них комплексы. Еще на 28 таблицах помещены полевые фотографии и фотоснимки наиболее сохранившегося керамического материала. На 26 рисунках, помещенных в тексте, изображены все найденные в раскопе вещи и даны графические реконструкции усадьбы в целом и ее наиболее важных объектов. Наконец, пять больших таблиц вынесены в приложение. Это сводный план раскопа, на котором все объекты дифференцированы по хронологическим фазам, планы частоколов с керамическими фрагментами, обнаруженными в канавках от них, план, показывающий насыщенность слоя культурными остатками.

Замечания к книге Б. Достала могут касаться только частных вопросов интерпретации отдельных объектов, в частности их принадлежности к той или иной хронологической фазе. Так, например, усадебные постройки 53, 110, 113, 114, 115 на основе керамических находок отнесены к первому строительному периоду. Однако автор их относит и ко второму строительному периоду, хотя это ничем не документировано.

Интересную группу составляют постройки 86, 103, 116, 117, 118, 127 и 128, расположенные компактно в южной части раскопа. Это преимущественные четырехугольные или подчетырехугольные жилые землянки или жилища с опущенным полом и печью-каменкой в углу. Существенно то, что печи-каменки зафиксированы раскопами только в пяти случаях и все без исключения в названных жилищах. Судя по стратиграфии построек 103, 116, 117, 118, они принадлежат к первому строительному периоду великоморавского времени. Одинаковые устройство и планировка всех перечисленных жилищ дает основание для отнесения и других построек к тому же времени. По-видимому, можно полагать, что в первый период существования аристократической усадьбы около ее южного угла поселилась небольшая группа жителей, которые в отличие от ранее живших здесь сооружали печи-каменки.

Представляется, что напрасно Б. Достал отнес эти постройки (приложение 1) к числу объектов, фазу строительства которых определить с уверенностью невозможно (впрочем, в тексте книги постройки 116, 117, 127 и 128 определяются первой фазой великоморавского периода), и исключил их из своей графической реконструкции.

Как публикация одного из раскопов на городище Поганско с интереснейшим усадебным комплексом работа Б. Достала является исчерпывающей и образцовой. Исследователь умело смог передать читателям-археологам все малейшие детали, выявленные в процессе раскопок. Публикуемые сведения дают полное и объемное представление по истории одного из участков интереснейшего поселения. Впервые осуществленные исследования и публикация материалов аристократической усадьбы моравских славян IX в. представляют исключительный научный интерес и конкретно пополняют наши знания по истории раннефеодального общества в Европе.

В. В. Седов

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975, 235 стр. Тираж 56 000 экз.

За четверть века, прошедшие со дня находки первой берестяной грамоты, появилось множество книг и статей, посвященных исследованию этих важных источников по истории древней Руси. Среди работ выделяется книга В. Л. Янина «Я послал тебе бересту...», вышедшая вторым изданием. Главное ее отличие в том, что берестяные грамоты рассматриваются автором на широком историческом фоне, в комплексе со связанными с ними находками и сооружениями.

Берестяные грамоты являются новым видом письменных источников по древнерусской истории. Они существенно отличаются от остальных письменных докумен-

тов. Найденные при систематических археологических исследованиях, они всегда тесно связаны с определенными археологическими комплексами, с усадьбами древнего Новгорода, что позволяет привлекать берестяные письма не только для характеристики общего развития города, но и представить себе живых людей с их заботами, радостями и огорчениями, следить за жизнью нескольких поколений одной семьи.

Вместе с тем на это качество берестяных грамот, отличающее их от других видов письменных источников, исследователи поначалу не обращали внимания. В первое десятилетие после открытия писем на бересте основным видом их изучения был всесторонний филологический анализ. Исследователи были заняты в основном толкованием текста грамот, разъяснением различных терминов, историческими комментариями и т. д.

Однако со временем, когда число берестяных документов достигло нескольких сот экземпляров, стало возможным исследовать грамоты со всем комплексом находок и сооружений, обнаруженных при раскопках. Такой метод изучения писем на бересте, впервые примененный В. Л. Яниным, дал блестящие результаты. Его книга «Я послал тебе бересту...», первое издание которой вышло в 1965 г., вызвала большой интерес как у специалистов, так и у широкого круга читателей. Она стала новым открытием берестяных грамот, поскольку в ней содержится живой увлекательный рассказ об авторах и адресатах берестяных писем и о древнем Новгороде.

За прошедшие 10 лет после выхода первого издания книги новгородская коллекция берестяных писем пополнилась новыми находками. При этом существенно изменилась их топография в связи с изменениями, происшедшими в работе Новгородской археологической экспедиции. Если раньше экспедиция вела планомерные многолетние раскопки какого-то одного участка древнего Новгорода (сначала это был Неревский раскоп, площадь которого составила 10 000 $м^2$, затем Ильинский раскоп площадью 1430 $м^2$), то начиная с 1967 г. археологические раскопки в Новгороде тесно связаны с планом строительных работ в городе. За 10 лет было раскопано 12 участков в разных районах города и на каждом из них обнаружены новые берестяные грамоты.

Если бы продолжался только филологический анализ берестяных грамот, каждое из вновь найденных писем пополняло бы только ту или иную группу документов, характеризующих различные стороны средневековой новгородской жизни. Исследование же, предпринятое В. Л. Яниным, позволяет восстанавливать эту жизнь в мельчайших подробностях и получать подробную характеристику каждого исследованного участка.

Все это нашло отражение и в новом издании книги В. Л. Янина, в которой появились новые главы, рассказывающие не только о найденных в последние годы берестяных грамотах, но и о тех участках, где эти грамоты обнаружены. Уточняется топография древнего Новгорода, история заселения концов и формирования городской территории, а это в свою очередь влечет за собой решение многих вопросов политического и экономического развития Новгородской республики.

22 главы нового издания книги — это 22 увлекательнейших рассказа, вводящих читателя в лабораторию современного историка. Читатель знакомится со всем многообразием исторических источников, которыми располагает в настоящее время наука. В. Л. Янин широко использует в своей книге не только берестяные грамоты и археологические материалы, но также привлекает летописи и акты, предметы прикладного искусства, записи писцовых книг и данные исторической географии, иконографический и сфрагистический материал. При этом автор не обрушивает на читателя массу разнообразных фактов, а умело ведет его от одного сюжета к другому, выстраивая логическую цепочку событий.

Пожалуй, наиболее ярко авторская манера повествования проявилась в рассказе о находках Неревского раскопа. Изучение берстяных грамот и других материалов этого раскопа позволило В. Л. Янину установить, что большинство усадеб, исследованных на территории Неревского раскопа в слоях XIV—XV вв., принадлежало боярской семье Мишиничей — Онцифоровичей. Представители этой семьи неоднократно избирались посадниками и стояли во главе Новгородской республики.

Изучение переписки членов этой семьи (известно 26 писем, авторами или адресатами которых были Мишиничи — Онцифоровичи), детальное знакомство с их

усадьбами дало возможность В. Л. Янину убедительно аргументировать высказанные предположения советских историков о том, что основой экономики Новгородской республики была не торговля, как считали прежде, а крупное землевладение.

Эти выводы автора тем ценнее, что они подкрепляются новыми находками. Установленный в первом издании книги факт о принадлежности семье Мишиничей — Онцифоровичей нескольких усадеб получил в результате раскопок в 1969 г. на Тихвинской улице новые подтверждения и дальнейшее развитие. Оказалось, что усадьба, вскрытая на этом участке в слоях XIV—XV вв., также принадлежала этой боярской семье. Среди грамот, обнаруженных на раскопе, есть документы, адресованные господину Юрию. Этот Юрий, как определил В. Л. Янин, является не кем иным, как Юрием Онцифоровичем, известным новгородским посадником.

И если в первом издании книги В. Л. Янин подробно восстановил историю знаменитой посадничьей семьи в XIV—XV вв. и на основании этого сделал важные исторические выводы о развитии экономики средневекового Новгорода того времени, то материалы Тихвинского раскопа во многом дополнили созданную картину и дали возможность реконструировать историю заселения Неревского конца в X—XIII вв., констатировать традиционность боярских владений. Чрезвычайно важным для дальнейшего изучения новгородской истории представляется вывод автора о существовании в Новгороде боярской патронимии.

Такая постановка вопроса, хотя и высказана в форме рабочей гипотезы, объясняет многие особенности политического устройства и политической борьбы в средневековом Новгороде.

Глава «Семь лет спустя», содержащая рассказ о Тихвинском раскопе, заключает в себе целую программу дальнейших исследований в Новгороде. Может быть, эту главу следовало поместить вслед за главами, рассказывающими о берестяных грамотах Неревского раскопа, поскольку Тихвинский раскоп тесно связан, как мы увидели, с Неревским и территориально и исторически.

Глава о неревских находках касается политических событий в Новгороде последней трети XIV в. Рассказывая об уходе в 1376 г. архиепископа Алексея, автор пишет: «Мы не знаем, что заставило обидеться владыку» (с. 130). Однако события того времени подсказывают причину этой обиды. Демонстративный уход архиерея с софийской кафедры, вероятно, следует связывать с острой борьбой церкви против стригольничества, происходившей в эти годы. Возможный альянс некоторых слоев новгородского общества с еретиками, как нам кажется, и заставил владыку уйти.

Если в первом издании книги основное внимание автора было сосредоточено вокруг гнезда неревской боярской фамилии, характеристики владельцев боярских усадеб и зависимых от них людей, то находки минувшего десятилетия дали исследователю материал для расширения социальной картины новгородского средневекового общества.

Во втором издании продолжен рассказ об Ильинском раскопе, выделенный в отдельную главу «Усадьба Феликса», в которой мы знакомимся с основателем славенской посадничьей фамилии Посахно двинским наместником Феликсом. Эта глава дополнена и новыми материалами, полученными при раскопках уже после выхода в свет первого издания книги, которое заканчивалось сообщением об открытии на Ильинском раскопе в 1964 г. каменного терема. На следующий год его остатки были расчищены и исследованы полностью. Однако владельца этой постройки установить не удавалось, поскольку археологические источники не дают для этого никаких сведений. Остроумные наблюдения В. Л. Янина, основанные на анализе известной новгородской иконы XV в. «Молящиеся новгородцы», позволяют исследователю, правда пока в виде предположения, определить возможных владельцев открытого на Ильинском раскопе каменного терема.

В новой главе «Немного о торговле...» читатель знакомится с новгородскими купцами и торговлей в средневековом Новгороде. Берестяные грамоты содержат сравнительно немного сведений о торговле. Отдельные находки таких грамот на Неревском раскопе не добавляют ничего нового в сложившиеся представления о торговой деятельности новгородцев. Раскопки же прошедшего десятилетия дали интересные материалы по этой области новгородской экономики. В новой главе о торговле использованы в первую очередь в качестве источников по истории торговли Новгорода

не только берестяные грамоты, но в основном различные археологические находки, свидетельствующие о торговых связях Новгорода. Анализ этих материалов в совокупности с письменными источниками позволил В. Л. Янину представить роль купечества и место торговли в системе новгородских экономических отношений.

В этой же главе рассказано о впервые обнаруженных при раскопках торговых комплексах, в том числе и о Готском дворе, торговой конторе готских и немецких купцов (автор неточно называет его шведской факторией). Первая купеческая усадьба была открыта в 1967 г. в раскопе на территории новгородского телецентра. О принадлежности усадьбы купцу свидетельствуют обнаруженные здесь берестяные грамоты и прочие находки. Исследование участка лишний раз показало необходимость комплексного исследования открытых территорий древнего Новгорода, использования для их характеристики в с е х материалов, полученных при раскопках. Большой интерес для истории торговли представляет грамота 439, в которой зафиксировано складничество в торговле цветными металлами.

Находки берестяных грамот последних лет дали важный материал для характеристики некоторых органов республиканского управления Новгорода. В 1970 г. на древней Михайловой улице была вскрыта усадьба судебного чиновника. Берестяные грамоты этой усадьбы сообщают о делах, находящихся в ведении смесного суда. Это уголовные и гражданские дела, охрана феодальной собственности и различные спорные вопросы.

Интереснейший рассказ содержится в главе «Бересту можно найти везде». В этой главе в отличие от всех остальных сообщается о берестяных грамотах, обнаруженных не при систематических раскопках, а при различных строительных работах. Эти грамоты, оторванные от комплексов, не могут характеризовать древние новгородские усадьбы. Однако многие из них содержат важные исторические данные. Особенно значительным событием явилась находка в 1974 г. при строительстве Новгородского водопровода свитка из трех берестяных документов, среди которых оказалась и самая большая из найденных к настоящему времени грамот. В. Л. Янин провел кропотливый анализ текста этого трудного для интерпретации документа, который по тщательности и изяществу можно сравнить с работой ювелира. Два берестяных свитка, получившие порядковые номера 519 и 520, являются духовным завещанием некоего Моисея, жителя Порхова, приехавшего в Новгород для оформления своего завещания. Анализ текста, проведенный автором, дает историкам исключительно ценный материал по характеристике процесса социальной поляризации феодального общества, формирования земельных владений феодалов небоярского происхождения. В этих документах мы знакомимся с сословием «житьих людей», известных раньше лишь по летописям и древним актам.

Тщательно продуманные логические цепочки построений В. Л. Янина в отдельных случаях не обладают безусловной доказательностью. Как правило, автор сам оговаривает гипотетичность своих положений. Поэтому в некоторых случаях возможны и иные решения. Так, некоторые сомнения вызывает сюжет, связанный с определением владельца костяной иконки с изображением Власия и Георгия, найденной на Тихвинском раскопе (с. 172—176). Местонахождение находки в слоях первой трети XIII в. на усадьбе Мишиничей-Онцифоровичей позволило автору предположить ее принадлежность одному из представителей этой боярской семьи, а именно Варфоломею Юрьевичу. Ни в коей мере не сомневаясь в правомерности связи иконки с владельцами усадьбы, можно, однако, засвидетельствовать наличие некоторых спорных допущений в гипотезе автора в тех ее точках, которые посвящены отождествлению Варфоломея с Власием.

В подтверждение своего построения В. Л. Янин опирается на сообщение летописи о кончине и погребении Варфоломея Юрьевича, из которого автор извлекает три важных детали: употребление «благочестивого» определения «раб божий» перед именем умершего посадника, участие игуменов при похоронах и погребение Варфоломея в «отне гробе». Все это, по мнению исследователя, подтверждает постриг Варфоломея на склоне лет и возможное принятие им в схиме имени Власия.

Однако принятие в схиме имени, начинающегося на ту же букву, что и данное при крещении, не абсолют: архиепископ Василий — бывший поп Григорий Калика,

основатель Хутынского монастыря Варлаам — в миру Алексей Михайлович, боярин Константин Вячеславович при постриге принимает имя Акиндин.

Автор справедливо указывает на распространенность пострига в среде новгородского боярства, однако при сообщении о похоронах посадников, удалившихся в монастырь, летописец ни разу не употребляет благочестивого «раб божий». Так что употребление определения «раб божий» не связано с принятием схимы.

Присутствие игуменов при погребении Варфоломея — наиболее веский аргумент в гипотезе В. Л. Янина. Действительно, ни при одном погребении посадников не было такого представительного собрания духовенства — владыка, игумены, попы. Проделаем в этой связи небольшой экскурс в историю. Дело в том, что именно во время посадничества Варфоломея Юрьевича происходит смена архиепископов. Вместо Моисея, покинувшего софийскую кафедру в 1330 г., был избран Василий. Дискуссия вокруг его кандидатуры продолжалась восемь месяцев. Василий известен летописцу как бывший поп церкви Козмы и Демьяна на Холопьей улице, входящей в выделенный В. Л. Яниным куст культовых построек, связанных с боярской семьей Мишиничей. Вероятно, Варфоломей Юрьевич, будучи посадником в это время, оказал содействие этому попу в избрании на архиепископскую кафедру. Связи новгородского боярства с кончанским духовенством общеизвестны и засвидетельствованы актовыми материалами. Наличие дружеских связей посадника и владыки признает и В. Л. Янин (с. 103). Так не является ли столь пышное погребение Варфоломея данью новгородского архиепископа за участие в его судьбе? К таким похоронам владыка мог привлечь и игуменов. Кроме того, присутствие монахов было необходимо при вскрытии гроба с останками Юрия Мишинича и продиктовано церковными канонами. Отметим, что захоронение в «отне гробу» — случай чрезвычайный. В летописи известны лишь погребения в головах отцовского гроба, но не внутри.

Таким образом, привлечение автором летописного сообщения для доказательства пострига Варфоломея не представляется достаточно убедительным.

Некоторые замечания могут быть высказаны в связи с определением автора и адресата грамоты 502, найденной на усадьбе священника при раскопках Людина конца (с. 230—232). Комплекс находок на усадьбе не оставляет сомнений в принадлежности священника к высшим церковным иерархам. Оправданно поэтому обращение В. Л. Янина к летописи в поисках адресата, Олисея Гречина. Иерей действительно был одним из кандидатов на софийскую кафедру на выборах 1193 г. Однако вызывает сомнение предположение В. Л. Янина о том, что Гречин трижды был кандидатом на софийскую кафедру. Это предположение основано на сообщении летописи: «...инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантурия, а сии хотяху паки Гречина». Автор переводит древнерусское слово «пакы» как «опять», но в русском языке «пакы» может быть переведено также как «наоборот», «в свою очередь», «кроме того». Да и сам характер летописного сообщения заставляет сомневаться в предположении В. Л. Янина. В 1193 г. впервые возникли разногласия при замещении владычной кафедры («распря бысть немалая»). Впервые в летописи рассказывается о проведении жеребьевки. Подробное описание церемонии жеребьевки косвенно свидетельствует о том, что именно в этом году были сформулированы нормы выбора. Сообщения о последующих жеребьевках более кратки.

Отождествление автора грамоты Мирослава с посадником Мирошкой Нездиничем хотя и заманчиво, но сомнительно. Конечно, Мирошка — производное имя от Мирослава. Но установлено, что употребление уменьшительного имени не только сопутствует определенным лицам на протяжении всей их жизни, но и сохраняет эту форму даже в отчестве детей. Вспомним Мишиничей и Михалковичей. Подобное, вероятно, произошло и с Мирошкой, который ни разу в летописи не назван Мирославом, а сын его, впоследствии новгородский посадник, упоминается с отчеством Мирошкинич.

Далее исследователь считает, что разбор дела, о котором сообщает грамота, мог происходить в смесном суде посадника и князя. Тогда нет оснований для введения в его состав видного новгородского священника. Действие происходит предположительно в конце XII в., участие же владычных наместников в светском судопроизводстве зафиксировано только на рубеже XIII—XIV вв. Вероятно, в грамоте 502 речь

идет о заседании кончанской администрации, на котором священник присутствует не как представитель духовенства, а как частное лицо. В этом случае Мирошка не мог быть участником подобного заседания, так как весь характер его деятельности, направленный против группировки боярства Прусской улицы и Людина конца, отмеченный в свое время В. Л. Яниным [1], заставляет предполагать связь Мирошки и его сына с неревским боярством. По этой же причине отпадает вопрос о родственных связях Мирошки и Вънезда Нездинича — устроителя церкви Святого образа, находившейся рядом с усадьбой Олисея Гречина.

Окончательное решение вопроса об авторстве грамоты 502 может быть предпринято в ближайшее время на основании точных дендрохронологических дат настилов Черницыной улицы, открытой на Троицком раскопе, где была найдена указанная грамота, в 1976 г. Предварительная датировка грамоты, основанная на анализе вещевых комплексов и палеографических особенностей, достаточно широка.

Коллекция берестяных писем из древнего Новгорода каждый год пополняется новыми интересными находками. Два прошедших сезона принесли исследователям более 20 документов на бересте, среди которых одна из самых замечательных берестяных грамот под номером 531. В книге о берестяных грамотах, как пишет автор, никогда не будет написана последняя страница.

Е. А. Рыбина, А. С. Хорошев

[1] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 109, 117.

Исследования Великого города. Сборник статей. М., «Наука», 1976, 21,2 печ. л.

Рецензируемый сборник представляет собой первое достаточно крупное издание, посвященное результатам многолетнего исследования одного из немногих известных по письменным источникам городов Волжской Булгарии — города Буляра на месте Билярского городища Алексеевского района ТАССР. Эта публикация тем более важна для булгароведов, что она должна подкрепить ряд весьма спорных положений, выдвинутых руководителем исследований Буляра и автором половины статей рецензируемого сборника А. Х. Халиковым в 1971—1973 гг.[1]

Большая часть сборника (около $^3/_4$ его объема) занята статьями археологов (А. Х. Халикова, Е. А. Халиковой, Н. А. Кокориной, Р. Ф. Шарифуллина при участии студентов Казанского государственного университета). Четвертая часть сборника посвящена анализу остеологического, антропологического, палеоботанического материала, полученного археологами (статьи А. Г. Петренко, В. В. Туганаева, С. Г. Ефимовой, В. Т. Шаландиной и Л. М. Ятайкина). Статья С. С. Айдарова посвящена вопросам истории архитектуры. Небольшая статья Н. И. Игонина и А. Х. Халикова посвящена аэрофотосъемкам городища и его окрестностей. В статье Э. Г. Истоминой проводится анализ плана Билярского городища XVIII в.

Для первого издания результатов многолетнего исследования памятника здесь как будто есть все необходимое: рассмотрены история изучения и историческая топография памятника, наиболее интересные из вскрытых на городище объектов; делается анализ наиболее массового материала — керамики; подводятся итоги широкого изучения некрополей; прилагается анализ антропологического, остеологического, палеоботанического материала; отражено изучение городища с помощью аэрофотосъемки.

Сборник открывается статьей А. Х. Халикова «История изучения Билярского городища и его историческая топография», занимающей почти четвертую часть объема сборника. Это вполне оправдано. Статья должна ввести в научный оборот

[1] *А. Х. Халиков.* О столице домонгольской Булгарии. СА, 1973, 3; *А. П. Смирнов.* О столице государства волжских булгар. СА, 1972, 1; *Р. Г. Фахрутдинов.* О столице домонгольской Булгарии. СА, 1974, 2; *его же.* Еще раз о столице домонгольской Булгарии. СА, 1975, 4; *Т. А. Хлебникова.* Ранний Булгар, СА, 1975, 2.

основные результаты длительного монографического исследования и обосновать ряд отправных положений по такому вопросу, как историческая топография памятника.

В первом разделе статьи излагается история изучения памятника, приводятся сведения о наблюдениях, раскопках и находках на городище в XVIII — начале XX в. Затем перечисляются участки работ, производившихся под руководством автора в 1967—1974 гг., и указываются некоторые их результаты.

Сведения о научных результатах исследований 60—70-х годов носят в основном декларативный характер. Раздел содержит схематический план городища с размещением раскопов 1967—1974 гг. (не всех и без сведений об их площади) и ссылку на рис. 16 — профиль внутренней линии внешнего кольца обороны, помещенный в следующем разделе статьи об исторической топографии.

Раздел, посвященный исторической топографии, не носит исследовательского характера. Автор стремится навязать читателю свое представление о том, что «Билярское городище в древности имело трехчленное деление на цитадель, внутренний город и внешний город» (стр. 38).

Казалось бы, при исследовании памятника автор должен был исходить прежде всего из стратиграфических наблюдений и аргументированной датировки напластований в разных частях городища, как на укреплениях, так и между ними, и синхронизацией различных участков друг с другом. Вместо этого после формулировки о трехчленном делении городища и наличии на нем цитадели, внутреннего и внешнего города проводится подсчет площадей отдельных частей города, соображения о застройке, составе населения, заселенности округи городища (стр. 38—44), наконец, суммарная датировка всего городища (стр. 45) и только после этого некоторые данные о стратиграфии. Однако, может быть, автор сначала предлагает выводы, а после них доказательства.

Цитадель в так называемом внутреннем городе выделяется на основании аэрофотосъемок, давших большое белесое пятно, и выявленных раскопками следов мощной столбовой ограды (стр. 38). При этом интересно отметить, что в статье об исследованиях городища в 1975 г.[2] А. Х. Халиков отказывается от толкования столбовой конструкции как ограды цитадели и предлагает рассматривать ее как остатки свай деревянной мечети. Что же касается пятна, видимого с самолета, то и оно не доказывает наличия цитадели, поскольку оно могло быть развалом комплекса зданий, вскрываемых в центре городища экспедицией.

Внутренним городом названа площадь, огражденная внутренней линией обороны из двух валов. Из них первоначальным считается внутренний. Это положение иллюстрируется профилем трех участков раскопа VII 1968 г. в проезде у восточного угла укреплений и профилем двух шурфов раскопок А. С. Башкирова 1928 г. (рис. 14). Профиль раскопа VII уже публиковался[3] и представляется маловыразительным. Профиль шурфов 1928 г. действительно дает картину валообразной насыпи. Однако этот профиль не согласуется с рельефом на плане участка форта (рис. 29, 30) и с характеристикой насыпи вала в публикации А. С. Башкирова[4]. По непонятным причинам в статье никак не отражены дополнительные обследования, которые, по словам автора, сделаны в 1974 г. в северном углу и в юго-западной стороне вала для проверки прежних наблюдений.

Внешний вал внутренней линии укреплений, по-видимому, не разрезался. Он увязывается в одну систему с валообразными насыпями так называемого «форта», исследовавшегося на раскопах XV—XVI и опубликованного в статье Е. А. Халиковой, куда и отсылает читателя А. Х. Халиков. Там эти укрепления считаются сооруженными в конце XII — на рубеже XII—XIII вв. (стр. 117). А. Х. Халиков пред-

---

[2] *А. Х. Халиков, Ф. Ш. Хузин.* Изучение Великого города. АО—1975, М., 1976, стр. 203.

[3] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 87, рис. 2 (нижний).

[4] *А. С. Башкиров.* Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III. Казань, 1929, стр. 31.

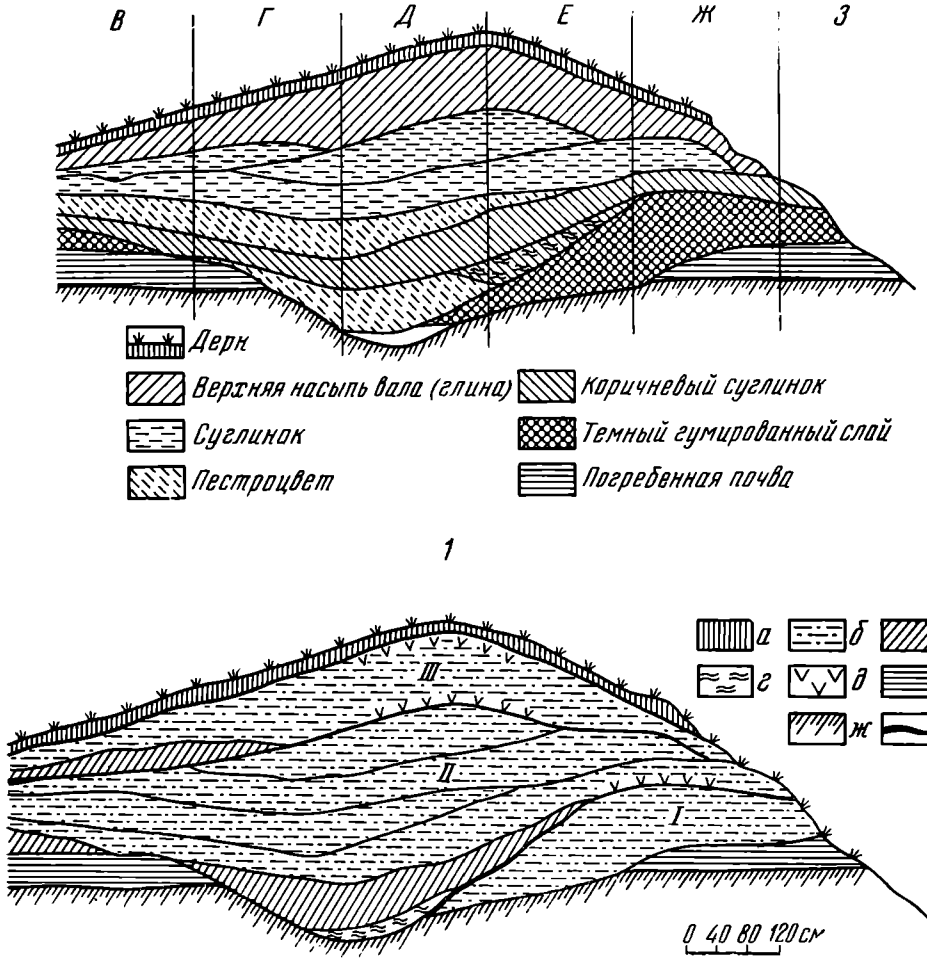


Рис. 1. Разрез укреплений Буляра на раскопе VI (работы 1968 г.): *1* — по статье А. Х. Халикова «О столице домонгольской Булгарии» (1973 г.); *2* — по его же статье в сборнике «Исследования Великого города» (1976 г.); *а* — дерн; *б* — глинистые и суглинистые насыпи с пестроцветными включениями (I — нижняя насыпь, II — средняя, III — верхняя); *в* — культурный слой (серая и темно-серая супесь); *г* — золистые прослои; *д* — углистые прослои; *е* — погребенная почва; *ж* — материк; *з* — насыпи валов разного времени

лагает связать их с походом русских князей 1183 г., но это представляется преждевременным, так как датировка вала концом XII — рубежом XII—XIII вв. пока еще не доказана, поскольку насыпь датируется в основном на том основании, что в ней нет поздней предмонгольской керамики XII—XIII вв.

Самым существенным моментом в аргументации трехчленного деления начального Биляра является датировка внешней линии обороны. В данной статье (стр. 28) автор утверждает сооружение первоначальной линии обороны в виде рва на краю террасы р. Елшанки. В разделе о топографии (стр. 52) говорится уже о вале вдоль Елшанки со рвом перед ним. А. Х. Халиков при этом ссылается на чертеж на рис. 16 — разрез укреплений на раскопе VI 1968 г. Этот чертеж нам уже знаком по его же статье «О столице домонгольской Булгарии» [5]. Однако рисунок подвергся изменениям с явным намерением сделать его как доказательство правоты автора (рис. 1, *1*, *2*) более выразительным.

Нам уже приходилось писать об этом профиле [6] и о том, что нет достаточных оснований считать прослеживаемую на нем неглубокую канаву с пологими краями

[5] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 87, рис. 2 (верхний).
[6] *Т. А. Хлебникова.* Ук. соч., стр. 129, 130.

склонами ранним рвом. Автор «пересмотрел» профиль и после подправки чертежа, оставив на стр. 28 прежнее толкование, предлагает считать на стр. 52 за древнейшие укрепления появившуюся в новом «толковании» чертежа насыпь вдоль Елшанки и ров перед ней, который теперь приобрел иную форму с более крутыми склонами.

Таким образом, распространение территории раннего города до внутреннего кольца наружных укреплений кажется автору доказанным.

Итак, А. Х. Халиков заново «перечитывает» чертеж, хотя, как он пишет, были сделаны новые разрезы внутренней линии этой системы укреплений в пунктах 4 и 5, где наблюдалась, по словам автора, «примерно такая же стратиграфическая ситуация» (стр. 52). Однако этих разрезов он почему-то не публикует.

На стр. 54 А. Х. Халиков и наружный вал внешней стороны обороны объясняет тоже сооруженным в самом начале жизни города, хотя этому противоречит чертеж на рис. 19, где в основании насыпи вала показан культурный слой. Никакой аргументации пересмотра существующей на этот счет точки зрения, поддерживавшейся ранее им самим [7], нет. Следует заметить, что подобную картину соотношения насыпи с культурным слоем дает и средний вал наружного кольца укреплений (рис. 18). Между тем, по А. Х. Халикову, он насыпан «незадолго до времени прекращения существования города» (стр. 53).

Несколько слов о стратиграфии культурных напластований на площади городища и их датировке. В центре городища на так называемой цитадели выделяются два пласта с культурными остатками: слой пашни и слой серой или темно-серой супеси. Общая дата напластований X — начало XIII в. (стр. 45, 47 и др.). Находки в слое пашни датируются XII — началом XIII в. (стр. 46). В отношении слоя серой супеси подчеркивается нижняя дата — X в. (стр. 46). Вызывает удивление, что при столь интенсивных и довольно длительных работах, какими они были в центре на городище, не удалось разграничить нетронутый пашней культурный слой на хронологические горизонты. Не обнаружен и слой пожара 1236 г., с которым связывается полная гибель города. Вне ям он, возможно, распахан, но в углублениях ям непременно должен быть.

Что касается остальных участков городища, то приводятся чертежи шурфов 1928 г. и последних работ с указанием наличия тех же напластований, что и на цитадели. В содержании слоя темно-серой супеси во внешнем городе подчеркивается наличие лепной керамики салтовского типа (стр. 52) и керамики с растительной примесью тарханско-танкеевского типа (стр. 53). Однако материалы, свидетельствующие в пользу представления о раннем заселении внешнего города, явно недостаточны; обнаруживается неувязка с данными полевых исследований. Так, на стр. 52 автор обращает внимание читателя на наличие на XVIII раскопе за внутренней линией укреплений городища лепной салтово-маяцкой керамики. Тогда как Е. А. Халикова как раз считает показательным «полное отсутствие в керамическом комплексе с раскопа XVIII керамики салтово-маяцкого облика» (стр. 136). Это же следует из статьи Н. А. Кокориной, которая исследовала данную группу керамики и не указала ее на XVIII раскопе(стр. 213). На стр. 53 А. Х. Халиков использует часть комплекса с раскопа XIII (керамику с растительной примесью «тарханско-танкеевского типа») в пользу утверждения существования городского слоя X—XI вв., а другую часть (раннебулгарскую керамику, железные изделия, гирьку, наконечник стрелы, шиферное и глиняное напрясла), согласно мнению Е. А. Халиковой (стр. 139, 140), в пользу наличия поселка. Расходятся с данными исследовательницы XIII раскопа и сведения о дате заполнения рва во внешнем кольце укреплений, который А. Х. Халиков стремится датировать самым началом существования города (стр. 53). Е. А. Халикова обращает внимание на более поздний облик материала из рва в сравнении со слоем поселка (стр. 142, прим. 48).

Статья Н. И. Игонина и А. Х. Халикова «Применение авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей» читателям уже знакома по изданию этого же текста в «Советской археологии» за 1975 г., № 1.

---

[7] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 86.

Аэрофотосъемка Буляра действительно дала кое-что для ориентировки в памятнике. Однако не следует преувеличивать ее значения. Сплошное археолого-топографическое изучение городища в 1968 г. было не менее результативно [8].

Небольшая статья Э. Г. Истоминой публикует очень интересную для исследователей Билярского городища находку — обнаруженный ею в отделе рукописей БАН СССР в Ленинграде «План древнего болгарского города, Буляра, называемого...». Этот план автор статьи весьма убедительно связывает с пребыванием Н. П. Рычкова в Билярске во время его путешествия в район между Камой и М. Черемшаном в 1769 г.

Не совсем понятно, почему само изображение плана, являющееся предметом изучения данной статьи, изъято из нее и помещено как рисунок 1 в тексте статьи А. Х. Халикова.

В статье А. Х. Халикова «Усадьба ремесленников-металлургов» публикуется интересный участок в центре города, связанный с ремесленным производством. Разобраны два наземных дома, полуземляночное сооружение, рассматриваемое как баня, несколько десятков кузнечных горнов, один металлургический горн, множество ям хозяйственного и производственного характера, т. е. большое число объектов. Соотношение этих объектов между собой не вполне ясно. Это неудивительно. На 184 м² площади раскопа при большой насыщенности сооружениями нет ни одной бровки. Единственный имеющийся в статье профиль по стенке раскопа свидетельствует о 6 или 7 горизонтах кузнечных горнов, сосуществовавших с двумя домами, якобы сохранявшимися на протяжении всего слоя под пашней (двух, если не трех столетий?), что маловероятно. Вызывает также удивление датировка сыродутного горна, введенного в яму, которая аргументируется тем, что его основание расположено на погребенной почве.

А. Х. Халиков допускает ряд неточностей в приведении аналогий, привлекаемых для датировки находок. Так, в числе находок, свидетельствующих о ранней дате рассматриваемого района, он включает бусину «эллипсовидную ребристую синего цвета», отсылая к новгородским аналогиям X—XI вв. (МИА, вып. 55, на стр. 176). Но приведенное на рис. 27, *6* изображение этой бусины не позволяет согласиться с такой аналогией. Она имеет цилиндрическую форму, а такие бусы бытовали в XI—XIV вв.

Следующая статья А. Х. Халикова в соавторстве с Р. Ф. Шарифуллиным касается другого объекта исследований на городище — кирпичного здания на XVI раскопе — названа «Караван-сарай древнего Биляра». Это интересное сооружение — одна из немногих монументальных построек домонгольского периода — заслуживает самого пристального внимания. Поэтому не случайно, что им заинтересовался и архитектор С. С. Айдаров, чья статья «Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре» также находится в сборнике. Эти две статьи имеет смысл рассматривать вместе. Замечания по этим работам касаются датировки строительства здания и интерпретации отдельных его частей.

Время строительства здания А. Х. Халиковым и Р. Ф. Шарифуллиным отнесено ко второй половине X в. на основании того, что строительный горизонт здания залегает над небольшой прослойкой культурного слоя, начало образования которого датируется ими первой половиной X в. Дата слоя определена по находкам в нем салтовских горшков с рифлением. Подтверждение этой даты авторы видят и в строительных традициях досельджукской архитектуры, которые они усматривают в исследуемом здании (стр. 94). Следует отметить сомнительность обоих оснований для датировки. Содержание напластования предшествующего строительству здания не представлено. При чтении страниц с разбором объектов возле караван-сарая периода его строительства возникает сомнение в том, что все они правильно соотнесены с караван-сараем. Некоторые из них перекрыты строительными остатками, частокол (ограда караван-сарая) нарушен ямами 9 и 10, сооруженными, по мнению авторов статьи, в связи со строительством. Перекрытые строительными остатками от караван-сарая, ямы могли предшествовать ему. Если же ямы 9 и 10 относятся к периоду строительства, то частокол не связан с ним, а датируется более ранним временем.

[8] *Р. Г. Фахрутдинов.* О столице домонгольской Булгарии, стр. 132—134.

Указание на салтовские сосуды из слоя, предшествующего строительству, также не являются достаточным основанием для датировки. Для этого недостаточно указать наличие этого типа. Нужно рассмотреть характерные черты такой керамики в ее типологическом развитии здесь, в Поволжье.

Теперь о строительных традициях датирующего порядка. А. Х. Халиков и Р. Ф. Шарифуллин видят их в крупномерном кирпиче, преимущественном применении глинистых растворов, простой кладке, относительно бедном архитектурном декоре, квадратной в основе планировке (стр. 94). Однако размер кирпича в статье А. Х. Халикова и Р. Ф. Шарифуллина указан иначе, чем в статье С. С. Айдарова (ср. данные о нем на стр. 81 и 101). О преимущественном применении глинистых растворов говорить не приходится, так как С. С. Айдаров пишет, что он применялся лишь в толще кладки, а в кладке облицовок и затирке полов — раствор известняковый (стр. 101). Об архитектурном декоре говорить трудно из-за сохранности здания. А прямоугольная планировка не имеет того значения, которое ей придали А. Х. Халиков и Р. Ф. Шарифуллин (это довольно распространенное явление для архитектуры всех народов мира).

Таким образом, датировка строительства караван-сарая у А. Х. Халикова и Р. Ф. Шарифуллина не может быть принята как окончательная.

У авторов статей о караван-сарае имеется расхождение в отношении назначения юго-западной пристройки здания. С. С. Айдаров с достаточным основанием отрицает возможность понимания его как мечети.

Статья Е. А. Халиковой «Билярские некрополи» посвящена изучению и публикации трех из пяти известных на городище могильников, но значение ее выходит за рамки этой задачи.

Могильники рассматриваются один за другим с разбором стратиграфических и датирующих данных для определения времени их существования и в хронологической последовательности: сначала II и III могильники X—XI вв. у внутренней системы укреплений, затем I могильник XII— начала XIII в. у внешней линии обороны города. Определив дату могильников, автор получила возможность проследить изменение черт погребального обряда в связи с распространением ислама в X—XII вв.

Билярские могильники имеют важное значение для изучения вопроса о времени и масштабах распространения мусульманства в Волжской Булгарии в целом. Следует, однако, заметить, что вряд ли можно говорить о мусульманизации в IX в. (стр. 127). С возражениями Е. А. Халиковой Б. Д. Грекову (стр. 149, 168), говорившему о появлении мусульманства в конце IX— начале X в., трудно согласиться. Думается, что мы смело можем говорить для этого времени о проникновении ислама и прежде всего, конечно, в среду феодальной верхушки и населения формирующихся городов, как об этом свидетельствуют и билярские некрополи, но вряд ли об исламизации. Этот термин подразумевает массовое распространение мусульманства, а это не согласуется с имеющимися археологическими материалами.

Другое дело — следующие века. Сравнение различных признаков обряда погребенных поздней части II и I Билярских могильников с более ранними захоронениями II и III могильников, которое проводится в статье, ярко свидетельствует о степени внедрения ислама.

Статью Е. А. Халиковой отличает обилие конкретных сведений как в таблице, так и в тексте. Это чрезвычайно важно и для последующих исследований, и для документации сделанных автором выводов.

Е. А. Халикова рассматривает могильники в связи со стратиграфией культурных напластований городища районов их размещения и вносит тем самым определенный вклад в изучение исторической топографии города. Так, изучая II Билярский могильник на XV раскопе, она стремится проследить его соотношение с культурными напластованиями не только на раскопе XV, но и на близлежащем XVI раскопе, где находится такой объект, как кирпичное здание, определяемое исследователями как караван-сарай. А так как на обоих этих раскопах вскрыты и остатки укреплений так называемого форта, то появляется возможность соотнести и их. Весьма убедительным представляется заключение Е. А. Халиковой о том, что II и III Билярские могильники, расположенные близ внутренней линии укреплений городища,

за ними, возникают за пределами города, за городской чертой до образования здесь культурного слоя. Начало образования слоя она датирует на территории II могильника у юго-восточного угла внутренних укреплений, в районе форта, второй половиной X в.— это слой коричневато-серой супеси (стр. 120), концом X — рубежом X—XI вв.— слой серой рыхлой супеси (стр. 118), а на месте III могильника у юго-западного угла укреплений — XI в. (стр. 134—136). Таким образом, городище X в. она ограничивает внутренней линией укреплений. Культурные остатки X—XI вв. за пределами этой территории, в частности на XIII раскопе, она связывает с отдельными поселениями (стр. 142).

Для датировки привлечено как содержание нижнего культурного слоя, так и стратиграфические данные.

Стратиграфические наблюдения, датировка нижнего (коричневато-серая плотная супесь) и среднего (серая рыхлая супесь) горизонтов культурного слоя на XV раскопе и в траншее I, связывающей XV и XVI раскопы (стр. 117—121), имеют значение и для датировки так называемого караван-сарая. Подытоживая свои наблюдения в отношении исторической топографии района форта, Е. А. Халикова датирует возникновение караван-сарая «второй половиной, ближе к концу X в.» (стр. 121). Но этим временем датирован нижний культурный слой коричневато-серой плотной супеси (стр. 119, 120). А горизонт строительства караван-сарая залегает в основании вышележащей серой супеси (стр. 32), который (стр. 121) датируется Е. А. Халиковой XI — первой половиной XII в.

Интересны наблюдения Е. А. Халиковой относительно укреплений Билярского городища. Строительство форта она относит к концу XII в. (стр. 117, 121), возникновение внутренней линии внешнего кольца укреплений считает предшествующей появлению I Билярского могильника XII—XIII вв., а создание наружной линии внешнего кольца ставит уже в связь с существованием этого могильника.

Из археологических статей в сборнике имеются также две статьи о керамике Билярского городища. Одна из них — о лепной и близкой к ней керамике — выполнена Н. А. Кокориной, другая — о гончарной керамике — написана студенческим коллективом кружковцев Казанского государственного университета под руководством и при непосредственном участии А. Х. Халикова.

Н. А. Кокорина разбирает две группы керамики: прикамско-приуральских истоков и салтово-маяцкого происхождения. Обработка этой керамики на материалах Билярского городища — определенный вклад в изучение многообразного керамического комплекса волжских болгар. Следующим шагом исследовательницы в изучении этой керамики должно стать выявление типологического развития в каждой из групп в связи со стратиграфическим их залеганием.

Статья о гончарной керамике, призванная дать типологическо-статистическую обработку и сделать какие-то выводы из нее, оказалась очень сырой, с большими недоработками. Не выдержана по раскопам классификационная типология по таким формам, как кружки и кринки, миски, чашки и плошки, корчаги и хумы (ср. типологию раскопов V, XVI, XVIII). Статистические таблицы по раскопкам и сводная в конце статьи имеют расхождения по классификации. Имеются также досадные несовпадения в цифрах (ср. табл. 4, 5 и 6). В сводной таблице в одних и тех же графах даны разные измерения (то количество сосудов, то проценты). Ряд форм, предложенных в иллюстративных таблицах, судя по ссылкам на них в тексте, определены неудачно.

Выводы на таком огромном материале (153 тыс. фрагментов и 13 739 реконструированных сосудов) бедны. Они ограничиваются указанием на преобладание керамики, изготовленной на ручном гончарном круге, на значительную однотипность билярской керамики на всех раскопах (стр. 209), на наличие керамики с растительной примесью в тесте, на преобладание горшковидных форм и на соотношение форм столовой посуды на некоторых раскопах (стр. 211).

Из этих выводов определенное значение имеет указание на значительную однотипность керамики на всех раскопах с преобладанием желто-красной и коричневой посуды, а также полное отсутствие красной. Однако из приведенной в статье итоговой табл. 6 следует, что об однотипности говорить довольно трудно. В графе «желто-красная» значится, что в раскопах на внутреннем городе ее 20—30% и только V ра-

скоп дает 54%; на раскопах же во внешнем городе за внутренней линией укреплений ее 50—60—70%. Во внутреннем городе несколько больше коричневой и серой. Таким образом, выявляется тенденция, которая давно подмечена в гончарстве волжских болгар, связанная с улучшением качества обжига посуды со временем, что в данном случае имеет значение для определения времени образования культурного слоя во внутреннем и внешнем городе.

Отрицание наличия красной керамики вызывает удивление. Ведь А. С. Башкиров отмечал ее в своих работах, подчеркивая темно-красный цвет [9].

В болгарской керамике примесь растительных остатков в тесте — один из признаков домонгольской посуды. С. А. Плетнева, разбирая кочевническую керамику Приазовья и Подонья I тысячелетия н. э., отмечает широкое распространение обычая подмешивать рубленую растительность в глиняное тесто в памятниках I тысячелетия н. э. и позднее в X—XI вв. [10]. Так что это отнюдь не ранний признак для разбираемых С. А. Плетневой памятников. Кроме того, употребление этой примеси в Подонье и Приазовье не определяет рамок бытования этой керамики с растительной примесью в Поволжье. Посуда с растительной примесью, особенно крышки, судя по многим памятникам, бытуют у волжских болгар на протяжении почти всего домонгольского периода. Говорить о характерности их только для X в. (стр. 209 в данной статье и стр. 45 в статье А. Х. Халикова) нельзя.

Таким образом, никаких дополнительных сведений в пользу взгляда А. Х. Халикова на Буляр как Великий город X—XIII вв., построенный в 922 г., с изначальной планировкой, включающей разделение на внутренний и внешний город, в сборнике нет. Вместе с тем статья Е. А. Халиковой и некоторые данные в других статьях подтверждают взгляды сторонников противоположной точки зрения.

Остальные статьи сборника: «Антропологические материалы из Билярских некрополей» (С. Г. Ефимовой), «Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967—1971 гг.» (А. Г. Петренко), «Состав и характеристика культурных и сорных растений Билярских полей» (В. В. Туганаева), «Растительный покров в районе Билярского городища» (Л. М. Ятайкина, В. Г. Шаландиной) и «История растительности бассейна реки Малый Черемшан» (В. Г. Шаландиной) исследуют обширный материал из раскопок путем применения специальных знаний и методики и предлагают читателю свои выводы.

С. Г. Ефимова проводит сравнительный анализ антропологических материалов билярских некрополей с материалами других памятников Волго-Камья и приходит к выводу, что можно говорить «о принадлежности к единому морфологическому типу билярской, танкеевской, митинской, серии из Мыдлань-Шая и серии черепов средневековой мордвы из Муранского могильника и о генетической связи этого типа с предшествующим антропологическим типом поселения пьяноборской культуры» (стр. 177), подтверждая тем самым аналогичный вывод М. С. Акимовой, сделанный ею в отношении Танкеевского могильника.

Этот вывод нам, археологам, надо, по-видимому, понимать как свидетельство весьма значительной роли финноязычного населения в формировании населения Буляра и Танкеевского могильника. Тогда антропологический материал не содержит данных, свидетельствующих в пользу версии об иной, не болгарской, но тюркоязычной же основе населения Волжской Булгарии, которая была высказана А. Х. Халиковым при издании материалов Больше-Тарханского могильника в совместной с В. Ф. Генингом работе «Ранние болгары на Волге» (М., 1964, стр. 162, 170, 171), к которой С. Г. Ефимова отсылает читателя.

Роль финно-угорского компонента в формировании культуры и этноса Волжской Булгарии с открытием новых памятников в последние десятилетия выявляется все сильнее. И этот вопрос требует углубленного комплексного исследования.

Обработкой больших остеологических материалов городища А. Г. Петренко введены в науку новые материалы по истории животноводства района Буляра. В статье, помещенной в сборнике, она выявляет состав стада и преобладание в нем крупного рогатого скота. Путем широких сопоставлений с материалами средневековых па-

---

[9] *А. С. Башкиров.* Ук. соч., стр. 6.

[10] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 104.

мятников Руси, Нижней Волги, Средней Азии и Монголии автор предлагает решение вопроса о происхождении крупного и мелкого рогатого скота билярского стада.

В. В. Туганаев упорно уже много лет собирает археологические находки остатков культурных и сорных растений для изучения истории сельскохозяйственных растений в крае в древности и средневековье. Его статья в данном сборнике в какой-то мере итоговая в отношении Волжской Булгарии. Он приводит сравнение полученных им сведений о культурных растениях Буляра с данными по Болгарскому городищу и, выявив отличие, объясняет это разницей почвенно-климатических условий (стр. 243). По-видимому, можно говорить о некоторой специализации различных районов Волжской Булгарии в отношении сельскохозяйственных культур. Важно и его мнение о переложной, а не паровой системе земледелия у булгар (стр. 245).

Статьи Л. М. Ятайкина и В. Г. Шаландиной на результатах спорово-пыльцевого анализа дают сведения к характеристике географической среды района Билярского городища.

В рецензируемом сборнике нашли отражение большие материалы, полученные многолетними работами Билярской экспедиции. К сожалению, характер аргументации в ряде археологических статей и степень документированности материалов не соответствуют современным научным требованиям и вызывают необходимость критического подхода, ограничивают возможность использования результатов работ другими исследователями.

Т. А. Хлебникова

Хроника

VI КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Краснодар, 1976)

26—29 марта 1976 г. в Краснодаре состоялась очередная конференция по археологии Северного Кавказа, посвященная памяти выдающегося кавказоведа Е. И. Крупнова [1].

В конференции приняли участие представители научно-исследовательских учреждений АН СССР из Москвы и Ленинграда, из Тбилиси, а также Краснодарского края, Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края, из Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Дагестанской и Калмыкской автономных республик и Юго-Осетинской автономной области.

В первый день заседания было прослушано 10 докладов. Доклад Н. В. Анфимова (Краснодар) «Общественный строй у меотов» был посвящен анализу меотского общества. Комплексное привлечение разных источников позволило докладчику сделать вывод о том, что социально-экономический строй меотов не был одинаков на разных ступенях и развивался от родо-племенной организации к территориальной общине. В целом общественный строй меотов, по мнению автора, представлял собой военную демократию.

С интересом был прослушан доклад В. И. Марковина (Москва) «Термин «средние века» в истории Северного Кавказа». Автор обратил внимание на существование терминологической несогласованности в употреблении понятия «средние века» в трудах кавказоведов и показал необходимость разработки единой периодизации Северного Кавказа.

Доклад А. Л. Нечитайло (Киев) «Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры» был посвящен осмыслению группы мелкой скульптуры III—II тысячелетия до н. э. из памятников Северного Кавказа. По мнению докладчика, эти статуэтки примитивного стиля близки типологически пластике из майкопских памятников на территории Кабардино-Балкарии, которые, возможно, были ранней исходной формой для северокавказских. Несмотря на широкий ареал находок статуэток близкого стиля, А. Л. Нечитайло настаивает на местном северокавказском производстве этих статуэток.

В. М. Котович (Махачкала) обратилась в своем докладе к более позднему сюжету — образу всадника на древних писаницах горного Дагестана. Во «всадническом» цикле она выделила разные хронологические пласты этих изображений. По мнению докладчика, изображения всадников несли и религиозно-символическую нагрузку, «олицетворяя образы мифологических и эпических героев местного раннеземледельческого населения».

Анализу калмыцкой группы катакомбной культуры был посвящен доклад У. Э. Эрдниева (Элиста) «Калмыцкая степь — центр катакомбной культуры». Докладчик высказал мнение о том, что территория Калмыкии явилась исходной для начала передвижения и расселения катакомбных племен в другие степные районы юга и на Кавказ, от Кубани до дагестанского побережья Каспийского моря и на северо-восток. в районы Заволжья, а также на север, вплоть до среднего Дона.

Доклад В. И. Козенковой (Москва) «Горные памятники восточного варианта кобанской культуры» был посвящен обзору и картографированию кобанских бронз па юге Чечено-Ингушетии и частично Дагестана и уточнению южной и юго-восточной границы ареала восточной группы кобанской культуры.

---

[1] «Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре» (тезисы докладов). М., 1976. На конференции наряду с включенными в тезисы были заслушаны также внепрограммные доклады В. Б. Ковалевской, А. В. Дмитриева и М. К. Тешева.

Доклад В. Б. Ковалевской (Москва) «Антропоморфные изображения эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе» был посвящен типологии, хронологии и ареалу так называемых «гуннских амулетов». Автор проследил их эволюцию от VI до XII в. и определил их место в аланских древностях. По мнению докладчика, эти амулеты имеют алано-болгарское происхождение. Иногда они использовались в качестве замены обряда инициаций при захоронении девочек-подростков в могилах воинов и олицетворяли загробное бракосочетание. Амулеты-всадники характеризовали дружинный культ у алан. На основе амулетов прослежена постепенная смена в идеологии алано-болгарского населения Северного Кавказа культа «Богини матери» и замена его дружинными культами.

В докладе В. Х. Тменова (Орджоникидзе) «Опыт статистического исследования оборонительных сооружений Северной Осетии» была сделана попытка обобщения и статистического анализа боевых и жилых башен горной части Северной Осетии. По мнению докладчика, подобный анализ позволяет выявить закономерности при изучении архитектурных форм горского средневекового зодчества.

Р. А. Даутова (Грозный) информировала о результатах своей поездки в 1975 г. в труднодоступные районы горной Чечни, в окрестности аула Майсты (бассейн р. Аргуна).

Интерес вызвал доклад В. Г. Котовича (Махачкала) «О кавказском происхождении биметаллических мечей с прямым перекрестием». Автор показал, что отдельные типы закавказских кинжалов конца II тысячелетия до н. э. могли быть исходными для позднее выработанного на Северном Кавказе типа биметаллических мечей и кинжалов. Такая постановка вопроса расходится с распространенным в последнее время мнением А. И. Тереножкина о происхождении биметаллических мечей и кинжалов из причерноморских степей. Докладчик решительно высказался в пользу местного кавказского происхождения этого вида оружия. По его мнению, такие мечи и кинжалы были с Северного Кавказа восприняты другими народами, в том числе и киммерийцами.

В дискуссиях по докладам приняли участие В. И. Марковин, В. Б. Ковалевская, В. Б. Виноградов, И. М. Чеченов, А. Л. Нечитайло, Л. С. Ильюков, Н. В. Анфимов, В. Г. Котович, В. И. Козенкова, В. М. Котович. В целом точки зрения докладчиков были приняты благожелательно, в ряде случаев получили поддержку. Выступавшие по докладу В. И. Марковина (В. Б. Виноградов, В. Г. Котович, У. Э. Эрдниев, В. И. Козенкова, И. М. Чеченов) единодушно высказались в пользу необходимости разработки средневековой хронологии Северного Кавказа в общей системе хронологии, принятой для других регионов. Актуальность доклада В. Г. Котовича была отмечена Н. В. Анфимовым, В. И. Козенковой, И. М. Чеченовым, поддержавшими тезис докладчика о местном, кавказском происхождении биметаллических мечей и кинжалов VIII—VII вв. до н. э. так называемого кабардино-пятигорского типа. Принявшие участие в обсуждении доклада У. Э. Эрдниева (В. И. Марковин, В. Г. Котович, А. Л. Нечитайло) призвали докладчика к большей осторожности в основном выводе и указали на излишнюю прямолинейность в постановке вопроса. При обсуждении доклада В. М. Котович были высказаны пожелания (В. Б. Ковалевская, В. И. Марковин. В. И. Козенкова), чтобы докладчик при дальнейшем исследовании наскальных изображений всадников попытался установить их хронологию, а также выявить специфику каждой группы изображений. По мнению В. Б. Ковалевской, вероятно, имело смысл более углубленно изучить экстерьерные типы лошадей и посадку всадников на изображениях, так как разновременным всадническим изображениям Евразии свойственна разная манера изображения посадки всадника. В обсуждении доклада В. И. Козенковой (В. Г. Котович, В. И. Марковин, И. М. Чеченов, В. Б. Виноградов) наряду с позитивной оценкой самого доклада прозвучали некоторые сомнения относительно возможностей представленных в докладе материалов для решения поставленной темы.

Второй день конференции был посвящен следующим 10 докладам.

С докладом об итогах раскопок второй курганной группы у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии выступил И. М. Чеченов (Нальчик). Курганы относятся в основном к позднемайкопскому времени (конец III тысячелетия до н. э.)

Доклад Г. Г. Гамбашидзе (Тбилиси) «Памятники грузинской культуры в Двалети» был посвящен результатам совместной экспедиции 1975 г. Института истории, археологии и этнографии АН ГССР и Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Целью экспедиции явилось обследование наземных памятников материальной культуры Грузии на территории Двалети. Особое внимание было уделено Нузальской часовне.

С докладом «О некоторых предметах погребального инвентаря из захоронений пятигорского варианта кобанской культуры» выступил С. Л. Дударев (Грозный). В нем были рассмотрены каменные и бронзовые цилиндрические молоты из погребений VIII—VII вв. до н. э., их типология, происхождение и атрибуция. По мнению докладчика, цилиндрические молоты не имеют прототипов в кобанской и более древних кавказских культурах и появились в Пятигорье с территории распространения срубной культуры.

С новым могильником рубежа и первых веков нашей эры познакомили участников чтений Б. М. Керефов и А. Х. Нагоев (Нальчик) в докладе «Новый памятник

сарматского времени из Кабардино-Балкарии». Захоронения, одиночные, парные и коллективные, совершены в грунтовых ямах и катакомбах. Погребальный инвентарь состоял из керамики, оружия, украшений местных кавказских типов и предметов северопричерноморского импорта. По мнению докладчиков, характер культуры могильника смешанный и имеет заметный сарматский компонент.

В. А. Петренко (Грозный) в докладе «Культура юго-восточной Чечни (Ичкерии) в сарматскую эпоху» сделал попытку обобщения накопленных за последние 10—15 лет материалов III в. до н.э.— IV в. н. э. из района междуречья Аксая — Хулхулау. Преимущественно на основе данных погребального обряда и форм погребальных сооружений и инвентаря докладчик прослеживает постепенное изменение культуры местных племен. Эти изменения он связывает с усилившимся к рубежу нашей эры влиянием сармато-аланской и позднекобанской культуры более западных районов.

Памятникам сарматского времени из Юго-Осетии было посвящено сообщение Р. Гаглоева (Цхинвали).

С интересом был выслушан доклад М. П. Абрамовой (Москва) «Некоторые вопросы аланской культуры Северного Кавказа». Основная цель доклада — рассмотрение ряда спорных положений, касающихся аланской проблемы (уточнение определения термина «аланская культура», критика метода выделения аланской культуры преимущественно по одному признаку — форме погребального сооружения — катакомбе, спорность вопроса о появлении катакомб на Северном Кавказе только вместе с сармато-аланами).

Аланской тематике более позднего времени посвятил свой доклад Г. Е. Афанасьев (Москва) «Этапы развития аланской культуры Центрального Кавказа V—VIII вв.»

Х. М. Мамаев (Грозный) в докладе «Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и Ассинского ущелий» проанализировал материалы средневековых каменных ящиков Ингушетии и выделил на основе вещевых и монетных находок хронологически разные комплексы. Докладчик пришел к выводу, что наиболее ранние из ящиков могут быть отнесены к концу X — началу XI в., а самые поздние к XIII—IV вв. Некоторые особенности погребального обряда (индивидуальность захоронений, западная ориентировка, отсутствие вещей в могиле) исследователь ставит в зависимость от распространения в X—XIII вв. в горной зоне Чечено-Ингушетии христианства.

А. В. Дмитриев (Новороссийск) познакомил участников заседания с докладом «Раннесредневековый могильник из Абрау-Дюрсо», содержавшим новые данные о великолепном погребальном памятнике IV—VIII вв. В могильнике имелись группы погребений с трупоположениями конца IV — первой половины V в. и с более поздними трупосожжениями на стороне. Особо интересны в ранней группе захоронения коней с богатой уздой и серебряными пластинками с чешуйчатым орнаментом, видимо от седла.

Кроме средневекового могильника здесь же были открыты каменные ящики эпохи раннего железа (VI—V вв. до н. э.). Памятник важен для изучения местной культуры.

В дискуссии по докладам второго дня приняли участие В. А. Петренко, В. Г. Котович, А. Л. Нечитайло, В. Б. Ковалевская, М. Х. Багаев, Г. Е. Афанасьев, А. В. Дмитриев, В. А. Кузнецов, Н. В. Анфимов, А. В. Гадло, В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, М. П. Абрамова. Выступая по докладу И. М. Чеченова и В. М. Батчаева, В. Г. Котович отметил высокий уровень методики раскопок в Кабардино-Балкарии и обратил внимание докладчиков на общее сходство одного из погребальных сооружений в Кишпекских курганах (бревенчатый сруб в катакомбе) с такими же сооружениями в Грузии и в Талыше, но значительно более раннего времени (III—II тысячелетия до н. э.). Важность раскопок в Кишпеке отметили В. И. Марковин, А. Л. Нечитайло и М. Х. Багаев. На интересную постановку вопроса о связях Северного Кавказа и Закавказья в докладе Г. Г. Гамбашидзе обратил внимание присутствовавших В. А. Кузнецов.

При обсуждении доклада С. Л. Дударева В. И. Марковин, В. Г. Котович, Н. В. Анфимов, В. И. Козенкова выразили серьезные сомнения в правильности его тезиса о появлении на Северном Кавказе молотов-жезлов цилиндрической формы из степей (через посредство киммерийцев). Все выступавшие указывали на ранние кавказские параллели исследуемым предметам. Не отрицая их сходства с белозерскими и кобяковскими, более правильно, по мнению Н. В. Анфимова, говорить о конвергентности появления такого рода предметов.

Положительно были оценены выступавшими доклады Б. М. Керефова, А. В. Дмитриева, Р. Гаглоева.

В. Г. Котович и В. И. Марковин не согласились с В. А. Петренко в том, что дагестано-нахское единство сохранялось в первые века нашей эры. По мнению В. Г. Котовича, такое единство реконструируется лишь для более раннего времени (III тысячелетие до н. э.), а в I тысячелетии н. э. говорить о его существовании вряд ли правомерно. В. И. Марковин указал на некоторые неточности в таблицах В. А. Петренко.

В обсуждении доклада М. П. Абрамовой приняли участие В. Г. Котович, В. И. Кузнецов, А. В. Гадло, В. Б. Ковалевская, В. Б. Виноградов, М. Х. Багаев, Г. Е. Афа-

насьев. Они отметили значительность и актуальность поставленной темы, ее важность в теоретическом плане, смелость постановки вопроса. Вместе с тем прозвучали и некоторые критические замечания. Так, В. Г. Котович, разделяя взгляд докладчика о наличии на Кавказе катакомб, зафиксированных в более раннее время, чем у сарматов, не согласился с М. П. Абрамовой в том, что на Кавказе невозможно отчетливо проследить культуру чисто иранского этнического компонента. По мнению В. Г. Котовича, катакомба могла прийти не от сарматов, а от массагетов, присутствие которых на Кавказе зафиксировано письменными источниками.

Тенденцию к недооценке иранского этноса в докладе М. П. Абрамовой отметили также В. А. Кузнецов и В. Б. Ковалевская. А. В. Гадло поддержал докладчика в том, что катакомбу не везде на Кавказе можно связать с сарматами, и призвал участников дискуссии внимательнее прислушаться к мнению М. П. Абрамовой. В. Б. Виноградов не согласился с основной мыслью доклада и упрекнул автора в субъективном видении фактов.

В. Б. Ковалевская и А. В. Дмитриев, положительно оценивая работу Г. Е. Афанасьева, призвали докладчика к более осторожной датировке комплексов только по монетам. Необходимо прежде всего опираться на массовые материалы. В. А. Кузнецов отметил интересный доклад Х. М. Мамаева и согласился с предложенной докладчиком передатировкой комплекса с саблей из с. Мужичи в Ассинском ущелье.

В последний день конференции были зачитаны семь докладов.

В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) посвятил свой доклад «Зороастрийское святилище огня близ г. Кисловодска» интерпретации каменного сооружения, раскопанного в 1964 г. Н. Н. Михайловым близ аланского городища «Мокрая балка». В отличие от автора раскопок докладчик по ряду признаков счел возможным интерпретировать сооружение как святилище огня.

Доклад В. М. Батчаева и И. М. Чеченова (Нальчик) «Древние курганы у сел. Чечем II» ознакомил присутствовавших с новыми материалами эпохи ранней бронзы, добытыми экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института в 1975 г. В исследованных девяти курганах обнаружены погребения и кенотафы времени майкопской и северокавказской культур.

Доклад М. К. Тешева (Туапсе) познакомил участников конференции с находками различных эпох, от камня до позднего средневековья из Туапсинского района.

Интерес вызвал доклад А. В. Дмитриева (Новороссийск) «Новые материалы VII—V вв. до н. э. из района Новороссийска». В каменных ящиках с коллективными захоронениями у пос. Большие Хутора в верховьях р. Дюрсо оказались выразительные предметы вооружения, конской узды, украшений VIII—VII вв. до н. э. Интересен и грунтовой могильник VII—VI вв. до н. э. в нефтегавани «Шесхарис». У поселков Цемдолин и Саук-Дере обнаружены новые погребальные комплексы с железным оружием скифского типа VI—IV вв. до н. э. Докладчик отнес раскопанные памятники к культуре местных племен.

С докладом «Происхождение сабель Верхнечирюртовского курганного могильника» выступил М. Г. Магомедов (Махачкала). Докладчик предположил появление у хазар грозного оружия алтайских тюрков уже в VII в. С хазарами сабля попала в другие районы Восточной Европы и в X—XI вв. появилась у алан Кавказа. А. В. Гадло и Х. Х. Биджиев (Ленинград и Черкесск) в докладе «Раскопки Хумаринского городища» рассказали о работах 1975 г. На памятнике было открыто святилище огня и частично оборонительные стены с нанесенными на них тамгообразными знаками. Докладчики предполагают болгарскую принадлежность городища.

О раскопках Бетти-Мохкского № 3 могильника V—IV вв. до н. э. рассказал в докладе «Археологические исследования в восточной части Чечено-Ингушетии» М. Х. Багаев (Грозный). Памятник отражает как самобытные черты местной культуры, так и скифо-сарматское влияние.

В прениях по докладам последнего дня приняли участие В. Б. Ковалевская, Н. В. Анфимов, Г. Е. Афанасьев, Л. С. Ильюков, А. В. Гадло, В. И. Марковин, В. Г. Котович. В связи с докладом В. А. Кузнецова возник оживленный обмен мнениями по поводу зороастризма на Северном Кавказе. Большинство выступавших приняли реконструкцию, предложенную В. А. Кузнецовым для объекта в Кисловодске (Г. Е. Афанасьев, А. В. Гадло, В. И. Марковин, В. Г. Котович), однако были высказаны и некоторые сомнения. Сооружение не имело выразительных черт и может быть принято за жилище (В. Б. Ковалевская).

Выступая по докладу, А. В. Гадло, В. Б. Ковалевская и Н. В. Анфимов указали на строительные особенности городища, отличные от аланских, и высказались в пользу особо тщательной охраны этого уникального по своей сохранности памятника.

В. Б. Ковалевская согласилась с хронологией сабель, предложенной М. Г. Магомедовым, а также с теми алтайскими параллелями, которые докладчик указал в Кудергинском могильнике. В. Г. Котович признает возможную связь появления сабель в памятниках Дагестана с тюркским этносом, но не разделяет точку зрения докладчика на хронологию первого появления этого оружия на Кавказе. В своем выступлении В. Г. Котович обратил внимание также на великолепные материалы, показанные М. Х. Багаевым. Н. В. Анфимов коснулся доклада М. К. Тешева и отметил перспективность дальнейшего исследования Туапсинского района. Высоко оце-

нивая материалы VIII—VII вв. до н. э. из раскопок А. В. Дмитриева, Н. В. Анфимов высказался в пользу их протомеотской принадлежности.

Многие участники VI Крупновских чтений высказывали пожелание, чтобы в дальнейшем конференции носили более определенную тематическую направленность. Учитывая пожелания большинства участников, решено один из дней VII Крупновских чтений посвятить проблеме древнего и средневекового города на Северном Кавказе.

Таким образом, за время заседаний VI Крупновских чтений было заслушано и обсуждено 27 докладов, посвященных важным проблемам и вопросам археологии Северного Кавказа. Как отмечалось в резолюции, принятой участниками в конце работы, «этими докладами был подведен определенный итог теоретическим и полевым исследованиям по древней и средневековой археологии Северного Кавказа, важным для освещения истории культуры, этногенетических и чисто исторических проблем».

В дни работы конференции участники VI Крупновских чтений осмотрели экспозицию и фонды Краснодарского краевого краеведческого музея, где им были показаны великолепные золотые украшения из погребений конца I тысячелетия до н. э.— первых веков нашей эры, раскопанных за последние годы на территории Краснодарского края.

Закрывая конференцию, председатель Оргкомитета Крупновских чтений доктор исторических наук В. А. Кузнецов отметил высокий научный уровень докладов, большую активность участников прений и особо подчеркнул товарищеский, корректный стиль выступлений, что в немалой степени способствовало установлению на конференции дружественного и делового тона заседаний.

В. И. Козенкова

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ «ТИПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА»

27—29 октября 1976 г. в Ленинграде проходило совещание «Типология и социальная структура древнего и средневекового города». В работе совещания приняли участие представители различных научных центров страны — Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения, Ленинградского отделения Института этнографии и Института востоковедения АН СССР, Московского и Ленинградского государственных университетов, Института археологии АН УССР, Института археологии АН УзССР, Кемеровского университета и других. Было прочитано 14 докладов, по которым в конце совещания проведена общая дискуссия.

Совещание открыла заведующая Ленинградским отделением Института археологии АН СССР Н. Н. Гурина, отметившая, что за последние годы ЛОИА АН СССР уделяет особое внимание разработке общих и теоретических вопросов археологии и что это совещание относится к числу проблемных, проводимых в последнее время в ЛОИА на всесоюзном уровне.

Во вступительном слове академик Б. Б. Пиотровский указал на важность проводимого совещания, посвященного рассмотрению города в его историческом развитии. Он отметил важность правильного определения термина «город», необходимость различения городов и поселений с развитым ремеслом, не являвшихся городами. В заключение Б. Б. Пиотровский подчернул многоплановость изучения города, которое охватывает, в частности, фортификацию, архитектуру — как гражданскую, так и религиозную — и многое другое, причем значительный интерес представляет изучение специфики идеологии города.

В докладе В. М. Массона «Типология древних городов и исторический процесс» автор отстаивает функциональный подход как наиболее перспективный для построения типологии городских поселений. При этом В. М. Массон подчеркивает, что «функциональная типология древних городов не должна осуществляться как некая абстрактная, вневременная и внеисторическая операция», а лишь как «внутриформационный анализ и исследование типологически близких обществ». Важнейшим моментом истории В. М. Массон считает формирование городов в раннеклассовых обществах, основанных на земледелии, так как именно этот процесс («городская революция») заложил экономические и культурные основы древних цивилизаций. В. М. Массон анализирует процесс образования раннего города по материалам Алтын-депе (Южная Туркмения, конец III — начало II тысячелетия до н. э.), которые свидетельствуют о том, что памятник являлся прежде всего ремесленным и идеологическим центром. Другие черты, присущие городу, остались неразвитыми.

В докладе Н. М. Шмаглия, В. П. Дудкина, К. В. Зиньковского «Некоторые вопросы социально-демографической реконструкции крупного трипольского поселка (по материалам трипольских поселений Уманьщины)» предпринята попытка осмысления новых данных о позднетрипольских поселениях Украины. Опираясь на анализ размеров и планировки различных трипольских поселений, устройства их жилищ и характера хозяйственной деятельности населения, авторы в осторожной форме ставят во-

прос о «существовании в энеолите Юго-Восточной Европы крупных населенных пунктов» различного типа.

М. П. Грязнов в своем выступлении по поводу доклада Н. М. Шмаглия, В. П. Дудкина и К. В. Зиньковского призвал более критично подходить к таким данным, как размеры жилищ и количество жилищ на поселении, для демографических и типологических построений.

Два доклада были посвящены истории городов Нового Света: доклад Ю. Е. Березкина «Городские поселения древнего Перу» и доклад В. И. Гуляева «Города-государства древних майя».

Ю. Е. Березкин, проследив развитие древнеперуанского города от I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э., подчеркнул основные этапы этого развития: поселения с хаотической застройкой, окружавшей комплекс монументальных зданий (I тысячелетие до н. э.), упорядочивание и уплотнение застройки городов к середине I тысячелетия н. э., увеличение их размеров и, наконец, появление городов, построенных единовременно, по заранее обдуманному плану. Такой ход эволюции городских поселений Перу обнаруживает, как отмечает Ю. Е. Березкин, много общих черт с аналогичным процессом, протекавшим в Старом Свете. Вместе с тем древнеперуанским городам были свойственны и свои особенности, из которых главные — слабое развитие фортификации и отсутствие самоуправления.

В. И. Гуляев в своем докладе исходит из факта формационной близости древних цивилизаций Старого и Нового Света и строит свое исследование на сопоставлении таких очагов городской культуры, как Шумер и Южная Мезоамерика (цивилизация майя). Автор, «проецируя» свет исторической традиции кануна конкисты на «темные века» истории майя и пользуясь шумерскими параллелями, делает попытку реконструкции структуры поселений майя раннего периода (I тысячелетие н. э.). Подобные ранние поселения до сих пор многими учеными не считаются городами. В. И. Гуляев доказывает, что большинство из этих поселений I тысячелетия н. э. являлось городами-государствами типа ранних городов Месопотамии. Основываясь на выявленном им превалировании политико-административной функции в структуре древних городов майя, В. И. Гуляев предлагает в определении понятия «город раннеклассового общества», которое принадлежит И. М. Дьяконову, сместить акценты и выдвинуть на первый план именно эту функцию по сравнению с другими — культовой и хозяйственной.

Принцип единства мирового исторического развития красной нитью проходит и через доклад А. Г. Лундина «Город в древней южной Аравии». Основываясь на тщательном анализе источников, автор прослеживает близкое сходство в устройстве городской организации античного общества и древнего Йемена. Сходство проявляется в наличии в городах-государствах обеих цивилизаций таких органов управления, как совет старейшин и народное собрание, в наличии развитой системы магистратур и отсутствии сословного деления внутри гражданской общины городов Йемена и полисов античного мира. По мнению А. Г. Лундина, подобные формы городской (полисной) организации возникли в обоих этих районах древнего мира одновременно и независимо друг от друга, причем сходство прослеживается не только в общем направлении эволюции, но также и в темпах последней.

И. Ш. Шифман в докладе «Развитие городской организации в древнем Переднеазиатском Средиземноморье» продемонстрировал существование устойчивых городов-государств в данном регионе на протяжении длительного отрезка времени — от середины II тысячелетия до н. э. до эпохи римского господства. Города здесь развились из соседской общины, соединив в своем устройстве черты, свойственные общине, и черты, присущие государству. Характерная особенность этих городов-государств, обладавших сложной административной структурой,— наличие в системе их управления двоевластия, т. е. власти царя и власти городских органов управления. Это городское самоуправление сохранялось в городах-государствах Переднеазиатского Средиземноморья как в начале I тысячелетия до н. э., когда здесь складывались территориальные государства, так и в эпоху эллинизма — вплоть до периода домината, окончательно его упразднившего.

В докладе И. Г. Шургая «Динамика исторического развития боспорских городов» автором выделены основные этапы существования городов Боспора и охарактеризованы их важнейшие черты. Возникшие в VI—V вв. до н. э. на местах торговых факторий. боспорские города первое время существовали как самостоятельные полисы, аналогичные по структуре полисам метрополии. Этот полисный период в истории боспорских городов длился не более 100 лет и закончился объединением городов Боспора, в силу постоянной военной угрозы со стороны варварских племен, в Боспорское царство. В рамках этого объединения боспорские города, лишенные политической самостоятельности, оставляют за собой лишь функции центров торговли и ремесла, а также переработки продуктов сельского хозяйства и рыболовства («малые» города Боспора). Но исторически наиболее важной функцией боспорских городов явилась функция распространения на местную варварскую среду передовой в то время античной культуры.

В своем докладе И. Б. Брашинский и К. К. Марченко «Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа (к проблеме городов в степной Скифии IV—III вв. до н. э.)», определяя роль этого городища в жизни населения Нижнего Подонья,

одновременно обосновывают правомерность отнесения Елизаветовки к категории городов. Важнейшими чертами, присущими Елизаветовскому поселению, авторы считают следующие: 1) Елизаветовка — центр оптовой международной и межплеменной торговли в Нижнем Подонье IV—III вв. до н. э.; 2) Елизаветовское поселение — административный центр Нижнего Подонья и северо-восточного Приазовья, резиденция родо-племенной знати; 3) убежище для жителей округи на случай военной опасности.

А. М. Хазанов поддержал определение Елизаветовского поселения как города, усомнившись лишь в том, нужно ли называть это поселение административным центром, поскольку до сих пор неясно даже, кому оно принадлежало политически.

В своем докладе «К проблеме римского города (италийский город в I в. до н. э.— I в. н. э.)» В. И. Кузищин убедительно показал, что города Италии в силу конкретных исторических условий представляли собой в указанный период «наиболее четко оформленный город — предшественник города нового времени». По своей социально-экономической специфике и внешнему облику италийские города рубежа новой эры делятся В. И. Кузищиным на несколько типов. В особый тип города — предтечу современных городов-гигантов — выделяется Рим. Как средоточие центральной власти, огромного населения и огромных денежных средств Рим обладал особым обликом, особым, напряженным ритмом жизни и, главное, специфической экономикой, обслуживающей исключительно столичное население и приобретающей, таким образом, «полупаразитический характер». Типы провинциальных городов Римского государства наиболее ярко представлены такими городами, как Помпеи и Тиферн на Тибре. Они различаются между собой по характеру управления: в первом была широко развита местная автономия, а второй во многом зависел экономически и политически от своего патрона Плиния Младшего, огромная латифундия которого находилась в окрестностях города.

Подробный анализ исторических данных позволил Г. Л. Курбатову определить основные типологические особенности и функции городов Византии («Некоторые типологические особенности византийского города»). Такими важнейшими чертами городов Византийской империи являются, во-первых, значительная аграризованность городских поселений, отсутствие четкой грани между городом и «деревней» и, во-вторых, отсутствие автономии в управлении городов, подчиненность непосредственно государственному управлению. Обе эти черты объясняются главным образом тем, что византийский город наследовал античному полису эпохи его разложения, когда пришли в упадок многие полисные институты, в том числе институт самоуправления. Конкретная обстановка формирования византийского города (в частности, постоянная военная опасность) способствовала возрастанию роли городов как административных и военных центров. Особая роль среди других городов Византии принадлежала Константинополю, который в отличие от Рима был не только центром «потребления, но и крупнейшим центром производства». Кроме того, Константинополь — административный центр более развитой государственности — своим жестким контролем он сдерживал развитие более мелких городов Византии.

А. К. Абдуллаев в сообщении «Стратиграфическая характеристика городища Канка» рассмотрел стратиграфию и динамику развития крупнейшего центра Ташкентского оазиса, где обнаружены мощные стены античного времени, ограждавшие большую территорию.

Доклад В. И. Распоповой «Согдийский город и деревня в начале VIII века» построен на материале хорошо изученного в настоящее время Пенджикента и целиком раскопанного селения Мадм, в котором выделяются слои, синхронные пенджикентским. Такое сопоставление города с одновременным ему поселением сельского типа значительно дополняет и уточняет смысл самого понятия «город» для данного времени и территории. Автор выделяет черты сходства и различия указанных поселений, сравнивает их планировку, характер застройки и устройство различных сооружений (причем оказывается, что различия более многочисленны, чем сходства) и на этом основании делает широкие выводы о специфике экономической и социальной жизни согдийского города. Основным отличием является, по мнению В. И. Распоповой, «сложная дифференциация хозяйственной и общественной жизни, которая отражалась в характере застройки».

Ю. Ф. Буряков в своем докладе «Топография и культура городов на границе с кочевыми районами» утверждает, что «не менее важным (чем исследование связей «город — сельская округа») разделом урбанархеологии Востока должно являться исследование динамики развития городской культуры на контактах земледельческих и кочевых районов». Примером такой контактной зоны служит Ташкентский оазис, число городов в котором в IX—XI вв. достигало 50. Сопоставляя древнейшие города-оазисы, города — центры земледельческих округ и города — торговые пункты с нарождающимися городами оседающих кочевников, Ю. Ф. Буряков прослеживает динамику развития городов от IV в. н. э. до IX—XI вв.— эпохи расцвета городской жизни оазиса, для которой оказывается возможным выделение нескольких типов городов: города на караванных путях, города — металлургические центры, города-крепости, города — центры сельской округи.

А. М. Беленицкий, отметив тот интерес, который был вызван обоими докладами, посвященными средневековым городам Средней Азии, выразил сожаление, что в них

не получил отражения характер материалов, использовавшихся в градостроительстве, хотя, как считает А. М. Беленицкий, это очень важный момент для решения вопросов типологии городов.

Доклад И. П. Ворониной «Урбанизация в многоукладном обществе» посвящен выявлению специфики урбанизационных процессов в молодых независимых государствах Африки. Показав на конкретном материале «отклонение модели урбанизации в современных многоукладных странах от «классических» образцов», И. П. Воронина проиллюстрировала вывод о важности качественных критериев для научной классификации городов и конкретно-исторического подхода к их анализу.

Выступая в общей дискуссии, В. И. Гуляев подчеркнул важность параллельного анализа различных очагов городского развития — африканского, американского, переднеазиатского. Г. Л. Курбатов также остановился на наличии сходства городов, относящихся к различным цивилизациям, и предложил вынести вопрос о структурном параллелизме в истории городов на особое обсуждение. В. И. Кузищин отметил важную роль совещания в очерчивании новых перспектив для исследователей.

Подводя итоги совещания, В. М. Массон выделил три группы вопросов, получивших наиболее яркое отражение в прочитанных докладах. Во-первых, это определение понятия города — вопрос, который, как показала работа совещания, наиболее удачно решается с позиций функционально-количественного подхода. Во-вторых, вопросы классификации, где ведущим оказался функционально-типологический подход. И в-третьих, рассмотрение города как особого социального и политического организма. Этот аспект изучения города является, с точки зрения В. М. Массона, наиболее важным, заслуживающим специального рассмотрения.

Н. В. Головачева

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ХАЛИКОВА

24 июня 1977 г. в расцвете творческих сил скончалась Елена Александровна Халикова, преподаватель кафедры Истории СССР Казанского государственного университета.

Е. А. Халикова (Козьмина) родилась 28 августа 1930 г. в Горьком. В 1953 г. она окончила исторический факультет Горьковского государственного университета и поступила на работу в Горьковский областной краеведческий музей научным сотрудником. Со студенческих лет Е. А. Халикова постоянно участвует в археологических экспедициях.

В 1956—1960 гг. развертывается активная деятельность Елены Александровны в составе Марийской археологической экспедиции, проводившей широкие исследования в Марийской АССР, Горьковской и Кировской областях. Она участвует в раскопках таких известных памятников, как Юнго-Кушергинская палеолитическая стоянка, поселения — Васпльсурское, Кубашевское, Галанкина Гора, Пепкинский курган, Веселовский могильник и другие. В 1957—1959 гг. она организует и возглавляет работающую и поныне археологическую экспедицию Горьковского краеведческого музея. Тогда же появляются первые публикации Елены Александровны («Материалы к древней истории Поветлужья»).

В 1960—1968 гг. Е. А. Халикова работает научным сотрудником Государственного музея Татарской АССР, где ведет большую научную работу, а также создает новую экспозицию по археологии и ранней истории Татарии, получившую высокую оценку ученых и музейных работников. С 1968 г. Елена Александровна преподает в Казанском государственном университете, где наряду с преподавательской работой заведует археологическим кабинетом. В 1968—1976 гг. она совмещает работу в университете с чтением лекций и проведением практических занятий на историко-филологическом факультете Казанского педагогического института. В это время оформляются и научные интересы Елены Александровны.

Одним из основных направлений исследовательской деятельности Е. А. Халиковой было изучение могильников и погребального обряда населения Волжской Булгарии. Ею предприняты широкие исследования Танкеевского, Тетюшского, Билярского и многих других, как доисламских, так и мусульманских могильников. Посвященная обобщению этих материалов монография Елены Александровны «Мусульманские могильники Волжской Булгарии X — начала XIII вв. как исторический источник» была защищена в 1976 г. в качестве кандидатской диссертации. В этой работе Е. А. Халикова решает два важных вопроса — время проникновения ислама на территорию Волжской Булгарии и степень распространенности этой религии.

Второе направление исследовательских интересов Е. А. Халиковой — проблема поиска легендарной «Magna Hungaria» — прародины венгров на востоке. В 1963—1970 гг., работая над материалами Танкеевского могильника, Елена Александровна обнаружила в них ряд особенностей, перекликающихся с характерными чертами материальной и духовной культуры древних венгров. Еще более отчетливо эти особенности выявились при исследованиях Больше-Тиганского могильника, определяемого Е. А. Халиковой как первый достоверно древневенгерский памятник в Прикамье. В ряде статей, опубликованных в СССР и Венгрии, а также в докладах на советско-венгерском и советско-болгарском симпозиумах, на IV Международном конгрессе финноугроведов Елена Александровна выступила с очень интересной гипотезой о локализации «Magna Hungaria» в VII—IX вв. в районах между Волгой и Уралом, южнее Камы, основанной на оригинальной интерпретации весьма значительного фактического материала. Выступления Е. А. Халиковой по этому вопросу привлекли внимание большого числа отечественных и зарубежных специалистов.

Безвременная смерть помешала талантливому исследователю продолжить свою работу в этом важнейшем направлении.

Г. А. Архипов, Е. П. Казаков, Р. Г. Кузеев,
П. Н. Старостин, А. Х. Халиков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Сб.: Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
БГУ — Башкирский государственный университет
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИНК — Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966
ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ДПК — Сб.: Друзья памятников культуры
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии. СПб.
ИАИЯЛИ — Известия Абхазского института языка, литературы и истории АН ГССР, Сухуми
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИКМ — Иркутский краеведческий музей
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь
ИМКУ — Сб.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
ИЭ — Институт этнографии АН СССР. Москва
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея
КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Ставрополь
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
Мацне — «Мацне» (Известия Академии наук ГССР). Серия истории, археологии и этнографии. Тбилиси
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ММ — Минусинский музей
МЭ — Материалы по этнографии
НСф — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане

ПАИ — Полевые археологические исследования Института истории, археологии и этнографии АН ГССР
ПГУ — Пермский государственный университет
ПИСПАЭ — Сб.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
ПС — Палестинский сборник
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РОМК — Ростовский областной краеведческий музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ССЭ — Сибирская Советская Энциклопедия. Новосибирск
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
СЭ — Советская этнография
ТАИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН ГССР им. Д. И. Гулиа
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
Уч. зап. ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл
Уч. зап. ХНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
ХМ — Херсонесский музей
ХСб.— Херсонесский сборник
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AJA — American Journal of Archaeology.
BCH — Bulletin de Correspondence Hellenique. Paris
IG — Inscriptiones Graeci. Berlin
IOSPE — V. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
JHS — Journal of Hellenic Studies. London
JOAI — Jahreshefte des Österreichischen Instituts. Wien
MDAFA — Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan. Paris
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. Cambridge
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
SIG ² — W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecorum
SMYA — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

С 1978 года в журнале «Советская археология» введен принятый в издательстве «Наука» порядок оформления библиографии.

I. Книги

1. Тереножкин А. Н. Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев,
2. Там же, с. 160.
3. Lacy A. D. Greek poitery in the bronze age. London, 1967; Montelius O. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig, 1906: idem. Die tipologische Methode. Stockholm, 1903.
4. Lacy A. D. Op. cit., p. 12.

II. Журналы и продолжающиеся издания (Труды, Ученые записки, Известия, Сообщения и т. п.)

1. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2, с. 193; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, с. 75 сл.; Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге.— КСИА АН СССР, 1963, № 96.
2. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, № 252. Серия истории искусств, вып. 29, 1958; Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
3. Kutscher G. Nordperuanische Keramik,— MO, Bd. 1. 1954. Abb. 80; Boul M. L'Art prehistorique dans les Pyrenees. Nouvell decouvert.— L'Anthropologue, 1923, t. 33, № 4, p. 441.

III. Сборники

1. Треножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 3; Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы.— Там же, с. 152.
2. Perkins A. The Relative Chronology of Mesopotamia.— In: Relative Chronologies in Old world Archeology. Chicago, 1965, p. 145.

IV. Рецензии

Черных Е. Н. Рец.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.— СА, 1976, № 3; Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.— In: East and West. Roma, 1973, vol. 23, № 1—2, p. 204, 205.

V. Авторефераты диссертаций

Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1968; Аскаров А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962.

VI. Архивные материалы

а) диссертации
Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология». Канд. дис. М., 1966. Архив ИА АН СССР, р — 2, № 1959, с. 40.

б) отчеты
Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4876.

в) отчеты за разные годы одного автора
Крушкол С. Ю. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4264, погр. 2, 4; 1970 г. р — 1, № 4310, погр. 23; 1972 г. р — 1, № 4859.

г) повторная ссылка на отчет
Крушкол С. Ю. Ук. отчет за 1970 г., с. 20.

VII. Повторное упоминание работ одного автора

1. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964; его же. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, 1958, № 64, с. 290.
2. Смирнов К. Ф. Меотский могильник..., с. 20.
3. Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10.

VIII. Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

АО — 1969, М., 1970
АИУ — 1970, Киев, 1972
АИМ — 1968, Кишинев, 1970
ОАК за 1900 г. СПБ., 1901, с. 42.

Сноски печатаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная (сквозная). Сноски печатаются через два интервала (как и текст статьи).

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

Редакция просит авторов **строго** соблюдать правила оформления статей, тщательно готовить все материалы, направляемые в редакцию, уделив особое внимание точному цитированию иностранной литературы.

Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17|X-1977 г. Т-16898 Подписано к печати 27|XII-1977 г. Тираж 3340 экз.
Зак. 2943 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,0+1 цветн. вкл. Бум. л. 10,0 Уч.-изд. л. 30,2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10